

А.П. ОКЛАДНИКОВ, А.П. ДЕРЕВЯНКО

ДАЛЕКОЕ
ПРОШЛОЕ
ПРИМОРЬЯ
И
ПРИАМУРЬЯ

90

91

04

9(с/9)

0-50

Ф10

А. П. ОКЛАДНИКОВ
А. П. ДЕРЕВЯНКО

**ДАЛЕКОЕ
ПРОШЛОЕ
ПРИМОРЬЯ
И
ПРИАМУРЬЯ**

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК
1973**

7 175
1888
24

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЦЕНТР ДРЕВНИХ КУЛЬТУР И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Археологические открытия середины XX века коренным образом изменили наши представления о карте древнего мира. Древние центры высокоразвитых культур — Египет, Месопотамия, Шань-Инь — выступают теперь не как одинокие гиганты цивилизации в мире варварства, а в конкретной сложной системе взаимосвязи и взаимозависимости с соседними народами и племенами. Оказывается, что там, где ранее предполагались пустынные территории с редкими кочевьями дикарей, процветали удивительные культуры неразгаданного величия. К ним относятся древние культуры советского Приморья и Приамурья.

К XVII веку относятся первые упоминания о древностях Дальнего Востока. В XIX веке титаны отечественного и мирового востоковедения — И. Бичурин, П. Кафаров, В. Васильев изучили огромный фактический материал древних летописей и наметили общую характеристику средневековой истории страны. Тогда же началось и исследование археологических памятников. Путешественники и врачи, писатели и краеведы с увлечением занимались поисками, исследованиями немых свидетелей исчезнувших тысячелетий. Появились описания памятников старины, были сделаны первые попытки исторических обобщений. Кроме наивных заключений любителей непрофессионалов немало было и интересных, остроумных наблюдений и выводов. Свообразной сводкой достижений за дореволюционный период явился доклад тонкого писателя и пламенного патриота своего края В. К. Арсеньева «Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии», прочитанный им в 1916 году на заседании общества русских ориенталистов в Харбине. В докладе особенно ярко выступило отстаивание археологических тылов. Средневековая эпоха, освещенная исследованиями великих русских китаистов, своей детальной периодизацией как бы противопоставлялась неразчлененному каменному веку, ушедшему в неведомые глубины истории.

Это положение коренным образом изменилось в советский период, когда изучением древностей Дальнего Востока занялись профессиональные археологи, воспитанники советской археологической школы, для которой конечной целью изысканий является историческая реконструкция прошлого во всей его сложности и многообразии. В этих исследованиях выдающуюся роль сыграл один из крупнейших советских археологов и историков А. П. Окладников. В 1935 году он, тогда еще молодой исследователь, осуществил свой первый маршрут в прошлое Приамурья, проехав на лодке от Хабаровска до Охотского моря. Огромное число памятников самых разных эпох было открыто в ходе этой разведывательной поездки, длившейся четыре месяца. В 1953 году А. П. Окладников, уже маститый ученый, доктор исторических наук, лауреат Государственной премии, продолжил исследования, возглавил Дальневосточную археологическую экспедицию.

Огромный фактический материал этой экспедиции, а также других исследований, является теперь надежным фундаментом исторических обобщений и заключений. Опы-

том такого синтеза, синтеза же формального, и живого, **порывистого**, увлекательного, и является настоящая книга. Сам характер этой книги неотделим от обложка ее авторов — А. П. Окладникова, ныне уже академика Академии наук СССР, директора Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, и одного из его многочисленных учеников — А. П. Деревянко, самого молодого доктора наук среди советских археологов.

А. П. Окладников — ученый мирового класса, заслуженно пользующийся широкой международной известностью. Характерными чертами его научной деятельности являются энергичный экспедиционный поиск и мастерство широких исторических обобщений, в которых эрудиция ученого сочетается с талантом писателя. Те, кому довелось работать в поле с А. П. Окладниковым, хорошо знают эмоциональную порывистость его разведок, создающих как бы поле высокого напряжения, увлекающих всех участников. Этот напряженный, волевой настрой, цепкий глаз, поразительная интуиция делают А. П. Окладникова одним из лучших поисковиков отечественной археологии. Недаром с его именем связано открытие сотен новых памятников, как правило, перво-классной значимости, а порою и целых культур. Об этой легкости руки маститого академика ходят завистливые легенды экспедиционного фольклора. Вот А. П. Окладников едет на большой скорости в кабине грузовика по горным дорогам Киргизии. Вдруг он требует остановить машину и бежит к обнажению, оставшемуся уже в нескольких сотнях метрах позади, а когда возвращается — в его руках грубое галечное орудие, до сих пор остающееся одной из древнейших находок такого рода в Средней Азии.

За юношеской энергией и подвижностью А. П. Окладникова скрываются воля, целеустремленность и незаметная на первый взгляд собранность, ставящая его в ряды видных организаторов науки. Он возглавлял десятки крупных многоотрядных экспедиций как отечественных, так и международных, прошел тысячи километров по просторам советской Азии. А. П. Окладников представляет собой тип археологического землепроходца, ставящего лагерные палатки на оледенелых берегах Северного Ледовитого океана или пробирающегося многомесячным лодочным маршрутом по таежным рекам. Трудами А. П. Окладникова, его сотрудников и учеников подарены науке десятки затерянных городов, древних стойбищ, величественных некрополей, воссоздана древняя история отдельных областей и стран. Свидетельство этому — множество книг, в том числе и настоящая книга.

Приморье и Приамурье образовывали в древности и средневековье важный узел различных исторических процессов Азиатского материка. В свете последних археологических открытий с полным правом можно говорить об особом, дальневосточном центре древних культур, судьбы которого с яркостью документального кинофильма разворачиваются перед читателем на страницах этой книги. В ней живость изложения сочетается с обилием фактического материала, в значительной мере недавно открытого и сверкающего всей свежестью неистертых граней новизны. Это и результаты раскопок авторов в Приморье и Приамурье, и данные, полученные советско-монгольской экспедицией, и многое другое. А. П. Окладников и А. П. Деревянко осуществили исторический синтез этой лавины новых данных и материалов, провели исследование экономических, социальных и этнических процессов древности, определили место изучаемого региона в системе культур и цивилизаций Восточной Азии.

Необходимо отметить три большие исторические проблемы, каждая из которых по существу представляет целый комплекс проблем, встающих при исследовании материалов Приморья и Приамурья. Во-первых, это вопрос о древнейшем заселении этого района человеком, связанный с проблемой заселения Нового Света. И здесь талант удачливого поисковика А. П. Окладникова проявился в полной мере — им открыто местонахождение палеолитических орудий в бассейне Зеи, у селения Филимошки, где были найдены также грубые галечные орудия, архаичные по форме и примитивные по обработке. С течением времени число таких находок увеличилось. А. П. Окладников и А. П. Деревянко уделяют много внимания геологическому и археологическому обос-

нованию нижнепалеолитического возраста этих находок. Новые археологические открытия в Африке показывают, что галечные орудия были основными инструментами первобытного человека, возраст которого удревняется теперь до 2 000 000 лет. Исследуя огромный фактический материал, авторы книги намечают интересную картину жизни первых людей на Азиатском материке. При этом оказывается, что районы советского Дальнего Востока были очень рано освоены нашими далекими предками. Расселяясь на север от мест первоначального обитания, попадая в более суровые природные условия, древний человек приспособивался к изменяющейся экологии, вырабатывал особые формы быта и хозяйственной деятельности в ответ на вызов, который ему бросала негостеприимная природа. Если выдвигаемое авторами книги вполне вероятное положение о заселении древним человеком юга Дальнего Востока уже 300—200 тыс. лет тому назад полностью подтвердится, мы будем иметь дело с одним из древнейших очагов культуры на территории СССР. Очень важна и интересна намечаемая авторами картина дальнейшего развития культуры палеолитического человека на Дальнем Востоке. С ее установлением тесно связан вопрос о времени и характере заселения как близлежащих Японских островов и Сахалина, так и отдаленных районов Северной Америки. Новые работы убедительно показывают своеобразный путь развития палеолитических культур обоих регионов уже после освоения их человеком, что, однако, отнюдь не снимает, а, наоборот, ставит с большей остротой вопрос о палеолитических первопроходцах.

Вторая проблема — это вопрос о высоком уровне развития неолитических культур, хозяйственная база которых, казалось бы, оставалась в рамках привычного и традиционного архаизма — рыболовства, охоты и собирательства. Генеральный путь прогрессивного развития через такие способы производства продуктов питания, как земледелие и скотоводство, не исключает высоких достижений и на иной экономической базе. Работы Дальневосточной экспедиции по изучению оседлых неолитических поселений Приморья и Приамурья, замечательные открытия, сделанные в Японии, ставят этот вопрос с большой остротой. Оказывается, что творческая энергия, поиск и инициатива, наблюдаемые здесь на материалах древних культур, порою не намного уступают достижениям, наблюдаемым в поясе оседлоземледельческих культур. Корни этого следует искать в экономической базе, в хозяйственной деятельности древних племен, разработавших оптимальные формы эксплуатации различных природных зон. Если на Крайнем Севере охотничье-рыболовной зоны Азии мы видим охотника с копьем, промышленного лосей и северных оленей, то при продвижении на юг его постепенно сменяют рыболов, любитель устриц и собиратель плодов.

Материалы, характеризующие неолитические культуры Нижнего Амура и Приморья, ярко рисуют картину устойчивой оседлости, относительного благосостояния и прогресса. Крупные поселения, состоявшие из целого ряда жилых и хозяйственных капитально построенных полужемлянок, располагаются в устьях рек и около больших заливов. Их контраст с бедными временными стойбищами бродячих охотников сразу бросается в глаза. Даже глиняная посуда здесь рассчитана на новый быт. Она имеет ровное плоское дно, в отличие от остродонных и круглодонных горшков таежных охотников, наспех закрепляемых в рыхлой земле или среди камней временного очага. Отличается глиняная посуда и щедрым богатством орнаментации, указывающим на высокий уровень прикладного искусства. Особенно эффектны вычурные маски человеческих лиц, выполненные углубленным орнаментом на красном фоне. Кстати, изображения этих масок на крупном цветном плакате советской археологической выставки, побывали в большинстве столиц континентальной Европы. Оказалось, что древние керамисты Нижнего Амура мало в чем уступали современному виртуозам броской рекламы.

Высокий уровень неолитических культур связан с развитием экономики. На Нижнем Амуре основой хозяйства был коллективный сезонный лов рыбы, обеспечивающий притягиваемую общину на длительный срок. В Приморье природные условия способствовали развитию еще одной отрасли хозяйства — собирательству. Недаром на древних

поселениях встречены терочные камни и обугленные кедровые орехи, а вдоль побережья то и дело попадаются так называемые раковинные кучи — скопления мусорных остатков и в первую очередь раковин моллюсков. Эти дары моря были надежной основой развития и прогресса. В советском Приморье проявляется длинная цепь оседлых культур, носители которых начали еще в неолитическую эпоху интенсивное использование пищевых ресурсов Мирового океана. Именно высокоспециализированные формы эксплуатации природной среды были основой устойчивого благополучия. Рыболовство и собирательство, ориентированные как на дары моря, так и на сухопутную флору, давали высокий экономический эффект. Так, в пищу жителей неолитической Японии шло 36 видов пресноводных и морских рыб. В раковинных кучах той же Японии встречаются 222 вида ракушек и моллюсков и 59 видов растений, из которых каштаны, орехи и желуди разнообразили диету древних рыбаков.

Оседлый быт, обеспеченность продуктами питания были основой роста благосостояния, расцвета искусства в среде оседлых рыбаков и собирателей. Этнографические материалы северо-западной Америки показывают, что прибавочный продукт, получаемый в подобной экономической системе, был достаточен для начала разложения первобытнообщинного строя и формирования классовых отношений. А в позднеолитической Японии мы даже наблюдаем процесс отделения ремесла, но не от земледелия, как в большинстве привычных политэкономических схем, а от рыболовства и собирательства. Недаром в условиях большого значения рыбной и растительной пищи, нуждавшейся в варке, на Японских островах в X тысячелетии до н. э. — раньше, чем где-либо на земном шаре, — появляется первая глиняная посуда. Таежный охотник мог довольствоваться наспех приготовленным шашлыком или запасами копченого и вяленого мяса, но прибрежный рыбак проявил себя более требовательным гурманом. В Японии развивается культ плодородия с характерными глиняными фигурками крупобедрых женщин, связанным в подавляющем большинстве археологическим комплексом с культурами раннеземледельческого типа. Разумеется, исходя из этих фактов, нет оснований для пересмотра существующей концепции происхождения цивилизации, базирующихся главным образом на культурах оседлого земледелия. Новые данные дают основания для изучения генерального единства в конкретном многообразии исторической действительности. В этом отношении изучение культур неолитических пионеров цивилизации в бассейне Японского моря имеет первостепенное значение.

Оседлые рыбаки и собиратели Приморья и Нижнего Амура не достигли в неолите уровня развития хозяйства индейцев Северо-западной Америки. У них как дополнение к традиционным формам хозяйственной деятельности появляется земледелие, и вся экономика приобретает комплексный характер. Бесспорно, оседлый быт способствовал распространению земледелия. Специализированное собирательство также благоприятствовало накоплению агротехнических навыков. Однако время и характер появления земледелия требуют каждый раз тщательного исследования и обоснования. Наиболее надежным критерием являются находки самих зерен возделываемых культур на Дальнем Востоке, в первую очередь проса. Терочные камни, обычно именуемые археологами зернотерками, длительное время могли применяться, как это было в Японии, для обработки растительных продуктов естественного произрастания.

Наконец, третья проблема связана с вопросом о формировании цивилизации в собственном смысле этого слова, то есть классового общества и государства. В I тысячелетии до н. э. племена Приморья и Приамурья уже были полностью оседлыми земледельцами, широко использующими железные орудия труда и предметы вооружения. Это был важнейший скачок в развитии производительных сил. Как писал Ф. Энгельс «все культурные народы переживают свою героическую эпоху — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора». Именно с помощью железного топора древние племена Дальнего Востока могли начать в широких масштабах расчистку таежных зарослей под посевы и строительство. Плуг с железным лемехом с запряженным конем в несколько раз повышал эффективность земледельческого труда. Недаром в это

время начинается освоение районов с плодородными и легко используемыми землями. На этой основе усиливается процесс социального расслоения общества — в V—VI веках до н. э., по свидетельству письменных источников, в местном обществе выделяется прослойка «богатых людей», распространяется домашнее рабство, а племенные вожди приобретают все большую силу и независимость, противопоставляющие их рядовым соплеменникам. Недаром те же китайские летописцы постоянно сетуют на вторжение воинственных соседей с северо-востока — все это способствовало возрастанию роли удачливых военных предводителей, окруженных преданной дружиной. Завершением этих процессов явилось образование в VII—X веках н. э. государственного объединения Бохай, в рамках которого родоплеменное деление сменяется административной организацией с делением страны на округа, префектуры и уезды. Центрами округов становятся крупные поселения городского типа. К ним относятся, например, городище на месте г. Уссурийска, с мощными укреплениями, остатками монументальных строений с каменными колоннами и фигурной черепицей. Остатки монументального буддийского храма открыты и в долине реки Кроуновки. Эти величественные строения, требовавшие большого труда и затрат, были своего рода престижными стройками молодого государства, своего рода земным утверждением его силы и величия, подобно шумерским зиккуратам или египетским пирамидам. В этой связи особый интерес представляет распространение в Бохайском государстве буддизма. Как идеология, сложившаяся в условиях раннеклассового общества и городской культуры, буддизм, видимо, наиболее подходил для правящего класса молодого государства. Особенно благоприятную почву для своего распространения буддизм нашел в Японии в IV—VII веках н. э., когда там происходил процесс формирования местной государственности. Во всяком случае, изучение роли городов, городской культуры, городской идеологии в формировании ранних классовых обществ и государств имеет первостепенное значение. Конкретная культурная или этническая окраска этих явлений каждый раз, в том числе и в государстве Бохай, имеет свою специфику, что, однако, лишь подчеркивает общий детерминизм исторического процесса.

Множество других важнейших вопросов и проблем затронуто в книге А. П. Окладникова и А. П. Деревянко, где научный поиск и смелые гипотезы представляют собой одни из интереснейших страниц. В определенном смысле труд этот представляет собой итог полуторавековых изысканий в области истории и археологии Дальнего Востока. Но по самому творческому духу всего исследования последнее не закрывает печатью непогрешимого авторитета проблемы и загадки прошлого, а открывает пути их решения и дальнейшей разработки. Вновь и вновь будут наступать полевые сезоны разведок, раскопок и открытий, и все новые стороны жизни и быта древних людей будут еписьюаться в сокровищницу мировой истории. Таков наступательный дух советской исторической науки, таков характер энергичного дарования авторов книги.

В. М. МАССОЙ,
доктор исторических наук.

ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Освоение Сибири в XVI—XVII веках осуществляли простые русские люди — казачья вольница, беглые крестьяне, промышленные люди, растекающиеся по необъятным сибирским просторам вплоть до Ледовитого океана на севере и Тихого океана — на востоке. «Русский народ, — писал А. М. Горький, — без помощи государства присоединил к Москве огромную Сибирь руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он в лице Дежнева и Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы на свой счет, на свой страх».

Наблюдения казаков и служилых людей за жизнью народов Дальнего Востока в семнадцатом столетии имеют для археологии края особое значение, так как им довелось увидеть в «живом состоянии» даурскую и дючерскую культуры, остатки которых в результате бурных исторических событий последующего времени сохранились только в ископаемом, археологическом виде и составляют сейчас одну из наиболее распространенных групп археологических памятников Амурского края. Очень важно и то, что дошедшие до нас этнографические наблюдения, относящиеся к семнадцатому столетию, позволяют глубже понять и более отдаленное прошлое народов Амура — хозяйство, образ жизни и культуры людей раннего и железного и даже каменного веков.

Пионеры освоения Дальнего Востока оставили нам не только этнографические данные. Они были и первыми из тех, кто обратил внимание на археологические древности Дальнего Востока.

Уже в первых известиях из далекой и неведомой страны за «Каменным поясом» встречаются сведения о развалинах городов и могилах, оставленных древними обитателями Сибири.

Среди сибирских памятников древности, привлекавших к себе внимание русских людей, оказались и археологические остатки на Дальнем Востоке.

Выдающийся русский ученый конца XVII и начала XVIII века Семен Ульянова Ремезов 1 января 1701 года закончил в Тобольске монументальный географический труд, обессмертивший его имя, — «Чертежную книгу Сибири». Среди многочисленных сведений, которыми насыщены листы ремезовского атласа, имеется одна, необычная и загадочная по содержанию надпись. На сводном чертеже «Всех сибирских градов и земель» в устье Амура обозначено: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал и колокол оставил». Около надписи дано условное изображение города с башнями и того самого колокола, о котором рассказывает надпись[1].

Как оказалось, эти сведения относятся к знаменитому Тырскому утесу. На Тыре зимой 1655—1656 года побывали русские казаки. Они увидели здесь развалины древнего храма, нашли памятники с надписями на четырех языках. Спустя 20 лет они рассказали о своем открытии известному русскому путешественнику и дипломату XVII века Н. Спафарию, который записал это известие, попавшее затем в «Чертежную книгу Ремезова»[2].

Прошло два столетия после походов русских землепроходцев, и в бассейне Амура начинают работать научные экспедиции. Одним из первых русских исследователей, обративших внимание на древности Дальнего Востока, был академик А. Ф. Миддендорф. В 1842 году он был назначен руководителем экспедиции по Сибири. Перед экспедицией Академия наук поставила две задачи: исследование крайнего северо-востока Сибири — Таймыра и юго-востока — бассейна Амура.

После исследования Таймыра в 1842 году А. Ф. Миддендорф направился через Енисейск и Иркутск в Якутск и на Шантарские острова в Охотском море. Отсюда на байдарке А. Ф. Миддендорф вышел к устью реки Тугура и переправился через неприступные горы Станового хребта к реке Бурея. Повернув затем к северу, на реку Селемджу, он по притокам Ману и Норе вышел на реку Дугду. Далее по рекам Тукси, Дэп-и Секек Миддендорф достиг Гилюя и через притоки Гилюя к 26 января 1846 года добрался в Усть-Стрелочный караул.

Экспедиция проходила по Амурскому краю в условиях полного бездорожья, по быстрым порожистым рекам и зачастую без проводников. Это был настоящий подвиг во имя науки. Результатом этого путешествия, впервые охватившего обширную и совершенно не исследованную область, явился много томный труд ^[1], над которым А. Ф. Миддендорф работал более 20 лет.

В его «Путешествии на север и восток Сибири» наряду с описанием флоры и фауны северо-восточной части Сибири и Дальнего Востока много ярких страниц посвящено быту, хозяйственному укладу якутов и тунгусо-маньчжурских народов. Не оставил Миддендорф без внимания и археологические памятники. Им отмечено большое укрепленное поселение в устье реки Урки. В устье реки Ольдя и на островах по Амуру Миддендорфом обнаружены следы паханных гряд, оставленных древними обитателями этого края. Средневековые археологические памятники обнаружены им также в устье реки Уричи (Уруша), на реке Горной и в некоторых других местах.

Через десять лет после путешествия А. Ф. Миддендорфа Сибирский отдел Русского географического общества отправил на Амур географа и натуралиста Р. К. Маака. В течение 1855—1856 годов Р. К. Маак совершил путешествие по Амуру от Усть-Стрелочного караула до Мариинска и обратно, составившее в целом около 5200 километров. На материалах экспедиции им написана большая монография, в которой даны подробные сведения о растительном и животном мире, о климате этой территории ^[1].

Р. К. Мааку принадлежит первое описание жилищ и быта некоторых народностей, населяющих берега Амура, — маньчжуров (этнографическая группа звенов), ульчей (у Маака — мангунов), нанайцев (у Маака — гольдов). В «Атласе к путешествию на Амур» он дал превосходные рисунки из жизни и быта маньчжуров, нанайцев, ульчей. Р. К. Маак обратил также внимание на археологические памятники долины реки Амура: описал следы дороги, ведущей от устья реки Уруши к Зее; составил план остатков албазипского укрепления ^[1] и его краткое описание; обнаружил на острове в устье реки Кумары остатки валов и рвы. По его предположению, здесь должен был находиться Кумарский острог — русское укрепление, существовавшее на Амуре в XVII веке. Неподалеку от устья реки Усури Р. К. Маак осмотрел большое укрепление. «На вершине выступа мы... нашли остатки четырехугольного укрепления, которого две стены воздвигались прямо над отвесною стороною выступа, обращенного к реке, а две другие стены были обнесены валом и рвами, и в одной из них, посредине находилось свободное пространство, которое, по-видимому, служило входом в укрепление: внутренность его напоминала Албазинское, но была обширнее: столетние дубы, выросшие во рвах и внутри укрепления, ясно указывали на его древность» ^[1].

Позднее Р. К. Маак посетил Усурийский край, где также отметил несколько археологических памятников, в том числе и наскальные рисунки долины реки Усури. «Мы видим, — говорится в его дневнике, — на берегу целый ряд обнажений, которые носят название Ньюрце».

На этих обнажениях «часто встречаются высеченные в твердых частях горной»

породы различные изображения людей и животных. Здесь, между прочим, я видел изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся; также очерк человеческого лица с лучами, исходящими от него по всем направлениям, высеченный в весьма грубых и неполных очертаниях. Об этих исторических памятниках не осталось, однако же, никаких преданий между тамошними природными жителями, которых мне случалось расспрашивать, но, судя по нынешнему состоянию изображений, можно отнести их к временам, весьма отдаленным, потому что, хотя они и высечены в твердой горной породе, однако же от атмосферного влияния стали неясны, а некоторые фигуры так изгладились, что трудно даже заметить их»^[6].

Краткое описание остатков нескольких укрепленных поселений имеется у писателя и этнографа С. В. Максимова, проезжавшего по Амуру в 1860—1861 годах [7].

Такие частные наблюдения путешественников и исследователей пробудили специальный интерес к археологии Дальнего Востока и положили начало систематическому «обиранию сведений о его древностях. Делаются первые попытки использовать их как источники для восстановления далекого прошлого края, для понимания исторических •судб его населения.

Первоначально внимание исследователей привлекали монументальные памятники средневекового прошлого: укрепленные поселения — городища, каменные изваяния, изображающие людей и животных, древние дороги и другие остатки высокой культуры бохайского и чжурчжэньского времени. Однако уже в 60-х годах появляется интерес и к менее выразительным памятникам древнейшей культуры, к остаткам деятельности человека, пользовавшегося каменными орудиями. Замечательный исследователь Сибири, выдающийся географ и геолог того времени Иннокентий Александрович Лопатин, осуществил ряд экспедиций в Восточную Сибирь и на Дальний Восток^[8].

Во время своих исследований на Дальнем Востоке И. А. Лопатин с характерной для него тщательностью всюду собирал сведения о различных древностях, в том числе о древних землянках и каменных орудиях. Так, будучи на острове Сахалин в шестидесятых годах, он открыл и описал огромное древнее селище у села Тарайки, состоявшее из множества ям, «представляющих остатки землянок, имевших до 2 сажень в квадрате и менее, и ныне совершенно обвалившихся». Там же оказались обломки глиняной посуды и каменные топоры, напомнившие ему «датские, изображенные у Леббока». И. А. Лопатин записал местные предания о «народе тойзи», который некогда населял эти места, а потом ушел на север». «Тойзи», по словам айнов, жили в этих древних землянках. Тунгусы же считали, что в землянках скрывались когда-то айны во время междоусобных войн. И. А. Лопатин, однако, отметил, что «местные жители знали только глиняную посуду, находимую в ямах, и вовсе не знали каменных орудий; стало быть, даже предание о каменных орудиях утратилось у них, что заставляет думать, что эти орудия относятся к более древнему периоду, чем камчатские каменные стрелы, найденные завоевателями Сибири у тамошних иноро[дцев]»^[9].

И. А. Лопатин собрал также в специальной большой рукописи сведения о 49 различных археологических памятниках в Приморье, по Уссури и на Сахалине^[10]. Сведения эти были большей частью результатом его собственных наблюдений, а отчасти получены от других лиц.

Среди памятников, отмеченных в рукописи, были впервые описаны остатки поселения с раковинными кучами на территории Приморья. По словам Лопатина, местный предприниматель Кунст сообщил ему, что весной 1868 года в канаве, заложенной на оконечности полуострова, разделяющего бухты Экспедиция и Новгородская, «был обнаружен слой полуистлевших раковин, песка и камней». В этом слое вместе с раковинами находились обломки глиняных сосудов, сделанных «из очень грубой глины». Сосуды были двух форм: «первая форма подобная низкому бокалу, вторая вроде обломанного днища от русского горшка». Кунст сказал также, что вместе с обломками глиняных сосудов оказались каменные топоры.

И. А. Лопатин зарисовал в своей рукописи найденные в бухте Новгородской «образцы керамики из раковинных куч: кубковидный биконический сосудик и нижнюю часть сосуда с узким плоским дном». Это были первые в истории нашей дальневосточной археологии зарисовки предметов, относящихся к столь отдаленному прошлому.

4/Л. А. Лопатин первым из исследователей приводит сведения о местонахождении большого средневекового городища у нынешнего села Новолетровки в Амурской области. «На Амуре, у устья реки Сычевой (Дуайка) в 120 верстах ниже Благовещенска, — писал он, — есть целая система древних укреплений, тождественных с Никольским, что на р. Раздольной... что даже самая станица стоит на укреплении. Казаками было найдено такое же металлическое зеркало, но только в $\frac{1}{2}$ аршина в диаметре,!» отослано в Иркутск».

В «Сведениях о 49 древних урочищах» И. А. Лопатин упоминает также о городище на «Горе-Шапка» у села Поярково, укреплениях между селами Бибиково и Екатерининским, у села Маркове и о других древних памятниках Приамурья и Приморья.

Сводная работа об археологических памятниках Амурского края была закончена М. А. Лопатыным в 1870 году и отослана в Археологическую комиссию. В сопроводительном письме было сказано, что она направляется с тем, чтобы Археологическая комиссия сделала из нее употребление, какое она «почтет приличным». Не ограничиваясь описанием археологических памятников Дальнего Востока, И. А. Лопатин приложил к рукописи также и рисунки каменных скульптур, изображавших людей и животных, в том числе изваяние черепахи и находившейся прежде на ее спине каменной плиты-стелы. Зарисованы были И. А. Лопатыным и такие архитектурные детали, как базы колонн. Эти первые зарисовки и чертежи археологических остатков были выполнены с большой тщательностью. На них указаны размеры статуй и других памятников. Точно переданы наиболее существенные детали.

Графические материалы Лопатина особенно ценны тем, что дают представление о погибших или изуродованных памятниках. Так, например, на рисунках Лопатина у одной из статуй видна голова, впоследствии отбитая и утраченная. Как оказалось, в 1887 году эти статуи «долгое время служили для подпорки балок деревянного дома и... у них отбиты головы, а туловища разбиты пополам».

•Древности Приморья заинтересовали и Н. М. Пржевальского. Сильная, с детства взлелеянная страсть к путешествию привела его в 1868 году на Амур, а затем в долину Усури, на озеро Ханка и к берегам Тихого океана. Около деревни Никольской он увидел и описал поразившие его остатки двух земляных укреплений и «обделанные камни» — древние изваяния. «В глубоком раздумьи бродил я, — писал Пржевальский, — по валам укреплений, поросших кустарником и густой травой, на которой спокойно паслись крестьянские коровы. Невольно тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий чело-век посещал через каждые пятьсот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса, и горы и всякий раз на свой вопрос таолучал один и тот же ответ, что так было от начала веков»[¹].

Глубокий интерес в 60—70 годах XIX века вызвали древности Дальнего Востока и у известного исследователя азиатской части России М. И. Венюкова, а также астронома Гамова, горного инженера Н. Аносова, П. А. Кропоткина, А. Будищева, П. Гельмерсена, И. Баголюбовского и многих других.

Этот интерес к древностям Приморья и вообще Дальнего Востока поддерживался и укреплялся трудами таких выдающихся русских востоковедов, как Н. Бичурин, П. Кафаров, В. Горский.

В 1828 году появляется капитальная работа Н. Я. Бичурина «Записки о Монголии», в которой были собраны обширные материалы, касающиеся не только истории самих монголов, но и их отношений с соседними странами и народами. Спустя год выходит новое фундаментальное сочинение Бичурина — «История первых четырех ханов из дома Чингисова», содержащая переводы из летописи монгольской династии Юань-Ши и из «Тун-цзян-ганму». В «Истории первых четырех ханов» были собраны драгоцен-

ные для истории Дальнего Востока сведения о взаимоотношениях монголов с чжурчжэнями и о падении Цзиньской империи. В том же 1829 году выходит в свет «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», в 1833 году — «История Тибета и Кукунора с 2282 года до Р. Х. по 1227 год по Р. Х.», спустя несколько лет, в 1842 году, — «Статистическое описание Китайской империи» и, наконец, в 1851 году — знаменитое в истории востоковедения «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В «Собрании сведений» приводились извлеченные из китайских летописей тексты, рассказывающие о народах русского и зарубежного Дальнего Востока.

Благодаря работам Бичурина исследователям Дальнего Востока впервые стали известны не только имена древних илоу и мохэ, населяющих некогда Приморье и Приамурье, но и конкретные факты прошлого, характерные черты их образа жизни и быта.

После издания «Собрания сведений» стало ясно, что история народов Дальнего Востока может быть представлена в общих чертах с III века до н. э.

Прояснился вопрос о взаимоотношениях народов Дальнего Востока между собой и с соседними народами Центральной Азии и Восточной Сибири.

В других трудах Бичурина нашло освещение и то грозное для народов Дальнего Востока время, которое началось с возникновением монгольской мировой империи Чингисхана.

«Собрание сведений» ЯЕИЛОСЬ, однако, последней работой Н. Я. Бичурина, который умер в 1853 году. После его смерти в нашей исторической науке остался огромный пробел, касающийся истории Дальнего Востока в период между падением Бохая в X веке и гибелью чжурчжэньского государства. Осталось также неизученным время с XIII до XVII—XVIII веков, когда на Дальнем Востоке впервые появляются русские. Это объясняется прежде всего тем, что с падением могущественной Таиской империи, когда централизованное китайское государство достигает зенита своей славы, Китай распадается на части. Китай в то время, по словам В. П. Васильева, «...не мог даже получить сведений о тамошних событиях. Север был заслонен от него двумя государствами, владевшими частью Китая, и выдающимся более или менее в Монголию царством Ся, главным центром которого был Ордос, и царством киданей, владевших от него на восток до самого океана».

В 1852 году появилась работа В. Горского «О начале и первых делах маньчжурского дома», в которой впервые в русской научной литературе был дан общий обзор древней и средневековой истории Маньчжурии. Но работа Горского была не более чем общим очерком и простым вступлением к истории маньчжурской династии, основанной Нурхаши.

Исследованием истории восточной части Средней Азии, то есть Маньчжурии, Монголии и Северного Китая в период X—XII веков занялся В. П. Васильев, который решил осветить самый тяжелый период в истории маньчжуров — время между разгромом Чжурчжэньской и Сунской империй монголами и образованием нового маньчжурского государства под главенством Цинской династии в XVII веке.

Отказавшись от прямого дословного перевода китайских династийных летописей и специальных историй киданей и чжурчжэней, Васильев, в отличие от Бичурина, дал в приложении к основному тексту своей работы переводы сочинений частных лиц: записку о монголо-татарах (Мэн-да-бэй-лу), написанную китайцем Мэн Хуном, современником Чингисхана; «Известия о чжурчжэнях» (Цзиньчжи), написанные сунским писателем Юйвэнь Мяо-чжао, автором «Истории великого Цзиньского государства», составленной в момент падения Цзиньской империи в 1234 году; «Известия о киданях» (Цидань-го чжи) и «Истории киданей» (Ляоши).

В «Истории и древностях восточной части Средней Азии» было впервые дано ясное и детальное представление о киданях и чжурчжэнях, о ходе событий с X по XIII век: а государствах Ляо и Цзянь, а также об их отношениях с китайцами. В. П. Васильев!

осветил также и историю маньчжуров в не изученное до этого время юаньской и минской династий^[12]. Но Васильев не уделил внимания истории областей Восточной Азии, которые вошли в состав Русского государства, а в прошлом составлявшие часть государства чжурчженей.

А между тем русскую науку интересовали прежде всего Приморье и Приамурье. Поэтому специальное изучение средневековой истории этой территории привлекло внимание третьего выдающегося русского китаевода Палладия Кафарова.

В 1870 году П. Кафаров предпринимает большое путешествие от Пекина через Маньчжурию до Благовещенска и далее до Хабаровска и Южно-Уссурийского края. Записи, сделанные П. Кафаровым во время путешествия до Благовещенска, были в свое время опубликованы^[13]. Что касается дорожных заметок от Благовещенска до Хабаровска, то они остались в полевых дневниках, где имеется много ценных указаний: «! относительно расселения племен, населявших эту территорию в далеком прошлом. Много страниц посвящено также средневековой истории народов русского Дальнего Востока. П. Кафаров одним из первых упоминает о средневековом укреплении под названием «Шапка», у села Поярково^[14]. Особенно большой вклад внес П. Кафаров в разработку вопросов, касающихся средневековой истории Приморья. Он поставил своей целью осветить историю Приморья не только на основе письменных источников, но и археологических памятников. П. Кафаров пытался определить местонахождение древних укреплений и городов, выяснить их название, историческую и этническую принадлежность. Особенно важное значение он придавал монетам, с помощью которых можно было не только датировать археологические памятники, но которые помогли более или менее конкретизировать ход исторических событий.

В 1870—1872 годах П. Кафаров по поручению Русского географического общества едет в Приморье, чтобы на месте ознакомиться с древностями этого края, связать их с летописями и историческими источниками.

Подводя итог своим наблюдениям, Палладий Кафаров в сентябре 1870 года писал, что продолжает жить «...в селе Никольском без значительных следов древности... В настоящее время по соображению исторических данных и сличению их с местностью я положительно убедился, что древние остатки, рассеянные по Южно-Уссурийскому краю, относятся главным образом ко времени господства дама Боосай „в Маньчжур-Рии»^[15].

Кроме Никольского, Кафаров побывал и в других местах, где провел новые этнографические и археологические наблюдения. Будучи во Владивостоке, П. Кафаров нашел в 1870 году в заливе Дундас следы приморского укрепления бохайцев. В 1871 году он посетил пост Новгородский, бухту Ольга, обследовал бухту Находка, осмотрел широко известное в Приморье древнее городище в долине р. Партизанской.

Кроме средневековых памятников, Кафаров с особым интересом искал следы памятников добохайского периода, в том числе каменные орудия. В 1870 году он с огорчением писал по этому поводу: «Но до сих пор мне «е удалось найти ни каменных острый стрел, ни круглых оков, ни признаков отдаленной древности»^[16]. Поэтому вполне понятна его радость, когда в 1871 году он получил в Владивостоке первую такую находку — шлифованный топор из плотной зеленокаменной породы. Топор нашли во время рытья погребка, на глубине 1,5 сажени. Один из морских офицеров, Петров, сохранил его у себя и передал затем Кафарову.

Темно-зеленый цвет топора дал основание видеть в нем яшму, добывавшуюся, по данным истории династии Цинь (256—419 года н. з.), на северо-востоке страны сушеней. Камень этот, согласно летописи, «мог проникнуть в железо»^[17]. Кафаров по поводу этой находки указывал, что в минской географии² сообщается о камне цвета плесени воды, который так крепок, что может входить в железо, и добывается где-то в районе устья Амура.

«Эта находка, — писал он, — тем любопытнее, что разрешает вопрос о знаменитых каменных наконечниках стрел, которые выделяемы были древними оби-

тателями Маньчжурии, сушенями и их прямыми потомками: илоу, уги и мохэ, начиная с древнейших времен до XII века по Р. Х.»^[18]. По его словам, «восточные чжурчжи, обитавшие в нынешнем Южно-Уссурийском крае, доставляли в Корею, ВЛ виде дара, сотни тысяч каменных острий для стрел», что свидетельствует о существовании в Маньчжурии богатых месторождений мелкозернистых каменных пород, годных на выделку орудий. «Истожились ли они, или просто (ускользают от енимания нынешних обитателей страны и путешественников, пока трудно решить»ⁱ».

Что касается топора, найденного во Владивостоке, то вопрос о происхождение материала, из которого он был сделан, удалось решить в том же 1870 году. Горный инженер Бессошобский признал минерал, из которого был сделан топор, не иефритом, а диоритом. «Диорит, — писал Боголюбский, — встречается вблизи Владивостока, в горе, идущей от берега Амурского залива к северо-востоку от речки Шкота до Первой речки. Диорит столь обыкновенная горная порода, что первобытные жители Маньчжурии и Приморской области могли добывать его в очень многих местах для своих поделок»^[20].

Таким образом, П. Кафаров полагал, что каменный век длился в Маньчжурии и Приморье до возвышения чжурчженей, то есть, до XII века н. э., поскольку у местных племен имелись каменные наконечники стрел. Отсюда, впрочем, вовсе не следовал вывод о столь молодом возрасте вообще всех каменных изделий, которые могут быть, здесь найдены. Среди них, по мнению Кафарова, могут быть и такие орудия, которые, «конечно, относятся к древним временам». Судя по всему, топор из Владивостока» он тоже относил к числу подлинно древних вещей.

Кафарову, однако, не было суждено довести до конца задуманную им большую работу по выяснению истории Южно-Уссурийского края на основе сочетания письменных источников и археологии. (Возвращаясь морским путем в Петербург, он умер, а собранные им обширные материалы, в том числе китайские, корейские, японские летописи и исторические сочинения, бесследно исчезли. Однако дневники П. Кафарова, считавшиеся потерянными, сохранились в архиве Географического общества, где их обнаружил недавно) В. Е. Ларичев^[21].

Самым важным событием в археологическом изучении Приморья после работ П. И. Кафарова явилось открытие и исследование М. И. Янковским раковинных куч с каменными орудиями. Они оказались именно теми следами древнейшей культуры Приморья, которые так интересовали П. И. Кафарова. М. И. Янковский был одним из пионеров освоения Приморья русскими. По образному выражению В. К. Арсеньева, он прибыл на Дальний Восток «в то время, когда по Владивостокской бухте еще плавали лебеди, а в горах бродили тигры». Человек энергичный и образованный, он был первым, кто поинтересовался в Приморье раскопки раковинных куч с научной целью. Раскопанная Явковском *щна* раковин была обнаружена им весной (1880 года на северо-восточной стороне Славянского полуострова (теперь полуострова Янковского) «в пологом косогоре, в полувертном расстоянии от дама и в 100 саженное от морского берега Нарвской бухты, на высоте около 30 м над уровнем моря»^[22].

Раковины из этой кучи использовались как материал для выжигания извести. «При первых же ударах заступа, — писал Янковский, — стало очевидным, что материал для извести, то есть цельных ракушек и половинок, находится здесь не более половины всего количества, остальные ракушки были раздроблены на мелкие осколки и перемешаны с землею; но вместе с тем объяснялась и полная интереса загадка о происхождении на таком возвышенном месте этого накопления морских продуктов, потому что в самом верхнем слое их показались куски расколотых костей и черепки глиняных обожженных горшков»^[23]. Тут же были найдены каменные шлифованные орудия — топоры, долота, гальки с обколотыми от употребления концами, гранитное грузило или молот в виде круглого камня с охватывающим его желобком, а также грубо обделанные изделия в виде «костонек с заостренными концами». Косточки эти, по предположению Янковского, служили для извлечения мяса из вареных рако-

вин [24]. Были обнаружены также камни продолговатой формы, «обкатанные морским шрифтом», часто «с обколотыми юг употребления концами», которые, по предположению исследователя, употреблялись для размельчения раковин и костей [25].

Кроме черепков глиняных сосудов, каменных и костяных изделий, Янковский нашел «довольно много костей» и обломки оленьих рогов, принадлежавших, как показал позднее И. Д. Черский, амурскому пятнистому оленю. Черский определил в сборах Янковского также немало костей косули. «Всего же меньше, — указывал Черский, — остатков домашнего быка и домашней собаки» [26].

Янковский сразу же оценил важность этих грубых и невыразительных, на первый взгляд, находок. В письме Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества он писал: «Передавая предметы, обнаруженные этим первым случайным открытием Восточно-сибирскому отделу, остаюсь в уверенности, что они будут встречены отделом с полным интересом как потому, что это, если не ошибаюсь, первое открытие кухонных остатков каменного периода на Сибирском взморье, так и потому, что эта раскопка обнаружила целый и характеристический эпизод из жизни человеческой семьи монгольского племени столь отдаленной эпохи» [27].

В своей краткой заметке об исследованной в 1880 году раковинной куче и найденных в ней вещах Янковский не только четко описал эти находки, но и высказал ценные соображения об образе жизни людей, оставивших раковинные кучи на берегу Амурского залива. Он впервые выдвинул ряд вопросов, которые стоят и перед современными археологами: о форме хозяйства людей времени раковинных куч, характере их поселений, возрасте этой культуры и ее отношении к культурам других территорий.

Основным занятием людей этого времени, по мнению Янковского, было собиранье съедобных моллюсков, рыбная ловля и охота, о чем, кроме раковин и костей диких животных, свидетельствовали каменное грузило с желобком для привязывания и позвонки молодой акулы. «Что люди каменного периода более предпочитали жить на морском берегу, чем внутри страны, — это доказано давно и просто объясняется тем, что море своим богатством органических продуктов обеспечивало их быт надежнее, чем охота за зверями, которая при таком ненадежном оружии, каким могли пользоваться охотники, была полна случайностей и разочарований. В данном случае это подтверждается тоже и по процентному содержанию костей ко всей массе раковин; видно, что эти последние составляли насыщенный хлеб приморского жителя каменного периода, а продуктами охоты он лакомился лишь изредка» [28]. Янковский был удивлен только одним — среди костяных остатков и раковин не оказалось «ни малейших следов морских крабов, которые водятся здесь в изобилии и превосходное мясо которых весьма ценится в настоящее время проживающими здесь гастрономами всех наций». Этот факт вряд ли мог объясняться, по его мнению, тем, что «древний народ, так неразборчивый на пищу», питал отвращение к крабам. Скорее всего отсутствие остатков крабов в раковинных кучах могло зависеть, говорит он, от перемены климатических условий в стране или от того, что тонкий покров краба не мог сохраниться в земле [29].

Материал для изготовления каменных орудий был различного происхождения. Гальки-молотки подбирались здесь (же, на берегу полуострова. «Дети и взрослые выбирали их для себя по силе своих рук иа ближайшем шорском берегу, где и теперь много галек этой самой породы». Напротив, «крепкие, кристаллического происхождения камни, из которых сделаны были шлифовальные орудия, привозимы были ими или вымениваемы на другие продукты в других местностях, потому что до сих пор я нигде не встречал вдоль взморья, ни в прилежащих горах обнажений этой породы» [30]. Таким образом, Янковский допускал наличие примитивного обмена сырьем для каменных изделий.

Заинтересовало Янковского и расположение раковинной кучи: далеко от моря, на северном склоне возвышенности, открытом для самых холодных и постоянно дуо-

щих зимою северных и северо-восточных ветров [31]. Выбор места «для табора» на возвышенности мог объясняться, по его мнению, или «повышением берега, вследствие чего место табора удалилось от настоящей морской черты», или тем, что люди йред-точли это высокое место низменному взморью, как более сухое. Таким образом, им был впервые поставлен вопрос, до сих пэр интересующий исследователей и остающийся неразрешенным, — о зависимости нахождения раковинных куч от колебаний уровня Тихого океана и его побережья и, следовательно, о геологическом возрасте этих археологических находок.

Столь же четко, но вместе с тем осторожно был поставлен им и другой вопрос, тесно связанный с первым: абсолютном возрасте поселений с раковинными кучами, а также об их связи с памятниками древних культур соседних стран, в первую очередь Китая и Японии. Вопрос этот он также оставил открытым до определения фаунистических остатков, которые должны были доказать, содержат ли они кости вымерших животных или только кости представителей современной фауны, например козули и пятнистого оленя. Однако М. И. Янковский высказал, хотя и очень сдержанно, наиболее вероятную, по его мнению, точку зрения на абсолютный возраст раковинных куч. Остатки эти, по его словам, вряд ли могли относиться «к временам существования пещерных тигров и медведей». Скорее, «несмотря на близость центров древней китайской и японской цивилизации», они должны были принадлежать к «сравнительно новейшей эпохе» [32].

Тот же факт, что «табор» людей каменного века оказался на северном берегу, зависит, по мнению Янковского, от климатических условий. «Здесь жили только летом, зимою же, когда море покрывалось льдом, человеку нечего было здесь делать, и он кочевал в затишные горные долины предаваться звериному промыслу» [33].

Существенно при этом, что Янковский рассматривал свои находки в широком историко-культурном плане, с точки зрения прогрессивных эволюционистических взглядов на историю первобытного человека.

«Не имею сведений, были ли сделаны открытия такого рода в Китае и Индии? Если нет, то настоящий памятник получает еще более значение в смысле параллели, для сличения этих кухонных остатков с таковыми же, найденными на датских берегах» [34]. Сходство раковинных куч Приморья с датскими кьеккеенмеддингами особенно наглядно показывало, с его точки зрения, закономерное единство первобытной культуры. Как ни далеки были друг от друга различные племена и народы, находившиеся на этой ступени, «одинаковая степень культурного развития должна была выработать одинаковые привычки и сложить одинаково жизнь человека, без различия у Тихого и Атлантического океанов» [35].

Раковинные кучи Амурского залива, изучение которых начал М. И. Янковский, вскоре привлекли внимание и других исследователей. В 1882 году в Приморье побывал И. С. Поляков, командированный Академией наук для изучения природы Японии и Дальнего Востока.

Крупный зоолог своего времени, И. С. Поляков, издавна интересовался археологическими памятниками, в особенности каменного века. Его имя связано с рядом выдающихся открытий в этой области изучения прошлого России. В свое время он исследовал неолитические памятники у себя на родине—в Тулке Иркутской губернии. Ему принадлежит честь открытия и изучения палеолитических находок в Костенках на Дону. С увлечением занимаясь он изучением и неолитических поселений в Карелии. Неудивительно поэтому, что он с большим вниманием отнесся к памятникам каменного века на Дальнем Востоке, на острове Сахалин и в Японии.

И. С. Поляков был первым, кто после И. А. Лопатина уделил серьезное внимание поселениям неолитического типа³ на Сахалине [36]. И. С. Поляков произвел также археологические исследования в Японии, где им были изучены неолитические остатки на знаменитом поселении в Омори и Синагава [37]. Вернувшись на материк с Сахалина перед поездкой в Японию, И. С. Поляков произвел археологические раскопки и в

Приморье. Для этого он, вслед за М. И. Янковским, выбрал район бухты Нарвы. В устье реки Нарвы, «где производится лов лососевых в изобилии», И. С. Поляков в первой половине октября 1881 года раскопал «одну из многочисленных куч из раковин — кухонные остатки первобытных здешних обитателей» и нашел в них каменные и костяные орудия. Такие же кухонные кучи юн видел до этого в заливе Посьета [33].

Принципиально новым в работах Полякова по исследованию поселений с раковинными кучами в Приморье, в сравнении с его предшественником, М. И. Янковским, было именно то, что он впервые попытался поставить древнейшие культуры Приморья в конкретную связь с культурами соседних областей Азии, в первую очередь Сахалина и Японии. Как зоолог И. С. Поляков прежде всего уделил специальное внимание фаунистическим остаткам из раковинных куч Приморья и сравнил их с фауной древних поселений Сахалина. Кухонные остатки этих «первобытных жителей Приморья», уцелевшие на берегах Амурского залива, напоминали Полякову по обилию раковин южносахалинские древние поселения в районе Анивского залива. Они отличались, однако, от последних «по содержащимся в них костям млекопитающих [39]. На Сахалине было много костей морских животных, в том числе кита. В Приморье их, очевидно, не было.

Отличны были и каменные орудия. На берегах Амурского залива «в разрытой куче из раковин» нашлись каменные орудия «исключительно шлифованные; то были точеные топоры, а также стрелы и копья, прекрасно вышлифованные из глинистого сланца или пород зеленокаменных». В отличие от Сахалина, в Приморье «нет следов кремня или каких бы то ни было оббитых, околоченных орудий», — писал Поляков о каменном инвентаре из раковинных куч в Посьете и вблизи устья реки Нарва [40].

Таким образом, И. С. Поляков впервые обратил внимание на самую характерную черту каменных изделий из раковинных куч Приморья, — на обилие в них шлифованных орудий из шифера (глинистого сланца) и зеленокаменных пород и одновременно на «Отсутствие оббитых и ретушированных изделий обычного неолитического

Столь же ценным было сделанное им, хотя и в общей, но достаточно определенной форме, сопоставление археологических находок из Приморья с этнографическим материалом. «Я же со своей стороны, — писал он, — нашел, между прочим, многие предметы и документы у народов еще ныне живущих, вполне напоминающие добытые в остатках каменного века». Так, «сточенные копья И стрелы» из Приморья напоминали ему такие же изделия, еще недавно бывшие в употреблении на Алеутских островах. Как известно, на Алеутских островах в XVIII — начале XIX века в широком употреблении были шлифованные наконечники (носки) гарпунов из шифера И такие же мужские и женские ножи эскимосско-алеутского типа, обслуживавшие хозяйственные потребности приморских охотников и рыбаков. Эти эскимосско-алеутские вещи из шифера, несомненно, и имел в виду И. С. Поляков.

В 80-х годах происходит важное событие в истории исследований Дальнего Востока, которое имело большое значение и для археологии Приморья. В 1884 году создается первый местный научно-исследовательский центр — Общество изучения Амурского края. Председателем общества был избран Ф. Ф. Буссе, видный общественный деятель, большой знаток края, много сделавший для его изучения и освоения.

Это был, говорилось в статье, посвященной его памяти, «идеалист, яркий продукт 60-х годов, очень скромный в своей жизни, привычках и требованиях, спартанского, почти диогеновского направления, он жил лишь для дела, «для науки», но в нем всегда была ключом энергия, жизнерадостность, подчас чисто юношеское веселье». Суровый и строгий, особенно по отношению к людям, чуждым ему по духу, Буссе «преобразовывался и одухотворялся, когда затрагивались в (Обществе интересы близких ему людей, его любимые темы о древностях, раскопках, истории края... он становился тогда юным и красноречивым» [41]. Увлеченный историей и археологией края,

Буосе сумел объединить вокруг общества и кругах людей, заинтересованных исследованием древностей Приморья. Поэтому в деятельности Общества изучения Амурского края археологические работы сразу заняли видное место и приобрели систематический характер. Это были широко поставленные по тому времени полевые исследования, научные раскопки древних могильников и поселений различных типов.

Одним из первых результатов археологических исследований памятников Приморья, предпринятых членами общества, явились работы известного этнографа В. П. Маргаритава, касавшиеся раскопок раковинных куч. Раскопки дали обширный, надежно документированный и выразительный материал, который и был затем в 1887 году опубликован Маргаритовым в специальной монографии, посвященной древностям Приморья^[42]. Раковинные кучи, исследованием которых занимался В. П. Маргаритов при участии М. И. Янковского, расположены были в том же районе побережья залива Петра Великого, вблизи устья реки Нарвы, где до него вели свои раскопки М. И. Янковский и И. С. Поляков. Высота места, где располагались кучи, равна была примерно 12 сажням, то есть около 20 м над уровнем моря^[43].

Кучи были расположены, по словам В. П. Маргаритова, «по-видимому, без всякого порядка вдоль всего берега протоки, одни почти на самом берегу, другие на некотором расстоянии. Величина их приблизительно от 10—25 м в окружности и от 7—1 м толщины при центре. В настоящее время они покрыты слоем чернозема толщиной в $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина; подстилающая почва — твердый суглинок»^[44]. Кучи состояли из раковин морских моллюсков примерно семи видов, главным образом устриц. Большинство из раковин было расколото, но были и целые створки. Вместе с костями рыб среди раковин встречались кости наземных животных, из которых определены остатки дикой свиньи, домашней собаки, двух видов оленей (пятнистого оленя и косули) и птиц нескольких родов. Из остатков хищников в раковинных кучах были обнаружены кости собаки, барса, медведя и кошки. Из каменных орудий оказались шлифованные топоры, долота, наконечники копий и стрел, грузила с выбитым желобком, точильные камни из песчаника. Все наконечники и топоры были шлифованные. «Материалом для них, — писал Маргаритой, — служат исключительно сланцы». Из кости выделывали шилья, массивные острия, в том числе с отверстием на рукоятке, инструмент, похожий на орудия, которые употреблялись в XIX веке чукчами для выковыривания снега и льда из борозды и меховых вещей, обломки пластин от лат, «обделанное ребро с несколькими симметрично расположенными сквозными отверстиями, своеобразные кривые стерженьки, служившие остриями составных крючков, костяное орнаментированное пряслице, своеобразные острия с перехватами по бокам», которые, по мнению В. П. Маргаритова, могли употребляться для вынимания моллюсков из раковин и мяса из горшка или для выкапывания корней. Из украшений обнаружена была трубочка из глинистого сланца.

Маргаритов описал также обломки сосудов с орнаментом из точек, прочерченных линий и выпуклых валиков. Он отметил, что кроме горшков древнее население этих мест употребляло «горшочки с подставками или ножками а виде ваз». Были описаны также «кружки с отверстиями», которые Маргаритов, ссылаясь на наблюдения И. С. Полковника среди обских остяков-ханов, определил как грузики для веретена^[45].

Особую ценность работе В. П. Маргаритова придают хорошие фототипические таблицы керамики, каменных и костяных вещей. На одной таблице изображено 13 предметов, на другой — 44, на третьей — 9. К работе также приложены план полуострова с обозначением мест раскопок 1880 и 1884 годов и таблица с фотографией черепа человека, найденного при раскопках. Что касается последнего, тэ В. П. Маргаритов отмечал, что череп вместе с бедренной костью лежал в одной из раскопанных им куч. По его словам, череп несколько отличается от корейского и совсем не похож на китайский. «Каким образом попал он (череп) в отбросные кучи и почему поблизости его не оказалось других частей скелета, кроме бедренной кос-

ти, пока не известно, — писал В. П. Маргаритов» [46]. Могло возникнуть предположение, что это — следы канибализма, но Маргаритов, подчеркнул, что им не обнаружено на костях никаких следов насилия.

В связи с вопросом о возрасте раковинных куч Маргаритов уделил внимание геоморфологии той местности, где они были найдены. По его мнению, сначала здесь находилась древняя бухта. Позднее море отступило и этот участок оказался отрезанным от моря, в результате чего образовалось озеро, сохранившее солоноватую воду морского происхождения. Однако, с сожалением писал исследователь, у него не было сведений «относительно поднятий и опускания берегов в Великом океане вообще и в наших морях в частности», которые могли бы надежно подтвердить его предположение о поднятии суши в районе устья реки Нарвы, происшедшем со времени существования там людей, оставивших раковинные кучи [47].

Поэтому единственным свидетельством возраста раковинных куч у полуострова Янковского могли служить только сами обнаруженные в них остатки деятельности человека.

Однако против мысли о глубокой древности раковинных куч, которую развивал Маргаритов, выступили скептически настроенные люди из среды членов того же Общества изучения Амурского края. «Некоторые из членов нашего общества, — писал Маргаритов, — рассматривая вышеописанные каменные и костяные орудия, высказывали сомнение относительно древности их, считая каменный период наших восточных краев отстоящим от современного не более, как на два и много на три столетия» [43].

В ответ на эти замечания Маргаритов писал, что «древность того периода времени, когда жил на берегах Амурского залива человек каменного века, может быть приблизительно указана сравнением его остатков с остатками соседнего человека более высшей культуры, а следовательно, и более позднейших времен, отдаленность коих доказана и определена уже многими лицами, заслужившими себе право авторитета, на поприще изучения древней истории Китая, Маньчжурии и Кореи» [41]. По его словам, «хотя наши инородцы, на быт которых ссылаются противники древности каменного века, и по сие время употребляют кости и даже камень, как материал для выделки орудий и оружия», они все же применяют их для тех целей, где эти материалы вполне пригодны по своей крепости. Во всех же других случаях, например, для изготовления рыболовных крючков, стрел или игл, они пользуются железом. «В кухонных же кучах, — подчеркивал он, — мы не видим не только какого-нибудь орудия или оружия из металла, но нет даже и следов его». Таким образом, «для обладателя наших кухонных остатков камень и кость служили во всем и везде; следовательно, это был период полного неведения о металлах. Незнание металлов, отсутствие признаков земледелия, ручная без станка работа горшков и вообще отсутствие всякого усовершенствования в орудиях и оружиях заставляют предполагать, что человек кухонных куч стоял на низшей ступени культуры» [30].

В. П. Маргаритов совершенно правильно сделал вывод, что исследованные им раковинные кучи должны быть значительно древнее остатков культуры не только чжурчжэньского времени, но и бохайского царства, возраст которых точно определен благодаря работам Н. Я. Бичурина, Палладия Кафарова, В. Горского, М. Г. Шевелева, В. Ф. Михайловского.

Трудно предполагать, писал он далее, чтобы «человек кухонных куч» был соседом Бюхая и не попытался заменить свои примитивные орудия и оружие более совершенными, заимствованными у более культурных соседей; «надо полагать, что человек кухонных куч не знал этих соседей, и не потому, что не хотел их знать, а потому, что таковых соседей, к его сожалению, тогда еще не было. Следовательно, он жил еще до эпохи Бохай». Учитывая, что «от того момента, когда не знали металлов, до того, когда они вошли в употребление, прошло тоже несколько столетий», древность черепа человека и оставленных этими людьми в раковинных кучах пред-

метов должна была выразиться «минимум 15-ю столетиями» [51]. Таким образом, раковинные кучи, по мнению В. П. Маргаритова, не моложе, а старше IV—III веков до н. э.

Уверенность В. П. Маргаритова в глубокой древности находок не могло поколебать даже утверждение П. Кафарова (при всем авторитете последнего), что в некоторых местах Маньчжурии и Южно-Уссурийского края «каменный период оставался до XI столетия», то есть до времени возникновения чжурчжэньского государства. «Место нахождения наших куч со всех сторон окружено, — писал он, — памятниками высшей культуры и притом, как я уже сказал выше, периода Бохай, вот почему, мне кажется, наши остатки надо отнести во времени раньше Бохай» [52]. Этими словами закончил он свою работу.

Увлеченный изучением древностей Приморья, Ф. Ф. Буссе в 1893 году сам исследовал археологические памятники, в том числе древнейшие, которые относились к тому времени, когда люди пользовались только каменными и костяными орудиями. Памятники такого рода были обнаружены им уже не на берегу океана, как раковинные кучи, исследованные Янковским, Поляковым и Маргаритовым, а в глубине страны. Это были остатки прежних землянок в районе г. Никольска-Уссурийского в долине реки Илистой (деревни Ивановки). «Три ямы открыты им большие, овальной формы, имеющие углубление в середине до 1 сажени, — и целые правильные ряды малых круглых ям, около 2 сажень в диаметре и около 1 фута глубины в центре. Те и другие, несомненно, жилые. При раскопке большой ямы на глубине 3/4 фута найден очаг, каменные наконечники копий, скребки и древесный уголь, выше попадались черепки глиняной посуды. Найдены также перегорелые кости. В малых ямах, под дерном, нашли -древесный уголь, ниже черепки, а на глубине 2/3 фута—огневише: три камня для чашки и между ними уголь. Там же найдено много глиняных горшков, видимо, раздавленных сверху, а в них хлебные зерна... В том же районе было осмотрено две пещеры, в одной найдены лишь обломки обсидиана» [53].

Особый интерес у Ф. Ф. Буссе вызвали пещеры, или вернее, как он сам писал, следы пещер, отмеченные им в двух местах на одних и тех же скалах в районе деревни Лоренцовой. В первом месте заметна была как бы стена из грубо пригнанных камней, которая сверху и по бокам ограничивалась природного скалоу из песчаника, а снизу, как предполагал Ф. Ф. Буссе, уходит под почву. Он надеялся, что можно будет попасть во внутреннюю камеру пещеры, где возможны следы древнейших пещерных людей. Убеждение Буссе в принадлежности пещер около деревни Ивановки первобытному населению Приморья было основано прежде всего на известных ему сведениях о пещерах Европы, заселенных палеолитическим человеком. «Можно допустить, — писал Буссе, — что развитие культуры человека одинаково повсеместно, и потому здесь допустим вывод антропологов Европы о том, что пещеры — есть самое древнее жилище человека, другими словами, что пещеры нашего побережья — остатки жилищ самых древних аборигенов, называемых синологами племенем сушени». Мысль эта подкреплялась так же и приводимыми П. Горским и И. Бичуриным сведениями китайских летописцев, которые писали, что древние обитатели Маньчжурии зимой скрывались в глубине горных пещер или же делали искусственные насыпи с помещением внутри, куда и опускались по лестнице.

Пещеры у Ивановки, однако, не оправдали надежд Ф. Ф. Буссе. При осмотре этого места в 1954 году мы пришли к выводу, что за искусственную кладку Ф. Ф. Буссе принял естественное обнажение базальта, потрескавшегося на отдельные блоки. Пещеры там вовсе не было. Вторая пещера, находящаяся в соседнем утесе, представляла собой небольшую нишу с двумя входами, из которых один имел вид узкой щели. Обсидиановые же отщепы, обнаруженные Ф. Ф. Буссе в пещере, относились, несомненно, к верхнему, то есть, глинистому слою, перекрывающему базальтовую толщу эрозионной террасы, на которой находилось неолитическое поселение.

Несравненно важнее для изучения древнейшей истории Приморья были открыты Ф. Ф. Буссе поселения с землянками. В том, что углубления являлись делом рук человека, а не игрой природы, его убеждала правильность их расположения — прямыми рядами, на определенном расстоянии как между ямами одного ряда, так и между рядами. «Угадать значение ям легко — это, очевидно, остатки землянок, в которых скрывался первобытный обитатель».

Такие жилища и «земляночные селения» должны были соответствовать примитивной жизни охотников и рыбаков, и, следовательно, не могли быть «моложе» 698 года н. э., когда в крае начали возникать города. Поэтому, предполагал Буссе, культура обитателей землянок должна соответствовать условиям каменного века, и раскопки в них должны дать каменные орудия.

Предположение о том, что поселения с землянками в континентальной части Приморья принадлежали людям каменного века, блестяще подтвердилось раскопками землянок в Ивановке, в результате которых и были найдены каменные орудия вместе с глиняными сосудами.

В 1888 году Ф. Ф. Буссе сделал доклад о своих исследованиях, который тогда же был напечатан в первом томе записок Общества изучения Амурского края. В нем Ф. Ф. Буссе не только изложил имеющиеся в его распоряжении факты, но и впервые попытался наметить общие вехи истории Приморья на основе археологических данных и тех сведений из китайских исторических сочинений, которые стали в то время доступны в результате исследований Бичурина, Кафарова, а также местных китайцев.

Опираясь на местные памятники древностей и результаты археологических раскопок, сравнивая их с письменными источниками, Буссе полагал, что можно наметить некоторые конкретные вехи и этапы в истории населения Южно-Уссурийского края.

Первый этап был временем первобытного человека в Южно-Уссурийском крае, временем его древнейших аборигенов.

Остатки деятельности этих первобытных обитателей Приморья Буссе видел в поселениях с землянками, найденных на реке Осиновке у Петропавловского, на реке Илистой, в пещерах около деревни Ивановки, а также на правом берегу реки Хора, притока Уссури.

Таким образом, Ф. Ф. Буссе впервые обнаружил и исследовал остатки культуры неолитического типа в Приморье, предшествующие, как мы теперь знаем, более поздней культуре, представленной прибрежными поселениями с раковинными кучами. Ему принадлежит заслуга в открытии древнейших следов земледелия на Дальнем Востоке. Ф. Ф. Буссе первый построил общую схему древней истории Приморья, в которой начальное звено представляет каменный век. Он попытался также связать следы каменного века с известными по письменным источникам насельниками Дальнего Востока — племенами илоу.

В 1889 году в Приморье побывал известный русский путешественник и общественный деятель А. В. Елисеев, который сопровождал на Дальний Восток крестьян-переселенцев. Врач по специальности, А. В. Елисеев был одним из видных антропологов своего времени. Он живо интересовался также археологией, в особенности культурами каменного века, много путешествовал по Востоку, в частности по Египту и Палестине. Ему принадлежит ряд важных открытий и наблюдений в области изучения памятников каменного века этих стран.

Непосредственно занятый устройством переселенцев, А. В. Елисеев все же принял поездку по краю, во многих местах осмотрел археологические памятники и сделал ряд интересных наблюдений, живо изложенных им в путевых очерках по Дальнему Востоку, которые были опубликованы Географическим обществом в 1890 году. Особенно интересна одна, бегло описанная им находка. Возле Камня-Рыболова Елисеев нашел глиняное пряслице «вместе с несколькими кремнями, сильно напоминающими каменные ножи типа Сент-Ашель»^[54].

Таким образом, Елисеев впервые констатировал наличие в Приморье рубящих орудий, напоминающих ашельские рубила Европы⁸, которые были найдены нами, в 1953 году в селе Осиновке, а затем вблизи Камень-Рыболова, на озере Ханка, и в других местах Приморья.

Больше, однако, к этим находкам Елисеев не возвращался, а сами вещи, видимо, впоследствии были утрачены.

По имеющимся данным, А. В. Елисеев набросал также общую схему эволюции культуры в Приморье (Южно-Уссурийском крае). К каменному веку он относил землянки на реке Осиновке. В одной из ям «Осиновского ряда» Елисеев произвел раскопки и нашел следы древнего кострища. Однако о нахождении каких-либо каменных изделий он не пишет, по-видимому, им были обнаружены остатки жилища железного века.

Основанием же для датирования землянок каменным веком ему, видимо, послужили раскопки Буссе в Ивановке.

А. В. Елисеев впервые поставил вопрос, до тех пор не возникавший у исследователей — все ли основные этапы культуры (то есть каменный, бронзовый и железный века) прошло население Дальнего Востока в своем историческом развитии. В существовании здесь памятников каменного века не было сомнений; железный век был хорошо известен. Оставалось выяснить наличие в Приморье следов культуры бронзового века. Здесь А. В. Елисеев склонялся к отрицательному ответу.

Своеобразие истории этой части Дальнего Востока, по его мнению, заключалось в том, что бронзовый век «не оставил никаких следов в Южно-Уссурийском крае: до сих пор там не найдено, по крайней мере, никаких вещей или орудий, сделанных из бронзы; весьма вероятно, что собственно в Уссурийском крае бронзовый век и отсутствовал, так как страна еще в период собственно каменного века была занята народом высшей культуры» — железного века⁹].

Заметным вкладом в историю изучения первобытных древностей Дальнего Востока явились затем работы Н. Альфтана, который в 1895 году обследовал долину реки Усури и ее притока — Бикина.

Н. Альфан осмотрел, описал и зарисовал наскальные изображения, о которых кратко сообщал в свое время Р. Маак^[66].

В 1908 году произошло новое важное событие в археологическом изучении Дальнего Востока. П. А. Кропоткин, используя материалы Ф. Ф. Буссе^[57], подвел итоги многолетних наблюдений и раскопок, организованных Обществом изучения Амурского края, в работе «Остатки древностей в Амурском крае».

В этой работе было учтено 97 памятников, и, кроме того, в бассейне реки Усури еще более 20 городищ, поселений с жилыми ямами, курганов, наскальных рисунков.

В силу недостаточной изученности описанных Кропоткиным археологических памятников, ему не удалось сделать определенных исторических выводов. Он ограничился только тем, что сослался на работу Ф. Ф. Буссе, изданную в 1888 году, и повторил в общей форме изложенные там соображения. Тем не менее эта работа была новым важным вкладом в археологию и древнюю историю Дальнего Востока, как наиболее полная сводка фактических сведений об археологических памятниках Приморья.

Ценность сводки П. А. Кропоткина заключалась в том, что к ней были приложены не только планы ряда отдельных древних городищ, особая схема расположения археологических памятников в Никольске-Уссурийском и его ближайших окрестностях, но также первая сводная археологическая карта южной и юго-западной части Приморья. Чтобы в полной мере оценить значение этой работы, следует иметь в виду, что такой сводки и археологической карты не было сделано ни в какой другой области Азиатской России ни тогда, ни в последующие десятилетия.

Это был первый и образцовый по тем временам 'пример областной сводки то археологии, до сих пор сохраняющей справочное значение и научную ценность для дальнейших исследований.

В сводке П. А. Кропоткина нашли отражение и памятники, предшествовавшие средневековой эпохе, находки каменных орудий, поселения с ямами. П. А. Кропоткин приводит сведения о находках каменных орудий в раковинных кучах на полуострове Янковского, вблизи устья реки Нарвы (работы М. И. Янковского и В. П. Маргаритова), данные наблюдений И. С. Полякова на побережье залива Посыета. Рассказывает он и о находке морским офицером Петровым во Владивостоке каменного топора, переданного затем П. И. Кафарову, и т. д. П. А. Кропоткин детально описывает пещеры на реке Илстой, в которых Ф. Ф. Буссе надеялся обнаружить следы пещерных людей каменного века. Далее он говорит о поселениях с землянками на реке Илстой, а также о сходстве с аналогичными поселениями неолитического облика на Сахалине, обнаруженными И. С. Поляковым. Тут же развивается мысль о принадлежности тех и других племени шоу. И. А. Кропоткин описывает также три поселения с землянками в долине реки Осиновки. Следы землянок им отмечены также в бассейне рек Усури, в том числе у станций Княжеской и Графской, на Алчане и в других местах. Отмечает, что у села Шереметьевского найдены «каменные топоры». Аналогичные остатки отмечены Кропоткиным в бассейне реки Амур и на Сахалине. В большинстве эти памятники остаются еще не исследованными, поэтому материалы, изданные П. А. Кропоткиным, являются единственными сведениями о них, известными науке.

Существенный вклад в изучение древней истории Приморья внес крупный русский востоковед, выдающийся исследователь истории и культуры тунгусо-маньчжурских народов, профессор А. (В. Гребенщиков, работавший в начале XIX века во Владивостоке в Восточном институте. В своей вступительной лекции, прочитанной 10 января 1912 года, он нарисовал на основании данных источников общую картину исторического прошлого Маньчжурии и соседних областей Дальнего Востока.

«В исторической жизни Китая, со второй половины 16-го столетия и по настоящему момент, — говорил он в этой лекции, — маньчжуры, под своим теперешним именем занимают одно из первых мест. Указанные археологические границы раздвигаются значительно шире, и взгляд исследователя захватывает исторические моменты задолго до Р. Х., если им принимаются во внимание предки нынешних маньчжур» [58].

Первыми из этих предков Гребенщиков считает сушеней, упоминаемых в Бамбуковой летописи в 2225 году до н. э. при легендарном императоре Шунь, и в 1103 году до н. э. — при чжоуском У-ване. Затем прослеживается смена наименований сушеней, принимавших, как полагает Гребенщиков, имена возвышавшихся родов или поколений — илоу, мохэ, уцзи (воцзи), бохай, нюйчжи и маньчжу. Далее говорит об истории Бохая и значительно детальнее — об истории нюйчжей-чжурчженей [59].

В 1915 году на торжественном заседании по случаю 25-летнего юбилея музея Общества изучения Амурского края А. В. Гребенщиков сделал доклад «К изучению истории Амурского края по данным археологии», в котором снова рассмотрел историю народов Приморья и Приамурья на основе китайских источников, наиболее детально останавливаясь на административном расчленении и расселении отдельных племен. Древние племена или народности Дальнего Востока, о которых идет речь в китайских летописях, начиная с сушеней и кончая мохэ, А. В. Гребенщиков, как и прежде, считал тунгусо-маньчжурами — «тунгусскими поколениями» [60].

При этом А. В. Гребенщиков особо отметил, что в китайских источниках упоминается факт употребления восточными мохэскими родами стрел с каменными наконечниками, каменных копий и т. д., предлагает отнести расцвет каменного века в Маньчжурии к периоду Мохэ [61].

Второй раздел доклада А. В. Гребенщикова был посвящен археологии края. В нем

он дал общую характеристику основных работ по археологии Приморья и Приамурья, а также основных видов археологических памятников и их распространения. В том числе были отмечены древние ямы — остатки жилищ и пещеры, раковинные кучи, каменные орудия, наскальные рисунки [61].

Касаясь истории археологии в крае, Гребенщиков отметил интенсивный период в ней в 70—80-х годах, когда «круг лиц, интересовавшихся историей и древностями из среды старожилов края, был значительно шире. Энергии и научной любознательности отдельных лиц мы обязаны многочисленными и ценными для науки находками, которые оживляют имеющиеся исторические факты и минувшие эпохи» [62]. Этот подъем археологической активности в крае он связал с деятельностью Ф. Ф. Буссе и с ценнейшими в 70-х годах указаниями П. Кафарова на местонахождение памятников. Сейчас, в 1915 году, отмечал Гребенщиков, наиболее ценны результаты путешествий В. К. Арсеньева и исследований в Никольске-Уссурийском А. З. Федорова, а также работы кружка любителей истории, нумизматики, археологии и археографии при отделе Географического общества.

Но все же, с сожалением констатировал он, теперь налицо «преобладание, хотя интересных и добросовестных, но случайных и дилетантских находжений остатков древности над специальными изысканиями, добровольных и чаще скудных, в устной форме, указаний на месте находжений над регулярными поисками со стороны специалистов» [63]. Еще печальнее, писал он, что «имеется крайнее нежелательное и прискорбное отношение к памятникам, которые уничтожаются населением и бесследно исчезают» [64]. Поэтому прежде всего необходимо распространить среди представителей сельской интеллигенции и властей обращение, в котором указать на ценность археологических находок и необходимость их охраны. Обществу изучения Амурского края нужно решительно встать на путь защиты памятников древности в крае. Нужно также осуществить подлинно научное отношение к археологическим работам в крае. Для этого требуется создать кадры сведущих, специально подготовленных к этому лиц путем учреждения во Владивостоке при Восточном институте кафедры хотя бы некоторых дисциплин археологии, именно: палеографии, эпиграфии, нумизматики и древнего быта [65]. Необходимо планомерно изучать древности, описывать их и классифицировать, используя данные древних письменных источников.

В связи с изучением древнейшего прошлого Дальнего Востока находятся и исследования другого крупного русского востоковеда XIX века — Дмитрия Позднеева, который в своей капитальной работе «Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России» уделил внимание вопросу об отношениях между населением Северной Японии, древнейшими народами Маньчжурии и Приморской области [67]. Работа эта вышла в свет после поражения царской России в войне с Японией. Автор имел целью на анализе документального материала об отношениях японцев с населением Азии рассеять созданное шовинистическими военно-феодальными кругами Японии представление о «мирной», «культуртрегерской» деятельности японских феодалов и капиталистов. Деятельность русских идеологи японского империализма и своих пропагандистских целях изображали в черных красках. «Требуется масса терпения, чтобы подавить в себе естественно возникающее чувство негодования. Ни в каком, может быть, другом случае не подвергается так сильно искусству требующееся от историка чувство объективности, как в этом, потому что действительно представляется необычно трудным оставаться хладнокровным наблюдателем фактов тогда, когда они излагаются языком, переполненным всевозможною коллекцией бранных слов и оскорбительных терминов для всех действующих лиц» [68].

Изучая реальные связи Японии с материком, можно установить, писал Позднеев, что они были только случайными инцидентами, не оставившими по себе заметных следов в истории Японии. Вместе с тем, изучение фактического материала показывает неосновательность утверждений писателей-шовинистов о «непобедимости» японских феодалов в древности и о том, что действия японцев на материке не были агрессив-

ными. По словам Позднеева, факты свидетельствуют о том, что на материке, в современном Приморье и Маньчжурии, обитали племена, которые уже имели известный запас материальных и духовных сил, обладали известной предприимчивостью и переживали какие-либо особые обстоятельства, которые побуждали их не довольствоваться окружающей обстановкой, а искать для себя деятельности в отдаленных землях. Таковой причиной, по его мнению, могло быть давление другого, более сильного народа, что и заставило побежденных искать счастья в чужих землях. Но чаще всего бывало так, что «этот предприимчивый народ приобретал главенство над окружающими племенами И только после этого искал выхода своим силам в чужих землях». Очевидно, именно этот вариант казался Позднееву в данном случае по отношению к народам Приморья и Маньчжурии наиболее вероятным.

Позднеев собрал и опубликовал в выдержках из различных японских источников находящиеся в них сведения о народах Приморья и Маньчжурии, начиная с сушеней (мисихасэ), июлу (юуру), воцзой (екусо), мохэ (махкацу), а также о Бохае (боккай) и чжурчжэнях (озсин). В основном эти сведения были заимствованы из китайских источников. При этом Позднеев нередко отмечал анахронистический характер таких сведений, хронологически неправильное использование этнонимов, употреблявшихся для обозначения племен Восточной Азии. Так, например, этноним Сю-кусин (сушени) в японской истории, писал он, существует почти до VII века «. э.

Большое значение в изучении народов Приморья и Приамурья имели работы Л. И. Шренка, который в течение 1854—1856 годов изучал народы Нижнего Амура. Л. И. Шренк высказал много интересных положений о происхождении и расселении этих народов⁶⁹. Его работы и сейчас являются основными источниками по этнографии нанайцев, ульчей, нивхов.

Позднее, в 1898—1899 годах, этнография народов Нижнего Амура привлекла внимание известного американского востоковеда XIX века Бертольда Лауфера, работавшего на Амуре в составе Тихоокеанской экспедиции Джексона. Лауфер обратил внимание на писанцы у села Сикачи-Аляна и опубликовал по этому поводу в Америке заметку «Петроглифы Амура».

В Приамурье же полевые археологические исследования вообще начались несколько позднее, чем в Приморье.

Первым амурским археологом по праву можно назвать А. Я. Гурова, который пытался не только собрать все сведения об археологических памятниках Приамурья, но и сам занимался описанием древних памятников, собирал подъемный материал, производил частичные раскопки. А. Я. Гуров после окончания Иркутской учительской семинарии работал в 1895—1901 годах сельским учителем в Димской и Чесноковской школах Поярковского станичного округа, а затем десятником у правления водных путей Амурского бассейна. С 1899 по 1932 год Гуров занимался обследованием археологических памятников по левому берегу Амура от Благовещенска до станции Екатерино-Никольской Хабаровского края. Собранные им материалы составили первые археологические коллекции Хабаровского и Благовещенского музеев. Летом 1902 года Гуров совместно с членом Географического общества Г. Ф. Белоусовым произвел разведку археологических памятников в бассейне Амура⁷⁰. Они обследовали интереснейшее городище на горе Шапке у села Поярково.

Городище это находится в 2 км от берега Амура на высоком холме, достигающем высоты 30 м, длины 350 м и ширины 170 м. Сам холм, носящий в народе название «Гора-Шапка», расположен на пойменной, местами болотистой, равнине и является единственной возвышенностью в этом районе. Об этом городище упоминали И. А. Лопатин и П. Кафаров.

Среди местных жителей сохранилось много легенд и преданий о «Горе-Шапке». Одна из них рассказывает о том, что в старину сюда пришел какой-то военачальник с большим войском и приказал подчиненным насыпать эту гору. Люди носили землю в шапках.

А. Я. Гуров и Г. Ф. Белоусов раскопали небольшую площадь, где обнаружили глиняный кувшин с узким дном, несколько костяных и железных наконечников стрел и фрагментов керамики [71].

На следующий год А. Я. Гуров вел раскопки на могильнике у Дубового мыса, в 5 км от села Калинина. Могильник располагался на высоком берегу Амура и относился к средневековому времени. В Благовещенский музей А. Я. Гуров доставил железные наконечники копий с широким лезвием, кинжалы, серпы, железные кольца и ажурные украшения [72]. Раскопки могильника на Дубовом мысе позволяли говорить о широком распространении у местных народов изделий из железа, которое шло не только на предметы украшения, но и на изготовление вооружения и земледельческих орудий. С 1903 по 1916 год А. Я. Гуров собрал материал и вел частичные раскопки в бассейне Среднего Амура.

В течение ряда лет на Амуре работал известный геолог А. Н. Криштофович, которому А. Я. Гуров сообщил о нескольких древних поселениях в Среднем Приамурье. В 1914 году А. Н. Криштофович обследовал одно из этих поселений у села Иннокентьевского. «Уже издали, — писал он, — на берегу видна группа курганчиков и небольших всхолмлений, самый же песчаный берег Амура, усиленно разрушаемый действием реки, представляет хороший разрез образовавшихся здесь прежде скоплений продуктов жизнедеятельности человека, чередующихся с тонкими песчано-илистыми отложениями реки». На глубине около одного метра от верхнего края разреза найдены многочисленные кости млекопитающих и рыб, а также черепки посуды, каменные орудия и следы кострища в виде красноватой спекшейся глины с отпечатками стеблей травы. Множество различных остатков валялось также в основании обнажений [73].

Палеонтологом профессором А. А. Браунером были опубликованы два рисунка черепа собаки из коллекции А. П. Криштофовича [74]. В своей публикации А. А. Браунер дает подробный анализ и описание находок. Из-за наличия в коллекции каменных орудий А. А. Браунер отнес находки к каменному веку, считая, что в это время в Приморье происходило одомашнивание собаки.

М. З. Паничкина выступила позднее против датировки находок каменным веком, так как керамика, имеющаяся в коллекции, изготовлена, по ее мнению, на гончарном круге и на основании сходства с забайкальской керамикой, обнаруженной Ю. Д. Талько-Грынцевичем в урочище «Узкое место», в трех километрах на юг от Усть-Кяхты, может быть датирована серединой первого тысячелетия н. э. [75].

Обширные археологические исследования на Амуре были проведены в 1915—1916 годах экспедицией под руководством известного антрополога и этнографа С. М. Широкого при активном участии А. Я. Гурова [6]. Во время полевых работ ими было исследовано в бассейне Амура значительное число археологических памятников [77].

Коллекция, собранная экспедицией, насчитывает более четырех тысяч номеров [78]. К сожалению, во время наводнения в Ленинграде в 1928 году подвалы, где хранились коллекции, были затоплены и все этикетки утеряны. Осталась только одна коробка, на которой обозначено: «о-в Урильский».

Особый интерес и до настоящего времени представляет первая археологическая карга побережья реки Амура от станции Константиновка до станции Екатерино-Никольская, составленная А. Я. Гуровым. На этой карте отмечены все известные ему на территории среднего Амура археологические памятники: поселения, городища, могильники. Всего А. Я. Гуровым с 1892 по 1932 год обследовано более шестидесяти археологических памятников.

В девятидесятых годах начинаются путешествия по Приморью и Приамурью выдающегося исследователя Дальнего Востока и писателя В. К. Арсеньева [79]. Арсеньев, с его поэтической душой и привязанностью к удивительной природе Дальнего Востока, не могли не заинтересовать следы древней культуры Приморья — безмолвные статуи у могил чжурчжэньских князей, валы укрепленных поселений, заросшие веко-

выми деревьями. Интересовали его и романтические легенды удэгейцев об исчезнувших народах и событиях прошлого.

В. К. Арсеньев во время своих путешествий постоянно интересовался памятниками ранней истории Приморья, а также связанными с ними легендами и преданиями. В неизданных дневниках В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве Приморского филиала Географического общества, имеются тщательно выполненные описания и чертежи древних городищ, а также других археологических памятников.

Продолжая исследования по учету древностей Приморья, начатые Лопатиным, Буссе и Кропоткиным, Арсеньев проделал колоссальную работу — описал 228 памятников. В основном это были средневековые городища и укрепления, а также отдельные археологические находки.

Во время путешествия по Уссурийскому краю В. К. Арсеньев не раз встречал памятники, относящиеся к каменному веку. «При раскопках городищ и стоянок каменного века в прибрежном районе к востоку от Сихотэ-Алиня, — пишет, он, — мне постоянно попадались стрелы, копия, скребки и топоры, сделанные из очень твердого белого и зеленоватого кремня»¹⁰. Особенно он интересовался месторождениями камня, из которого выделялись эти предметы. Тем не менее, Арсеньеву, несмотря на самые тщательные расспросы, долго не удавалось найти место, где добывался такой камень. В 1907 году староверы Черепановы из деревни Амагу сообщили ему, что неподалеку есть гора, склоны которой изрыты очень глубокими ямами. Посетив реку Амагу, Арсеньев убедился, что на указанном староверами месте в самом деле имеются следы ям, шахт, отвалов и выемок. Гора состояла из базальтовой лавы: пустоты в ней заполняла твердая кремнистая порода, которую можно было использовать как материал для наконечников копий или стрел. Очевидно, эта гора и была местом, где древнейшие обитатели страны добывали себе материалы для каменных орудий. Надо поражаться грандиозности этих раскопок: вся гора была буквально изрыта и перекопана. Сюда, вероятно, стекались тысячи искателей кремня, если не со всего Уссурийского края, то, во всяком случае, со всего прибрежного района. Однако предпринятые в одной из таких ям раскопки не дали прямых доказательств этой гипотезы. В яме оказалось два плоских камня, отличных по материалу от лавы, которые, по мнению Арсеньева, могли заменять лопаты. Там же нашлось несколько обломков кремня, которые, как он думал, были случайно поломаны во время раскалывания основной породы, а потому брошены тут же за ненадобностью. Более ничего обнаружено не было. Тут же на склоне горы имелись следы старишей дороги, окопанной канавой»¹¹.

Значительно успешнее проводились работы на севере Приморья, где Арсеньевым было открыто и частично исследовано богатое находками неолитическое поселение у озера Соёно. Здесь он собрал коллекцию каменных изделий, в том числе превосходные образцы илечиковых мотыг, самых северных из известных в настоящее время в Приморье¹².

Наиболее ценные результаты для изучения древнейших культур Приморья дали раскопки, предпринятые В. К. Арсеньевым на полуострове Песчаном в 1921 году. Результаты раскопок В. К. Арсеньев не успел опубликовать, и сохранился весьма тщательно написанный им отчет, который содержит исключительно интересные материалы по археологии Приморья¹³.

Первые каменные орудия на полуострове были обнаружены в 1914 году братьями Конрад, владельцами находившейся там заимки. Много каменных орудий, по словам В. К. Арсеньева, было передано П. К. Козлову во время посещения им полуострова Песчаного летом 1916 года, однако участь этого материала неизвестна.

Сведения о находках братьев Конрад в 1914 году появились в местных газетах, а также в «Правительственном вестнике», и привлекли внимание разного рода туристов и экскурсантов. Начались любительские раскопки в поисках каменных орудий, в результате которых погибло много ценных вещей.

В 1921 году Общество изучения Амурского края ассигновало средства на произ-

водство раскопок у фермы братьев Конрад, и поручило вести эти работы В. К. Арсеньеву. В. К. Арсеньев приехал на полуостров Песчаный в октябре 1921 года с четырьмя сотрудниками — М. Павловым, Н. Чиковым, К. Бобровским и Н. Репиным.

Осмотр места находок показал, что там было обширное древнее поселение, состоявшее из шестнадцати углублений, сопровождавшихся кучами раковин. Поселение разрушалось оврагом, который быстро увеличивался на глазах у хозяев заимки и уничтожал остатки древних землянок. В. К. Арсеньев снял план места оврага и раскопок, а затем собрал подъемный материал и заложил шурфы в трех ямах. В двух ямах было обнаружено множество раковин, кости животных, птиц, рыб, черепки глиняных сосудов, обломки каменных орудий. Был найден почти целый глиняный горшок, развалившийся при его извлечении, а также «глиняная жировая лампа с отломанной длинной ручкой, похожая на те, которые в древние времена употреблялись в Северной Корее». В отчете о своих раскопках В. К. Арсеньев отметил сходство найденного на полуострове Песчаном материала с находками Маргаритова и Янковского вблизи устья реки Нарвы и отнес его к позднему неолиту^[84].

Основой жизни жителей неолитических полуподземных жилищ на Песчаном, по данным раскопок, были охота и рыболовство: у них имелись сети с каменными грузилами, а в ямах были найдены слои рыбьих костей, главным образом сельди. Съедобные моллюски, раковины которых были найдены во время раскопок, в большом количестве добывались в море, вблизи намывной полосы прибоя. Однако довольно часто попадались такие раковины, как «тритоний рог», которые не встречаются в полосе мелководья. Из этого В. К. Арсеньев делал вывод, что у бывших обитателей полуострова в неолитическое время существовали лодки. На них они «отходили от берега на более или менее значительное расстояние для ловли рыбы и добычи губоководных моллюсков»^[85].

Что касается охоты, то фаунистические остатки показывали, что в неолитическое время в Приморье существовала несколько иная, более богатая, чем теперь, лесная растительность. «Разбирая кости млекопитающих, взятые из кухонных отбросов, мы, к удивлению своему, находим, — писал Арсеньев, — обломки рогов изюбра, кости дикого кабана и вообще кости таких животных, которые любят больше смешанные леса с примесью кедра». Сейчас же «древесная растительность этого района характеризуется редколесьем дровяного характера, состоящим главным образом из дуба, липы и даурской березы». На полуострове же, по словам Арсеньева, только с северной стороны ныне растет несколько елей и пихт. Между тем Лаперуз еще в 1787 году пидел с корабля берега безымянного в то время залива Петра Великого, покрытые густым лесом, и около воды множество отдыхающих благородных оленей. Леса, заключал Арсеньев, исчезли вследствие постоянных, дважды в год повторяющихся пожаров^[86].

Наличие костей кабана свидетельствовало, по мнению Арсеньева, об отсутствии земледелия у древних обитателей полуострова. «Первобытный земледелец, — писал, он — боится свиньи, ибо она разрушает его пашни и огороды и потому он не только не держит ее у себя, но, наоборот, считает ее своим врагом и всячески борется с ней... Древнее население полуострова, хотя и находилось в культурной стадии нового неолита, но земледелием не занималось вовсе, ибо до сих пор во время археологических разведок и раскопок во всем Посетском и Барабашском районе нигде не найдено предметов, которые свидетельствовали бы о таком занятии. Эти люди пребывали в состоянии охотников и рыболовов и уж, конечно, свинью в одомашненном состоянии около себя не держали»^[87].

Следовательно, В. К. Арсеньев придерживался тех же взглядов на культуру людей, оставивших на побережье Амурского залива раковинные кучи с каменными орудиями, что и его предшественники — И. С. Поляков, М. И. Янковский и В. П. Маргаритов. Они тоже не могли допустить мысли, что первобытные жители Приморья, люди каменного века, занимались наряду с охотой, рыбной ловлей, морским промыслом и земледелием, которое, по их мнению, обязательно связано с высоким уровнем

культуры и, в первую очередь, с применением металлических орудий для обработки земли.

При обследовании древнего поселения на полуострове Песчаном Арсеньев ограничился лишь шурфовкой, в результате чего жилища оказались неизученными, а часть из них даже пострадала. Тем не менее им был собран обширный материал в виде каменных изделий и керамики⁸⁸]. В. К. Арсеньев с большим вниманием собрал также фаунистический материал и использовал его для важных выводов, касающихся природных условий и хозяйственной жизни древнего населения Приморья, а также изменения этих условий в последующее время. На основе этого материала он сделал важный вывод о том, что основой жизни первобытных обитателей Песчаного были охота и рыболовство. Вывод этот сохраняет свое значение и сейчас, хотя вопрос о существовании земледелия и морского промысла у жителей Приморья периода поселений с раковинными кучами ставится теперь в иной плоскости.

Несмотря на значительную ценность материала, собранного В. К. Арсеньевым на полуострове Песчаном, и интересные выводы, ни отчет В. К. Арсеньева, ни его коллекции с Песчаного не были опубликованы.

В. К. Арсеньеву принадлежат также три работы, в которых он ставил общие вопросы древнейшей истории Приморья. Одна из них — «Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири», в которой он попытался наметить в общих чертах историю этого края с конца ледникового периода⁹]. Основной вывод Арсеньева заключался в том, что по мере движения с запада на восток увеличивается количество реликтовых, пережиточных форм в природе и человеческой культуре. На крайнем востоке Азии можно видеть наиболее древний животный и растительный мир и такое же древнее население, такую же первобытную культуру. «Насколько флора и фауна являются реликтовыми в Приморском крае, настолько же реликтовым будет и его туземное население», — писал Арсеньев. Свидетельством в пользу этого вывода были, по его мнению, свайные постройки у айнов, гиляков и ительменов, полуглубленные в землю жилища коряков, пережитки группового брака у гиляков, территориальных родов у удэгейцев, переноска огня в трубчатой кости у эскимосов, добыча огня трением у чукчей, коряков и гиляков, каменные орудия у тех же коряков, чукчей, «айвуаиов» (то есть азиатских эскимосов).

Еще древнее население и культура Северной Америки. Наиболее древним племенем, по словам В. К. Арсеньева, являются эскимосы, у которых до сих пор существует культура обитателей Европы ледникового периода.

Эти выводы были заимствованы Арсеньевым из исследований XIX века и не подтверждаются современной наукой. Теперь установлено, что эскимосы вовсе не являются реликтовым племенем, прямыми потомками мадленских племен западноевропейского палеолита. Их культура не имеет никаких точек соприкосновения с культурой мадлеи, а некоторое общее сходство между ними объясняется только конвергенцией, то есть влиянием одинаковых общих условий природного окружения, образа жизни и хозяйства.

Не может быть принята и другая мысль Арсеньева о молодости всех вообще палеолитов каменного века на севере Азии сравнительно с европейскими. Теперь установлено, что несмотря на наличие на северо-востоке Азии еще в XVIII—XIX веках отсталых культур каменного века, там имеются следы еще более древних культур, то есть при всей отсталости даже самые «первобытные племена» Северной Азии к Северной Америки вовсе не являются подлинно первобытными людьми. Как и другие народы земного шара, они прошли свой собственный, сложный исторический путь, создали свои, во многом своеобразные и самобытные, культуры. Одним из наиболее ярких примеров самобытного развития и являются эскимосы, которых многие ученые, в том числе и Арсеньев, считали живыми людьми европейского палеолита, современными мадленцами.

Именно они создали одну из наиболее ярких и характерных этнографических

культур, им принадлежит заслуга в освоении Крайнего Севера. И как показывают факты, история их вовсе не была историей переселения потомков палеолитических охотников Европы с запада на восток в погоне за стадами северных оленей, двигавшихся из Европы в Азию и через Берингов пролив в Америку. Она была значительно сложнее.

В другой небольшой работе, посвященной итогам изучения древностей Приморья и представляющей изложение доклада на публичном заседании Общества русских, ориенталистов в июле 1916 года в Харбине, В. К. Арсеньев дал сначала краткую характеристику работ по изучению археологических памятников Приморья, начиная с исследований П. Кафарова, затем следовала сжатая характеристика-классификация археологических памятников Приморья. Это были: 1) раковинные кучи и ямы — остатки жилищ около них; 2) ямки и углубленные землянки, обложенные камнем в горах; 3) террасовидные укрепления-городища, относящиеся, вероятно, к XII—XIII векам — времени борьбы древних насельников с маньчжурами; 4) укрепления, построенные на сопках, то в долинах, датируемые XII—XIII веками н. э., 5) древние колодцы; 6) древние пашни; 7) старинные дороги; 8) длинные валы, служившие, по мнению Арсеньева, границами; 9) древние рудники; 10) писанные камни, отмеченные им в четырех местах: два пункта на Амуре, один на реке Уссури и одно местонахождение надписи «неизвестного времени» около Макрушинской пещеры близ залива Ольги [90].

В. К. Арсеньев в своем докладе подразделил древнюю историю Уссурийского края на пять основных периодов.

1. Эпоха первобытного человека (каменный век);
2. Период борьбы культурных маньчжурских племен с древнейшими обитателями страны до VII века;
3. Царство Бохай (VIII—XII века);
4. Цзиньская (Золотая) империя до 1386 года;
5. Период запустения до XIX века [91].

При этом Арсеньев особо отметил, что в древнейшей истории Приморья бронзовый век совершенно отсутствует. «Сразу появляется на сцену железо, но каменные орудия долго еще держатся вместе с железом и сопутствуют ему до периода запустения. Возраст каменных изделий определяется здесь не по характеру обработки, а по сопровождающим предметам» [92].

Для изучения археологии Приморья большое значение имело созданное любителями истории и археологии в Хабаровске 29 декабря 1913 года историко-археологическое отделение Приморского отдела Географического общества. Несколько позже в отделение вступили любители этнографии, и в этом составе оно было санкционировано общим собранием членов Приамурского отдела русского Географического общества, деятельным участником которого был В. К. Арсеньев. Большие по масштабам раскопки проведены В. К. Арсеньевым и другими исследователями при строительстве Амурской железной дороги: от станции Архара до Хабаровска. У села Грязнухи, в 8 км от Хабаровска, в 1913 году В. К. Арсеньев и М. К. Азадовский собрали коллекцию, состоящую из фрагментов керамики, изготовленной на гончарном круге и от руки, а также обнаружили изделия из железа и бронзы.

В районе села Грязнухи ими обнаружен хорошо сохранившийся могильник. При вскрытии некоторых могил найдены вещи, аналогичные собранным у полотна железной дороги. Большой могильник и поселение железного века были раскопаны В. К. Арсеньевым, М. П. Красовским и Добровским на Дубовой реке, на левом берегу Амура напротив Хабаровска. При раскопках найдено несколько десятков целых сосудов, наконечники стрел, бусы, украшения. В Хабаровском краеведческом музее хранится коллекция с Бешеной протоки, доставленная Арсеньевым. В ней находятся чжурчженьская керамика, а также сосуды польцевской культуры.

Глубокий след в изучении древнейшего прошлого Приморья оставил А. И. Разин, с большой энергией и увлечением занимавшийся в двадцатых годах обследованием

и раскопками поселений с каменными орудиями. Он открыл много новых, не известных ранее, поселений с раковинными кучами на берегах Амурского и Уссурийского заливов и собрал обширный вещественный материал, который передал во Владивостокский музей.

Зоолог по специальности, Разин удачно сочетал в своей деятельности археологические интересы с биологическими и поэтому особенно много сделал для понимания образа жизни и хозяйства древнейшего населения Приморья. Помогали А. И. Разину увлеченные его энтузиазмом учащиеся учебных заведений, где он вел преподавательскую работу. А. И. Разин горячо пропагандировал в печати археологические экскурсии как составную часть учебно-воспитательной работы в советской школе⁹³.

Свои работы Разин начал в 1924 году на восточном берегу Уссурийского залива, где у мыса Виноградного в 7—8 км к северу от бухты Суходол и немного южнее бухты Майтун, им была обнаружена раковинная куча диаметром около шести метров. Новые местонахождения раковинных куч были обнаружены в 1924 году на южной стороне мыса Виноградного, а также на хуторе Сухановка⁹⁴. Уже тогда А. И. Разин обратил внимание на то, что найденные им древние поселения или стоянки как бы взаимно дополняли друг друга в стратиграфическом отношении⁹⁵: «С первой можно зорко следить за всем западным берегом Уссурийского залива и за всей бухтой Майтун, со второй стоянки — за восточной частью и выходом Уссурийского залива». Открытием новых раковинных куч в 1924 году А. И. Разин значительно расширил известную до него область распространения памятников этого рода. Он установил, что раковинные кучи широко распространены как в районе Амурского, так и Уссурийского заливов. Обобщая результаты своих разведок и раскопок, А. И. Разин обстоятельно описал вещественный материал из поселений с раковинными кучами. Он выделил три типа шлифованных каменных наконечников стрел, описал крупные острия из шифера, расклассифицировал разнообразные костяные изделия; выделил типы орнамента и описал технику его выполнения на сосудах. Разину не удалось, правда, дать четкую типологическую классификацию каменных рубящих орудий, не все его определения функций орудий бесспорны. К сожалению, он не имел возможности приложить к своим статьям рисунки. И все-таки это была первая в археологической литературе обстоятельная попытка специального типологического анализа инвентаря из раковинных куч Приморья.

Развивая мысли Янковского и Маргаритова, А. И. Разин сделал ряд интересных общих выводов о культуре и жизни людей, оставивших раковинные кучи. «Находки в раковинных кучах на берегах Уссурийского залива, — писал он, — вполне тождественны с раковинными остатками Амурского залива, находящимися на полуострове Янковского и Песчаном. Сходство имеется не только в общем составе раковинных куч, но и в типах топоров, копий, наконечников стрел, кинжалов, материала для них, костяных изделий и гончарного искусства, где иногда мотивы орнамента настолько тождественны, что заставляют предполагать близкую связь между местными поселениями того времени (коллекция, собранная В. Е. Глуздовским на полуострове Песчаном)»⁹⁶.

Работы А. И. Разина впервые показали, что на берегах Амурского и Уссурийского заливов существовала единая культура обитателей поселений с раковинными кучами. Как и его предшественники, А. И. Разин особо отмечал тяготение древнего населения к морю, очевидно не только по наличию самих раковинных куч, но и по их расположению. Главным промыслом населения, по его словам, в летнее время был сбор морских моллюсков и рыбная ловля, а зимой — охота, в которой участвовал верный спутник человека — собака. Питание морскими моллюсками Разин объяснял легким способом их добывания. Описывая найденные в кучах раковины, он отметил наличие среди них моллюсков, обитающих на глубине 30—70 м. Для добычи таких моллюсков были нужны лодки и суда. Стоянки же судов и лодок помещались в наиболее глубоких частях бухт. Так, у мыса Виноградного, по его словам, стоянка могла находиться

у южной, наиболее глубокой стороны мыса, вблизи которого в раковинной куче были найдены грузила из базальта правильной овальной формы с желобком посередине, употреблявшиеся, видимо, для сетей. Кроме того, там же были найдены в большом количестве молоты, служившие, видимо, для вбивания кольев, необходимых как для суши сетей, так и для привязывания лодок.

Жили эти люди небольшими поселками, причем отдельные поселки-общины были тесно связаны друг с другом, оказывая взаимную помощь в случае опасности. Как следует из приводимых А. И. Разиным сведений, любопытной чертой быта был каннибализм, существование которого он связывал с религиозными обрядами [96].

Найденные в раковинных кучах пластинки от костяных лат, а также тщательно сделанные наконечники стрел и копий свидетельствовали, по мнению Разина, о воинственном духе и умении владеть копьем и луком. Интересной чертой, относящейся к области верований и религиозных обычаев, является подмеченная А. И. Разиным особая роль числа 7 в орнаментике. «Несомненно, — писал он, — что это число, имеющее у многих народов важное религиозно-магическое значение, почиталось и людьми культуры раковинных куч» [97]. Что касается времени существования этой культуры, то А. И. Разин, как и В. П. Маргаритов, высказал мысль о ее значительной древности, относящейся к эпохе первобытного человека.

Наблюдения А. И. Разина, касающиеся классификации инвентаря раковинных куч, а также его общие выводы о культуре того времени до сих пор во многом сохраняют свое значение и подтверждаются новыми исследованиями.

В 1925 году А. И. Разин продолжал изучение раковинных куч на берегах Уссурийского залива. Он обнаружил не известное ранее поселение к югу от села Шкотово, на Рыбачьем ключе, осмотрел и описал пять мест с раковинными кучами около хутора Сухановки. После этого была совершена экскурсия по побережью Уссурийского залива, сначала в бухту Суходол до мыса Красный, а затем в северную часть Уссурийского залива в бухту Майтун на хутор Патюкова, где, по данным Буссе и Кропоткина, имелись «остатки жилья, сходные с остатками на полуострове Янковского». Там действительно были найдены керамика и костяные орудия. Ряд древних поселений был обнаружен и в других пунктах по побережью Уссурийского залива. При этом А. И. Разин особое внимание уделил проблеме связи между древними поселениями, в частности системе световой или дымовой сигнализации. Полемизируя с В. П. Маргаритовым, считавшим, что на полуостров Песчаный людей каменного века привели выгоды морского промысла, А. И. Разин писал: «Местом для жилья человек избрал полуостров (Песчаный) не только потому, что ему нужно было море, но еще и потому, что полуостров мог явиться пунктом, с которого видны все окрестности, подчиняя таким образом находящиеся вблизи древние поселения своему влиянию и в то же время усиливая защиту малообеспеченных жилищ».

В 1926 году А. И. Разин обследовал западное побережье залива Петра Великого от полуострова Янковского до границы с Кореей. В результате этих работ составлено описание двух пещер со следами селитьбы и десятки новых неолитических стоянок, кухонные остатки, собрана коллекция из 120 предметов (каменных орудий — 70 экземпляров, костяных изделий — 7, остальные предметы относились к гончарному искусству), а также сделано около 50 разных фотоснимков — разрезы раковинных куч, места селитьбы с раковинными кучами и т. п.

После А. И. Разина изучением поселений с раковинными кучами в районе Владивостока занимались некоторые другие лица, в том числе Л. Н. Иванов, который больше всего внимания уделил обнаруженным им раковинным кучам на полуострове Басаргина. В сообщении о результатах обследования этих куч, Иванов дал сведения о составе фауны, а также о каменном и костяном инвентаре поселения. Из новых данных интересны «отпечатки» листьев деревьев на пяти днищах сосудов (скорее нарезки, изображающие жилки листа, чем настоящие отпечатки листьев); ценны также рисунки вещей и фрагменты сосудов [98]. Со времени выхода в свет монографии Марга-

ривова и статьи Глудзовского рисунки приморских древностей эпохи раковинных куч нигде не издавались.

Л. Н. Иванъев впервые сделал попытку восстановить формы сосудов по обломкам, найденным на полуострове Басаргина. Им были выделены «сосуды шаровидные с плоским дном, с отогнутыми наружу или же, наоборот, вогнутыми краями, купшиновидные, блюдобразные и напоминающие по форме черпак» [1]. К статье приложена таблица, где изображены перечисленные типы сосудов. Однако эти графические реконструкции нельзя признать удачными, так как они выполнены на недостаточном материале. Это относится прежде всего к пропорциям сосудов. Не подтверждается имеющимися материалами и наличие в керамике из раковинных куч круглодонных сосудов.

Л. Н. Иванъев также сделал общие выводы относительно образа жизни и хозяйства древних обитателей полуострова Басаргина. Так же, как другие исследователи, изучавшие поселения с раковинными кучами, он полагал, что оставившее их население занималось рыбной ловлей и добычей моллюсков, а зимой — охотой в окрестных лесах. Способы Лова рыбы и добычи моллюсков, по его словам, были несложны [100]. Рыбу ловили при помощи сети и челна; вероятно, имелись и удочки. Орудиями охоты служили лук и копье. Найденные кости таких глубоководных рыб, как камбала, треска и тупец, говорят о том, что в распоряжении древних жителей были челны или лодки. Морских животных и моллюсков вылавливали в прибрежных водах, где и сейчас сохранились устричные банки [101]. Поселение на полуострове Басаргина существовало длительное время, о чем свидетельствуют плоскодонные сосуды большого размера, значительная мощность отложений и характер фаунистических остатков. Жилища были расположены на берегу, а на самом перешейке производилась лишь разделка рыбы и животных, что подтверждается остатками очагов в слое раковин. Место для приготовления пищи на перешейке, как думает Л. Н. Иванъев, «было выбрано человеком не случайно: постоянные ветры относили от стойбища запах разлагающихся кухонных отходов». В качестве этнографической параллели он приводит жителей Андамакских островов, которые вынуждены были временно покидать свои поселения из-за запаха гниющих створок раковин, остающихся после употребления в пищу моллюсков [102].

Во второй небольшой статье Л. Н. Иванъев дал сжатую характеристику этих памятников [103]. Он отнес их к неолиту и отметил, что раковинные кучи встречаются в Приморье по всей береговой полосе, начиная от границ с Хабаровским краем и кончая рекой Тюмень-Ула, являющейся границей с Кореей, особенно же много их около бухт в Посыетском, Уссурийском и Амурском заливах, где зарегистрировано более 30 местонахождений раковинных куч. В 1931—1941 годах ряд таких куч был обнаружен Л. Н. Иванъевым в окрестностях Владивостока и на побережье полуострова Муравьев-Амурский. Он дает в своей статье описание раковинных куч в бухте Амбазова в Уссурийском заливе, описывает остатки фауны, каменные и костяные орудия, а также керамику. Основываясь на фаунистических остатках, Л. Н. Иванъев приходит к выводу, что у населения, оставившего эти кучи, рыболовство было основным занятием, а охота — подсобным. «Правда, первые исследователи памятников древности Приморья (М. И. Янковский и В. П. Маргаритов) считали, что основным занятием первобытных жителей была охота, но они еще не располагали достаточным материалом и поэтому ошибались в выводах [104]. Вопрос о датировке поселений с раковинными кучами Л. Н. Иванъев оставил открытым. Он писал, что «культура неолитических оседлых рыболовов развивалась на территории нашего Дальнего Востока продолжительное время. Отмеченные нами памятники, по-видимому, можно отнести к различному периоду. Уточнение датировки — ближайшая задача советских археологов на Дальнем Востоке» [105].

Л. Н. Иванъев правильно поставил вопрос о родстве древних культур Приморья и Приамурья. Совершенно очевидно, что эти культуры в общем составляют одну

большую группу. Их сближают: важная роль рыболовства; оседлость и связанное с ней наличие поселков рыбаков с большими землянками, а не легкими чумами; плоскодонная, а не остродонная керамика; некоторые общие черты орнаментики. Однако Л. Н. Иваньев не учел, что между этими двумя культурами есть и существенные различия. В Приморье нет, например, столь богатой спиральной орнаментики, которая характерна для ранних памятников Приамурья.

Очевидно, его в какой-то мере дезориентировал термин «ленточная орнаментика». Нужно иметь в виду, что А. И. Разин понимал под этим словом простой прямолинейно-геометрический узор в виде широкой полосы («ленты») из двух параллельных линий, между которыми размещены косые линии, образующие зигзаг, косые кресты или вертикальные полосы. Однако в других этнографических работах, в которых описывается искусство амурских племен, под этим термином понимался узор из переплетающихся лент, образующих сложные орнаментальные композиции типа плетенки. Разумеется, этот орнамент не имеет ничего общего с «ленточным» на сосудах из раковинных куч.

Важным вкладом Л. Н. Иваньева в археологию Дальнего Востока явилась библиографическая сводка литературы по археологии советского Дальнего Востока. В ней учтено и аннотировано почти четыреста номеров (391 название), охватывающих два столетия, — с 1750 по 1951 год. В эту сводку включены не только книги, журнальные статьи, но и заметки в различных местных изданиях, представляющие нередко значительную ценность. Сводка Л. Н. Иваньева облегчила дальнейшую работу исследователей во всех областях археологии и ранней истории Дальнего Востока.

В Приамурье большой вклад в изучение далекого прошлого внес неутомимый исследователь-краевед Г. С. Новиков-Даурский.

Изучение археологических памятников Приамурья Г. С. Новиков-Даурский начал в 1928 году. Сопровождая профессора А. П. Георгиевского по Амурской области, он обследовал городище у села Игнатьеве в пади Степаниха. Городище занимает около 4000 квадратных метров и представляет почти правильный четырехугольник, ограниченный с юга и востока краем берегового обрыва, а с запада и севера — невысоким валом и рвом. Внутри городища были заметны более десятка жилищных ям. В этом же году им были обследованы могильник у села Марково и ряд других памятников в районе сел Екатериновки, Сергеевки и г. Благовещенска [106].

В 1929 году Г. С. Новиков-Даурский снова обследует район сел Михайловки, Екатериновки, Новопетровки, Сергеевки, Бибикова. С 1931 по 1941 год он обследовал археологические памятники в районе сел Алексеевки, Натальино, Сергеевки, Корсакова, Константиновки и по реке Селемдже. В 1940 году Г. С. Новиков-Даурский помогает в организации археологической экспедиции А. В. Мачинскому — бывшему научному сотруднику Ленинградского отделения института археологии, служившему в воинских частях в 1940—1941 годах в Амурской области.

А. В. Мачинский произвел небольшие раскопки в районе села Черемхово. Им частично раскопано здесь несколько жилищ, относящихся к раннему железному веку, и собрана археологическая коллекция, хранящаяся в настоящее время в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. В статьях, опубликованных в «Амурской правде», он дал краткую характеристику археологических памятников Амурской области по материалам областного музея и раскопок Г. С. Новикова-Даурского, а также сделал попытку классифицировать некоторые из этих памятников. Как специалист-археолог А. В. Мачинский, несомненно, сыграл большую роль в формировании научных интересов Г. С. Новикова-Даурского. Сохранились письма, из которых видно, с каким вниманием следил А. В. Мачинский за исследованиями Новикова-Даурского.

В это и последующее время Г. С. Новиков-Даурский не только занимается описанием археологических памятников, но и стремится обобщить свои исследования. Для этого он изучает работы Н. Бичурина, В. Васильева, В. Горского. Большую цен-

ность имеет вышедший после смерти Григория Степановича сборник его статей «Историко-археологические очерки», который на долгое время останется путеводителем для многих археологических экспедиций [107]. В предисловии книги скромно сказано: «Не будучи квалифицированным археологом, составитель (Г. С. Новиков-Даурский) воздерживался от широких раскопок и, как мог, предостерегал местных любителей старины от таких мероприятий. Работы составителя сводились к проверке полученных сведений о памятниках — установление места нахождения, определение типа и т. п. Если представлялась возможность, им составлялся схематический план и описывался внешний вид памятника, его размеры. Цель этой работы заключается в том, чтобы дать ученым исследователям-археологам ориентировочные материалы для правильного организованного изучения памятников древности Амурской области [108]. Так оценивает он свой вклад в дело изучения археологических памятников Приамурья.

Всего Г. С. Новиковым-Даурским обследовано и описано более двухсот памятников различных эпох. Трудолюбие и скромность этого человека явились примером для многих научных работников, знавших его и работавших с ним. О результатах своих исследований он написал более пятидесяти статей, которые опубликованы в различных периодических и научных изданиях. Г. С. Новиков-Даурский долгое время состоял в редколлегии сборника «Записки Амурского областного музея краеведения» и сотрудничал в «Советской энциклопедии».

В 20—30-х годах внимание археологов привлекли памятники каменного века на Нижнем Амуре. В 1926—1927 годах М. М. Герасимовым в районе Хабаровска в ряде мест было обнаружено несколько стоянок, давших интересный и выразительный инвентарь: превосходно обработанные лавроволистные ножи и клинки, наконечники копий, стрел, дротиков, каменные топоры, керамика [109].

В 20-х годах на Нижнем Амуре работал этнограф Е. Р. Шнейдер, который собрал коллекцию каменных орудий и керамики в селе Кондоне. Эти материалы были переданы в дальнейшем в отдел первобытной культуры Эрмитажа в Ленинграде.

В 1934 году А. М. Золотарев раскопал на Амуре часть неолитического жилища на острове Сучу у Маринска/

Важное значение для понимания древнейших культур Дальнего Востока в целом имели археологические исследования на Нижнем Амуре, организованные в 1935 году Институтом этнографии, антропологии и археологии Академии наук СССР по инициативе В. Г. Тан-Богораза [110]. Экспедиция 1935 года впервые осуществила обследование всей долины реки Амура от (Хабаровска до Николаевки. Было обнаружено и описано около 300 археологических памятников различного времени, в том числе большое количество поселений эпохи неолита. Сравнение неолитических памятников Приамурья с неолитическими памятниками Прибайкалья привело к важному общему выводу. Оказалось, что при некоторых общих чертах с неолитом лесной Сибири и Монголии (мелкие оббитые изделия из кремнистых парод—проколки, вкладыши, скребки) каменный инвентарь неолита Амура выделяется рядом специфических элементов (ножи «мустьерскопо» типа⁸, особые формы каменных шлифованных орудий). В силу различной техники изготовления глиняных сосудов еще более резко сказывается это различие в керамике (широкое применение лощения, нанесение на поверхность сосуда тонкого слоя ярко-красной краски); (принципиальное отличие форм: плоскостность, преобладание на ранних этапах сосудов усеченно-конической формы.

Резко отличается и искусство древних амурских народов от искусства других племен лесной зоны. Если на западе, в Сибири и Монголии преобладает простая зональная композиция узора, а сам орнамент имеет прямоугольно-геометрический характер (прямые линии, зигзаги, реже — треугольники), то на востоке, в долине Амура, ярко расцветает криволинейная орнаментика (спирали, амурская «плетенка»); встречается также меандр⁹, иногда довольно сложный. Изредка на Амуре наблюдается роспись на сосудах, совершенно чуждая лесным культурам Сибири. Отличается и техника выполнения узора: узор, выполненный оттисками палочки-штампа, на Амуре крайне[^]

редок. Преобладающее место принадлежит резному линейному узору, а также выполненному зазубренным краем раковины или прокатыванием зубчатого колесика. Специфическим для Амура является узор из вертикальных зигзагов, покрывающих значительную часть поверхности сосуда сплошным ковром, или «циновкой». По этому чеканному фану часто нанесены широкие спирали, прочерченные свободно и размашисто.

Принципиальное различие между обеими культурами прослеживается в сфере бытового уклада, в том числе в конструкции жилищ. Так, вместо легких чумов сибирских лесных охотников и рыболовов на Дальнем Востоке жилищами служили в основном прочные полуподземные дома, часто образовавшие большие поселки из тесно группировавшихся друг около друга десятков домов — настоящие деревни каменного века. Следовательно, в отличие от бродячих или полубродячих жителей сибирской тайги обитатели Амурского края уже в неолите были такими же оседлыми (рыболовами, как современные ульчи, нанайцы, гиляки).

Эти особенности бытового уклада древних амурских племен были непосредственно связаны с характером их хозяйственной жизни, основу которой составляло рыболовство с такими специфическими явлениями, как массовый ход морской рыбы на нерест в реки Тихоокеанского побережья, прежде всего в Амур.

Одновременно было отмечено, что древние культуры Амура, почти не соприкасавшиеся с культурой лесных охотников и рыболовов Сибири, обнаруживают близкие и многосторонние связи с южными культурами Тихоокеанского бассейна.

Тогда же, на материалах, собранных в долине Амура в 1935 году, была разработана и первая схема хронологической классификации древних памятников Нижнего Амура. Был выделен этап мезолита¹⁰, или раннего докерамического неолита (деревня Осиповка — «Гора Суя» в районе Хабаровска), -а также две фазы неолита.

Итак, за время изучения древнейшей истории Приморья трудами М. И. Янковского, В. П. Маргаритова, Ф. Ф. Буссе, В. К. Арсеньева, А. И. Разина, А. Я- Гурова, Г. С. Новикова-Даурского был накоплен значительный материал и поставлен ряд важных исторических проблем.

Чтобы оценить вклад в науку первых исследователей прошлого Дальнего Востока, достаточно вспомнить условия, в которых совершал свои путешествия В. К. Арсеньев, чья деятельность служила образцом для других исследователей Дальнего Востока.

Арсеньеву и его спутникам не раз грозила гибель в мертвой снежной пустыне, в диких горах и тайге. Неоднократно они оказывались на грани голодной смерти. Только мужество этих людей, воля к победе выводили их из критического положения.

К сожалению, собранные различными исследователями материалы по ранней истории Приморья обычно не обрабатывались и не опубликовывались, а оседали мертвым грузом в музеях и иногда бесследно исчезали. Загадочно исчезла сводная рукопись В. К. Арсеньева о древностях Приморья, то же самое случилось и с образцовым, по словам современников, архивом Ф. Ф. Буссе.

В опубликованных материалах по ранней истории Дальнего Востока имелись крупные пробелы. Не выяснен был вопрос о первоначальном заселении юга советского Дальнего Востока человеком. Не были разработаны вопросы периодизации неолита, раннего железного века. Янковским, Маргаритовым Арсеньевым, Разиным, Иваньевым, Гуровым, Новиковым-Даурским в музеях Владивостока, Хабаровска, Благовещенска были собраны обширные коллекции из раковинных куч, поселений железного века и средневековых памятников, по которым можно представить материальную культуру того времени, отчасти хозяйство, а также животный мир. Но в целом культура и история древнего населения Дальнего Востока, оставившего следы своей жизни у берегов Тихого океана и на берегах Амура все еще остались неясными и загадочными.

Первыми шагами в этом направлении явились работы Дальневосточной археологической экспедиции (ДВАЭ), начавшей в 1953 году систематическое изучение древностей Приморья и Приамурья.

Основной задачей полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1953 году было обследование важнейших археологических памятников Приморья (по возможности на более широкой территории), с целью получить материалы для выяснения последовательности смены культурно-исторических этапов в крае.

В 1953 году экспедиция произвела широкое разведочное обследование в ряде районов Приморья: 1) по островам в заливе Петра Великого, начиная с Владивостока и острова Попова и кончая островом Фуругельма (у берегов Кореи); 2) по побережью в районе бухты Посыет: полуострова Янковского и Песчаный вблизи устья реки Раздольной; 3) в районе Артемгрэса и в бухте Находка; 4) в районе Кокшаровки; 5) в районе Черниговки и Павловки, а также в Уссурийске; 6) на озере Ханка; 7) на реке Рудной; 8) были вновь обследованы стоянки в районе Хабаровска. Одной из важнейших задач в ходе этих полевых исследований были поиски памятников, предшествовавших поселениям с раковинными кучами, относящихся к древнейшим культурно-историческим этапам.

Эти поиски привели к открытию древнейшей из известных в настоящее время в Приморье ооиновокой культуры. Был собран новый разнообразный материал на поселениях с раковинными кучами, который позволил полнее и во многом по-новому представить культуру приморских племен того времени. (В 1953 году А. П. Окладников обследовал неолитическое поселение вблизи поселка Красино и Заисановки, в устье реки Гладкой, давшее культурные остатки нового для Приморья облика, аналогичные неолитическим памятникам Кореи [14]).

В 1954 году было осуществлено сплошное обследование археологических памятников в долине рек Шилки и Амура, от Сретенска и до Благовещенска. В результате впервые было получено представление о характере древних культур в верхнем Приамурье. Одновременно раскатывалось неолитическое поселение на реке Гладкой, обследовались поселения с раковинными кучами [15].

В 1955 году производились раскопки древнего поселения в районе села Осияовки. В результате было установлено, что этот памятник принадлежит к числу многослойных. Он содержал культурные остатки эпохи раннего железа, неолитического времени и в самом низу культурной толщи — осиновокой культуры эпохи палеолита. Начаты были исследования неолитического поселения с ямами-землянками в районе устья реки Рудной. Изучались городища средневекового времени на реке Раздольной, у Уссурийска и на Красноярской сопке [16].

В 1956 году ДВАЭ продолжала раскопки и археологические исследования в ранне-не Владивостока и Уссурийска, а также устья реки Рудной. В работе экспедиции участвовал Дальневосточный филиал АН СССР (отдел истории, археологии и этнографии).

Продолжались исследования древнейшего памятника каменного века в Приморье —* нижнего слоя поселения на реке Осинке, где была обнаружена мастерская по изготовлению орудий архаичных форм. Кроме готовых форм была найдена наковальня, на которой изготовлялись эти изделия, а также отбросы производства — отщепы. Открыт ряд неизвестных ранее памятников неолита, в том числе стоянки на мысе Песчаном и полуострове Де-Фриза. Раскопки в районе поселка Рудная Пристань показали, что здесь сменялось два этапа неолитической культуры. Первый, более ранний, представлен находками в нижнем культурном слое поселения. Находки дают представление о зрелой своеобразной культуре неолита Приморья (плоскодонные сосуды с узким дном, богатый набор каменных орудий как оббитых, так и шлифованных). Время этой культуры — III—II тысячелетия до н. э.

На месте древнейшего поселения возникает впоследствии новое, в виде поселка из больших жилищ полуподземного типа. Раскопаны были целиком два сооружения, площадью каждое около 100 кв. м. Одно из них было хозяйственным, в нем оказалось три ямы для запасов продуктов питания и ряд очагов. Второе жилище было скорее

«мужским домом». Среди разнообразных находок (глиняные сосуды, каменные наконечники стрел, ножи и т. д.) имеются предметы, свидетельствующие о связях населения этой территории с другими областями, — цилиндрические бусы и кривое, типа магатамы, украшение, нефритовое тесло. Для характеристики хозяйства важны зернотерки и куранты к ним [11].

Установлено, что позже, в первом тысячелетии до н. э., здесь распространяется южная по происхождению культура, непосредственно предшествующая культуре с раковинными кучами.

У города Уссурийска и на реке Артемовке были открыты памятники континентальной культуры, близкие современной прибрежной культуре с раковинными кучами.

Открыты и исследованы жилища, относящиеся к ранее неизвестной культуре раннего железа Приморья, когда здесь жили племена мохэ. Изучались также памятники средневековья, например, обширное укрепленное поселение около Уссурийска на Краснояровской сапке. Здесь отмечена своеобразная планировка и начаты раскопки парадных зданий дворцового типа, храмов. Обнаружены остатки черепичных крыш, украшенных изображениями драконов, каменные базы для колонн и оригинальная стела, (покрытая орнаментальными резными линиями.

В 1957 году Дальневосточная экспедиция в основном вела работы на территории Приморского края, а также на острове Сахалин и на Верхнем Амуре.

В Приморском крае экспедиция исследовала ряд важных памятников, относящихся к неолиту и железному веку. В долине реки Кроуновки велись раскопки большого многослойного памятника. В нижнем слое поселения обнаружены остатки культуры позднелитического типа (керамика, изделия из обсидиана). Выше залегал слой, давший керамику иного типа и шлифованные топоры, примерно того же типа, что и из раковинных куч. Еще выше находились два культурных слоя, сосуды с «рогами» или «пеньками», сосуды типа чаш на высоких поддонах и железные изделия.

В районе озера Ханка исследовались два поселения. В одном из них, в пади Семипятной, целиком вскрыта одна большая полуземлянка начала железного века. В землянке найден очаг из каменных плит, большое количество керамики, а также украшения и изделия из железа. В пади Харийской были начаты работы по изучению поселения, относящегося ко II—I тысячелетию до н. э., с богатым инвентарем (сосуды, каменные орудия и т. п.). В Уссурийске продолжались исследования архитектурных сооружений чжурчжэньского времени.

На Верхнем Амуре Э. В. Шавкуновым был обнаружен ряд разновременных памятников, в том числе местонахождение палеолитических изделий в Кумарах (среди них превосходное «рубило», напоминающее орудия такого рода из Осиновки в Приморье).

В 1958 году основным объектом работы в Приморье было древнее поселение в пади Харинской около озера Ханка, которое состояло из многочисленных жилищ типа полуземлянок. Шесть из них раскопаны в 1958 году.

В 1959 году работы ДВАЭ производились на территории Хабаровского и Приморского краев. По территориальному охвату и объему они превзошли работы предшествующих лет. В районе Хабаровска были начаты раскопки обширного многослойного поселения у Амурского санатория. Раскопками вскрыты остатки ряда углубленных в землю жилищ и ям-хранилищ. Наиболее ранние следы деятельности человека на этом холме относятся к неолитическому времени, когда здесь существовало поселение, впоследствии почти целиком уничтоженное. Сохранились обломки сосудов, украшенных орнаментом в виде «плетенки», каменные шлифованные топоры, несколько нуклеусов призматического типа.

Основная масса находок относится к эпохе металла (польцевской культуры) — это преимущественно глиняные сосуды, украшенные налепными валиками и своеобразным орнаментом. К тому же времени относятся: бронзовая пуговица «скифо-сибирского типа», различные костяные острия, а также костяные пластины от лат. Особый интерес представляют глиняные модели — лодки, колыбели и шитки, предохраняющие

руки от удара тетивой во время стрельбы из лука. Лодка и колыбель аналогичны современным лодкам и колыбелям тунгусо-маньчжурских племен Амура. Эти находки вносят существенный вклад в изучение истории культуры и этногенеза¹¹ амурских племен.

Кроме того, впервые были широко осуществлены разведочные исследования в долине реки Усури, где открыт ряд памятников различного времени. Производились также раскопки неолитического жилища на озере Ханка, около села Новокачалинского, где обнаружены своеобразная керамика, примитивные скульптурки из обожженной глины и топоры-мотыжки с плечиками. Эти данные позволяют существенно дополнить классификацию древнейших памятников данной части Приморья.

Особым маршрутом был охвачен Артем, Партизанск, бухта Береговая и далее вдоль побережья Японского моря вплоть до бухты Ольги — Кавалерова — Уссурийска. Здесь был обнаружен ряд неизвестных ранее древних поселений. Работами в районе Артема (Артемгрэс — поселок Кировский) установлено наличие двухслойного поселения: внизу — неолитического, выше — эпохи ранней бронзы. В последнем обнаружены остатки жилища, внезапно брошенного его обитателями. Там найдены целые скопления глиняных сосудов, зернотерки и курганты архаической сегментовидной формы, каменные топоры, пряслица. Внутри раздавленных сосудов и рядом с ними уцелели обожженные маньчжурские кедровые орехи и, что особенно важно, остатки створешей каши из проса.

Сгоревшие зерна проса были обнаружены также и на поселении янковской культуры раковинных куч, остатки которого были исследованы в 1959 году около Федоровского известкового завода у деревни Екатериновки на реке Партизанской.

Находки в жилище верхнего слоя в поселке Кировском вместе с находками в пади Харинской (1958 год) дали параллели к культуре раннего бронзового века Маньчжурии. Находки свидетельствуют о трагических страницах истории Приморья в XII—XI веках до н. э. Важно и то, что исследования 1959 года показали наличие во II—I тысячелетии до н. э. в Приморье земледелия.

В завершение полевых работ 1959 года были осуществлены раскопки поселения неолитического времени в бухте Моряк-Рыболов, где обнаружен обильный каменный инвентарь и керамика своеобразного облика. Наличие в инвентаре наконечников стрел особого рода, аналогичных найденным в Арктике (на Чукотке, Колыме, в Якутии), указывает, по-видимому, на проникновение сюда, в район, где ранее существовала тегуипская культура, нового населения. Этот факт раскрыл ранее не известную в науке страницу из этнических отношений племен каменного века.

Новым в работе экспедиции явилось участие в ней не только сотрудников ДВФАН СССР, но также Приамурского филиала Всесоюзного географического общества и Хабаровского краеведческого музея, выделивших дополнительные средства, своих сотрудников, а также обеспечивших участие в работах школьников — юных географов и историков, оказавших экспедиции большую помощь.

В 1960 году основным объектом работ Дальневосточной (Амурской) экспедиции было поселение каменного века на Амуре у деревни Осиповки, где вскрыта значительная площадь и получен большой вещественный материал, дающий полное представление о своеобразной палеолитической культуре, наиболее древней из всех известных сейчас на Среднем Амуре и в долине Усури. На Амуре велись также раскопки многослойных поселений в Кондоне и у села Казакевичево.

В Приморье продолжались раскопки поселения на полуострове Песчаном, где был вскрыт ряд жилищ и собран обильный материал. Наиболее важной явилась находка железных изделий в трех жилищах, показывающая, что культура раковинных куч существовала в Приморье вплоть до появления железа. Были произведены также исследования поселений с ямами-землянками у бывшего хутора Патюкова (ныне усадьба зверосовхоза) вблизи Артема. Поселение оказалось многослойным, в нем обнаружены остатки неолитической культуры, эпохи бронзы и раннего железного периода.

С 1961 по 1968 год широкие по масштабам работы ведутся на Среднем и Нижнем Амуре, где исследуются памятники каменного и железного веков.

В. 1961 году А. П. Окладников совместно с В. Е. Ларичевым и В. Ф. Кантонистой обследовал нижнее и среднее течение реки Зеи. Исключительное значение для древней истории не только Среднего Амурского, но и всей Северной Азии имели находки древнейших галечных орудий в районе села Филимошки [115].

Всего во время разведочных работ в 1961 году на реке Зее было исследовано более 50 памятников, относящихся к каменному и железному векам. В том же году отрядом ДВАЭ под руководством А. П. Окладникова был осуществлен разведочный маршрут от Благовещенска до села Пашкове

Участниками экспедиции было раскопано одно частично сохранившееся неолитическое жилище в селе Константинова. Оно дало очень интересный и своеобразный материал, позволивший позднее выделить поселение этого типа в новопетровскую культуру пластин.

Неподалеку от села Константинов[™] на берегу Осинового озера было обнаружено большое неолитическое поселение с культурой другого типа. Обширный и интересный материал по каменному веку Среднего Амурского был собран также на острове Уральском и у села Новопетровки Амурской области.

На основании полученных фактов А. П. Окладников выделил в бассейне Среднего Амурского четыре неолитические культуры: а) громатухинскую культуру; б) своеобразную новую культуру ножевидных пластин (Константиновка и Новопетровка); в) культуру, аналогичную представленной в Маньчжурии известным могильником в Анании; г) нижнеамурскую культуру с орнаментом типа «амурской плетенки» [116].

Особый интерес для археологии Амурского и Дальнего Востока в целом представляет открытие в бассейне Среднего Амурского культуры пластин. Оно свидетельствует о широких контактах дальневосточных племен в эпоху неолита с племенами сопредельных районов — Восточной Сибири, Монголии и отчасти даже Аляски.

В 1962 году на неолитическом поселении у села Константиновки работы были продолжены.

В том же году отрядом ДВАЭ было раскопано три жилища неолитического поселения на берегу Осинового озера у села Войково. Раскопанные жилища дали четкую стратиграфию и большой фактический материал для реконструкции архитектуры жилищ, а также разнообразный каменный инвентарь, керамику, изделия из кости.

Большое значение имело открытие нового поселения культуры пластин в трех километрах от села Новопетровки, названном «Крутой мыс», или Новопетровка [116]. Здесь была раскопана половина одного жилища. В том же году были начаты работы по исследованию поселений неолитического времени у села Кондона и раннего железного века у села Кукелево.

В 1963 году отрядом ДВАЭ под руководством А. И. Мартынова были проведены раскопки на неолитическом поселении у села Сергеевки, оказавшемся аналогичным по времени и характеру каменного инвентаря поселению в устье реки Громатухи.

В 1963 году в двух километрах от поселения Крутой мыс на берегу реки Дунайки был обнаружен ряд жилищ. В двух из них произведены небольшие разведочные раскопки, позволившие получить новый ценный материал по этой культуре [117]. Это местонахождение было обозначено как Новопетровка-П.

Два других отряда ДВАЭ продолжали раскопки неолитических поселений в селе Кондоне и у села Кукелево. В селе Кондоне в течение 1962—1963 годов раскопками вскрыта значительная площадь, в результате чего был собран ценный материал по истории племен этой территории в каменном веке.

В следующем году продолжались работы по вскрытию неолитических поселений у села Новопетровки. Всего здесь было вскрыто более десяти жилищ и значительная часть межжилищного заполнения, в котором оказалось еще два маленьких котлована — остаток от небольших по размерам строений древнего человека.

В 1965 году археологические исследования проводились в Приамурье, Приморье и на Курилах.

На Среднем Амуре раскапывались неолитические поселения на Осиновом озере, на реке Громатухе, а также поселения раннего железного века у села Кукелево. На Осиновом озере вскрыто несколько неолитических жилищных комплексов и одно мохэское жилище [11]. В неолитических жилищах найдена керамика, украшенная налпными рассеченными валиками. Эта керамика такая же, как и на поселении в селе Новопетровке. Но в отличие от новопетровской культуры, у осиноозерцев все орудия труда выделывались не из ножевидных пластин, а из отщепов и заготовок. Осиноозерская культура существовала на Среднем Амуре значительно позже, но генетически была связана с новопетровской культурой, о чем свидетельствует одна и та же керамика и сходная конструкция жилищ, что само по себе является индикатором их этногенетической близости.

В жилищах на поселении у Осинового озера найдены песты, зернотерки, что свидетельствует о возникновении нового производящего хозяйства в неолите Среднего Амура. Это явилось новым шагом в истории материальной культуры племен этой территории.

Раскопки были начаты и на другом неолитическом памятнике Среднего Амура — поселении в устье реки Громатухи.

В бассейне Нижнего Амура в 1965 году исследовалась серия неолитических поселений, благодаря чему удалось хронологически разделить неолит Нижнего Амура на несколько этапов.

В селе Малышево раскопки проводились в трех пунктах: у мастерских РЭБ флота, на «Утесе» и в одном километре от села вниз по течению Амура. Наиболее раннее из этих поселений — у мастерских флота. При раскопках там найдены гребенчатая керамика, характерная для раннего неолита Нижнего Амура, топоры ассиметричные в поперечном сечении, скребки, режущие орудия, ножевидные пластины и подпризматические нуклеусы¹².

Самый поздний из этих памятников — поселение на «Утесе». Поселение оказалось двухслойным. Нижний культурный горизонт относится к неолиту, а поздний — к середине II тысячелетия.

В Приморье работы проводились в районе села Екатериновки. На городище, расположенном на высокой сопке у подстанции, раскапывалась часть жилища и вала. Керамика, найденная в жилище, близка по типу сосудов к керамике поселения в пади Харинской. Участниками экспедиции производилось и обследование пещер, открытых в районе Екатериновки Е. Г. Лешком, в том числе пещеры «Географического общества».

На Курилах работала небольшая группа археологов (А. П. Окладников, В. А. Голубев и А. П. Деревянко).

На острове Итуруп ими были обследованы «рисунки на камнях» в вулкане Богдана Хмельницкого, открытые Г. М. Власовым в 1948 году [119], и поселения эпохи неолита и железа в ряде пунктов острова.

В 1966 году на Среднем Амуре продолжались раскопки неолитического поселения в устье реки Громатухи и поселения раннего железного века у села Кукелево.

В 1966 году проводились раскопки на одном из уникальнейших памятников эпохи неолита на Нижнем Амуре — поселении у сел Хунгари и Вознесенки на правом берегу Амура [120].

На этом поселении собрал первую коллекцию каменных орудий еще В. К. Арсеньев. В 1935 году А. П. Окладниковым здесь были проведены первые раскопки. В 1966 году на поселении удалось вскрыть значительную площадь. Раскопки этого поселения позволили расчлнить неолит Нижнего Амура на несколько хронологических этапов.

В 1967 году продолжались работы на поселении Польце. Дополнительно было

вскрыто еще четыре жилища. Таким образом, всего на поселении за четыре года раскопок вскрыты одиннадцать жилых комплексов и значительная часть межжилищного пространства.

Поселение Польце явилось уникальным памятником раннего железного века Приморья.

На Среднем Амуре были начаты раскопки одного жилища на городище у села Лрсеньевки в Михайловском районе Амурской области. Кроме того, была проведена разведка в Ивановском районе, во время которой у села Троицкого и в некоторых других местах были открыты памятники каменного века. Большой мохэский могильник обнаружен в 4 км от села Троицкого.

В Приморье, совместно с Зоологическим институтом и Приморским филиалом Географического общества, изучались пещеры в долине реки Партизанской. В пещере «Географического общества» вместе с костями плейстоценовых животных¹³ обнаружены оббитые каменные орудия труда. В верхних слоях пещеры найдены пряслица, керамика более поздних эпох неолита и железного века.

В 1968 году основные работы ДВАЭ были сосредоточены в Приамурье, где проводились широкие по масштабам работы от г. Благовещенска до Николаевска-на-Амуре.

В бассейне Среднего Амура продолжались раскопки большого мохэского городища у села Арсеньевки Михайловского района. Городище расположено на высокой, круто обрывающейся к долине реки Завитой, террасе. Городище существовало, по-видимому, весьма продолжительное время и несколько раз горело. При вскрытии жилищ оказалось, что некоторые из них выстроены заново на месте сгоревших. Вся площадь городища была застроена жилыми постройками настолько плотно, что часть из них находилась за пределами вала. Всего вскрыто восемь жилищ.

В 1968 году продолжались работы по раскопкам поселений раннего железного века в районе села Кукелево Еврейской автономной области. Раскопки проводились на двух поселениях, относящихся к самому раннему этапу железного века — урильской культуре.

Все раскопанные здесь жилища относятся к одной культуре. Среди сосудов можно выделить несколько типов: краснолощенные шаровидные и амфоровидные сосуды с небольшим прямым или отогнутым венчиком, нередко украшенные наlepными валиками; горшковидные, баночные, ситилообразные. Орнаментировались сосуды в основном различными комбинациями наlepных валиков и прочерченных линий.

В одном жилище найдены две керамические модели — игрушки, возможно имитирующие колыбели. Они похожи на модели-колыбельки, найденные при раскопках в 1959 году поселения раннего железного века в Амурском санатории под Хабаровском. Эти модели очень близки по форме к колыбелям тунгусов XVIII—XIX вв. Много найдено маленьких игрушечных сосудиков, которые повторяют по форме большие сосуды.

В 1968 году проведено широким фронтом обследование археологических памятников на Нижнем Амуре от Хабаровска до Николаевска. Работы проводились как на уже известных памятниках, открытых в 1935 году А. П. Окладниковым, так и на новых. Исследования 1968 года на Нижнем Амуре вновь подтвердили богатство этого района самыми различными в хронологическом отношении памятниками. Особый интерес вызвали памятники с крашеной керамикой типа вознесенской с личинами.

Интересные открытия были сделаны в Кумарах, где еще в 1957 году Э. В. Шавкуновым были найдены палеолитические орудия.

Обследование этого памятника позволило выявить в районе села по крайней мере два палеолитических местонахождения, которые представляют два этапа эволюции галечной культуры на Дальнем Востоке. При этом на примере второго из них можно видеть, как на основе дрвней галечной техники складывается новая, более прогрессивная, леваллуазская традиция".

В 1969 году археологические исследования проводились в основном на Среднем и Нижнем Амуре, а также в зоне затопления Зейской ГЭС. На Среднем Амуре был раскопан большой мохэский могильник у села Троицкого площадью около 5000 кв. м. Вся площадь могильника оказалась занятой погребениями, причем они располагались иногда в несколько ярусов. При вскрытии могил было обнаружено большое количество самых различных украшений, орудий труда, вооружения, сделаны интересные наблюдения о погребальных обрядах мохэцев.

В зоне затопления Зейской ГЭС раскапывалось поселение мохэского времени на реке Громакане. По конструкции дома этого поселения не отличались от жилищ, раскопанных в 1969 году на Михайловском городище. Одинакова и найденная на поселениях в бассейне Зеи и Среднего Амурской керамика.

На Средней Зее, неподалеку от впадения в нее реки Усть-Ту, был обнаружен еще один памятник с галечными орудиями такого же типа, как ранее найденные в Филимошках.

На Среднем Амуре проводилось и исследование памятников раннего железного века. В селе Кукелево на Рыбном озере были раскопаны два жилища. Одно относилось к урильской культуре, второе — к более позднему времени.

Два жилища были раскопаны у села Желтый Яр на реке Бире. Оба жилища относятся ко второму этапу урильской культуры, среди памятников этого типа постепенно исчезают краснолощенные сосуды и на смену им приходят новые формы сосудов, широко распространенные среди памятников более поздней пальцевской культуры.

Поселение урильской культуры раскапывалось и на Нижнем Амуре в поселке Максим Горький, где удалось вскрыть семь жилищ и часть межжилищного заполнения.

В 1969 году были осмотрены пещеры, 'Открытые Е. Г. Лешком в долине реки Партизанской. В некоторых из них он нашел керамику раннего железного века, отщепы и орудия труда, относящиеся к неолиту. Кости плеистоценовых животных, найденные в пещерах, позволяют считать их перспективными для поисков палеолита.

Начиная с 1955 года, в археологические исследования на Дальнем Востоке включились и сотрудники отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала СО АН СССР. В частности, широкие археологические исследования по выявлению и дальнейшему изучению средневековых памятников на территории Приморья и Амурской области были осуществлены Э. В. Шавкуновым. Ему, о чем уже говорилось выше, принадлежит честь открытия палеолитического местонахождения вблизи поселка Кумары в Амурской области. Им же впервые на территории советского Дальнего Востока были осуществлены раскопки ряда бохайских памятников VIII—X веков в долине реки Кроуновки, в 40 километрах к юго-западу от Уссурийска. Результаты своих исследований Э. В. Шавкунов изложил в монографии «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье», изданном в 1968 году издательством «Наука» в Ленинграде. Наряду с изучением памятников бохайского времени, Э. В. Шавкунов проводит всестороннее обследование и изучение различных памятников чжурчжэньского времени, относящихся к XI—XIII векам. Это дало ему возможность приступить к разработке очень важного и сложного вопроса о классификации, периодизации и определении всего комплекса средневековых памятников советского Дальнего Востока.

С 1963 года Э. В. Шавкунов ведет планомерные исследования на Ратнинском городище в долине реки Партизанской. Результаты уже первого года археологических исследований со всей очевидностью показали, что это уникальный по своей научной значимости памятник, представляющий собой остатки одного из крупнейших в Приморье ремесленных центров Чжурчжэньской империи. К настоящему времени на Ратнинском городище вскрыты остатки шести ремесленных мастерских, на территории которых производилась плавка и дальнейшая обработка цветных и черных металлов, а также более полусотни остатков жилищ чжурчжэньских ремесленников и воинов. Материал, полученный в ходе археологических раскопок на Ратнинском городище, уже сейчас позволяет нарисовать картину быта, культуры, хозяйственной деятельности и миро-

воззрения чжурчжэньского населения во второй половине XII — начале XIII века.

С 1958 года к археологическим исследованиям на территории Приморья приступает сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала СО АН СССР Ж. В. Андреева. За период с 1958 по 1969 год она обследовала около 200 археологических памятников различного времени, причем значительная их часть была открыта впервые. Ж. В. Андреевой были осуществлены археологические раскопки более чем на 10 поселениях и стоянках, в том числе на многослойных поселениях Синие Скалы в Ольгинском районе и Малая Подушечка, обнаруженных в свое время Э. В. Шавкуновым в Шкотовском районе. Кроме того, раскопки поселений железного века велись ею в бухте Валентин и около поселка Лазо в Лазовском районе. Изучение этих памятников позволило Ж. В. Андреевой собрать обширный материал по хозяйству, быту и культуре населения Приморья в эпоху железного века. Этот же материал позволяет сделать и определенные выводы об этнических и социально-экономических процессах того времени, об общем уровне развития населения изучаемых поселений и т. д.

Наряду с изучением памятников железного века, Ж. В. Андреева осуществила раскопки некоторых памятников и более раннего периода. Так, в бухте Евстафия в Лазовском районе она провела частичные раскопки поселения позднего неолита, а на берегу озера Зеркального в Кавалеровском районе и на сопке Мустанг в Черниговском районе — поселения эпохи бронзы.

В эти же годы (1958—1968) археологические исследования в Приморье проводились также сотрудником Института археологии АН СССР Г. И. Андреевым.

Начиная с 1963 года, преподавателем Дальневосточного университета Д. Л. Бродянский проведены раскопки на ряде интереснейших памятников Южного Приморья, относящихся к концу II—I тыс. до н. э. Наиболее широкие раскопки проводились в районе зверосовхоза Олений и у села Синий Гай.

Результаты перечисленных выше работ нашли отражение в сводных и научно-популярных работах по археологии и истории СССР: в «Очерках по истории СССР», сборниках «По следам древних культур» и в серии «Народы мира», издаваемых Институтом этнографии АН СССР, в книге А. Л. Монгайта «Археология в СССР», во «Всемирной истории» (том первый), «Истории СССР с древнейших времен и до наших дней» (том первый), «Истории Сибири» (том первый), в ряде монографий А. П. Окладникова: «Далекое прошлое Приморья», «Древнее поселение на полуострове Песчаном», «Лики древнего Амура», «Олень — золотые рога», Э. В. Шавкунова «Государство Бохай», Ж. В. Андреевой «Древнее Приамурье» (железный век), А. П. Деревянского «Новопетровская культура Среднего Амура», «Ранний железный век Дальнего Востока», «В стране трех солнц». По древнейшей истории Дальнего Востока за последние годы написано значительное число статей, вышедших как у нас в стране, так и за рубежом.

Монография «Далекое прошлое Приморья» переиздана в 1965 году в Канаде на английском языке.

Исключительно важны для освещения древней и средневековой истории Приморья также труды Н. В. Кюнера, продолжившего работу Бичурина по выявлению и публикации китайских известий о народах Дальнего Востока, работы наших этнографов, языковедов и антропологов по изучению культуры и прошлого народов Дальнего Востока — Л. Я. Штернберга, Н. Н. Чебоксарова, С. В. Иванова, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина, В. Г. Ларькина, Ю. А. Сема, А. В. Смоляк.

Накопленный фактический материал по истории Дальнего Востока позволяет достаточно полно восстановить весь ход исторического процесса на этой территории с древнейших времен до создания здесь первых государственных объединений, выявить определенные закономерности формирования оригинальной и самобытной культуры древних племен Дальнего Востока.

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕН В ПРИАМУРЬЕ И ПРИМОРЬЕ

ПРИРОДА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ЧЕТВЕРТИЧНОЕ ВРЕМЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКОМ

Становление человеческого общества проходило в условиях коренной ломки природных условий и перестройки растительного и животного мира на огромной территории как в Старом, так и Новом Свете. Начинается этот процесс в третичном периоде и продолжается вплоть до голоцена — современной геологической эпохи. Третичный период делится на палеоген и неоген.

Уже в палеогене происходят изменения в облике Земли, знаменующиеся началом горообразовательных процессов, завершившихся к концу третичного периода созданием широтного пояса альпийской складчатости из ряда целых горных стран — Альп, Карпат, Кавказа и меридиональных гор Америки. Значительно изменяется климат Земли в сторону похолодания и сухости. Под воздействием наступивших холодов также изменился растительный и животный мир.

В начале неогена древнейшие примитивные группы млекопитающих почти полностью исчезают, уступая место современным видам животных. В конце неогенового периода на Земле появляются древнейшие человекообразные обезьяны. В растительном мире в Северном полушарии происходит постепенное исчезновение субтропической флоры и появляются листопадные породы. К концу третичного периода в Центральной и Южной Якутии, на Камчатке в составе растительности основную роль играют растения умеренно-теплого климата, наряду

с которыми еще продолжали расти каштан, вечнозеленый дуб, грецкий орех, встречающийся сейчас в странах с теплым климатом (Китай, Япония, Италия).

Среднегодовая температура не опускалась ниже плюс 4—8° и была, таким образом, значительно выше чем в настоящее время^[111].

За третичным периодом следует четвертичный, во время которого происходит выделение человека из животного мира и становление человеческого общества. Поэтому по предложению геолога А. П. Павлова, четвертичный период с 1922 года называется антропогеном.

Четвертичный период делится на эоплейстоцен, плейстоцен и голоцен.

К началу четвертичной эпохи на Земле был еще сравнительно теплый и влажный климат! Затем повсеместно наблюдается понижение температуры и образование в Северном полушарии ледников, вначале на вершинах крупных гор, а затем, по мере увеличения их размеров, ледники спускаются в долины, занимая все новые и новые пространства^[122].

А. Пенку при изучении моренных отложений в Альпах удалось выявить четыре этапа оледенения, которые он назвал гюнц, миндель, рисе, вюрм. Первое оледенение начинается 500—600 тысяч лет назад. В это время происходит заметное понижение среднегодовой температуры, связанное с развитием ледников в горных областях и в приполярной области Северного полушария. Холодные массы воздуха, минуя горные преграды, проходят далеко на юг. Продолжительность первого ледникового периода, как считают многие ученые, была не более 50—40 тысяч лет.

В эоплейстоцене на территории Дальнего Востока не только в южной его части, но и на северо-востоке климат был более мягкий, чем современный. На Камчатке в слоях, относящихся к этому времени, геологи находят плоды *Juglans cinerea* (грецкий орех) и шишки *Pinus itelmenorum* (ительменская сосна), близкой к *Pinus strobus* (стробойдная сосна), которые не растут сейчас в районах с годовой изотермией плюс 5°. Стробойдная сосна тоже не заходит севернее годовой изотермы в интервале плюс 4—8°С. Климат низин Камчатки в эоплейстоцене, следовательно, может быть охарактеризован как климат лиственных лесов умеренной зоны, а растительность — как хвойно-широколиственные леса. Судя по находке шишек стробойдной сосны, пыльцы тсуги и многих других представителей семейства сосновых, над поясом хвойно-широколиственных лесов на Камчатке существовал вертикальный пояс хвойных лесов, сходных с современным лаврентийским лесом восточной части Северной Америки, который вдоль Аппалач идет далеко к югу над поясом, занятым широколиственным лесом. Возможно, что выше

лежали и еще менее теплолюбивые леса, типа горной тайги. О том, что основным типом растительной жизни (Камчатки были именно хвойно-широколиственные леса, свидетельствует и наличие целого ряда дубравных растений в списках ископаемой флоры (клен, дуб, лещина, серый орех, падуб, страусопер) [123]. На территории южной части Дальнего Востока в эоплейстоцене господствует мягкий влажный климат и не наблюдается резких колебаний температуры. В Амуро-Зейской депрессии в настоящее время выделено три горизонта, которые соответствуют трем климатическим периодам. В самом нижнем горизонте, хронологически- соответствующем эоплейстоцену, выявлена пыльца хвойных с большим участием пыльцы листопадных пород из группы сережкоцветных, но наряду с этими часто и в достаточном количестве встречается пыльца теплолюбивых субтропических растений, таких, как кария и магнолия. На территории Амуро-Зейской депрессии в это время произрастают смешанные леса, состоящие из хвойных и листопадных пород. Хвойные были представлены сосной с большой примесью ели и тсуги, а среди листопадных преобладали ольха и береза, наряду с которыми росли орех, гикори, дуб, бук, граб, вяз, клен, липа, лещина, а в подлеске произрастали вечнозеленые и субтропические растения. В Приморье в это время тоже произрастали смешанные леса с реликтовыми третиной фауны.

В нижнечетвертичное и среднечетвертичное время на всей территории Дальнего Востока наступает похолодание. Но это похолодание было не настолько резким и катастрофическим, чтобы можно говорить о коренной перестройке растительности этой территории в нижнечетвертичное время и позже.

Раннечетвертичное оледенение даже в горных системах северо-востока СССР считается некоторыми специалистами проблематичным [124], а большинство прямо указывают на среднечетвертичное оледенение как первое и максимальное на этой территории. Но ряд геологов все-таки выделяют на северо-востоке Дальнего Востока нижнечетвертичное оледенение. Против раннечетвертичного оледенения на Дальнем Востоке и особенно в южной его части свидетельствуют как палеонтологические данные (отсутствие животных, характерных для холодного климата), так и присутствие в раннечетвертичных слоях значительного числа реликтов субтропической флоры.

Третий горизонт, выделенный в Амуро-Зейской депрессии¹⁵, соответствует по времени промежутку между вторым — нижнечетвертичным горизонтом до голоцена, то есть современного нам периода, и характеризуется изменением климата в сторону еще большего похолодания и сухости. Ландшафт юга советского Дальнего Востока еще более изменяется в сторону расширения заболоченных и степных участков. Интенсивно развивается степная травянистая растительность.

Во всяком случае, на юге Дальнего Востока в ледниковое время не произошло таких катастрофических изменений в растительном мире, как, например, в Западной Европе.

Наличие на юге Дальнего Востока благоприятных климатических условий было одним из основных факторов возможности обитания на этой территории древнего человека.

В нижнечетвертичное время в Приамурье и Приморье определяющую роль играют вечнозеленые растения. Климат был еще теплый и влажный. Это особенно важно в связи с археологическими находками последних лет в бассейне Амура, где найдены орудия труда, относимые к нижнему палеолиту. Среднечетвертичное оледенение, являющееся для этой территории максимальным, оказало существенное влияние на формирование растительного и животного мира на Дальнем Востоке в целом. Спорово-пыльцовые спектры отложений, синхронные периодам оледенений, свидетельствуют о том, что в растительном покрове широко были развиты березовые леса и редколесья. Большие площади были заняты моховыми и сфагновыми болотами с кустарниковой березой и ольхой. Весьма характерно для растительности времени оледенений Дальнего Востока отсутствие по крайней мере в прибрежной части «сухой фазы» с большим участием ксерофитовых ассоциаций¹⁶, что связано, по-видимому, с морским муссонным климатом. Наличие в современной флоре Приморья, Приамурья и Сахалина большого числа реликтов третичной флоры указывает на то, что они пережили эпохи оледенений в наиболее благоприятных местообитаниях, сильно сокращая свои ареалы¹⁷ и широко расселяясь в эпохи межледниковья [125].

Средиоледниковое оледенение, как считает большинство специалистов, было горного и горно-долинного типа. На Амуре оно было горным и оставило следы в хребтах Сихотэ-Алиня, Яблоневого, Большом Хингане, Тукурингра-Джагды, Ам-Алине, Хэтэе и др. [126].

Большая сухость климата фазы максимального оледенения в бассейне Амура подтверждается обнаружением в толщах озерных отложений и торфяниках в пределах современной лесной зоны пыльцы лесостепного комплекса растений и остатков лесостепных животных (трогонтериевого слона). Эти находки указывают на то, что нижняя граница лесной зоны во время оледенения в бассейне Амура проходила севернее, чем в настоящее время.

В Приморье вследствие большого влияния океана климат, по-видимому, был более мягким и влажным. В среднечетвертичное время снеговая линия опускалась на севере до 800—300 метров, а на юге — до 800—1000 метров. Как считают некоторые исследователи, «полупокровное» оледенение в это время было в районе озера Большого Токко на Алданском нагорье, а с хребта Ам-Алинь спускались ледники подножия, с гор — долинными ледниками. Древние ледники во всех горных

районах поднимаются до высоты около 1000 метров на Камчатке и до 2000 метров в горах Сихотэ-Алиня. Наиболее распространенным был горно-долинный тип ледников. Обычные были и ледники подножия.

В верхнечетвертичное время на территории Дальнего Востока хорошо прослеживается второе отделение, которое, как считает большинство исследователей, распадается на два этапа: ранний и более поздний, с заметным потеплением между ними. Во время последнего оледенения на северо-востоке Азии росли лиственницы, кедровый стланник, береза и ольха. Граница леса лежала на 300 метров ниже современной. Ледники внедрялись в пояс лиственного редколесья или кедрового стланника. Июль был холоднее современного на 2–2,5°, но зима, хотя и суровая, была мягче. Зимой осадков выпадало больше. Среднегодовая температура была также несколько выше. Таким образом, климат последнего ледникового был менее континентален, чем современный ^[127]].

В Амуро-Зейской депрессии в это время господствуют березовые и сосновые леса, увеличивается степная растительность, и полностью исчезают реликтовые третичной фауны ^[125]].

В целом в Приморье климат в это время был также благоприятный для жизни человека. Из древесных пород в верхнечетвертичных отложениях преобладали береза и ольха, а из кустарников и трав произрастали вересковые, злаковые и лютиковые. В равнинных районах в составе трав преобладали злаки и полынь, а в составе споровых — зеленые мхи и в небольшом количестве папоротники. К тому времени относятся, по-видимому, остатки фауны в пещерах Приморья. В пещерах «Спящая Красавица», «Географического общества» найдены кости мамонта, носорога, бизона, лося, тигра, бурого медведя, гиены и других животных ^[129]]. Характерно, что в одном слое были найдены остатки животных, исчезнувших здесь в голоценовом периоде, и животных, обитающих в Приморье сейчас.

В голоцене — современном геологическом периоде — происходит формирование флоры и фауны, характерной для настоящего времени. Изменения лесов в бассейне Амура и в Приморье во многом совпадают с изменением растительности в целом в Европе. Для этих районов характерно наличие послеледникового климатического максимума, когда основную часть в растительности занимают широколиственные породы ^[130]]. На Дальнем Востоке выделена следующая последовательность в развитии лесов ^[131]].

1. Фаза мелколиственных лесов и кустарников (береза и ольха). Безусловно, в это время произрастали и реликтовые растения (.маньчжурский орех, бархатное дерево, дикий виноград и др.), сохранившиеся в основном по побережью, в районе озера Ханка и в некоторых других местах.

2. Фаза смешанных мелко- и широколиственных лесов.

3. Фаза широколиственных лесов (монгольский дуб).

4. Фаза хвойно-широколиственных лесов (корейский кедр и монгольский дуб). Животный мир в голоцене формируется, за небольшим исключением, из представителей плейстоценовой фауны и состоит из различных животных: хищных (волк, медведь, росомаха, тигр), непарнокопытных (лошадь), парнокопытных (косуля, олень, изюбр, лось). Человек в голоцене расселяется преимущественно на современной речной и озерной системе.

Рассматривая природу Дальнего Востока в целом в течение всего четвертичного периода, необходимо отметить, что она испытывала направленно-ритмические изменения. Эти изменения имели много черт местного своеобразия. Растительный и животный мир сохранил на этой территории на протяжении всего четвертичного периода много реликтов. Дальний Восток и северо-восток — два района со слабыми изменениями природных условий в антропогене. По сравнению с северо-западом Евразии, испытывавшим катастрофические изменения природы в целом. Причина этих отличий, как предполагает большинство исследователей, лежит в покровном оледенении северо-запада и отсутствии такового оледенения на Дальнем Востоке.

Природные условия в южной части Дальнего Востока были весьма благоприятны для заселения этой территории человеком уже в нижнем палеолите. Но долгое время здесь не удавалось найти памятников не только нижнего, но и верхнего палеолита.

Первые находки, относящиеся к неожиданно раннему времени, сделаны в верхнем течении реки Зеи у села Филимошки, в суровой и негостеприимной на первый взгляд местности. Село это расположено вблизи устья небольшой речки, впадающей справа в Зею. Кругом расстилаются мари, болотистые низины с моховищами и редким чахлым лесом из лиственниц и карликовых берез. Постройки села расположены на двух террасовидных уступах левого берега Зеи. Нижний уступ возвышается над руслом реки на 15 метров. Сверху он сложен желтоватыми слоистыми супесями. В обнажении берега залегают прослойки валунов и хорошо окатанного галечника. Среди галек много сланцевых и кварцевых, встречаются гальки изверженных пород.

Высокая степень окатанности и правильная форма галек свидетельствует о том, что галечник имеет древнеаллювиальное происхождение и связан с деятельностью какого-то мощного потока, скорее всего какой-то древней реки. Глубже, непосредственно под галечником, залегают толщи коренной породы, желтовато-серого песчаника с прослойками каменного угля.

Верхний террасовидный уступ на 10 м выше нижнего. Он сложен тонкослоистыми светло-желтыми песками, напоминающими дюнные или озерные пески. В нем местами прослеживаются оранжево-желтые

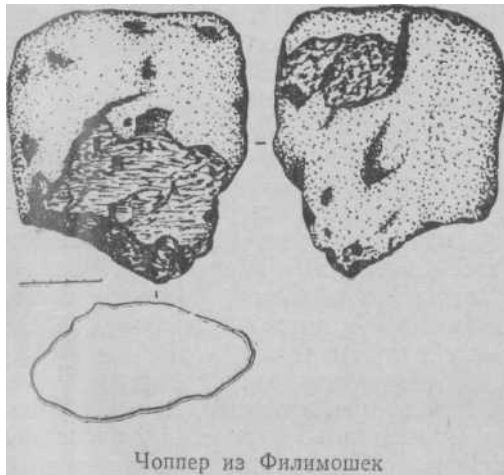
прослойки песка мощностью до 10—15 см. Прослойки эти лучше всего выражены на глубине 1—1,5 м от поверхности почвы, но встречаются и выше.

При обследовании верхней террасы на ней в двух местах, на северной окраине поселка и южной, обнаружены следы деятельности человека, выделявшего каменные орудия неолитического, а может быть, и несколько более раннего — мезолитического типа. В большинстве они представляют собой заготовки орудий. Среди них оказался один гобийский нуклеус, или нуклеус-скребок сибирского типа.

Самые интересные находки зарегистрированы в галечнике нижней террасы, непосредственно над песчаником с прослойками каменного угля. В толще галечника были обнаружены явно намеренно расколотые и оббитые человеком гальки. Оббитые гальки концентрировались на одном сравнительно небольшом участке вдоль берега протяженностью около 20 м. По характеру обработки они могут быть разделены на три основные группы.

В первую группу входят гальки, обработанные наиболее простым способом и с наибольшей экономией усилий, затраченных на их оформление в качестве «артефактов»¹⁸. Это три кварцевые относительно плоские гальки, у которых на одном конце сбоку имеется выемка характерной желобчато-вогнутой формы. Выемка образована одним или,

скорее, несколькими ударами^{ми} > направленными поперек и довольно круто. Удары наносились только с одной стороны гальки (без каких-либо попыток подготовить ударную площадку) прямо, по гладкой галечной поверхности обрабатываемого древним человеком камня.

Во вторую группу выделяются обработанные гальки, на которых видны результаты более усердной целеустремленной работы, с затратой больших усилий. Среди них выделяются примитивные орудия с выемчатыми лезвиями и с «носиком»,

то есть с грубо намеченным острием на одном конце.

В целом, в группе оббитых и расколотых галек обнаруживаются признаки намеренной и совершенно своеобразной обработки камня, не

похожей на обработку камня в поздних памятниках каменного века Северной Азии и Дальнего Востока.

Техника обработки камня очень примитивна, тем не менее ее вовсе нельзя назвать аморфной. Напротив, ей свойственны свои характерные и устойчивые признаки. Первый и исходный такой признак — употребление в качестве основного или даже единственного материала — гальки. Как правило, даже и после обработки галька оставалась почти целой. Техника обработки крайне проста: обрабатывая гальки, древние люди ограничивались нанесением немногих ударов, ориентированных вдоль ее края. Вторым излюбленным приемом было раскалывание гальки поперек: гальку «кололи» резкими и сильными поперечными ударами. Самое большое, что делали с ней, — снимали вертикально с ее края один отщеп за другим. Обработка галек велась преимущественно или почти исключительно с одной стороны. Настоящая двусторонняя отеска камня была абсолютно чужда этой примитивной технике.

К сожалению, неизвестен точно возраст галечников, в которых найдены оббитые камни у села Филимошки. Неизвестен и возраст перекрывающей галечник толщи песков и супесей. Но значительная мощность этих отложений и общий характер все же свидетельствуют о их древнем возрасте. Оббитые и расколотые гальки из галечника у села Филимошки напоминают знаменитые галечные орудия Африки, древнейшие, как полагают многие ученые, обработанные человеком камни на земном шаре, предшествующие первым ручным рубилам шелльских и ашельских форм.

Первоначально обнаруженные на Африканском континенте, подобные предметы стали затем встречаться и в Европе. С особенной энергией их поисками в Европе занялся А. Руст, наблюдения которого над формами этих изделий и условиями залегания представляют для нас большой интерес уже потому, что им найдены самые северные в Европе образцы оббитых галек, датируемых нижнечетвертичным временем, или, как полагает Руст, еще более ранней эпохой. Предметы эти настолько грубы и архаичны по своему облику, что многие археологи не считают их за изделия человека. Геологи же, в свою очередь, отказываются видеть в них обычные гальки.

Тем не менее, среди таких галек выделяются целые серии предметов определенного типа. Первая такая группа представлена, как и в Филимошках, заостренными скреблами «с носиком». Вернее, это массивные гальки, один конец которых оббит таким образом, что с боков имеются две выемки: между ними помещается острие, выступающее подобно носу. Длина таких предметов достигает 15 сантиметров. Обработка, как правило, велась только с одной стороны. Во вторую группу входят гальки с выемкой на одном крае, оформленной одним или несколькими

ударами, направленными поперек длинной оси гальки. Кое-где вместе с такими изделиями встречаются грубые пластины или отщепы.

Орудия такого рода обнаружены были в отложениях, содержащих знаменитую гейдельбергскую челюсть. В ряде случаев они были обнаружены в моренных отложениях северного оледенения, в том числе в основной морене вюрмского ледника¹⁹. Руст объясняет это тем, что орудия находились во вторичном залегании и попали в вюрмскую морену из более разрушенных древних отложений.

Согласно концепции Руста, время существования галечной индустрии охватывает поздний плиоцен и доходит до гюнц-миндельского интергляциала. Но чтобы выросла столь четко выраженная индустрия, полагает этот исследователь, нужны были многие сотни тысяч лет, а может быть, даже миллионы. Затем галечные орудия сменяются индустрией рубил аббевильских форм²⁰.

Однако, по его мнению, в начале человеческой истории сосуществовали два культурных мира. Первый ареал представлял область, где возникла и развивалась классическая культура с рубилами шелльско-ашельского человека. Второй ареал был областью расселения гейдельбергского человека и его потомков. Здесь существовала галечная культура гейдельбергского типа. В отличие от аббевильской культуры, в гейдельбергской полностью отсутствовала техника двусторонней обработки камня, гальки оббивались только с одной стороны. Аббевильская культура имела своим центром Африканский континент, откуда она со временем распространилась в Европу. Галечная же гейдельбергская культура была в Европе «туземной». Руст также считает возможным, что галечная кафуанская культура²¹ Африки зародилась в Европе и оттуда распространилась в раннем плейстоцене в Африку. Таким образом, по его мнению, Европа, в особенности Северная, в плио-плейстоцене была не периферией, а чуть ли не основной колыбелью и исходной областью распространения изначальной человеческой культуры. Этому способствовали богатая фауна и флора того времени. Первые волны холода вытеснили праевропейцев гейдельбертского типа в Африку, куда они и принесли свою технику изготовления односторонне оббитых галечных орудий. Это были, пишет он, не «сомнительные эолиты», а четкая индустрия, для развития которой уже в плиоцене, а затем в начале плейстоцена, на территории Северной Европы существовали более благоприятные биологические условия, чем в современном экваториальном поясе.

Руст особо подчеркивает при этом, что в начале плейстоцена на востоке от Северной Европы не было определенных преград для распространения гейдельбергских людей. Там не было ни климатических преград, ни морей, ни гор, не было и «чуждого народа», то есть народа рубил аббевильского типа.

Оставляя в стороне общие широкие построения Руста, имеющие чисто гипотетический характер, следует констатировать бесспорный факт широкого распространения в нижнем плейстоцене архаической галечной индустрии гейдельбергского типа или близкой к ней кафуанской и ранней соанской²² не только в Африке, но и в Европе, и в "глубинной Азии" — в Пенджабе и Кашмире.

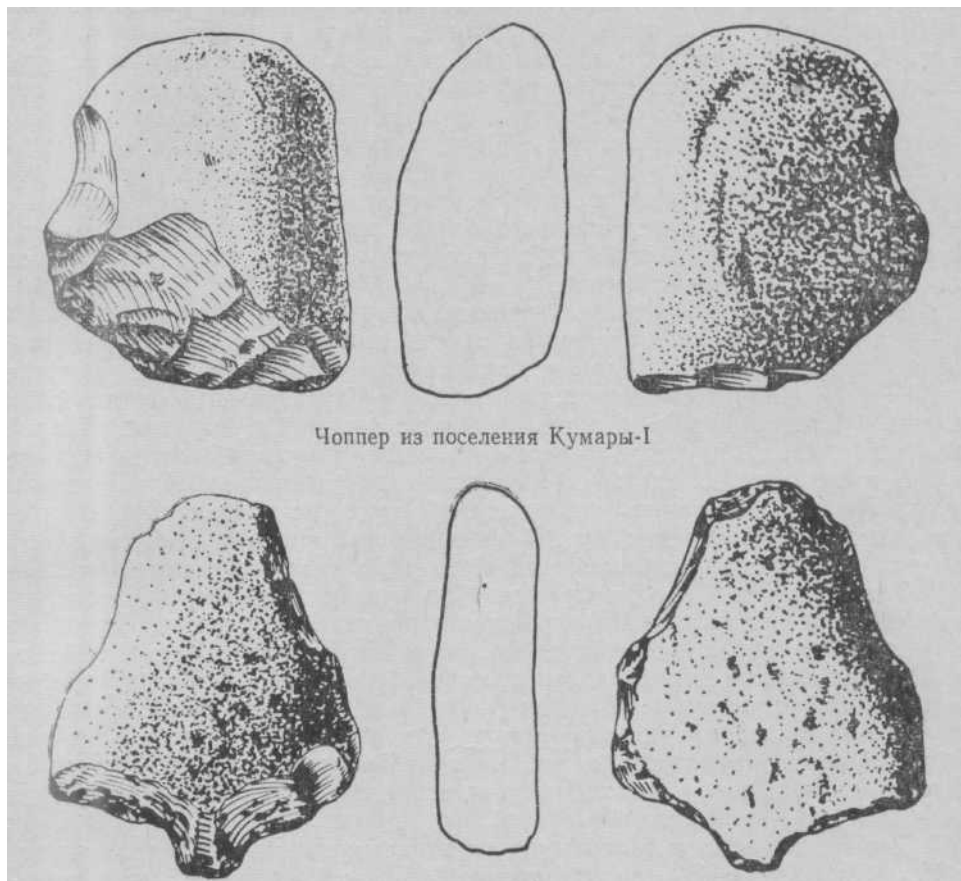
С этой галечной индустрией и техникой, предшествующих, а затем и сопутствующих развитой шелльско-ашельской аббевильской технике двустороннего отесывания валуна, у находок на реке Зее обнаруживаются удивительные совпадения. Прежде всего совпадает главная и принципиальная черта в технике обработки камня: гальки оббиваются только с одной стороны. Совпадают в принципе и формы готовых изделий. Это своего рода массивные остря-рубилы, отесанные несколькими ударами только с одной стороны, а также одинаково примитивные гальки-скребла с боковой выемкой, оформленных тоже одним-двумя и реже большим количеством поперечных ударов. Совпадает, далее, материал — тяжелые, преимущественно кварцитовые гальки.

В большинстве случаев такие галечные орудия обнаруживаются во вторичном залегании, перетолженном древними речными потоками, или в моренных толщах. Возможно, что галечный материал, в котором залегают обработанные гальки на реке Зее, тоже происходит из разрушенных древних морен. Все это ставит перед нами вопрос исключительной важности. Может быть, и в самом деле у села Филимошки на реке Зее обнаружены подлинно начальные следы человеческой культуры, остатки деятельности человека нижнечетвертичного периода. Такой вопрос ставили не однажды и геологи, и археологи, и антропологи. Для подтверждения данной гипотезы нужны были новые находки, новые факты, которые свидетельствовали бы о заселении этой территории человеком.

Новым подтверждением обитания человека на Дальнем Востоке в нижнем палеолите явились находки галечных орудий у села Кумара в бассейне Амура. Это местонахождение открыто в 1957 году Э. В. Шавкуновым. Им была собрана коллекция каменных орудий, бесспорно, относящихся к палеолиту.

В 1968 году работы в селе Кумарах были продолжены А. П. Дервянко и Б. С. Сапуновым. Раскопки и тщательный осмотр береговой террасы позволили выявить в районе села несколько культурных горизонтов: палеолит, мезолит, неолит. Особый интерес представляют палеолитические местонахождения. Первые два пункта находятся ниже села по течению Амура, остальные четыре — выше. На первом местонахождении найдено несколько десятков орудий труда, относящихся к очень древнему времени — нижнему палеолиту. Орудия труда представлены тремя видами — чопперами²³, чоппингами²⁴ и орудиями

с остриями-«носиками». Найдено также несколько бесформенных галек, с которых скалывали грубые отщепы.

Орудие с носиком из поселения Кумары-1

Чопперы изготовлены из массивных галек мелкозернистого гранита и темных вулканических пород. Один конец галек затесывался несколькими грубыми ударами с одной стороны. Остальная часть орудия сохраняет желвачную корку. Сколы крутые, у отдельных изделий удар наносился под прямым углом к продольной оси гальки. Чоппинги отделаны более тщательно: рабочее лезвие у них затесывалось с двух сторон. Но так же, как и у чопперов, большая часть орудия сохраняет желвач-

ную корку. Чопперы и чоппинги изготовлены из больших массивных галек. Длина отдельных экземпляров достигает 20 сантиметров, ширина рабочего лезвия—15 сантиметров. Острия с «носиком» представлены двумя экземплярами, изготовленными из галек мелкозернистого гранита. С одной стороны лезвие у них отделано крутыми сколами так, что в середине поднимается хорошо выраженное острие — «носик». У одного из орудий частично обработан и противоположный рабочему лезвию конец. Нуклеусы представлены кубовидными вариантами и просто желваками, с которых скалывали грубые отщепы. О древности этих орудий труда свидетельствует не только форма и примитивность обработки, но и глубокая патина, выветрелость. У некоторых экземпляров поверхность сколов покрыта такой глубокой патиной, что по существу не отличается по цвету от галечной корки.

Все орудия найдены в древнем галечнике. Его перекрывает 10—15-метровая толща суглинков и супесей. Рыхлые толщи, постепенно поднимаясь, подходят к скалистым сопкам, которые тянутся цепью в 200—300 м от современной долины Амура. В отдельных местах скалы подходят прямо к воде, обрываясь крутыми уступами. Вполне возможно, что в нижнем палеолите русло Амура в соответствии с влажными и сухими периодами то наступало, то отступало. При сужении русла Амура обнажались галечники, которые были прекрасным материалом для изготовления орудий (как в Монголии, где большая часть палеолитических памятников расположена по руслам древних рек).

Третий, не менее замечательный по своей древности и примитивности техники обработки камня — памятник палеолита в долине реки Зеи представляет собой местонахождение около поселка Усть-Ту. Здесь в мощном слое древнего галечника вновь встречены аналогичные описанным выше каменные изделия из галек. Это массивные галечные скребла, а также орудия с выемками и характерные орудия с носком, образованным двумя выемками на противоположных краях гальки. Слой гальки, в котором залегают эти вещи, перекрыт толщей супесей и песка.

Значение находок галечных примитивных изделий в Филимошках, в Усть-Ту и Кумарах для археологии Дальнего Востока, а также соседних с ним областей Азии, трудно переоценить.

До недавнего времени наиболее ранними остатками человека и его культуры в ближайших к Сибири и Дальнему Востоку областях являлись находки в пещере Чжоукоудян в Северном Китае. Орудия труда из Филимошек и Кумар расположены гораздо севернее 54° северной широты, и, возможно, древнее последних. Они относятся к тому отдаленному времени, к той изначальной эпохе нашей истории, когда происходило становление человека и общества, когда человек делал свои первые шаги на пути преодоления зависимости от природы.

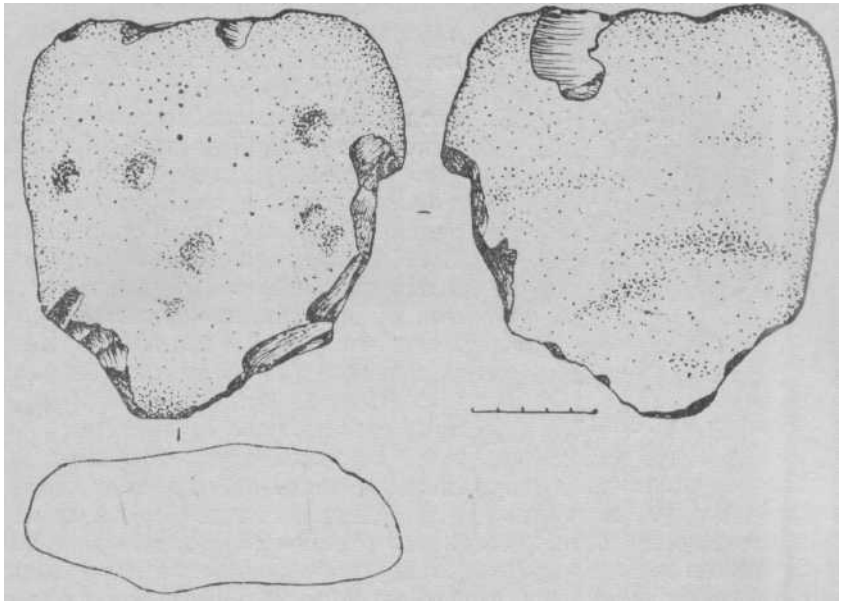
Чоппинг из Усть-Ту

Находки нижнепалеолитических орудий труда не ограничиваются только бассейнами рек Зеи и Амура. За последние годы выявлено несколько нижнепалеолитических памятников и в южной части Сибири, на Алтае. Особый интерес представляет палеолитическое (местонахождение из; реке Улалинке у Горно-Алтайска. В 1964 году здесь в краснобурых супесях на глубине 15 — 20 м от современной дневной поверхности обнаружены расколотые гальки, скребловидные изделия из галек и грубые клеточного типа отщепы. В 1966 году при раскопках найдено хорошо оформленное галечное орудие типа чоппинга. Большая часть орудия сохраняет желвачную корку, и только на одном конце с двух сторон несколькими поперечно-продольными ударами затесано лезвие. Рядом с чоппингом имелось несколько грубых отщепов и орудие типа скребла. Краснобурые супеси, в которых обнаружены изделия человека, можно отнести к концу среднего плейстоцена (или, по археологической периодизации, к нижнему палеолиту). Находки памятников, относящихся к столь отдаленному времени в бассейне Амура и на Алтае, позволяют поставить вопрос: не входят ли Сибирь и Дальний Восток наряду с такими областями, как Юго-Восточная Азия, Африка, Средняя Азия, в район, где происходило становление человеческого общества и его культуры?

Хронологически находки в Кумарах, Усть-Ту, Филимошках могут быть сопоставлены с ашелем и синатропом. Ашельская культура довольно широко была распространена в Азии, Африке и Европе.

На первый взгляд кажется маловероятным возможность проникновения шелльского человека из Юго-Восточной Азии в бассейн Среднего Амура. Но ашельские памятники Средней Европы также отдалены от возможного района формирования дошельского человека Африки и тем более Юго-Восточной Азии, как и бассейн Амура. Природные условия в это время на территории Средней Европы и бассейна Амура также были сходными. Костные остатки животных в слоях одного уровня с теми, в которых была найдена гейдельбертская челюсть, представлены носорогом, бизоном, лосем, медведем. Судя по палинологическим²⁵ данным, в это время здесь росли лиственные смешанно-дубовые леса.

Условия существования синантропа были, видимо, еще более суровы

Чоппер из Усть-Ту

и относятся по времени скорее к первому на территории Дальнего Востока среднечетвертичному оледенению. В отложениях с остатками синантропа найдены пыльца ели, сосны, ивы, березы, ольхи, злаков, осоки, лебедовых, полыни, споры сфагновых мхов и папоротников^[132]. Синантроп был уже настолько развитым существом, что мог жить даже в таких суровых условиях. Он уже знал живительную силу огня и успешно пользовался им для обогрева пещер, а также при защите от хищников и приготовления пищи. У синантропа были такие же примитивные орудия труда, как и найденные в Кумарах и Филимошках. Он выделывал их из песчаника, кварца и кварцита. Для синантропа характерны галечные орудия.

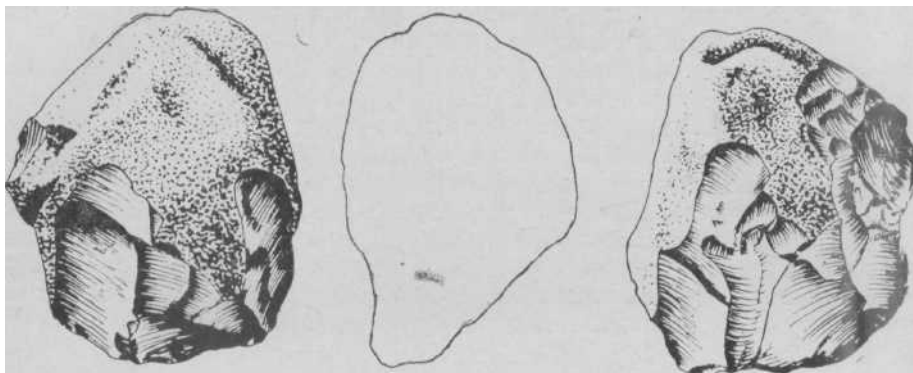
Если синантроп мог жить в Северном Китае в период оледенения, то древний человек в бассейне Амура также мог существовать на этой территории в ранне- и среднечетвертичное время. Синантроп охотился, в основном, на гигантского оленя, пещерного медведя и других животных. У человека нижнего палеолита, жившего в бассейне Амура, ориентировочно 400—300 тысяч лет назад, основным источником существования была охота, хотя в слоях с галечными орудиями в Филимошках не найдено костей ископаемых животных. Это объясняется

скорее всего характером отложений, перекрывающих культурный слой. Как известно, супеси хорошо проводят влагу и воздух и не способствуют сохранности костей животных. Но на Дальнем Востоке из среднечетвергичных отложений известны находки трогонтериевого слона²⁶ (у села Вяземского). Условия существования древнего человека в бассейне Амура в целом были, по-видимому, несколько благоприятнее, а, может быть, такими же, как и у синантропа в Северном Китае. Человек в бассейне Амура так же, как и на соседних территориях, несомненно, вел кочевой образ жизни, охотился на диких животных. Жил он, по-видимому, в пещерах. Таким образом, найденные в Филимошках и Кумарах орудия труда свидетельствуют о весьма раннем, можно сказать, неожиданно раннем, заселении бассейна Амура человеком.

СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ АМУРА И ПРИМОРЬЯ

Находки в Филимошках и Кумарах не решают проблему заселения человеком южной части Дальнего Востока в целом. Они пока лишь свидетельствуют о том, что первый человек — «архантроп» на стадии питекантропа — мог появиться здесь 300—400 тысяч лет назад. Человек, по-видимому, не жил здесь постоянно, и в среднечетвергичное время, когда наступило первое и максимальное на территории Дальнего Востока алданское оледенение он под воздействием холодов, возможно, ушел на юг. Однако в бассейне Амура известно несколько местонахождений с типично леваллуазскими нуклеусами, которые появляются в конце ашеля и в раннем мустье. В Приамурье известно несколько памятников, в которых наряду с галечными орудиями, характерными для предшествующего этапа, появляются новые, леваллуазские, формы нуклеусов. Так, в Кумарах, неподалеку от первого местонахождения (Кумары I), собраны изделия, отличающиеся от нижнепалеолитических как материалом, так и формами (Кумары II).

Среди этих орудий труда имеются рубящие орудия типа чопперов и чоппингов, но основную часть находок составляют грубые отщепы и массивные пластины. Нуклеусы представлены двумя вариантами. К первому относятся крупные гальки, у которых с одного конца снимали отщепы. Часто такие нуклеусы не имеют никакой подправки с ударной площадки. Отщепы отбивали, видимо, без всякой системы. Ко второй группе относятся нуклеусы, имеющие уже хорошо выраженную, специально подработанную, ударную площадку. Они изготовлены из галек, один конец которых несколькими широкими поперечными сколами скошен так, что образовалась острая вершина. Она и являлась ударной площадкой нуклеуса. Сколы, подготавливающие ударную площадку, наносились с одной стороны. С противоположной стороны,

Чоппинг из поселения Кумары-П

образующей с ударной площадкой острый угол, снимали пластины. На рабочей грани видны фасетки от снятия нескольких пластин довольно правильной огранки. Вся поверхность нуклеуса, за исключением площадок и рабочей грани, с которой снимали пластины, сохраняет желвачную корку. По типу эти нуклеусы можно отнести к леваллуазским нуклеусам Западной Европы, от которых их отличает то, что противоположная рабочей стороне подтесывалась не по всей поверхности, она лишь имеет подправку со стороны опорной и ударной площадки.

В коллекции каменных орудий из Кумар есть два грубых скребла. Первое скребло имеет подтреугольные очертания. С одной стороны оно почти по всей поверхности обработано сколами. Сколы широкие, массивные и только к широкому рабочему лезвию несколько уже. Противоположная сторона скребла обработана сколами, в основном, по краям, с трех концов. Сколы также массивные, и только рабочее лезвие имеет дополнительную поправку. Рукоять скребла сохраняет желвачную корку, его длина 17 см, ширина 9,5 см. Второе скребло изготовлено из удлиненной гальки. Рабочее лезвие овальной формы. Оно оформлено широкими сколами с двух сторон. Рукоять скребла также с желвачной коркой. Длина его 16,5, ширина 6,6 см.

В целом индустрия из Кумар несет в себе ярко выраженные галечные традиции. В этой связи особый интерес представляют леваллуазские формы нуклеусов, в основе которых также находится галечная техника. Подобные нуклеусы обнаружены за последние годы на территории Дальнего Востока к в других местах.

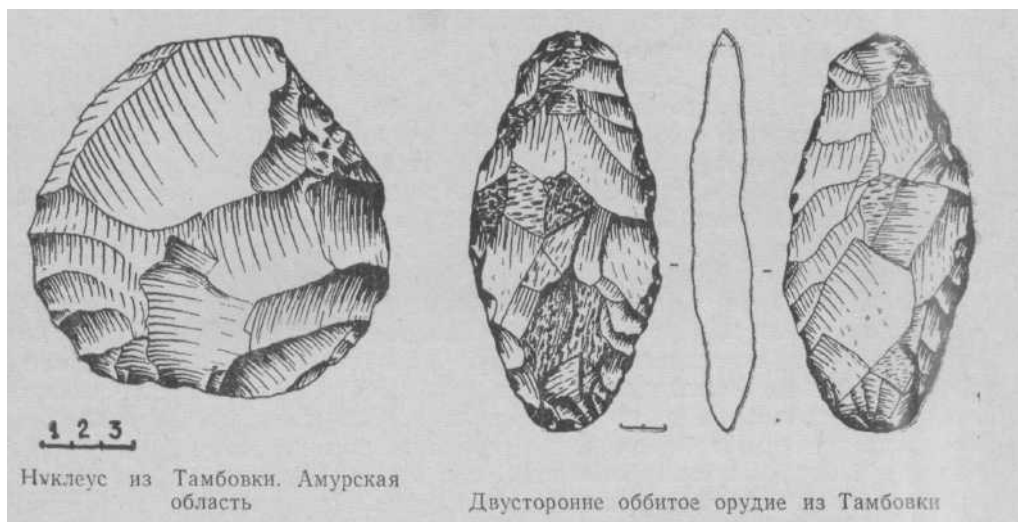
Первое такое местонахождение открыто в 1963 году во время обследования окрестностей г. Благовещенска, где на высокой второй над-

пойменной террасе в русле небольшого овражка в слое галечника были обнаружены несколько расколотых галек, один нуклеус и одно орудие типа скребла или скобеля. Нуклеус изготовлен из небольшого валуна мелкозернистого плотного песчаника, с грубо пирамидальными очертаниями. Поверхность одного из ребер сильно смята выбоинами. Возможно, что нуклеус употреблялся в качестве отбойника. С нуклеуса снимали длинные неправильных очертаний пластины. Ударная площадка у него не имела специальной подтепки: использовалась естественная скошенность в виде острого угла, образованного двумя противоположащими гранями.

Скребловидное орудие из этого местонахождения сделано из плоского удлиненноовальных очертаний красноватого камня. Одна сторона его сохраняет естественную галечную поверхность, за исключением двух небольших фасеток от сбитых с краев отщепов. Вторая сторона почти сплошь оббита массивными сколами. Сколы имеются в основном по краю орудия. На одном конце нанесена крутая, выемчатая ретушь. Скребло сильно патинизированно. Среди грубо оббитых галек невозможно выделить какие-либо направляющие формы. По характеру обработки, типологии и сильной латинизации эти находки можно отнести к самому началу верхнего палеолита или переходному этапу от среднего палеолита к верхнему. В районе г. Благовещенска найдено еще одно очень своеобразное изделие. Возможно, это был вначале леваллуазский или дисковидный нуклеус. В дальнейшем, когда он сработался, оставшаяся часть была превращена в орудие, напоминающее по форме мустьерский остроконечник.

Другое местонахождение с леваллуазским нуклеусом обнаружено у Бородинского озера на Среднем Амуре, где в карьере в слое древнего аллювия²⁷ найден типичный нуклеус леваллуа, точно такой же, какие характерны для палеолита Монголии и Узбекистана. Нуклеус с Бородинского озера имеет прямоугольную форму. Тыльная сторона плоская, с трех сторон очищена от желвачной корки и уплощена мелкими грубыми сколами. Рабочая сторона также плоская. На ней видны следы снятия двух пластин от края к центру. Нуклеус с Бородинского озера — уже настоящий образчик нуклеусов леваллуазского типа. Столь же совершенный по форме и технике обработки нуклеус-леваллуа найден на бичевнике у села Громатухи и в с. Тамбовке, где на высокой террасе найдено двусторонне обработанное изделие, напоминающее ашельские рубила.

Открытие на Амуре леваллуазской техники важно потому, что оно является не только свидетельством глубокой древности поселений, где такая техника представлена, но и доказательством прогрессивного развития культуры древнего человека на этой территории, а также связей его культуры с культурами глубинных соседних областей Азиат-

Нуклеус из Тамбовки. Амурская область

Двусторонне оббитое орудие из Тамбовки

ского материка. Техника леваллуа, возникшая еще в ашелле и мустье, означает крупный сдвиг в эволюции техники палеолитического человека и всей его культуры. Появление техники леваллуазского типа, из которой вырастает со временем верхнепалеолитическая техника, свидетельствует о важных изменениях в эволюции производственной деятельности древнейших людей, о большом качественном сдвиге в самой основе исторического процесса — в производительных силах того отдаленного времени.

Как известно, эволюция орудий труда и трудовой деятельности человека на ранних этапах его становления и развития теснейшим образом связаны с эволюцией его физического облика и высшей нервной деятельности. Новые виды нуклеусов и пластин, то есть новая техника расчленения камня и изготовления орудий труда, свидетельствуют и об одновременной прогрессивной эволюции организма человека, о вызревании в нем новых признаков, характерных уже не для древнейших, а для более высокоорганизованных людей, переходящих со ступени палеоантропа, то есть питекантропа и синантропа, на ступень «неоантропа», человека современного типа.

Техника леваллуа широко представлена и в палеолите Монголии. Надо полагать, что появление леваллуазских нуклеусов на Амуре и широкое их распространение связаны с палеолитом Монголии, что обе эти области — Верхнее Приамурье и Монголия, — географически близкие и связанные друг с другом, были родственны и в историческом плане, проходили в палеолите сходный путь развития культур.

ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Исторический путь древнейшего населения Дальнего Востока в последующее время, в верхнем палеолите, был сложным и многообразным. Один из самых замечательных палеолитических памятников в континентальной части Приморья — поселение около села Осиновки, в долине реки того же названия, впадающей в реку Илустую. Однажды на полотне шоссейной дороги в балласте насыпи был найден один небольшой отщеп из светло-зеленого камня, похожего на кремнистый сланец. Если бы этот маленький и, на первый взгляд, ничем не примечательный кусочек камня попался человеку, не знакомому с изделиями людей каменного века и с техникой изготовления каменных орудий, он, вероятно, не придал бы ему никакого значения. Именно так отнеслись к этой находке находившиеся с нами геологи-студенты, сразу же по-дружески поднявшие на смех «легковерных археологов». Но даже они заколебались, когда за первым отщепом был найден второй, более солидный по размеру, а затем обнаружено крупное и на этот раз очень тщательно обработанное человеком изделие, до сих пор не встречавшееся археологам в Приморье. Оно напоминало рубящее орудие, но при этом было настолько своеобразным, настолько первобытным, что нельзя было сомневаться в его глубоком отличии от обычных рубящих каменных орудий неолитического времени, от топоров и тесел, часто встречающихся на Дальнем Востоке. Данное орудие коренным образом отличалось от неолитических топоров техникой обработки: оно было только оббито и не имело следов шлифозания. По форме это изделие напоминало те орудия, которые изображаются и описываются в археологических сочинениях как орудия древнейших людей, так называемые ручные рубила ранней поры каменного века — нижнего палеолита.

Сходство заключалось в том, что это изделие, как и рубила нижнего палеолита, было сделано из целой речной гальки, слегка отесанной широкими сколами. Один конец орудия был острым, в виде лезвия, другой — массивный, сохранивший гладкую естественную поверхность галечной корки, явно служил рукоятью. Такими же рубящими орудиями пользовались и люди нижнего палеолита в Европе, Африке и в Южной Азии — в Ираке, Палестине, Индии.

В деталях это изделие, однако, имело вид, резко отличный от настоящих ручных рубил шелльского и ашельского времени. Было очевидно, что найденное орудие относится не только к какому-то другому времени, но и к другому культурно-этническому миру. В этом обработанном древним человеком камне видны были какие-то собственные, местные и глубоко оригинальные традиции.

Одним словом, стало ясно, что в руках исследователей находится нить к важнейшему для изучения прошлого Приморья открытию.

Карьер, из которого брали балласт для ремонта дороги и откуда вместе с щебенкой привезли найденные каменные изделия древнего человека, оказался около реки Осиповки в 1,5 км от села Осиновки. В вертикальной стене карьера торчало второе, точно такое же, как первое, грубое рубящее орудие из целой гальки. А у подножия этой стенки и в различных местах на дне карьера оказалось более двух десятков других каменных изделий, преимущественно отщепов, сколотых с галек в ходе их обработки.

Замечательной особенностью находок в Осиновке является их стратиграфическое положение, которое целиком подтвердило первое впечатление о глубокой древности и примитивности найденных орудий. Осиновское местонахождение принадлежит к числу очень редких в археологии и потому особенно ценных и важных для определения относительного возраста древних культур многослойных памятников, где с полной наглядностью устанавливается последовательность культурных этапов.

В Осиновке на одном и том же месте, друг над другом, оказалось четыре разновременных культурных слоя со следами деятельности людей четырех исторических эпох. Сверху находился сравнительно тонкий слой дерна. В дерне и сразу под дерном залежали остатки культуры раннего железного века. Глубже проходил пласт желтовато-серого суглинка с большим количеством гравия и щебня гранита. В суглинке на глубине 25—30 см от поверхности почвы оказались многочисленные обломки глиняных сосудов и каменные изделия неолитического времени, в том числе шлифованные орудия.

Глубже этого слоя прослеживался тонкий слой красного суглинка, в котором находки отсутствовали, за исключением небольшого числа отщепов из перекрывающего его верхнего, неолитического, слоя. Красный суглинок является стерильной прослойкой, отделяющей суглинок с мелким щебнем от нижележащего суглинка с крупным щебнем. В этом слое в его середине довольно редко встречались массивные ножевидные пластины и зпилеваллуазские²⁸ нуклеусы. Это третий культурный горизонт. По времени он относится к концу плейстоцена и началу голоцена, а по археологической периодизации — к концу верхнего палеолита и началу мезолита.

Ниже третьего культурного горизонта продолжался слой элювия, лишенный культурных остатков. И только на самом дне рыхлой толщи отчетливо прослеживался красновато-бурый слой, лежащий на мелкой щебенке — результат элювиального выветривания гранитного цоколя, из которого сложен весь Осиновский холм. В этом сравнительно тонком красновато-буром слое и залегли те вещи, к числу которых относится рубилообразное изделие, найденное в Осиновке.

Осиновские находки самого нижнего, четвертого, горизонта дают

представление об очень древней культуре каменного века, об одной из древнейших культур Приморья и раскрывают важные черты жизни тех людей, которым эта культура принадлежала.

Раскопки показали, что здесь в то далекое время находилось древнее поселение, в котором производилась обработка камня и выделялись оригинальные каменные изделия, одно из них попало нам на шоссе. В разных местах раскопанной поверхности были рассеяны оббитые, но еще не законченные гальки, а также целые рубящие орудия описанного типа, отщепы и пластины, снятые с галек-заготовок. Они располагались на одном и том же уровне, «гнездами». Одно такое «гнездо» находок было явно связано с остатками древней мастерской, где обрабатывался камень и изготавливались каменные орудия. В обрыве стенки карьера оказалась прочная кварцитовая галька, поверхность которой была местами слегка обработана сколами. Галька эта служила древнему мастеру наковальной-подставкой, на которой и оббивался камень, предназначенный для изготовления орудий. На гладкой поверхности гальки были хорошо видны выбоины и выщербины, образовавшиеся от ударов камнем по камню или сильного нажима краем обрабатываемого камня на поверхность наковальни. Рядом с наковальной лежали отщепы, сколотые с оббитых человеком галек, а несколько далее находились целые скопления, своего рода «гнезд», частично обработанных галек-заготовок. Другие скопления находок в нижнем горизонте тоже, возможно, представляют собой остатки таких же мастерских или «рабочих площадок».

Среди предметов из нижнего слоя Осиновки первое место по обилию и выразительности формы принадлежит крупным изделиям, изготовленным обычно из целой или расколотой сильным ударом речной гальки, более или менее симпатично оббитой. Среди них могут быть выделены две группы изделий. К первой относятся наиболее крупные и массивные изделия, у которых один конец иногда сохраняет остатки гладкой корки исходного валуна и представляет своего рода рукоять, удобную для держания этого предмета зажатым в ладони. Противоположный конец всегда бывает тщательно затесан и превращен в острое и широкое, обычно овально-выпуклое лезвие. Оно в некоторых случаях по краю бывает обработано еще и мелкой вторичной ретушью. Одна сторона этих изделий часто более выпуклая, чем противоположная, причем выпуклая сторона почти всегда оформлена сравнительно узкими и длинными фасетками продольных сколов. Эти сколы, расположенные параллельно друг другу, вызывают в памяти заготовки-нуклеусы грубо призматического типа. Сходство с нуклеусами усиливается и тем, что противоположная плоская сторона изделий такого рода напоминает площадки нуклеусов, специально подготовленные для снятия пластин.

Миндалевидная или овальная форма этих изделий в ряде случаев, как уже отмечалось, поразительно сходна с формой древнейших каменных орудий нижнего палеолита — ручных рубил, особенно тех примитивных рубящих орудий Восточной и Юго-Восточной Азии, которые получили в археологической литературе наименование «чопперов».

Во вторую группу входят крупные и массивные вещи, тоже изготовленные из расколотых речных галек, но отличающиеся тем, что они имеют одно широкое боковое лезвие выпуклых очертаний. Это грубые скребла или скребловидные инструменты.

Есть также крупные ножи и скребки, изготовленные из больших массивных отщепов, обработанных вдоль краев ретушью, напоминающей ретушь сибирских верхнепалеолитических скребел и остроконечников. Лезвия этих скребков и ножей такие же крутые и массивные, как у сибирских овальных скребел верхнего палеолита. Одно скребло, обнаруженное в нижнем этаже на поселении в Осиновке, по форме напоминало дисковидные ядрища. От краев к центру широкими сколами было затесано лезвие. Отщепы, снятые при обработке этого изделия, вполне могли использоваться для выделки более мелких изделий. Ни одного «уклеуса определенной выразительной формы на этом поселении не было найдено. Обращает на себя внимание одна очень важная деталь. Грубые рубящие орудия могли здесь использоваться не только по основному назначению, но и служить исходным материалом для снятия массивных отщепов.

В коллекции из четвертого слоя имеется несколько галек, у которых как бы выровнена сколами ударная площадка, а с одной, прилегающей стороны, древние мастера пытались скалывать массивные отщепы. Это — попытки изготовить из гальки нуклеус определенной формы.

В целом инвентарь четвертого слоя несет яркий отпечаток древней галечной традиции.

Вначале нижний слой Осиновского поселения был в Приморье единственным памятником такого рода. Но в том же, 1955, году при обследовании средневекового городища у селения Горные Хутора в Черниговском районе было обнаружено орудие типа миндалевидного рубила, напоминающее изделия из Осиновки.

Такая же изолированная находка — большая нуклеидно обработанная галька отмечена в 1955 году неподалеку от устья реки Артемовки. Рубящее орудие поражает массивностью. Оно изготовлено из черного плотного камня. На одном конце с двух сторон широкими сколами затесано узкое лезвие. Пятка орудия удобна для держания в руке и оставлена без обработки.

1956 год принес два новых открытия. На этот раз снова были найдены не случайные вещи, а остатки поселений. Одно такое поселение оказалось в долине реки Раздольной, в пределах городской черты Уссу-

рийска, на седловине Ильюшкиной сопки. В отличие от Осиновки культурные остатки на Ильюшкиной сопке оказались вымытыми из разрушенной рыхлой толщи. Но о древности их ясно свидетельствует сходство форм и техники изготовления каменных изделий.

Здесь обнаружено, например, превосходно оформленное сколами миндалевидное изделие с овальным лезвием, очень похожее с первого взгляда на классические рубила позднеашельских форм. Здесь же находилось изделие в виде нуклевидного рубящего орудия с высоким и крутым, почти вертикальным рабочим краем, тоже изготовленное из целой речной гальки. Найдено также несколько изделий, напоминающих по форме дисковидные и леваллуазские нуклеусы. О глубокой древности находок свидетельствуют и геоморфологические условия, в которых они найдены — на высокой седловине сопки, господствующей над окружающей местностью и долиной реки Раздольной.

На Ильюшкиной сопке, в местах, слабо размытых водой, было прослежено такое же чередование почвенных слоев, как и в Осиновке. Вверху находился черный почвенный горизонт, глубже — суглинок светло-желтого цвета, а под ним — красновато-бурый почвенный слой, непосредственно залегающий на гранитном основании, глубоко разрушенном в процессе выветривания. С этим нижним слоем, несомненно, и связаны каменные изделия древних форм.

Следы другого поселения осиновского типа обнаружены в 1956 году вблизи устья реки Мельгуновки, неподалеку от села Астраханки. Здесь, в широкой долине реки Мельгуновки, расстилаются безграничные низменные луга, знаменитые прерии Южно-Уссурийского края, о которых писал Н. М. Пржевальский как о царстве пернатой дичи. Над ними возвышается террасовидный уступ или отрог, где расположен огромный карьер, откуда брали камень для дорожного строительства. В стенках карьера так же, как и в Осиновке, были обнаружены аналогичные следы древнего человека: отщепы, пластины, наковальня. Точно так же, как в Осиновке и на Ильюшкиной сопке, здесь прослежено чередование гумусного черного горизонта подзолистого суглинка и в самом низу — красновато-бурого слоя. В красновато-буром слое оказалась в неповрежденном состоянии одна характерная пластина осиновского типа, тогда как в верхних слоях встречались только предметы более позднего, неолитического времени.

В связи с находками вблизи устья реки Мельгуновки интересна находка А. В. Елисеева около поселка Камень-Рыболов, на озере Ханка, ножей сенташельского типа, то есть орудий, похожих на ручные рубила ашельского типа. Вполне могло быть, что Елисеев нашел такие же галечные рубящие изделия-орудия в виде рубил, какие, были найдены в 1953—1956 годах в Осиновке, у Горного Хутора и на Ильюшкиной сопке.

Мы уже видели, что. оригинальные миндалевидные орудия из

нижнего слоя Осиновки напоминают ашельские рубила. Но сходство это, разумеется, только самое общее и приблизительное.

Нуклеидные рубящие орудия из Осиновки напоминают, условно, чопперы Юго-Восточной Азии. Общий облик миндалевидных рубил и нуклеидных чопперов настолько архаичен, что их можно было бы отнести, с первого взгляда, к еще более отдаленному времени, — к среднему или даже нижнему палеолиту. Но характер сколов, узких и длинных, снятых с некоторых нуклеидных орудий, показывает, что здесь налицо более развитая техника обработки камня.

Люди, оставившие следы своей деятельности в виде каменных изделий нижнего, четвертого, культурного слоя на Осиновском холме, жили в то отдаленное время, когда на нем не было еще суглинка и современного дернового покрова. Они поселились прямо на голой поверхности гранитной глыбы, слегка выветрившейся сверху.

Но когда все-таки пришли на Осиновский холм первые его обитатели? И в каком отношении находится этот древнейший из всех известных сейчас в Приморье памятников каменного века к той смене этапов геологической истории Земли на протяжении четвертичного периода?

Как мы уже знаем, на осиновском холме представлено четыре исторических периода. Остатки первого этапа, раннего железного века, целиком относятся к эпохе геологической современности, так как они залегают в дерновом слое и сразу под ним. Возраст их не более полутора-двух тысяч лет.

Верхний суглинок с остатками неолитической культуры образовался, несомненно, в условиях лесного ландшафта умеренного пояса, определившего возникновение подзолистых почв.

Совершенно другая картина рисуется при ознакомлении с условиями образования того слоя почвы, с которым связаны находки двух нижних культурных горизонтов, — суглинка с крупным щебнем и красновато-бурой глины. Геоморфологически этот комплекс осадков по Г. С. Ганешину приурочен к денудационной поверхности²⁹ с абсолютной высотой 100—120 м. В некоторых частях долины реки Уссури этой поверхности соответствует озерная терраса с относительной высотой 12—15 м. По юго-восточной окраине Ханкайско-Уссурийской равнины к этому уровню близки по времени делювиально-аллювиальные или типично делювиальные образования: бурые, шоколадные и красно-бурые глины, возникшие в значительной степени за счет переотложения древних кор выветривания.

В различных районах Ханкайско-Уссурийской равнины было установлено, что на эту денудационную поверхность, сложенную глинисто-суглинистым материалом, со склонов соседних сопок нередко напозают делювиальные шлейфы, и в некоторых разрезах прослежено

такое наполнение крупноглыбового делювия на бурые шоколадные глины. Такое взаимоотношение шлейфов с указанной поверхностью, несомненно, свидетельствует о том, что эпохи отложения глин базетнисто-глыбового делювия характеризовались существенно различными климатическими условиями. Если эпоха формирования денудационной поверхности характеризовалась климатическими условиями, благоприятными для процессов глубокого выветривания и образования глинистых продуктов, то эпоха накопления делювиальных шлейфов, в строении которых преобладает грубообломочный материал, наоборот, имела климат достаточно суровый, способствовавший процессам физического выветривания без сколько-нибудь значительного изменения пород. Вполне вероятно, что формирование толщи глин произошло в доледниковое, а делювиальных шлейфов — в ледниковое время. Находки четвертого культурного горизонта, следовательно, нужно относить также к межледниковому, а третьего горизонта — к ледниковому времени.

На Дальнем Востоке, по мнению большинства геологов, в верхнем плейстоцене наблюдались две стадии оледенения с холодным климатом и одна, межледниковая эпоха, — с более теплым климатом.

Люди впервые пришли на Осиновский холм, должно быть, в период существования теплого климата, в межледниковую эпоху. Дальнейшее заселение холма происходило в период последнего похолодания на территории Дальнего Востока. Определить более точно, в рамках абсолютной хронологии, возраст осиновских находок помогают новейшие геологические исследования на соседних с Приморьем Японских островах.

Межледниковая стадия соответствует в Японии периоду образования террас Огоши, Непугава, Ходомари и других высотой 20—40 метров. Перекрывающие террасу Огоши отложения, соответствующие последнему похолоданию, датированы временем $21\ 430 \pm 800 - 35\ 000 + 2$ тысячи лет^[133].

В 1963 году спелеологами-любителями членами Приморского филиала Всесоюзного географического общества Е. Г. Лешком и В. И. Шабуниним в скальном массиве Золотая сопка у села Екатериновки открыта пещера, в которой были найдены кости ископаемых животных. Первооткрыватели назвали ее пещерой «Географического общества». Научное исследование этой пещеры началось в 1964 году по инициативе председателя Приморского филиала Географического общества профессора А. И. Куренцова. В пещере работал Е. Г. Лешок при непосредственном участии археолога А. П. Окладникова и геолога Б. С. Русанова. Планомерные раскопки этой и других пещер в Приморье были начаты в 1966 году Зоологическим институтом АН СССР в содружестве с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и Приморским филиалом Географического обще-

ства. Работы в 1966 и 1967 годах производил аспирант Зоологического института АН СССР Н. Д. Оводов под руководством Н. К. Верещагина и при консультации А. П. Окладникова.

Пещеры находятся в известняковом массиве, окаймляющем долину реки с правой ее стороны, и возвышающемся над поймой на 90—100 м. Они располагаются в трехъярусном порядке. Самый нижний, первый, ярус представлен пещерами, как правило, в настоящее время погребенными аллювиальными отложениями реки. Верхние пещеры из этой группы доступны, но частично заполнены водой. Следующий, второй ярус пещер, к которому относится большинство исследованных карстовых пустот, содержащих в почвенных слоях остатки плейстоценовой фауны, располагается на высоте 15—40 м от уровня пойменной террасы реки Партизанской. Пещеры этого яруса в большинстве были обитаемы. Нередко в них селились и хищные звери — пещерные гиены, медведи, тигры.

Далее вверх от 40 до 80 м идут пещеры третьего яруса. Это либо остатки древних карстовых пещер, либо ниши, образовавшиеся в результате ветровой и иной поверхностной эрозии. Подобные пещеры обычно почти недоступны для человека и заселяются главным образом дикими голубями или же филинами, устраивающимися там в темных уголках на время дневок.

Пещера «Географического общества» относится ко второму ярусу. По строению она простая, одноэтажная. Доступная протяженность пещеры 36 м. Вход обращен на юг, его высота 1,6 м, ширина — 0,6—0,7 м. Далее вглубь ход пещеры слегка уступообразно понижается и приводит нас в небольшую камеру шириной около 1,5 м. Пол пещеры в этом месте ровный, образован рыхлой черноземной почвой. Свод по всей основной длине низкий и лишь в отдельных местах достигает высоты 2—2,5 м. На расстоянии 22 м от входа имеется промоина — «колодец», заваленный крупными обломками известняка с рыжей глиной, разжиженной постоянно сочащейся сверху влагой. Еще далее вглубь ход раздваивается. Правый рукав протяженностью более 10 м из-за своей узкости доступен не всякому. Левый — более короткий. В периоды дождей вода, проникающая с поверхности почвы по трещинам в дальнюю часть левого канала, вытекает оттуда в виде ручейка и с шумом поглощается «колодцем».

До раскопок Е. Г. Лешка и В. И. Шабунина часть костей ископаемых животных находилась прямо на поверхности почвы, а часть помещалась на «полочках» и нишах, выработанных водой в стенах. Здесь же была обнаружена штанга рога лося, обрезанная кремнем.

Произведенными в 1967 году расчистками делювия было обнаружено, кроме первоначального узкого лаза, еще два нижних удобных входа. Самый большой из них, третий, обращен на северо-восток. Этот вход, подобно второму, был скрыт под мощной толщей пещерного заполнения.

К числу остатков деятельности человека плейстоценовой эпохи относятся, прежде всего, кости животных, на которых имеются следы искусственных расколов, произведенных рукой древнего человека, очевидно, при помощи массивных каменных орудий. Следы раскалывания костей человеком резко отличны от следов раскалывания хищниками — пещерной гиеной, волком или медведем, грызших и дробивших кости мощными челюстями. Человек действовал совершенно определенными приемами. Человек колот трубочатые кости травоядных и хищных преимущественно вдоль, чтобы достать целиком лакомый мозг. При этом разбивались¹ и эпифизы.

В пещере обнаружены каменные изделия человека—современника мамонтов и носорогов. Изделия могут быть разделены на три группы. В первую входят два довольно крупных речных булыжника, служивших обитателям пещеры полуфабрикатами-нуклеусами (ядрищами), с которых скалывались заготовки для орудий труда: грубые пластины и отщепы.

Особую группу составляют крупные отщепы-сколы с галек, образованные характерным приемом расщепления галек. Гальки рассекались вертикальными ударами, направленными так, что у отщепов сохранилась широкая полоса нетронутой галечной корки. В результате получалась как бы булка, разрезанная ножом на отдельные ломти. Каждый такой «ломоть»-отщеп повторяет другой, такой же. Эта техника расщепления галек типична для некоторых палеолитических памятников Сибири. Она представлена, в частности, очень выразительными образцами из «уникального клада» палеолитического мастера, обнаруженного А. Л. Окладниковым у села Аил на реке (Кондоме в Горной Шории).

Необходимо также упомянуть об одном крупном отщепе, отличающемся от других сильной залощенностью поверхности, можно сказать, даже заполированностью. Вдоль его края заметны глубокие выщерблины — следы употребления. Не исключено, что заполированность отщепа зависит от длительного использования его в качестве рабочего инструмента.

Неожиданным и своеобразным явилось единственное орудие, изготовленное из кости, найденное в пещере Е. Г. Лешком при первой разведочной шурфовке. Эта упомянутая штанга — основание рога лося. В ее дистальной части рукой человека была выдолблена глубокая канавка-паз, несомненно, предназначенная для закрепления в нем каменного клинка. Орудие скорей всего употреблялось как примитивное тесло или топор. Такие топоры или тесла известны в некоторых палеолитических поселениях Сибири, например в стоянке Афонтова Гора.

Описанные предметы, изготовленные обитателем пещеры, человеком плейстоценового времени, свидетельствуют о том, что он не только проживал в пещере более или менее длительное время, но и вы-

делывал там свои орудия труда. С точки зрения пригодности пещеры для жилья, она была не хуже многих других палеолитических пещер. У выхода из нее можно было стоять во весь рост. Во время отложения нижней толщи заполнения высота потолка пещеры достигала здесь 3—4 м, ширина 3 м, длина широкой части 10 м.

Значение палеолитических находок в пещере «Географического общества» определяется так же и тем, что они надежно датированы сопровождающими их фаунистическими остатками плейстоценового времени. Это первые для всей территории нашего Дальнего Востока палеолитические находки с такой фауной. Находка мамонтовой фауны в Партизанской долине в верхнем плейстоцене интересна и тем, что она объясняет, откуда мамонт проник на остров Хоккайдо, где остатки этого животного описал японский геолог и палеонтолог Минато. Минато полагает, что этот остров в то время был всего лишь полуостровным выступом, связавшим материк с Японскими островами. Как думают японские геологи, мамонты могли перейти с материка на Хоккайдо лишь в первой половине вюрма по европейской схеме, то есть около 50—40 тысяч лет тому назад, когда Японские острова не были отделены от материка Азии или, во всяком случае, пролив, отделяющий Хоккайдо от Хонсю и Хонсю от Кореи, был тогда не таким глубоким, каким он является в настоящее время. Углубление этого пролива было результатом эрозии в вюрмское время. Остатки фауны свидетельствуют о том, что человек охотился на мамонтов, бизонов, оленей и других крупных животных.

В Приамурье и Приморье пока не найдено таких жилищ, как на Ангаре. Не исключено, что в то время люди вели полукочевой образ жизни, продвигаясь за стадами диких животных; после удачной охоты или в зимние стужи, когда земля покрывалась снегом, они останавливались на продолжительное время на одном месте. Пещера «Географического общества» была, ЕОЗМОЖНО, таким временным убежищем.

Кроме охоты, племена Приамурья и Приморья могли заниматься собирательством, выкапывая съедобные корни и клубни растений. Для истории развития культуры каменного века и техники изготовления каменных орудий на Дальнем Востоке интересно еще одно местонахождение древних каменных изделий — в окрестностях между Уссурийском и Владивостоком.

На левом берегу реки Раздольной, над широкой долиной этой реки, в полукилometре к северу от поселка Раздольного, возвышается высокий холм, сложенный базальтом. Базальтовая толща холма перекрыта мелким галечником, а кое-где нетолстым слоем суглинка желтовато-серого цвета. В отличие от возвышенностей правого берега, покрытых базальтом, этот холм не обрывается к реке крутым уступом, а опускается плавным склоном. Высота холма над уровнем реки 100—150 м. На са-

мой его вершине, сильно пострадавшей от карьеров и строительных работ вблизи шоссе Уссурийск—Владивосток, нами была собрана коллекция каменных изделий древнего человека, сразу же обративших на себя внимание необычными видом и материалом.

Предметы, изготовленные из изверженных пород, двух цветов. Первая порода желтоватого цвета, с включениями-блестками кремнистого сероватого вещества, плотная, твердая и прочная. Вторая порода — светло-серая, выветрившаяся, более темная в изломе, напоминающая обсидиан или плотную разновидность базальта. Желтый камень лучше по качеству и более пригоден для изготовления каменных изделий. Именно из него сделаны и лучшие в коллекции предметы, типологически наиболее выразительны нуклеусы.

Коллекция каменных изделий из местонахождения у поселка Раздольного состоит из нескольких десятков отщепов и нуклеусов. Отщепы сравнительно небольшие, массивные, с хорошо выраженным ударным бугорком на брюшке. У многих из них заметны на спинке остатки корки. Есть удлиненные отщепы, которые можно назвать пластинами. Очертания их подтреугольные. Иногда встречаются отщепы с тремя гранями на спинке. Есть также оббитые гальки, являющиеся заготовками для нуклеусов или скребловидными инструментами, напоминающими •осиновские.

Нуклеусов найдено мало, но форма их настолько характерна, что они образуют совершенно определенную и целостную типологическую группу. Они могут быть разделены на две категории. В первую входят нуклеусы узкие и длинные; во вторую — короткие, широкие, суживающиеся к одному концу, то есть к вершине. Эти последние напоминают по форме лошадиное копыто.

Нуклеусы, найденные на сопке у поселка Раздольного, принципиально отличаются от более поздних, неолитических ядрищ двумя особенностями: первая особенность — характерная скошенная площадка, расположенная не перпендикулярно, а наискось, под углом по отношению к длинной оси изделия; вторая особенность — скалывание пластин производилось не со всех сторон, не по всей окружности изделия, а только с одной стороны. Обе эти особенности нуклеусов из Раздольного связаны друг с другом и характерны для особого способа расщепления камня.

Способ этот складывался в очень отдаленное время. Он специфичен для древней техники, получившей наименование леваллуазской и зародившейся еще в конце ашельского времени. В отличие от более примитивных дисковидных нуклеусов нуклеусы типа леваллуа использовались таким образом, что удары наносились не радиально, не по всей окружности, а только в одном направлении, с одного конца или сразу •с двух концов, встречно друг другу.

В первом случае мы имеем одноплощадочные нуклеусы, во втором — двухплощадочные. Но и в том и в другом случае площадки скошенные, а удары по ним наносились как на дисковидных нуклеусах — сбоку. Однако эти нуклеусы нельзя назвать и леваллуазскими. В отличие от них у нуклеусов с Раздольного снимали пластины по форме, приближающейся к ножевидным. Таких пластин снималось с каждого нуклеуса по несколько штук. Сохраняя в основе леваллуазские приемы, нуклеусы Раздольного по типу гораздо ближе к подпризматическим и призматическим нуклеусам, характерным для мезолита и раннего неолита на Дальнем Востоке.

Перед нами, следовательно, налицо вызревание принципиально новой техники обработки нуклеусов и дальнейшего использования скальваемых с них пластин. В отличие от классических леваллуазских нуклеусов, которые служили для снятия довольно массивных правильных пластин, эти нуклеусы употреблялись для совершенно других целей — отделения тонких и узких пластин, которые в дальнейшем широко использовались как исходный материал для изготовления различных мелких орудий труда: резцов, проколов, скребков и т. д.

На смену массивным леваллуазским пластинам, которые без дополнительной обработки ретушью могли употребляться для выполнения различных работ в качестве ножей, скобелей и т. д., приходят правильные ножевидные пластины и соответствующие им небольшие орудия труда. С их появлением стала широко развиваться вкладышевая техника. Человек научился выделывать составные ножи, кинжалы, применять дерево и кость в качестве рукоятей для резцов, скребков. Не случайно в Раздольном уже не найдено массивных рубящих орудий. Встреченные на этом поселении чопперовидные гальки небольших размеров употреблялись уже в основном, по-видимому, как отбойники.

Исключительный интерес представляют находки на поселении-мастерской у деревни Устиновки на реке Зеркальной. Это поселение открыто геологом В. Ф. Петрунем, который произвел двукратные сборы подъемного материала во время своего геологического маршрута осенью 1954 года.

Река Зеркальная берет свое начало на восточном склоне хребта Сихотэ-Алинь. Общая ее протяженность — 70 км. впадает в Японское море. Быстрая и сравнительно глубокая, Зеркальная, как и все горные реки этого района, отличается чистой и прозрачной водой. Как отмечает В. Ф. Петрунь, на своем пути к морю она несколько раз меняет направление, причем каждый значительный поворот реки, как правило, совпадает с сужением речной долины. В одном из таких суженных мест, в 4 км ниже деревни Устиновки и в 60 км от устья реки Зеркальной, на левом ее берегу и были обнаружены древние каменные изделия.

• Согласно описанию В. Ф. Петруня, левый берег долины реки сло-

жен палеогеновыми эффузивными породами — липаритами, туфами; между реками Зеркальной и Высокогорской эффузивные породы сменяются осадочными, предположительно юрского возраста³⁰. Между ключами Кривым и Безмянным, впадающими слева в реку Зеркальную, к коренным породам правого берега долины прислонена частично сохранившаяся 10—12-метровая терраса со скальным цоколем в основании. Следующая терраса на реке Тадуши высотой 6—7 м сложена аккумулятивными отложениями в виде переслаивающихся супесей и галечника. К двум надпойменным террасам примыкает хорошо развитая пойменная луговая терраса.

Местонахождение каменных изделий связано с 10—12-метровой террасой и с возвышающейся над ней, между ключами Кривым и Безмянным, водораздельной гривкой. Уплощенный гребень гривки на южном ее конце возвышается над уровнем реки на 27—28 м, а затем ее высота увеличивается по направлению к северу. Гривка сложена крупнообломочными туфами андезито-базальтов, коренные обнажения которых выходят непосредственно на шоссеиную дорогу. Сверху туфы выветрены и изменены элювиальными процессами. Они здесь коричнево-желтые, хрупкие. Глубже эти породы свежие, темно-окрашенные, в них имеются тонкие (до 2 см мощностью) прожилки бесцветного халцедона. Как пишет далее В. Ф. Петрунь, уплощенная поверхность гривки производит впечатление высокого террасовидного уступа, однако каких-либо аллювиальных отложений на нем обнаружено не было. 10—20-метровая терраса сложена с поверхности делювиальными суглинками, перекрытыми нетолстым слоем черной луговой почвы. С этим суглинком и связаны каменные изделия древнего человека, обитавшего в долине реки Зеркальной. Они располагаются двумя горизонтами — нижним и верхним. Что касается нижнего горизонта; то наличие выходов вулканического туфа в слое суглинка, обилие отщепов и нуклеусов и сравнительно незначительное количество готовых мелких изделий показывают, что здесь происходила заготовка каменного сырья для производства орудий труда. Сырье это заготавливалось в виде нуклеусов, отчасти и пластин, которые здесь же и снимались с нуклеусов. В дело, несомненно, шли и отщепы.

Основным материалом, обработка которого здесь производилась, был вулканический туф. Лишь изредка встречаются отдельные изделия из смоляно-черного обсидиана, явно принесенного из других мест, где этот материал встречается в изобилии.

Вместе с нуклеусами и отходами производства в виде отщепов встречаются и предметы вполне законченной формы. Из сказанного следует, что этот памятник представляет собой не только мастерскую, не только место, где добывалось и так или иначе обрабатывалось каменное сырье, но и поселение.

Все находки нижнего слоя принадлежат одному определенному времени и составляют целостный культурно-исторический комплекс. Они объединены, прежде всего, стратиграфически, залеганием в слое желто-бурого суглинки, и для них характерны определенные руководящие формы каменных изделий и одни и те же приемы обработки камня.

Таковы, прежде всего, нуклеусы. Среди них имеются своеобразные изделия дисковидных очертаний с одной плоской и противоположной выпуклой широкой поверхностями. Выпуклая поверхность их затесана более или менее широкими сколами, направленными от краев к центру. Вдоль края местами нередко имеется дополнительная мелкая ретушь. Плоская сторона несет на себе фасетки поперечных или продольных параллельных друг другу сколов, на основании которых можно заключить, что с нуклеуса отщеплялись более или менее широкие пластины правильных очертаний. Иногда видно, что сначала скалывание производилось в одном направлении, а затем в противоположном, попеременно старых сколов. Ударной площадкой на нуклеусах такого рода служили края на их выпуклой поверхности. Площадка их скошена, и удар, которым снимались с ядрища пластины, наносился не перпендикулярно площадке, а наискось. Всеми этими чертами нуклеусы данного рода сближаются с нуклеусами леваллуазского типа. Их можно назвать поэтому нуклеусами-дисками эпилеваллуазского типа, поскольку пластины снимались не в радиальном порядке, как с нуклеусов-дисков мустьерского типа, а только с одного края ядрища. По той же причине их следует причислить к группе одноплощадочных нуклеусов.

Вторая, столь же четко очерченная в типологическом отношении, группа нуклеусов строгой параллельностью граней более всего напоминает призматические нуклеусы. Однако от последних их отличает то обстоятельство, что все эти нуклеусы имеют следы снятия длинных и правильных по очертаниям ножевидных пластин только на одной широкой поверхности. Противоположная сторона их сохраняет часть первоначальной поверхности или же сплошь отесана короткими, более или менее крупными поперечными сколами. На этой же поверхности находятся и отбивные площадки, одна или две, на противоположных концах изделия. Одна из них обычно обработана несколько лучше другой и подправлена мелкой тщательной ретушью. Площадки эти, так же как и у описанных выше ядрищ, косые. Односторонность этих нуклеусов и скошенные площадки являются их характерными и резко архаичными особенностями. По этим признакам они тоже могут быть названы эпилеваллуазскими двуплощадочными нуклеусами.

Третий вид нуклеусов на поселении-мастерской у села Установки может быть назван нуклеусами копытовидной формы. Эти нуклеусы по своим общим очертаниям приближаются к треугольным. Один конец

их широкий, другой — узкий. Одна сторона имеет площадку, такую же скошенную, как и на остальных, описанных выше. Площадка одна и тщательно обработана сколами и ретушью.

Пластины, снимавшиеся с нуклеусов, на первый взгляд, можно было бы принять за призматические. Но такое впечатление обманчиво. Хотя они иногда имеют довольно правильные очертания, на них все же нет строго параллельных граней, и для них не характерно, как для настоящих призматических пластин, поперечное сечение. Пластины эти чаще всего имеют на спинке всего лишь одну срединную грань — ребро, а не две. Эти черты сближают их, как и ядрища, с леваллуазскими пластинами.

Следующую и довольно многочисленную группу каменных изделий составляют заготовки нуклеусов, получивших в нашей литературе название «гобийских». В массе они представлены массивными «горбатыми» заготовками, треугольными в поперечном сечении. Отбивная поверхность их плоская. Противоположная — двугранная. Обе грани сплошь обработаны крутыми узкими сколами. Края заготовки часто выемчато-зубчатые, что свидетельствует о силе ударов, наносившихся по краю обрабатываемой заготовки. Концы заготовок обычно бывают оформлены одним или несколькими поперечными ударами. Иногда они имеют вид скошенного уплощенного острия-носика, тщательно оформленного ретушью.

Обычно изделия такого рода представлены обломками, но есть и совершенно целые. Среди последних выделяются миниатюрные образцы, вполне законченные обработкой, но явно еще не бывшие в деле.

Среди скребков выделяются превосходные орудия этого рода, изготовленные из сравнительно широких правильных пластин, у которых на широком конце мелкой тщательной ретушью оформлено дугообразно-выпуклое лезвие. Противоположный заостренный конец служит рукоятью и нередко, так же как и длинные края, обработан мелкой ретушью. Эти скребки можно назвать скребками концевой типа. Некоторые из них изогнуты в продольном направлении. Особым вариантом таких орудий являются изделия, рабочий конец которых сужен.

К последним изделиям близки массивные пластины, обработанные ретушью ^вдоль краев и частично на спинке. Один конец их скошен сбоку несколькими фасетками, напоминающими сколы резцового типа. Кроме концевых скребков имеются широкие массивные скребла с полудисковым рабочим краем.

В особую группу следует выделить крупные массивные треугольные в поперечном сечении пластины, часто изогнутые. По выгнутому краю они обработаны крутой ретушью. Ретушь эта своеобразная: она оформляет выемки и зубчики-выступы вдоль края изделия, придавая ему пильчатый характер. Такие изделия, всего вероятнее, служили

в качестве скобелей для сдирания древесной коры, размягчения шкур и для других аналогичных работ.

Среди отщепов есть немало экземпляров, в том числе довольно крупных, с более или менее глубокими выемками по краю. Есть также пластины с зубчато-выемчатым лезвием. На некоторых отщепах выемки, оформленные мелкой ретушью, находятся на широком конце, противоположном ударному бугорку. Выемка переходит при этом в острие, выступающее сбоку пластины.

Важное значение для характеристики культуры в целом имеют нуклевидные рубящие орудия, которые по форме приближаются к более поздним тесловидно-скребловидным инструментам осиповской (в Хабаровском крае) мезолитической культуры. Две традиции, наметившиеся в верхнем палеолите Приамурья и Приморья, прослеживаются все более и более отчетливо. В целом нижний культурный горизонт можно отнести уже к пластинчатому культурам: основной процент орудий труда на этом поселении-мастерской изготовлен или из ножевидных пластин, или из пластинчатых отщепов.

На этом поселении-мастерской человек не жил, по-видимому, продолжительное время. Сюда приходили мастера по выделке каменных изделий, ломали камень и после изготовления достаточного количества заготовок уходили на поселения, где они жили постоянно, хотя и не исключается возможность существования на этом месте и поселка, но следы его пока не найдены. В 1968 году в нижнем слое найден очаг, занимавший площадь менее 1 кв. м. С южной и северной сторон он был обложен крупными камнями базальта.

Для определения абсолютного возраста нижнего горизонта важно, что в Японии близкие по признакам находки датируются радиоуглеродным анализом 17—15 тысячами лет.

Развитие древних культур в Приморье и Приамурье в конце плейстоцена и раннем голоцене, то есть уже в современной геологической эпохе, идет в неразрывной связи с традициями более древних культур этой территории. В мезолите в южной части Дальнего Востока продолжают параллельно развиваться две традиции в изготовлении каменных орудий — пластинчатая и галечная.

К памятникам пластинчатой культуры относятся: третий горизонт поселения Осиновки (Осиновка-П), первый (верхний) горизонт поселения-мастерской у села Установки (Устиновка-1), нижний горизонт поселения у п. Оленьего (Олений-1).

Древнее поселение Олений-1 располагалось на живописной возвышенности, поднимающейся с запада в виде мыса над обширной долиной реки Артемовки вблизи ее устья. Далее к югу от нее открывается широкий простор Уссурийского залива. Поселение это, занимающее стратегическое положение и укрепленное самой природой обрывистыми крутыми скло-

нами, впервые было отмечено еще известным исследователем древностей Приморья А. И. Разиным, который пишет, что им вблизи хутора Патюкова было обнаружено поселение с ямам и остатками древних жилищ. В 1960 году отрядом Дальневосточной археологической экспедиции на этом поселении (получившем название Олений-I в отличие от второго такого поселения Олений-II с ямами-землянками, расположенного прямо в поселке Оленесовхоз) были произведены первые раскопки древних жилищ. Затем раскопки на поселении Олений-I в течение ряда лет продолжались Дальневосточной археологической экспедицией СО АН СССР и отрядом Дальневосточного государственного университета.

Раскопки показали, что поселение Олений-I многослойное. Обнаруженные на нем остатки древних жилищ принадлежат: 1) кроуновской культуре; 2) оленьинскому варианту янковской культуры (культуры раковинных куч Приморья; 3) эпохе неолита с культурой, близкой к той, которая представлена известными находками на поселении Гладкой. Однако при исследовании жилищ поселения Олений-I в их заполнении, начиная с 1960 года, неоднократно встречались каменные изделия, отличные по материалу и общему их типологическому облику от обычных неолитических предметов. Это были широкие и довольно правильные по форме пластины, изготовленные из породы, аналогичной той, которая служила основным материалом для изготовления орудий на устиновском поселении-мастерской, и из желтоватой изверженной породы, точно такой, какая употреблялась мастерами Раздольнинского поселения в мезолитическое время.

Раскопками на холме Олений-I установлено, что на материковой скале-граните повсюду непосредственно залегает элювиальная толща щебенки, в которую впущены котлованы древних жилищ-полуземлянок. Но в ряде мест в междужиличном пространстве на щебенке прослеживается более или менее полно сохранившийся пласт серовато-желтого плотного суглинка. Эта простая последовательность наслоений холма усложняется заполнением жилых ям обогащенным перегноем и углистыми частицами. На тех же квадратах, где обнаружен мезолитический комплекс каменных изделий, она еще сложнее. Здесь после снятия дерна на фоне основной массы щебенки обнаружилось две широкие параллельные полосы серого или слегка беловатого в сыром виде суглинка, контрастно выделявшихся своим светлым оттенком на более темном фоне охристого желтоватого и бурого по цвету слоя (элювиальной щебенки). Местами в горизонтальной зачистке на общем светлом фоне суглинка, там, где он был обогащен мельчайшими частицами древесного угля и гумуса, выступали более темные пятна. Наблюдения над стратиграфией этого поселения создают впечатление, что первоначально в гранитном массиве холма существовала довольно глубокая

впадина типа трещины, которая была сплошь заполнена желтой глиной, по-видимому, морского происхождения. Затем произошел частичный размыв желтой глины и образовался новый неглубокий желоб, использованный мезолитическим человеком для работы. Здесь находилось его рабочее место или своего рода мастерская, о чем свидетельствуют следы работы в виде отщепов, пластин и готовых орудий.

В мезолитическое время отложилась масса беловато-серой суглинистой породы — заполнения верхней части желоба. Именно эту суглинистую породу следует назвать мезолитической по ее возрасту.

Много позже на холме появился неолитический человек, а за ним люди ранних этапов железного века, сначала «янковцы», а потом люди кроуновской культуры. К счастью, все они строили свои жилища с углубленным в землю основанием не на этом месте, а ближе к воде, и потому основной мезолитический комплекс остался, как уже было сказано выше, непо потревоженным. Материал, который употреблялся на Оленьем-I в мезолитическое время для изготовления каменных орудий, был значительно разнообразнее, чем в Установке и Раздольном. Правда, здесь тоже видное место принадлежит кремнистой породе белого и зеленоватого цвета, той самой, которая добывалась и обрабатывалась из коренного местонахождения на реке Зеркальной. Из той же породы выделялись каменные изделия нижних слоев и в Осиновке. В отличие от устиновского местонахождения, на Оленьем шли в дело такие же как в Осиновке хорошо окатанные гальки: на найденных здесь двух наиболее крупных нуклеусах-заготовках и одной широкой длинной пластине уцелели значительные участки первоначальной валунной корки. Из этого камня сделано 14 изделий. Пять предметов, из них три широкие большие пластины, в том числе с ретушью на краю, изготовлены из твердой кремнистой породы желтоватого цвета с включениями-блестками (кристалликами). Всего обильнее в коллекции с Оленьего-I представлены изделия из обсидиана. Обсидиан варьирует в своей расцветке от блестящего темно-черного, смоляного, до матово-голубоватого и серотусклого.

Не исключено, что в отдельных случаях жители холма в мезолитическое время из-за большой нужды в материале пытались использовать даже такой плохой материал, как куски местного жильного кварца. По крайней мере, из этого неблагоприятного материала изготовлен один грубый и довольно крупный нуклеус. Нуклеус этот так и остался в стадии первоначальной заготовки и был выброшен из-за непригодности.

Среди различных вариаций породы типа вулканического туфа имеется два образца камня лиловато-серого цвета. Этот материал вообще был, видимо, крайне редким, хотя по качеству он ничем не уступает всем другим разновидностям изверженных пород в Оленьем-1.

Инвентарь оленьинского мезолитического комплекса представлен прежде всего нуклеусами. Они делятся на две основные группы. В первую входят обычные нуклеусы, употреблявшиеся для изготовления крупных пластин и отщепов. Пластины снимались преимущественно с узкого края нуклеуса, с его «торца».

Следующая и самая многочисленная группа нуклеусов в коллекции — нуклеусы-скребки и их заготовки.

Пластины из мезолитического комплекса на поселении Олений-1 делятся на две резко обособленные группы: на обычные ножевидные пластины и на микропластинки. Из обычных ножевидных пластин изготавливались с применением краевой ретуши различные режущие инструменты, а также скребки. Пластины все относительно широкие и крупные, трехгранные и четырехгранные в сечении. Узких и длинных со строго параллельными гранями на спинке пластин, типичных для настоящих нуклеусов призматического типа, в коллекции нет вовсе. Характерными для нее, как и для инвентаря устиновского поселения-мастерской, являются большие широкие пластины, снятые, очевидно, как и в Устиновке, с односторонних нуклеусов леваллуазских форм.

Микропластинки, за исключением одной, изготовлены из обсидиана, и несомненно, снятые с нуклеусов-скребков. Размеры их исключительно миниатюрны: в среднем длина их не превышает 1 см, ширина равна 0,1—0,4 см. При этом, несмотря на такие крохотные размеры, они ямеют на спинке по две и по три грани — так же как и обычные ножевидные пластины нормальных размеров и пропорций. Есть также скребки и резцы близкие к резцам, получившим в Японии название резцов арая.

Судя по находкам в Оленьем-1, мезолитические насельники этих мест жили совершенно другим бытовым укладом, чем позднейшие неолитические земледельцы Дальнего Востока. Это были, очевидно, бродячие охотники-собиратели, еще не умевшие строить постоянные жилища.

Не менее важны для понимания событий, происходивших в жизни племени Приморья в мезолитическое время, и находки в первом сверху культурном слое древнего поселения-мастерской в Устиновке. В этом слое найдены эпилеваллуазские и подпризматические нуклеусы, с которых снимали ножевидные пластины. В верхнем слое увеличивается количество правильных ножевидных пластин. Из них древние мастера выделяли концевые и боковые скребки, срединные и боковые резцы, проколки. Значительно чаще в верхнем слое встречаются мелкие отщепы-чешуйки — результат, ретушировки более крупных изделий.

В верхнем слое появляются новые формы каменных орудий, которых нет в нижнем слое. Это прежде всего листовидные наконечники копий или дротиков. Длина их 10—12 см. С обеих сторон они отделаны тонкой ретушью. Среди нуклеусов встречаются настоящие призматиче-

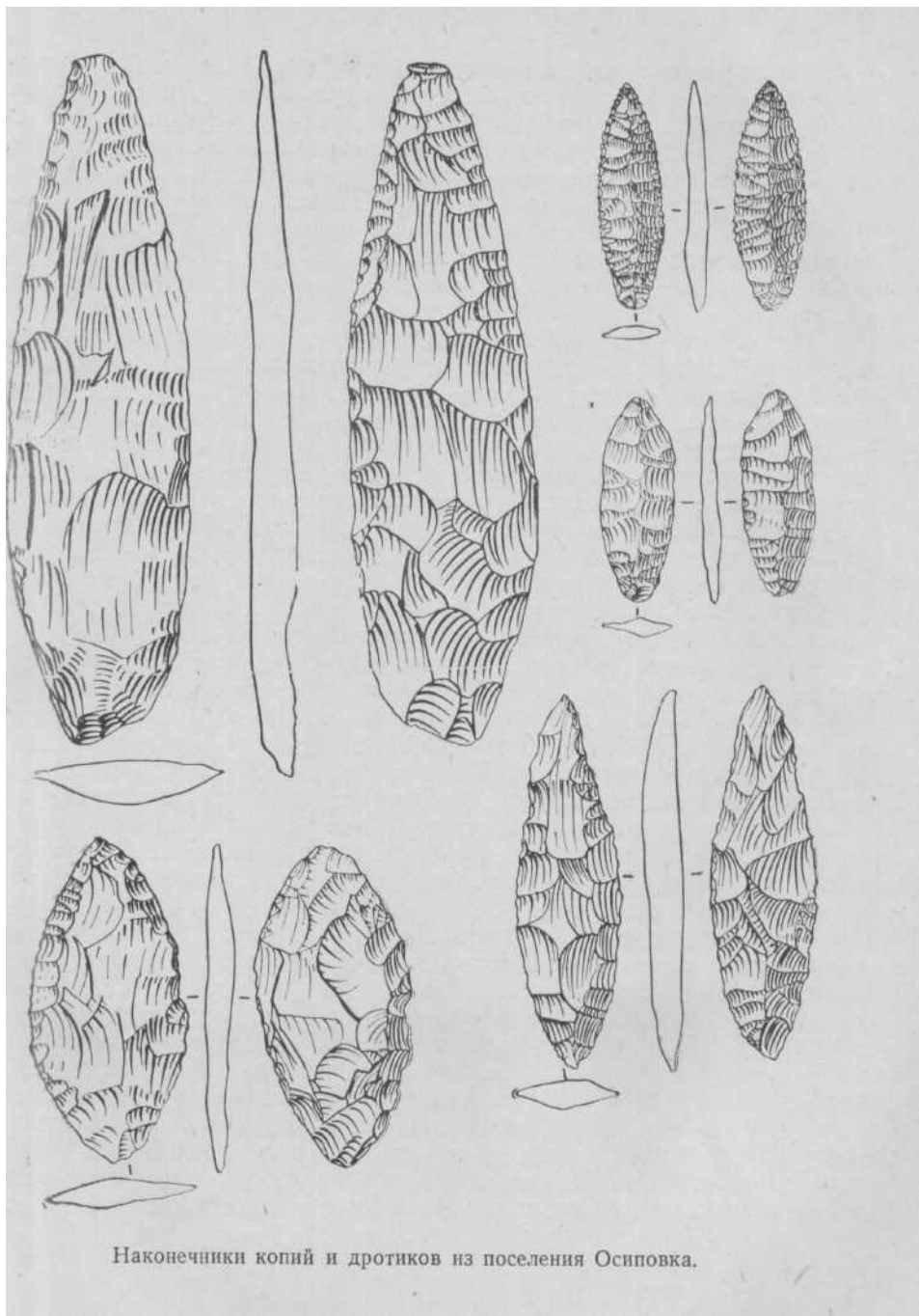
ские с параллельными площадками. Но основной процент нуклеусов[^] составляют все-таки эпилеваллуазские и тюдпризматические, с которых древние мастера продолжали скалывать пластины, как правило, с одной стороны. Для датировки этой культуры важное значение имеют находки подобных орудий труда в третьем культурном горизонте на Осиновском холме. Там также найдены подпризматические и эпилеваллуазские нуклеусы, боковые и концевые скребки. В Сибири этот период, датируемый радиоуглеродным методом, относится к концу плейстоцена — началу голоцена (10—11 тысячелетия до нашей эры^[134]). Вполне вероятно, что подобная культура на территории южной части Дальнего Востока существовала довольно продолжительное время — на протяжении раннего голоцена. Если в палеолите наблюдается некоторое единство в развитии форм каменных орудий как Приморья, так и Приамурья, что свидетельствует также о несомненной этнической общности этих территорий, то в мезолите наблюдается резкое отличие инвентаря памятников Приморья и бассейна Амура. В то время, когда в Приморье существовала культура, характерная рядом памятников с пластинчатой техникой, в бассейне Амура продолжала существовать галечная традиция, но уже более совершенная, чем осиновская. Самый ранний ее памятник, видимо, мастерская Кумары-Ш, расположенная в 2—3 км от первых двух местонахождений.

Здесь, на небольшом участке в 15—20 кв. м, среди речного аллювия собрано несколько сот отщепов, пластин, а также нуклеусов и различных орудий труда. Особенно много найдено отщепов, самых различных размеров — от миниатюрных до массивных, как и в пещере «Географического общества». Из крупных изделий здесь найдено несколько нуклеидных рубящих орудий, но они значительно совершеннее по форме, чем из первых местонахождений. Из нуклеусов здесь представлены подпризматические и эпилеваллуазские формы. Древняя галечная традиция продолжает сохраняться: в качестве исходного материала для изготовления нуклеуса бралась галька. Поперечными сколами первобытный человек сбивал с одного конца галечную корку, затем выравнивал площадку и с одной из прилегающих сторон, зачастую без какой-либо дополнительной подправки, начинал скалывать отщепы. По мере выравнивания рабочей грани с нее скалывались правильные пластины.

Со всех нуклеусов снимали пластины только с одной грани. Орудия труда на этой мастерской выделяли как из отщепов, так и из пластин.

На поселении Кумары-Ш найдено несколько клинков и ножей, обработанных с двух сторон ретушью. Они знаменуют Появление в Приамурье нового технологического приема: техники обработки орудия ретушью с двух сторон.

Техника двусторонней обработки широко представлена позже на

Наконечники копий и дротиков из поселения Осиповка.

ряде поселений мезолитического облика в районе г. Хабаровска на нескольких холмах, тянущихся цепью вдоль берега Амура. Культурный слой здесь залегает в серовато-желтом суглинке. Раскопки 1960 и 1963 годов позволили выявить несколько очагов, сложенных из сильно обожженных речных камней. Вокруг этих очагов и был сосредоточен в основном каменный инвентарь. Иногда обнаруживаются и своего рода рабочие площадки или мастерские, то есть места, где производилась обработка камня и выделялись каменные орудия. В таких местах общепы, оббитые камни и пластины залегают целыми скоплениями.

Из орудий труда значительный интерес представляют листовидные клинки миндалевидной формы, обе поверхности которых сплошь обработаны плоской «солютрейской» ретушью. Некоторые из них могли служить превосходными боевыми кинжалами и охотничьими ножами для разделывания добычи. Ими легко можно было вспарывать шкуру животного и расчленять его тушу на части. Другие клинки такого рода, но уже более массивные, были вполне пригодны в качестве наконечников копий. Самые маленькие из них, тонкие и узкие, могли служить наконечниками легких метательных дротиков. На поселении были обнаружены также наконечники стрел листовидной формы, тщательно со всех сторон отделанные ретушью. На этих поселениях обнаружены также топоровидные орудия с желобчатым лезвием.

Специфической основной частью инвентаря этих поселений являются миниатюрные изделия из целых плоских галек, которые с одной стороны обработаны широкими массивными сколами, вторая же сторона у них оставлена без обработки. Иногда имеется дополнительная подправка лезвия мелкой заостряющей ретушью. Эти орудия входят в особую технологическую группу тесловидно-скребловидных инструментов.

Кроме крупных орудий труда на этих поселениях встречен также мелкий каменный инвентарь: скребки, срединные резцы небольших размеров и остря. Особый интерес представляют гобийские нуклеусы и ножевидные пластины.

Племена позднего мезолита Дальнего Востока вели, по-видимому, полукочевой образ жизни, точно так же, как и их предшественники — охотники верхнего палеолита. Однако у них уже появились орудия труда, которые знаменовали важные изменения как в хозяйстве так и в образе жизни. Первым таким орудием был двусторонне обработанный ретушью нож, миндалевидный, или лавролистный по форме. Такие ножи отвечали потребностям охотничьего хозяйства: ими можно было пользоваться как кинжалами, если они закреплялись на короткой рукояти. На длинной рукояти-древке эти клинки употреблялись в качестве наконечников копий. Не удивительно поэтому, что они появляются еще у охотников позднего палеолита и раннего мезолита, как это мы видели

в Кумарахи в верхнем слое Устиновки — Зеркальной. Еще более важной была роль первых топовидных орудий хабаровских мезолитических поселений.

Пользуясь своими еще не шлифованными, а только оббитыми каменными топорами, древние обитатели больших речных долин Восточной Азии и островов Тихого океана могли гораздо шире использовать богатства лесов и вод, успешнее строить не только убежища от дождя или холода, но и изготовлять различные охотничьи приспособления, а также ловушки для рыбы в виде заколов, верш.

Появление каменного топора должно было иметь и другие, не менее важные для истории Восточной Азии последствия. Приморские окраины Азиатского материка в это время были, по-видимому, населены уже достаточно широко. С переходом от простого собирательства съедобных моллюсков и водорослей, выбрасываемых океаном, к рыболовству в открытом море местное население гораздо полнее, чем прежде, осваивает морские просторы. Прибрежные рыбаки и охотники на изготовленных каменными топорами неуклюжих лодках передвигаются от бухты к бухте, от одного залива к другому, а затем проникают и на соседние острова, многие из которых, вероятно, еще не видели человека. Начинается новая большая полоса в жизни прибрежных племен — океанический период их истории.

Таким образом, уже в мезолитическое и раннеолитическое время намечился переход к совершенно новому хозяйственно-бытовому укладу, определилась перспектива последующего развития.

Конечно, население этих областей Азии в раннем неолите было крайне редким, а отдельные пункты, занятые людьми, чередовались с огромными незаселенными областями. Человек был подавлен буйной девственной природой юга. Его маленькие поселки-стойбища терялись в сплошных зарослях лесов. Но дальнейшие перемены во всех областях жизни были не за горами.

Используя достижения своих предшественников, обитатели Дальнего Востока вскоре пошли далеко вперед. Они научились шлифовать камень и достигли в этом деле значительного по тому времени мастерства. У них появились лук и стрелы. Широко распространилось гончарство. И, самое главное, у них с течением времени все больше и больше развивается новая отрасль хозяйства, ставшая основой жизни этих племен, всей их культуры, — рыболовство.

Последнее, о чем следует здесь сказать, — это о культурных связях и своего рода культурном обмене того отдаленного времени. Древнее население, как мы уже видели, находилось не в изоляции от своих соседей, в том числе не только ближайших, но зачастую и очень далеких.

Эти связи начинаются еще в глубине палеолита, когда происходило первоначальное заселение материка Азии нашими предками.

Об этом свидетельствует наличие в древнейших нижнепалеолитических культурах Амура и Приморья орудий из целых галек, «галечной культуры», а затем широкое распространение леваллуазской техники расщепления камня. Все это связывает Дальний Восток с Центральной Азией — Монголией, а также с Сибирью, в первую очередь с Алтаем. *Галечная* техника была распространена в нижнем и среднем палеолите также в Индии и Средней Азии. Такие же связи существовали и позже: об этом свидетельствует не менее широкое распространение в одно и то же примерно время листовидных и миндалевидных двусторонне ретушированных клинков. Они распространены в Прибайкалье (Верхоненская гора, Стоянка у Военного Госпиталя в Иркутске), в Якутии (Дюктайская пещера на Алдане), в палеолите Монголии — на Орхоне и Толе, может быть, даже на Американском континенте (острия типа фолзом, юма). Не менее показательно также распространение таких характерных и загадочных по их назначению предметов, как «гобийские», или килевидные нуклеусы.

Впервые на своеобразии этих вещей обратил внимание Б. Э. Петри, который и предложил назвать их нуклеусами-скребками.

Особое внимание эти специфические изделия привлекли к себе в связи с находками экспедиции Эндрьюса в пустыне Гоби. Немного позднее на Университетской площади в г. Фэрбенксе на Аляске были обнаружены точно такие же изделия. Нельсон, описавший часть коллекции экспедиции Эндрьюса, увидел между нуклеусами-скребками из Гоби и Аляски поразительное сходство и в связи с этим высказал мысль, что находки у Фэрбенкса доказывают гипотезу о переселении первобытного человека из Центральной Азии, из пустынной ныне Гоби, через Берингов пролив сначала на Аляску, а затем и далее, в глубь Американского континента [¹³⁵].

Вслед за Нельсоном распространением этих своеобразных каменных изделий заинтересовался Тейяр де Шарден. Ссылаясь на свои находки в Туркестане, он высказал мысль о вероятном существовании всемирного по распространению «шита» или «слоя» субарктической культуры в эпоху неолита. Тейяр де Шарден составил карту, на которой показал находки в Турфане, на Аляске и у Харбина [¹³⁶]. Теперь появилась возможность расширить далеко на север и восток Азии границы на этой карте. В настоящее время «гобийские» нуклеусы известны на крайнем востоке МНР, в долине Халхин-Гола, на Амуре, Камчатке, в Приморье, а также в докерамических культурах Японских островов. Одним словом, ареал их распространения охватывает Северную Азию — восточнее Оби и Енисея, а также Центральную Азию—Монголию, Камчатку, Дальний Восток и Японский архипелаг, а на Американском континенте — Аляску.

В Японии такие нуклеусы обнаруживаются в очень ранних докера-

мических комплексах, с изделиями из пластин, с «настоящей индустрией пластин», как пишут об этом японские исследователи [137]. Открытие этой культуры явилось в японской археологии подлинной сенсацией и буквально перевернуло прежние представления об истории освоения человеком Японского архипелага, тем более, что полученные при исследовании ее памятников радиоуглеродные даты оказались неожиданно древними, в пределах 17—12 тысячелетий, то есть на уровне европейского мадлена. И еще замечательнее, что на Японских островах прослеживается такая же в принципе последовательность в развитии докерамических культур, как у нас в Приморье, нижнем слое Устиновки на реке Зеркальной. Сначала, например, в Тарукиси появляются широкие пластины, снятые с нуклеуса зпилеваллуазского типа, а вместе с ними ранние гобийские нуклеусы. Затем в Японии, точно так же как в верхнем слое Устиновки, распространяются двусторонне ретушированные миндалевидные клинки.

Отсюда следует, что древнейшие культуры Японского архипелага развивались не в изоляции, не сами по себе, а во взаимодействии с материковыми культурами. Для более глубокого понимания этого взаимодействия важно, что на реке Халхин-Голе на горе Хереуул, в восточных районах Монголии в соседстве с верхним Приамурьем, еще в 1949 году Окладниковым было обнаружено местонахождение каменных изделий, основная масса которых состояла из гобийских нуклеусов, точно таких же, как нуклеусы Устиновки на реке Зеркальной и нуклеусы с Японских островов. На горе Хереуул найдены в одном комплексе с гобийскими также и снятые с них характерные «лыжевидные сколы», получившиеся при подправке площадки нуклеуса. Очевидно, Приамурье и восточные районы Монголии были одними из тех центров, откуда распространялись специфические технические приемы расщепления камня, вызвавшие появление этих резко своеобразных изделий эпохи позднего палеолита и мезолита.

На Дальнем Востоке, следовательно, в ходе тысячелетий смешиваются разнородные культурные элементы, сталкиваются и взаимодействуют друг с другом культуры различного происхождения, идет сложный процесс культурного синтеза. Этот процесс, несомненно, не снимал всего своеобразия исконно местных, автохтонных, культур, но во всяком случае способствовал их обогащению и прогрессивному развитию. При этом нужно думать, наш Дальний Восток, где существовали, как мы знаем, благоприятные природные условия, на самой заре истории был не просто транзитной территорией, по которой проходили большие исторические пути древнейшего человечества, но явился тем районом, который оказывал сам по себе влияние на другие области Азиатского материка, откуда шло заселение этих областей, в первую очередь соседней Якутии, а может быть, также и Прибайкалья.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПРИАМУРЬЕ И ПРИМОРЬЕ

Неолитическое время «а Дальнем Востоке явилась временем больших прогрессивных сдвигов в жизни местного населения. Новое время выразилось прежде всего в материальной культуре. Неолитические племена Амура и Приморья, как и их современники в других областях Азии и Европы, стали пользоваться шлифованными орудиями наряду с оббитыми. Особенно важны были в их повседневной жизни шлифованные топоры. Они стали употреблять на охоте лук и стрелы — самое дальнобойное оружие того времени. Наконец, по-своему не менее важным приобретением неолитического человека явилась глиняная посуда. Прогрессивные перемены произошли и в укладе жизни дальневосточных племен. Часть их стала жить оседлой жизнью вдоль рек, занимаясь добычей проходной морской рыбы. Другая же часть пошла еще дальше и вступила в принципиально новую эпоху, производящего хозяйства.

О сложности исторического процесса на Дальнем Востоке свидетельствует и разнообразие неолитических памятников-культур, которое отражает наличие разных этнографических групп, у каждой из которых были свои особенности в образе жизни, технике, искусстве. Знакомство с этими культурами следует начать с верховьев Амура — с территории Среднего Амура.

На Среднем Амуре в результате новейших исследований в настоящее время известны четыре неолитические культуры. Первая такая культура получила название новопетровской культуры пластин.

Поселение этой культуры было обнаружено в 1961 году во время разведочных работ на Среднем Амуре отрядом археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова в селе Константиновке у здания старой школы [138].

Терраса, на которой находилось поселение, расположена в 200 м от берега Амура. Она возвышается над поймой на 8—12 м. У старой школы высота террасы наибольшая, и она поднимается в этом месте в виде мыса. При зачистке обнажений террасы были найдены остатки одного жилища. Раскопки этого жилища показали, что оно имело вытянутую с северо-востока на юго-запад прямоугольную форму с несколько округлыми углами. Пол жилища был сравнительно ровный в центре. К стенкам он плавно поднимался. Наибольшая глубина котлована жилища в центре достигает 50 см по отношению к древней поверхности обитателей поселка. Стенки котлована сравнительно невысокие — 25—40 см.

В центре жилища был небольшой по размерам очаг, который очень сильно оплыл по склону. Он был обложен сланцевыми плитками. Около него и в самом очаге обнаружены небольшие по размерам сильно обожженные и растрескавшиеся гальки из мелкозернистого гранита, которыми, по-видимому, был выложен очаг. Большой интерес представляют два камня с хорошо зашлифованными углублениями-лунками. Они лежали рядом с очагом и применялись для добывания огня при помощи лучкового сверла.

Материал, полученный при раскопках этого жилища, озадачил археологов: все орудия труда делались из тонких правильных ноже-, видных пластин. Наконечники стрел, скребки, ножи, проколки — все это древние мастера выделывали из изящных пластин, снятых с призматических нуклеусов.

В дальнейшем в бассейне Среднего Амура были найдены и другие памятники, в которых преобладали изделия из можевидных пластин, в связи с чем эта культура была выделена в особую новопетровскую культуру пластин. Название новой культуры дали древние поселения, расположенные у села Новопетровки. Поселения эти располагаются на древней террасе, круто спускающейся к долине реки Дунайки.

Люди каменного века не случайно выбрали именно эти два высоких мыса в двух-трех километрах от реки Амура. Им не грозила разрушительная сила амурских паводков, сильные и частые ветры обдували с него полчища гнуса и комаров, этот грозный бич «амурских

прерий». Характер отложений — довольно рыхлая супесь — позволял легко выкопать простейшими каменными и костяными орудиями котлованы для жилищ. Дождевая и снеговая вода быстро поглощалась песчаной почвой или стекала вниз, в долину реки. На этих поселениях вскрыто более десяти жилищ и значительная площадь древней поверхности, по которой люди того времени ходили и на которой были «найжены» рабочие площадки и различные хозяйственные сооружения. При раскопках жилищ и междужиличного пространства обнаружено большое количество каменного инвентаря. Большая часть изделий изготовлена из ножевидных пластин, снятых с пластинчатых нуклеусов. Нуклеусы составляют обширную и разнообразную в типологическом отношении группу. В коллекции из Новопетровского поселения имеется более 100 экземпляров нуклеусов. Большая часть из них представляет собой ядрища, с которых снято три-четыре пластины. Они по существу только подготовлены к работе. Значительное число их было обнаружено у рабочих мест, или в специальных ямах-кладовых, то есть они предназначались для дальнейшего снятия с них пластин. По форме и способу снятия пластин с нуклеусов их можно разделить на восемь типологических групп.

К первой группе относятся нуклеусы, у которых ударная площадка параллельна его поперечному сечению. Опорная площадка у всех нуклеусов этой группы приострена и по форме напоминает клин или овальное острие. Нуклеусы этой группы довольно значительных размеров, высотой до 15 см. Ударная площадка имеет, как правило, форму, близкую или к прямоугольному треугольнику, или четырехугольную.

Вторую группу составляют нуклеусы более тщательно отделанные и рационально использованные. Эти нуклеусы имеют четырехугольную ударную площадку, нижнее их основание приострено. Пластины с этих нуклеусов снимали с двух сторон. У 14 экземпляров пластины сняты с двух прилегающих друг к другу граней, а у четырех экземпляров — с двух противоположных граней. У этих нуклеусов поперечной ретушью обрабатывалась и третья грань, хотя с нее и не снимались пластины. Четвертая грань, как правило, сохраняет естественную поверхность камня. Ударная площадка у этих нуклеусов плоская, выровненная поперечными сколами.

К третьей группе относятся нуклеусы со скошенной ударной площадкой и имеющие сходство с верхнепалеолитическими [139]. Пластины с этих нуклеусов снимались только с одной стороны, образующей с ударной площадкой острый угол в 70—50°. Верхнее основание у всех нуклеусов, относящихся к этой группе, имеет форму, близкую к прямоугольному четырехугольнику. Нижнее основание имеет форму клина или острия. Нуклеусы этой группы А. П. Окладников выделил в особую группу — нуклеусы эпилеваллуазского типа [140]. Они наиболее широко рас-

пространены на мезолитической мастерской у села Устиновки и составляют самую обширную группу изделий [141]. Нуклеусы, относящиеся к четвертому типу, отличаются от остальных групп как по форме, так и по своему назначению. Снятие пластин с таких нуклеусов производилось тоже только с одной стороны, но в отличие от тех, с которых пластины можно было снимать с любой из трех-четырёх граней, у этих нуклеусов рабочей гранью могла быть только одна сторона, противоположное же ей ребро уплощалось боковыми сколами и дополнительной ретушью и представляло собой полукруглое лезвие, применявшееся в качестве ножа или скребла.

По назначению эти нуклеусы входят в обширную группу так называемых гобийских нуклеусов, или нуклеусов-скребков.

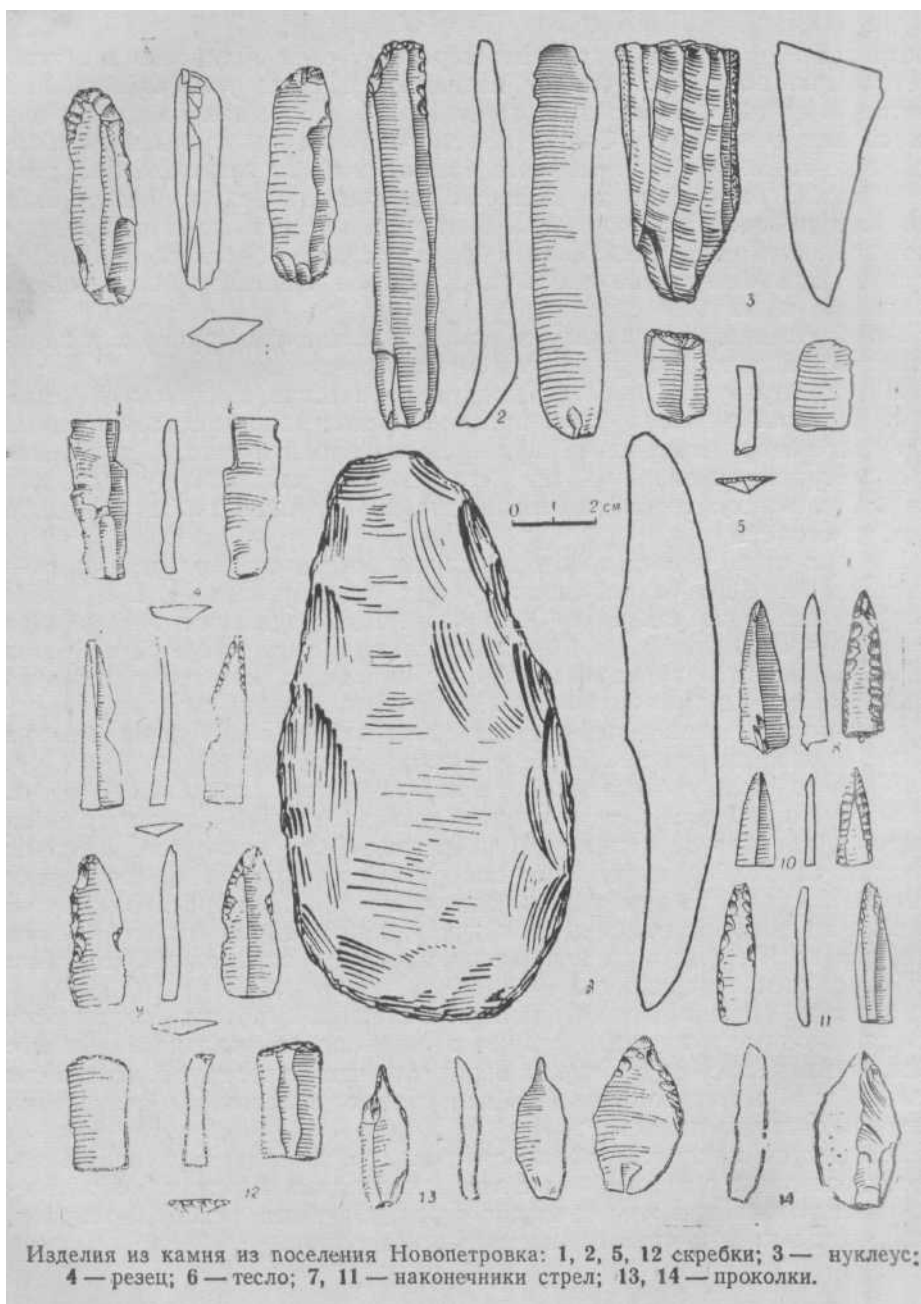
Пятую группу составляют подпризматические нуклеусы. В отличие от распространенных форм призматических одно-двухплощадочных нуклеусов подпризматические нуклеусы из неолитического поселения у Новопетровки отличались тем, что ударная площадка у них, как правило, четырехугольная, а снятие пластин производилось с одной или двух сторон.

Шестую группу составляют нуклеусы очень своеобразного типа — кельтовидные. Верхнее основание у них прямоугольное. Две грани нуклеусов довольно узкие, от 3 до 4 см. Две другие же в несколько раз шире — от 6 до 10 см. Пластины скалывались с одной из узких граней. Нижнее основание имеет форму широкого клина и тщательно обработано с двух противоположных сторон широкими сколами. Ло самому концу образовавшегося лезвия нанесена дополнительная мелкая ретушь. Эти нуклеусы по форме напоминают кельты.

Седьмую группу составляют нуклеусы пирамидальной формы. У этой группы имеется острое нижнее основание и четырехугольная площадка, которая перпендикулярна длинной оси нуклеусов. Ударная площадка тщательно выровнена поперечными сколами. Ножевидные пластины с нуклеусов этой группы снимали или с двух противоположащих граней, или примыкающих друг к другу, или с одной грани. У всех нуклеусов этой группы, за исключением одного экземпляра, сколами обработана вся поверхность.

Восьмую, сравнительно немногочисленную группу, составляют двухплощадочные нуклеусы, которые в своем первоначальном варианте ничем не отличались от нуклеусов перечисленных выше групп, но в связи с дальнейшим их использованием для снятия пластин рабочая грань последних видоизменилась.

Все формы нуклеусов из неолитического поселения у села Новопетровки связаны с отделением с них ножевидных пластин, используемых для изготовления наконечников стрел, скребков, резцов, проколов, ножей, вкладышей и другого каменного инвентаря.

На поселении обнаружено 98 наконечников стрел. По форме и характеру обработки их можно разделить на четыре группы.

К первой группе относятся пластинчатые наконечники стрел, у которых мелкой тщательной ретушью обработан только кончик. Остальная же поверхность не ретушировалась. Причем, ретушь в большинстве случаев наносилась только с брюшка, и лишь иногда острие дополнительно обрабатывалось со спинки.

Ко второй группе относятся наконечники стрел, у которых ретушью обработано не только острие, но и насад. Все наконечники стрел этого типа не имеют ударного бугорка. Его, по-видимому, обламывали. У некоторых экземпляров ретушью у насада округлены углы прямого основания. Ретушь наносилась также с брюшка.

Третью группу составляют наконечники стрел, обработанные ретушью по всему периметру. Противоположный острию конец округлен, а у некоторых экземпляров даже превращен в острие. Наконечники стрел этого типа по форме похожи на лист ивы.

Четвертый тип наконечников стрел — «американоидные». Эти наконечники изготовлены из ножевидных пластин и обработаны тонкой ровной ретушью вдоль брюшка. Кончики острия оформлены как продольными, так и поперечными сколами. На противоположном острию конце у насада имеются довольно глубокие выемки. Они сделаны преднамеренно — ретушь очень глубокая, выемки строго симметричны друг другу — и служили для закрепления острия в какой-то деревянной рукоятке или древке.

Кроме наконечников стрел сравнительно небольших размеров, при раскопках неолитических поселений у Новопетровки и Константиновки встречено значительное число массивных острий, которые могли употребляться в качестве дротиков. Они изготовлялись из толстых, почти квадратных в поперечном сечении, или из широких, но сравнительно тонких ножевидных пластин. У острий первого типа кончик обрабатывался вкруговую по всей поверхности как с брюшка, так и со спинки. Острия, изготовленные из широких ножевидных пластин, обрабатывались преимущественно с брюшка только по краям. Их длина от 6 до 11 см.

Довольно многочисленную группу каменных изделий составляют ножи и вкладыши для ножей. Ножи, встреченные на поселении, по способу обработки делятся на две группы. К первой группе относятся ножи, изготовленные на длинных массивных пластинах (длиной до 15 см). Один край у них обработан мелкой ретушью по всей длине пластины. Кроме того, у одного конца, преимущественно у того, где имеется ударный бугорок, некоторые экземпляры обработаны крупными сколами также и по второму краю. Так оформлялась рукоять ножа. Ко второй группе относятся ножи, изготовленные из ножевид-

•ных пластин, имеющих у одного конца треугольное расширение. Этот конец тщательно обрабатывался мелкой ретушью. По общему виду эти ножи напоминают ножи народов Нижнего Амура и северо-востока, предназначавшиеся для разделывания рыбы. Подобная специфическая форма ножей известна на неолитической стоянке Куллаты в Якутии [¹⁴²]* а также в Нижнем Приобье, где В. Н. Чернецов относит их к наконечникам асимметричной формы [¹⁴³].

Первое место по численности среди орудий труда составляют скребки. Подавляющее количество скребков, встреченных при раскопках поселений, было изготовлено из пластин. В редких случаях в качестве скребков могли употребляться отщепы с ретушью. Их на поселении было немного. По форме и назначению скребки из неолитических поселений у села Новопетровка делятся на шесть групп: концевые скребки с овальным, прямым и скошенным рабочим лезвием, боковые, клювовидные и двухконцевые скребки.

На поселении при раскопках обнаружено большое количество кожевидных пластин. Многие из них имеют по одному краю частично ретушь и могли употребляться для различных целей.

Особую группу составляют пластины с боковыми выемками, подправленными мелкой ретушью как с брюшка, так и со спинки. У некоторых экземпляров по одному краю имеется по две выемки, обработанные ретушью. Пластины с выемками наиболее характерны для мезолитических культур Средней Азии, есть они в пещере Джебел [¹⁴⁴], гроте Кайлю [¹⁴⁵], в пещере Дам-Дам-Чешме [¹⁴⁶] в Туркмении.

Среди скребловидных инструментов в раннеолитическом поселении Джейтун пластины с выемками составляют значительное число. В. М. Массой считает, что «эти пластины скорее всего являлись скобелями для обработки деревянных предметов, как например, древков стрел» [¹⁴⁷].

Для обработки дерева и кости в неолитических поселениях у села Новопетровка, кроме скребков, применялись также резцы. Наиболее многочисленную группу составляют боковые резцы, которые изготовлялись из Н-ожевадных пластин с резцовым сколом по краю.

Сравнительно небольшую группу составляют резцы срединного типа. В отличие от боковых или краевых резцов, срединные резцы имели на одном конце два резцовых скола, направленных от центра к краям.

Из крупных орудий труда значительный интерес представляют тесла и мотыги. Почти все тесла зашлифованы.

Для Новопокровского поселения характерны сравнительно небольшие по размерам тесла (от 4 до 12 см). Все они плоские и прямоугольные в поперечном сечении.

Мотыжки изготовлялись из массивных плиток мелкозернистого

сланца. Они имеют прямоугольную форму и только к обушку суживаются. Края и нижнее основание у них обработаны мелкими сколами.

Из предметов, связанных с производством орудий труда, на поселении обнаружены отбойники, отжимники, наконечники, точильные камни. Отбойниками служили обыкновенные удлиненные гальки с мелкими выбоинами на концах. В качестве отбойников применялись и нуклеусы, преимущественно клиновидные. У некоторых таких экземпляров нижнее основание сильно смято, на нем множество мелких выбоин.

Обработка каменных орудий производилась на специальных подставках-наковаленках, изготовленных из плотного темного сланца. На поверхности таких наковален имеется большое число мелких выбоин, иногда расположенных так густо, что они образуют одно сплошное выемчатое углубление.

Для заточки и шлифования лезвий тесел применялись плитки небольших размеров из темного сланца. На поверхности этих плиток имеются длинные прямые углубления.

Керамика на поселении встречалась в незначительном количестве. Наиболее крупное скопление керамики обнаружено во время раскопок восьмого жилища. Это, по-видимому, были остатки одного сосуда значительных размеров, с плоским дном. Он имел диаметр по венчику 25 см, высоту 38 см и диаметр доньшка 12 см. Венчик у него прямой. На поселении обнаружены также и сосуды меньших размеров. Венчик сосудов прямой или слабо отогнут. Сосуды украшались наклепными рассеченными валиками. Фрагменты из девятого жилища украшены несколькими группами рядов валиков, между которыми имелись наклепные ряды зигзагообразных валиков, как бы соединяющих их.

В целом на поселении керамика встречалась редко. В первом, втором, четвертом, пятом жилищах керамики не было совершенно. Это говорит о том, что керамика только начинала входить в быт племен Среднего Амура.

Анализ каменного инвентаря новопетровской культуры пластин показывает, что для нее характерны многие мезолитические и даже палеолитические способы обработки нуклеусов и орудий труда. Истоки этой культуры, следовательно, надо искать в мезолите и даже в палеолите, в той культуре, которая представлена мезолитическим поселением в Устиновке.

Типы нуклеусов Устиновки и Новопетровки в основе идентичны. Каменные изделия Устиновки и новопетровской культуры пластин тоже близки как по форме, так и по способу обработки. Это относится, прежде всего, к концевым скребкам, изготовленным из длинных ножевидных пластин, у которых один край обрабатывался крутой, почти отвесной ретушью; наконечникам дротиков, обработанных по кончику

мелкой заостряющей ретушью; резцам, которые, так же как и: в Устиновке, делятся на две группы: срединные и боковые. Аналогичны пластинчатые ножи, проколки, пластинки с ретушью. Все это подтверждает мысль о генетических связях этих культур. Судя по этому, новопетровская культура пластин является одной из самых ранних неолитических культур Дальнего Востока и датировать ее нужно начало» V—IV тысячелетий до н. э., а может быть, и раньше.

Новопетровская культура пластин оказала большое влияние на формирование древних культур не только Среднего, Нижнего Амура, Приморья, но и соседних областей Восточной Азии. Большой интерес представляют связи новопетровской культуры с неолитическими культурами Северо-Восточного Китая, Маньчжурии, где исследование неолитических памятников началось в начале нашего века.

В сентябре 1928 года во время одной из орнитологических экскурсий харбинский биолог, географ и археолог А. С. Лукашкин нашел неолитическую стоянку в нескольких километрах к западу от станции Цицикар. На следующий год вблизи от первой стоянки А. С. Лукашкиным была обнаружена вторая, где он провел раскопки. С материалами собранными А. С. Лукашкиным, ознакомились французские геологи, знатоки каменного века и геологи Китая — Э. «Писан и П. Тейяр де Шарден. Они рекомендовали Лукашкину продолжить работу по собиранию материала. В 1930 году Харбин посетил Лян Сы-юн, направленный национальным геологическим комитетом в Пекине для раскопок обнаруженного А. С. Лукашкиным неолитического погребения¹⁴⁸}. Совместно с Лян Сы-юном А. С. Лукашкиным были раскопаны неолитические погребения¹⁴⁹].

В дальнейшем А. С. Лукашкин несколько лет собирал в этом районе подъемный материал и производил небольшие разведочные раскопки. Всего им было открыто шесть неолитических стоянок. Кроме того, в районе Цицикара неоднократно производились сборы археологического материала Железняковым, В. В. Поносовым, В. С. Макаровым¹⁵⁰]. Большой интерес представляет коллекция, собранная в районе Цицикара М. Я. и В. В. Волковыми, материалы которых были опубликованы В. Е. Ларичевым.

Новые находки на Среднем Амуре позволяют теперь сопоставить их с ранее обнаруженными памятниками в соседних районах и точнее разобраться в последних.

Для сопоставления с находками в Новопетровке особый интерес представляют, наряду с неолитом соседней Маньчжурии, неолитические поселения Восточной Монголии. Таково, в первую очередь, поселение Линей.

В Линей неолитические находки концентрируются в слое черной супеси толщиной 1—2 м. Гумусированная темная супесь лежит на бе-

лых песках речного происхождения, которые П. Тейяр де Шарден считает плейстоценовыми.

Пески и супеси перекрывают древние сланцевые отложения. Особенно мощные рыхлые отложения наблюдаются в местах естественного понижения коренных пород. В таких западинах, заполненных супесью и белыми песками, и находят каменные орудия. Стоянки Линей занимают значительную площадь по берегам Кастийгола.

Каменный инвентарь, собранный на дне западин, П. Тейяр де Шарден разделил на три группы. В первую входит большое количество оббитых галек, лежащих на дне западин в виде настоящего гравия. Некоторые из галек оббиты, расколоты, но лишены определенных очертаний. Другие же имеют форму типичных чопперов или скребел.

Во вторую входят разнообразные каменные орудия, а также хорошо оформленные нуклеусы. Наконечники стрел из Линей двух типов: с прямым и вогнутым основанием, обработанные с обеих сторон ретушью, и наконечники, изготовленные на длинных ножевидных пластинах. Пластинчатые наконечники обрабатывались ретушью преимущественно с брюшка. Особенно тщательно ретушировались острия. Насад часто оставался совсем неретушированным. Скребки также делались из отщепов и ножевидных пластин (скребки из пластин, в основном, боковые и концевые). Резцы выделялись из ножевидных пластин, из которых изготавливались так же вкладыши для составных ножей и ножи. Ретушь наносилась по одному, реже по двум краям, преимущественно с брюшка. Из ножевидных пластин выделяли также проколки и сверла. Нуклеусы из Линей призматические, подпризматические и конические. С конических нуклеусов пластины снимались с одной стороны. Остальные грани или подрабатывали поперечными сколами для правильной огранки, или оставляли без обработки. Ударная площадка у всех нуклеусов выровнена. Нуклеусы из Линей, опубликованные Э. Лисаном и П. Тейяр де Шарденом, сравнительно небольших размеров, но в коллекции имеются длинные ножевидные пластины, сколотые с массивных нуклеусов.

Третью группу изделий из камня составляют каменные зернотерки, мотыги и песты. Зернотерки представляют собой прямоугольные, литки из «зернистых пород», по-видимому, сланцев, с вогнутой поверхностью. Песты также делались из мелкозернистых пород. Они имели округлую в поперечном сечении форму. К рукояти они суживались. Противоположный рукояти конец имел шарообразное утолщение.

Рассматривая каменный инвентарь стоянок Линей, нельзя не отметить его большое сходство с инвентарем неолитических стоянок Ананци и Цицикара, а также новопетровской культуры пластин. Общим для всех памятников является наличие пластинчатых форм нуклеусов и изделий из ножевидных пластин: наконечников стрел, ножей и вклады-

шей для составных ножей, проколов, боковых и концевых скребков, боковых и угловых резцов. Однотипна и плоскодонная керамика, украшенная наклепными рассеченными валиками. Таким образом, племена из бассейна Амура проникали вначале в Северную Маньчжурию, а затем дальше на юго-запад, во Внутреннюю Монголию.

В бассейне Среднего Амура наряду с новопетровской культурой пластин существовала другая культура, столь же яркая и самобытная. Первым памятником, давшим название этой культуре, стало обнаруженное в 1961 году во время разведки по реке Зее поселение каменного века в устье реки Громатухи^[151].

Поселение, это расположено на правом берегу в устье реки Громатухи. Ее долина глубоко врезана в коренной берег. Слева от устья возвышается скалистый мыс пирамидальной формы, круто обрывающийся к реке Зее. Справа также имеются скалистые крутые обнажения. Слева к самому устью речки примыкает отчетливо выраженная площадка, по-видимому, часть старой надпойменной террасы. Терраса занимает сравнительно небольшой участок шириной около 70 м и длиной 80 м. Поверхность террасы слегка наклонена к востоку и к руслу рек Зеи и Громатухи. Вверх по течению речки Громатухи эта терраса прорезана руслом сухого в настоящее время ручья. Это поселение, как показали раскопки, оказалось трехслойным. Люди, оставившие эту культуру, жили на этом месте продолжительное время. Два нижних горизонта, судя по идентичности форм и типов каменных орудий, разделялись, по-видимому, небольшим хронологическим промежутком.

Для этих двух горизонтов характерны эпилеваллуазские, подпризматические, конические нуклеусы и нуклеусы-скребки. Эпилеваллуазские нуклеусы отличались от других форм нуклеусов скошенной ударной площадкой. Пластины с них снимали или с одной стороны или с противоположных сторон. Эта древняя традиция продолжает сохраняться в бассейне Среднего Амура и в неолите.

Большой процент составляют также нуклеусы-скребки, столь широко распространенные в мезолитических и раннеолитических памятниках Северной, Восточной и Центральной Азии. Нуклеусы-скребки небольших размеров и пластины, которые снимали с таких нуклеусов, шли, по-видимому, для изготовления очень небольших вкладышевых орудий. Боковое ребро у них очень хорошо заострено ретушью и представляет собой как бы специальный инструмент типа ножа или скребка. У некоторых из них имеется подтепка со стороны ударной площадки. Эти нуклеусы могли употребляться и как лезвия рубанков.

Эпилеваллуазские нуклеусы и нуклеусы-скребки встречаются только в двух нижних слоях и отсутствуют в верхнем.

В двух нижних слоях преобладают орудия крупных размеров из галек. Это своеобразные тесловидно-скребловидные инструменты. Одна

сторона их тщательно обрабатывалась сколами, а по краю — мелкой ретушью, другая же сторона оставалась необработанной. Вторую группу крупных каменных орудий составляют ножи-клинки и наконечники копий или дротиков. Обе стороны их обрабатывались мелкими сколами, лезвия тщательно ретушировались. Наконечники копий и дротиков имеют устойчивую ромбическую форму, они несколько удлинены у насада. Размеры наконечников варьируют от 4 до 15 см. Только в нижних двух горизонтах найдены массивные чопперовидные орудия и скребла палеолитического облика, приближающиеся по типу к верхнепалеолитическим скреблам Восточной Сибири. В целом в двух нижних горизонтах хорошо прослеживаются древние галечные традиции, характерные для мезолита и палеолита Приамурья.

Во всех трех горизонтах найдено много изделий из ножевидных пластин. Из них выделывали наконечники стрел иволистной формы, проколки, вкладные лезвия для составных ножей-кинжалов, концевые скребки.

Резцы, обнаруженные на поселении, в преобладающей массе срединные, многофасеточные, много также боковых и угловых резцов. Значительный процент среди орудий труда составляют комбинированные орудия: резцы-ножи, скребки-проколки. Для изготовления каменных орудий применялись кремь, вулканический туф, вулканическое стекло — обсидиан. Во всех трех горизонтах встречено много отщепов. Их часто скалывали с обычных галек, и они без какой-либо дополнительной обработки. Многие отщепы отретушированы и применялись в качестве скребков, скобелей или грубых ножей.

Керамика на поселении обнаружено сравнительно немного. Она характеризуется разнообразием приемов орнаментации. Наиболее распространенными были орнаменты: ложнотекстильный, шнуровой, отпечатки колотушки, обмотанной травой или грубой тканью, а также орнамент из различных ромбических, прямоугольных и округлых вдавлений, расположенных рядами, опоясывавшими сосуды. Встречается также гребенчато-пунктирный орнамент, нанесенный подвижным зубчатым колесиком, наlepной рассеченный валик, различного рода комбинации из поперечных линий.

Распространение отдельных видов орнамента по слоям тоже не одинаково. В двух нижних слоях больше фрагментов, украшенных шнуровым, текстильным и ложнотекстильным орнаментом, отпечатками травы или ткани. В верхнем горизонте гораздо больше гребенчатого штампа и орнамента из различных ямок. Встречается в этом слое и спиральный орнамент, характерный для неолитических культур Нижнего Амура.

Отличие «ижних горизонтов от верхнего свидетельствует не только о хронологическом разрыве между ними, но и о важных изменениях

в хозяйстве. В двух нижних горизонтах почти совершенно не найдено грузил для сетей, а в верхнем горизонте грузила составляли значительный процент от всех находок. Зато в верхнем слое немногочисленны листовидные кинжалы и ножи. Это свидетельствует о том, что люди, оставившие после себя два нижних культурных горизонта, занимались в основном охотой, рыболовство же развивалось в более позднее время.

Во втором и третьем слоях были обнаружены очаги и небольшие хозяйственные ямы. Каменный инвентарь в этих слоях концентрировался в основном вокруг очажных пятен. Очаги, видимо, находились внутри жилищ типа чума.

Следующее такое поселение — Арга на реке Зее^[152]. На берегу неширокой зейской протоки на трехметровой террасе в слое темно-коричневой супеси была собрана небольшая коллекция каменного инвентаря.

Много нового и интересного дали раскопки неолитического поселения у села Сергеевки, которое было открыто студентом Благовещенского педагогического института В. А. Семиным. Село Сергеевка расположено на Амуре, в 50 км выше г. Благовещенска. К северу и северо-западу от села раскинулась равнина, местами поросшая мелким кустарником. По равнине протекает поросшая осокой, заболоченная речка Маньчжурка — левый приток Амура. С севера и востока равнина окружена цепью сопок.

Основная масса находок была обнаружена в нижнем слое темной гумусированной супеси. Найденные здесь нуклеусы можно разделить на четыре типологические группы. К первой группе относятся довольно массивные одноплощадочные конические нуклеусы, пластины с которых снимали только с одной грани. По внешней форме и способу снятия с них пластин они напоминают конические нуклеусы с односторонней обработкой из Новопетровки.

Ко второй группе относятся «карандашевидные» нуклеусы. Они незначительных размеров (высота 2—5 см). Ударная площадка у них овальная, а в двух случаях круглая, диаметром от 1 до 2 см. Несмотря на небольшую площадь рабочей поверхности, с них вкруговую снимали до пятнадцати тонких, узких ножевидных пластин.

Ко второй группе близки нуклеусы третьей группы — призматические, с двумя параллельными площадками. Они также незначительны по величине, со следами снятия узких (0,2—0,3 см) пластин.

Четвертую группу составляют так называемые нуклеусы-скребки. Все они имеют в профиле форму, близкую к прямоугольному треугольнику. С одной из сторон, образующей катет, снимали узкие пластины. Ребро, образующее гипотенузу, обработано ретушью и представляет собой режущее лезвие, которое могло применяться в качестве лезвия ножа или скребла.

Наконечники стрел относятся к двум типологическим группам. Первую составляют пластинчатые наконечники двух видов: наконечники, изготовленные из ножевидных пластин и обработанные мелкой ретушью только у острия, и пластинчатые наконечники, обработанные как у острия, так и у насада. По форме они напоминают лист ивы. Ко второй группе относятся наконечники лавролистной формы. Все они овальные и со всех сторон обработаны ретушью. В средней части наконечники имеют максимальное утолщение, к насаду утончаются и сужаются.

Вкладыши для ножей изготавливались как из ножевидных пластин, так и из отщепов.

Большие полулунные ножи изготовлены из массивных отщепов и обработаны широкими сколами по всей поверхности. Рабочее лезвие всех ножей дополнительно обрабатывалось мелкой заостряющей ретушью. Резцы относятся к срединным многофасеточным резцам. Они, так же как и скребки, изготовлены или из ножевидных пластин, или из массивных отщепов.

Наибольший интерес среди орудий труда, встреченных в нижнем слое, представляют скребловидно-тесловидные инструменты. Они выделаны из крупных галек (кварца, гранита, сланца, кремня). Одна сторона у них сохраняет естественную поверхность гальки. Только у двух экземпляров по рабочему краю на плоской поверхности имеются следы дополнительной мелкой ретуши.

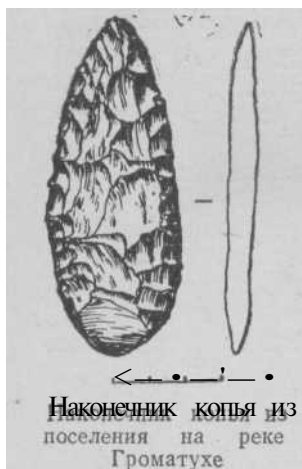
Назначение этих орудий было различно. Некоторые экземпляры могли служить в качестве нуклеусов, грубых тесел или скребел.

В северной части раскопа обнаружено очажное скопление из кварцевых и гранитных галек. Большая часть их растрескавшаяся и красная, от обжига. Под ними находился слой оранжевой прокаленной супеси, вокруг которого было сосредоточено много фрагментов керамики. Керамика покрыта отпечатками грубой травы или ткани, а иногда на ней видны остатки шерсти.

Каменный инвентарь Сергеевского поселения, особенно его нижнего слоя, носит такие же галечные традиции, как и инвентарь из поселения на реке Громатухе.

Истоком для громатухинской культуры является осиповская (у Хабаровска) мезолитическая культура. Сравнимая каменный инвентарь осиповского мезолитического поселения и громатухинской культуры, можно видеть поразительное единообразие форм и типов каменных орудий. Это, в первую очередь, относится к листовидным клинкам, наконечникам копий и дротиков, тесловидно-скребловидным инструментам, резцам, изделиям из ножевидных пластин и нуклеусам-скребкам. Но в то же время в громатухинской культуре значительно возрастает число орудий труда, изготовленных из ножевидных пластин. Появляются наконеч-

ники стрел, изготовленные из пластин, увеличивается число концевых скребков, а также боковых резцов. Если на мезолитическом поселении в Осиповке срединные резцы выделялись в основном из массивных

отщепов или специальных заготовок, то в громатухинской культуре срединные резцы изготовлялись также из ножевидных пластин. Значительно увеличивается в памятниках громатухинской культуры количество пластинчатых ножей.

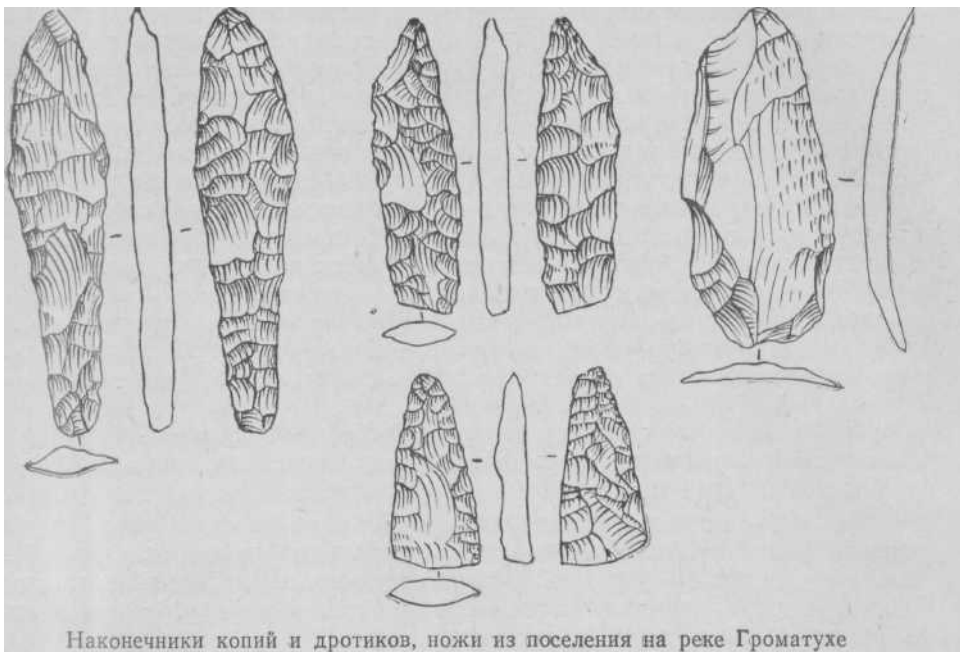
Это свидетельствует, видимо, о том, что племена Нижнего Амура, поднимаясь на Средний Амур[^] встретились с племенами новопетровской культуры пластин и, естественно, заимствовали некоторые элементы аборигенной культуры. Громатухинская культура, по-видимому, может быть датирована IV — началом III тысячелетия до н. э.

Расположение памятников громатухинской культуры в бассейне реки Зеи, естественно, еоз-Дало благоприятные условия для проникновения племен этой культуры по Зее на север до Якутии. Подтверждением этого является сходство керамики и некоторых форм каменного инвентаря со стоянки Малая Мунку вблизи г. Олекминска. Элементы громатухинской культуры прослеживаются и на юге—в Маньчжурии, на западе — на Верхнем Амуре, в Забайкалье и Монголии. Во время разведочных работ в 1957 году на Верхнем Амуре Э. В. Шавкуновым у села Буссе было открыто неолитическое поселение с инвентарем, характерным для громатухинской культуры.

В коллекции, собранной Э. В. Шавкуновым, имеются шесть тесловидно-скребловидных инструментов, срединные многофасеточные резцы, лавролистные двусторонне обработанные наконечники дротиков и копий, которые указывают на связь громатухинской культуры с неолитическими культурами Забайкалья. Такие связи прослежены и в Забайкалье при раскопках неолитического поселения на левом берегу Амура, напротив села Чинданти¹³³].

На стоянке обнаружены очаги, представляющие собой в разрезе линзы красного обожженного песка с примесью мелких угольков и золы. Очаги были обложены плитками серого песчаника довольно значительных размеров. Вокруг очагов обнаружено несколько рабочих площадок с наковаленками, нуклеусами и готовыми каменными орудиями. Характерным элементом инвентаря в Чинданте являются тесловидно-скребловидные инструменты громатухинского типа, изготовленные из массивных речных галек.

Элементы сходства с громатухинской культурой имеют также ка-

Наконечники копий и дротиков, ножи из поселения на реке Громатухе
 менный инвентарь и керамика, обнаруженные в Шилкинской пеще-
 ре^[154], йа озере Кенон и Иргень^[155]. Следовательно, Забайкалье в
 III тысячелетии до н. э. входило в ареал расселения племен громатухин-
 ской культуры.

Большой интерес представляют связи громатухинской культуры
 с неолитическими культурами Маньчжурии. В материалах, изданных
 Лукашкиным и Макаровым, имеется несколько тесловидно-скребловид-
 ных инструментов, у которых одна сторона сохраняла естественную
 поверхность, другая обработана мелкими сколами^[156]. В материалах
 Волковых, изданных В. Е. Ларичевым, также имеется несколько анало-
 гичных инструментов.^[157]

Тесные контакты прослеживаются между громатухинской культу-
 рой и культурой племен Восточной Монголии. Полевыми работами
 1967—1968 годов на востоке Монголии открыто несколько неолитических
 поселений, близких по формам каменных орудий громатухинской куль-
 туре. Одно такое поселение открыто на озере Ямат-Нур. Среди других
 изделий из камня здесь найдено около десятка тесловидно-скребловид-
 ных инструментов. Они четко подразделяются на две группы.

К первой относятся тесловидно-скребловидные инструменты овгаль-

иые или сегментовидные в поперечном сечении. В плане они имеют подтреугольную форму. Одна сторона их обрабатывалась по всей поверхности широкими сколами. Противолежащая сторона также обрабатывалась сколами по всей поверхности или наполовину. Нижнее широкое лезвие подрабатывалось по краю мелкой ретушью. Этот вариант тесловидно-скребловидных инструментов очень близок к изделиям подобного типа гromатухинской культуры Среднего Амура.

Ко второй группе тесловидно-скребловидных инструментов относятся орудия, изготовленные на плитках. Они имеют подпрямоугольные в плане очертания, несколько суживающиеся к обушку, и прямоугольную или трапециевидную в поперечном сечении форму. По краям эти орудия обработаны сколами, и нижнее широкое лезвие имеет дополнительную подправку — мелкую ретушь. Этот тип скребловидно-тесловидных инструментов имеет близкие аналогии в памятниках Забайкалья.

Памятники следующего этапа в бассейне Среднего Амура располагаются в несколько иной физико-географической зоне по сравнению с гromатухинскими.

По всей обширной низине от села Войково до села Ново-Петровки тянется ряд длинных бугров-релок, окаймляющих берега речки Дунайки и Осинового озера, которые соединяются небольшой протокой. Осинное озеро и целая система примыкающих к нему озер (Бородинское, Лotosовое и другие) являются, по-видимому, старицами когда-то широкой амурской протоки.

Осинное озеро — самое большое в этом районе. Длина его 4—5 км, ширина 800 м. Северо-восточные берега озера высокие, местами обрывистые, густо поросли кустарником. В южной части озера ширина береговой релки достигает немногим более 10 м. Эта релка является водоразделом между речкой Дунайкой и озером. Далее на северо-восток релка расширяется до 2—3 км.

В узкой части релки было раскопано несколько жилищ, слегка заметных на поверхности по небольшим западинам. Раскопки одного из жилищ показали, что единичные изделия начали встречаться уже в дерне и поддерновом слое. Основная же масса находок располагалась в нижнем слое заполнения и на полу жилища. На полу найдено несколько довольно крупных кусков бересты длиной около 15—20 см и 5—8 см шириной со сквозными отверстиями.

На «плечике» котлована на высоте 40 см от пола жилища найдена зернотерка квадратной формы с округленным! углами, размером 26x26 см. Это жилище в плане имело округлую форму и было слегка вытянуто с востока на запад. Размеры его по центру с востока на запад — 8,5 м, с севера на юг — 7,5 м. Высота плечиков была различной: в восточной части они были выше, в западной — ниже.

В центре жилища находился очаг, который имел желобчатую в поперечном разрезе форму, вытянутую с севера на юг. Его размеры 95x65 см. Края очага оконтурены узким коричневым слоем шириной в 8 см. Вероятно, это остатки истлевшей деревянной обкладки.

При зачистке дна жилища были заметны светло-коричневые пятка ямок от столбиков. Ямки от столбиков, так же как и в остальных жилищах этого поселения, располагались двумя концентрическими кругами. Внешний ряд проходил у плечиков жилища, а внутренний ряд окружал очаг.

При раскопках поселения у Осинового озера почти в каждом из жилищ встречались небольшие участки, на которых наблюдается значительное число отщепов, а иногда и готовых изделий. Это были рабочие площадки, где работали мастера по изготовлению орудий. Но ни на этих площадках, ни в остальных частях жилищ не найдено нуклеусов каких-либо устойчивых и определенных форм. Зато, как правило, встречались желваки кремня и халцедона со следами скалывания с них отщепов, причем скалывание велось беспорядочно, без какой-либо четко выраженной системы и дополнительной подготовки ядрища.

Эти халцедоновые и кремневые желваки и заменяли на Осиневом озере нуклеусы, связанные с отделением пластин. Из отщепов, скалываемых с таких нуклеусов, изготавливались наконечники стрел, вкладыши, скребки, проколки. Нужно особо подчеркнуть при этом, что изделий из сколько-нибудь правильных, хорошо ограненных ножевидных пластин на Осиневом озере вообще не встречено.

Мелкий кремневый инвентарь представлен наконечниками стрел. Они делятся на несколько типологических групп. Наиболее многочисленную из них составляют короткие и широкие наконечники стрел в виде равностороннего треугольника. Все они небольшого размера, обработаны с обеих сторон мелкой ретушью. По краям ретушь крутая. Острие довольно тупое. Среди наконечников этой группы выделяются наконечники с выемкой в основании и небольшими, симметрично расположенными жальцами и без жалец с прямым основанием. Ко второй группе относятся наконечники стрел более узкие по пропорциям, в виде равнобедренного треугольника. Они превосходят по размерам наконечники первой группы в два или даже три раза. Длина сторон у некоторых экземпляров доходит до 3 см. Они также делятся на наконечники с выемкой и с жальцами и наконечники без жалец, с прямым основанием. Жальца обычно незначительные, симметричные.

К третьей группе относятся наконечники стрел с черешком. Одна сторона наконечников этого типа плоская, обработанная крупной ретушью, только жальца у них дополнительно подправлены мельчайшей ретушью. Противоположная сторона по всей поверхности обработана сколами. Наконечники имеют форму треугольника.

Четвертый тип наконечников стрел в основном аналогичен второму, но отличается от него косо срезанным основанием.

Следующую группу каменных изделий образуют вкладные лезвия для составных орудий. Все они изготовлены из массивных отщепов. Длина лезвий от 2 до 5 см. Они обработаны ретушью с обеих сторон. У некоторых экземпляров обработан ретушью только один конец, то есть острие.

Скребки по форме и степени обработки можно разделить на три группы. Первую группу составляют скребки округлой формы, со всех сторон обработанные ретушью. Во вторую группу входят скребки, обработанные ретушью по двум-трем краям. Эти скребки, как правило, прямоугольные в плане. У отдельных экземпляров имеется выступ-шип, также обработанный ретушью. Эти скребки могли использоваться и в качестве проколов. К третьей группе относятся скребки с рабочим лезвием по одному краю. Рабочая сторона у них узкая. Две другие стороны образуют рукоять.

Проколки, найденные на поселении, изготовлены из отщепов подтреугольных очертаний. Ретушью обработано только острие. Большая же часть орудий не подвергалась обработке.

Крупные каменные орудия представлены теслами и долотами. Все они тщательно отшлифованы и имеют прямоугольную форму в поперечном сечении. Из других крупных орудий труда на поселении у Осинового озера имеются песты, зернотерки.

На поселении встречены грубо оббитые с двух концов гальки. Они служили грузилами для сетей. О том, что насельники занимались рыболовством, свидетельствует также костяной гарпун. Гарпун имеет шесть зубчиков-жалыцев. Все они расположены на одной стороне. Насад его обломан. Это пока единственный неолитический гарпун, обнаруженный в бассейне Среднего Амура.

Значительную часть коллекции с поселения составляет керамика. Судя по фрагментам сосудов, из всей массы керамики можно выделить три типа сосудов.

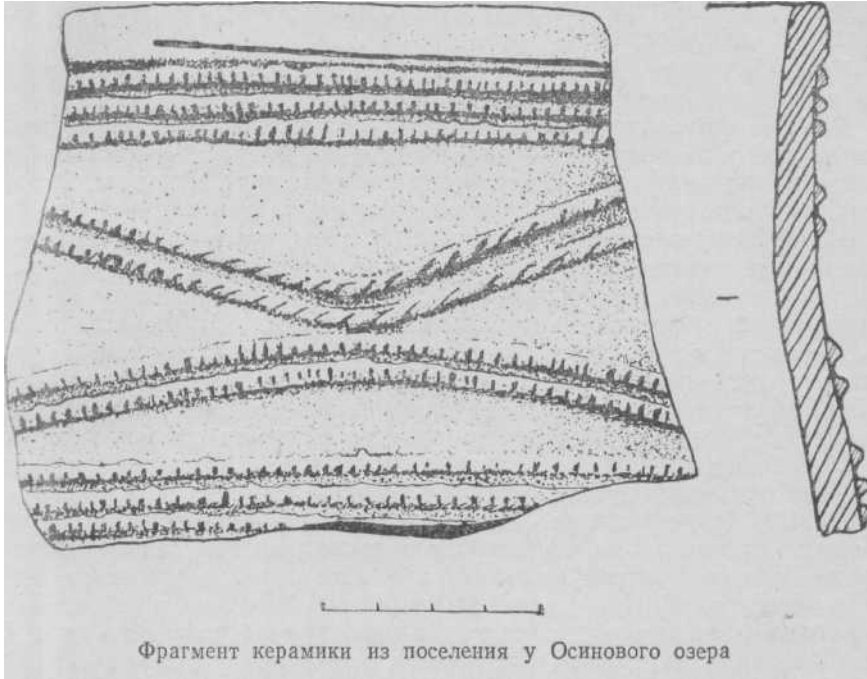
К первому типу относятся сосуды значительных размеров с диаметром горла до 25—30 см. Все сосуды плоскодонные, ведрообразной формы, слабопрфилированные, в большинстве случаев с прямым венчиком, иногда он отогнут наружу. Высота некоторых сосудов, судя по фрагментам, достигала 30—35 см.

Вторую группу составляют сосуды меньших размеров: высотой до 20 см, диаметр по венчику 15 см. У этих сосудов более четко выражена шейка, венчик отогнут в виде буквы «Г». Орнамент также состоит из маленьких рассеченных валиков.

К третьей группе относятся небольшие сосуды в виде чаш. У них, как правило, прямой венчик (диаметры от 5 до 10 см). Стенки тонкие,

гладкие. Иногда по венчику расположены один-два наlepных валика.

Керамика Осиновского поселения по форме сосудов и орнаментации близка к керамике на Новопетровском поселении. На Осиновском поселении было встречено также два круглых диска с отверстием в центре, изготовленных из темного песчаника. Диаметр дисков 4 см, толщина 0,3 см. Это скорее всего утяжелители для палок-копалок или палиц, которыми оглушали крупную рыбу, попавшую в сеть.

Фрагмент керамики из поселения у Осинового озера

Фрагмент керамики из поселения у Осинового озера

Представления об осиноозерской культуре дополняются находками в долине реки Зеи при впадении в нее реки Белой.

По высокому правому берегу реки Белой тянется целый ряд небольших песчаных холмов, очень сильно развеванных ветрами, дождями, потоками и разливами рек. На поверхности этих холмов в течение ряда лет местные жители собрали коллекцию каменного инвентаря и-керамики. В коллекции преобладали готовые орудия труда: наконечники стрел, вкладыши для ножей, проколки, украшения, керамика. При этом обычно встречающиеся на поселениях и в мастерских отщепы и заготовки каменных орудий среди собранных в устье реки Белой находок совер-

шенно отсутствуют. Это объясняется, по-видимому, тем, что в данном случае мы имеем развеянные ветром погребения. -В коллекции представлены тщательно и искусно обработанные с обеих сторон вкладные лезвия, наконечники стрел треугольной формы с вогнутым основанием и симметричными жалъцами, а также наконечники стрел удлинненнотреугольных очертаний с прямым основанием.

Керамика с устья реки Белой аналогична керамике Осинового поселения. Особый интерес представляют хорошо зашлифованные нефритовые кольца. Они также свидетельствуют о том, что эти находки относятся к погребениям.

Таким образом, на Среднем Амуре выявлены три различные местные культуры, очевидно, разновременные.

Каковы же были взаимоотношения этих культур? Замечательно прежде всего то обстоятельство, что две из них обнаруживают много общего и, следовательно, генетически связаны друг с другом. Это более древняя новопетровская культура пластин и более поздняя — осиноозерская. Такой вывод основан, во-первых, на том, что у осиноозерцев и новопетровцев аналогична керамика: плоскодонные сосуды, украшенные налепными рассеченными валиками, образующими нередко различные геометрические фигуры, треугольники, ромбы. Во-вторых, большое сходство у тех и у других наблюдается в конструкции жилищ. Конструктивные столбы жилищ располагались двумя рядами: внешний ряд — у плечиков в котловане жилища, внутренний — в центре жилища, окаймляя очаг. Входом и выходом из жилища служили дымовые отверстия.

Осиноозерцы, следовательно, были потомками новопетровцев, а те — наследниками устиновской культуры. Остаются загадочными громатухинцы. Кто они такие? Каковы истоки их оригинальной культуры, главными элементами и своего рода этническими показателями которой служат орудия из галек в виде тесловидно-скребловых инструментов и двусторонне ретушированные клинки? Ответ на этот вопрос следует искать в анализе другой группы мезолитических памятников Дальнего Востока, относящихся к осиновской культуре, у Хабаровска. К этой культуре и ведут нас поиски предков людей, оставивших памятники громатухинского типа.

Интересно отметить и еще одно важное обстоятельство. На Осиновом озере неожиданным образом исчезает древняя пластинчатая техника. Исчезают внезапно и нуклеусы новопетровских форм, и пластины. Вместо превосходных нуклеусов распространяются простые, слегка обработанные желваки. Старые пластинчатые наконечники и ножи сменяются двусторонне ретушированными наконечниками и ножами.

Эти изменения, по-видимому, вызваны влиянием культуры громатухинских племен. Что же касается причины, заставившей новопетровцев отбросить старые технические традиции, то здесь интересно будет от-

метить, что аналогичные явления наблюдаются и в таежном Прибайкалье, где сначала, на хиньском этапе, наконечники стрел были пластинчатыми, а затем в исаковское время стали двусторонне ретушированными. Возможно, что, как и в Прибайкалье, потребность в двусторонне ретушированных наконечниках связана была с эволюцией и дальнейшим усовершенствованием наконечников стрел.

Не исключено, что потомки новопетровцев, жившие на Осиновом озере, усвоили более прогрессивную технику изготовления двусторонне ретушированных наконечников стрел от потомков людей громатухинской культуры, которые, в свою очередь, восприняли эту технику от своих предков, создавших некогда осиповскую мезолитическую культуру. Это — еще одно свидетельство о сложности исторического процесса и культурно-этнических взаимоотношений в неолите Дальнего Востока.

НЕОЛИТ НИЖНЕГО АМУРА

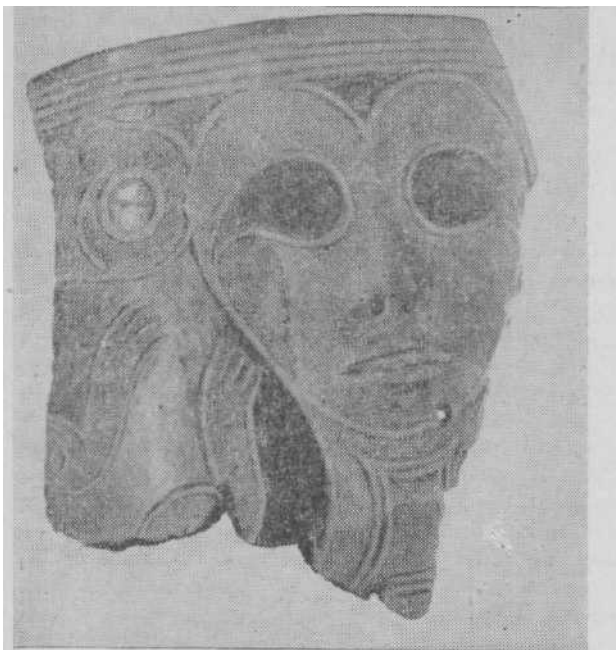
От Хабаровска на восток по течению Амура в неолитическое время жили племена, отличающиеся от среднеамурских как по форме каменных орудий труда, так и по орнаменту, которым они украшали свои сосуды. Это уже другой мир племен, вся жизнь которых была связана с реками и рыбной ловлей. Это — настоящие ихтиофаги каменного века.

Несмотря на то, что в бассейне Нижнего Амура раскопки начали проводить еще с 1935 года, и в настоящее время известно не менее сотни неолитических поселков, до недавнего времени там не было ни одного памятника, раскопанного на большой площади. Это создавало впечатление о неолите Нижнего Амура как о единой, длительной в своем развитии, культуре.

Для стратиграфии и хронологии неолитической культуры на Нижнем Амуре особое значение имеют раскопки неолитического поселения у села Вознесенского.

Поселение это впервые обследовано А. П. Окладниковым в 1935 году, когда по поручению Института этнографии АН СССР была осуществлена археологическая разведка от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре. Уже тогда было замечено, что это поселение многослойное, и тогда же был выявлен своеобразный комплекс керамики, свойственный нижнему слою этого местонахождения, отличный от керамики, лежащей выше. В 1965 году это местонахождение было обследовано снова, и при этом собран интересный подъемный материал, в том числе фрагменты уникального сосуда с изображенными на нем загадочными «личинами». Эти личины никак не походили на все известные ранее орнаменты на сосудах. Это скорее всего были небольшие барельефы. На одной части сосуда был нанесен сердцевидный мягкий овал лица, глубокий вырез

рта и чуть выпуклые губы. Глаза у личины непропорционально большие, в виде двух реторт. Мягко выдавлен нос, так что трудно сказать, где он -начинается. Вся поверхность лица, за исключением глаз, покрыта мелким сетчатым орнаментом. Рядом с лицом какие-то изображения в виде лап с когтями. Изображение нанесено в верхней части, у венчика, большого слабопрофилированного сосуда. Второе изображение меньших размеров, которое находилось, возможно, на этом же сосуде.

Фрагмент сосуда из неолитического поселения Вознесеновка

На берегу в том же году было найдено много каменных топоров, тесел, ножей, скребков и других изделий из камня, которые были вымыты водой во время разливов.

Последующие раскопки показали, что этот памятник многослойный, что и обусловило особый интерес к нему — пока единственному в этом отношении «а Амуре, где можно стратиграфически проследить последовательность сменяемых культурных этапов, в особенности неолитических. В 1966 году это поселение вновь исследовалось отрядом ДВАЭ под руководством А. П. Окладникова. В 1966 году в работах отряда участвовал также геолог П. М. Долуханов, который дал геоморфологическую справку

об этом местонахождении. Уже в самом начале, при первых зачистках обреза обнажения древнего поселения в Вознесеновке было установлено, что поселение это занимает особое место среди остальных неолитических поселений Нижнего Амура по характеру отложений, с которыми связаны культурные остатки. Отложения эти мощные, до 1,5 и 2 м, многослойные. В них представлены неодновременные культуры и культурно-исторические этапы. Исходя из их анализа можно расчленить неолит Нижнего Амура на ряд частных хронологических этапов.

В верхней части этих отложений представлена мохэская культура: "черепки мохэских сосудов и даже почти целые сосуды. Последние связаны с древними ямами-углублениями, впущенными местами довольно глубоко в подстилающие отложения и в более ранние культурные слои.

Глубже встречается керамика раннего железного века — «польцевская». При этом вместе с керамикой раннего железного века изредка встречаются обломки неолитических сосудов, орнаментированных пунктирно-гребенчатыми линиями, иногда образующими достаточно четко выраженный вертикальный зигзаг. Наличие неолитической керамики объясняется тем, что люди железного века при рытье своих ям углублялись в нижележащие слои с культурными остатками эпохи неолита. С нижележащим слоем серой супеси связаны остатки позднего неолита, представленные скудными, но достаточно выразительными предметами: почти целым гладкостенным сосудом и, по-видимому, «кладом» мастера — заготовками тесел. Тесла эти, в количестве четырех, лежали плотно друг около друга, на ребре. Они составляли, должно быть, особый производственный комплекс или клад — специальное хранилище мастера. Заготовки эти оббиты, и весьма умело, но не до конца. И ни одна из них не несет следов шлифовки или употребления. К этому же слою относятся, по-видимому, часть шиферных наконечников стрел, хорошо зашлифованных, а также некоторые двусторонне ретушированные изделия.

Большая часть предметов из этого слоя найдена в серой супеси, представляющей собой остатки древнего жилища, которое разрушили более поздние постройки раннего железного века и мохэские ямы. Жилище, в свою очередь, сильно повредило нижележащий, более древний слой — желтую супесь, в которой прослеживаются остатки еще более ранних жилых углублений, сильно разрушенных разливами Амура и более поздними обитателями этого мыса. Для заполнения этих углублений характерны обломки сосудов со спиральной резной орнаментикой и гребенчато-пунктирным узором в виде вертикального зигзага, по которому и прочерчивалась такая спираль. К этому культурному слою относятся фрагменты сосудов с личинами на лощеном красном фоне, несколько шлифованных каменных наконечников стрел, овальные в поперечном сечении тесла, двусторонне ретушированные наконечники стрел, вкладыши для ножей. К непосредственно предшествующему времени нужно отнести сильно деформированные остатки углубления в северной части раскопа, впущенного в аллювиальные песчаные отложения холма, и содержащиеся в «ем самые нижние культурные прослойки. Здесь найдены самые эффективные находки: семь миниатюрных нефритовых колечек из непрозрачного белого как сало нефрита, лежащих кучкой, великолепный по отделке двусторонне ретушированный

наконечник стрелы из желтоватого полупрозрачного кремня, крупное шлифованное тесло.

Из числа уникальных предметов, характерных для этого комплекса, следует отметить глиняную, хорошо обожженную погребушку, украшенную ямочным узором, внутри которой находятся камешки: они издают звуки, характерные для погребушки. Форма ее грушевидная.

Керамика этого слоя представлена выразительными образцами типичной для неолита Нижнего Амура керамики с орнаментом из тисненых ромбиков, образующих «амурскую плетенку». Вторая группа фрагментов керамики состоит здесь из фрагментов, украшенных вдоль края сосуда, под венчиком, наклепными валиками, рассеченными косыми вдавлениями палочки, обмотанной шнуром. Ниже виден пояс из ромбических ямок, расположенных тесно друг около друга, подобно сотам. Еще ниже — выполненный вдавлением палочки-штампа узор из меандровых полосок. Есть также и венчики, украшенные наклепными волнистыми валиками, расположенными горизонтально, плотно друг около друга. Весь комплекс выделяется богатством орнаментации керамики и совершенством в изготовлении каменных изделий. К этому же слою относятся овальные и односторонне выпуклые тесла, которые тщательно зашлифовывались древними мастерами по всей поверхности. Скребки, вкладыши для ножей, ножи, делались из специальных заготовок ретушировкой всей поверхности. Ретушь очень тщательная, ювелирная. Найдено также несколько изделий из ножевидных пластин — наконечники стрел, скребки, вкладыши для ножей, а также пластинчатые нуклеусы.

Слоистая толща мелкозернистых песков содержит неолитические культурные остатки, характеризующиеся керамикой особого рода — с штамповым узором. В настоящее время это — наиболее древняя, известная нам на Амуре неолитическая культура. Находки в этой толще дают возможность судить о культуре самых ранних неолитических обитателей Вознесенского холма. Здесь встречено больше всего миниатюрных изделий из кремнистых пород, обработанных отжимной ретушью.

Керамика, найденная в двух нижних слоях, состоит из двух основных групп. В первую входят обломки сосудов с богатым штамповым узором, часто расположенным в виде вписанных друг в друга треугольников. Иногда этот узор кажется выполненным в шнуровой технике, может быть, палочкой, обмотанной крутоперевитым шнуром. Такие сосуды нередко имели лошеную ярко-красную блестящую поверхность. Вместе с такой керамикой встречаются обломки сосудов с прямыми стенками, усеченноконической формы. Основным формообразующим элементом для них служат поставленные вертикально и объединенные в горизонтальные пояса прямые и короткие вдавления гребенчатого штампа. Ближайшей аналогией ему служат находки на однослойном

поселении в селе Малышево у мастерских, около Амурского санатория в г. Хабаровске, в Казакевичево.

Раскопки неолитического поселения у села Вознесенки, следовательно, имеют исключительно важное значение для периодизации неолитических памятников Нижнего Амура.

Самые ранние слои этого поселения — малышевская культура — относятся к V—IV тысячелетиям до н. э. Более поздние неолитические слои относятся к III—II тысячелетиям до н. э. К тому времени, по-видимому, относятся и сосуды с личинами.

Несколько неолитических памятников, относящихся к раннему этапу, открыто в районе Хабаровска, среди которых наиболее известными являются поселения у Амурского санатория, у села Казакевичево и у села Бычихи на Усури.

Поселение у Амурского санатория располагалось на мысу при впадении двух небольших ручьев в Амур. Мыс круто обрывается к Амуру. В обнажении выступают глинистые сланцы черного и серого цветов, выше — суглинок со щебенкой и, наконец, — суглинок светло-желтого цвета, на котором залегают масса темной гумусированной земли, представляющая культурный слой.

Площадка мыса слегка наклонена к ручьям и затем образует крутой склон к тальвегу.

На поселении прослежены слои раннего железного века, средневековые комплексы и нижний горизонт, относящийся к неолиту.

Непрерывного неолитического слоя на территории, занятой впоследствии более поздними поселениями, нет. Отдельные неолитические находки встречались по всей площади раскопа. К неолитическому же слою относятся фрагменты сосудов с характерным орнаментом из косо поставленных параллельных оттисков гребенчатого штампа, образующих горизонтальные параллельные полосы. Эта орнаментика характерна для сосудов из неолитических поселений Рудная (Приморье) и Малышево (у мастерских) на Амуре. Наряду с керамикой были обнаружены и отщепы.

В отдельных местах раскопа найдены фрагменты сосудов с плетеной и каменные изделия, в том числе — шлифованные тесла из черной кремневой породы, отщепы, двусторонне ретушированные изделия из кремня и халцедона, наконечники стрел, ножи, скребла. К сожалению, на этом поселении не удалось выявить непо потревоженного участка с неолитическим слоем.

Шлифованные тесла можно разделить на две группы. К первой относятся односторонне выпуклые (линзовидные в сечении) рубящие орудия, прекрасно зашлифованные. Это наиболее древние рубящие орудия в Приамурье и Приморье. Ко второму типу относятся хорошо зашлифованные тесла, овальные в сечении.

У села Казакевичево, на правом берегу реки Усури, на нескольких террасах высотой 5—7 м собран подъемный материал, относящийся, в основном, к неолиту. Возможно, что на этих террасах располагалось несколько неолитических поселений, относящихся к раннему времени.

Керамика, найденная на этих поселениях, украшалась в основном гребенчатым штампом, линейными прочерченными линиями, а также амурской плетенкой.

Хорошо зашлифованные рубящие орудия — топоры, тесла имели овальную в поперечном сечении форму. Встречались также и топоры асимметричные в поперечном сечении. Наконечники копий, стрел, ножи, скребла ретушировались с двух сторон мелкой ретушью. Изготавливались они из кремня, халцедона, кремнистого сланца.

К древним поселениям у села Казакевичево и Амурского санатория близки по формам каменных орудий и керамики неолитические поселения у села Бычихи на реке Усури.

Коллекция, собранная на этом поселении, относится, судя по формам каменных изделий, к раннему этапу неолитической культуры.

Среди рубящих орудий большой процент составляют асимметричные в поперечном сечении топоры и тесла. Одна из сторон у них плоская, вторая — несколько выпуклая. Обе стороны тщательно зашлифованы. Среди рубящих орудий встречались также топоры и тесла овальные и трапециевидные в поперечном сечении. Ножи, наконечники копий и стрел имели лавролистную форму и ретушировались со всех сторон. Скрепки по краю обрабатывались крутой ретушью.

Все орудия труда выделялись из огщепов и специальных заготовок. Керамика украшалась гребенчатым штампом, а также амурской плетенкой. Изредка встречались фрагменты сосудов, украшенные спиральными узорами.

В обресе берега было видно несколько линзовидных западин, заполненных темной гумусированной супесью. Это остатки жилищ, которые уцелели от размывов реки. При зачистке обреса одной такой западины найдены также керамика и орудия труда такие же, как и на берегу реки. Племена, жившие на Усури в раннем неолите, строили уже полуподземные дома.

За последние годы в бассейне Нижнего Амура раскопано несколько неолитических поселений, состоящих из полуподземных домов. Ряд таких поселений известен в районе села Малышев©, в 60—70 км ниже Хабаровска по течению Амура.

Наиболее древнее поселение в районе села Малышево расположено на правом мысу небольшого ручья, впадающего в протоку Амура, в районе ремонтных мастерских РЭБ флота.

Керамика, найденная при раскопках одного из жилищ, составляла единый выдержанный комплекс. Сосуды, судя по фрагментам, были

различных размеров: большие, слабопрофилированные с широким горлом и небольшие, в виде чаш. Орнаментировались они в основном или гребенчатым штампом, или в виде амурской плетенки из тонких глиняных жгутов, наложенных друг на друга и образующих ромбическую сетку. Нередко такие жгуты накладывались на фоне гребенчатого штампа, который наносился на сосуд колесиком по сырой глине. В результате получался оригинальный, пышный орнамент, в котором трудно выделить, что являлось фоном и что собственно орнаментом.

Изделия из камня в этом жилище были довольно немногочисленны. Но среди них хорошо выделяются две группы каменных изделий: изготовленных из ножевидных пластин и специальных заготовок и отщепов.

Ножевидные пластины снимались с призматических нуклеусов. Ударные площадки у них параллельные и скошенные. Пластины снимались преимущественно с одной и редко — с двух сторон. Остальные стороны покрыты галечной коркой. По типу эти нуклеусы относятся к раннему времени. В разбитом неолите в Приамурье и Приморье пластинчатые нуклеусы исчезают совсем или имеют карандашевидную форму. Тонкие узкие пластины с них снимались по кругу.

Из ножевидных пластин выделялись наконечники стрел, скребла, вкладыши для ножей. Наконечники стрел имеют в основном иволистную форму. Очень тонкой ретушью у них обрабатывались края и кончик со спинки или брюшка пластины. Вкладыши для ножей имеют подправку ретушью с одной стороны, а также или с брюшка, или со спинки. Часть пластин, по-видимому, употреблялась без дополнительной обработки ретушью.

Кроме изделий из ножевидных пластин найдены также скребки, •скребла, ножи из отщепов и специальных заготовок. Ножи покрывались ретушью с двух сторон. Ретушь мелкая, очень совершенная.

Из рубящих орудий найдено несколько топоров овальных и одно-сторонне выпуклых в поперечном сечении. Топоры тщательно зашлифованы.

В заполнении жилища обнаружено несколько грузил из больших базальтовых галек с двумя выемками на концах. На его полу найдена темная углистая прослойка толщиной 15—20 см. Это, по-видимому, остатки очага.

В жилище найдено несколько скоплений каменного инвентаря. Одно из них состояло из фрагментов керамики, украшенной амурской плетенкой, нескольких десятков отщепов, нуклеуса, рядом с которым лежала заготовка скребка из кремнистого сланца. В целом раскопки этого жилища дали типологически выдержанный комплекс, который, судя по орнаментике, а также изделиям из камня, можно отнести к одному из ранних этапов неолита.

Еще одно неолитическое поселение обнаружено в 400 м от окраины села Малышеве ниже по течению Амура. Поселение расположено на 2-й надпойменной террасе, в настоящее время занятой смешанным лесом, тянущимся до окраины соседнего нанайского села Сикачи-Алян. На этом поселении удалось раскопать часть одного из жилищ.

При его раскопках керамика встречалась постоянно, иногда концентрируясь небольшими группами. Внешняя поверхность ее покрыта раствором красной глины. Вся керамика с примесью шамота. Орнамент из прочерченных линий, иногда с последующим заполнением белой краской. Орнаментальные комбинации образуют треугольники, овалы, прямые опоясывающие сосуд линии. Овалы чаще всего выполнены двумя линиями, пространство между которыми заполнено отпечатками гребенчатого штампа.

Пол жилища представлял собой довольно ровную горизонтальную площадку, на которой обнаружено несколько крупных камней, образующих полукольцо. Часть его уходила под бровку. Среди камней залежало большое количество углей и обожженных косточек. Это сооружение напоминает очаг. Он располагался неподалеку от плечиков и служил, по-видимому, для дополнительного обогрева жилища. Кроме того, второй зольник находился приблизительно в центре жилища, в 2,5 м от первого.

На полу жилища найдены фрагменты керамики, покрытые красной краской. Орнамент сосудов двух видов: в виде вертикального зигзага, выполненный или прочерченными линиями, или гребенчатым штампом, а также в виде спиралей, прочерченных по широкому тулову сосудов.

Из каменных изделий найдено несколько скребочков на отщепе, наконечники стрел листовидной формы, ретушированные со всех сторон. В шурфах на этом поселении и в жилище не найдено пластинчатых нуклеусов и изделий из ножевидных пластин. Не встречено на поселении также амурской плетенки, характерной для жилища у мастеровских. Второе поселение относится к более позднему этапу неолитической культуры Нижнего Амура.

Важное значение для восстановления картины хозяйства, быта племен Нижнего Амура имели раскопки неолитического поселения в нанайском селе Кондон, относящегося по времени ко второму этапу неолита. Село располагается в очень удобной котловине, отгороженной с севера невысокой грядой сопки. Окружающие леса богаты дичью, и в речке Девятке, на которой стоит современный нанайский поселок, много рыбы. Не случайно у нанайцев существует легенда, с которой они связывают заселение ими этого места.

Давным-давно бродили по тайге и болотам голодные, обессиленные нанайцы. Много дней и ночей не имели они ни рыбы, ни мяса. Многие люди, не выдержав невзгод, ушли в страну мертвых. Даже самые

смелые и сильные отчаялись вырваться из цепких рук беды. Но был среди них один молодой охотник, который страстно любил свой народ и хотел принести ему счастье. Когда почти уже никто не мог двигаться, он продолжал день и ночь бродить по тайге, мечтая встретить и убить сохатого, чтобы влить его теплую кровь в остывающие сердца сородичей. Вскоре пришла зима. Выпал снег. Все кругом стало белым-бело. Но нигде не было видно ни одного следа животных.

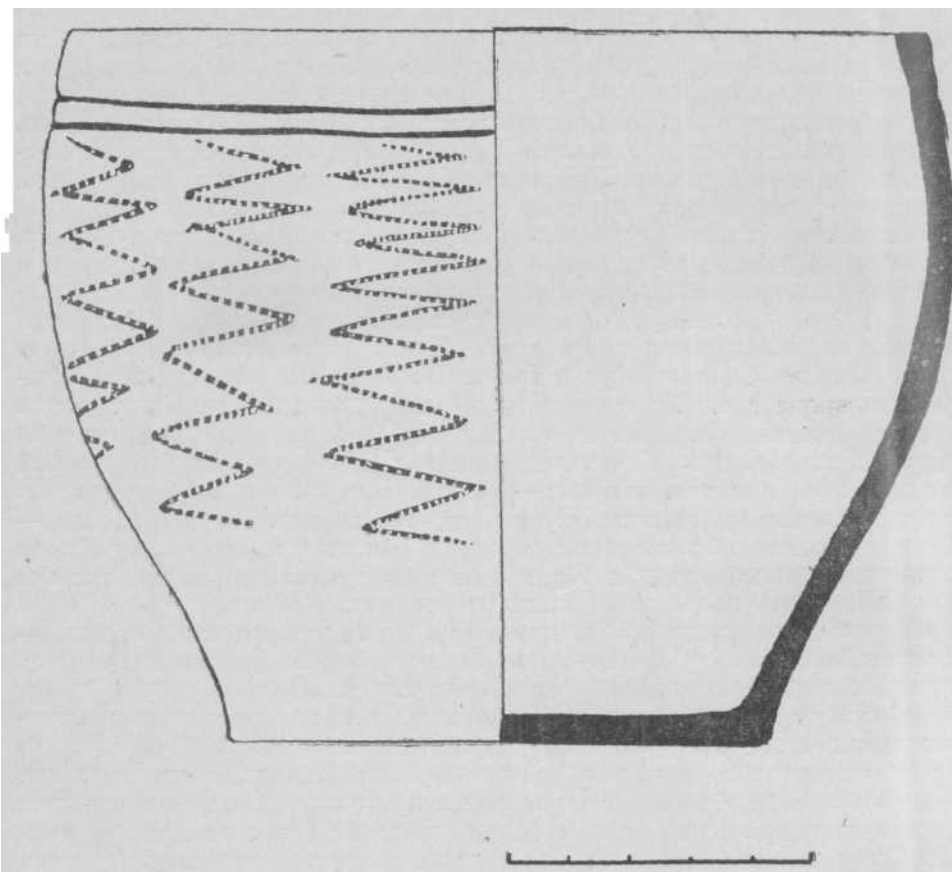
Однажды увидел охотник перед собой высокую крутую сопку. Решил он взобраться на ее вершину. «Авось оттуда какого-нибудь зверя увижу», — подумал он. Склоны сопки обледенели — трудно было взбираться по ним охотнику. Много раз скатывался он вниз, но каждый раз поднимался и снова лез наверх. И вот, когда он был уже почти у вершины, послышались гул и треск. Чем ближе к вершине, тем сильнее становился гул. Вскоре охотник взобрался на вершину сопки и увидел под ней закованную в лед речку. Лед на речке дрожит, трясется — оттого и шум. Спустился юноша к речке, увидел перед собой большую прорубь, глянул в нее, — и дух у него захватило: никогда еще не видел он так много кеты. «Наверное, она со всех рек собралась», — подумал охотник и бросился к стойбищу сообщить умирающим от голода сородичам о своей находке. Привел он их к сказочному месту, тут они и остались жить навсегда. А место это назвали Кондон.

У села два неолитических поселения. Одно, в местности Сорголь, — многослойное, сильно испорченное слоями более позднего времени, второе поселение, неподалеку от здания почты и старой школы, значительно лучшей сохранности. Раскопками вскрыто несколько жилищных комплексов, часть площади междужилищного заполнения.

Как в заполнении котлована, так и на полу, в особенности на дне ямы около стен, были рассеяны многочисленные каменные изделия, обломки сосудов, в том числе совершенно целые или раздавленные земляки. Одни из них лежат на боку, другие стоят вертикально, третьи перевернуты кверху дном. В одном из жилищ оказалось три сосуда, вставленных друг в друга.

В распределении каменных изделий иногда наблюдается определенная закономерность. Кремневые отщепы местами лежат целыми скоплениями в том месте, где производилась выделка каменных орудий, в своего рода мастерских. У стен одного из кондонских жилищ уцелела кучка пластинчатых наконечников стрел из кремня, плотно сложенных вместе и обращенных остриями в одном направлении. Стрелы лежали, должно быть, связкой или в колчане. Древки их сгнили, а наконечники сохранили свое первоначальное положение.

Изделия из камня поражают удивительно тщательной отделкой. Ножи и наконечники копий выструганы тончайшей ретушью. Большие массивные топоры, употребляющиеся для рубки деревьев, строительства

Сосуд из поселения Кондон

лодок и других хозяйственных целей, зашлифованы и отполированы до блеска. Наконечники стрел, проколки, скребочки и другой мелкий каменный инвентарь обрабатывался особенно тщательно. Обработка камня велась на специальных подставках в виде крупных галек или массивных плит песчаника. В середине у них имеется небольшая овальная или круглая в плане лунка, диаметром до 3—4 см, глубиной до 1 см. По всей ее поверхности видны мелкие выбоины. Некоторые наковальни имеют лунки с двух сторон. На этих наковальнях и обрабатывались каменные орудия отбойниками и отжимниками.

Отбойники — удлиненные овальные гальки, на одном, а иногда и

на обоих концах которых имеются выбоины, получившиеся в результате сильных, резких ударов. Они служили для первичной черновой обработки. При их помощи орудиям труда придавалась желательная форма, дальнейшая обработка ретушью — выстругивание — производилось отжимниками, которыми являлись прочные длинные кости или удлиненные овальные гальки с острым концом. Часто у многих древних племен в качестве отжимников употреблялся рог животного.

У обитателей этого поселка большого расцвета достигла техника двустороннего ретуширования орудия. Ножи, вкладыши для ножей, наконечники стрел отделаны ювелирной ретушью со всех сторон.

Однако у них сохраняется старая, архаичная традиция пластинчатой техники. На поселении встречено значительное число нуклеусов-скребков, подпризматических, призматических, карандашевидных нуклеусов.

Пластинчатые нуклеусы превосходной отделки и правильной формы. С них снимали ножевидные пластины, которые широко применялись древними мастерами для изготовления различных орудий труда.

Из ножевидных пластин в Кондоне выделяли концевые и боковые скребки, ножи и вкладыши для ножей, проколки. Пластинчатые наконечники стрел представлены тремя типами. К первому типу относятся наконечники, изготовленные на правильных пластинах с обработкой только у острия. И лишь у некоторых экземпляров есть дополнительная подправка у насада. Эти наконечники с крайне рациональной и экономной обработкой относятся к древнейшим наконечникам, характерным для мезолита и раннего неолита.

Ко второму типу относятся наконечники стрел, обработанные ретушью по всему периметру. По своим очертаниям они похожи на листок ивы — это так называемые иволистные наконечники.

Третий тип — наконечники стрел с искусно оформленным черешком. Наконечники этого типа встречаются довольно редко на Дальнем Востоке. Но они широко распространены в Якутии и Японии.

Из ножевидных пластин древние мастера выделяли также и боковые и концевые скребки. Но все-таки определяющим эту культуру в целом является не пластинчатая техника, а техника двусторонней ретушировки каменных орудий труда. И основной процент каменных изделий выделан не из ножевидных пластин, а из отщепов и специальных заготовок.

Керамика на поселении — плоскодонная. В жилищах преобладали слабопрофилированные сосуды с широким горлышком и дном, и небольшие сосуды баночной формы, украшенные спиральным орнаментом, амурской плетенкой, меандром и гребенчатым штампом. Очень часто на одном сосуде встречаются вместе несколько видов орнаментации. Для этого поселения характерна толстостенная керамика. При изготов-

Сосуд из поселения Кондон

по наглядности картина жизни одного из древнейших в этом месте поселков — целой деревни каменного века, существовавшей около пяти тысяч лет тому назад.

Не менее интересен и другой памятник, расположенный недалеко от устья Амура на острове Сучу.

Еще во времена Невельского и Муравьева-Амурского, остров Сучу был известен, как местонахождение древнего укрепленного поселения с ямами-землянками, обнесенными валом и рвом. А. М. Золотарев вновь обследовал в 1933 году этот остров и произвел раскопки неолитической стоянки, открытой в водомоине ручья. На острове, связывающемся легендами населения с древнейшими судьбами (ульчехих и негидальских) родов, имеется обширное городище: два параллельных рва пересекают узкую гряду острова в поперечном направлении. Между рвами и за их пределами (в восточной части острова) рассеяно большое количество древних жилых ям. Ямы различных размеров часто плотно соприкасаются краями, напоминая «пчелиные соты». Они густо усеивают небольшие возвышенности и релки.

На поселении выделялась керамика, украшенная сложным геометрическим орнаментом. Многие сосуды покрыты краской.

В целом неолитическая культура зарождается на Нижнем Амуре где-то в V—IV тысячелетии до н. э. и продолжается до середины II ты-

лении сосудов мастера пользовались жгутами, которые накладывали один на другой. Одна из самых значительных находок в Кондоне — уникальная скульптурная фигурка, реалистично изображающая женщину с хорошо выраженным тунгусским антропологическим типом лица. Скульптура живо передает скульпастое лицо, миниатюрный рот, с вытянутыми вперед губами, и раскосые узкие глаза. Она обладает бесспорными признаками портретное™. В жилищах найдены также и различные украшения, в том числе бусы и подвески из нефрита.

Радиоуглеродным методом этот поселок датирован серединой третьего тысячелетия до н. э. — 4520 ± 20 лет тому назад.

Раскопками в Кондоне, около почты, была вскрыта поразительная

Скульптура женщины. Неолитическое поселение в с. Кондоне

сячелетия до н. э. В течение этого времени у неолитических племен Амура наблюдается непрерывное совершенствование техники изготовления орудий труда. В развитом неолите особого совершенства достигает искусство. В это время на Нижнем Амуре вызревает мощный этнический центр, который оказывал большое влияние на формирование древних культур соседних территорий. В конце III тысячелетия до н. э. часть племен с Нижнего Амура продвигается вверх по Амуре, почти вплоть до г. Благовещенска.

Большое неолитическое поселение нижнеамурской культуры открыто в 1961 году в 4 км от села Новопокровки.

Оно располагается на 6—9-метровой береговой террасе. Основная часть поселения оказалась распаханной, и поэтому с него был собран незначительный подъемный материал. Найдены каменные орудия: топоры, скребки, ножи, тесла, грузила, две нефритовые блесны, зерно-

терки, песты, куранты, керамика. Лишь небольшая часть поселения, в 30 м от дороги у небольшого леса, оказалась нетронутой. На нераспаханном участке были обнаружены двенадцать чашевидных западин диаметром 5—7 м. В западинах было заложено несколько шурфов. В одном из них была прослежена следующая стратиграфия.

Под слоем дерна мощностью 5 см залегала гумусированная коричневая супесь мощностью до 60 см. Под «ней прослеживался чистый материковый песок. При зачистке шурфа в слое темно-коричневой супеси, на глубине 40 см от дневной поверхности, обнаружен один фрагмент сосуда коричневого цвета, плохого обжига, без орнамента. На дне шурфа найден фрагмент сосуда с орнаментом в виде нижнеамурской плетенки.

В подъемном материале не удалось выявить характерных форм нуклеусов. Снятие отщепов производилось прямо с галек (путем простого раскалывания их, без дополнительной обработки ядрищ сколами.

Из отщепов, скалываемых с галек-ядрищ, изготавливались мелкие

орудия труда: наконечники стрел, вкладыши, скребки. Наконечники стрел, встреченные на поселении, делятся на три типологические группы.

К первой группе относятся лавролистные наконечники стрел с небольшим утолщением к середине. Они в поперечном сечении овальные. Длина наконечников 3—4 см, ширина 1—1,5 см.

Ко второй группе принадлежат наконечники стрел удлинненно-треугольных очертаний, с вогнутым основанием, узкие, с длинными, симметричными жальцами. Длина наконечника колеблется в пределах от 1,5 см до 3,5 см, ширина — от 1 см до 1,7 см.

В третью группу входят наконечники стрел удлинненно-треугольных очертаний с прямыми основаниями. Все наконечники изготовлены из халцедона и обработаны с обеих сторон мелкой стелющейся ретушью.

Вкладышей на поселении обнаружено не много. Все они тоже изготовлены из халцедона. Обработаны с обеих сторон вдоль лезвий тонкой ретушью. У трех экземпляров имеется ретушь также и на концах, она предназначалась для более прочного совмещения двух вкладышей в пазах костяной или деревянной рукояти-основы.

Скребки изготовлялись из отщепов кремнистого сланца. Три скребка имели выпуклый рабочий край. У двух из них одна сторона плоская, вторая выпуклая — это односторонне выпуклые скребки. Выпуклая сторона по всей поверхности обработана сколами. Диаметры двух скребков 3,8 и 4,6 см. Третий скребок из этой группы юработан мелкой ретушью только по краю. Длина его 2,9 см.

Особый интерес представляет своеобразный инструмент полулунной формы. Изготовлен он из коричневого кремнистого сланца. Одна сторона его выпуклая, она слегка уплощена широкими сколами, но в некоторых местах на ней сохранилась еще желвачная корка. Другая сторона тоже выпуклая. Она обработана сколами по всей поверхности. Изделие имеет два лезвия — одно выпуклое, другое прямое. По краям лезвий нанесена мелкая ретушь. Особенно тщательно оформлен кончик. Длина орудия 12 см, ширина — 4,5 см. По форме и обработке оно напоминает полулунные ножи, характерные для неолита Нижнего Амура.

Рубящие орудия, собранные на этом поселении, можно разделить на две группы. Первую группу составляют тесла овальные в поперечном сечении. Они изготовлены из темного плотного сланца, тщательно зашлифованы по всей поверхности. Рабочее лезвие у них зашлифовывалось под углом 40—50°. Особый интерес в этой группе представляет одно тесло из мелкозернистого гранита. Тесло овальное в поперечном сечении, но выпуклость сторон все же неодинаковая. Обушек тесла обломан. Длина оставшейся части 10 см, ширина рабочего лезвия 4 см. К обушку тесло немного суживается, его ширина в верхней части 3 см. Тесло это приближается к односторонне выпуклым теслам, характерным для Нижнего Амура.

Во вторую группу входят тесла сегментовидные в поперечном сечении и односторонне выпуклые. Одно такое тесло изготовлено из темного плотного сланца. Оно довольно узкое (3,5 см) и толстое (3 см). Одна сторона его плоская, тщательно зашлифованная. Другая — круто выпуклая, почти округлая. Длина тесла 14 см. Интерес представляет еще одно тесло из этой группы, изготовленное из светло-желтого вулканического туфа.

Одна сторона его уплощена широкими сколами, и только на конце рабочего лезвия имеется значительная подшлифовка. Вторая сторона выпуклая, также обработана широкими сколами. Лезвие с этой стороны обработано ретушью, не зашлифовано. Длина тесла 13 см, ширина лезвия — 5 см. К обушку тесло суживается.

Следующую группу каменных изделий составляют грузила самой различной формы и размеров. Их можно разделить на четыре варианта. Наиболее многочисленную группу составляют обычные речные гальки с двумя выемками по краям. Такие грузила часто встречаются во многих неолитических поселениях как на Нижнем Амуре, так и в Приамурье. Вес этих грузил от 20 до 500 г. Применялись они, очевидно, для небольших сетей.

Во вторую группу входят грузила с отверстием для крепления их к сети. Они значительных размеров, изготовлены из крупных песчаниковых плиток. Одно грузило имеет треугольное очертание, другое — грушевидное. Отверстие просверлено в суженной части грузила. Вес одного грузила около 1 кг, второго — 1 кг 270 г. Они, по-видимому, применялись для больших сетей.

Третью группу составляют грузила необычной формы — напоминающие своими очертаниями рыбу. На обоих концах грузил имеются овальные выступы диаметром 2 см и длиной 2,5 см. Они напоминают хвост и голову рыбы. Эти выступы соединены между собой овалом — «брюшком», и на самом деле напоминающим брюхо крупной рыбы. Противоположный край ровный.

Со стороны брюшка на выступах вышлифованы неглубокие углубления для крепления их к сети. Длина их до 15 см, диаметр в средней части 5—6 см.

К четвертой группе относятся грузила крупных размеров, изготовленные из крупных речных галек овальной формы. На поверхности этих галек выбиты желобки для крепления, которые располагаются по середине грузила или на суженных концах, иногда они крестообразно пересекают друг друга. Особый интерес представляет грузило, у которого по одному, суженному, краю выбит широкий (4 см) в некоторых местах — глубокий (до 1 см) желобок. Еще один желобок был выбит поперек грузила от верхней части до пересечения с первым горизонтальным желобком. Это грузило — самое крупное из всех найденных

на поселении. Его вес около 10 кг. Такой большой вес и тщательность обработки свидетельствуют о том, что оно могло служить для сетей довольно большого размера, типа ставных, или невода.

Грузила с желобками наиболее характерны для неолита Нижнего Амура и Приамурья. В других поселениях на Среднем Амуре — ни в Новопетровке, ни в Сергеевке, ни на Осиновом озере они не обнаружены.

Особое место среди предметов, относящихся к рыболовному инвентарю, занимают блесны. Все блесны изготовлены из полудрагоценного камня — нефрита. Первая блесна — из нефрита беловатого цвета со светло-зелеными прожилками. Она имеет вид желобчатой пластины: одна сторона вогнутая, другая выпуклая. Один конец блесны овальной формы и слегка приострен. К противоположному концу блесна слегка утолщена. Второй конец также был, по-видимому, овальным, но он обломан. На этом конце имеется биконическое сверленное отверстие для лесы. Длина блесны 9 см, ширина 1,2 см.

Вторая блесна по форме аналогична первой, но меньшего размера. На одном конце имелось биконическое отверстие. Кончик, где имелось отверстие, сломан посредине отверстия. Длина этого экземпляра 7 см, ширина 1 см. От третьей блесны сохранился фрагмент нижнего конца. Она значительно массивнее. Ширина 2 см, длина уцелевшей части 5 см. Аналогичные блесны были встречены при раскопках неолитического поселения в селе Кондоне на Нижнем Амуре.

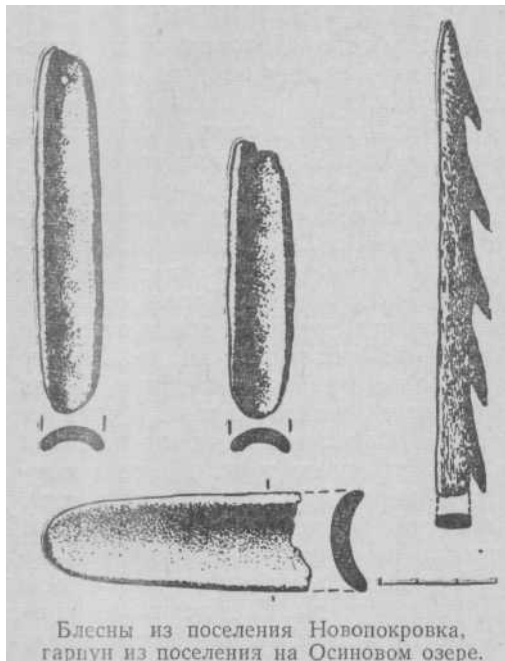
Обнаруженные на поселении земледельческие орудия представлены мотыгами, курантами, зернотерками, пестами. Мотыги изготавливались из плотного серого сланца. Они имеют треугольную форму. Лезвие широкое (от 7 до 12 см, при длине орудия от 14 до 24 см), обработано мелкими сколами, довольно острое. Две мотыги имеют также дополнительную оббивку по краям.

Куранты сегментовидной формы. Один курант изготовлен из плитки мелкозернистого гранита. Длина рабочей поверхности 17 см, ширина 3 см, высота 13 см. Вся поверхность куранта тщательно зашлифована. Особенно хорошо зашлифована рабочая поверхность, которая имеет своеобразный матовый блеск. Второй курант изготовлен из плитки серого сланца. Длина его 28 см, ширина 4 см, высота 17 см. Верхняя выпуклая часть куранта оббита и пришлифована, но не столь хорошо, как рабочая поверхность.

На поселении найдены также три песта. Два песта обычной овальной формы. Диаметр нижнего конца — от 5 до 3 см. Эти песты кверху суживаются и заканчиваются овальным острием. Третий пест внизу круглый в сечении и имеет плоскую рабочую поверхность диаметром 7 см. На высоте 5 см он резко суживается и переходит в рукоять, отделенную уступами-плечиками от нижней части изделия. На вершине рукоять имеет вид треугольного расширения.

Зернотерки представляли собой плитки довольно значительных размеров, прямоугольных очертаний.

Из орудий труда, предназначенных для обработки камня, обнаружены отбойники, наковаленки, отжимники.

Блесны из поселения Новопокровка, гарпун из поселения на Осинном озере.

Изготовление каменных орудий производилось на подставках из камня в виде крупных галек или массивных плит песчаника. В середине у них имеется небольшая овальная или круглая в плане лунка диаметром до 3—4 см, глубиной до 1 см. По всей поверхности этой лунки видны мелкие выбоины. Некоторые наковальни имеют лунки с двух сторон. Своеобразна одна из таких наковаленок, изготовленная из овальной гальки мелкозернистого гранита. Длина ее 15 см, диаметр 8 см. В центре гальки с обеих сторон имеются лунки со следами выбоин. С одной стороны углубление довольно значительное, почти во всю ширину гальки. На одном конце галька имеет также выбоины, характерные для грубых отбойников. Эта галька служила видимо, и наковальней и отбойником.

Особый интерес представляет керамика, обнаруженная на поселении. По типу орнаментации ее можно разделить на три группы. Наиболее характерны фрагменты, украшенные несколькими рядами параллельных налепных рассеченных валиков, под которыми типичная «амурская плетенка», образованная оттисками штампов в виде тисненых ромбов. Керамика, украшенная «амурской плетенкой», наиболее характерна для неолитических памятников Нижнего Амура, встречается она на р. Рудной — в Приморье, а также в нижнем слое поселения у Амурского санатория г. Хабаровска.

Ко второй группе относятся фрагменты, украшенные вертикальными зигзагами, выполненными пунктирными полосками, по-видимому, вращающимся колесиком. Такая керамика также характерна для нижнеамурского неолита.

К третьей группе принадлежат фрагменты, покрытые текстильными" оттисками.

Все обнаруженные на поселении фрагменты керамики были небольшими, поэтому о формах и размерах сосудов судить трудно. Но, нужно думать, по аналогии с неолитической керамикой Нижнего Амура, что они были плоскодонными.

К этой же культуре, что и поселение у села Новопокровки, относится погребение, обнаруженное в 1962 году между первым и вторым жилищами на поселении у Осинового озера.

Могильное пятно темного цвета, имело прямоугольные очертания, с углами, ориентированными по странам света. Размеры его были с севера на юг 1,70 м и с северо-запада на юго-восток—1,35 м. Заполнение могильной ямы состояло из вязкого, сильно гумусированного суглинка, с пятнами бурой супеси. Глубина ямы 1,02 м от дневной поверхности и 50 см от уровня материала. Стенки ее отвесные, и очертания дна точно соответствовали очертаниям могильного пятна. Кости человека лежали на самом дне могильной ямы. Череп находился почти в центре ямы, но был несколько смещен к ее северо-восточной стенке. Между черепом и этой стенкой ямы лежали шейные позвонки и ключица. Череп был разбит на несколько кусков и лежал на желтом песке. К югу от черепа находились две трубчатые кости с обломанными концами и три обломка ребер, между ними — труха от истлевшего таза. Далее к юго-западу, на расстоянии 40 см, лежали поперек две кости голени ног, также с обломанными концами. Вдоль юго-восточного края могилы, на расстоянии 35 см от этого края, прослеживались остатки истлевшего дерева, длиной 45 см и шириной 5 см. Около него находился небольшой фрагмент круто отогнутого наружу венчика сосуда. Под венчиком прослеживался налипной валик с насечками. Это была единственная вещь, обнаруженная на дне могилы. С северо-восточной стороны, вплотную к черепу, лежал поперек могилы плоский кусок истлевшего дерева, его длина была 30 см. Еще несколько таких же кусков дерева лежали среди костей.

В заполнении ямы найдено два двусторонне ретушированных наконечника стрел из халцедона. Один наконечник имел удлиненнотреугольные очертания и длинные жальца. От второго наконечника сохранилась нижняя часть. Он имел лавролистную форму, к насаду суживался.

Рядом с наконечниками стрел находился вкладыш из красноватого камня. С обеих сторон он был оформлен тонкой ретушью. Длина его 4 см.

Вблизи каменных изделий обнаружены фрагменты двух сосудов. Один сосуд украшен ложнотекстильным орнаментом. Фрагменты второго сосуда украшены вертикальными зигзагами, выполненными пунктирной линией.

При раскопках второго жилища установлено также, что мохэская яма разрушила еще одно погребение, обнаруженное в заполнении этого жилища. Из этого погребения сохранилась только одна бедренная кость и затылочная часть черепа.

Стратиграфическими наблюдениями доказано, что вначале в жилище было впушено погребение. Позднее погребение было разрушено более поздней, мохэской, ямой.

Таким образом, оба погребения должны относиться к более позднему времени, чем жилища неолитического поселения на берегу Осинового озера. Это обстоятельство имеет важное значение в истории этнических отношений в древности на Среднем Амуре.

По облику каменного инвентаря и керамики памятник-поселение у села Новопокровки, погребение на поселении у Осинового озера можно отнести к заключительному этапу нижнеамурской культуры, которую мы знаем по раскопкам в селе Кондоне. Типичная нижнеамурская керамика, украшенная «плетенкой» и зигзагом, найдена также в Еврейской автономной области, у села Ленинского и в селе Пашково.

Из всего сказанного следует, что на позднем этапе существования нижнеамурской культуры, то есть в третьем — начале второго тысячелетия до н. э., на Нижнем Амуре вызревает мощный этнический центр, который оказывал большое влияние на формирование древних культур соседних территорий.

Племена этой культуры со временем распространяются в нижнее и среднее течение реки Усури, а также вверх по Амуру до Благовещенска. Интересно, что в то же время на Нижнем Амуре наблюдается и распространение земледельческих орудий, а вместе с ними, должно быть, — земледелия.

Племена нижнеамурской культуры — эти ихтиофаги каменного века, встретившись с земледельцами Среднего Амура и Усури, видимо, восприняли от них новый вид хозяйства, и в скором времени сами переходят к земледелию.

Это было, следовательно, время больших событий на Дальнем Востоке, время интенсивных культурных связей и экономического прогресса.

ОБРАЗ ЖИЗНИ И ХОЗЯЙСТВО НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН В БАССЕЙНЕ АМУРА

За последние годы на Дальнем Востоке исследовано несколько поселений каменного века. В бассейне Среднего Амура поселок с подобной планировкой расположен на озере Осиновом, в 4 км от поселения Новопетровки-П. Жилища расположены в углу береговой террасы на

небольшом расстоянии друг от друга. Все перечисленные неолитические поселения, раскопанные в Приморье, на Нижнем и Среднем Амуре, характеризуются несколькими общими признаками.

Как правило, они находятся на некотором удалении от большой реки или при впадении в нее небольшого ручья.

Общее число жилищ на неолитических поселениях сравнительно невелико. Редко встречаются поселения, в которых более 20 жилищ. Жилища располагаются без какого-либо строго определенного порядка относительно друг друга.

Подобная «скупенная» планировка характерна для неолитических поселений не только Дальнего Востока, но и Западной Сибири, Карелии.

От жилищ на новопетровском поселении сохранились только впушенные в материковый слой п-еска котлованы. Котлован жилищ выкапывался сравнительно неглубокий. Самое глубокое жилище было раскопано на поселении Новопетровка-Ш. Глубина его в центре от пола до древней дневной поверхности составляла 90 см. Чтобы выкопать котловая для этого жилища, нужно было вынуть более 50 кубометров земли. Котлованы рылись каменными мотыгами. Две мотыги, которые могли применяться для рытья котлованов, обнаружены при раскопках поселения Новопетровка-П.

Несмотря на то, что котлованы были сравнительно неглубокими, зимой, во время метелей, они играли немалую роль, так как столбы закапывались непосредственно в котловане, и весь каркас надежно покрывался снаружи дерном и снегом. Поэтому холодный ветер не мог проникать в помещение с пола.

Жилища типа полуземлянок прослеживаются у народов, населяющих Амур, начиная с каменного века и кончая недавним прошлым. Это объясняется сравнительно холодными зимами и сильными снежными метелями.

Так, наиболее древним видом жилища нивхов была полуземлянка (то-рыв).

По описанию Ч. М. Таксами, полуземлянка то-рыв снаружи имела сферическую форму, и была похожа на небольшой земляной бугор. Зимой, занесенная снегом, она представлялась «снежным холмом с Берхушкой, почерневшей от проходящего сквозь него дыма». Состояла она из жилого помещения и длинного пристроенного входного прохода. Полуземлянки имели внутри квадратную форму и были довольно большими. Основание полуземлянки составляла квадратная яма со стороной 7,5x8,5 м при глубине 90—100 см. Стенки ямы обшивались пластиной или накатником, скошенные концы которых пропускались в пазы столбов, поставленных в углах ямы вдоль стен. Встречались, но редко, полуземлянки без обшивки, со стенками, обмазанными глиной.

В середине ямы, на расстоянии 2,5 м от стен, устанавливались

четыре вертикальных столба из лиственницы, каждый высотой 2,8 м. На верхние концы столбов клали бересту, чтобы лежащая на них обвязка (рама) не скользила. Обвязка состояла из двух продольных и двух поперечных бревен. Концы бревен связывали при помощи врубки «в полдерева», и они представляли как бы раму на столбах.

К четырем сторонам этой рамы наклонно приставляли и круглые жерди крыши. Нижние концы жердей ставились наклонно, на расстоянии 50—70 см от верхнего края прямоугольной ямы; верхние концы их выступали над бревнами обвязки, но не перекрещивались, а образовывали отверстие в 1 м², которое со всех сторон обшивалось досками. Это отверстие и служило для выхода из жилища дыма, а также для пропуска света [158].

Одинаковое устройство имели жилища племен северо-востока Азии и островов Восточной Азии.

С внутренней стороны для утепления жилища стены могли зашиваться шкурами животных, а с внешней засыпаться землей, а зимой — снегом.

На верхние концы столбов — каркаса жилища — горизонтально накладывались бревна, которые являлись внешней обвязкой каркаса жилища. Второй ряд столбов в центре служил опорой для бревен внутренней обвязки каркаса. На эти две обвязки укладывались жерди и нетолстые бревна каркаса крыши.

Вследствие того, что жилище в плане было четырехугольным и соответствующие ему формы обвязки в плане также были четырехугольными, крыша у такого жилища должна быть четырехскатной. Каркас крыши, как и стены, мог заплетаться кустарником или накрываться травой, а возможно, даже и берестой. На Осиновском озере в жилищах сохранились остатки бересты, которой, по-видимому, покрывали древние жилища.

В центре крыши находилось, очевидно, отверстие для выхода дыма. В целом крыша имела, должно быть, форму усеченной пирамиды. Ночью и во время метели отверстие в крыше могло прикрываться шкурами животных, как это делали до недавнего времени народы Нижнего Амура и Северо-Востока, жившие в жилищах подобного типа. Отверстие в крыше имело, по-видимому, еще одно назначение: для входа и выхода из этого жилища, так как ни в одном из жилищ Новопетровки не было обнаружено наземного входа. Так, у коряков дымовое отверстие служило одновременно и входом в их полуподземное зимнее жилище. В языке гилаков, нивхов понятие «войти в дом» передается словом «спуститься», а «выйти» — словом «подняться». У них же, по словам Л. Я. Штернберга, во время медвежьего праздника существовал обряд внесения и вынесения медвежьего мяса и костей через дымовое отверстие: «Когда оживают из тьмы тысячелетий отдаленнейшие

отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью •соблюдается ритуал, не изменившийся в течение десятков веков, снова возрождается и воспоминание о дымовом отверстии, заменявшем дверь. Именно через это отверстие по специально вставленному шесту спускались в юрту со шкурой и мясом убитого медведя, и тем же путем выносили из юрты все ритуальные принадлежности, а также кости медведя для похорон в медвежьем срубе» [15&].

Внутреннее пространство жилищ Новопетровки было довольно значительным по размерам. В среднем площадь одного жилища составляла около 30—40 м². Если стены жилища поднимались над землей на 1 м, то высота такого жилища в центре должна была составлять не менее 2,5—3 м.

В жилищах, у стен, делали нары, на которых спали обитатели дома. Ямки от столбов в жилищах подходили как вплотную к земляным стенкам котлована жилища, так были и на некотором расстоянии от них, составляя второй ряд. Ямки второго внутреннего ряда могут рассматриваться как ямки от опоры для нар. У народов Нижнего Амура нары устраивались по-разному. У орочей они располагались также вдоль стен. Для этого делали небольшую насыпь, которую обгораживали плахами. Сверху клали грубо обтесанные доски. На них настилали кору, а затем бересту и сверху покрывали шкурами. На нарах спали изголовьем к стене, укрывались одеялом (хукта), сшитым из собачьих шкур [160]. Несколько иначе устраивались нары у нанайцев: вдоль трех стен в землю вкапывались невысокие столбики, на них клались перекладины, которые сбоку и сверху оббивались тесаными досками [161]. Эти нары представляли собой невысокий помост. Такие нары могли быть также и в жилищах неолитического населения в селе Новопетровке.

Жилища с подобными возвышениями известны и в других поселениях эпохи неолита на Дальнем Востоке. У народов Амура до XX века пол был тоже не деревянным, а земляным [162].

Хозяйственных ям при раскопках жилищ каменного века у села Новопетровки обнаружено сравнительно немного. Большая часть из них служила, по-видимому, для хранения глины, так как они полностью были ею забиты. Эта глина могла употребляться для приготовления посуды, обмазки пола, стен и крыши жилища.

Особый интерес представляют встречающиеся при зачистке дна котлована запасы — «клады» изделий из камня. Почти в каждом жилище в специальных ямах-хранилищах обнаружены такие запасы нуклеусов, грузил или вообще скопления каменного инвентаря, состоящие из ножевидных пластин, отщепов, готовых изделий, заготовок. Так, в жилище 1 обнаружен клад, состоящий из восьми нуклеусов. Некоторые из них были только подготовлены к обработке. В жилище 3 под полом, в специально вырытой яме, обнаружен клад, состоящий из 32 грузил

для сетей. В жилище 8 также в специально вырытом под полом хранилище обнаружен клад, состоящий из 6 нуклеусов и 4 грузил для сетей.

В центре каждого жилища находился очаг.

Очаг был центром жизни обитателей жилища. Как правило, вокруг очага или на небольшом расстоянии от него группировались скопления отщепов и ножевидных пластин. У очага, как уже говорилось, обрабатывали камень, изготовляли каменные орудия. Очаги, встреченные при раскопках неолитических жилищ в Новопетровке, двух типов. В жилище 4, 5, 6 очаги были сравнительно небольших размеров и имели (например в жилище 4) деревянную обкладку, обмазанную глиной. Подобное устройство очага наблюдается у орочей. Орочи место для очага засыпали галечником и огораживали с четырех сторон деревянными плахами, которые изнутри обмазывали глиной. По углам прямоугольной площадки очага вбивали столбики, соединенные между собой парой поперечных жердей. На них накладывали тальниковые жердочки, на которых подсушивали жареную рыбу. Между жердочками над центром очага укрепляли жердь, на которую подвешивался котел [163].

В жилище 1 неолитического поселения Новопетровка-1 очаг также имел обкладку из тонких плах, обмазанных глиной. >С противоположных сторон были вырыты ямки для столбиков, на которые, по-видимому, опиралась жердь, служившая для подвешивания посуды во время приготовления пищи. Такого же типа очаги были и у гиляков. Аналогичные очаги обнаружены при раскопках неолитического поселения и на Нижнем Амуре у села Кондона.

Но не во всех жилищах новопетровской культуры очаги были компактными, с хорошо выраженной обкладкой. В некоторых жилищах зола и прокаленный песок располагались на относительно большой площади (2—3 м²). Очаг жилища 8 состоял из двух линз хорошо прокаленного песка с примесью золы и мелких угольков. Нижний слой очага был больше диаметром, чем верхний. Между очагами была прослойка светлой супеси. Это свидетельствует о том, что люди некоторое время не жили в жилище. За это время образовался слой супеси, который перекрыл первый очаг. Позднее, возможно, после ремонта жилища, люди снова пришли в него. |Второй очаг был меньшего диаметра. Вокруг него располагалось несколько скоплений каменного инвентаря: отщепы, ножевидные пластины, нуклеусы, готовые орудия труда. Здесь, должно быть, находилось рабочее место мастера по изготовлению каменных орудий.

С двух сторон почти вплотную к очагам примыкали ямы для столбиков. Столбики, вероятно, служили для того, чтобы подвешивать сосуды для приготовления пищи. Очаги такого простейшего типа были единственным источником тепла в жилищах.

Обычно в жилищах новопетровской культуры встречалось по одно-

му очагу, расположенному в центре жилища. Но в некоторых, например, в жилище 6 поселения Новопетровка-П и в жилище I поселения Новопетровка-Ш, кроме основных, центральных очагов, встречались небольшие очажные пятна и у плечиков жилища. Эти очаги предназначались, по-видимому, для дополнительного обогрева жилья во время сильных морозов и метелей.

В жилищах, когда горел костер, было много дыма, так как в них отсутствовала труба. Но неолитический человек больше, по-видимому, заботился о тепле, чем об удобствах. Гак было в старину и у нанайцев.

П. Кропоткин писал: «Гольд больше заботится о том, чтобы ему было тепло спать, остальное же пространство фанзы нагревается тем дымом и чадом, которые наполняют ее во время топки очага, или паром от варки пищи. Непривычному человеку оставаться в подобной фанзе более часа невозможно — голова начинает болеть, глаза ест дымом, и спешишь скорее выбраться на свежий воздух. Но гольд отдыхает в такой обстановке, жена же и дети проводят так всю жизнь, почему большинство из них и болеет глазами»^[164].

Вокруг очагов и в самих очагах жилищ новопетровской культуры встречалось много растрескавшихся обожженных кварцитовых* и гранитных галек. Эти гальки находились в жилищах как лежащими отдельно, так и целыми скоплениями. Скопления таких галек встречались у тех очагов и в самых очагах, остатки которых занимали сравнительно большую площадь. Наличие растрескавшихся и обожженных камней свидетельствует об особом способе приготовления пищи древними обитателями поселка. Подобная картина наблюдалась исследователями и ранее — в неолитическом поселении Джейтун в Средней Азии. В Джейтуне около очагов довольно часто находятся обгоревшие и растрескавшиеся камни. Как известно по этнографическим примерам, подобными камнями, раскаленными в очаге, некоторые племена нагревают жидкость в деревянных и кожаных сосудах. Стеллер и Крашенинников, говоря о способах приготовления пищи у древних камчадалов, упоминают о кипячении воды в деревянных «квашнях» раскаленными докрасна камнями, и нигде у этих авторов не говорится о применении для этих целей глиняной посуды. Р. Тории пишет, что айны делали горшки из глины и в то же время употребляли выдолбленные пни, чтобы варить мясо и рыбу в воде, нагретой раскаленными камнями^[165].

Зимой жилища неолитических племен Дальнего Востока были основным местом, где люди жили, готовили пищу, занимались различными хозяйственными делами, отдыхали. Но летом во время дождей в полуподземных домах было очень сыро, поэтому люди, по-видимому, перебирались в легкие наземные шалаши. Об этом можно судить по раскопкам пространства между жилищами.

Раскопки междужилищного заполнения позволили полнее представить жизнь обитателей поселка. Почти у каждого жилища, за пределами его котлована, встречались скопления каменных орудий — наковальни, нуклеусы. Это были рабочие места мастеров по изготовлению каменных орудий.

Всего в междужилищном заполнении Новопетровки-П обнаружены семь больших скоплений каменного инвентаря, которые состояли из нуклеусов, наковален, шлифованных пластинок, большого числа отщепов и ножевидных пластин, а также готовых орудий труда.

Особый интерес в Новопетровке-П представляют два округлых углубления диаметром 3 и 3,5 м, обнаруженные в центре поселка. Большая часть этих котлованов была сильно прокалена. Под прокаленной супесью находились по четыре ямки от столбиков.

Эти котлованы, видимо, представляли собой основания навесов, которыми обитатели поселка пользовались для копчения и вяления рыбы. Зимой же они могли служить в качестве кладовых.

• Подобные хранилища были и у гиляков. Л. Я. Штернберг, например писал, что «...наловленная и вывяленная на солнце рыба десятками тысяч штук складывается в свайные амбары и в буквальном смысле слова заменяет гиляку хлеб в течение долгой зимы»^[166].

В. К- Арсеньев писал о летнем стойбище орочей, расположенном в устье реки Хубу: «Скоро за поворотом стали видны ороческие домики и большие чаны с бесконечной вереницей стеллажей, стоек и загородок из жердей, приспособленных для сушки рыбы»^[167].

Нужно думать, что и на неолитическом поселении Новопетровка-Н рядом с жилищем стояли шалаши и различные приспособления для вяления и копчения рыбы.

Судя по всему, на поселении Новопетровка-П продолжительное время оседло жил относительно большой коллектив. Оседлость — одна из основных особенностей, отличавших обитателей неолитических поселений Среднего Амура от неолитических племен Восточной Сибири, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни. Основным занятием последних была охота, требовавшая непрерывных перемещений с места на место в поисках пищи, так как один небольшой район не в состоянии был прокормить большой охотничий коллектив^[168]. Обитатели Дальнего Востока, напротив, рано перешли к оседлому образу жизни.

Это был мир оседлых людей, живущих настоящими деревнями, в прочных постоянных жилищах типа полуземлянок^[169].

Экономической основой оседлого образа жизни племен, обитавших в бассейне Среднего Амура, а также в Приморье и на Нижнем Амуре, было рыболовство. Многочисленные малые и крупные реки, впадающие в Амур, и озера были богаты рыбой. Особенно большое значение для экономики народов Амура имел массовый ход рыбы во время нереста.

Исключительно важное значение рыболовства сказывается на всей материальной культуре дальневосточных племен. (Ведущая роль рыболовства находит свое отражение и в мифах, например в легендах о сыне рыбы, и многих других образцах фольклора, не менее специфических для мира ихтиофагов³¹, все помыслы и желания которых вращаются в кругу представлений, связанных с добычей рыбы. Черты такого жизненного уклада обнаруживаются на Амуре с очень раннего времени — с самого начала неолита [¹⁷⁰]. Рыба становится здесь основной пищей, а рыболовство — главным занятием и основным источником существования для местного населения, в особенности вблизи моря и вдоль крупных рек.

Правда, как это ни парадоксально, но в инвентаре неолитических поселений на Амуре, в стране рыболовов, нет такого изобилия рыболовных орудий, как, скажем, в неолите Прибайкалья — например, крючков для ловли рыбы или наконечников гарпунов. Это объясняется, во-первых, тем, что крючки и гарпуны выделывались, как правило, из кости или даже из дерева — материалов, бесследно разрушившихся в условиях влажного амурского климата. Не найдено на Амуре пока и неолитических погребений, а именно в них-то и встречены в Прибайкалье гарпуны и крючковая снасть.

Тем не менее, в неолите Амуре есть все же как прямые, так и косвенные свидетельства о характере орудий рыбной ловли и способах рыболовного промысла. Среди крупных каменных изделий на Амуре часто встречаются просверленные круглые камни, палицы или кастеты из вулканических пород камня. Они предназначались, по разъяснению стариков ульчей и гиляков, для умерщвления пойманных в сеть или на крючок громадных рыб — осетров или калуг. С ними рыбак иначе не мог справиться в своей хрупкой лодке. Не только мелкая, но и крупная рыба здесь, таким образом, уже в самом начале развитого неолита было обычной добычей. Не менее характерны для амурского неолита крупные грузила с желобом или с отверстием на одном конце, которые должны были употребляться для оснащения не только сети, но и тяжелого невода на крупных реках с быстрым течением.

Изобилие рубящих орудий, в том числе великолепно отшлифованных, предназначенных для обработки дерева, тоже не случайно — дерево служило, несомненно, не только для постройки жилищ, но и для изготовления разнообразных ловушек, заколов, а также для постройки долбленых лодок. В Кондоне, кроме того, найдены многочисленные узкие и длинные овалы гальки с просмоленными до сплошной черноты концами. Такими гальками могли проваривать березовым варом швы шитых легких лодок-берестянок. Каменные грузила указывают на коллективные способы лова рыбы, в которых участвовали десятки людей, а может быть, и вся община. Само собой разумеется, что массовый кол-

лективный лов рыбы, особенно проходной, во время сезонной рыболовной страды, должен был быть несравненно продуктивнее, чем индивидуальная добыча рыбы в мелких таежных речках и реках Сибири при помощи удочки и гарпуна. Общественные способы добычи рыбы, вместе с тем, вовсе не исключали и индивидуального промысла единичными рыбаками при помощи гарпунов или удочек.

Рыболовы неолитического времени на Амуре изобрели и свои орудия индивидуальной рыбной ловли, выработали свои приемы рыболовства. В Кондоне найдена желобчатая пластинка из нефрита, один конец которой закруглен, а на другом имеется сквозное просверленное отверстие. Изделие необычно не только по своему редкому и особенно ценному в те времена материалу, но также по особо тщательной шлифовке. Простое испытание в воде показало, что этот предмет служил рыбакам каменного века ничем иным, как блесной. Привязанная на шнурок, она вращалась в воде точно таким же образом, как современные блесны, так же удачно подражая движениям живой рыбы. Блестящая полированная поверхность и заметный издалека белый цвет нефрита тоже, очевидно, способствовали привлечению хищной рыбы к быстро двигавшейся каменной приманке. Амурская блесна, изобретенная еще в неолите, явилась, таким образом, далекой предшественницей всей огромной серии орудий рыболовства, до сих пор известных только в виде металлических изделий. Неолитические рыболовы Приамурья, следовательно, имели не только сеть или невод, не только строили заколы и ежи, но и внесли вклад в развитие крючковой снасти — древнейшую в мире блесну.

О первостепенном значении рыболовства свидетельствует сама по себе топография неолитических поселений. Они располагаются преимущественно в устьях рек, около больших заливов, богатых морской проходной и речной рыбой. Здесь находят самые богатые находками и крупные по размерам занимаемой ими площади поселения.

Оседлый образ жизни неолитических рыболовов Амура нашел свое отражение и во многих мелких, но очень характерных деталях быта. Так, например, неолитические сосуды из Приамурья, Приморья и других соседних с ним районов были приспособлены к ровному земляному полу, а может быть, и к полкам землянок. По этой причине они имели только плоское, а не круглое, и тем более не острое, дно, как у сосудов, которыми пользовались их ближайшие соседи — лесные охотники Сибири. Вместе с тем они бывают часто велики по размеру и несравненно вместительнее, чем круглодонные сибирские горшки. Некоторые сосуды из амурских и приморских землянок достигают 40—50 см в высоту, а на Японских островах находили глиняные сосуды высотой до метра. Это были, наверное, уже не горшки для варки пищи, а настоящие чаны — хранилища для пищевых запасов.

В отличие от лесных охотников, изготавливавших свою одежду и до-

машную утварь из шкур и бересты, речные и морские рыболовы неолитического времени широко использовали растительные волокна. Еще недавно у ряда племен Дальнего Востока сохранялась древняя примитивная техника плетения и даже выделки ткани, чуждая тунгусам и другим охотничьим племенам тайги. Нанайцы и другие их соседи ма Амура — ульчи и нивхи (гиляки) — в прошлом усердно заготавливали дикуую крапиву, которая в изобилии росла около их поселков, и выделывали из ее волокон сети, а еще раньше и одежду [171]. Они и сейчас искусно плетут травяные циновки и делают корзины разнообразной формы, нередко украшая все эти изделия причудливыми узорами в красках. Айны же в древности не только широко пользовались плетеными циновками или корзинами из травы, но и выделывали одежду из растительных тканей, луба. Главная и, быть может, единственная в прошлом одежда айнов — их халат, до сих пор носит название «аттуш», то есть буквально «волокна» или «ткань из луба». На Камчатке еще во времена Крашенинникова растительные волокна употреблялись ительменами для плетения и ткачества. Из крапивы чаще всего делали сети. Корзины и циновки ительмены плели из другой травы. «Есть при морских берегах высокая трава беловатая видом пшенице подобная... Из сей травы плетут они рогожи, которые и вместо ковров и вместо занавесов употребляют. Лучшие ковры бывают с шахматами или с другими фигурами, которые китовыми мелко разделенными усами выплетаются. Из сей же травы плетут они епанчи, во всем подобные нашим старинным буркам, ибо оные с исподи гладки, а сверху мохнаты, чтоб по мохрам оным дождю катиться можно было» [172].

В Приморье и на Амуре о широком развитии ткачества в неолите свидетельствуют, кроме того, многочисленные маховички, или прясла, для веретен, в виде глиняных кружков, иногда вырезанных из черепков сломанных сосудов. Некоторые из таких кружков могли служить также и частями ткацкого станка — грузиками.

Отпечаток своеобразия лежит и на многом другом из материальной культуры амурских неолитических племен, в том числе на каменных орудиях, в которых, казалось бы, больше всего должно было проявляться единообразие техники обработки камня и форм изделий, обусловленных простыми и одинаковыми потребностями: рубить, резать, колоть, тесать. И действительно, в таких изделиях много общего с инвентарем неолитических лесных охотников, не только живших от Амура до Балтики, но и на всем земном шаре в эпоху неолита. Тем не менее и на этом общем глобальном фоне выступают отдельные глубоко самобытные черты. (Неолитические обитатели Кондона и Сучу, как и древнейшие неолитические племена Прибайкалья, выделывали односторонне выпуклые в сечении шлифованные топоры. Но у них рано появились топоры и тесла овальные или даже круглые в поперечнике.

В Кондоне найдены вместе с обычными, двухсторонне ретушированными наконечниками стрел с выемкой в основании, другие наконечники, сделанные из тонких ножевидных пластин, у которых внизу имеется отделанный тончайшей ретушью заостренный черешок. Вместо общих для Восточной Сибири асимметрично копьевидных кремневых острий на Амуре и в Приморье употреблялись широкие плоские ножи, иногда со слегка искривленным концом, по очертаниям напоминающие общеизвестные мустьерские острия с краевой ретушью, почти такие же по форме, как, например, найденные в Тешик-Таше. Вероятно, эти специфические для Дальнего Востока инструменты служили рыбакам Амура и Приморья для разделывания их добычи, приготовления юколы и снятия с больших рыб кожи, из которой они, подобно позднейшим нанайцам или ульчам, шили свою одежду и обувь.

Оседлость рыбаков содействовала упрочению общественных связей. Сооружение неолитических жилищ было делом рук большого и хорошо сплоченного коллектива. Старинные зимние жилища полуподземного типа айны тоже строили коллективно, силами всех сородичей, а исчезновение их в конце XIX века было следствием распада древних общинно-родовых связей, так как сооружение земляной юрты требовало много сил и больших расходов, непосильных для одной семьи. Но зато большие жилища, построенные силами коллектива, принадлежали не отдельным семьям, а общине. В айнской земляной юрте постоянно жило несколько семейств, причем каждое из них имело свой очаг. В неолитических землянках на острове Сахалин, раскопанных Л. Я. Штернбергом, как и в землянках на Японских островах, всегда находилось несколько очагов, очевидно, также принадлежавших отдельным родственным семьям.

Такая связь сородичей, основанная, прежде всего, на кровном родстве, на происхождении от общих предков, находит свое отражение и в планировке поселка, причем это особенно наглядно там, где жилища десятками расположены на одном месте. Они плотно примыкают друг к другу, как пчелиные соты и улья, и действительно представляют собой как бы одну семью, по выражению японского археолога Р. Окамото, один большой организм из множества клеток. Этим организмом в неолитическое время и был, как мы знаем, материнский род.

Единство родовой общины было обусловлено не только ее происхождением, но и материальными, хозяйственными причинами. Яркий свет на эту сторону жизни древних обитателей Нижнего Амура бросает внутренняя планировка таких неолитических поселков, как в Кондоне. Беспорядочная :на первый взгляд, она на самом деле имеет свой внутренний смысл и порядок, неразрывно связанный с четко организованными отношениями людей внутри общинного коллектива, который вел в какой-то степени общее хозяйство.

Раскопанные в Кондоне неолитические дома, видимо, имели различное назначение. В одних из них, где имеются очаги, должно быть, люди жили зимой. Это самые обширные и вместе с тем наименее богатые находками жилища. В других — хранились запасы пищи и утварь. Таково, например, одно сооружение, наиболее богатое керамикой. Очага в нем не было, но вдоль стен стояли глиняные сосуды. Здесь же оказалось скульптурное изображение женщины. Это было, видимо, не обычное жилище, а скорее хранилище для запасов, может быть, находившееся под защитой духа родоначальницы, хранительницы родовой общины.

Пережитки материнского рода с полной отчетливостью прослеживаются на этнографическом материале. Археологические факты косвенно указывают на высокое положение женщины и на ее важную роль в жизни родовой общины. По всей территории Японских островов, и особенно часто на северо-востоке, встречаются оригинальные антропоморфные изображения из глины.

Так же как в подобных статуэтках из неолитических памятников Запада, как в верхнепалеолитических изображениях женщин Европы и Сибири, в женских изображениях из неолитических поселений Японских островов можно видеть изображения мифических «владычиц» и «родоначальниц» эпохи материнского рода. Аналогичный культ женщин-прародительниц существовал, по-видимому, в неолите и на нашем Дальнем Востоке.

Одна антропоморфная фигурка, изготовленная из белого полупрозрачного кремня техникой ретуши, оказалась среди каменных изделий, найденных в устье реки Рудной. И, наконец, великолепное глиняное изображение женщины обнаружено в Кондоне, на Нижнем Амуре.

В связи с почитанием женщины-прародительницы и культом плодородия вообще всегда находились обряды, отмечающие рождение человека или его переход от детства к состоянию взрослого члена рода. Такие обряды, несомненно, существовали и у дальневосточных неолитических племен. На соседних Японских островах при мужских костях в неолитических могильниках нередко находили в области таза привески в виде фаллосов. В неолитических поселениях Японии фаллические палицы «секибо» также свидетельствуют о развитом культе плодородия. В Приморье тоже найдено реалистически сделанное скульптурное изображение фаллоса, свидетельствующее о распространении фаллического культа у местных племен, о почитании ими творческой силы природы и мужского производящего начала. На Амуре, ниже Хабаровска, неподалеку от г. Комсомольска, на небольшом скалистом островке посреди богатого рыбой огромного озера Болонь-Оджаль, существовало святилище древнейшего культа плодородия, где из камня были высечены пластические знаки мужского и женского начала.

Первые систематические раскопки неолитических поселений на острове Сучу в 1934—1935 годах дали неожиданный по своеобразию и богатству материал, рисующий искусство неолитического населения на Нижнем Амуре. Это были глиняные сосуды, украшенные богатым и тонким по выполнению узором. Поверхность их была сначала покрыта вертикально расположенными чеканными зигзагами.

Орнамент в виде чеканных зигзагов, расположенных вертикальными рядами на внешней поверхности сосуда, и в виде амурской плетенки встречается в неолите на обширной территории. Он известен не только в Приамурье, но, как мы видели, также в Приморье. Это — основа дальневосточной неолитической орнаментики. Второй характерный для амурского неолита и только для него одного элемент орнаментики (в Приморье он встречается только в редчайших случаях, как исключение) — спираль. Так, на одном из больших сосудов с острова Сучу, реконструированном целиком, поверх чеканных зигзагов, как по фону, свободно располагаются плавные и широкие, глубоко врезанные линии больших спиралей. В промежутках между спиральями располагаются треугольники.

На некоторых сосудах с острова Сучу сложные спиральные узоры выполнены не только резьбой, но и росписью. По блестящему малиново-красному фону таких сосудов проходят углубленные полосы ленточного узора, заполненные краской насыщенного черного цвета.

Спиральная орнаментика, сочетающаяся с фоном из пунктирного зигзага, встречена в таких же формах далеко вверх по Амуру: на Красной речке у Хабаровска, в селе Вознесенке, вблизи устья реки Гур, а также в районе села Шереметьево и села Казакевичево на Уссури, в Кондоне у озера Эворон. Вместе с таким спиральным узором в неолите Нижнего Амура, например, на том же поселении острова Сучу у Маринска, обнаружен Г-образный меандр, иногда даже не простой, не ордилярный, а усложненный, двойной.

Кроме того, на неолитических сосудах Нижнего Амура широко представлен оригинальный, характерный только для нашего Дальнего Востока узор в виде амурской плетенки. Он известен в разных вариантах — от простейших до весьма сложных. Узор этот на первый взгляд состоит из расположенных в шахматном порядке ромбиков, иногда имеющих вдавленные стороны. В действительности же эти ромбики являются не орнаментом, а всего лишь фоном для него. Орнамент образован выпуклыми полосками между ромбами, переплетающимися друг с другом в виде сетки, с ромбическими ячейками. Широкие полосы амурской плетенки обычно располагаются в верхней части сосуда и как бы связывают собой венчик.

Вместе с сосудами, украшенными всеми перечисленными видами орнамента, в неолитических поселениях Нижнего Амура встречены и образцы скульптурного мастерства. Такова, в первую очередь, глиняная статуэтка из поселения в Кондоне.

Неолитический мастер реалистично, с искренней теплотой придал скульптуре индивидуальные черты человеческого лица. Обращает внимание плавно очерченный широкий овал лица с широкими скулами, миниатюрный подбородок и такие же миниатюрные, подчеркнута выпуклые, вытянутые вперед губы. Столь же примечателен нос — узкий и длинный, узкие и длинные глаза в виде дугообразных щелей. Лоб небольшой и узкий. Он переходит в скошенную и вытянутую назад верхнюю часть головы. В противоположность детально моделированной голове бюст фигурки оформлен схематично, у него отсутствуют даже руки. Но от этого глубокое впечатление, которое производит удивительное лица статуэтки, становится полнее и глубже, еще живее.

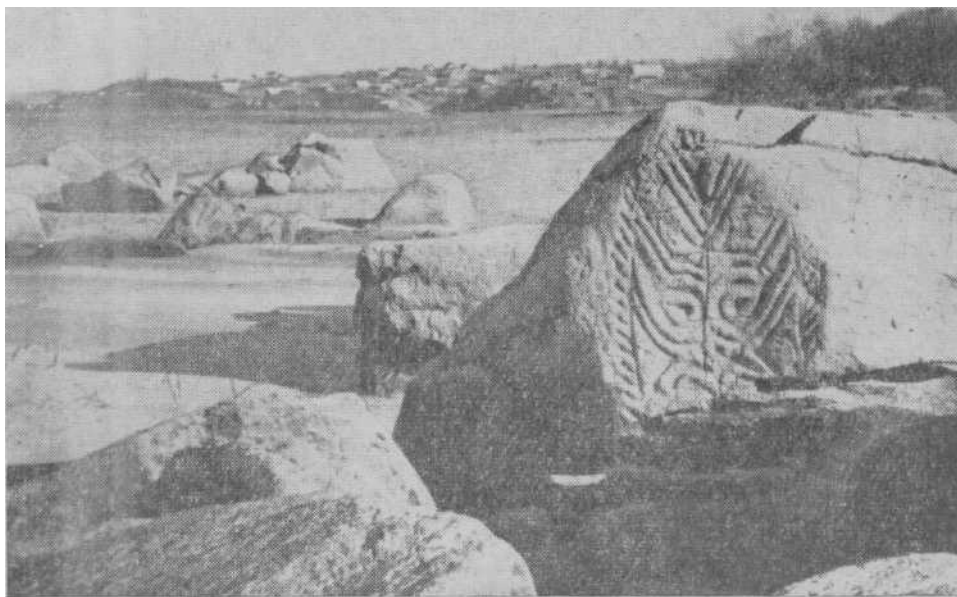
Точно такие лица можно встретить в Кондоне сегодня, среди милых нанайских девушек, обладающих той же легкой женственной грацией, которая заметна в статуэтке, пролежавшей тысячи лет в заполнении жилища каменного века.

Столь же неожиданной и эффектной явилась новая находка в неолитическом поселении вблизи устья реки Гур у села Вознесенки. Это были остатки раздавленного землей неолитического сосуда, лежавшего на полу обширного полуподземного жилища обычного для Нижнего Амура типа, такого же, как жилища в поселениях на острове Сучу и в Кондоне. Замечательны, прежде всего, сложность и изощренность техники оформления этого сосуда. Его поверхность сначала была покрыта тонким слоем красной минеральной краски, а затем залощена. По яркости и блеску она напоминает прославленные краснолаковые сосуды древней Греции. Затем, очевидно, сосуд был подвергнут дальнейшей художественной обработке иными средствами. Широкой сплошной полосой в верхней половине этого уникального сосуда на красном лощеном фоне располагались изображения фантастических антропоморфных существ. У них глубоко врезанными линиями очерчены лица-личины: огромные, как бы широко раскрытые глаза, и большой скульптурно оформленный нос с ямками ноздрей. Узкой поперечной щелью внизу намечен рот личины. По бокам личины видны воздетые вверх руки с явно звериными когтями. Кроме рук заметны и ноги.

К числу памятников искусства относятся также и петроглифы — наскальные рисунки. На них следует остановиться более подробно. Петроглифы, о которых здесь идет речь, известны в следующих местах: на скалах у села Шереметьево по правому берегу реки Усури, в местности Чертово Колесо на реке Кия, ниже Хабаровска, в селе Калиновке Ульчского района и, наконец, на правом берегу Амура, между селами Малы-

шево и Сикачи-Алян, в 90 км ниже Хабаровска. Классическим местонахождением петроглифов этого рода на Нижнем Амуре является Сикачи-Алян, одно из старинных мест расселения нанайцев.

Всюду в этом районе, сверху вниз, начиная с Малышево и кончая последними вниз по Амуру домами нынешнего Сикачи-Аляна, можно видеть выбитые на базальтовых глыбах древние изображения — настоящий музей первобытного искусства амурских племен далекого прошлого. Общее количество древних изображений в Сикачи-Аляне удалось установить лишь приблизительно: Амур большую часть года перекрывает свои песчаные берега, а вместе с ними и валунные россыпи, среди которых находятся камни с изображениями. Многие из них, вероятно, погребены в песке. По крайней мере, в процессе изучения сикачиальянских

Валуны с изображениями. Наскальные рисунки у с. Сикачи-Алян

рисунков нам не раз приходилось производить небольшие раскопки, чтобы освободить от песка ту или иную часть расписной глыбы.

Тот же ледоход, который обломал в древности скалы, окатал грани, свалил грудами «а берегу обломки базальта, до сих пор ворочает

эти глыбы камня, дробит и ломает их на куски. При этом находящиеся на них рисунки тоже обламываются, а иногда переворачиваются или оказываются внизу, под нагроможденными сверху камнями.

С этим связан и вопрос о их -происхождении. Можно было бы предположить, что они первоначально помещались именно на скалах, а затем, после разрушения, обваливались в воду, и были перенесены вниз по реке. Однако на уцелевших остатках скал в таком случае должны были сохраняться точно такие же рисунки. Но их там нет. И, кроме того, в целом рисунки расположены на валунах таким образом, что обнаруживается их композиционная связь с уже «готовым» валуном, оторвавшимся от скалы и приобретшим гладкую поверхность в результате последующих обработок песком и ударами о другие валуны.

Одним словом, всего вероятнее, что рисунки были в большинстве выполнены если не на том же самом месте, где лежат эти камни сейчас, то почти на том же и на этих именно камнях.

По стилю и содержанию рисунки Сикачи-Аляна делятся на две резко отличные группы: а) архаическую, древнейшую, и б) более позднюю, мохэскую по времени.

Основная масса их принадлежит к первой группе — архаической, в полной мере первобытной. Все древнейшие изображения выполнены техникой выбивания или, как иногда пишут археологи, точечной ретушью, характерной для эпохи неолита. Древний мастер работал над своими рисунками так же, как трудятся иногда и над каменными топорами: он ударял камнем о камень, выкрашивая кристалл за кристаллом, кусочек породы за кусочком, пока не образовывались мелкие точечные углубления-ямки, сливавшиеся затем друг с другом в сплошное пятно. Так шла медленная и упорная работа ваятеля, пока на камне не появлялся желаемый образ, существовавший до этого только в сознании художника.

Все рисунки древнейшей группы рельефны. Можно сказать, что они представляют собой, в собственном смысле слова, не рисунки, а барельефные изображения.

Центральное место среди изображений Сикачи-Аляна занимают загадочные и странным образом стилизованные антропоморфные лица-«личины», такие же в общем, как и та личина, о которой говорилось вначале.

Они настолько разнообразны, что трудно свести их в скольконибудь определенные частные группы или типы — каждая личина представляет свой особый тип. В них причудливо, как бы мозаичным образом, сочетаются различные признаки, которые древний мастер комбинировал легко и свободно по своему выбору, как в калейдоскопе.

Исходя из наиболее устойчиво повторяющихся признаков, можно разделить личины по их общим очертаниям, по форме лица на оваль-

Личина с лучами. Наскальные рисунки у с. Сикачи-Алян

ные личины, яйцевидно-овальные и обезьяноподобные, с отчетливо выраженным узким подбородком.

В особую группу можно выделить и личины вообще без внешнего контура, частичные или парциальные: лишь с глазами, ртом, нозд-рями.

В Сикачи-Аляне имеются и животные: четвероногие звери, птицы и змеи. Удивительно только одно: нигде на камнях в Сикачи-Аляне не найдено изображения рыб, хотя рыболовство на протяжении тысячелетий было если не единственным, то, во всяком случае, основным источником существования населения Приамурья.

Среди рисунков, изображающих четвероногих животных, выделяются фигуры зверя с большой массивной головой, таким же тяжелым массивным туловищем и четырьмя ногами, иногда — с отчетливо проступающим длинным хвостом. Таково, например, животное с большой, как бы отвислой книзу головой. На голове торчат треугольни-

ками два уха. На коротком массивном туловище виден горб над лопатками. Ног четыре, между ними имеются еще два коротких выступа: ноги короткие, «обрубки». Сзади виден длинный хвост. Если бы не этот хвост, можно было бы принять изображенное на рисунке животное за лося. Над головой животного наискось расположены два кружка. Ниже, сзади, тоже имеются три кружка.

Один рисунок представляет собой не одиночное, а групповое изображение четырех фигур животных такого же рода, как и описанное выше. Основную плоскость глыбы базальта занимает группа из трех крупных фигур: две из них как бы идут в одном направлении. Третья находится между ними наверху. Она обращена головой туда же, что и остальные. Все эти фигуры расположены компактно, плотно соприкасаясь друг с другом. Размеры их одинаковы. Справа, выше верхней большой фигуры, на соседней плоскости камня видна четвертая фигура, в два раза меньше трех нижних. У трех нижних фигур массивные, слег-

ка подпрямоугольные головы. На головах выбит в конце морды кружок, видимо, «глаз». У всех отчетливо намеченные желобками длинные хвосты. У нижней слева фигуры вертикальной перемычкой намечена шея.

Отдельно нужно отметить крупное изображение лося. Это самая известная фигура зверя из Сикачи-Аляна, издававшаяся трижды: Б. Лауфером, Р. Торией, А. П. Окладниковым. Животное обрисовано реалистически, с точным знанием натуры. У него типично оленья морда с характерно выпуклой верхней губой раскрытой пасти. На голове пышные развилстые рога, как бы развернутый фас, прямо на зрителя. Короткие отростки на рогах торчат вертикально. Под рогами видно узкое, тщательно обрисованное ухо треугольной формы. Туловище животного относительно короткое, близкое к реальным пропорциям. На нем выступает отчетливо выраженный горб, спина слегка вогнутая, круп широкий, округлый, брюхо слегка выпуклое. Ног показано четыре, они изогнуты — зверь изображен в движении. Внутреннее пространство фигуры животного ажурное, оно заполнено пышными орнаментальными деталями. На шее видна фигура в виде ракетки с ручкой: это явно пищевод и внутренности зверя, скорее всего сердце или легкие, центр жизненной силы. В средней части туловища животного видны четыре

параллельные дуги — ребра. Над ними два спиральных завитка. В задней части туловища оленя имеется тройная концентрическая окружность с круглым пятном в центре, должно быть, означающая желудок. Судя по характеру рогов, этот рисунок скорее всего изображает не лося и не северного оленя, как думал Тория, а оленя-марала.

Изображения птиц представлены в четырех рисунках. Так, на одном камне выбито реалистическое, живое изображение водоплавающей птицы — утки. Утка сидит в спокойной позе. У нее большая круглая голова с глазами в виде кружка внутри, таким же как на антропоморфных личинах. Голова посажена на крутую шею. Длинный, слегка изогнутый, чисто утиный клюв. Хвостик короткий, туловище широкое, с выпяченной вперед, опять-таки по-утиному, грудью.

На том же камне, но в обратном положении к первой фигуре, изображена еще одна утка. Птицы показаны обращенными как бы спиной друг к другу. Голова у этой утиной фигурки такая же, как и у ее соседки, но глаз дан без точки внутри. Он занимает все внутреннее пространство головки. Клюв птицы еще длиннее и тоже слегка изогнут. Туловище тоже несколько длиннее и уже, оно не замкнуто сзади. Нога одна, длинная и кривая.

Среди других изображений в Сикачи-Аляне есть и фигуры пресмыкающихся, змей. Они обнаруживаются на разных камнях Сикачи-Аляна в сочетании друг с другом и с другими изображениями и входят составными элементами в комплексные антропоморфные личины.

Наиболее отчетливо и реалистично змеи изображены на одном камне, где они свиваются целыми клубками. В этой чисто змеиной композиции, где отсутствуют какие-либо другие фигуры, выбито по крайней мере семь или восемь змей. Одна из них, изображенная отдельно, имеет широкую голову с маленьким, тщательно выбитым посередине глазком. Змея завилась в три кольца. Ниже показана причудливо переплетенная вторая фигура змеи, с раздвоенной головкой, широко разинутой пастью, может быть, в агрессивной позе. Рядом переплетаются две другие змеи. Слева видна еще одна змея, волнообразно изогнувшаяся, с маленькой головкой. И она тоже, по-видимому, изображена в агрессивной позе. Превосе видна длинная змеиная фигура, зигзагообразно изогнутая, вероятно, ползущая. Под ней обнаруживается вторая змея, более короткая, расположенная параллельно большой.

Кроме антропоморфных личин и фигур животных, змей и птиц на валунах Сикачи-Аляна имеются также и изображения лодок.

На одной из глыб выбита серия лодок. Они входят в большую композицию, выбитую на плоской грани одного крупного валуна. В центре ее находится антропоморфное изображение-личина. Выше — спираль, изображающая, вероятно, змею. По бокам выбиты лодки. Как обычно, они представляют собой дугообразные полосы, расположенные горизонтально. От них отходят поставленные вертикально параллельные короткие полосы, изображающие людей. Первая лодка, самая верхняя, имеет один загнутый кверху конец, вероятно, корму. В ней показано вертикальными палочками десять человек. Вторая лодочка, справа, имеет такую же загнутую кверху корму. В лодке девять человек. Третья лодка, меньше других, оформлена таким же образом, в ней условно показано девять человек.

Те же сюжеты-личины — четвероногие звери, в том числе олени и лоси, водоплавающие птицы, похожие на куропадок или глухарей, змеи и, наконец, лодки — изображены в других местах: на Кие, в Шереметьево, в Калиновке. Все они выполнены в единой манере. Одним словом, перед нами нечто целостное и единое, один и тот же резко своеобразный

художественный мир со своими эстетическими понятиями и канонами. Чтобы полнее и глубже понять его, нужно сравнить наши знания о нем с тем, что мы знаем об искусстве, о художественном мировоззрении соседей племен Дальнего Востока — обитателей сибирской тайги.

В далекие палеолитические времена возникло и достигло высокого расцвета жизнерадостное, полное динамики, анималистическое искусство охотников верхнего палеолита, — противоречивое и наивное, но реалистическое в своей основе.

Неолитическое искусство обитателей лесных областей Западной Сибири и Среднего Енисея, как и искусство их соседей в Прибайкалье, по всем своим существенным чертам представляло такое же прямое продолжение искусства палеолитического человека, как художественное творчество арктических племен Скандинавии в эпоху мезолита и неолита. Зверь в нем по-прежнему, занимал главное место: человек — явно второстепенное. В искусстве неолита лесной Сибири доминировал живой, динамичский дух. Основой этого искусства были мировоззрения лесных охотников и первобытная охотничья магия.

Неолитическое искусство Амура, напротив, насквозь пронизано духом орнаментализма. Все подчинено в нем плавной игре кривых линий и, прежде всего, бесконечно разворачивающейся спирали. Спираль служит не только составной частью, но и важнейшим формообразующим элементом в наскальных изображениях. Столь же своеобразен мир художественных образов этого искусства. Первое место среди его сюжетов, даже на петроглифах, принадлежит не зверю, а странным антропоморфным личинам.

Различие между искусством Запада и Востока, Сибири и Дальнего Востока лежит в самом мироощущении древнего художника. Амурско-уссурийским петроглифам чужда динамика и экспрессия. Таковы, в первую очередь, антропоморфные изображения-личины. Они статичны, застыли в своем вечном безмолвии, широко раскрыв огромные глаза, скорее даже не глаза, а пустые глазницы черепа. Недвижимы и безгласны не только личины, но даже и олени фигуры.

Лоси на писаницах Каменных островов и на Ленских скалах поражают зрителя своим динамизмом и страстью жизни. Они идут друг за другом, бегут и скачут, широко разбрасывая длинные ноги, а нередко даже кричат, широко раскрыв пасть и вытянув вперед шею, как будто одержимые страстью.

Лоси Сикачи-Аяна и Шереметьевских скал абсолютно неподвижны. Им чужды не только чувства, но даже и самое простое элементарное движение. Эти лоси — сама абстракция и схема. Они далеки от реальной жизни, они застыли, как и сам холодный дикий камень, на котором выбиты эти изображения.

Противоположность между искусством амурских рыбаков и их ближайших соседей — земледельцев, с одной стороны, и охотников Восточной и Западной Сибири, с другой, коренится, очевидно, в общих закономерностях эволюции художественного стиля и мышления, которые выявлены на материалах первобытного искусства не только Азии, но и Европы.

Устойчивое господство охотничьего быта и хозяйства содействует сохранению древнего динамического направления в искусстве. Разрыв с ним приводит к преобладанию условности, схемы и чистого орнаментализма.

Анализ изображений на валунах и скалах Сикачи-Аляна позволяет сделать попытку полнее понять и социальную обстановку, внутренний строй общества, в условиях которого они возникли, а также психологию авторов сикачиалянских петроглифов. Ключом к ней являются антропоморфные изображения на этих петроглифах.

При описании загадочных антропоморфных изображений Сикачи-Аляна выше употреблялось выражение «личина», старое русское слово, которое означает маску. И действительно, первое и самое сильное впечатление, которое производят изображения, это впечатление маски, искусственного, а не подлинного лица человека. Такое впечатление вызывается отсутствием туловища. Изображено в подавляющем случае одно только лицо. Туловище представлено в виде исключения, да и то в странно укороченном и деформированном виде, лишь как придаток к личине. Само же лицо дано в гротескной манере и резко схематизированном абстрактном и сильно искаженном виде, часто в орнаментальной схеме, с фантастическими дополнениями. Конечно, узоры внутри контура лица могут означать вполне реально существующую на нем татуировку, росписную или выполненную в иной технике, например, рубцами, или прошитую волосом под кожей.

Но само по себе это лицо, его контуры деформированы: лоб или подбородок срезаны прямо, глаза утрированы, их уголки протянуты буквально «до ушей», через всю половину лица. Вместо носа показаны только отверстия ноздрей. И, наконец, татуировка — это то же самое, что маска, только лишь нанесенная на живое человеческое лицо, а не надетая на него сверху в виде покрывки из шкуры или бересты.

Антропоморфные изображения Сикачи-Аляна, таким образом, представляют собой изображения когда-то реально существовавших масок-личин.

Это вводит нас в обширную область представлений, связанных с масками. Маски, широко распространенные у всех или подавляющего большинства народов, в прошлом изображали таинственные существа нездешнего мира — духов. Они употреблялись как средство перевоплощения человека в духа и были непременной принадлежностью обрядов

и культовых действий, где требовалось присутствие духов. «Духи эти сидят в масках, воплощены в них, и, таким образом, вселяются в танцора на все время, пока он носит эту своеобразную маску», — говорит Кох Грюнберг об индейцах Бразилии [173]. Надевая маску человек перевоплощался в зверя, приобретал звериные качества. «Достаточно вспомнить людей-пантер и людей-леопардов Западной Африки. Надев шкуру животного в определенной, необходимой для этого магической обстановке, они чувствуют себя реально превратившимися в пантер и леопардов; они обладают силой и свирепостью этих зверей. Если они промахнулись и их жертва, защищаясь, сорвет с них шкуру, они мгновенно становятся только людьми, притом весьма испуганными и с ними легко справиться», — пишет по этому поводу Леви Брюль [174].

По меткому выражению Фаттера, «в маске человек является в новой сущности: мертвым, духом или животным, которых маска олицетворяет. Дело идет не о представлении, не об изображении некоей роли, но непременно о действительно ощущаемом перевоплощении» [175].

Маски как средство перевоплощения в духов занимали важное место в социальной жизни первобытных общин. Достаточно вспомнить их роль в деятельности тайных мужских союзов, где они служили для запугивания женщин и детей и орудием власти организаторов таких союзов. Последние, применяя разнообразные маски и тем самым «создавая внешний облик главы союза — могущественного всеильного духа, стремились передать ему видимость необычного, сверхъестественного существа. Преувеличенные по сравнению с обыкновенными человеком размеры, необычное смешение человеческих и звериных признаков, фантастические детали, лицо, искаженное гримасой, и т. д. и т. п. — вот прием, применяемый при создании маски этого рода» [176]. Маскам принадлежала важная роль уже в древнейших охотничьих обрядах-игрищах, где охотники, переодетые в звериные шкуры, изображали охоту на животных. Это были не просто переодетые охотники, а люди-звери, существа смешанной природы. Вероятно, с такого рода представлениями и обрядами связаны также загадочные палеолитические изображения полулюдей, полуживотных, «монстры» пещерного искусства.

Выразительным примером таких обрядов служат предания эвенков о ежегодном торжестве — иконипка, или шингкэлавун, записанные Г. М. Василевич и А. Ф. Анисимовым [177]. Звериные танцы эвенков и их охотничьи пантомимы имели определенную «производственную нагрузку» и магический смысл: они должны были обеспечить благополучие охотничьей общине, размножение зверей и успех охотничьего промысла. В дальнейшем, на основе первых примитивных форм театрализованных действий с участием людей, ряженных в маски, возникают сложные представления-мистерии, в том числе такие, как танцы богов

ламаистского пантеона, связанные с большими сезонными праздниками древних скотоводов и земледельцев.

К числу древнейших форм таких обрядов относятся погребальные церемонии, в которых участвуют ряженные в маски люди, представляющие покойника, и в ряде случаев его предков — духов умерших. Так, у батаков, Тимуров или симелунгунов в Индонезии во время погребальной церемонии по умершему старейшины надевают специальные маски, вырезанные из дерева. Подобные пантомимы в масках во время похоронной церемонии, по словам Ю. В. Маретина, устраивают даяки то-раджи^[178].

Поскольку маска появляется всюду, где речь идет о представительстве мира духов в мире земных людей, она обнаруживается в таком же значении и в шаманстве. Шаман, посредник между людьми и духами, надевая свое шаманское облачение, меняет одновременно и свою сущность, перевоплощается в духа. Шаманский костюм обычно изображает птицу у одних народов, оленя — у других, о чем свидетельствует, прежде всего, его головной убор. «Шаманская корона» увенчана в одних случаях перьями, в других — рогами оленя или лося, металлическими, а иногда и натуральными. Вместе с тем шаманский костюм наглядно изображает человеческий скелет, представленный в виде металлических частей или вышивок. Следовательно, шаман, облаченный в свой ритуальный костюм, является своего рода «живым покойником», а вместе с тем зверем или птицей. Неотъемлемым элементом ритуального облачения шаманов служит маска. Имея маску на лице, шаман окончательно преобразается в духа, становится «своим» в потустороннем мире. Шаманские маски существовали у различных народностей Сибири — монгольских, самоедских, тунгусских, палеоазиатских. Бурятские шаманы, по свидетельству иркутского архиерея Нила, имели чудовищную личину «абагалдей» (быть может — бохолдей, дух покойника?). Она изготовлялась из дерева, кожи или металла, была распилана и дополнялась огромной бородой^[178].

В этой связи существенно, что маска как изображение умершего нередко имеет прямую связь с черепом. Культ черепа представляет, как известно, почти столь же широко распространенное и всеобщее явление, как и ритуальные маски, изображающие умерших. Особенное развитие культ черепов получил в Полинезии, Меланезии, Бирме и Индонезии. У батаков и даяков, по словам Л. Я. Штернберга, охота за человеческими черепами (вернее, за головами) была «обыденным институтом». Они считали, что черепа способствуют урожаю. С этой целью устраивались целые походы в земли соседних племен^[180]. Череп —местилище духа умершего, носитель его таинственной духовной силы. В ряде случаев черепа умерших не только хранили в особых хранилищах или внутри дома, но и употребляли во время ритуальных церемо-

ний. Так, у племени фанов на празднике в честь умерших «женщины брали в руки черепа и делали ими танцевальные движения, подобно тому, как ребенок, играющий в куклы, показывает, что его кукла умеет ходить. Совершенно очевидно, что и в этом случае для участников церемонии предки, которым принадлежали черепа, присутствовали на празднестве и веселились вместе со всеми»^[181].

В Африке у некоторых племен широкое применение в ритуальных церемониях, где должны были участвовать духи-предки, получили так называемые наголовники, то есть головные уборы, изображавшие голову предка-духа. Наилучшим и самым древним наголовником такого рода мог быть наголовник, имевший в основе натуральный человеческий череп. По словам А. Д. Авдеева, такой наголовник из человеческого черепа имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Известны и просто маски, изготовленные из человеческих черепов. «Юкатанцы, — как именует их Г. Спенсер, — отрезали у своих умерших головы... затем очищали от мяса (вываривая их); после того они отпиливали половину черепа, оставляя лишь переднюю часть с челюстями и зубами. Потом с помощью цемента они воспроизводили «а этих получерепах отнятые прочь мясные части, стараясь при этом сделать каждую голову, насколько возможно, похожей на ее прежнего владельца»^[182].

Меланезийцы обрабатывали черепа в маски. С задней стороны черепа-маски прикреплялась палочка или петелька из кожи, предназначенная для того, чтобы держать череп перед лицом того, кто изображает умершего. Со временем вместо черепных натуральных масок стали, по мнению Фробениуса, изготавливать более легкие, плетеные, которые сохраняли прежнюю форму. Взамен натуральных черепных масок применялись и деревянные, «но и в деревянных масках, — пишет Фробениус, — находятся следы черепных масок». Так, по наблюдениям А. Д. Авдеева, «на многочисленных деревянных масках народов Африки человеческое лицо часто изображалось с плотно закрытыми глазами и с отдельно прикрепленной, отвисающей, как у покойника, челюстью, что с несомненностью свидетельствовало, что они изображают умерших». У обитателей полуострова Газели в Меланезии все маски так и называются словом «лор», буквально — «череп». Связь понятий «маска» и лицо, а также голова — череп умершего, известна и в других случаях. У туземцев Нового Мекленбурга маска именовалась словом «кепонт» — «лицо умершего». У меланезийцев слово «тамате» означало и маску, и мертвого человека. На языке джукунов мертвый назывался словом «аки», маска — «аку». У племени иоруба термин «згу» обозначал одновременно маску и дух умершего. Одним словом, череп, мертвец, дух умершего и маска были синонимами^[183].

В свете всех этих фактов особое значение приобретает одна харак-

терная черта многих сикачиальянских и шереметьевских личин: их обезьяновидный облик. На самом деле, за этим внешним сходством с обезьяньей головой (вряд ли древние жители Амура имели понятие об обезьяне!) скрывается, очевидно, связь с черепом, с головой мертвого человека.

Стремление выделить реальные черты именно черепа, а не живого лица, определяет, по-видимому, и такую характерную особенность некоторых сикачиальянских личин, как наличие внутри внешнего их контура в виде овала, еще и внутреннего контура, как бы второго лица. Такое «внутреннее лицо» сикачиальянских личин расширено вверху, резко сужено внизу, напоминая тем самым череп, освобожденный от покрывающих его мягких тканей.

Еще важнее в данном отношении две личины из Шереметьево, где с полной отчетливостью, вполне конкретно переданы не абстрактные личины, а именно черепа. У них угрожающе оскалены два ряда зубов, как у настоящего черепа.

Личины Сикачи-Аляна, следовательно, скорее всего изображают маски — головы мертвых людей, то есть духов, предков. Не случайно, по-видимому, с ними у нанайцев, как сообщает Л. Я. Штернберг, связан был и миф о начале Вселенной, о чудесных делах первых шаманов, культурных героев. Некоторые же из сикачиальянских масок, должно быть, передают облик реальных черепных масок, то есть масок в виде черепа.

Вполне возможно, что на Амуре существовал такой же, как у племен Южных морей, культ человеческих черепов, а вместе с ним практиковалась аналогичная охота за черепами или, по крайней мере, хранились черепа родственников как вместилища их душ и магические помощники для живых членов общины. Отголоском таких представлений у соседей амурских племен на северо-востоке Азии могут служить культ шаманского черепа у юкагиров, а также сохранные историей киданьской династии Ляо («Ляо-ши») известия о священном скелетепрорицателе, реликвии предков киданей, который был магическим залогом их благополучия.

В этой связи нельзя не отметить снова поразительное сходство сикачиальянских личин-масок с масками других южных областей, известными нам по этнографическим материалам. Это относится как к общим стилистическим нормам, в которых оформлены маски, так и к некоторым деталям, которые мы привыкли считать специфическими для личин Сикачи-Аляна и Кии.

Уже при первом взгляде на обширные серии масок тлинкитов, эскимосов, и в особенности папуасов или индонезийцев, бросается в глаза их совпадение с амурскими личинами в общих приемах оформления внутреннего пространства, композиции орнаментальных элементов. Совпадают и принципы самой подачи этих элементов.

В этом можно убедиться, просмотрев хотя бы обширную серию масок, изданных в работах Авдеева. Первая, самая общая их стилевая черта, основной закон стилизации, заключается не столько в стремлении максимально упростить, «сжать» детали, сколько усилить экспрессию, выразительность изображенного лица; подчеркнуть в нем нечто характерное, эмоциональное — существенное. По словам Авдеева, «маски-личины могут изображать человеческое лицо в состоянии покоя, иногда почти натуралистически передавая облик того или иного изображаемого объекта, но могут передавать и фиксировать какую-либо мимическую гримасу и изображать человеческое лицо в состоянии эмоциональной экспрессии. С другой стороны, маски-личины, в целях наибольшей выразительности, могут снабжаться различными атрибутами, подчеркивающими пол, возраст (борода, усы) и социальное положение передаваемого объекта (головные уборы)».

То же самое в полной мере относится к личинам Сикачи-Аляна, Калиновки, Ки. С этим связаны и определенные, закономерно повторяющиеся характерные приемы оформления личин-масок. В большинстве случаев у этнографических масок-личин налицо глазные отверстия, обычно круглые. Но иногда, как, например, на маске «хохотуна» из японской пантомимы кагура, им придается серповидная форма, надо думать, для того, чтобы передать выразительную мимику смеющегося лица.

Папуасская маска из коллекции МАЭ № 1186-14 «изображает крайне условно человекоподобное лицо. Черты лица переданы двумя концентрическими кружками («глаза») и двумя нашитыми Т-образными* палочками («нос»). Вся маска состоит из бамбукового каркаса, обтянутого тапой и украшенного своеобразным орнаментом; орнамент выкрашен в белый цвет».

На других этнографических масках виден такой же ореол, «сияние», как в Сикачи-Аляне и Шереметьево. В коллекции № 571-13 (эскимосы острова Кадьяк) имеется «маска деревянная, изображающая человекоподобное лицо, окруженное широким ореолом. Сделана из одного куска дерева, раскрашена в различные цвета. Вся маска окаймлена черными и белыми перьями, расположенными поочередно и особым образом подрезанными».

Не менее интересно, что в Меланезии члены тайного союза Дук-дук носили во время своих театрализованных церемоний костюм из пальмовых листьев, изображающий, по словам этнографов, «волосатое тело духа». Костюм этот носится вместе с конусообразной, больших размеров личиной и составлял с последней неразрывное целое.

И еще удивительнее один пример, относящийся к самым южным, цейлонским маскам. У сингалов на Шри Ланка употреблялись маски, у которых составной частью антропоморфных личин были изображе-

ния змей — кобр. Такова, например, маска, изображающая домового, «гару колан», в виде чудовищного лица с выпученными «телескопическими» глазами и оскаленной пастью. На голове у нее торчат три кобры в угрожающей позе.

Вторая маска сингалов тоже изображает голову чудовища с такими же выпученными глазами и зубастой пастью. На голове чудовища выщает огромная кобра с двумя спиральными завитками внутри. Множество змей кобр маленькой величины вылезают из ноздрей, рта и т. д. С боков к маске присоединены уши, также имеющие вид кобр со спирально завитыми хвостами. По композиции эта последняя маска поразительно близка к сакачиаленской личине, у которой по бокам также видны спирально завитые змеи.

Анализ изображений на валунах и скалах Сикачи-Аляна позволяет полнее понять социальную обстановку, внутренний строй того общества, в условиях которого они возникли, а также психологию создателей сикачиаленских петроглифов.

Маски-личины, означающие перевоплощение человека, одевшего их, в новое существо, в животное или духа в антропоморфном облике, но в том и в другом случае — в сверхъестественное существо, распространены, как мы видели, во всем мире и в различные исторические периоды.

Но при всем том, разнообразные маски Амура и Усури, снабженные сложными орнаментальными деталями, вызывают в памяти совершенно определенные конкретные общества, для которых типично особенно высокое развитие искусства изготовления масок. Это общества племен южных морей, в первую очередь Меланезии, а также Африки и Северо-Западной Америки, которые в большинстве были обнаружены европейцами на уровне затаившейся неолитической культуры, но уже на пороге применения металла, в Африке — железа.

Уровень их хозяйства был достаточно высок по сравнению с чисто охотничьими племенами, не знавшими ни возделывания растений, ни разведения домашних животных.

В Африке и Меланезии этим племенам было знакомо примитивное земледелие, при этом своеобразное, в виде возделывания таро, ямса, согового дерева, кокосовой пальмы. В Северо-Западной Америке, где не было ни земледелия, ни скотоводства, существенное значение имела рыбная ловля, ориентированная на промысел лососевых и доставлявшая более устойчивые пищевые ресурсы, чем рыбная ловля и охота у племен лесной полосы той же Аляски. Близки к этому уровню хозяйственного развития были и алеуты, у которых основным источником существования служил морской промысел. На основе сравнительно развитого производящего хозяйства здесь очень своеобразно шел и процесс эволюции общественных отношений.

Например, сохраняя материнское право, те же индейцы Северо-Западной Америки и алеуты шагнули далеко вперед по линии имущественной и социальной дифференциации внутри родовой общины. Еще в рамках рода и племени у них выделился слой родовой знати, кичившейся не знатностью происхождения, — в этом смысле все члены рода по-прежнему были равны, — а богатством. Рабство стало в этих обществах четко оформленным институтом, хотя оно не было еще основой производственных отношений: рабов убивали и приносили в жертву. Характерной чертой этого общества были постоянные междоусобные войны, имевшие целью накопление богатства, и в том числе рабов.

Другой, но менее существенной его особенностью было существование тайных мужских союзов. Возникшие первоначально на основе сложной структуры древних общин, на почве полового и возрастного разделения труда, тайные мужские союзы превратились со временем в руководящую социальную силу внутри общины. Они были направлены, в первую очередь, против женской половины общины с целью держать женщин в повиновении. Для этого члены мужских союзов прибегали к террористическим актам, в том числе к запугиванию женщин и детей явлением таинственных магических существ — духов.

С мужскими союзами и тайными обществами "была связана определенная система мифологических представлений и сложных обрядов, в первую очередь инициации. На таком уровне, должно быть, и стояли племена Нижнего Амура, оставившие после себя петроглифы Сикачи-Аляна, на реке Кие и в селе Шереметьево.

Выше приводились примеры совпадений между древними личинами и современными этнографическими масками. Они могут иметь и другое значение. Нет ли в современной нам этнографии «отголосков» давно исчезнувшей древней культуры? Возможно ли обнаружить такие отголоски древней сикачиальянской петроглифической традиции здесь же, на Амуре.

Нанайцы в Сикачи-Аляне в одних случаях приписывали наскальные изображения легендарному народу «ха». В других же легендах создателями петроглифов выступают мифические первопредки нанайцев, жившие в самом начале Вселенной. А может быть, легенды последней группы и на самом деле несут в себе элементы какой-то реальной информации, может быть, в них до нас дошли какие-то отзвуки реально существующих связей между древнейшим населением и современными обитателями этого удивительного края?

Перед исследователями истории и культуры народов Северной Азии давно уже стала загадка происхождения оригинального искусства нижнеамурских племен «гольдов» — нанайцев, ульчей; «гиляков» — нивхов, негидальцев.

Первым из исследователей на своеобразие декоративного твор-

чества амурских племен и коренное отличие его от всего, что было ему известно в соседних таежных областях Сибири, обратил внимание А. Ф. Миддендорф. Когда он перевалил Становый хребет и попал к «низовым тунгусам» — негидальцам, усвоившим несмотря на оленеводческое хозяйство и быт бродячих охотников многое из культуры их оседлых соседей на берегах Амура, Миддендорф сразу же почувствовал себя, говоря его словами, так, как будто находился среди нового народа. Язык негидальцев был .прежний, давно и хорошо знакомый ему — тунгусский, но форма и покрой одежды, характер вышитых на ней узоров и металлические украшения — все это было новым. Все свидетельствовало, что эта одежда и украшения исходят из другого модного центра, входят в круг других, чем у тунгусских племен Восточной Сибири, обычаев и художественных вкусов [184]

Такое же впечатление вынес из знакомства с орнаментикой амурских народов Л. И. Шренк. В ней, — писал Шренк, — «выражается своеобразный характер и вкус, совершенно отличный от того, что мы видим у сибирских инородцев. Так, например, вышивки, которыми сибирские тунгусы украшают свои платья, отличаются крайним разнообразием их мотивов. Чаще всего они состоят из последовательных или пересекающихся рядов несложных фигурок: мелких трех- и четырехугольников, кругов, нескладных крендельков и т. п. В гиляцких же узорах и орнаментах, напротив, широкий размах разнообразно переплетающихся линий, искусные хитросплетения арабесок и роскошные завитки» [185].

Одним словом, перед учеными внезапно открылся какой-то новый мир, обнаружилось богатство фантастически изощренной орнаментики, существовавшей, как это ни странно, у отсталых по их общественному укладу и уровню хозяйственного развития племен: ни один из малых народов в то время не имел сколько-нибудь развитого классового общества. У племен Амура существовал в XIX веке даже древний групповой брак, который в свое время превосходно описал Л. Я. Штернберг. Ни одно из них не знало производящего хозяйства: ни земледелия, ни скотоводства. Единственным домашним животным у оседлых племен Приамурья была собака, служившая не только помощником на охоте, но и тягловым животным, а вместе с тем источником мясной пищи. Собаку приносили в жертву духам, тогда как оленеводы для этой цели использовали оленя, а скотоводы степей — лошадь и быка, а также овцу.

У амурских народов не существовало, разумеется, и письменности, не было даже зачатков ее. И вот на фоне столь примитивной экономики неразвитого общественного строя вдруг обнаружилось такое необычное и такое изощренное орнаментальное искусство, которому мог бы позавидовать любой цивилизованный народ не только в глубокой древности, но и в наше время.

Как всегда в таких случаях, оставалось искать источник для такого развития сложного и богатого искусства извне, в какой-то другой стране и у другого народа, прошедшего большой исторический путь и создавшего высокую культуру. Ближайшей к нашему Дальнему Востоку такой страной был Китай с его всемирно известной и древнейшей цивилизацией. Известны были и исторические контакты китайцев с народами Амура. Пытаясь объяснить неожиданно развитой, сложный и богатый орнамент амурских племен, некоторые ученые видели в нем всего лишь отражение китайской орнаментики и результат культурного влияния со стороны зыбокой цивилизации Китая. Соответственно такому взгляду они категорически утверждали, что чем ближе живет народ к центру китайской культуры, тем выше развитие его искусства.

Так, например, один из первых исследователей искусства амурских племен, автор капитального труда о нем Б. Лауфер пришел к выводу, что богатое и сложное орнаментальное искусство амурских племен не было создано ими самими, что оно было в основе заимствовано извне. Обнаружив в искусстве амурских племен несколько «китайских» по происхождению элементов, он писал, что его формы и концепции насыщены китайским духом и что их основа находится, несомненно, в Китае. В незапамятные времена амурские племена в процессе контакта с китайцами освоили элементы китайского искусства, сначала как простую дань моде, но затем развивали их на собственной почве самостоятельно и независимо. Что касается более точного определения времени этого контакта и первоначального заимствования элементов китайского искусства, то Лауфер полагает, что оно совпадает с усвоением письменности, заимствованной ранее бесписьменными амурскими племенами от китайцев. Бедные по культуре, они одновременно почувствовали потребность в более развитом орнаменте, который и был взят у тех же китайцев. Так как, по его словам, первая туземная письменность возникает на Амуре в эпоху Чжурчжэньского государства, то, очевидно, тогда же проникают сюда и элементы китайского искусства, китайской орнаментики, которые затем проходят свой путь развития на амурской почве.

Примерно то же писал в свое время и Л. И. Шренк. Он ссылаясь на существовавшие в орнаментике нивхов (гиляков) такие узоры, как «богатые завитки, хитро переплетающиеся между собой ленты, фигуры в виде заостренных зубчатых щитков», которые, по его словам, встречаются и в древнекитайских изделиях, на дорогих платьях, на фарфоре и украшениях из слоновой кости. Такие же украшения отчасти попадают, добавлял Шренк, и на древнеяпонских предметах.

Из всего этого Шренк делал вывод, что «гиляцкая орнаментика развивалась значительно под влиянием древнекитайских, а отчасти и древнеяпонских образцов. Это иначе и не могло быть, благодаря не-

прерывным вековым торговым сношениям гиляков с китайцами на материке по течению Амура и Сунгари, а на Сахалине — с японцами и с айнами, подвергнутыми японскому влиянию. Таким образом, влияние китайской культуры, распространяясь вниз по течению рек Сунгари и Амура, которые являлись естественным путем для торговых сношений китайцев с гиляками, между прочим, отразилось и на орнаментике последних».

Но несколькими строками ниже тот же Л. И. Шренк отметил одно исключительно важное обстоятельство, которое решительно противоречило выводам о возникновении под влиянием китайцев и японцев гиляцкой орнаментики.

Согласно собственным наблюдениям Шренка, развитая орнаментика встречалась в местах, отдаленных от китайцев. Именно в низовьях Амура, где отсутствовал прямой контакт с маньчжуро-китайской культурой, художественный стиль приамурских племен имел, по мнению Шренка, наиболее богатый, выдержанный и сложный характер.

Пытаясь объяснить этот остро подмеченный его опытным глазом этнографа факт, противоречивший традиционному представлению о заимствовании искусства амурских племен от китайцев и японцев, Шренк писал, что он зависит не столько от природных наклонностей этих народов, сколько от политических условий. Причина, думал Шренк, в том, что, будучи независимы от китайцев и маньчжуров, гиляки, не позволяли им не только водворяться в своей стране, но даже посещать ее, жили более обеспеченной жизнью. А поэтому могли свободно пользоваться своей собственностью и, говоря иными словами, иметь больше склонностей к украшению своего быта и одежды» [186].

Иначе говоря, в низовьях Амура, там, где коренное население всего упорнее держалось древних национальных традиций в своей жизни и в искусстве и где слабее всего было постороннее влияние, продолжалось исконное, в полной мере самобытное художественное творчество.

Во время Шренка, а также Лауфера, не было материалов и фактов, которые могли подтвердить эту мысль и ценное наблюдение Шренка, открывшие принципиально новые возможности толкования проблемы происхождения гиляцкой орнаментики. Для этого нужно было иметь представление о том, чем была культура амурских племен в глубокой древности, до соприкосновения с развитыми культурами Восточной Азии.

Такие материалы были получены в наше время в результате широких археологических исследований на Амуре и в соседних с ним районах Дальнего Востока. Они стали свидетельством прямой связи искусства неолитических племен Амура с современным искусством малых народностей советского Дальнего Востока.

Еще в 1935 году в неолитической землянке на острове Сучу, как мы видели, были найдены глиняные сосуды, украшенные богатым и тонким по выполнению спиральным узором.

Например, спиральная орнаментика, сочетающаяся с фоном из пунктирного зигзага, встречена на Красной речке у Хабаровска, в Вознесенке вблизи устья реки Гур, а также в районе села Шереметьево и села Казакевичево на Уссури.

Спиральный орнамент, аналогичный в принципе неолитическому, настолько распространен и обычен в искусстве нанайцев, ульчей и гиляков, что в сущности составляет главное богатство современной орнаментики этих племен, тот материал и основной фон, на котором, разворачиваются все ее сюжеты и из которого складываются такие популярные изобразительные мотивы, как фигуры рыб и петухов.

Наряду с различными вариантами спирального орнамента высокого развития у амурских племен в неолите достигли узоры из переплетающихся друг с другом более или менее широких лент, образующих сетку с ромбическими ячейками — амурскую плетенку.

Узор типа амурской плетенки неолитических амурских племен является бесспорным предком современного узора, хотя уже значительно более развитого и усложненного по форме. В ряде же случаев такой орнамент до сих пор сохраняет свою исходную простую форму и в сущности ничем не отличается от своего неолитического прообраза. Мы видим здесь такие же ромбы, расположенные в шахматном порядке и отделенные друг от друга пустыми полосками фона. «Фон» этот и представляет собой настоящий орнамент, в то время как ромбы являются всего-навсего фоном. Таков, например, орнамент на изданном в свое время еще Б. Лауфером образце, вырезанном из бу маги.

В них еще с большей силой, в еще более концентрированном виде выступают особенности эстетических представлений и художественного мироощущения племен каменного века.

В петроглифах Амура и Уссури нет ни амурской плетенки, ни вертикальных заглагов, выполненных в технике пунктирной гребенки. Здесь вообще напрасно искать такие узоры. Вся эта чисто бытовая орнаментика была органически связана с такими предметами, как глиняные сосуды, одежда и различная бытовая утварь из дерева или кости. На первый взгляд может показаться, что петроглифы вообще невозможно связать с современным орнаментальным искусством амурских племен.

Но в действительности в амурско-уссурийских петроглифах не только присутствует, но и занимает первостепенное место кривая линия, имеются различные виды и варианты того же криволинейного узора, который определяет лицо и сущность амурской орнаментики.

Совпадения древнего искусства наскальных изображений с современным искусством могут быть продолжены и в области конкретных образов и сюжетов. Например, змея, дракон, «мудур» — такой же привычный и традиционный элемент нанайской орнаментики, как и петроглифов. «Мудуры» нанайцев обычно не только изгибаются волнистыми полосами, но и свернуты тугой спиралью, так же как на валунах Сикачи-Аляна или на скалах по Уссури.

На петроглифах Уссури и Амура встречаются, далее, изображения оленей не только с волютами,³² но и с характерными прямыми полосами поперек туловища. Олень играет большую роль после петуха и дракона. Среди изданных Лауфером образцов орнаментики амурских племен имеются фигуры оленей с такими же точно поперечными полосами, как и на петроглифах.

Третий, не столь часто встречающийся, но весьма существенный образ петроглифов — птица.

В современной нанайской орнаментике, как полагают, преобладает петух. Тем не менее, внимательно приглядываясь к образцам орнамента, изданных Лауфером, можно обнаружить и изображения таких же, как на петроглифах, водоплавающих птиц: гусей, уток, лебедей. Сюда относятся, например, рисунки птиц на бумажной вырезке, изданной в книге Лауфера, где мы видим полное сходство с миниатюрными фигурами сидящих водоплавающих птиц на петроглифах в Шереметьево.

Остается обнаружить в современной орнаментике самое главное для петроглифов: личины, антропоморфные изображения, маски.

Лауфер в свое время решительно отрицал наличие антропоморфных элементов в орнаментике амурских племен. Он указывал только на зооморфные и растительные элементы, в первую очередь на стилизованные рисунки рыб, петухов, драконов, как на характерные элементы амурской орнаментики. В орнаментике нанайцев, ульчей и гиляков действительно нет таких очевидных антропоморфных изображений, которые можно было бы сравнить наглядно с четкими рисунками орнамента петухов или рыб. Однако, внимательно рассматривая образцы орнамента амурских племен, можно увидеть в них если не точно такие же, то, во всяком случае, очень сходные, хотя и сильно стилизованные обезьяноподобные личины-маски. При этом такие фигуры составляют вовсе не исключение, а самый распространенный и даже по сути основной элемент богатой орнаментики нанайцев и вслед за ними ульчей.

Так, например, на таблице XXV в книге Лауфера изображена сложная орнаментальная композиция из двойных спиралевидных линий и дуг. В нижней части ее с полной отчетливостью просматривается обезьяновидная личина, с широкой и округлой верхней частью, внутри которой двойной спиралью обозначены такие же, как на петрогли-

фах, огромные, глаза. Ниже обозначены широкие обезьяньи ноздри, а еще ниже — массивный подбородок. По бокам этой морды торчат широкие уши, тоже переданные в виде спиралей. Особенно интересно, что над головой возвышаются два отростка, как бы два луча. Точно так же в ряде случаев изображались уши и на петроглифах. Для антропоморфных личин амурских петроглифов не менее характерны затем прямые линии, отростки, или лучи, увенчивающие их сверху, а нередко и окаймляющие вокруг с обеих сторон.

Странные антропоморфные личины амурских петроглифов, таким образом, не исчезли бесследно, а вошли в состав позднейшей орнаментики в качестве ее основного содержания. Они были использованы в амурской орнаментике, таким образом, как и другие фигуры, например рыб или птиц, послужили своего рода «строительным материалом», стали деталями сложных орнаментальных композиций. Но в отличие от фигур рыб и птиц, они целиком вошли в состав общей орнаментальной ткани, почти полностью растворились в ней и настолько потеряли свою самостоятельность, что могут быть обнаружены только путем сравнения с петроглифами, где эти личины находятся еще в исходном, изолированном виде, сами по себе.

«Темы» наскальных изображений повторяются и в современной орнаментике: обезьяноподобные и спиралевидные маски-личины, изображения оленей с поперечными полосами на туловище, водоплавающие птицы, змеи.

Итак, мы проследили в современной традиционной орнаментике амурских народов ряд характерных признаков, связывающих ее с древнейшей местной орнаментикой каменного века. Все это вместе с широким применением спирали как основного элемента и главного формообразующего приема связывает древние наскальные изображения с современным орнаментальным искусством амурских народностей, и, следовательно, свидетельствует о наличии определенной художественной традиции, не прерывающейся, должно быть, на протяжении многих веков, а может быть, тысячелетий.

Непрерывность художественной традиции, естественно, означает не только преемственность стиля, художественной формы и конкретных сюжетов, но и возможность передачи идей, связанных с этими сюжетами. О том, что сами нанайцы издавна интересовались рисунками на валунах в Сикачи-Аляне, известно было уже первым исследователям этих древних памятников. В ответ на вопрос о том, кто и когда сделал эти рисунки, нанайцы давали один и тот же ответ, что их возникновение связано с мифическими временами трех солнц и Великого стрелка, с начала Вселенной.

Старый космогонический миф нанайцев впервые записал Бертольд Лауфер. В его записи он звучит следующим образом: «В начале света

жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка. Однажды три человека послали трех лебедей нырять, чтобы достать для Земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли — смотрят: Земля растет, река Амур течет. Тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину — Джулчу. Потом деву по имени Мамилжи. Народ размножился и занял всю террасу, соседнюю в Амуре. Кадо сказал: есть три солнца на небе. Невозможно жить, слишком горячо. Я хочу застрелить солнце!

Его жена сказала ему: |«Иди!» Кадо пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье убил. Вернулся домой — не так жарко. Мамилжи сделала рисунки на камнях. Джулчи сказала: «Теперь люди будут видеть, что мой муж убил два солнца». После того, как два солнца были убиты, камни стали твердыми. Потом Мамилжи сказала: «Есть много-много людей. Не будет места для них, если они не будут умирать. Хочу умереть — показать им 'путь». Джулчи сказала: «Бурундук не умирает, зимой он засыпает, весной оживает. Тумна живет как рыба летом, а зимой спит, змея тоже... Другие животные рождаются и умирают. Человек должен родиться и умереть...» [187].

Мотив о птицах, ныряющих в воды первичного океана, чтобы сотворить землю, принадлежит к числу мировых общечеловеческих сюжетов. По распространению он известен у многих народов земного шара и является, видимо, первым элементом космогонического мифа. Вряд ли можно сомневаться в том, что сначала в мифах о Вселенной творцом Земли было не антропоморфное существо или существа, а именно птица и, конечно, в первую очередь птица водоплавающая, способная нырять — лебедь, утка, гусь.

В амурских мифах тоже участвуют птицы. Это особенно важно для нас в связи с содержанием наскальных рисунков на Амуре и Усури. Так, в самой ранней по времени публикации варианте мифа, изданной Лауфером, видное место принадлежит лебедям: это они доставляют камни и песок, чтобы создать Землю. Для реконструкции древнейшей мифологии человечества и выяснения ее закономерностей наличие такого сюжета на Дальнем (Востоке, у нанайцев, драгоценно. Но он в данном случае еще важнее с другой стороны: оказывается, водоплавающие птицы выбиты на скалах в Шереметьево и на валунах Сикачи-Аляна вовсе не случайно. Они, должно быть, играли действительно важную роль в начальной мифологии амурских племен, конкретно, в космогоническом мифе.

Изображения водоплавающих птиц на петроглифах помогают восстановить семантику наскальных изображений. Изображения эти должны были нести и на самом деле несли ту семантическую нагрузку, те идеи, которые вложены в нанайский миф о сикачиалыанских камнях

с изображениями. Нанайцы рассказывают о них тот миф, который сложили их далекие предки, выбившие в Сикачи-Аляне фигуры водоплавающих птиц.

Перед нами не простые обыденные птицы, а космические лебеди, создавшие Землю. Большой интерес в связи с этим представляет одна деталь изображения водоплавающей птицы на Шереметьевских скалах. На груди ее выбит крест. Крест издавна служил знаком Вселенной, его четыре конца символизировали четыре стороны света. Знак креста в данном примере акцентирует творческую роль и космическую сущность шереметьевской птицы. Он как бы служит прозрачным намеком на ее активную роль в сотворении мира.

Нельзя оставить в стороне и еще один сюжет наскальных изображений как сакачиалянских, так в равной мере и шереметьевских петроглифов, столь же характерный для них, как и водоплавающие птицы. Сюжет этот — змеи.

Стало привычным утверждение, что дракон нанайского искусства, то есть мифический небесный или водный змей, заимствован нанайцами из китайской мифологии. Однако само название этого змея выдает его действительное происхождение из местного источника. Нанайцы называли его не чужим словом «лу», а собственным, коренным термином — мудур.

Еще интереснее, что у одного из амурских народов имеется своеобразный мифологический образ гигантского змея, который обитает в болотах или трясинах, но оставляет после себя выжженный, как лесным пожаром, след в тайге. Этот образ, явно космический уже по одним его масштабам, замечателен тем, что в нем наглядно переплетаются два цикла, одинаково древние и вместе с тем в обоих случаях самобытные, не заимствованные из Китая.

То, что змей живет в воде, указывает на происхождение этого мифа из общего источника с мифами лесных племен Восточной Сибири, тунгусов, где гигантский змей в начале Вселенной проделывал огромную работу по упорядочению Земли. Вторая черта этого змея — его огненный след, прямо указывает на солнечную природу великого змея. Он — само солнце. Этот элемент явно южного происхождения и органически связан с комплексом мифологических представлений. Эти представления ведут нас на юг, в страну айнов и, как свидетельствуют собранные Л. Я. Штернбергом факты, входят в круг древнейшей космогонии южан, находятся в основе семантики их криволинейного орнамента, в том числе амурской спирали и амурской плетенки.

Следующий сюжет, прослеженный в Сикачи-Аляне и в Шереметьево, — лодки. Чтобы понять смысл как древних, так и более поздних средневековых изображений лодок, тоже нужно обратиться к древним обычаям нанайцев. Б. А. Куфтин наблюдал на Амуре в районе устья

реки Аноя интереснейший обряд, который носил название «андзя». Согласно его данным, «обряд андзя устраивался сильным шаманом, чтобы умилостивить своих духов-покровителей. Он известен также под названием «унки», то есть обряд праздничного путешествия. Шаман камлает, затем обходит юрты. Обойдя все стойбище, шаман приближается к приготовленному для него бату. Стоя, поместился на его середине. Вслед за этим батом от берега отчалило еще несколько лодок, полных народа. Объехав таким образом все стойбище, расположенное при устье Аноя, шаман вернулся к себе и, не отдыхая, приступил к жертвоприношению» [188]. Смысл обряда, который описан Б. А. Куфтиным, ясен. Это магический обряд, имевший целью обезопасить жителей нанайских поселений от бед и несчастий, от вредного воздействия злых сил. Возможно, что и выбитые изображения лодок, наполненных людьми, на петроглифах служили той же цели и были отражением подобных обрядов. Не исключена и их связь с культом мертвых, с проводами душ на лодках в загробный мир.

Последняя категория наскальных рисунков Сикачи-Аляна и самая многочисленная — антропоморфные изображения, тоже при внимательном сравнительном анализе обнаруживает определенные совпадения с этнографическими материалами. Здесь можно начать с рисунка, изображающего антропоморфное лицо, трактованное довольно просто и реалистично, без каких-либо дополнительных сложных деталей, но с ромбическим туловищем, лишенным рук, и заполненным внутри параллельными углами. Вильмош Диосеги, специалист по шаманству народов Сибири, сказал, когда я показал ему это изображение, что оно более всего напоминает фигуру нанайского сеона, покровителя охоты, Гирки-Айями [189].

По описанию И. А. Лопатина, идол этого сеона представляет продолговатую (вершка 3—4) дощечку, по одному краю которой вырезаны изображения девяти одинаковых сеонов, а внизу на веревочке подвешено девять изображений другого сеона, у которых лица и туловища расписаны черной или красной краской. Эти свисающие с веревочки сеоны представляют собой деревянные фигурки с ромбической головой, на которой условно показан четко выделенной поперечной гранью лоб. Туловище сеонов тоже ромбическое, и на нем сверху донизу нарисованы уголки, напоминающие ребра. На голове имеется выступ — ушко для нанизывания фигурок на веревку. Ромбическая головка и ромбическое туловище, параллельные углы на туловище этих девяти сеонов, орнамент на них и на самом деле повторяют форму антропоморфной фигуры, выбитой в Сикачи-Аляне.

Сеон «изготавливается охотником перед отправлением на промысел. Охотник носит этого идола в особом футляре, и в случае неуспешной охоты вывешивает идола на привале и молится с принесением жертвы.

Если молитва будет услышана и, следовательно, охота пойдет успешно, то охотник рисует на бумаге или на доскуте рыбьей кожи особую икону Бырка-гирки. На ней изображается примитивным способом сеон Доонтэ, над ним солнце и звезды, по бокам два дракона и прочее. На другом виде Бырка-гирки рисуется Гирки, по бокам его 9 колля (змеи), над ним солнце (сиу), 9 птиц, 9 лошадей (мори) и 9 человекочков. В жертву этому сеону приносят кровь, сердце и голову убитого зверя» [190].

Есть и еще один совершенно неожиданный пример совпадения сюжета нанайского фольклора с наскальными рисунками: это фигура животного в виде лошади с личиной на спине. В том, что здесь присутствует именно личина антропоморфного существа, нет никакого сомнения. Это именно голова, а не всадник!

Рисунок этот, таким образом, самый необычный из всех необычных наскальных изображений Сикачи-Аляна. В нем явно намеренно и одновременно скомпонованы личина и животное в виде лошади.

Об одновременности обоих изображений, составляющих единое целое, свидетельствует единство стиля и то, что они «прилажены» друг к другу. И не менее важно, что рисунок совпадает со столь же необычным, единственным в своем роде мифом.

В одной из нанайских легенд, записанных П. П. Шимкевичем («Сказание о голове»), говорится: «В одной фанзе жила голова мужчины, без туловища; она всегда лежала на нарах. Прошло много лет. Однажды к фанзе прибежал конь, вбежал в фанзу, обежал кругом несколько раз и, остановившись перед головой, заржал, голова начала качаться, затем покатила по нарам и скатилась на спину коню: конь опять заржал и умчался с головой вниз по Амуру».

Затем рассказывается, как конь останавливается перед фанзой, где живет «одинокая женщина Амфуди-Амуча, большая шаманка. Она приказывает бурхану³⁹ бросить голову в озеро, чтобы она превратилась в мужчину, но голова исчезает в озере. Затем шаманка превращается в утку. В дальнейшем следует длинный рассказ о приключениях сказочного героя, Марго, в которого, видимо, превращается в конечном счете голова [191].

Можно только предположить, что или рисунок послужил иллюстрацией к уже существовавшему мифу, или миф возник как объяснение к рисунку. Для полноты картины следует добавить, что миф о черепе, который ведет самостоятельную жизнь без тела, существует и у других, соседних с амурскими, народностей нашего Севера. Это свидетельствует о его древности и глубоких исторических корнях, а также, видимо, о конкретных культурно-этнических контактах, о взаимодействии различных племен глубокой древности. Так, например, записан на Нижней Лене колоритный рассказ о черепе знаменитого древнего шамана, который не только не погиб после того, как сгнил и разрушился помост—

арангас, где был некогда похоронен этот шаман, но и продолжал вести активную жизнь. Череп каждой ночью направлялся пить воду из соседнего озера, а затем той же дорогой возвращался обратно. Рассказчик утверждал даже, что до сих пор видна тропа, которая образовалась на этом пути черепа к озеру и обратно.

В. Г. Богораз опубликовал чукотский рассказ о чудесном черепе, который превращается в человека: «Молодая девушка нашла в тундре череп и принесла его домой. Она положила череп в свой вешевой мешок и время от времени вынимала его и улыбалась ему. И череп тоже смеялся. Через некоторое время мать девушки обратила внимание на необычное поведение своей дочери, и подсмотрела у нее череп. Все члены семьи в ужасе бежали со стойбища, оставив девушку на произвол судьбы. Девушка начала плакать, стоя перед черепом. Она толкнула «го ногой. Череп ушел отыскивать свое тело и вскоре вернулся в виде красивого юноши»^[192].

В других антропоморфных изображениях, связанных с нанайской шаманистической мифологией и культом, такого близкого совпадения с личинами петроглифов не наблюдается. Но замечательно, во-первых, обилие антропоморфных изображений шаманских духов — сеонов, одиночных и групповых. Не менее важны, затем, устойчиво повторяющиеся в них стилистические особенности, характерные приемы оформления. Так, лица скульптурных сеенов обыкновенно оформлены двумя боковыми широкими срезами, с разделяющими их продольным острым ребром — «носом». По сторонам такого ребра почти обязательно сделаны симметрично расположенные маленькие ямки — глаза. В ряде случаев лоб отделен поперечным уступом или ребром от лица. Такое членение лиц скульптурных изображений сеонов, несомненно, связанное с техникой резьбы по дереву, близко напоминает традиционное членение сакачиалянских антропоморфных личин. Еще важнее, с точки зрения проведения таких параллелей, традиционные приемы оформления головы и головного убора нанайских сеонов. Чаще всего верхняя часть лица выделяется, как сказано, особо и имеет вид более или менее высокого треугольника, а в ряде случаев дополнена целой серией вертикальных зубцов, конец которых оформлен, в свою очередь, как маленькие головки — наверхия. Такой сеон изображен на таблице XXII—50 в цитированной книге И. А. Лопатина.

Аналогичные изображения духов имелись у нивхов на Амуре во время Шренка. «Один идол из числа купленных... представлял чурбан с человеческим лицом и рядом зубцов на темени. Каждый зубец был, в свою очередь, обделан в виде человеческого лица»^[193].

Такие головные уборы или наверхия на головах изображений амурских сеонов снова живо напоминают наверхия-«лучи» на сакачиалянских личинах и наводят на мысль о генетической связи между ними.

По-своему не менее замечательны в этом плане и характерные шаманские маски нанайских и удэгейских шаманов, вырезанные из дерева и раскрашенные, а также дополненные кусками меха на месте бороды. По данным В. Г. Ларькина, деревянная маска камбала использовалась только сильными шаманами, когда они отправлялись на поиски души покойного в бун³⁴. Прикрыв лицо маской, шаман беспрепятственно проникал в бун неопознанным. Если маска каким-либо образом падала с лица, то шаману уже невозможно было выбраться из бун, и он погибал. Удэгейские маски были оторочены медвежьим мехом, а лицевая сторона раскрашивалась спиральными узорами. Аналогичные маски были у нанайцев [94].

В этнографическом собрании Хабаровского краеведческого музея имеются две такие деревянные маски (№ 16, 17). Общий вид их, в особенности же красочные, черные и красные спиральные узоры, вероятно, изображающие татуировку, почти полностью повторяют узоры и общий вид некоторых личин, выбитых на валунах в Сикачи-Аляне. Как известно, такие маски означают перевоплощение шамана в изображенное на них мифическое существо, в духа. Вполне естественно поэтому и совпадение сикачиальянских личин с деревянными масками шаманов.

Интересна и еще одна параллель петроглифов с этнографическими данными. До сих пор у удэгейцев, а также нанайцев, существует обычай украшать черемуховые лепешки различными рисунками зооморфного характера. На лепешках изображаются жабы, спирали, ящерицы, змеи. Удэгейцы считают, что эти изображения символизируют далеких предков, которые оказывают помощь своим сородичам в борьбе со злыми духами.

Детальный анализ отмеченных совпадений между петроглифами, с одной стороны, и предметами культового искусства, амурских племен, с другой, снова подтверждает, таким образом, мысль о родстве и генетической связи древнего и современного (этнографического) амурского искусства.

Совпадения эти позволяют, вместе с тем, приблизиться и к пониманию смысла наскальных рисунков Амура и Уссури, неразрывно связанных с древней мифологией и шаманством. Пережитки древних верований в реликтовой и сильно трансформированной форме дошли до нашего времени. Их зафиксировали Шренк, Лауфер, Штернберг, Лопатин, Шимкевич и другие этнографы.

Нельзя, конечно, утверждать, что в данном случае древние верования и художественные формы, созданные в отдаленном прошлом, дошли до нашего времени целиком или в сколько-нибудь полном и неизменном виде. Со времен неолита народы Амура прошли длительный и сложный путь культурного развития, испытали немало важных исторических событий, даже больших переломов. Как ни далеки были, напри-

мер, племена низовьев Амура от тех политических бурь, которые бушевали на Среднем Амуре или в Приморье, где возникали и падали такие государства, созданные местным населением, как империя Ляо киданей или «Золотая» империя чжурчжэней, а до них — Бохай, известных своей высокой культурой, даже на культуре этих северных племен, и в том числе искусстве, должны были так или иначе отражаться такие перемены. Выразительным примером могут служить наскальные рисунки Сикачи-Аляна эпохи металла, в которых конкретно отразились связи мохэских племен с тюркскими народами Центральной Азии.

Большой интерес поэтому представляет поставленный еще Шренком и Лауфером вопрос с заимствованных амурскими племенами элементами поздних высоких культур. Да, конечно, Лауфер был прав, когда говорил, что в этнографической орнаментике нанайцев имеются элементы, заимствованные извне, такие, как петух, летучая мышь, может быть, даже рыбы. Действительно, в «репертуаре» наскальных изображений нет ни рыб, тем более петухов, как нет и летучих мышей.

Но следует значительно ограничить утверждения Лауфера и других исследователей, писавших о нанайской орнаментике, что образ петуха в ней занимает особо важное место. На самом деле, некоторые из фигур птиц, трактовавшиеся как петухи, оказываются сильно орнаментализованными вариантами изображений лебедей или гусей, которых мы знаем по Шереметьевским скалам. Это ясно и потому, что в ряде случаев такие «петухи» нанайских узоров держат в клюве рыбу, что настоящим петухам никак не подходит.

Есть также примеры переработки традиционных сюжетов, например, мифического змея-мудура в стиле заимствованных извне трафаретов. Но такая переработка, естественно, оставалась внешней и не затрагивала сущности древнего образа и его оформления. Так, например, чешуйчатый и усатый дракон-мудур на нанайских узорах изгибается таким же образом, спирально, как змей на сакачилянских петроглифах. Однако в соседнем Китае образ дракона в таком виде, как он изображается там в позднесредневековое время, чужд архаическому искусству эпохи Чжоу, Цинь и Хань. Не исключено, что «классический» образ дракона, возник под влиянием искусства соседних с Китаем племен Севера и Востока.

Кроме отмеченных рисунков птиц и животных, которые можно считать заимствованными, и притом, как известно нам сейчас, в позднее время амурской истории, в XVII—XIX веках, в период правления в соседней Маньчжурии маньчжурской империи Цинь, есть еще целый пласт нанайской орнаментики, занимающий в ней очень важное место.

В нем отражен мотив бегущей спирали, или волнистой линии, осложненный растительными элементами, завитками в виде листьев

или цветов. Бегущая спираль и волна такого рода у нанайцев употребляется как излюбленное обрамление любого рисунка, как наиболее распространенная орнаментальная кайма национальной женской одежды нанайцев — халат из выделанной рыбьей кожи. Происхождение его связано с историческими контактами относительно раннего времени, по крайней мере, первой половины тысячелетия нашей эры. Мотив этот восходит, как полагают изучавшие его исследователи, к стилизованному изображению виноградной лозы с листьями и гроздьями. Он широко распространился из античного и раннесредневекового Средиземноморья, где находится его родина, на Восток, в Китай еще в танское время, в Приморье — в эпоху Бохайского царства, в Японию — в период расцвета ее средневековой культуры, в эпоху Нара.

Почему этот мотив нашел у нанайцев такое широкое применение и своего рода вторую родину, станет ясно, если учесть, что спираль и вообще криволинейная орнаментика на Амуре была исконным достоянием. Причина, следовательно, вовсе не в силе и глубине чужеземного влияния, а в том, что оно вошло в русло традиционных национальных форм и художественного мироощущения местных племен.

Требуется пересмотра и предположение Лауфера о том, что именно в чжурчжэньское время началось усиленное, как он думал, проникновение в орнаментiku дальневосточных племен мотивов чужеземного" происхождения, вызванное усилившимися контактами чжурчжэней с китайцами в ходе завоевания ими Северного Китая.

Подобное проникновение вообще имело место, но, как мы видели, далеко не в тех масштабах и не с такой силой, как можно было думать раньше. И, наконец, а это самое важное, мы знаем теперь, что открытие неолитической спирали и плетенки на Амуре как первое звено логической цепи вызвало к жизни другие новые идеи и гипотезы.

Над нами нередко, как гипноз, тяготеет традиционное противопоставление древних земледельцев охотникам и рыболовам. Слов нет, земледельцы со временем резко опередили своих собратьев, оказавшихся в неблагоприятных природных условиях. Они быстрее развили своя производительные силы и общественные отношения. Но, с другой стороны, был глубоко прав и великий гуманист нашего века Максим Горький, когда писал, что историки культуры «обидели» охотников. Охотники, по его мнению, в свое время тоже создали по-своему не менее значительные культурные ценности, в первую очередь в области художественного творчества. Не случайно же с гибелью прежнего уклада жизни бродячих охотников за мамонтом и северным оленем исчезло и поразительное по своему живому реализму жизнерадостное искусство палеолитического человека.

Рядом со странами первых земледельцев лежала другая страна, вернее, не страна, а целый мир не менее древних и не менее ярких

и самобытных культур, в том числе наших, амурских. Это были вовсе не «варвары», не «дикари» (какими их изображали шовинистически настроенные историки древних и новых времен), а люди, которые внесли свой полноценный и равноправный вклад в мировую культуру. На протяжении тысячелетий они были единственными суверенными хозяевами своей земли и своей судьбы.

Уже в каменном веке они сделали множество открытий и изобретений, например, лодки-берестянки, несгораемую берестяную посуду, хитроумные способы рыбной ловли, в том числе древнейшую в мире •блесну. Эти достижения позволили далеким предкам амурских племен впервые открыть и освоить таежные просторы, озера и реки дальневосточной тайги. Созданное же ими богатое искусство, как мы видели, сохранило свою жизненную силу до сегодняшнего дня. И кто знает, как далеко распространилось влияние этого искусства не только во времени, но и в пространстве?

Во всяком случае, амурская спираль, как мы теперь знаем, не моложе спирали, известной в раннеземледельческой культуре Яншао в бассейне реки Желтой. Спиральная и криволинейная орнаментика в целом была вообще достоянием широкого круга племен Тихоокеанского бассейна. Для архаического же Китая она, скорее всего, была не основным элементом, а чем-то наносным, чуждым идеологии первобытного земледельца. Сердцу и уму его она ничего не говорила. Зато в прямой связи с его мыслями, с его надеждами и чаяниями, с его борьбой за урожай находились другие, гораздо более важные для него символы аграрной магии. Таковы, например, рыбы с их бесчисленными икринками—символ плодородия, или тыквы, точно так же до отказа начиненные семенами. Ни в мифах, ни в фольклоре китайцев нет ничего, что помогло бы расшифровать навсегда утраченный смысл спирали — настолько чужда она была их художественному творчеству.

Зато на Амуре все обстоит совершенно иначе. Неолитическая спираль не только дожила здесь до современности, но и сохранила свой первоначальный смысл. Как уже отмечалось, нанайцы до сих пор пекут лепешки из черемуховой муки, на которых, как на старинных вяземских пряниках, отснуды спиральные узоры. Концы спиралей на них заканчиваются явственно очерченными головками змей.

Змеи эти на священных лепешках нанайцев вьются не случайно. В мифах сибирских народов змеи были вовсе не символом зла, мрака и смерти. Когда-то это был образ доброго, благодетельного божества, великого солнечного змея — мудура, властителя неба и вод. Как говорится в легендах, ему принадлежала важная роль в первоначальном устройстве Земли, сплошь покрытой в начале времен водой. Это он, мудрый и могучий змей общетунгусского фольклора, вместе с мифическим «мамонтом» пропахал долины для рек и спустил в них воду.

«Связь времени» не прервалась, таким образом, окончательно^ В этнографической культуре нанайцев и соседних с ними племен Нижнего Амура до нас дошли следы отдаленной древности, реликты изначальной культуры их предков. Такая же спираль *ш* плетенка, как у племен каменного века, существует и сейчас у нанайцев и ульчей на Амуре. Ее можно увидеть сегодня в современных Кондоне и Вознесенке, на халатах, обуви, изделиях из бересты у нанайцев.

В наших руках находится, следовательно, надежная датировка нанайской спирали, да и не только ее одной: почти пять тысячелетий тому назад уже сложилась основа нанайской орнаментики, оформились ее основные элементы, не только спираль, но рядом с ней хитроумный узор из переплетающихся полосок, амурская плетенка.

Очевидно, что истоки художественного творчества нанайцев и их соседей лежат не там, где искал их Лауфер, не вдали от Амура, а в самой амурской земле.

Об этом свидетельствует не только древность амурской плетенки и спирали на нашем Дальнем Востоке, но и то, что орнаментика эта является характерной чертой нижнеамурского неолита. Спираль отсутствует в неолитических памятниках соседнего Приморья. Ее нет в неолитической орнаментике Кореи, на Ляодуне и в Восточной Монголии. Она, следовательно, не могла проникнуть через эти области на Амур из какого-то иного источника.

И еще важнее, что археология свидетельствует не только о непрерывности исторического процесса у местных племен в ходе тысячелетий, но и показывает, как конкретно шел поступательный ход развития культуры.

Отсюда следует и другой, еще более важный принципиальный вывод. Коренные народности Амура и их культура имеют глубокие исторические корни на своей земле. Они являются наследниками созданной их предками оригинальной и по-своему высокой, в тех конкретных исторических условиях, художественной культуры, замечательными памятниками которой являются описанные выше наскальные изображения Сикачи-Аляна, Шереметьево, Кии, Калиновки.

Все это свидетельствует против различных расистских концепций, против осознанного или даже бессознательного стремления принизить вклад народов Северной и Центральной Азии в мировую культуру человечества. Против старого деления народов на «исторические» и «внеисторические». Против привычного для буржуазной науки взгляда на мировой культурно-исторический процесс с точки зрения европоцентризма или его антитезы — азиациентризма. Против стремления приписать какому-нибудь одному народу Азии роль гегемона в политической и культурной истории этой части света.

НЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ

Обзор неолитических культур Приморья мы начнем с севера, с культуры тех племен, которые обитали в то время в суровых и диких гористых местах вдоль берегов Японского моря по направлению к Владивостоку от устья Амура и Татарского пролива. О жизни местных племен неолитического времени могут дать представление раскопки замечательного поселения в Рудной бухте.

Остатки неолитической культуры обнаружены здесь вблизи устья реки Рудной, на живописном мысе, у подножия которого протекает с одной стороны река Монастырка, с другой — река Мраморная. Мыс этот является завершением древней эрозионной террасы, с гранитным цоколем высотой около 20 м над уровнем моря.

Как удалось установить, неолитические люди жили здесь издавна. Стоянка на мысе оказалась двуслойной. Первый, самый ранний культурный горизонт, связан с желтым суглинком, который перекрывает пластом выветрившуюся поверхность гранита. В нем обнаружены довольно многочисленные каменные изделия и обломки сосудов.

Самый характерный элемент этой древней культуры — керамика. Сосуды выделывались способом ленточного налеса. Они имели плоское, но очень узкое, а может быть, иногда и острое дно. Вдоль края сосудов снаружи имелся орнаментальный поясок, образованный из вдавленных ромбов с вогнутыми сторонами.

Такие ромбы, однако, вовсе не являются орнаментом в настоящем смысле слова, а только фоном сложного и характерного узора. Сам по себе узор состоит из выступающих над углубленным фоном плоских гладких полосок, переплетающихся в виде плетенки, то есть узора, хорошо знакомого всем, кто занимался изучением орнаментики амурских народностей — гиляков, ульчей, нанайцев.

У обитателей этой стоянки были уже в полном расцвете все основные приемы обработки камня, характерные для неолитического времени.

Они умело выделывали крупные каменные орудия, оббивая гальки, и иногда применяя так называемую точечную ретушь, а затем шлифовали их, сначала на грубых, а потом на тонкозернистых плитках песчаника. Мелкие изделия из вулканического туфа и кремнистых сланцев выделывались отжимной ретушью, достигавшей нередко по высокому качеству отделки почти ювелирного совершенства. Найденные здесь каменные шлифованные тесла были выпуклые с одной стороны и плоские с другой. Они сопровождалась двусторонне ретушированными ножами и наконечниками из камня. Каменные наконечники стрел сближаются с наиболее ранними прибайкальскими наконечниками как общей своей удлиннотреугольной формой, так и тем, что одно жальце

их несколько длиннее другого. Среди каменных изделий имеются также скребки и тщательно обработанные ретушью с обеих сторон удлинненно-прямоугольные пластинки, служившие вкладными лезвиями для деревянных или костяных кинжалов и ножей.

В дальнейшем на месте древнейшего охотничьего лагеря возникло новое большое поселение. Здесь уцелели остатки 20 жилищ, в том числе площадью до 100 кв. м каждое. Когда было вскрыто одно такое жилище, оказалось, что по бокам вырытого в земле прямоугольного углубления располагались ямы для хранения пищевых запасов, а в середине его было несколько небольших очагов.

Иначе выглядел другой, соседний, дом. Сверху, до раскопок, он представлял собой широкое углубление с довольно круто падающими к центру стенками. Когда же были сняты дерн и слой земли, покрывающие древний пол жилища, мы увидели в высшей степени интересную картину.

Пол был ровным и по своим очертаниям почти квадратным, площадью около 36 кв. м. С двух сторон над ним возвышался уступ, своего рода скамья, шириной до одного метра. Затем имелась еще одна ступень, на этот раз уже по всему периметру углубления, шириной 2—2,5 м. Эта платформа возвышалась над полом внутреннего квадрата дома не менее чем на 60—80 см. Она была оконтурена рядом весьма отчетлива заметных ям, вырытых в желтом суглинке. В этих ямках, расположенных довольно симметрично и с очень небольшими интервалами, когда-то были вертикально закреплены деревянные столбики или жерди, составляющие опору стены жилища. Непосредственно за ними был хорошо заметен крутой уступ вырытого в земле основания дома.

Внешние очертания последнего приближались к квадрату, но не с прямыми, а со слегка округленными углами. Следы ряда столбиков прослеживались и по внутреннему периметру дома, вдоль его квадратной площади. Эти столбики, вероятно, поддерживали крышу. Это была полуземлянка, стены которой состояли из вертикально врытых нетолстых бревен, державших, очевидно, крышу и горизонтальные плахи или жерди самой стены.

В общем, это второе жилище в его реконструированном виде должно было представлять, как и первое, весьма характерную картину обшинного жилища, но в другом роде. Пол его поднимался двумя уступами по сторонам центрального очага. На уступах лежали каменные изделия, оставленные древними обитателями поселения, в том числе превосходно отшлифованные каменные тесла. В одном месте концентрировались каменные наконечники, в других — кремневые отщепы. Повсюду были рассеяны шлифованные тесла из сланца, преимущественно древних форм.

На плечиках-уступах землянки обнаружены также остатки глиня-

ных плоскодонных сосудов. Некоторые из них стояли когда-то целыми в вертикальном положении, но, затем, после того как жилище было оставлено и заброшено, оказались раздавленными землей.

Форма сосудов простая. Стенки их воронкообразно расходятся от узкого днища, отличающегося характерным легким расширением-уступом внизу. В верхней части стенки сосудов образуют более или менее выпуклое брюшко. У венчика, в ряде случаев, наблюдается легкое сужение. Вдоль венчика проходит, опоясывая его валик, имитирующий шнур. Стенки сосудов обыкновенно гладкие, неорнаментированные, но иногда на внешней поверхности сосудов имеется гребенчато-пунктирный орнамент, похожий на вертикальные зигзаги ранних амурских сосудов. На одном таком сосуде есть также криволинейные врезные узоры, напоминающие как бы обрывки спиралей, столь характерные для амурского неолита на ранних его этапах.

Среди сосудов, кроме больших, служивших для приготовления пищи и, вероятно, хранения запасов, есть и миниатюрный сосудик, тоже плоскодонный, высокий, с отчетливо выраженной шейкой. Такие сосуды, всего вероятнее, были детскими игрушками.

Первое из раскопанных жилищ было, очевидно, местом, где протекала хозяйственная жизнь. Здесь находились ямы для запасов и очаги для приготовления пищи.

Второй, соседний, дом, служил для иных целей. Вокруг центрального и единственного в доме очага возвышались широкие ступени-нары. Судя по этнографическим аналогиям, на них сидели и работали обитатели жилища. Здесь изготовлялись каменные орудия, в том числе каменные наконечники дротиков или гарпунов, причем мастер, выделывавший эти наконечники, обосновывался в определенном месте — к востоку от очага. На нарах когда-то стояли также целые глиняные сосуды. Этот дом больше всего напоминает так называемые мужские дома, или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у различных племен Северной Азии и Америки в XVIII—XIX веках (кажимы — у эскимосов, валькары — у чукчей).

Основой существования обитателей этого поселка были рыболовство и охота. К такому выводу приводит изучение каменных изделий, найденных при раскопках обоих жилищ. О важной роли охоты свидетельствует наличие клинков копий или охотничьих ножей. Такие ножи и наконечники копий отличаются одной характерной чертой — плечиками, отделяющими суженный насад от собственно клинка. Разнообразны кремневые ретушированные наконечники стрел. Кроме обычных треугольных, с вогнутым основанием, здесь имеются широкие наконечники подтреугольных очертаний, с круто выпуклыми длинными краями, затем миндалевидные, с расширенным внизу основанием, в виде усеченного широкого ромба, а также в виде треугольника с прямо срезанным

насадом. У некоторых наконечников в нижней части, перед выемкой, наблюдается легкое сужение, своего рода перехваты, но не столь глубокие, как у так называемых американоидных наконечников. Как и в нижнем, в верхнем слое встречаются наконечники такого типа, который для Прибайкалья является наиболее древним — треугольные, с глубокой угловатой выемкой в основании, напоминающей вырез хвоста ласточки, с одним удлиненным и другим укороченным жалцем.

С потребностями древних охотников и рыбаков неразрывно был связан набор различных мелких каменных орудий из кремнистых пород: разнообразные режущие и скобящие инструменты. Заготовками для них служили только отщепы, часто длинные и пластинчатые. Но никогда для этого не применялись настоящие ножевидные пластины, снятые с призматического нуклеуса. Среди многих сотен кремневых изделий «а поселении не оказалось ни одного такого нуклеуса, нет ни одной ножевидной пластины с правильными параллельными гранями на спинке.

Среди мелких орудий больше всего скребков и скребловидных орудий, изготовленных из широких плоских отщепов, у которых ретуширован один или два края. Это были режущие инструменты, своего рода примитивные ножи для обработки кожи, дерева и других материалов.

Особо выделяется хорошо выраженная и устойчивая серия узких пластинчатых инструментов с тщательно ретушированными длинными боковыми выемками с одного или иногда с двух противоположных краев. Изделия такого рода явно служили скобелями для обработки дерева. Они были удобны для выстругивания деревянных стержней, служивших древками копий или стрел. Есть также круглые массивные ножи, обработанные ретушью с обеих сторон и часто имеющие слегка суженную рукоять, массивные скребки трапециевидных очертаний с выпуклым лезвием, которые использовались для скобления, размягчения шкур с целью выделки одежды.

Охота « рыбаков же были здесь единственными занятиями. Хотя неолитические племена, одно из которых жило на Руднинском мысе, еще не знали металла и оставались людьми каменного века, у них все же появились первые признаки нового, принципиально иного, прогрессивного хозяйства. Об этом свидетельствуют терочки-куранты, одинаковые с найденными на позднеолитических стоянках восточных районов МНР, в южной Гоби, около Сайн-Шанда, и на реке Шара-Мурен. Куранты эти, как и гобийские, отличаются характерной формой. Они имеют дугообразную спинку и специфически скошенную на одну сторону широкую рабочую грань. Найденная на Рудной зернотерка имела вид широкой плоской «тарелки» со слегка вогнутой рабочей поверхностью и выпуклой противоположной стороной, на которой находилась тщательно выполненная выбитыми желобками орнаментальная кайма

сложной формы с лабиринтообразными фигурами по углам, образующими, по-видимому, какой-то рисунок, слегка напоминающий своими очертаниями стилизованное изображение лодки. На таких зернотерках, конечно, могли растирать каменными курантами съедобные корни, орехи и ягоды. Так, в землянке № 2 в очажном слое сохранились обугленные орехи дальневосточного кедра.

На поселении найдены и образцы искусства. Кроме орнамента на посуде, это — тщательно сделанное из кремня отжимной ретушью схематическое изображение птицы, а также условно трактованная человеческая фигура, изготовленная из халцедона.

Территориально наиболее близкие аналоги этим кремневым скульптурам мы встречаем на Камчатке, в бухте Тарья, где найдена точно такая же, как и из Рудной, но более крупная фигурка человека из обсидиана [195].

Очень вероятно, что эти кремневые схематические фигурки имели такой же характер и смысл, как и многочисленные скульптурные статуэтки из обожженной глины, известные в неолите Японских островов. Статуэтки в подавляющем большинстве изображают там женщин, иногда даже с преувеличенно подчеркнутыми первичными признаками женского пола.

В неолите Японии такие фигуры были связаны со свойственным материнскому роду культом женских духов-прародительниц. Такой же смысл, всего вероятнее, имели и скульптурные изображения из тетюхинских жилищ и из бухты Тарья на Камчатке.

Из украшений имеются длинные цилиндрические бусины и кривая подвеска, напоминающая кабаньих клык. Последняя сделана из полупрозрачного гобийского халцедона — камня такого же зеленого цвета, как нефрит.

Замечательно, что, несмотря на отдаленность от других неолитических племен, несмотря на трудность путей, которые вели из глубины континента через горные хребты и долины Сихотэ-Алиня, сквозь тайгу и болота к берегам Тихого океана, обитатели Северного Приморья вовсе не были полностью изолированы и замкнуты. Об этом свидетельствуют, прежде всего, такие вещи, которые явно были сделаны где-то в других, нередко весьма отдаленных местах, и затем уже, переходя из рук в руки, попадали в Приморье к обитавшим у берегов Тихого океана древним племенам. Разумеется, принесенных издалека вещей должно было быть немного, но все же они имеются и очень ценны как свидетельство существования подобного этапного обмена и культурных связей с населением других районов Восточной Азии.

На севере Приморья среди находок на Руднинском поселении встречаются, например, вещи чужеземного происхождения, доставленные в готовом виде из еще более отдаленных северных и западных

районов Азии. Таково небольшое шлифованное тесло, изготовленное из прочного и красивого камня — белого нефрита. Нефрит, как известно, очень редкий минерал. На территории азиатской части СССР его месторождения известны только в Саянских горах вблизи Иркутска, по рекам Белой и Китою, где имеется как зеленый, так и белый нефрит^[196]. Однако даже в самом Прибайкалье тесла из белого нефрита большая редкость. Там изобилуют тесла и топоры из зеленого нефрита. Крупные шлифованные орудия из белого нефрита, имеющего обычно характерные желтоватые вкрапления и пятна, чаще всего встречаются в верховьях и среднем течении реки Лены, в Якутии, а также далее на востоке, в Забайкалье, в Читинской области. Оттуда скорее всего и попало в Рудное это орудие. Следует добавить при этом, что найденное в Рудном тесло из белого нефрита по своему типу ближе всего к прибайкальским изделиям китайского времени, так как в поперечнике оно имеет вид плоского овала.

Есть и такие элементы культуры неолитических племен Приморья, которые свидетельствуют о еще более прочных и глубоких связях с другими племенами и странами. Они могут объясняться длительным соседством племен, а также, может быть, происхождением от одних общих предков.

Так можно объяснить, прежде всего, те черты, которые связывают древнюю культуру севера Приморья с культурой неолитических племен Нижнего Амура. Их сближают одинаковые, в общем, формы сосудов, а также такой характерный орнамент, как полоса рельефной плетенки-сетки по венчику. Очень близок к амурскому типу и орнамент из гребенчато-пунктирных вдавлений, образованных, скорее всего, зубчатым колесиком. Спиральный узор, отсутствующий в известных нам памятниках неолита Южного Приморья, но встреченный на одном из руднинских сосудов, в полном блеске и расцвете представлен в неолите Нижнего Амура. Точно так же, как в Рудном, в низовьях Амура обычны и валики, имитирующие круто свитый шнур, перехватывающий сосуд по венчику.

В каменном инвентаре неолита Северного Приморья также много общего с находками Приамурья. Это, главным образом, относится к каменным ретушированным наконечникам стрел, а также односторонне выпуклым шлифованным теслам. В неолите Нижнего Амура есть и такие же, как в Рудном, кривые каменные украшения, напоминающие кабаньих клык.

Прослеживается связь инвентаря Северного Приморья с более отдаленными районами. Так, в Маньчжурии, например, в погребальной пещере Шагодун найдены сосуды, аналогичные амурским по форме и орнаменту. В пещере Шагодун, а также в других неолитических памятниках Маньчжурии, есть и подобные дальневосточным кремневые изделия: наконечники стрел, ножи, скребки.

Интересно, что эти связи в какой-то мере охватывали и еще более дальние районы, вплоть до (Японских островов).

На связи неолитических племен Северного Приморья с племенами Японии указывают, например, резные рисунки на днищах сосудов в виде жилок древесного листа. В Японии они появляются в среднем дземоне³⁵ и широко распространяются в последующее время. Чаще всего они встречаются в керамике яей³⁶. Такие же отпечатки и рисунки встречаются на Хонсю и в раннем железном веке, в так называемой культуре землянок Огавары^[197]. Нигде более, кроме Японских островов, Кореи и нашего Приморья, такие оттиски листьев или резные рисунки, имитирующие жилки древесного листа, неизвестны. Этот своеобразный обычай, как и все отмеченное выше, является общей специфической чертой древней керамики обеих соседних областей Азии.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ЮГА ПРИМОРЬЯ

Если мы теперь оставим Руднинское поселение и перейдем с севера на крайний юг Приморья, то найдем здесь вдоль морского побережья вторую, своеобразную культуру, во многом резко отличную от северной.

Об этой культуре и о жизни прибрежных племен юга, которым она принадлежала, можно судить по материалам с ряда поселений, располагавшихся вдоль берегов Японского моря от устья реки Артемовки на севере и до устья реки Тюмень-Улы — на юге.

Одним из интереснейших памятников этого района является многослойное поселение у оленесовхоза Олений. Поселение расположено на мысовидной сопке, вдающейся в заболоченную пойму реки Артемовки, в 400 м от поселка оленесовхоза, по левую сторону дороги к селу Шевелевке. Подножие сопки, возвышающейся на 20—25 м над поймой, с северо-востока огибает ручей, впадающий в реку Артемовка.

Гребень и южный склон сопки покрыты чистой без подлеска дубовой рощей, возраст деревьев 200—250 лет. Дуб растет и на пологом северном склоне, но преобладают здесь мелколиственные породы: черная и белая береза, амурский бархат, растут маньчжурский орех, колючий элеутерококк; густой подлесок и высокая трава создают впечатление сплошных зарослей. Это излюбленное место оленей.

С гребня сопки отлично просматриваются пойма и русло Артемовки до ее впадения в Шкотовский залив — примерно в 12 км от местонахождения древнего поселения. Господствующий летом морской бриз сдувает с гребня комаров и гнус.

В 1960, 1963 и 1965—1967 годах поселение Олений-1 раскапывалось Дальневосточной археологической экспедицией СО АН СССР и Дальневосточным государственным университетом. Первые следы деятельности

человека на Оленьинском холме относятся еще к мезолиту. Настоящее же поселение возникло на нем в неолите, когда здесь существовали жилища с углубленным в землю основанием. Жилища сильно пострадали от деятельности позднейших обитателей, и сохранились лишь частично, так как из-за ограниченности удобного для жизни человека пространства на узкой площадке мыса им приходилось селиться на обжитом уже ранее месте. Поэтому уцелели только отдельные участки жилищ каменного века.

Наиболее многочисленным материалом неолитического поселения является керамика. В целом вся керамика тонкостенная и легко ломается. В изломе видна большая примесь мелких зерен кварца. Поверхность снаружи шероховатая, нелощеная. Внутренняя поверхность обычно покрыта черной пленкой нагара, сквозь которую видны следы лощения. Среди обломков глиняных сосудов имеются фрагменты, украшенные тонким зубчатым штампом. Но вместе с «ими встречаются фрагменты с иным узором, в виде резных вертикальных зигзагов, покрывающих всю или почти всю поверхность сосуда сверху донизу и расположенных параллельно друг другу. Вертикальный зигзаг выполнялся по мягкой глине зубчатым колесиком или выдавливался гребенчатым штампом (с толстыми и с мелкими зубцами).

Форма сосудов простая. Дно плоское, часто с утолщением по краю. Стенки ровные, расширяющиеся кверху. Венчик обычно отогнут, на лепной валик с прямыми или косыми насечками. Есть валики и без насечек. Всего целых или почти целых неолитических сосудов найдено более двух десятков.

Изделия из камня представлены рубящими орудиями, наконечниками стрел, ножами, скребками, скреблами, вкладными лезвиями. Рубящие орудия асимметричные и овальные, в поперечном сечении зашлифованные с большим искусством и тщательностью. Очень часто встречаются орудия из шифера: шлифованные наконечники стрел, копий, ножи. Шлифованные изделия из шифера найдены также на соседнем неолитическом поселении у Кировского. В нем обнаружены, прежде всего, довольно многочисленные отходы производства каменных орудий — отщепы и расколотые гальки. Судя по ним, как и всюду на других неолитических поселениях Приморья, для изготовления мелких орудий широко применялся обсидиан и плотный кремнистый сланец белого или желтоватого цвета.

Крупные орудия выделывались из плотных и тяжелых зеленокаменных пород изверженного происхождения. Самыми характерными вещами в инвентаре обитателей этого поселения были каменные тесла. Все они односторонне выпуклые, то есть асимметричные в поперечном сечении, имеют выпуклое лезвие и слегка суживаются к верхнему концу, служившему обушком. Имелись также шиферные ножи. Один такой

нож характерной формы, в виде буквы Г, неожиданно напоминает ножи, специфические для арктического неолита Скандинавии. Сходные по форме шлифованные ножи из шифера встречались и в других местах Приморья.

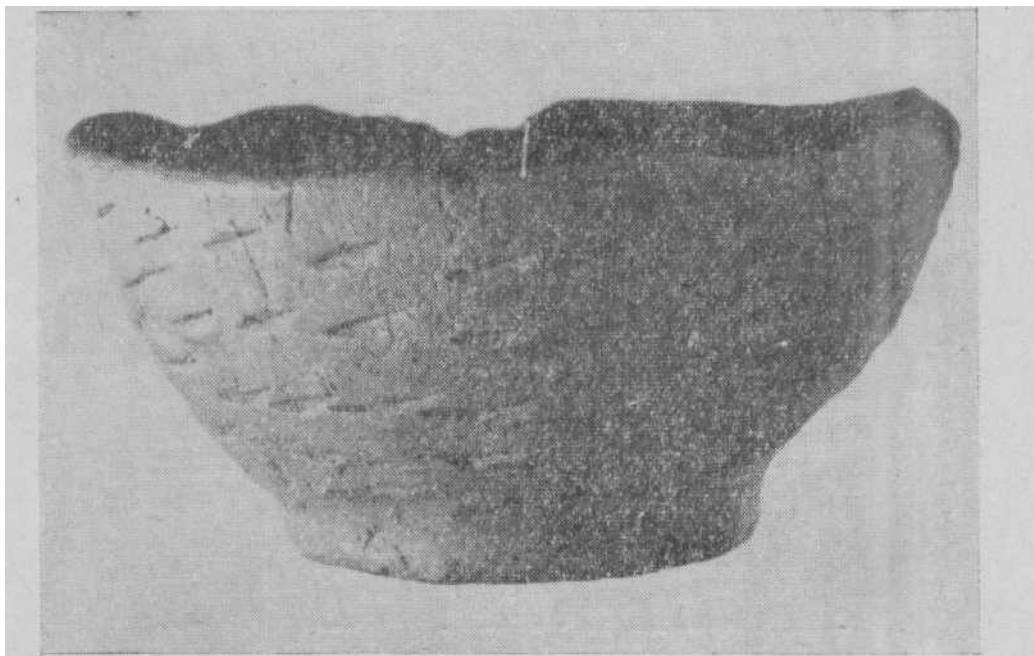

Сосуды из неолитического слоя поселения Олений

Среди обломков глиняных сосудов имеются фрагменты, украшенные тонким и изящным штамповым орнаментом. Но вместе с ними встречены совершенно иные образцы узоров — в виде резных вертикальных зигзагов, покрывающих всю или почти всю поверхность сосуда сверху донизу, и расположенных параллельно друг другу. Стенки этих сосудов прямые, суживающиеся книзу, дно плоское, узкое. В целом они имели вид как бы широких конусов со срезанной вершиной, служившей дном. Поэтому эти сосуды можно назвать усеченноконическими.

На крайнем юге Приморья к этой же группе поселений относится наиболее богатое находками поселение № 1 в устье реки Гладкой, вблизи поселка Краскино. Это поселение было найдено нами еще в 1953 году, а затем раскапывалось в 1954 и 1956 годах отрядами Дальневосточной археологической экспедиции.

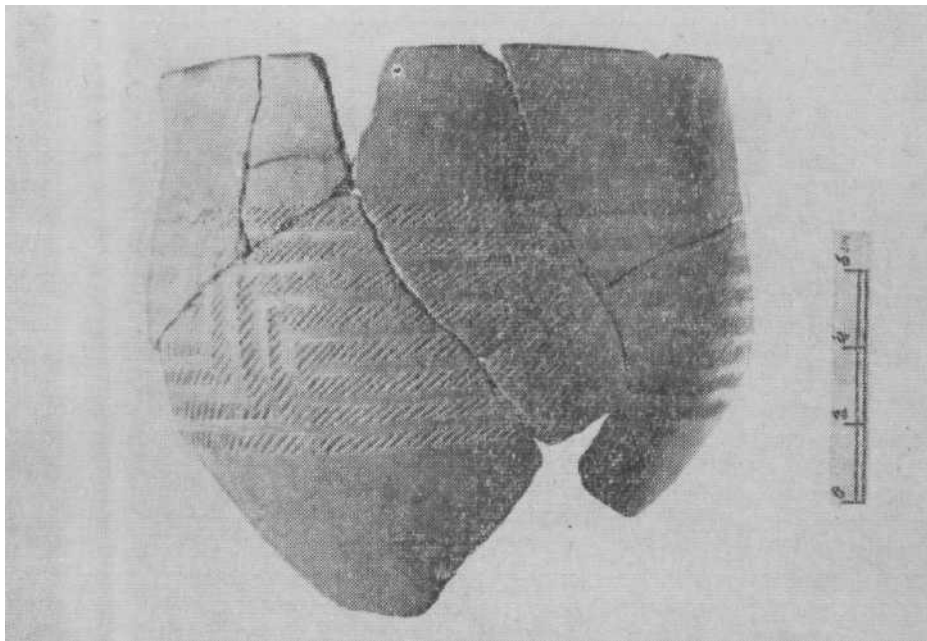
В культурном слое поселения найдены многочисленные и характерные находки: каменные орудия труда, глиняные пряслица, обломки керамики, а иногда и почти целые сосуды. Судя по этим остаткам, обитатели неолитического поселения на реке Гладкой выделывали свои мелкие орудия, как и жители стоянки у поселка Кировского на реке Баталянза, из обсидиана. Крупные же орудия изготовлялись в основном

Фрагмент керамики из неолитического поселения Гладкая

из зеленокаменных сланцевых пород. В отличие от крупных рубящих орудий с поселения у поселка Кировского, найденные здесь изделия этого рода в подавляющем большинстве были не односторонневыпуклыми, а симметричными, в поперечнике имели вид овала. Это были, следовательно, не тесла, а топоры.

Из обсидиана преимущественно выделывались каменные ножи и наконечники стрел. Ножи изготавливались из широких пластинчатых отщепов, у которых один или оба края обрабатывались ретушью, обычно со спинки, но иногда и с брюшка. Некоторые ножи имеют треугольные контуры, и напоминают по очертаниям мустьерские остроконечники.

Фрагмент керамики из неолитического поселения Гладкая

Ретушь при этом часто была очень характерной, так называемой чешуйчатой, то есть такой, когда отжимом снимались широкие плоские чешуйки, параллельные плоскости обрабатываемой пластины.

Обсидиановые наконечники стрел, ретушированные с обеих сторон, чаще всего имеют удлиненнотреугольные очертания и слегка выпуклые длинные стороны. У многих из них имеется выемка в основании. Замечательной особенностью некоторых из таких наконечников является асимметрия жальцев: одно жальце короче, другое—длиннее. Особо выделяются короткие наконечники широких пропорций, с такой же крупной угловатой выемкой и асимметричными жальцами. Встречаются разные виды наконечников: в одних случаях с черешком, отделенным

резким уступом от тела наконечника, в других — почти ромбические, то есть с пологими плечиками.

Керамика поселения на реке Гладкой представлена довольно разнообразными, но вместе с тем поразительно близкими по формам и орнаменту, сосудами. Сосуды эти могут быть разделены на три основные группы. В первую входят высокие и узкие сосуды «баночной» формы с прямыми стенками, плавно расширяющимися от дна к венчику. У некоторых из них венчики совершенно прямые, у других — несколько выгнутые наружу со слегка намечающимся перехватом посередине. Особый вариант этой группы керамики представляют сосуды, более круто расширяющиеся кверху.

Вторая группа сосудов представлена низкими широкими чашами, иногда с легким расширением доньшка к краю. Чаши эти больше всего напоминают пиалу Средней Азии. Венчик их обычно прямой, иногда слегка загнутый внутрь. Есть еще единичные образцы сосудов, у которых стенки загибаются внутрь и общая их форма напоминает в профиле яйцо, обрезанное сверху и снизу. Орнаментация сосудов состоит из широкого орнаментального пояса, охватывающего на низких чашах верхнюю часть сосуда, а на высоких — проходит, несколько отступая от венчика.

Третья группа сосудов отличается от всех остальных большей сложностью своего профиля и богатством орнаментации. Они имеют узкое дно, сильно выпуклое в середине брюшко и суженную шейку. Венчик слегка выгнут наружу. Посередине их обычно проходит орнаментальный пояс в виде меандра. Характерной особенностью последнего является то, что более или менее узкая полоса меандра сплошь заполнена внутри косыми гребенчатыми оттисками. Такое заполнение меандровых полос находится в резком контрасте с гладким, часто лощеным фоном сосуда и придает ему особенно нарядный и как бы торжественный вид.

Каковы главные отличительные черты вещевого комплекса, характерного для поселения в устье реки Гладкой? Как мы видим, в них есть много общего с более древними памятниками, с поселением у зверосовхоза Олений и у поселка Кировского. Вместе с тем, по своему характеру материальная культура обитателей этого поселения кажется уже во многом значительно более развитой, хотя ее основы остаются прежними. Они, как и их ближайшие предшественники, были, главным образом, охотниками и рыболовами. Об этом свидетельствует отчасти даже топография стоянки. Древнее поселение находилось у моря, вблизи устья реки Гладкой. Это позволяло заниматься добычей рыбы в реке и в бухте Экспедиции, сбором «даров моря» — съедобных моллюсков, водорослей, трепангов, крабов, а также охотой на различную дичь, водившуюся поблизости.

Существенно, что среди крупных каменных изделий с этого посе-

ления имеется и одна типичная, ладьевидной формы зернотерка, обладающая характерной шероховатой рабочей поверхностью. Не исключено, таким образом, что здесь, как и в Рудном, уже зарождалось первобытное земледелие. Следовательно, на данном этапе неолитическое население Приморья сделало первый шаг в будущее, к новым формам хозяйства, к производящему хозяйству.

Неолитические жители юга Приморья также не были изолированы от других племен, однако, их культурные связи были направлены не столько на север, сколько на юг Восточной Азии. Таковы, прежде всего, связи с неолитическими племенами Кореи. Связи эти вполне естественны и понятны при географической близости Кореи к югу нашего Приморья. В материалах неолитических поселений Кореи обнаружено много общего с неолитом юга Приморья в области каменного инвентаря: в топорах, в наконечниках стрел, в различных мелких изделиях из обсидиана.

Влияние континентальных культур Азии, несомненно, издавна проникло и в Японию. Могли иметь место и обратные влияния древних культур. Поэтому в неолите Японии тоже обнаруживается много общего с неолитом юга Приморья и Кореи. Очевидно, в Южном Приморье, Корее и Японии жили с давних пор находившиеся в близком контакте, и, вероятно, родственные племена.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЧАСТИ ПРИМОРЬЯ

Между крайним югом Приморья и его севером, страной гор и безбрежной тайги, лежит Приханкайская равнина, окруженная горами, прорезанная долиной р. Раздольной и реками верхней части бассейна Усури. Она примыкает к Маньчжурии, где издавна находились крупные культурные центры древности. В Приханкайской равнине повсюду видны многочисленные и богатые следы высокой культуры.

Одним из самых древних неолитических памятников в районе г. Усурийска и озера Ханка представляют находки, залегающие во втором сверху культурном слое на Осиновском холме, в толще желтовато-серого подзолистого суглинка. Никаких следов жилищ типа землянок, с углубленным в землю основанием, здесь проследить не удастся. Жилища, по видимому, были наземными, типа шатра или шалаша, об этом говорит очаг правильной круглой формы, тщательно сложенный из кусков гранита. Между камнями этого очага, над ними и рядом с ними оказались многочисленные обломки сосудов, а также изделия из камня.

Находившиеся в употреблении у обитателей этого поселения довольно крупные по размеру глиняные сосуды были украшены вдоль венчика одной широкой орнаментальной полосой. Она состояла из симметрично расположенных в шахматном порядке четких вдавлений-ямочек фигурной

формы. Чаще всего встречаются ямки ромбической формы: одни с гладким дном, а другие — с круглой маленькой выпуклостью посередине, выступающей до уровня фона. Такие узоры особенно нарядны и эффектны. Иногда встречаются расположенные в том же строгом порядке узкие овальные ямки. Лучшие образцы этого орнамента обнаруживают все черты орнаментальной имитации плетенки. Общая форма сосудов из Осиновки остается неизвестной. Но ясно одно: она была очень простой. Стенки сосудов вверху были прямыми. Они плавно, без перебогов и переломов, суживались книзу. Дно могло быть узким, плоским или даже заостренным. К сожалению, обломков днищ не найдено, и поэтому уверенно восстановить их нельзя.

В распоряжении жителей Осиновского неолитического поселения был довольно разнообразный инвентарь. Свои шлифованные топоры они делали из относительно мягких зеленокаменных пород, хорошо поддающихся обработке, оббивке и шлифованию. Их характерной чертой является выпуклое лезвие и симметричная форма в сечении. В поперечнике они в виде овала, иногда с приостренными концами (миндалевидное сечение). Такую форму имеют как большие орудия, явно служившие топорами, так и маленькие, длиной всего лишь 6—7 см, применявшиеся для изготовления посуды и других деревянных изделий.

Мелкие каменные изделия иногда выделялись из таких же зеленокаменных пород, но чаще из обсидиана, кремнистых сланцев или вулканического туфа. Это были, прежде всего, наконечники стрел или дротиков типично неолитической формы, обработанные тонкой отжимной ретушью с обеих сторон. Наконечники дротиков и стрел имели удлиненноовальные очертания. Они расширены в нижней трети и суживаются к острию. Есть и обломки широких, плоских клинков листовидной «солотрейской» формы, тоже расширенные в нижней трети. Такие клинки могли служить, в зависимости от длины рукоятки, и наконечниками боевых копий, и клинками мужских ножей, и кинжалов для разделывания туш убитых зверей.

На образ жизни и занятия того древнего племени континентальной части Приморья, культурные остатки которого обнаружены в Осиновке, указывает расположение поселения около небольшой речки. В ней жители поселения могли ловить рыбу. Река была тогда значительно больше и многоводнее, чем теперь. Не меньшее, а вероятно, большее значение в их жизни имела охота, на что указывают каменные наконечники стрел, копий и клинки ножей. Костей домашних животных не найдено. Нет и следов земледелия. Важное место в хозяйстве, наряду с охотой, занимало собирательство, которое давало растительную пищу, необходимую человеку, в виде ягод, съедобных корней, дикого винограда, кедровых орехов, орехо-лещины — словом, все съедобное, что может дать человеку богатая приморская тайга.

В общем, культура обитателей Осиновского неолитического поселения во многом напоминает культуру северных, руднинских, племен. Особенно наглядно видно такое сходство в украшающем обломки глиняных сосудов орнаменте в виде плетенки, а также в широком употреблении наряду с обсидианом кремнистых пород камня для изготовления мелких каменных изделий. Это была, очевидно, культура, близкая по уровню развития и родственная культуре северных племен.

Но в том же районе, около г. Уссурийска, оказались еще два памятника, давших резко отличный материал. Первый такой памятник — древняя стоянка на Сенькиной Шапке, скалистой сопке, представляющей собой естественную крепость, которая господствует над широкой низменной долиной реки Раздольной.

Здесь оказались следы, по-видимому, трех исторических периодов жизни человека.

Наиболее древние культурные остатки представлены кремневыми и обсидиановыми наконечниками стрел, отщепами, а также шлифованными каменными изделиями — теслами и наконечниками. Тесла, найденные на Сенькиной Шапке, отличаются значительной величиной. Но они не массивные, как те тесла, которые постоянно встречаются на неолитических поселениях Приморья, а плоские и трапециевидные, поперечное сечение их напоминает линзу или чечевицу. Из предметов украшения обнаружен обломок широкого плоского кольца из белого нефрита.

Особенно интересна керамика, представленная обломками сосудов цилиндрической или воронкообразной формы, с узким днищем и прямыми, плавно расширяющимися сверху стенками, покрытыми елочным узором, выполненным оттисками широкой многозубчатой гребенки или зубчатого колесика, подобный тому, который наблюдается в неолитических поселениях на Амуре и в Маньчжурии.

Очень своеобразен фрагмент сосуда, орнамент которого тоже близко напоминает орнаментику нижеамурских сосудов, украшенных криволинейными узорами, фон которых заполнен сплошными оттисками зубчатого штампа, а сам рисунок оставлен гладким. Часть такого рисунка и сохранилась на черепке с Сенькиной Шапки. К тому же слою должны быть отнесены и обломки курантов для зернотерок, совершенно таких же, как и зернотерки из Руднинского поселения и из некоторых неолитических поселений соседней Маньчжурии, бассейне реки Муданцзян, а также из района Сайн-Шанда в Монгольской Народной Республике. Куранты эти узкие, полулунной формы, рабочая поверхность их скошена характерным образом на одну сторону.

Можно предполагать поэтому, что на месте древнейшего неолитического поселения, близкого поселениям севера Приморья, здесь со временем, в том же неолитическом периоде, появляются иные племена.

ПЛЕМЕНА ПРИМОРЬЯ И ПРИАМУРЬЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Одним из самых сложных вопросов археологии и древней истории Дальнего Востока является вопрос о времени появления на этой территории металла и о характере местного бронзового века в целом. Большинство ученых XIX — начала XX века склонялось к мысли, что металл и изделия из него проникают на территорию Приморья и Приамурья сравнительно позднее, а местная металлургия вообще отсутствовала. А. В. Елисеев отмечал, что на этой территории не найдено вещей и орудий, сделанных из бронзы. Весьма вероятно, писал он, что собственно в Уссурийском крае бронзового века не существовало [198].

Подобной же точки зрения придерживался и В. К. Арсеньев, предложивший периодизацию древних культур Уссурийского края, в которой не оказалось места для бронзового и железного веков [199]. Он выделяет этап «Борьбы культурных маньчжурских племен с древнейшими обитателями страны XII века». Тем самым он поддержал тезис, выдвинутый А. В. Елисеевым и другими исследователями, полагавшими, что в Приморье в I тысячелетии н. э. наряду с племенами, находившимися полностью в условиях каменного века, жили тунгусо-маньчжурские народы, знавшие железо и занимавшиеся земледелием. В. К. Арсеньев писал: «Бронзовый век отсутствует совершенно. Сразу появляется на смену железо. Каменные орудия долго еще держатся вместе и сопутст-

вуют ему до периода запустения» (вплоть до XIX столетия — А. О.).

А. В. Гребенщиков относил даже племена мохэ к каменному веку [10]. Палладий Кафаров переданный ему шлифованный топор также относил ко времени существования племен, живших на этой территории со II тысячелетия до н. э. вплоть до конца I тысячелетия н. э. Он писал, что «эта находка тем любопытнее, что разрешает вопрос о знаменитых каменных наконечниках стрел, которые выделывали древние обитатели Маньчжурии — сушени и их прямые потомки — илоу, уги и мохэ, начиная с древних времен до XII века по Р. Х.» [201].

За последние годы в результате больших по масштабам раскопок многие вопросы, связанные с освоением металла на Дальнем Востоке, получили более основательную разработку.

Первостепенное значение в этом плане имеют памятники, которые датируются вторым тысячелетием до нашей эры, когда в соседнем с Дальним Востоком Забайкалье и Китае возникают культуры бронзового века, иньская — в долине реки Желтой, глазковская — в Прибайкалье, «культура плиточных могил» — за Байкалом, связанная в своих истоках с древней металлургией Монголии, Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европы. Что же происходило тогда в Приморье, а также на Среднем и Нижнем Амуре? Об этом могут дать представления поселения, раскопанные в этих районах Дальнего Востока, свидетельствующие о существенных переменах в жизни местных племен по сравнению с предшествующим неолитическим временем. Наиболее ранними из них в Приморье являются поселения у поселка Кировского, около Артемгрэса, в пади Харина, в бухте Средней, на острове Пуятина.

В районе Артемгрэса, около поселка Кировского, в 1953 году было обнаружено большое поселение, на котором собраны образцы древней керамики и каменные изделия неолитического типа. Поселение находилось под западным склоном возвышенности, опускающемся к озеру как бы широким амфитеатром. Со стороны речки Баталянзы склон возвышенности обрывается крутым уступом высотой до 10—15 м. С запада склон возвышенности переходит в ложбину, по которой еще и теперь временами струится ручей с чистой прозрачной водой. Здесь же в любое время можно достать чистую пресную воду из небольшого источника, скрытого среди кустарника. Из этого ручья и источника, несомненно, и пользовались водой жители древнего поселка.

Людей привлекало сюда, очевидно, как обилие рыбы, дичи, наличие чистой пресной воды, так и благоприятный микрорельеф.

Во время раскопок на более широкой площади были выявлены бытовые комплексы, относящиеся к двум хронологическим этапам: раннему неолиту и более позднему времени — II тысячелетию до н. э.

После снятия верхнего пахотного слоя на 25—30 см и горизон-

тальной зачистки подстилающего его слоя, выяснилось, что к первому комплексу относятся углубления различной глубины и размера — остатки неолитических жилищ и хозяйственных ям, заполненных серой гумусированной щебенкой и прорезавших материковый желтый слой; ко второму относятся остатки более позднего большого жилища с раздавленными глиняными сосудами, зернотерками и курантами. Оно было обнаружено по характерному для него слою черной углистой земли, который в южной части жилища появился на глубине 25—30 см от дневной поверхности под пахотным слоем и слоем темной гумусированной щебенки с суглинком; в нем находились многочисленные обломки глиняных сосудов, которые резко отличались от неолитической керамики своей формой, тестом и отсутствием орнамента.

При дальнейшем исследовании оказалось, что здесь находилось древнее жилище, которое залегало над остатками более древнего, неолитического жилища, ориентированного длинной осью с севера на юг. Его размеры, судя по уцелевшим остаткам, — 8х9 м.

Очагов в жилище было два, в середине и сбоку, в южной части жилища, оба очага имели вид жженой земли. Основная масса находок сосредоточена по периферии жилища и у его стенок. Здесь могли быть нары или своего рода полки, на которых стояли глиняные сосуды, наполненные зерном или кашей. Здесь же лежали зернотерки и куранты к ним. На этом же месте обнаружена обгорелая скорлупа маньчжурского и кедровых орехов и зерна проса. Вместе с зернотерками лежали камни с выдолбленными в них лунками. Камни такого рода, вероятно, могли применяться для добывания огня. Словом, на краю жилища шла основная хозяйственная жизнь обитателей поселка. Существенно при этом, что сосуды, зернотерки и куранты группировались характерным образом — группами, в каждую из которых входили несколько сосудов, плита-зернотерка, курант, а также и другие вещи, дополнявшие этот комплект: каменный топор, пряслице, отщеп или нож. Два таких комплекта бытовой утвари помещались рядом друг с другом, вдоль северных нар; третий — вдоль южного края. Четвертый комплект, судя по наличию остатков одного раздавленного глиняного сосуда и одного целого куранта, мог помещаться у восточной стенки.

Такое расположение находок, возможно, свидетельствует об общественных отношениях, сложившихся в это время. Под одной кровлей, по-видимому, жили три-четыре семьи, связанные близким родством, но ведущие обособленное, самостоятельное хозяйство.

Очень важно, что жилище было оставлено его обитателями внезапно. Об этом свидетельствуют брошенные на месте целые сосуды и каменные топоры, зернотерки и куранты к ним.

В одном сосуде найдены остатки каши. Жилище было сожжено, во время пожара его крыша и стены рухнули и завалили внутреннюю

часть дома, в том числе сосуды и зернотерки, остававшиеся на своем месте.

Другое поселение, которое относится к тому же времени и тоже несет следы разрушения и пожара, расположено в пади Харинской.

Вершина пади, где расположено это поселение, находится к востоку от озера Ханки, в 12,5 км от села Комиссарово. Здесь, в живописной холмистой местности, покрытой лесом, сходятся две пади. Первая имеет направление с востока на запад. Она широкая и плоская, поросшая густой травянистой растительностью и кустарником. По дну ее в дождливое время протекает небольшой ручей, пересыхающий в сухие летние месяцы (что, впрочем, бывает редко). Вторая падь, верховья которой вплотную подходят к верховьям первой, отделена от нее только небольшим перевалом — падь Харинская. Верховье ее поросло девственным лесом, в том числе не только широколиственным, но и соснами, расположенными группами на живописной скалистой сопке. По ней также струится ручеек с чистой хорошей водой, а в верховье имеются болотце и озеро, из которых берет начало этот ручей.

На водоразделе между двумя падами возвышается одинокий холм, сплошь поросший густым девственным лесом. Его высота над перевалом водораздела достигает 80—100 м, склоны крутые, особенно со стороны пади Харинской, где выступают обнажения гранита. Вершина холма почти плоская, лишь слегка наклонная к югу и западу. С нее открывается вид на соседнюю с востока сопку, на которой видна живописная скала. На западе возвышается хребет Синий — действительно всегда окутанный голубой дымкой. На Синем хребте издали видны выходы гранита, образующие величественные скалистые башни, стены и ущелья. Именно здесь, в глубине падей, посреди первобытной уссурийской тайги, под прикрытием высоких сопок и разместился некогда древний поселок, состоявший из многочисленных жилищ-полуземлянок с углубленным в землю основанием. Полуземлянки, плотно примыкавшие друг к другу, прослеживаются небольшими, еле заметными, расплывчатыми углублениями на самой возвышенной и ровной части площадки холма, обращенной к пади Харинской. Но древнее поселение занимало и соседнюю, полого понижающуюся к западу часть вершины холма. Общее число этих впадин должно достигать, видимо, нескольких десятков. С северо-запада граница поселения отмечена довольно глубоким, хотя и заросшим рвом. Глубина рва, частично прорытого, должно быть, в скалистой толще, достигает 1 м, при ширине от 2 до 2,5 м и длине 6—8 метров.

Всего здесь вскрыты остатки пяти жилищ. Они помещались одно за другим вдоль гребня сопки, с севера на юг, на восточной части небольшой узкой площадки, обращенной к пади Харинской. Древние жилища были плотно пристроены друг к другу и разделялись узкими

перемычками или каменными стенками. Жилища находились и на **Нераскопанной** части площадки, о чем свидетельствуют находки обломков глиняных сосудов в ряде мест. Кое-где на вершине сопки Харинской и на ее поверхности прослеживаются следы ям-западин. Таковы, например, легкие, еле заметные углубления-впадины на западном склоне возвышенности, где они расположены, по-видимому, тоже в ряд почти параллельно первому «ряду» жилищ. Есть они и далее, на север, по направлению к скалистой северной части сопки, ограниченной обрывистым-уступом.

Пол жилища поселения в пади Харинской

Интересно наличие рва на северной оконечности вершины сопки, обращенной к седловине между распадками, по которой доступ к поселению был всего удобнее. По этой же седловине и теперь проходит дорога через падь Харинскую. Поэтому не случайно жителями поселка была укреплена рвом именно эта доступная часть возвышенности.

Древнее поселение на сопке Харинской представляло собой типичный общинный поселок, население которого жило единым хозяйственным и общественным родовым или племенным коллективом.

Все жилища поселка, судя по уцелевшим их остаткам, имели углубленный в землю пол, и были отделены от окружающего пространства крутым, первоначально, должно быть, вертикальным уступом, «плечиками», высотой до полуметра.

Существенно, что с внутренней стороны жилища, вдоль его плечиков, почти повсюду, где она не подвергалась размыву, видна темная углистая полоса шириной около одного метра. Полоса эта, обычно утолщавшаяся к стенке котлована и выклинивавшаяся к его середине, могла образоваться только из сгоревшего дерева. Может быть, это были части упавших сгоревших стен, а может быть, и нары. Сразу же за этой углесто-землистой полосой прослеживались ямы для столбов диаметром в среднем около 15—20 см. Они размещались с небольшими интервалами. Это дает право предполагать, что они удерживали снаружи деревянную облицовку стены котлована, а выше находилась такая же верхняя стена — надстройка.

Очертания оснований жилищ в плане приближаются к более или менее правильной окружности. Они представляют собой типичные полуземлянки, то есть жилища с углубленным до 60 см в землю основанием и с надземной конструкцией, которая поднималась выше плечиков, нужно думать, по крайней мере еще на 1,5—2 м. Никаких бесспорных следов входа в жилище в виде туннелей или дверей не обнаружено. Не исключено, что в них входили через дымовое отверстие в середине куполообразной крыши, пользуясь лестницей в виде бревна с зарубками, как это было в старину у коряков и камчадалов.

Внутри жилищ находились очаги, обычно в виде неглубоких прямоугольных ям с вертикальными стенками, а в одном случае в виде каменной печи, основанием которой служил такой же прямоугольный в плане ящик из каменных плит. Пол жилища был ровным, может быть, слегка покатым к востоку, соответственно общему наклону площадки возвышенности.

Общий облик инвентаря и характеризуемой им материальной культуры всех жилищ одинаков.

В инвентаре этого поселения хорошо прослеживаются как архаические черты, так и новые, свидетельствующие о наступлении эпохи металла.

В Приморье уже в конце III тысячелетия до н. э. шлифованные орудия начинают постепенно вытеснять ретушированные. В пади Харинской найдено большое количество шлифованных наконечников, стрел, ножей, тесел. Но наряду с шлифованными изделиями из темного плотного сланца встречаются отщепы и грубые бесформенные нуклеусы.

Из рубящих орудий на поселении найдены топоры и тесла. По форме они различны. Среди них выделяются архаичные овальные и круглые

в поперечном сечении и более поздние — прямоугольные. Рубящие орудия тщательно зашлифованы по всей поверхности.

Наконечники стрел сделаны из темного плотного сланца и также зашлифованы. Они длинные, узкие, с насадом. Ножи овальной или треугольной формы с выпуклым рабочим лезвием. Противоположный рабочему лезвию край, как правило, прямой, и в нем имеются одно-два отверстия, посредством которых ножи крепились к деревянной или костяной основе. Большая их часть применялась, по-видимому, для жатвы: некоторые из них по форме напоминают серпы. О земледелии свидетельствуют также куранты и зернотерки, которых встречено на поселении значительное число. Зернотерки — больших размеров плиты из песчаника или мелкозернистого гранита. Куранты — плоские, хорошо зашлифованные с одной стороны каменные валики. Встречаются на поселении и сегментовидные куранты.

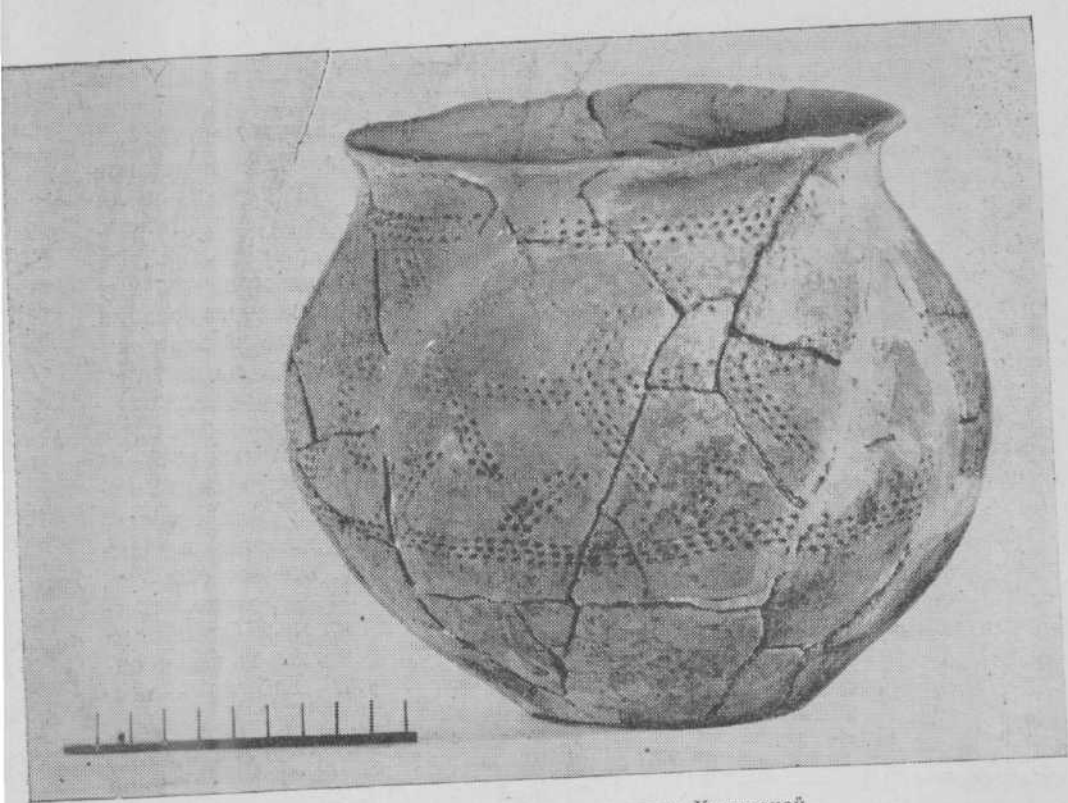
Много на поселении найдено пряслиц. Они делались из глины. Форма их различна: в виде высокого усеченного конуса и более плоские. Отверстия в суженной части у них как продольные, так и поперечные. Встречаются пряслица менее сантиметра в диаметре. Скорее всего это детские игрушки, копирующие по форме настоящие. Большое количество пряслиц свидетельствует о развитом ткачестве у обитателей этого поселения.

Среди керамических изделий имеются также плоские глиняные кольца диаметром 3—5 см. Возможно, что они — подражание нефритовым кольцам, которые применялись для украшения одежды. Такие же кольца, как глиняные, так и нефритовые, найдены при раскопках поселения раннего железного века на Среднем Амуре.

Сосуды с этого поселения нескольких типов. К первому относятся сосуды больших размеров, толстостенные, слабопрофилированные. Иногда по шейке они украшались широким наlepным валиком. Ко второму типу относятся хорошо профилированные сосуды с отогнутым венчиком, выпуклым туловом и узким дном. Третий тип составляют баночные сосуды небольших размеров. Имеется также несколько небольших сосудиков баночного типа с выступом-ручкой по краю венчика. Это были, по-видимому, льячки. Их наличие свидетельствует о знакомстве обитателей этого поселения с новым материалом для изготовления орудий труда — бронзой. Металл обитатели этого поселения уже знали, но он был еще большой редкостью, и поэтому они делали имитации из камня в подражание бронзовым оригиналам.

Об этом же свидетельствует наличие шиферного наконечника копья, подражающего по форме металлическим бронзовым, и каменной полусферовидной блестяшки с ушком на вогнутой стороне, имитирующей бронзовый оригинал.

Таким образом, поселение в пади Харинской можно сблизить по

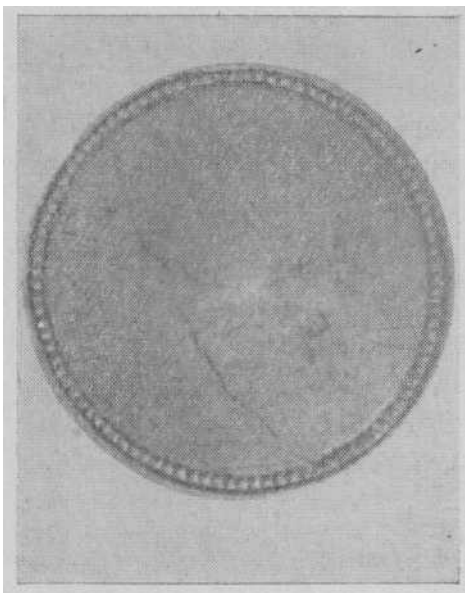
Сосуд из поселения в пади Харинской

времени с памятниками бронзового века в соседней Монголии и Юго-Восточной Азии, относящимися ко II тысячелетию до н. э. (1500—1000 годы до н. э.).

К тому же времени, что и поселение у поселка Кировского и в пади Харинской, относятся памятники в бухте Средней в Приморье.

С восточной стороны в бухту впадает небольшая речка. Левый берег в устье речки имеет вид невысокого мыса, плавно опускающегося к морю. На этом мысе в трех пунктах обнаружены древние поселения, состоявшие из жилищ с углубленным в землю основанием, полуземлянок. В них обнаружены обломки сосудов, каменные изделия.

Среди найденных в жилище фрагментов керамики можно реконструировать два сосуда. Первый сосуд со слегка отогнутым венчиком, прямым горлом и хорошо профилированным туловом. Стенки его покрыты резным орнаментом в виде ромбической сетки. Второй сосуд

Каменная бляшка из поселения в пади Харинской

шаровидной формы с резко отогнутым венчиком, украшенный наlepным валиком по тулову и венчику сосуда. Валики вставлены в тонкие прочерченные линии. Сосуд тонкостенный, краснoлoщенный.

Отщепы невыразительные, из темного кремнистого сланца. Грузила, найденные в этом жилище, изготовлены из круглых овальных галек мелкозернистого гранита, с желобками, опоясывающими гальки по всей их окружности. Тесло из темно-зеленого кремня небольшого размера, прямоугольное в поперечном сечении, все его стороны, особенно рабочее лезвие, тщательно зашлифованы. Отбойники в виде удлинeнных галек с одним или двумя забитыми концами.

В 1,5 км от первого пункта, неподалеку от берега моря, обнаружено второе жилище. В северной части этого жилища находилось скопление каменного инвентаря: несколько грузил, мотыжка, курант, фрагменты сосуда, отщепы. Все находки лежали компактно в небольшом углублении, которое выделялось своим более темным гумусированным заполнением.

Фрагменты керамических сосудов тонкостенные, покрыты красной краской и украшены преимущественно наlepными валиками или комбинациями из прочерченных линий.

Основным занятием обитателей этого поселения, судя по находкам, было рыболовство и земледелие. При раскопках найдено более десятка грузил двух типов: обычные плоские речные гальки, с выбоинами на двух противоположных концах, и округлые гальки крупных размеров с вышлифованными желобками. Мотыжек — шесть. Три из них плечиковые. Мотыжки изготовлялись из плотного сланца или мелкозернистого гранита. Края их оббиты, рабочее лезвие иногда пришлифовывалось. В карьере, где брали для дороги строительный материал, прослежена западина третьего по счету жилища. Заполнение его — светло-коричневая супесь, которая переходит постепенно в темную. Пол жилища ровный. Здесь найдены фрагменты хорошо профилированных

Глиняное изображение человека из поселения Синий Гай

тонкостенных сосудов, покрытых красной краской, отщепы -и готовые изделия, в том числе целый, хорошо профилированный, тонкостенный сосуд, украшенный орнаментом из налепных тонких валиков, под которыми прочерчена ромбическая сетка.

Рядом с сосудом лежали сегментовидный курант из мелкозернистого гранита и плечиковая мотыжка, изготовленная из зеленоватого плотного кремнистого сланца.

В целом комплекс, обнаруженный в бухте Средней, очень архаичный. Об этом свидетельствуют двусторонне ретушированные орудия и отщепы. Но в то же время здесь есть краснолощенные сосуды, шлифованные наконечники стрел, прямоугольные и поперечном сечении топоры. Эти вещи сближают поселение в бухте Средней с поселением у поселка Кировского и более поздними памятниками сиди-

минской культуры. Одним из важных памятников позднего неолита и раннего металла в Приморье является двуслойное поселение вблизи юго-восточной оконечности озера Ханка у села Синий Гай. Первыми пришли на этот высокий скалистый холм люди неолитической эпохи. Они оставили в своих жилищах множество разнообразных изделий из камня и кости, а также керамику. Их сосуды были украшены характерным узором из вертикально прочерченных зигзагов.

Но всего интереснее находки в верхнем культурном горизонте Синего Гая. Они свидетельствуют о широком распространении в это время бронзы: жители поселка носили на своей одежде пуговицы полушаровидной формы, характерные для культур бронзового века Восточной Азии и Сибири. Таких пуговиц-бляшек оказалось пять штук. Есть также бляшки двойные и одна трехчастная. Бронзовые ножи, обнаруженные в количестве двух, принадлежат к числу вогнуто-обушковых.

На религию жителей Синего Гая в бронзовом веке бросают свет ритуальные захоронения изюбра и диких свиней. Как сообщает исследователь этого памятника Д. Л. Бродянский, животные убиты стрелами с шиферными наконечниками и погребены рядом с домами, в их моги-

лах найдены бусины и подвески из зубов. У изюбра спилены рога, в могилу положена терракотовая фигурка самки оленя. У одной из свиней на груди находился панцирь из костяных пластин [202]. Возраст этого памятника, скорее всего,— конец второго — начало первого тысячелетия до н. э.

Ряд поселений, относящихся ко II тысячелетию до н. э., найден также в северной и континентальной части Приморья.

Первым таким памятником, который можно отнести ко II тысячелетию до н. э., является поселение на Известковой или Голубиной сопке, в долине реки Артемовки. На самом краю Голубиной сопки, вдоль обрыва, найдены многочисленные фрагменты глиняных сосудов. Среди фрагментов керамики оказалось дно сосуда с многочисленными отверстиями. Такие сосуды в Юго-Восточной Азии употреблялись для приготовления на пару пищи из зерен. Вместе с керамикой в нижнем слое поселения на Голубиной сопке оказались обсидиановые отщепы и шлифованный кож или серп. Отдельно был найден шлифованный топор. Все это показывает, что в континентальной части Приморья в это время жили различные племена, основным занятием которых, судя по найденным на Голубиной сопке обломкам сосуда с отверстиями на дне и шлифовальному ножу-серпу, было земледелие.

Столь же интересны для понимания событий, происходящих тогда на севере Приморья, находки в районе бухты Рудной.

Во время разведки в 1955 году здесь удалось найти серию новых, ранее неизвестных поселений, давших весьма выразительный материал, который освещает происходившие на севере Приморья события сразу же после того, как поздненеолитический поселок на мысе Мраморном прекратил свое существование.

Из этих поселений два расположены вдали от моря, в долине реки, а одно — на самом морском берегу.

Но даже на последней прибрежной стоянке нет, в отличие от обычных поселений с раковинными кучами, скоплений морских раковин. Это, конечно, можно объяснить прежде всего тем, что бухта Рудная неудобна для жизни моллюсков. Она неглубоко вдается в сушу, открыта морским волнам. Еще важнее другое обстоятельство, прямо свидетельствующее о занятии древних жителей земледелием,— на стоянках обнаружено шесть целых и три обломка «плечиковых топориков», то есть мотыжек.

Руднинские «плечиковые топоры» изготовлены из продолговатых галек различных пород — известняка, зеленокаменной брекчии вулканического происхождения, песчаника и сланца. Рукоять и плечики топора оформлены рядом небрежных поперечных сколов, а рабочая часть — лезвие — продольными грубыми сколами с двух сторон. О том, что это именно мотыжки, свидетельствуют их грубая оббивка и тупые лез-

вия. Рубить дерево подобными орудиями было невозможно. Такими мотыжками явно рыхлили землю или расчищали от кустарников площадки для посевов.

Здесь же найдены и превосходно отшлифованные топорики обычного для памятников с раковинными кучами Южного Приморья типа. Это настоящие топоры. Они имеют прямоугольные очертания и такое же прямоугольное сечение. Лезвия топоров очень хорошо обработаны, причем одна сторона лезвия обычно заточена сильнее другой.

Оказались здесь и характерные шлифовальные орудия из шифера: обломки наконечников копий, ножей, рукояти кинжалов, насад копья и большой фрагмент ложа с дырочкой. Среди них имеется широкий листовидный клинок, очевидно, наконечник копья из серого сланца. Посредине пера копья проходит жилка. Она не оканчивается около насада, а продолжается дальше, отчего насад оказывается ромбическим в сечении. Возможно, мастер хотел этим подчеркнуть, что металлическое копье, с которого сделана эта каменная копия, имело втулку.

Судя по обилию грузил простейшего типа в виде галек с выбоинами по краям, которых найдено около сорока, обитатели поселений в районе бухты Рудной занимались рыбной ловлей. Наличие же мотыжек показывает, что в их жизни большое значение должно было иметь и земледелие.

Особое место среди памятников II тысячелетия до н. э. в Приморье принадлежит одному из интереснейших поселений этого времени в бухте Моряк-Рыболов^[203]~].

Бухта Моряк-Рыболов, небольшая по размерам, широко открыта к юго-востоку, вдается в сушу неглубокой плавной дугой. Она ограждена с западной стороны грядой островершинных гор, покрытых кустарником с редким лесом. Такая же горная гряда ограждает бухту с восточной стороны. Берег бухты низкий, песчаный. Горы круто обрываются к морю и к бухте. У самого входа в бухту с моря ее как бы сторожат скалистые останцы «кекуры» с острыми вершинами.

В бухту впадает река Маргаритовка, в устье которой возвышаются два одинаковых скалистых выступа в виде мысов с плоскими вершинами.

С них открывается вид на низменную долину реки Маргаритовки, на окружающие ее с востока возвышенности и на бухту.

На поселении обнаружены шлифованный кинжал из шифера, тесло, квадратное в поперечном сечении, а также основная масса керамики — гладкой, с тонкими стенками и венчиком, оформленным в виде карниза, цилиндрическая каменная бусина и загадочные диски из мягкого камня — «шашки» в количестве 22 штук, а также целая серия пряслиц.

Особенно интересно, что вместе с перечисленными предметами на р. Маргаритовке обнаружены нуклеусы призматического типа, пластины и изделия из них — наконечники стрел и проколки. Как наконечники

стрел, так и проколки оформлены приемами, характерными для древнейших по европейским масштабам еще мезолитическим изделиям из пластин. Так, у них ретушированы только отчасти кончики и основания. Ретушь на некоторых пластинах крутая, почти перпендикулярная обрабатываемому краю. Такие наконечники, в том числе черешковые, а также проколки из пластин, известны и на Японских островах, где они обнаруживаются в комплексах вместе с шлифованными орудиями. Эти японские аналогии подтверждают мысль о том, что пластинчатые наконечники и шлифованный кинжал из шифера, подражающие своей формой бронзовым прототипам, а также загадочные каменные «шашки» и гладкостенная керамика с воротничком-карнизиком у венчика, одинаково принадлежат II тысячелетию до н. э., то есть эпохе раннего металла.

Следует добавить, что поселение было двуслойным, а люди, оставившие описанные предметы верхнего слоя, были не первыми обитателями Маргаритовского холма. Раньше там жили их неолитические предшественники, пользовавшиеся архаическими по типу шлифованными орудиями в виде асимметричных в поперечном сечении тесел. У них были плоскодонные сосуды, украшенные характерным для ранних этапов неолита Амура и Приморья орнаментом в виде плетенки.

Остатки этого раннего поселения были, должно быть, разрушены позднейшими обитателями, которые углубились в почву до скалистого основания и соорудили из выброшенных камней вал.

Ж. В. Андреева и А. В. Гарковик исследовали в 1963 году в районе бухты Ольги 3 памятника с инвентарем маргаритовского типа^[204]. Наиболее выразительная коллекция получена из грота у подножия Синих скал. Грот, глубиной 5 м и шириной у входа 4 м, содержал насыщенный культурный слой мощностью 80 см. В верхней части он перемешан, так как подвергался воздействию воды. Пол грота всего на метр выше уровня воды в старице реки Аввакумовки, и, несомненно, при резком подъеме воды затоплялся. В гроте найдены орудия всех трех типологических групп Маргаритовки: каменные диски, а также грузила из плоских галек, точила, отбойники, костяные орудия — игла, два крючка (?), проколка, цилиндрические бусины, привески из зубов, костяное колечко, глиняные пряслица.

Половину всей керамики из грота составляют горшки с невысокой шейкой, выпуклым туловом и венчиком, оформленным карнизом с насечками. Есть сосуды с резко отогнутым краем венчика, миски с орнаментальным поясом из оттисков «отступающей палочки» или чередований горизонтальных и вертикальных линий. Найдено доньшко с рисунком, имитирующим жилки древесного листа. В придонной части (?) нескольких сосудов имеются сквозные отверстия. Этот керамический комплекс в большей части аналогичен второму типу маргаритовской кера-

мики (венчики с карнизом), но содержит и элементы, свойственные как южноприморскому неолиту (рисунок листа на дне, «отступающая палочка»), так и раннему металлу (резко отогнутый венчик).

Второй памятник ольгинской группы — это известное поселение Синие Скалы, где в течение ряда лет ведет свои исследования Ж. В. Андреева. Здесь, под полом одного из жилищ эпохи позднего железа, обнаружено углубление с более светлым заполнением коричневого цвета. В нем был в основном ранний материал, то есть ретушированные наконечники стрел вытянутой треугольной и листовидной формы, удлинненно-асимметричные ножи (вероятно, 'мустьерские), концевые, боковые и клювовидные скребки, две мотыжки, сегментовидные куранты, пряслица с узкой высокой втулкой. Найдены каменные диски «шашки», прямоугольное в сечении тесло, шиферные наконечники стрел, нож и три обломка кинжалов, в том числе рукоять без перекрестья с небольшим утолщением наверху.

Керамика тонкостенная, с воротничковыми венчиками, украшенными насечками или оттисками гребенчатого штампа. Найдены фрагменты крупного сосуда с широкой и высокой горловиной и резко отогнутым венчиком. Поверхность его окрашена в яркий малиновый цвет, на плечиках черный орнамент. Есть керамика, орнаментированная элементами вертикального зигзага, рядами косых и горизонтальных насечек [205].

В поселке Пермском обнаружено третье поселение. Здесь найдены наконечники стрел, вкладыш, клювовидный скребок [206].

В целом Маргаритовку и памятники Ольгинской группы объединяет разнообразие каменных орудий, сочетающее двусторонне ретушированные и шиферные изделия, а также орудия на пластинах. Столь же широк диапазон керамики: для нее характерны венчики с карнизом (воротничковые) и небольшая примесь крашеной посуды с прямо отогнутыми венчиками. Здесь же представлены едва ли не все типы орнаментации, свойственные как южному (вертикальный зигзаг), так и северному неолиту Приморья (плетенка). Возраст маргаритовской культуры (верхнего слоя) определяется наличием шиферных подражаний бронзовым клинкам и радиоуглеродной датой — 2210±60 лет до н. э. [207]. Исходя из этой датировки, можно с уверенностью отнести к рубежу III—II тысячелетия до н. э. фаунистические остатки из грота у подножия Синих Скал [208]. 84,1% костей млекопитающих из грота принадлежит диким животным: оленю, косуле, кабану, медведю и другим, 15,5% — домашним: свинье и собаке. Из рыб определены красноперка, камбала, минтай, треска, бычки, лососевые.

На нижнем Амуре также выделено несколько поселений, относящихся ко II тысячелетию до н. э. Одно из них расположено на северо-западной окраине села Малышево, на северо-восточном склоне невысо-

кой возвышенности. Часть поселения уничтожена карьером, откуда брали для строительства песок.

Раскопками удалось проследить, что здесь находилось на одном; месте два последовательно сменявших друг друга древних жилища. Верхнее, частично впущенное в нижнее, относилось к польцевской культуре железного века. Нижнее жилище, уцелевшее наполовину, имело большие размеры, и заполнение его достигало в толщину двух метров. В центре жилища находился очаг, сложенный из крупных камней, поставленных на ребро. Внутри очаг заполнен супесью ярко-оранжевого цвета. Рядом с очажными камнями лежало днище крупного сосуда. В юго-западной части этого жилища прослежен настил из обуглившихся кусков дерева. Это были, по-видимому, остатки нар.

Керамика по орнаментике (вертикальный зигзаг, налепные рассе-ченные валики, ромбические вдавления) сближается с обычной неолитической керамикой Нижнего Амура. В каменном инвентаре преобладают старые традиции, характерные для неолита. Имеется много отщепов, часть которых была отретуширована. Найдены также желваки, с которых скалывали эти отщепы. Из готовых орудий труда встречены в жилище наконечники стрел, ножи, топоры, скребки.

Топоры преимущественно небольших размеров, прямоугольные в поперечном сечении, хорошо зашлифованные. Наконечники стрел двух типов: листовидные, обработанные со всех сторон мелкой ретушью, а также шлифованные из темного сланца и удлиненные, с небольшими жальцами, шлифованные, с едва заметным желобком посередине и без него. Ножи выделялись также из специальных заготовок и со всех сторон ретушировались. Скребки древние мастера делали из отщепов. Они были округлой и языковидной формы. Ретушь у них крутая и пологая.

В целом в нижнем комплексе хорошо представлены старые традиции в обработке камня — двусторонняя ретушь, нуклеусы, отщепы. Прямоугольные в сечении топоры, шлифованные наконечники стрел и ножи свидетельствуют о появлении в то время новых приемов в обработке камня.

Описанное жилище замечательно тем, что оно датировано радиоуглеродным анализом. Возраст его 3590 ± 60 лет тому назад.

В жилище не было найдено никаких данных о местной металлургии или употреблении обитателями жилища бронзовых или медных орудий труда. Они жили еще полностью в условиях каменного века. Но, как мы видим, в их культуре уже имеются новые черты, характерные для памятников типа пади Харинской в Приморье.

На Амуре у Хабаровска устанавливается хронологический рубеж между двумя эпохами — временем полного господства каменного века и началом той поры, когда должен был появиться металл. Особый ин-

интерес для истории племен бронзового века на Дальнем Востоке представляют находки на севере, в районе озера Эворон, в Кондоне. Находки эти свидетельствуют о существовании в тех местах своеобразной культуры с широким распространением, по сравнению с другими районами Дальнего Востока, бронзовой культуры. На них следует остановиться поэтому подробнее. В 1963 году при раскопках неолитического жилища в селе Кондоне, в междужилищном заполнении вскрыто компактное скопление необычайных вещей. Сначала были найдены два металлических предмета: бронзовый рыболовный крючок и обломок ножа. Оба изделия были сильно окислены и лежали на небольшом расстоянии друг от друга. Поблизости находился прямоугольный в поперечном сечении шлифованный топор с лезвием, равномерно сточенным с обеих сторон.

Топор такого типа — единственный среди всех рубящих инструментов, найденных на территории кондонского поселения. Он отличен от асимметричных в сечении неолитических тесел и близок к топорам малышевского поселения, а также к теслам янковской культуры Приморья.

Между топором и бронзовыми изделиями при дальнейшей зачистке был обнаружен пест или терочник, изготовленный из продолговатой округлой гальки. У песта массивный и округлый, несколько искривленный нижний конец к более узкой верхней части — рукоятка. Рабочая часть инструмента слегка выпуклая и затертая от употребления.

Рядом с пестом и обломком бронзового ножа найден обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы из кремня, а к северу от него — конический и широкий, небрежно оббитый нуклеус, изготовленный из красноватого кремня или халцедона.

Севернее рыболовного крючка при разработке слоя найдена цилиндрическая каменная бусина белого цвета. Такие же цилиндрические бусины были затем обнаружены в соседнем квадрате. Четыре из них белого цвета и одна черного. Здесь же, рядом с бусинами, лежал бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с насадом. Уровень залегания в слое бусины и бронзового наконечника тот же, что и у рыболовного крючка, обломка ножа и тесла.

Керамика, найденная вместе с бронзовыми изделиями, отличается своей грубостью, небрежностью выделки и своеобразным, по сравнению с неолитическим, орнаментом. Черепки сплошь покрыты квадратными, округлыми или овальными вдавлениями и изредка нечеткими гребенчатыми отпечатками.

Найдены также обломки венчиков сосуда. Они широкие и сильно отогнуты наружу, по внешнему краю украшены вытянутоовальными вдавлениями, а ниже — двумя рядами ногтевидных отпечатков.

Описанные находки представляют собой единый комплекс, относя-

шийся к эпохе бронзы. Это или остаток разрушенного позже погребения, или вещи, оставленные на месте временного становища.

К тому же времени относятся в Кондоне находки Е. Р. Шнейдера в «яме № 2». В ней в 1926 году Шнейдером при закладке шурфа обнаружены довольно многочисленные обломки такой же толстостенной⁵ грубой керамики, орнаментированной налепными широкими валиками, прочерченными косыми линиями.

Целая серия поселений с подобной керамикой была выявлена в 1962 году участниками Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова на реке Эвуре, впадающей в озеро Эворон. Все эти поселения располагаются на высоких песчаных релках, расположенных посреди болотистых низин амурских марей и ориентированных, как правило, поперек реки.

Остатки поселений представляют собой глубокие и довольно обширные по размерам чашевидные углубления-западины, покрытые густым лесом. На одном из этих поселений в обрыве берега вместе с характерными обломками глиняных сосудов оказалась белая каменная бусина цилиндрической формы, такая же, как в Кондоне, и обломок шлифованного орудия из зеленого прибайкальского нефрита — свидетель связей местных племен с таежными областями Восточной Сибири.

Все эти памятники по их распространению в бассейне озера Эворон и на реке Эвуре можно назвать памятниками новой культуры бронзового века Дальнего Востока — эворонской культуры.

Необычный комплекс жилищ был раскопан в 1962 году в 300 м от поселка Сарголь и в нескольких километрах от поселения Кондон. Поселение у поселка Сарголь многослойное, оно расположено на краю трехметровой террасы на правом берегу речки Девятки. С севера поселение ограждается ручейком с чистой ключевой водой. Южнее поселения также протекает небольшой ключ. Нижний слой поселения — неолитический, с керамикой, орнаментированной спиралями.

Каменный инвентарь этого слоя сохраняет многие архаичные черты. Он представлен листовидными наконечниками стрел, полулунными ножами, языковидными скребками. (Ножи и наконечники стрел двусторонне ретушированные. На поселении найдены также шиферные наконечники стрел, ножи, прямоугольные з поперечном сечении тесла. Особый интерес представляет керамика. В то время как вся известная нам неолитическая и более поздняя керамика на Нижнем Амуре представлена плоскодонными сосудами, здесь сосуды круглодонные, украшенные налепными валиками, косыми насечками, ногтевыми и округлыми вдавлениями. По типу эта керамика больше всего напоминает неолитическую и глазковскую керамику Прибайкалья. Такого типа керамика связана, возможно, с проникновением на эту территорию племен с запада и севера — охотников и рыболовов прибайкальской тайги.

В этот же период круглодонная керамика появляется и на Среднем Амуре. В пади Степаниха на высоком берегу Амура, в 20 км выше по течению от г. Благовещенска, рядом с поселением раннего железного века в 1961 году раскопана небольшая площадка с остатками временного жилища, очевидно, чума. На раскопанной площадке встречена круглодонная керамика с налепными валиками, характерная для таежной бронзы Прибайкалья.

К несколько более раннему времени относится поселение в устье реки Анго при впадении ее в Зею. Здесь вокруг очагов расположены отщепы и ножевидные пластины. Некоторые из них отретушированы. В одном слое с каменными изделиями найдены бронзовая бляшка в виде двух кружков, соединенных нешироким перехватом [209]. Еще в одном поселении на реке Зее у села Березовки во время разведки в 1961 году на высоком мысу обнаружен плавильный очаг с остатками шлаков, который относится, по-видимому, к концу II тысячелетия до н. э.

Таким образом, во II тысячелетии до н. э. на Амуре и в Приморье прослеживается существование серии локальных культур, продолжающих традиции предшествующего времени. Во всех этих культурах устойчиво сохраняются традиции местных неолитических культур и абсолютно господствуют каменные орудия труда. Неизменными, в основном, остаются хозяйство, а также образ жизни. В южных районах Приморья по-прежнему существуют поселки земледельцев, обитавших в полуподземных жилищах, как это мы видим на примере поселений в поселке Кировском у озера Батальянза и в пади Харинской, около озера Ханка.

Тем не менее, в жизни и материальной культуре местных племен обнаруживаются новые черты. Возможно, что наряду с земледелием у некоторых из дальневосточных племен впервые складывается и вторая важнейшая отрасль производящего хозяйства — свиноводство.

Что же касается материальной культуры, домашней утвари, то в этой области новые черты определеннее всего выступают в керамике.

В Приморье на смену старым усеченноконическим сосудам появляются сосуды новых форм, с выпуклыми, почти шаровидными боками и узким горлом. Изменяется и обработка их поверхности: широко распространяются краснолощенные, иногда даже расписанные черным по красному сосуды. Топоры, как правило, прямоугольные или квадратные в поперечнике. Вместо прежних, оббитых и ретушированных, распространяются шлифованные шиферные клинки ножей и наконечников. Формы последних не оставляют сомнения в том, что, выделявая из шифера свои наконечники, ножи и кинжалы, местные мастера в ряде случаев определенно стремились передать в камне формы вещей, изготовленных совершенно из иного материала — металла.

В Приморье найдены и такие кинжалы и наконечники, которые в ряде случаев являются настоящими двойниками своих металличе-

ких образцов. Сравнивая шиферные изделия из Приморья с металлическими, нетрудно угадать оригиналы, по которым изготовлены местные копии.

В конце II тысячелетия до н. э. такими образцами для подражания в Приморье служили кривые ножи и кинжалы карасукского типа, употреблявшиеся в степных областях Евразии еще в XIII—XII веках до н. э. К ним же относится шиферный наконечник, найденный в долине реки Осиновки. У него массивный, круглый в сечении насад, который явно имитирует втулчатые насадки-трубки бронзовых наконечников копий сейминско-турбинского типа³⁷ и близких к ним наконечников более поздних этапов бронзового века Восточной Европы и Сибири.

В Хабаровском музее хранятся три изделия древних форм, но не шиферные, а бронзовые: наконечник копья с широким листовидным пером и втулчатый насадом, напоминающий по общей форме наконечники копий сейминского типа и иньские наконечники³⁸, и два очень узких тесловидных кельта. Судя по их форме, эти вещи входят в группу чисто дальневосточных кельтовидных инструментов, для которых характерны удлиненные пропорции и квадратная в сечении втулка, а также, что особенно характерно, оформленная в виде широкой гладкой муфты или пояса верхняя часть^[216]. Как показал И. Г. Андерсон, втулчатые орудия, изготовленные из железа, но аналогичные по форме бронзовым кельтам, до сих пор употребляются китайскими столярами и плотниками в Хубэе и в Хэнани, где их называют «бэнь»^[211]. Они употребляются с характерной коленчатой рукоятью. Бронзовые кельты такого рода, особенно же самые узкие из них, тоже служили, вероятно, плотничьими инструментами, то есть заменяли топоры и стамески.

В 1956 году З. В. Шавкуновым была найдена вблизи устья реки Раздольной, в районе Тавричанки, вместе с различными каменными изделиями и керамикой янковской культуры, половинка небольшого зеркала, отлитого из меди или бронзы. Зеркало тонкое с одной стороны, как обычно, плоское, тщательно отшлифованное. На другой его стороне имеется небольшое массивное ушко в виде петельки, окруженной, вероятно, для прочности, квадратной рельефной каймой в виде узкого невысокого валика. Ободок зеркальца также со стороны ушка слегка утолщен. Диаметр зеркальца равен 5,7 см. Одинаковые по типу металлические зеркала встречаются в Сибири. Они относятся к числу простейших и наиболее древних зеркал бронзового века; в Сибири — к андроновскому и карасукскому этапам бронзового века Красноярского края. Близкие к ним по форме зеркала известны и на Ангаре, где они могут быть отнесены к ширерской стадии бронзового века Прибайкалья, следующей по времени за глазковским этапом. Бронзовое зеркальце из Тавричанки, следовательно, является одним из самых древних металлических предметов, найденных в Приморье.

Изучение форм этих бронзовых вещей показывает, откуда они происходят, где находятся источники, откуда шло первое ознакомление приморских племен с металлом. Первый такой источник — соседние с Приморьем степи.

В бронзовом веке, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э., степные пространства к востоку от Байкала, в Забайкалье, верховьях Амура и Монголии, вплоть до южных областей Гоби и Ордоса заселяли многочисленные скотоводческие племена, разводившие лошадей, коров и овец.

Степные племена бронзового века в Забайкалье и Монголии, оставившие после себя многочисленные плиточные могилы, обставленные вертикально торчащими плитами гранита и сланца, находились в близкой связи также и с южносибирскими племенами, а через них и со скифо-сакскими народностями Средней Азии и Восточной Европы. У них были во многом сходные по форме бронзовые орудия труда, такое же оружие и близкое по стилю искусство^[212]. Из всех степных племен эти племена Забайкалья и Монголии были наиболее близкими соседями жителей Дальнего Востока. Вместе с тем именно на их территории, по Онону и Аргуни, в рудных горах Восточного Забайкалья находились залежи цветных металлов, в том числе оловянного камня, производилась разработка руды и выплавка металла^[213]. Рудные сокровища Забайкалья служили той базой, на которой зародилась и развивалась, начиная еще с половины II тысячелетия до н. э., бронзовая культура степного Востока, оказавшая значительное влияние на развитие бронзолитейного дела в Китае. По крайней мере, на такое влияние указывают найденные при раскопках в Аньяне ножи с навершием в виде звериных голов и даже, по-видимому, головы лося.

Столь же близко к Приморью были расселены скотоводческие племена соседней Маньчжурии и Восточной Монголии. Эти племена были ближайшими соседями земледельческих общин эпохи неолита и бронзы, обитавших в долине реки Желтой и южнее ее, где позднее возникло государство Инь. Несмотря на столь близкое соседство, они имели свою собственную культуру, свое особенное культурно-этническое лицо.

В них следует видеть, вероятно, предков позднейших монгольских народностей, известных в летописях под именем дунху.

История их культуры в древнейшие времена разделяется на два больших этапа, каждый из которых характеризуется определенным своеобразием. В Жэхэ у Чифэи древняя неолитическая культура с характерными для нее многочисленными мелкими кремневыми и крупными шлифованными орудиями, воронкообразными и расписными сосудами, принадлежавшая земледельческим племенам, со временем сменяется новой, в основном уже скотоводческой культурой.

Памятники, родственные этой второй доисторической культуре в

Чифэне — поселения и могильники, — распространены в Жэхэ и в соседних районах достаточно широко. Все они принадлежат племенам, уже находившимся на .ступени бронзового века, у которых были в употреблении бронзовые кельты, аналогичные по форме и орнаментике карасукским кельтам Южной Сибири, украшенным выпуклыми поперечными полосками-валиками в верхней части [21]. О том, что такие кельты отливались на месте, свидетельствуют каменные литейные формы. Из металла изготовлялись также длинные плоские ножи, простые украшения из медной или бронзовой проволоки в виде спирально свернутых височных колец, черешковые наконечники стрел, аналогичные иньским наконечникам, выпуклые пуговицы с петелькой на вогнутой стороне, аналогичные пуговицам, распространенным в степной полосе Забайкалья, Южной Сибири и Восточной Европы. Из камня выделялись сверленные топоры, близко напоминающие по форме сверленные боевые топоры-молоты из Западной Сибири и Европы, и возможно, указывающие на какие-то западные связи.

Керамика в поселениях и могильниках Чифэна этого времени делится на две группы: краснолощеную и с текстильными, или «веревочными», оттисками на поверхности. Все сосуды — ручной лепки. Среди них имеются типичные триподы-ли³⁹, а также шаровидные сосуды с высоким и низким стоячим горлом, сосуды на высоких поддонах, блюда или чаши с прямыми стенками.

Люди этой культуры хоронили умерших в похожие на плиточные могилы каменных ящиках, составленных из торцевых плит и блоков, впущенных в грунт и перекрытых сверху каменной выкладкой. При мужских костяках в этих могилах найдены наконечники стрел, при женских — украшения в виде бус <и височных колец. В могилах найдены глиняные сосуды, в том числе триподы-ли, а также кости собак, оленя, свиньи, овцы, домашнего быка. Костей лошади в могилах найдено не было, но они оказались в культурном слое поселения. Таким образом, люди, оставившие эти памятники, разводили домашний скот, но, вместе с тем, они, надо думать, занимались кроме скотоводства и земледелием.

Возраст второй доисторической культуры Чифэна определяется кельтами карасукской формы и наконечниками стрел, аналогичными наконечникам из иньских памятников. Ее можно, таким образом, датировать временем около XV—X веков до н. э.

Связи со степными областями Азии—Забайкальем, а также Монголией,— нашли, как мы видели, своеобразное отражение в сделанных на месте каменных изделиях Приморья.

Результатом же контактов с носителями .второй культуры Чифэна, дунху-прамонголами, явились, вероятно, сосуды с шаровидными боками и стоячим горлом. Нужно думать,

что обыкновение расписывать сосуды черной краской распространялось из соседней Маньчжурии того времени, где оно имело место.

Однако, несмотря на столь близкое соседство с Маньчжурией, Монголией и Китаем, в Приморье металлические вещи все же, как мы видели, крайне редки, а вместо них там употреблялись шиферные копии, заменявшие, очевидно, слишком малочисленный и дорогой материал.

Отсутствие развитой бронзовой культуры в Приморье следует объяснить, очевидно, отсутствием удобных для разработки и богатых металлом месторождений меди и олова.

Вторая же причина, возможно, имеет чисто политические корни. Она заключается в полной независимости, а может быть, и изолированности, дальневосточных племен от Китая, от которого их в то время отделяли обширные степные пространства, заселенные древними кочевниками.

По-своему жили, и племена Нижнего Амура, о культуре которых дают представление находки в Кондоне и на озере Эворон. Здесь не было шаровидных сосудов, и, по-видимому, не распространялись так широко шлифованные клинки из шифера. Не было и земледелия. Основным занятием местного населения в суровых климатических условиях этих мест оставались рыболовство и охота.

Но и здесь, на смену старой, богато украшенной спиралью, меандрами и прочими сложными узорами керамике, пришли новые сосуды, орнаментированные грубее и проще.

Всего же важнее тот факт, что здесь сильнее были контакты с таежными племенами Восточной Сибири, возможно, уже освоившими северного оленя как ездовое животное. Племена эти, свободно бродившие по тайге в поисках зверя, отличались значительно большей подвижностью, чем их оседлые соседи — амурские рыболовы.

Вероятно, благодаря им у жителей Нижнего Амура появляются медные и бронзовые изделия, такие, как бронзовый нож из поселения Сарголь или медный рыболовный крючок и наконечник стрелы, найденные в Кондоне.

Должно быть, от бродячих охотников и оленеводов на Амур попадали и такие редкостные вещи, как изделия из зеленого нефрита или цилиндрические бусы из белого камня пирифиллита. Такие бусы, как известно, — обычная находка даже в разграбленных плиточных могилах Забайкалья и Монголии бронзового и начала железного веков.

Дальнейшие, еще более многообразные и глубокие перемены в жизни дальневосточных племен наступили позднее, в I тысячелетии до н. э. Но они были уже связаны с новой индустриальной эрой, с распространением железа.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ПРИМОРЬЯ

В конце II и в начале I тысячелетия до н. э. в Приморье распространяется оригинальная культура, которую вначале называли культурой раковинных куч, а затем по первым находкам на п-ове Янковском — Янковской.

Наиболее характерные, многочисленные и лучше всего изученные памятники этого рода находятся на сравнительно ограниченном пространстве вдоль берегов Амурского и Уссурийского заливов, между устьем реки Гладкой на юге и устьем реки Артемовки — на севере.

Для характеристики образа жизни и хозяйства племен прибрежной части янковской культуры мы остановимся на результатах раскопок на полуострове Песчаном [215], где еще в 1921 году В. К. Арсеньев произвел первые специальные раскопки с научной целью.

На полуострове Песчаном, к северу от мыса того же названия, вдоль возвышенного обрывистого берега, на протяжении почти километра прослеживаются мощные нагромождения раковин, образующие местами как бы сплошной вал, окаймляющий берег. Мощность раковинного пласта и протяжение его здесь таковы, что геоморфологи отметили сначала его при своих наблюдениях как составную часть морских отложений полуострова.

Вместе с раковинами, в их толще и по соседству с ними, встречаются беспорядочно рассеянные обломки глиняных сосудов, пряслица

из глины, каменные и костяные изделия, а также кости животных, рыб и птиц. Все эти остатки деятельности людей свидетельствуют о том, что раковинные кучи образовались на местах длительного пребывания древнего человека, и, следовательно, связаны с его поселениями

Раковинные кучи, однако, вовсе не исчерпывают характеристики поселений того времени. Люди жили, конечно, не на раковинных кучах, как таковых, и не в них самих. Раковинные кучи являлись только отбросами, накапливавшимися поблизости от жилищ. Такие же раковинные кучи находились и на месте первых раскопок В. К. Арсеньева, которые были продолжены Дальневосточной археологической экспедицией в 1956 и 1960 годах.

Древний поселок находился в 150—120 м от берега моря, у ключа с чистой прозрачной водой, на сухой возвышенности. С запада его ограничивал овраг, на востоке находилась лощина, где также имеется ручей.

На поверхности террасы было около десятка западин, являющихся следами углубленных в землю оснований древних жилищ. Ямы сильно заплыли, но в большинстве случаев можно заметить, что землянки в плане были прямоугольными. Размеры ям 10 X 10 м или около того, глубина их в среднем была около 0,5 м. Валов, окружающих ямы по сторонам, о которых писал в 1921 году В. К. Арсеньев, нам обнаружить не удалось. Они, очевидно, сгладились и оплыли.

Общая площадь поселения, занятая остатками жилищ, достигала 2080 м². Поселок имел своеобразную и характерную планировку. Он состоял из группы жилищ, расположенных у ручья компактным скоплением; одно из них — жилище 14 — вместе с соседними раковинными кучами находилось в отдалении от всех других, на юго-восточном краю террасы, у моря. Всего были исследованы остатки 14 жилищ из видимых на поверхности 16 углублений-котлованов. Жилища группировались в основной части поселка не рядами, не «улицами», как думал В. К. Арсеньев, а были тесно сосредоточены друг около друга сплошным «гнездом». Края их иногда соприкасались или были разделены лишь небольшим пространством.

Вторая характерная черта планировки поселения заключалась в том, что в нем были представлены две противоположные ориентировки жилищ.

Часть жилищ была ориентирована параллельно берегу моря и поперек долины ручья, то есть, если сопоставить их со сторонами света, — с северо-востока на юго-запад. Таковы жилища 6, 9, 10, 13. Жилища 1, 7, 8, 11, 12 и, очевидно, 14 имели иную ориентировку: они располагались параллельно долине ручья, с юго-востока на северо-запад. Эти различия, однако, не имеют существенного значения для хронологии

памятника в целом. Важнее другая характерная черта планировки поселка. Длинные оси жилища 7, 11, 12 были расположены не строго параллельно ручью, не прямо по линии юго-восток — северо-запад, как расположено жилище I, а слегка наискось. Они находились на краю древнего поселка и как бы веерообразно окаймляли все скопления жилищ по широкой дуге, соответственно которой и скошены их длинные оси, смещенные к середине скопления, к его центру. Эти три окраинных жилища были явно сооружены позднее жилищ основной центральной группы.

Отсюда следует, что поселок на полуострове Песчаном существовал длительное время, а жилища в нем возводились не одновременно а в различные моменты жизни поселения.

В общем планировка жилищ на поселении явно соответствует двум большим этапам в его истории — первому, когда оно было основано, и второму, когда первоначальное селище было окружено группой новых жилищ.

От самих жилищ на поселении сохранились только углубленные в землю основания, показывающие, что это были полуземлянки. Основание их было впущено в землю на глубину от 0,5 до 1,5 м. О заполнении жилищ на полуострове Песчаном можно судить по одному из них — № 5.

Жилище 5 оказалось самым глубоким и лучше всех 'Сохранившимся. С юго-восточной стороны оно примыкало к жилищу 4, а с юго-западной — к жилищу 2. Его толщина заполнения достигала 1,8 м и была того же характера, что и в предыдущих. Сверху, под деревом, находился слой жирной перегнойной почвы толщиной около 80 см. Под ней до самого пола, шел серый слой гравия с песком.

Находок в заполнении было меньше, чем в предыдущих землянках. Фрагментов керамики почти не встречалось. Из наиболее интересных предметов следует отметить зуб животного с просверленным отверстием, шиферные наконечники стрел и такой же нож. Сразу под дерном был обнаружен каменный клиновидный топор, а также грузила и обломки точильных плит.

Основание жилища сохранилось целиком, и очертания его оказались достаточно четкими — в виде удлиненного прямоугольника, вытянутого в сторону оврага.

На расширенном юго-западном конце углубления его стенка образовывала небольшой выступ длиной около 11 м. Ширила плечика углубления была равна 2 м. Возможно, здесь помещался выход из жилища. Максимальная длина котлована жилища равна 22,3 м, ширина одной поперечной стенки — 13, 20 м и второй (Ю-В) — 11, 20 м. Общая площадь основания жилища достигала 270 м. Пол в средней части жилища был несколько углубленным и образовывал как бы вписанный внутрь

прямоугольник, ориентированный слегка наискось по отношению к удлиненной оси углубления в целом.

Вдоль трех стен ясно прослеживались уступы; их ширина достигала 1,2—2,5 м. На юго-восточной стороне углубления этот уступ наблюдался слабо. Очевидно, уступы представляли собой остатки нар.

Сохранились, правда, не полностью, ямки от столбов. Все они располагались вдоль стены, по прямой линии.

В средней части жилища, но не строго по его длинной оси, а несколько сбоку, также было прослежено два параллельных ряда ямок от столбов. Расстояние между ними равно 3 м. Интервалы же между ними были в среднем 40—50 см, но иногда и 1,5—2 м. Ямки группировались местами по три вместе, с интервалами по 2 м между группами. В другом ряду ямки располагались в юго-восточном конце очень плотно, как бы в два или три ряда, а затем постепенно исчезали.

В целом это был обычный широкий продольный коридор внутри жилища. Вероятно, он соответствовал какому-то этапу в истории жилища, может быть, самому раннему, почему он и оказался смещенным по отношению к длинной оси жилища. Однако история перестроек этого жилища остается неясной.

Очаг располагался посередине жилища, но не в самом его центре. "Остатки очага состояли из зольно-углистого пятна округлых очертаний диаметром около 1,5 м. Непосредственно на краю очага лежали компактной массой обломки глиняного сосуда.

В северо-восточной части жилища в беспорядке было разбросано несколько плоских камней. Там же, около камней, находилась каменная плита-зернотерка и камень, представляющий заготовку куранта. Рядом лежал разбитый глиняный сосуд. Поблизости от этого скопления, на уступе жилища, были обнаружены еще два разбитых горшка и глиняное пряслице. В Северном углу жилища найдена бусина цилиндрической формы. Основная масса находок располагалась вдоль юго-восточной стены и между рядами ямок от столбиков. Здесь было найдено шесть шиферных наконечников стрел, один шиферный клинок, одна зернотерка, глиняное пряслице, два каменных топора, кусок оленьего рога, а также три разбитых сосуда — один на самом краю очага, а два других на юго-западном уступе. Там же находился и один шиферный клинок. Около этого уступа, на полу, лежали две цилиндрические бусины-пронизки, одна из них белого цвета, а другая — темно-зеленая. Наземные части построек не сохранились, и о их характере можно судить отчасти только по расположению ям для столбов.

Наиболее отчетливую картину устройства жилищ дали раскопки 1956 года, когда были вскрыты жилища 1—5. К этой же группе следует отнести жилище 6, исследованное в 1960 году. Все эти жилища,

судя по очертаниям их углубленного Б землю пола и ков, имели в плане вид удлиненных прямоугольников. Пол всех жилищ, был ровным, стенки в ряде случаев были крутыми и отчетливо выраженными. Местами вдоль стен проходили специальные уступы. Они, как отмечалось выше, могли служить нарами. На полу ряда жилищ сохранялись многочисленные отчетливые углубления, оставшиеся от стоявших некогда в них столбиков, служивших опорой стен и крыш жилища. Диаметр ямок в среднем был равен 10—18 см, глубина их от пола жилища достигла в среднем 15—20 см. Расположение ямок от столбов было наиболее отчетливым в крайних от оврага жилищах 1 и 3. Здесь ясно было видно, что они группировались прежде всего вдоль стен жилища. При этом иногда ямки были слегка наклонными, и, следовательно, часть столбиков стояла, может быть, не строго вертикально, а слегка наклонно внутрь верхними концами, образуя, таким образом, пирамидальную конструкцию. Интервалы между ямками в среднем равнялись 1—2 м. Там же, где они располагались очень густо, как, например, в жилище 5, можно предполагать позднейшие добавления, связанные с перестройкой и ремонтом жилищ. Вдоль длинной оси жилищ 1 и 3 имелось два продольных ряда ямок от столбов, образовавших вдоль жилища продольный коридор. Ширина коридора в жилище 1 была равна 3,2 м; в жилище 3—3 м. В целом эти постройки имели как бы три нефа⁴⁰, один центральный и два параллельных ему — боковых.

По размерам жилища делятся на три группы. В первую входят относительно небольшие дома площадью от 50 до 70 м²; во вторую — жилища площадью от 120 до 150 м². Исключительно по своим размерам жилище 5. Его площадь превышает 200 м². Оно, нужно думать, имело какое-то особое назначение, возможно, служило в качестве кажимоли⁴¹ у эскимосов или «мужского дома» у племен Океании.

Рассматривая эти жилища в целом, следует отметить, что характерная для них конструкция с четырьмя рядами столбов и тремя продольными коридорами интересна уже тем, что в ней мы имеем выражение устоявшихся архитектурных правил, определенной строительной традиции, характерной для Дальнего Востока и еще более далеких южных областей. Именно так строили свои дворцы и общественные постройки еще средневековые обитатели Дальнего Востока — чжурчжэни и бохайцы. Они воздвигали обширные многоколонные постройки, разделенные правильными рядами колонн на параллельные коридоры-нефы. От этих зданий сохранились ряды каменных подставок-баз для деревянных колонн, поддерживающих крышу: Таковы, например, остатки больших общественных -построек чжурчжэньского времени на Краснояровской сопке у г. Усурийска или в бывшей бохайской столице Дунцинчэн на реке Муданьцзян.

Те же характерные строительные принципы существовали и в других странах Дальнего Востока — в Китае, Корее и Японии — не только, в средневековое время, но и значительно раньше, вплоть до иньского периода и времени существования позднеолитической культуры черной керамики — луншан.

В Китае, начиная со времени культуры черной керамики и иньской эпохи, жилища строились прямо на земле или на глинобитных платформах, поверх которых устанавливались каркасы из трех или четырех параллельных рядов столбов, опиравшихся на базы в виде простых камней, а позже даже бронзовых дисков. Дома такого рода, имевшие прямоугольные в плане очертания, как полагают некоторые исследователи, изображаются на гадательных костях. Крил сравнивает их с греческим храмом архаического типа [¹⁶]. Возникнув в неолите или в начале китайского бронзового века, этот архитектурный тип устойчиво существует на протяжении тысячелетий в древней и средневековой архитектуре Китая, Японии и Корее, у бохайцев и маньчжуров в зданиях парадного типа, в храмовой и дворцовой архитектуре. Опорой крыши являются столбы, расположенные параллельными рядами вдоль помещения. Внутреннее пространство соответственно расчленяется на два или более продольных помещения-коридора, напоминающих нефы базилик.

В жилищах на полуострове Песчаном представлена простейшая, исходная форма такого рода постройки. Очень интересно, далее, что такие архитектурные принципы характерны вовсе не только для древнего Китая, Японии и Корее. Ближайшую, наиболее полную аналогию ей мы находим в этнографической действительности еще более далекого юга — в Полинезии.

В монографии Те Ранги Хироа о материальной культуре обитателей островов Самоа детально описано устройство жилого дома самоанцев «фалеио'о». В плане оно имеет прямоугольные очертания. Крыша двускатная, высокая. Основой ее конструкции является каркас из столбов, расположенных парами, и при этом так, что они образуют четыре продольных ряда. Два ряда высоких столбов, по пять в каждом ряду, на которые падает основная нагрузка крыши, помещаются внутри дома. Между ними остается как бы продольный широкий коридор, представляющий основное внутреннее пространство жилища. Крышу поддерживают также и низкие столбы, соответствующие высоте стен. Их тоже по пяти в каждом ряду. Аналогичным образом строились прямоугольные длинные дома для гостей — фале афолау, которые согласно преданиям, были наиболее древними [²¹⁷].

Посредине коридора в центральной части жилищ 1 и 3 на полуострове Песчаном прослежены остатки очагов. Они представляли собой скопление золы и мелкого истлевшего угля.

Следует добавить, что наряду с остатками очагов в жилищах обнаружены также фрагменты светильников, в которых, по-видимому, был рыбий жир или жир морских животных. К ним относятся два уникальных керамических предмета, имеющих вид массивного цилиндра, заканчивающегося расширением вверху, напоминающим цветочную чашку. Первый такой предмет был найден на полуострове Песчаном В. К. Арсеньевым. Резервуар чашечки переходит на этом предмете в узкий канал длиной 7,5 см. Диаметр чаши 14 см, длина предмета 26,8 см.

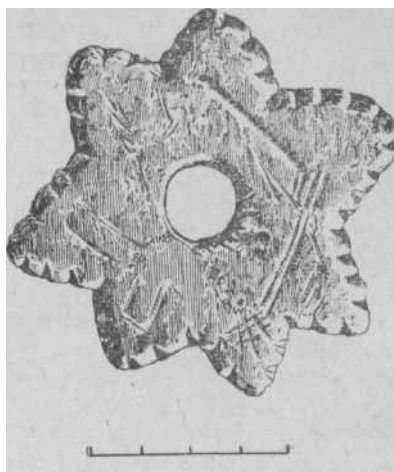
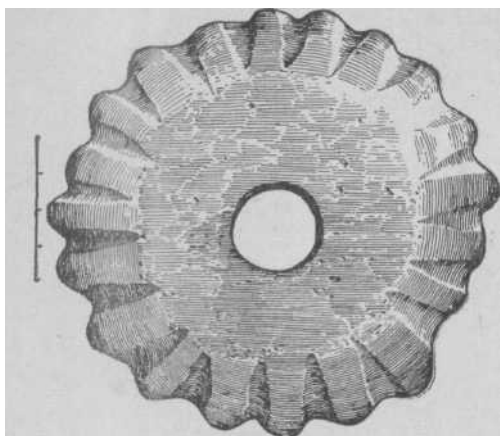
Второй такой предмет найден в 1960 году. Резервуар его также переходит в узкий цилиндрический канал. Единственная аналогия этим предметам, хотя и не очень близкая,— сосуд с цилиндрической ножкой из поселения Кураваноси в районе Канто, в Японии, относимый по возрасту культуре Омори^[218]. Возможно, что именно такое изделие имел в виду В. К. Арсеньев, когда писал в своем отчете, что им обнаружена на Песчаном глиняная лампа, похожая на древние корейские.

Вокруг очагов и в других местах на дне жилых углублений помещались различные предметы домашнего обихода: костяные и каменные изделия, а также остатки сосудов. Черепки сосудов в ряде случаев группировались целыми скоплениями, принадлежавшими одному и тому же раздавленному на месте сосуду. Основная масса обломков сосудов, каменные и костяные изделия, найденные внутри жилищ, связаны не с их полом, а с заполнением, то есть принадлежат более позднему времени, когда самые старые жилища первой или центральной группы уже были заброшены и в них сваливали бытовой мусор, в первую очередь раковины, а вместе с ними и различные вещи, в большинстве случаев разбитые и поврежденные. Тем не менее, даже и эти скудные фрагментарные остатки могут дать представление о домашней жизни, бытовом укладе и хозяйственной деятельности обитателей поселения.

Готовые изделия из камня, кости и глины, а в особенности незаконченные, дают возможность представить в общих чертах технику изготовления орудий труда.

Обращают внимание процессы, связанные с обработкой камня, с изготовлением каменных орудий и оружия. Основными породами камня, употреблявшимися для этих целей, были темно-серый и черный шиферный сланец, твердый кремнистый сланец, а также зеленокаменные плотные породы. Из шифера выделялись наконечники стрел и большие клинки кинжалов, а также ножи. Из кремнистого сланца и зеленокаменных пород — крупные рубящие орудия, кроме того, из песчаника двух разновидностей изготавливались пилки для пиления камня и, быть может, кости. Базальт был излюбленным материалом для выделки зернотерок, что объясняется зернистостью его массы, удобной для растирания зерна. Шифер и кремнистый сланец обрабатывался оббивкой,

скалыванием кусочков камня. В ряде случаев камню придавалась необходимая форма при помощи каменных пил. Плитка-пила для распиловки камня оказалась, например, в жилище 10 в нижнем слое. Следы распилов в виде характерных желобков бывают иногда видны на ребрах

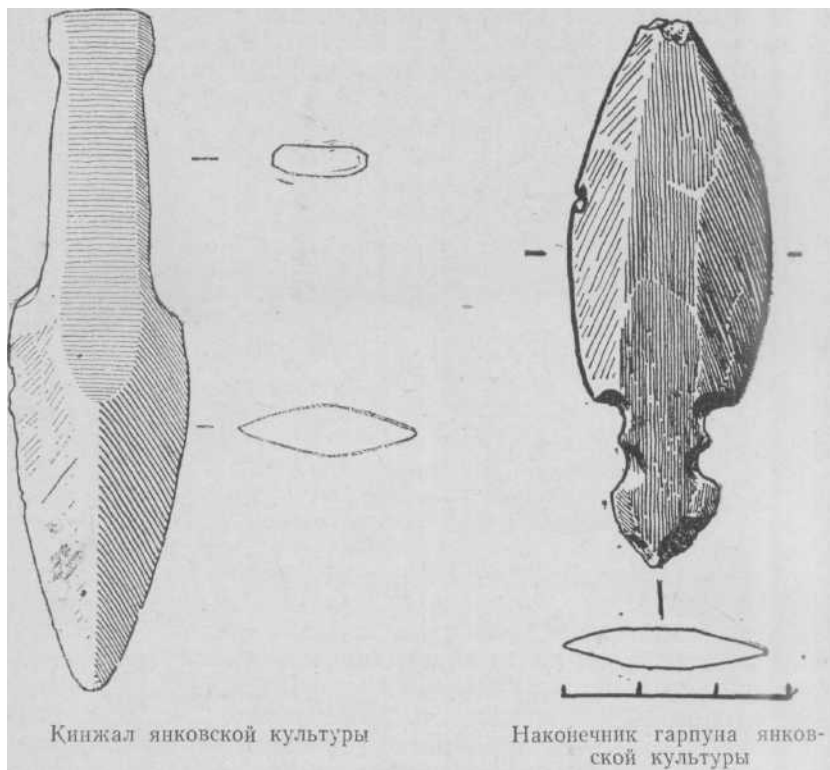

Палицы янковской культуры

тесел. Окончательный вид топорам, теслам, ножам, наконечникам' придавался шлифовкой, часто достигавшей высокого уровня, почти до зеркального блеска.

Орудия для обработки камня представлены простыми гальками, служившими в качестве отбойников и наковаленок, шлифовальными плитами, а также пилками. Отбойники имеют, обычно, вид простых галек из твердого камня удлиненоовальной формы, круглых или овальных в поперечнике. Концы их сбиты и затуплены от употребления. Иногда рабочие концы этих орудий имеют вид небольших площадок, покрытых мелкими выбоинами. Есть и отбойники, или отжимниуг особого рода, массивные, в виде дисков с частично оббитыми поверхностями и краями, затупленные от употребления. Орудия такого рода широко распространены в раннеземледельческих культурах Восточной и Юго-Восточной Европы, а также в Средней Азии. Такие предметы найдены, например, в раннетрипольском поселении Лука-Врублевцкая на Днестре и в пещере Джебел на (Красноводском полуострове в Туркмении. Имеются также массивные камни-наковаленки с выбоинами-лунками от ударов на их широких поверхностях. Эти наковаленки, как правило, делались из базальта.

Наряду с грубой оббивкой, производившейся отбойниками, наблк>

дается иногда, особенно на округлых в поперечнике топорах, мелкая точечная ретушь, следами которой являются характерные мельчайшие выбоины, сплошь усеивающие рябью обработанную поверхность.

Обработка камня грубой оббивкой и ретушью производилась, видимо, на специальных каменных же наковаленках. В качестве таких наковаленок употреблялись простые массивные гальки или куски песчаника, на которых видны характерные выбоины-ямки. Иногда подобные ямки имеются и на сломанных курантах зернотерок.

Особо выделяется трудная и сложная техника изготовления цилиндрических и биконических бус из твердых яшмовидных пород камня. Правильная форма самих бусин, и особенно наличие в них сквозного сверленного канальца, указывают на существование давно сложившегося и уже достаточно высокого технического искусства древних мастеров.

Канальцы в этих бусинах сквозные, правильной цилиндрической

формы. Высверлить такой канал во всю длину бусины грубым кремневым сверлом было невозможно. Каналы в цилиндрических бусинах Приморья явно были высверлены алмазным сверлом, то есть кусочком алмаза, укрепленным на конце металлической, медной или бронзовой проволочки. Таким способом выделялись бусы в ювелирных мастерских древней Индии, в Синдее, где Мак-Кэ'ем найдена и описана подобная мастерская [²¹⁹].

Подобная высокая техника изготовления бус, казалось бы, не могла существовать в Приморье. Однако при раскопках неолитического поселения в Рудном в его верхнем слое оказалась одна бусина-заготовка с незаконченным канальцем. Отсюда следует, что подобные бусы могли выделяться и здесь, а не только в Индии.

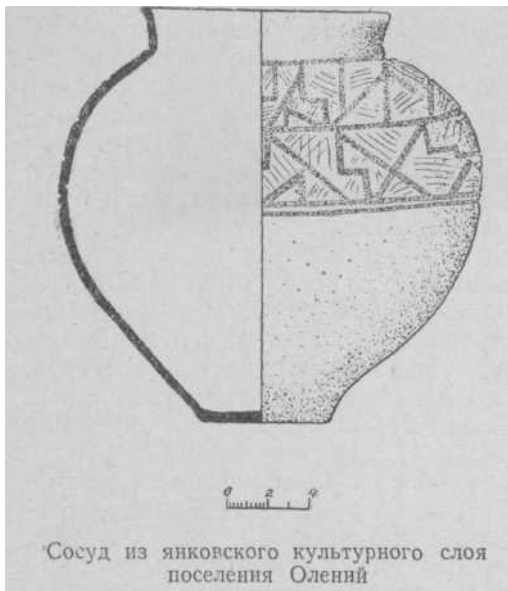
Материалом для костяных изделий — различного рода острий, игл, муфт, могыжек служили куски оленьего рога, клыки кабана и, чаще всего, распиленные или расколотые вдоль трубчатые кости животных. Рог, как правило, резали поперек на отдельные цилиндрические отрезки. Разрезание рога на куски производилось со всех сторон. Затем эти куски распиливались глубокими продольными надрезами во всю длину и расчленились на длинные стержни. Бугристая наружная поверхность рога сглаживалась срезами.

Трубчатые кости также разрезались вдоль. Один конец их затачивался па острие, а часть эпифиза⁴³ служила рукоятью. Иногда костяные поделки украшались разными линейно-геометрическими узорами, а иногда ямочными, выполненными с большой тщательностью умелыми руками мастеров-резчиков. Из глины выделялись пряслица и сосуды.

Техника изготовления сосудов была, несомненно, только ручная, без применения гончарного круга. В ряде случаев на некоторых фрагментах видны характерно скошенные края, соответствующие спаям-стыкам налепных лент. Отсюда следует, что жителям поселения была известна налепная ленточная техника изготовления глиняных сосудов.

Цвет сосудов был обычно темно-бурым, почти коричневым, часто желтовато-бурым или оранжево-красным. Сосуды обжигались, очевидно, прямо в кострах, без применения каких-либо специальных приспособлений вроде гончарных печей. Глиняная масса этих сосудов резко отлична от той, которая характерна для более позднего средневекового времени и по существу близка древней, неолитической. Она относительно рыхлая и мягкая, в изломе часто двуцветная. В массе этой имеется чаще всего примесь мелкого песка, а также дробленого камня. Изредка в ней видна примесь пластинчатых глинистых частиц, более плотных, чем глиняное тесто. Характерной особенностью отделки поверхности: большинства сосудов является лощение. Лощение производилось, по-видимому, камнем с гладкой пришлифованной и уплощенной поверх-

ностью. Один такой камень, уплощенный с одной стороны и выпуклый с другой стороны, обнаружен на полуострове Песчаном.

Обычно на поверхности сосуда заметны характерные следы лощения, производившегося сверху вниз узкими параллельными полосками. Иногда же, чаще всего на узкогорлых сосудах, лощение производилось в горизонтальном направлении, поперек сосуда.

Нередко лощеной была только одна сторона, наружная, тогда как внутренняя оставалась шероховатой.

Важное место в оформлении поверхности сосудов принадлежало окраске, которая производилась, по-видимому, с помощью охры оранжево-красного цвета. Тщательно залощенные стенки таких сосудов по блеску напоминают красную лакированную поверхность. Кроме краснолощенных встречаются и чернолощенные сосуды. В ряде случаев

одна сторона сосудов бывает краснолощенной, другая же чериолощенной.

Черный цвет придавался сосудам намеренно, нанесением на их поверхность особого вещества — пигмента. При изготовлении черной керамики могли применяться два способа обработки поверхности сосудов. При первом способе на поверхность сосуда до обжига наносился тонкий слой черного пигмента, скорее всего, графита или угля и сажи. Затем сосуд подвергался лощению смолой, воском, маслом, жиром. В результате лощения черный пигмент глубже входил в поры сосуда. Употребление жировых веществ для придания блеска поверхности сосудов подтверждается анализами, выполненными Кано, которые дали след масла на поверхности черной керамики.

При втором способе покрытие не употреблялось, древние мастера ограничивались только обжигом сосудов в пламени специального дымного топлива, С. Мидзуно полагает, что первый способ вообще не употреблялся, и гончары культуры луншан ограничивались дымлением своей керамики^[220].

Чернолощенные сосуды Приморья обрабатывались, по-видимому,

также двумя способами. В большинстве они приобретали черный цвет в результате обжига. В очень редких случаях на сосуды наносился тончайший слой черного красящего вещества, напоминающего по блеску графит. Некоторые сосуды украшались, кроме того, красочной росписью коричневатого-черного цвета, нанесенной по краснолощеному или оранжевому фону в виде узких полосок или округлых пятен. Судя по незначительной ширине полосок и пятен, она, вероятно, наносилась специальной кисточкой, а не пальцем.

Судя по обилию крупных шлифованных орудий из камня в виде топоров и тесел, они занимали первостепенное место в технике и хозяйстве того времени. Орудия эти выделялись из кремнистых пород черного или реже зеленовато-серого цвета. В основном это были, конечно, орудия, предназначенные для обработки дерева, но вместе с тем их могли применять и для разных других целей. Об этом свидетельствуют этнографические аналогии. По словам Керра, топор — главное орудие австралийца. Это орудие, — пишет он, — «имеет тысячу применений, и оно всегда в руках аборигена» [221]. Согласно наблюдениям Броу-Смита, австралийцы каменным топором рубили деревья, снимали с них кору, делали щиты, палицы и копья; расчленяли на части туши животных, даже отбивали от камня отщепы, чтобы сделать из него наконечник копья или скребок для очистки шкуры [22]. По словам того же автора, австралиец нередко применял старые, уже непригодные для употребления по прямому назначению топоры, в качестве отбойников: «старым топором он делает новый из каменного желвака» [223]. Существенно, в связи с этим, что в раскопках на полуострове Песчаном находки целых, полностью сохранившихся рубящих орудий крайне редки. Обыкновенно они обломаны со стороны лезвия более чем на одну или даже две трети. При этом нижний конец часто бывает затуплен и омят от длительного употребления при какой-то грубой работе, возможно в результате употребления в качестве отбойников. Каменные рубящие орудия вообще в ряде случаев уничтожались. Их оббивали и раскалывали, а отщепы, снятые с таких топоров или тесел, примененных в качестве нуклеусов-ядрищ, употребляли для изготовления мелких инструментов. Обломки шлифованных топоров и тесел, поэтому, обычны в материале из поселения на полуострове Песчаном.

По форме эти орудия разделяются на две основные группы. В первую входят четырехгранные в поперечнике изделия, с прямоугольным сечением. Во вторую — с круглым или овальным поперечником. В первой группе наиболее видное место принадлежит орудиям, которые можно назвать теслами раковинных куч. По очертаниям эти тесла обычно имеют форму длинных прямоугольников или почти трапеций со слегка округленным обушком; лезвия их, почти прямые или несколько выпуклые, симметрично заточены с обеих сторон, и при этом довольно круто.

Они плоские с обеих сторон, с ровными широкими сторонами. Лишь изредка одна широкая сторона бывает слегка более выпуклой, чем противоположная. Узкие боковые грани тесел тоже плоские и расположены под прямым углом по отношению к широким плоскостям. В поперечном сечении эти орудия, следовательно, имеют вид прямоугольника. В этом отношении они приближаются к теслам серовского времени из Прибайкалья, отличаясь от них, однако, своими пропорциями в поперечном сечении: байкальские тесла массивные, а их широкие поверхности соответственно уже ^[24].

Особым, вторым, вариантом этих тесел, наиболее часто встречающимся на поселениях с раковинными кучами, являются большие тяжелые орудия, расширяющиеся книзу от обушка и достигающие наибольшей толщины у самого лезвия. Такие тесла можно выделить в особую типологическую группу, хотя они известны в небольшом числе.

Третий тип шлифованных каменных орудий представлен в этой группе узкими, но массивными, четырехгранными в поперечнике стамесками с двусторонне заточенными прямыми лезвиями, длина их колеблется от 15 до 6 см, при ширине 1—1,5 см. По форме они напоминают продольно расколотое плоское четырехгранное тесло. В ряде случаев и на самом деле видно, что их сделали из расколовшегося вдоль «тесла раковинных куч», так как плоскость раскола осталась незашлифованной.

Четвертую группу рубящих шлифованных орудий образуют сравнительно небольшие плоские изделия, отличающиеся тем, что их края, а иногда и вся поверхность, обработаны ретушью и сколами, причем в ряде случаев края бывают симметрично («скрипкообразно») вогнуты, а обушок округлен. Длина их от 10 до 13 см. Наибольшая ширина 6 см.

Орудия первой, второй и четвертой групп в большинстве случаев можно считать топорами, так как они имеют симметричный профиль. Но, кроме того, есть и такие орудия, у которых одна, широкая сторона более выпуклая, чем другая. Такие асимметричные в профиле односторонневыпуклые орудия следует отнести к теслам. Они, несомненно, закреплялись в рукояти не параллельно ей, а поперек, подобно современным теслам, и при этом их выпуклая сторона обращена, как у современных тесел, к обрабатываемому предмету, а плоская — к работнику. Интересным и важным фактом является наличие в инвентаре жилищ на полуострове Песчаном круглых или овальных в поперечнике шлифованных рубящих орудий. Эти, тяжелые, массивные орудия, слегка суживающиеся к обушку, с лезвием, заточенным с обеих сторон, обычно симметричным.

На боковых ребрах этих орудий иногда бывают видны следы обработки их «точечной ретушью», широкие поверхности тщательно зашлифованы.

Для различных хозяйственных целей употреблялись, очевидно, обычные в жилищах на полуострове Песчаном и вообще в раковинных кучах костяные острия. Это преимущественно массивные стержни из расщепленных продольно костей, трубчатых костей животных, с частично сохранившимися эпифизами, служившими рукоятью. Их условно можно назвать шилами, но они слишком массивны. Они были, видимо, инструментами какого-то специального назначения, может быть, плотничьи. Уникальным является одно шиловидное острие из сборов В. П. Маргаритова, материалом для которого послужила половинка нижней-челюсти кабана, с массивной рукоятью и таким же прочным острием [220]. Швейные иглы отличаются изяществом отделки и тонкостью своих ушек. Они близки к современным металлическим иглам крупного размера.

Возможно, что некоторые костяные острия употреблялись для обработки волокнистых веществ. Для прядения применялись глиняные пряслица, одевавшиеся в качестве маховичков-грузиков на деревянные стерженьки веретен. Их назначение по этнографическим наблюдениям правильно определили еще И. С. Поляков, а за ним В. П. Маргаритов. Последний писал по этому поводу: «Из такой же глины, как и горшки, сделаны три кружка с отверстиями в центре. Эти кружки можно было бы считать за грузила, но, судя по исследованиям Полякова быта остяков, большей вероятностью можно думать, что они употреблялись при скручивании ниток. Этот кружок надевался на заостренную палочку и закреплялся, на 1/4 ее длины от тупого конца. Получалось, таким образом, орудие, заменяющее веретено, причем кружок увеличивал тяжесть его и инерцию вращения» [226]. По форме прясла для веретен разделяются на несколько вариантов. Чаще всего встречаются прясла с плоской нижней и выпуклой противоположными сторонами. Некоторые прясла имеют настолько крутую и высокую верхнюю сторону, что представляют собой конус со срезанной вершиной. Большую группу составляют пряслица с отчетливо выраженной высокой шейкой, напоминающей печную трубу.

Встречаются также прясла в виде массивных кружков-дисков с плоскими поверхностями. Все они имеют сквозные неширокие цилиндрические каналы и в большинстве орнаментированы.

Таким образом, каменные отбойники и отжимники, заготовки орудий, обрезанные и распиленные куски оленьего рога показывают, что внутри жилищ мужчины делали каменные и костяные орудия. Женщины пряли с помощью веретен, на которые были одеты глиняные пряслица, а также шили одежду. Их иглы показывают, что нити были очень тонкими, а одежда, возможно, богато украшалась шитыми узорами.

Из домашней утвари нужно упомянуть зернотерки и куранты, пока-

зывающие, что зерно растирали в муку именно внутри дома. Это нелегкое дело по общераспространенному обычаю — от Египта, эпохи фараонов, и до американских индейцев и горцев XIX века — выполнялось женщинами. Интересно попутно отметить, что каменные «жернова» (зернотерки) для размалывания зерен у австралийцев принадлежали женщинам, но были собственностью не отдельных женщин, а жителей целой «миа-миа», хижины. Они передавались от поколения к поколению; сохраняясь в той семье, которой они впервые принадлежали [227]. Также было, вероятно, и у жителей поселка на полуострове Песчаном.

Обилие обломков глиняных сосудов дает представление о важном месте, которое занимала посуда в домашней жизни древних обитателей полуострова Песчаного.

По форме и назначению глиняные сосуды делятся на две большие основные группы. В первую группу входят сосуды, предназначенные для хранения пищи и жидкостей, а также для приготовления пищи, во вторую — чаши. Наиболее распространенными были широкогорлые сосуды простой горшковидной формы, с более или менее отогнутым наружу краем венчика и суженной вогнутой шейкой. Плечики этих сосудов обычно выпуклые. Стенки полого суживаются книзу. Дно горшков, плоское, узкое. Это был самый обычный и необходимый в жизни обитателей поселения предмет. В таких сосудах, судя по нагару на их стенках, варили пищу. Горшки эти сравнительно небольшого размера,, тонкостенные. Цвет их, как правило, буро-коричневый. В особую, резко своеобразную группу выделяются тонкостенные «ебсльшие сосуды «баночной» формы из черного, рыхлого в изломе глиняного теста. Венчики этих сосудов слегка отогнуты наружу и украшены острорреберчатым налепным валиком. Шейки этих сосудов выражены слабо.

Жидкости, а также зерно или муку жители поселка, должно быть,, хранили в специальных сосудах, на стенках которых нет нагара и следов очажной копоти. Они отличаются наличием более или менее узкого* горла или шейки.

Большое значение имели немногочисленные сосуды, у которых верхний край резко суживался и загибался внутрь, так что оставалось очень узкое отверстие.

Судя по яркой окраске, тщательной отделке лощением поверхности узкогорлых сосудов, а также по наличию на них богатого узора, в том числе росписного, такие сосуды были парадными, предназначенными не только для хранения запасов, но и для украшения дома.

Встречаются также очень большие толстостенные сосуды со слегка суженным горлом и плоским дном. Цвет их красно-бурый или желтый, в массе имеется примесь леска или дресвы. Целого сосуда такой формы нет ни одного, но, судя по сохранившимся крупным фрагментам, они достигали в горле ширины до 30—40 см. Сосуды такого рода тоже

должны были служить для хранения запасов пищи, по-видимому, зерна.

«К. столу» пища подавалась в специальных чашах, которые тоже разделяются по форме на две группы. В первую входят глубокие чаши типа пиалы, или кесы, с узким дном и широко раскрытым кверху резервуаром. Некоторые из них имеют усеченно коническую форму. У других чаш края загнуты внутрь, часто бывают украшены узкой орнаментальной каймой из геометрического узора.

Во вторую группу входят широкие и плоские, блюдовидные чаши с поддоном усеченно конической формы. Интересно при этом, что ни на одном поддоне с полуострова Песчаного нет орнамента, хотя в некоторых раковинных кучах найдены высокие и узкие поддоны-ножки кубков, украшенные одним или двумя опоясывающими их кольцевыми валиками. Внутренний край чаш бывает обычно украшен выпуклой широкой каймой, часто украшенной простым геометрическим орнаментом. Судя по форме и богатой, нарочито пышной, отделке резервуара таких чаш, они употреблялись в качестве парадных блюд, вроде современных среднеазиатских достарханов.

Отдельно следует отметить небольшие тонкостенные, тщательно залощенные чашечки не с круглым, как обычно, а с овальным плоским дном и овальным же резервуаром. У двух таких чаш на венчике имелись боковые выступы-ушки.

Такое разнообразие форм глиняных сосудов является свидетельством весьма сложного бытового уклада приморских племен, высоко развитых хозяйственных потребностей и прочно сложившихся своеобразных традиций и вкусов, неразрывно связанных с земледельческой экономикой.

Последний штрих для характеристики уровня развития техники¹ у древних жителей полуострова Песчаного представляют факты, относящиеся к их знакомству с металлом.

Как мы уже отметили, люди янковской культуры пользовались каменными орудиями, шлифованными топорами и теслами, клинками из шифера, а также различными костяными остриями. В то же время они уже давно знали металл, сначала бронзу, а потом, в конце жизни поселка, у них появилось и железо, точнее — чугуны.

Нужно думать, что действительное значение железа в их жизни и экономике было несравненно большим, чем об этом можно подумать по археологическим остаткам, по непосредственным прямым свидетельствам, имеющимся в нашем распоряжении.

То, чего не могли сделать появившиеся ранее бронзовые орудия, сделало железо: первые железные вещи на полуострове Песчаном означали начало подлинного перелома в материальной культуре приморских племен — перехода от камня к металлу, а вместе с тем и начало их новой жизни.

ХОЗЯЙСТВО

Хозяйственную жизнь древних обитателей Приморья нельзя, конечно, понять без окружающей их природной среды, резко своеобразной и отличной от той обстановки, в которой жили не только их более далекие современники в степях Монголии или в сибирской тайге, но и в ближайшем соседстве с ними, в континентальных районах советского Дальнего Востока. Существенно уже само по себе расположение древнего поселения на берегу моря, и при этом на полуострове, далеко выдавшемся в Амурский залив, представляющий собой как бы один гигантский мыс, с которого открывается широкий вид на противоположный берег залива, на соседние мысы и бухты. При первом же взгляде с моря на долину, на которой находился древний поселок, сразу ощущается его неразрывная связь с морской стихией: это был поселок именно приморских жителей, прижавшийся к ручью с пресной водой в маленькой уютной долине у моря.

Тесная связь поселения с морем и при этом именно как с важнейшим источником существования еще нагляднее выступает уже при первом знакомстве с ним — при первых шагах по террасе, где стояли когда-то древние жилища. У самого подножия террасы на ее склоне выступают скопления блестящих перламутром раковин, вывалившихся из раковинных куч. Выше по террасе находятся целые бугры и пласты раковин. Раковины мощными пластами заполняют и котлованы заброшенных древних жилищ. Именно эти раковины и представляют собой главную массу культурных остатков, характерных для поселения, преимущественное содержание его «культурного слоя», первый и основной показатель деятельности человека на полуострове Песчаном в те далекие времена. Такое скопление раковин вблизи древних поселений свидетельствует о том, что собирание съедобных моллюсков занимало весьма важное место в хозяйственной жизни обитателей всех этих поселений, и в том числе жителей исследованного нами поселка на полуострове Песчаном.

К моллюскам, которые чаще всего употреблялись в пищу, относились устрицы, мидии и рапана.

В раковинных кучах полуострова Песчаного В. К. Арсеньевым отмечались раковины пластинчатожаберных моллюсков.

А. И. Разин констатировал, что в раковинных кучах у мыса Виноградного чаще всего встречались раковины устрицы съедобной, мидии и родка волнистого. Кроме того, ему попадались здесь гребешок-разинька, сердцевидка ребристая, мактра сахалинская, ковчезница, курганчик, иногда морской желудь. Вдоль западного побережья залива Петра Великого чаще всех и в большом количестве встречается мактра, устрица, мидия, рапана.

Несмотря на обилие раковин, было бы, однако, неправильно думать, что основным источником существования прибрежных племен, хотя бы только в летнее время, было простое собирательство, примитивный сбор съедобных моллюсков. Конечно, в ряде случаев добыча съедобных моллюсков производилась после того, как море выбрасывало их на берег во время штормов. Это были, в полном смысле слова, дары, моря, не требовавшие от человека никаких усилий и специальных приспособлений. Но в целом, конечно, жители поселений с раковинными кучами занимались добычей моллюсков, как специальным, хорошо организованным особым видом морского промысла. Об этом говорит, прежде всего, то обстоятельство, что среди раковин имеются и такие виды, которые принадлежат моллюскам, обитающим не у самых берегов, а на довольно значительной глубине.

По свидетельству А. И. Разина, рожок волнистый, например, обитает на глубине 30—70 м и для его сбора необходимы суда. О том, каким образом «люди раковинных куч» могли добывать морских моллюсков и готовить их для употребления в пищу, можно судить по наблюдениям А. И. Разина, проведенных им в 1924—1927 годах в связи с исследованиями раковинных куч^[228].

Не меньше, а, вероятно, большее значение в жизни древнего населения Приморья должно было иметь рыболовство. Вместе с раковинами в «кухонных кучах» встречаются и кости рыб не менее чем восьми видов: трески, камбалы, бычка, морского ерша, морского* японского судака, скумбрии, сельди, тунца^[229]. М.И.Янковский нашел, по его словам, позвонок молодой акулы. Остатков пресноводных и проходных рыб в раковинных кучах на побережье залива Петра Великого не встречено. Кости рыб в раковинных кучах показывают, что вылавливались, главным образом, рыбы, для промысла которых пригодны грубые сети (треска, камбала, бычки), а также крючья (треска, тунец). Этот вывод, основанный на зоологических данных, подтверждается находками в поселениях с раковинными кучами Приморья.

О широком применении сетей свидетельствуют грузила, найденные во всех жилищах полуострова Песчаного, а также между ними на промежуточном пространстве. Самый простой и наиболее распространенный вид грузила представляют собой плоские овальной формы гальки, обычно базальтоватые, у которых на длинных краях с обеих сторон выбиты выемки для привязывания их к сети. Косвенным свидетельством о существовании сетей могут служить и многочисленные глиняные пряслица, с помощью которых пряли для них нити.

Возможно, что своеобразные, нигде более не известные костяные стержни с ушком на одном конце и плоским острием на другом, так же употреблялись в качестве игл для плетения сетей.

Крючковая рыболовная снасть представлена крючками двух основ-

ных форм. К первой относится цельновырезной крючок из кости, ко второй нужно отнести части составных крючков. Последние обычно изготовлялись из клыков кабана. «Острием у них служит заостренная эмалевая часть зуба. Нижняя же (к корню) с одной стороны скошена, а с другой имеет выемку, которая удобна для укрепления шнуром после присоединения края наконечника к скошенному же краю древка» [230]. Такие дугообразные искривленные острия из клыков кабана имеются и в материалах с полуострова Песчаного. Они всегда тщательно зашлифованы, а острие их тонкое и острое. Судя по форме, они, несомненно, служили остриями составных рыболовных крючков. Прямые стерженьки для таких составных крючков также найдены на полуострове Песчаном. Они имеют на одном конце боковую выемку для прикрепления кривого острия, на другом — зарубку или головку для привязывания лески. Такой составной крючок из прямого стержня и кривого острия-жальца найден был А. И. Разиным [231].

Кроме небольших по размеру собственно рыболовных крючков, могли применяться и более крупные крюки для извлечения рыбы из сетей. К ним можно отнести некоторые относительно большие костяные острия. К числу орудий рыболовного промысла принадлежат и такие изделия, которые, на первый взгляд, следует отнести к охотничьему оружию, например, костяные острия и шиферные наконечники. Стрелы или дротики с подобными наконечниками могли употребляться для добычи рыбы. Как известно, многие племена еще в XVIII—XIX веках стреляли рыбу ш луков. В Корее, по словам корейских археологов, аналогичные стрелы применяются до сих пор и носят название чилге.

О важной роли рыболовного морского промысла свидетельствует и топография древних поселков, определенная закономерность в расположении раковинных куч. А. И. Разин подметил характерную концентрацию этих куч в определенных пунктах морского побережья и связь между ними. Поселения с раковинными кучами, согласно его наблюдениям, располагались на мысах на расстоянии 5—8 км, образуя как бы одну общую систему, удобную для контроля за окружающей местностью и взаимной сигнализации огнем или дымом.

Возможность существования такой связи, в данном случае между частями одного рода или племени, заселявшего определенный участок морского побережья, очень вероятна. Видимо, и расположение поселков с раковинными кучами определялось прежде всего хозяйственными условиями, потребностями производственной жизни их обитателей.

Для морских рыболовов и охотников, вся жизнь которых была связана с морем, такое расположение было вполне естественным и закономерным.

Об этом писал А. И. Разин, обративший внимание на связь раковинных куч с местами, где и в настоящее время существуют бан-

ки, богатые рыбой. «Большинство найденных стоянок (четыре, пять,, девять, восемь, три, один, два и десять) находятся в том месте, где •сейчас функционируют рыбалки. Седьмой же номер (хутор Патюкова) еще недавно славился богатством рыбы. Теперь здесь о рыбалке напоминают огромные садки для рыбы, находящиеся на берегу. Такое совпадение рыболовных участков и стоянок первобытного человека не должно быть случайным, а объясняется тем, что доисторическому •человеку нужны были рыбные уголья для пропитания, богатство' которых давало ему более сносное существование» [232].

Появление раковинных куч, а вместе с ними предметов, впервые¹ •свидетельствующих о развитии рыболовства — грузил, крючковой, снасти, должно рассматриваться как важный факт из истории хозяйства и бытового уклада населения Приморья. В нем нужно видеть отражение «больших событий, происходивших в это время и, так или иначе, затрагивающих все стороны жизни поселения прибрежных районов Приморья. Эти сдвиги становятся особенно заметными на фоне материалов, относящихся к эпохе неолита.

Раньше, в неолитическое время, не было существенного разделения в деятельности человека. В исследуемый период впервые намечается переход прибрежных племен к всестороннему освоению богатств моря.

По сравнению с обычной континентальной охотой и рыболовством во внутренних водоемах, в реках и озерах, это был уже большой шаг вперед. Пищевые ресурсы моря несравненно обильнее и разнообразнее, а жизнь приморских племен могла быть в силу этого значительно более обеспеченной, чем жизнь бродячих охотников и рыболовов, лесных областей. Но для того, чтобы использовать неисчерпаемые ресурсы моря, нужна была особая техническая культура приморских жителей, такая, какую мы знаем по этнографическим данным у маори на юге или у эскимосов на севере Тихого океана.

Культура эта, целиком лежащая еще в пределах каменного века,, может показаться недостаточно вдумчивому наблюдателю необыкновенно примитивной. Но на самом деле, она является по-своему очень сложной и высокоспециализированной, а в ряде отношений гораздо более развитой, чем культура континентальных племен, стоявших на том же неолитическом уровне развития.

Чтобы представить степень развития и сложность этой культуры сравнительно с культурой континентального населения, нужно иметь в виду, что помимо специального, хотя и простого, на наш взгляд, оснащения промысла съедобных моллюсков, о чем говорилось выше, в условиях морского рыболовства должна была рано развиваться и особая техника добычи морской рыбы. В море нужны были удочки иного вида, чем обычные удочки речных и озерных рыболовов. — с иной лесой..

несравненно более длинной и прочной, чем в реках и озерах, с другими по устройству грузилами и поплавками.

В большинстве каменные грузила на полуострове Песчаном самого простого вида, представляющие обыкновенные плоские гальки овальной формы с выбоинами по бокам. Чтобы сделать такое грузило, достаточно было несколько ударов камнем-отбойником по подобранной по берегу гальке подходящего размера и формы. Такие грузила встречаются на многих неолитических поселениях в долине Амура, а также по берегам Байкала, Лены, Ангары, в Прибайкалье. Это наиболее широко распространенный и самый обычный вид неолитического грузила на континенте.

Среди грузил, найденных на поселениях с раковинными кучами, довольно часто встречаются такие, которые очень заботливо изготовлены, при этом не из обычных камней, а из специально лодобранных талек ноздреватых лавовых пород, опоясанных одним или даже двумя пересекающимися желобками. Мы почти не встречаем таких грузил в археологических остатках на континенте; там они—большая редкость. Но зато они совершенно аналогичны грузилам, употреблявшимся для ловли рыбы особыми глубоководными (по сравнению с речным рыболовством) удочками, а также сетями, которые характерны для рыболовов южных морей, таких, как полинезийцы и меланезийцы. Они есть и в Северной Америке [²³³].

Уже само по себе обилие этих грузил свидетельствует о важной роли рыболовства и довольно значительных по тем временам масштабах промысла, а также, должно быть, и о значительных размерах самих сетей.

В костяном инвентаре из раковинных куч есть как цельновырезные, так и составные костяные рыболовные крючки. Они употреблялись как часть морских глубоководных удочек.

Особое место в связи с рыболовством и морским промыслом обитателей поселений с раковинными кучами принадлежит вопросу о наличии у них гарпунов.

У континентальных, а также и морских рыболовов, кроме удочек и сетей, важное место в их промысле принадлежало гарпуну. Настоящих, бесспорных гарпунов обычного континентального типа в виде острия с зубцами по бокам, таких, которые археология знает уже в верхнем палеолите, у мадленских племен, в раковинных кучах не встречено.

Не обнаружено среди костяных вещей из раковинных куч пока еще ни одного наконечника поворотного гарпуна, аналогичного по форме развитым древнеэскимосским гарпунам. Такие наконечники найдены только в соседнем островном мире Восточной Азии, на севере Японии — на Хонсю и Хоккайдо. Они со шпорами, втулкой и отверстием для линя,

орнаментированы резным линейным узором, очень близким к орнаментике гарпунов оквикского времени на Чукотке и ипютакских гарпунов на Аляске. Гарпуны эти в Японии относятся японскими исследователями к конечному этапу развития неолитической культуры дземон^[234].

Отсутствие гарпунов поворотного типа среди находок на полуострове Песчаном в таком развитом виде вовсе не означает, что их в Приморье не было вовсе.

Выше было отмечено, что во время раковинных куч твердый и острый обсидиан или кремьень как основной материал для орудий, неожиданно вытесняется несравненно более мягким шифером. Этот процесс сопровождался распространением изготовленных из шифера изделий типа мужских охотничьих еожей, кинжалов и наконечников, в том числе своеобразных плоских и широких наконечников из шифера, часто имеющих в середине одну или две просверленные дырочки.

Наконечники старого типа, кремневые, изготовленные приемом ретуширования, обычно употреблялись для охоты на сухопутную дичь, реже для рыбной ловли — с помощью лука. Они входили в классический набор вооружения континентальных охотников от Скандинавии и до степей Монголии и могли иногда применяться в других условиях: при охоте на крупную морскую рыбу и на морского зверя. Так было в культуре неолитического облика на Охотском побережье, в этнографической культуре коряков XVIII—XIX веков, где в качестве носков для наконечников гарпунов употреблялись ретушированные острия из кремнистых пород, имеющие треугольное тело и черешок. Такие острия, по их использованию можно назвать универсальными.

Совершенно иное положение наблюдается с шиферными остриями типа тех, которые найдены в раковинных кучах. Именно такие острия с просверленными отверстиями в верхней части, около кончика, обычные во всех приморских культурах 'морских зверобоев Арктики вплоть до недавнего этнографического прошлого, служили носками для наконечников гарпунов поворотного типа и ничем больше. Достаточно сравнить такие острия из раковинных куч Приморья с наконечниками гарпунов древних эскимосов и других прибрежных племен Тихого океана, чтобы сразу стало ясным их полное сходство. Это явно наконечники поворотных гарпунов, или точнее, их «носки», или копыца. Везде в археологических культурах, где есть поворотные гарпуны, есть и такие шиферные острия, и наоборот, где имеются такие острия, мы можем встретить гарпун поворотного типа.

На это могут, конечно, возразить, что в Приморье еще не найдены такие же, как у эскимосов, костяные наконечники поворотных гарпунов с отверстиями для линя, втулкой, открытой в одних случаях или закрытой в других, а также с шипами, бородками или шпорами у основа-

ния. Но такие наконечники вполне могли выделяться не из кости,, а из твердого дерева и поэтому не сохранились, а уцелели только их шиферные острия — носки.

Во всяком случае, в этнографии хорошо известны поворотные гарпуны южных морей как меланезийские, так и полинезийские, сделанные целиком из твердого дерева. Такие гарпуны отмечены в Полинезии у жителей Маркизских островов, а в Меланезии на Новой Гвинее в районе Торресова пролива. Деревянные наконечники гарпунов в недавние времена употреблялись также андамапцами⁴⁴. Деревянные гарпуны с носками из шифера могли употребляться и в Приморье.

На поселениях с раковинными кучами, в том числе в ряде жилищ, на полуострове Песчаном, были найдены своеобразные острия. Самое длинное изделие имеет в длину 13,5 см, самое короткое — 7,2 см. Одно из них сделано из куса оленьего рога, остальные — из кусков продольно расщепленных трубчатых костей животных. Одна сторона у них вогнутая, желобчатая, другая, напротив, выпуклая, верхний конец представляет собой длинное массивное и прочное острие. Он отделен от нижней части отчетливо выраженными боковыми перехватами или даже своего рода плечиками. Нижняя часть этих изделий расширена и заканчивается треугольным концом, напоминающим шпору. При взгляде сбоку ясно виден характерный выгиб ее в сторону, имеющийся у всех без исключения образцов, в том числе у изделия, изготовленного из оленьего рога, и следовательно, намеренный.

Леруа-Гуран в своей известной работе по археологии северной части Тихоокеанского бассейна, рассматривая типы поворотных гарпунов, выделяет среди них группу наиболее примитивных и архаичных изделий. По принятой им номенклатуре «женские» наконечники гарпунов,, ю есть наконечники, которые закрепляются на специальном выступе конца древка с помощью втулки в теле гарпуна, делятся на наконечники двух основных видов — с открытой втулкой (гнездом) и с закрытым гнездом. Гарпуны с открытым гнездом старше и архаичнее, чем гарпуны с закрытым гнездом-втулкой. В свою очередь, среди них выделяются наиболее примитивные, состоящие из одной костяной пластинки, большей частью слегка изогнутой, с углублением со стороны брюшка.. Это углубление и образует гнездо, или втулку, наконечника при помощи поперечной обвязки — кожаной муфты.

Таким образом, закрытое гнездо заменяло кожаная перевязка-муфта. При этом лишь, соединяющий наконечник с древком, прикреплялся без отверстия, изделие им просто обматывалось.

Характерной особенностью этих гарпунов является обычно отчетливо выраженный выгиб их нижней части, которая бывает заострена и образует своеобразную шпору, нередко даже раздвоенную на два зубца.

Этот тип наконечника гарпуна Леруа-Гуран назвал типом А^[235]. Гарпуны типа А, по его данным, известны из Северной Японии, с Хоккайдо, а также с Сахалина и Курильских островов.

В Америке Леруа-Гуран отметил стальные наконечники такого рода у племени Хайда и один экземпляр из Гудзонова залива. Они известны также в Британской Колумбии. Сходные изделия известны на Алеутских островах. На северо-западном побережье Северной Америки имеются такие же гарпуны, но отличающиеся от всех остальных одной, в высшей степени своеобразной чертой. Они употребляются связанными попарно, то есть сложенными вместе, плоскими сторонами внутрь, а выпуклыми наружу. Между двумя половинками, кроме того, вставляется еще копыто (носок) из камня или раковины. Такие наконечники северо-западные индейцы и эскимосы употребляли для ловли лососей. Подобные наконечники найдены также в древних раковинных кучах на реке Фрезер (Британская Колумбия) и в раковинных кучах в штате Вашингтон. Этот вид гарпуна Леруа-Гуран обозначил как тип С.

Изделия из Приморья, описанные выше как примитивные наконечники гарпунов, обнаруживают бесспорное общее сходство по форме и конструкции с гарпунами типа А и С по схеме Леруа-Гурана. И в том и в другом случае мы видим простые пластинки из рога и кости. И в том и в другом случае их внутренняя сторона слегка желобчатая, вогнутая. У всех у них имеется внизу, на конце, противоположном острию, слегка искривленная и обычно заостренная шпора. Из-за отсутствия сверленного отверстия для прикрепления линя у них служили боковые выемки-перехваты. Не исключено, что приморские наконечники могли иногда употребляться, как гарпуны типа С, то есть связанными вместе, попарно ([²³⁶]).

Загадочная, на первый взгляд, смена обсидиана шифером, замена древних ретушированных наконечников новыми, шлифованными из шифера, должна была, следовательно, означать нечто большее, чем простую перемену в технике изготовления каменных орудий. Она должна была в конечном счете иметь свои основания в перемене главного направления хозяйственной деятельности древних жителей Приморских областей Дальнего Востока.

У обитателей поселений с раковинными кучами не просто появились новые формы наконечников, а возникло принципиально новое охотничье и рыболовное оружие — гарпуны для охоты на крупную рыбу и морского зверя. У них же начинал развиваться тот сложный гарпунный комплекс охотничьего вооружения, появление которого означало крупнейший прогрессивный шаг в развитии культуры приморских стран — важнейшее завоевание морских рыболовов и охотников от Японских островов и до Скандинавии.

Независимо от того, изобрели ли они это вооружение сами или

получили его от других племен, само по себе появление поворотного гарпуна говорит о многом³⁷]. Без такого вооружения не могла возникнуть специализированная культура морских зверобоев, в некоторых отношениях оставившая далеко позади культуры континентальных рыболовов и охотников неолитического периода. Без такого вооружения не могли быть как следует заселены и освоены человеком огромные пространства морских побережий Тихого и Ледовитого океанов, ранее ему почти недоступные.

Наконец, морской промысел был невозможен без выезда в открытое море. Морской охотник и рыболов, а также собиратель ракушек, крабов, морской капусты должен был располагать еще и соответствующим судном, способным выдержать морскую качку и устоять во время шторма. О том, что такие лодки были в распоряжении обитателей полуострова Песчаного и других одновременных ему поселений, свидетельствует наличие их остатков на острове Попова и на других.

В целом же их жизнь была в основных ее чертах такой же, как жизнь илоу, показанных в летописях в качестве храбрых мореходов. Подобно илоусцам, они должны были иметь в своем распоряжении специальные мореходные суда, может быть в виде сшитых из шкур легких байдар типа эскимосского уммиака или алеутской байдары. Возможно, что у них употреблялись более тяжелые, но вместе с тем и более устойчивые суда южного типа, построенные из дерева, снабженные парусом и боковыми опорами — аутригерами, подобно судам маори и других обитателей островного мира южных морей, осуществивших еще в каменном веке освоение этой части света.

Это были не пассивные собиратели даров моря, выброшенных морскими волнами после бури, а морские промышленники, бесстрашно выходявшие на более или менее значительное расстояние от берега навстречу ветру и морским волнам. Перед нами, следовательно, вовсе не примитивная культура прибрежных собирателей и отчасти охотников, какая существовала, например, в XIX веке у обитателей Огненной Земли. Это не была также обычная охотничье-рыболовческая культура континентального типа.

Существование такой сложной культуры было первой характерной чертой и образа жизни населения Приморья в эпоху раковинных куч, а возникновение ее означало важнейшую грань в их истории. Выросло новое хозяйство. Сложилась новая культура. Возникла, несомненно, и новая психология: оформилось новое мировоззрение отважных мореходов, привыкших к безграничным просторам моря. Появление на берегах Приморского края первых раковинных куч явилось поэтому свидетельством не упадка, а напротив, резкого продвижения вперед во всех областях жизни и культуры его населения.

Вторая важнейшая черта хозяйственной жизни древнего населения;

Приморья в это время, которая тоже весьма рельефно, хотя и не в столь эффективной форме, выступает в материалах поселений с раковинными кучами—это примитивное по уровню, но вместе с тем и очень своеобразное по его характеру — скотоводство.

В фаунистических остатках из поселений с раковинными кучами много костей свиньи и собаки. Этот факт дает основание высказать мысль о том, что свинья была, если и не полностью одомашнена, то во всяком случае полудомашним животным. Обилие костей собаки, в свою очередь, дает основание думать, что и собака употреблялась в пищу. Все это подтверждается этнографическими фактами. Собака употреблялась в пищу палеоазиатскими племенами северо-востока Сибири — чукчами, коряками, а также амурскими народами — нивхами и ульчами. Она шла в пищу у корейцев и китайцев. Собаки считались у них также излюбленной пищей духов.

Дальнейшие исследования полностью подтвердили предположения о том, что собака и свинья были домашними животными у людей раковинных куч и что собака, как и свинья, тоже употреблялась в пищу. Но мясо свиньи все же употреблялось больше: кости свиней составляют до 95% в костных остатках из раковинных куч!

Широкое использование свиней как мясного животного в условиях жизни приморских племен, главным занятием которых было рыболовство, вполне понятно. Люди жили на мысах и в бухтах на самом берегу океана, окруженные густыми лесами, где не было больших пастбищ с хорошей травой, необходимой для коров, овец и лошадей. Свинья же не нуждалась в таких пастбищах. Она питалась отбросами пищи, рыбой, а также, вероятно, моллюсками. Дубовые леса снабжали ее излюбленной пищей — желудями; она могла поедать плоды маньчжурского серого ореха, съедобные растения. Особенно важно, что, не нуждаясь в особо заботливом отношении к ней хозяев, свинья размножалась быстро и в больших количествах.

Из костей свиньи выделялись мередко костяные острия, а кабаньи клыки употреблялись для изготовления кривых стержней составных рыболовных крючков.

Третье и не менее, если не более, важное обстоятельство, относящееся к экономической жизни населения Приморья в эпоху раковинных куч, заключается в том, что у приморских племен развивалось земледелие, начало которому в Приморье было положено еще раньше, в неолитическое время.

Первым прямым свидетельством о наличии земледелия у обитателей поселения на полуострове Песчаном являются зернотерки, состоявшие из двух частей — нижней, в виде плоской плиты, и верхней, куранта ладьевидной формы. Куранты такого рода найдены на полуострове Янковского, на мысе Артемьева, а также во всех жилищах на полу-

острове Песчаном. Такие зернотерки и куранты к ним, предшествующие позднейшим ручным мельницам с вращающимися вокруг своей оси круглыми жерновами, постоянно встречаются в древнейших земледельческих культурах земного шара, начиная с первого очага начального земледелия в странах Ближнего Востока и Средней Азии, в классической Греции, и кончая далекой Америкой. Именно такими орудиями, мололи зерно женщины Древнего Египта, статуэтки которых уцелели в древних гробницах «страны пирамид» [238].

Нижние плиты зернотерок в целом виде в жилищах на полуострове Песчаном не встречены, имеются только их обломки. Они характеризуются специфическими выбоинами-насечками на рабочей поверхности, точно такими же, как на современных мельничных камнях-бегунах. Куранты для зернотерок на полуострове Песчаном имеют одну и ту же стандартную форму в виде удлиненного овала: они плоские с рабочей стороны и выпуклые со спинки. У сильно сработанных курантов, как это обычно наблюдается в таких случаях, средняя часть бывает скошена и соответственно углублена, тогда как края остаются массивными и утолщенными. Это придает им характерную «ладьевидную» форму. Сегментовидных узких курантов с горбатой высокой спинкой на полуострове Песчаном не найдено. Вторым свидетельством развивающегося земледелия у обитателей поселения на полуострове Песчаном и других их современников в Приморье являются характерные шлифованные ножи-серпы из шифера, имеющие около обушка специально просверленные отверстия для закрепления в рукояти.

В находках на полуострове Песчаном, однако, нет встречающихся: в других местах каменных плечиковых мотыжек.

Отсутствие на Песчаном этих орудий может объясняться тем, что вместо них использовались иные орудия, в первую очередь, деревянные палки или железные втульчатые мотыги-топоры. •

В 1959 году в культурном слое поселения эпохи раковинных куч у известкового завода вблизи села Екатериновки на реке Партизанской были найдены обугленные зерна проса. Как известно, просо издавна возделывалось на Дальнем Востоке, в Центральной Азии и Северной Индии [239]. Просо лучше всего произрастает на лессовых землях. Еще в неолите оно возделывалось в Европе,

Кроме земледелия племена Приморья занимались собиранием дико-растущих съедобных корней и плодов: кедровых и маньчжурских орехов, ягод, дикого винограда, шиповника.

Обитатели поселения на полуострове Песчаном занимались, естественно, и охотой, о чем свидетельствуют кости диких животных, преимущественно пятнистого оленя. К предметам вооружения охотников принадлежат, в первую очередь, шлифованные клинки и наконечники стрел из шифера. К области духовной жизни янковцев относятся-

украшения в виде бусин правильной цилиндрической формы. Такие бусы обычны в раковинных кучах Приморья. Они представлены были уже в первых находках во время раскопок В. П. Маргаритова в 1884 году на полуострове Янковского. Он писал о трубочке из глинистого сланца, отличавшейся «особенным изяществом». Превосходно отшлифованные красивые бусы правильной цилиндрической формы найдены на полуострове Песчаном, в устье реки Раздольной вблизи Тавричанки, на острове Попова и в некоторых других местах. Материалом для них служила плотная и относительно твердая яшмовидная порода темно-зеленого и зеленовато-серого цвета. Камень чаще всего бывает ровного тона и однородной расцветки. Но есть и такие бусины, у которых заметна характерная для яшмы прихотливая полосчатость, придающая бусинам особенно нарядный вид.

В одном из жилищ на полуострове Песчаном найдена бусина из красивой темно-зеленой яшмовидной породы, но не цилиндрическая, а боченковидная, или биконическая. Бусина эта крупная, хорошо отшлифованная. Отдельно нужно отметить гальку с отверстием и звездчатыми выступами. Этот предмет мог быть естественным по своему происхождению. Он близок по форме к определенной категории вещей, занимающих важное место в каменном инвентаре древних поселений соседних областей Восточной Азии, в том числе Японии, Кореи и Маньчжурии, к звездчатым шлифованным палицам. Близкие по типу палицы с зубцами есть в Северном Китае. В Корее такие палицы датируются бронзовым веком. Одно такое изделие найдено было А. З. Кирилловым на Змеиной сопке вблизи устья реки Артемовки. Это хорошо отшлифованный диск из плотной темной породы с просверленным биконическим отверстием в центре. Одна сторона его плоская, противоположная — выпуклая. Края диска сбоку имеют волнистый вид, так как на нем с обеих сторон вышлифованы глубокие симметрично расположенные выемки, образующие хорошо выраженные округлые зубы в количестве 20. Диаметр диска 12 см, диаметр отверстия 2,4 см, толщина диска 1,7 см.

Возможно, что в глазах жителей поселения эта звездчатая галька была тем же, что и палица со Змеиной горы на Артемовке, служившая, может быть, одновременно оружием и амулетом, наделенным магической силой.

•Ню полнее всего эстетические представления и интересы древнего населения полуострова Песчаного нашли выражение в орнаментации глиняных сосудов, а также в двух уникальных костяных поделках, украшенных геометрическим узором.

Орнамент сосудов янковской культуры оригинален по технике выполнения, орнаментальным элементам и композиции. Он представляет собой вполне сложившееся и законченное стилевое единство, являющееся результатом длительного развития. По технике выполнения украше-

ния на сосудах из раковинных куч делятся на три группы.

Это, во-первых, орнамент, представленный налепными рельефными валиками, иногда довольно широкими и массивными, отчетливо выдающимися на поверхности сосуда. Валики обычно гладкие, без каких-либо насечек или ямок. Замечательной особенностью техники выполнения таких валиков является отмечаемое в ряде случаев обыкновение проводить сначала на поверхности сосуда специальную узкую линию—углубленную полосу, на которой затем и накладывался валик. Это обеспечивало, очевидно, более прочное скрепление накладного валика с телом сосуда.

Особый вид украшения представляют выпуклые налепные шишечки,, овальные или круглые, а также ушки со сквозными поперечными отверстиями. Изредка применялись ложные налепные ушки-подковки без отверстий, серповидные и дугообразные налепы.

Отдельно нужно отметить расписной красочный узор из вертикальных узких полосок, расположенных обычно пучками в виде округлых пятен, образующих лососки, иногда зигзагообразные.

По орнаментальным мотивам и композиции керамический материал полуострова Песчаного можно распределить на ряд групп.

Оригинален узор в виде горизонтальных вдавленных линий, опоясывающих сосуд. Они располагаются иногда в виде одной, чаще же параллельными полосами из двух, трех, четырех и более линий. Узоры такого рода являются самыми распространенными. Это характернейший признак керамики раковинных куч Приморья.

Часто простые орнаментальные полоски из горизонтальных линий дополняются ямками различной формы. Они располагаются короткими горизонтальными полосками, расположенными с равными интервалами друг от друга. Иногда такие короткие полоски из ямок размещены попеременно сверху и внизу под горизонтальной линейной каймой.

Интересен узор из параллельных горизонтальных линий, соединенных друг с другом короткими поперечными линиями, расположенными с определенными интервалами, вертикально или наклонно. В ряде случаев линии бывают одиночными, иногда же парными, в виде полосок. Особым вариантом такого узора являются широкие полосы параллельных горизонтальных линий, между которыми расположены короткие вертикальные и наклонные линии, образующие зигзагообразные-полоски или косые кресты, а иногда ромбические фигуры, пересеченные внутри прямыми линиями.

Узор в виде горизонтального зигзага встречается относительно редко. Зигзаг бывает равнобедренным и в виде буквы И, то есть из двух вертикальных линий, между которыми расположена соединяющая их концы косая линия. Иногда он двойной, из двух параллельных резных линий, но встречаются и образцы простого линейного зигзага

из врезанной линии в одну горизонтальную полоску. Есть также фрагменты сосудов, на которых виден линейный вертикальный зигзаг из несколько рядов, образующих в общем нечто вроде елочного орнамента. Не исключено, что последний узор наиболее древний в поселениях типа раковинных куч и восходит к более ранней эпохе, представленной на Амуре поселениями типа Сучу.

Узор в виде вариации меандра представлен прямоугольными выступами, чередующимися зигзагообразно, попеременно, вверх и вниз. Но есть и образцы настоящего меандра, с выступами в виде буквы Г. Имеются даже образцы двойного меандра в виде двух параллельных друг другу меандровых полос. Фрагмент венчика сосуда с превосходно выполненным подобным узором из различных линий обнаружен в 1953 году у Тавричанки. Есть также пунктирный меандровый узор из ямочек.

Широко распространен орнамент особого рода, представляющий собой лишь отдельные элементы геометрического (ромбы, треугольники) орнамента, лишенные взаимной связи или являющиеся своего рода обрывками распавшихся сложных орнаментальных композиций, в первую очередь, меандра или зигзагов. Изредка отмечаются криволинейные простые узоры в виде дуг.

Общая композиция орнамента неразрывно связана с формой сосудов, определяющих расположение элементов узора и характер орнаментального поля в целом. Орнаментальное поле, как правило, по площади ограничено, и большая часть сосуда остается без узора. Орнамент подчеркивает архитектуру формы сосуда: выделяет такие конструктивные элементы, как венчик, шейку, а также плечики.

В целом известное нам искусство обитателей поселений янковской культуры ограничено орнаментом: никаких скульптур, никаких изобразительных сюжетов пока не обнаружено. Орнаментальный стиль, характерный для культуры раковинных куч Приморья, представляет выдержанное и устойчивое единство. В основе он имеет строгий прямолинейно-геометрический характер. Криволинейные элементы представляют в нем исключительную редкость. Ему свойственны лаконичность и скупость в отборе орнаментальных элементов, устойчивость простых традиционных композиций, тесно связанных с формой сосуда. Вторая отличительная черта этого орнамента заключается в своеобразной свободной игре орнаментальными деталями: в неожиданных комбинациях и сочетаниях деталей и фрагментов изломанных орнаментально-геометрических композиций в виде обрывков меандра, зигзага, треугольников.

Это своеобразное, изощренное чувство формы с еще большей силой обнаруживается в расцветке, фактуре украшаемого изделия. Орнамент на сосудах, в особенности на чашах-достарханах, часто занимает даже не второстепенное, а подчиненное место. Важнее любого узора

с эстетической точки зрения здесь была завершенная изящная форма самой чаши с ее строго взвешенными устоявшимися пропорциями. Именно ее, эту форму, найденную исканиями многих поколений, подчеркивала и дополняла строгая и одновременно пышная расцветка поверхности чаши, черная и красная. В ряде случаев мастеру было мало простой однотонной расцветки, черной или красной. Тогда он явно намеренно прибегал к контрастному противопоставлению двух цветов, черного или шоколадного внутри и красного или буро-желтого снаружи сосуда. Роскошь этой торжественной расцветки и завершенность формы чаши, их эстетическую ценность и силу художественного воздействия усиливал блеск ее лощенной поверхности.

В целом же, на фоне памятников других исторических этапов, как более ранних, так и более поздних, орнаментально-декоративный стиль, характерный для поселения на полуострове Песчаном и близких к нему остальных поселений с раковинными кучами, занимает такое же особое место, какое принадлежит этой культуре в целом. Что касается мировоззрения древних сидиминцев, то о нем некоторое представление могут дать погребальные памятники.

Известны немногочисленные захоронения или остатки последних в виде разрозненных частей человеческих костяков, встречавшихся в раковинных кучах. Захоронения, обнаруженные на поселении Малая Подушечка, дали интересные украшения — нефритовые диски и кольца, а также цилиндрические бусины из яшмовидного камня голубоватого цвета, такие же, как найденные на поселениях. Эти захоронения, пока древнейшие из найденных в Приморье, свидетельствуют об определенном погребальном ритуале: покойники укладывались в могилы на спину, в вытянутом положении, головой и на юг. Эта ориентировка, очевидно, связана с представлениями о стране мертвых, расположенной на севере, с культом солнца как источнике жизненного начала

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселения на полуострове Песчаном, на мысе Басаргина, на полуострове Янковского, у поселка Тавричанка и полуострове Де-Фриза с их мощными раковинными кучами представляют собой классический вариант памятников этого рода. Они дали самый богатый и выразительный материал для характеристики культуры, получившей название янковской.

Наряду с поселениями этой культуры имеются и другие, без отложений раковин. К ним относится, например, одно из наиболее богатых по находкам керамики и великолепных каменных орудий — шлифованных топоров, поселение на острове Попова у Владивостока,

И еще интереснее в этом отношении серия других поселений, расположенных уже не непосредственно на берегу моря, а в известном отдалении от него. Таковы, например, поселения на реке Кроуновке около Уссурийска, в районе устья реки Артемовки. Здесь они впервые выявлены А. И. Разиным, а в последние годы подвергнуты обширным раскопкам экспедицией Сибирского отделения АН СССР и Дальневосточного государственного университета.

Наконец, такие же памятники обнаружены и исследованы в долине реки Партизанской, в 20 км к северу от г. Находки, и в 3 км севернее села Екатериновки, вблизи известкового завода, принадлежавшего до революции предпринимателю Федорову^[240].

В этом, на редкость живописном месте, около скалистого мыса, у подножия которого проходит полотно железной дороги и протекает река Партизанская, выступает невысокая скала, круто обрывающаяся к северу. Противоположный склон более пологий. Высота скалы достигает 10—12 м над уровнем первой надпойменной террасы. Еще в недавнее время она была покрыта лесом и густым кустарником.

В древности на этой изолированной скальной вершине находилось поселение, о чем свидетельствуют многочисленные обломки глиняных сосудов, а также изделия из камня, торчавшие из обрыва на вершине скалы и валявшиеся в осыпи над обрывом. Местонахождение древних предметов сильно пострадало, так как скала долгое время служила карьером, в котором добывали материал для расположенных у ее подножия обжигательных печей. Тем не менее, материал, обнаруженный здесь, особенно в осыпи, оказался многочисленным и интересным.

На вершине останца, в юго-восточной его части, уцелел небольшой по площади пласт древнего культурного слоя около 1 м толщиной, густо насыщенный фрагментами керамики и изделиями из камня. Пласт этот с севера и востока ограничивался выступающим на поверхность блоком скалы, с запада он, постепенно утончаясь, исчезал, а с юга круто обрывался. В этом месте, ниже по склону, в осыпи между камнями, встречено было особенно много обломков керамики и обработанного камня. Там же найдена бронзовая пластина, лежавшая, вместе с черепками глиняных сосудов, — единственный металлический предмет из этого местонахождения.

Работы по раскопкам поселения были начаты с зачистки и зарисовки профиля обрыва, где наблюдался выход культурного слоя, разделившегося на два горизонта. Горизонты эти свидетельствуют, что культурные остатки откладывались здесь дважды, но в один и тот же исторический период—во время существования янковской культуры. В них найдены типичная янковская керамика, изделия из камня, в том числе топоры, куранты и зернотерки. Особый интерес вызывают своеобразные изделия из галек, обработанные архаическими при-

емами, напоминающими палеолитические. Это нуклеусы, грубые чопперовидные инструменты, своего рода скребла. Интересно, в связи с этим, что там же, в долине реки Партизанской, но несколько выше по ее течению, на правом берегу у подножия скалы, в которой находится пещера, получившая наименование Тигровой, на первой надпойменной террасе были собраны многочисленные оббитые гальки. В их числе оказались такие же чопперовидные инструменты или нуклеусы. Вместе с ними обнаружены и настоящие заготовки топоров, тесел. Отпечаток известного архаизма лежит и на других предметах с холма у известкового завода: для изготовления мелких каменных орудий широко употреблялся голубовато-серый обсидиан, полностью игнорировавшийся жителями полуострова Песчаного. Куранты здесь не ладьевидные, как на Песчаном, а древней формы — сегментовидные.

Архаические традиции в технике обработки камня объясняются, по-видимому, тем, что в глубинных районах Приморья, удаленных от моря, янковская культура наслаивалась на свежую еще аборигенную культуру коренных жителей края, неолитическую по облику. Обе культуры смешивались, и в результате возникало нечто своеобразное, гибридное по своему происхождению.

Жители поселка разводили свиней и собак на мясо. Они охотились на пятнистого оленя, косулю, выдру, водяную крысу. Рыбу ловили сетями, о чем свидетельствуют грузила из галек с выбоинами по бокам. В пищу шли и моллюски, но только в небольшом количестве. Самое же главное в находках у известкового завода — остатки сгоревшей каши из зерен лроса, которая сохранилась в виде спекшегося камня на дне глиняного сосуда. Таким образом, в отличие от прибрежных поселков, вся жизнь и культура которых во многом была ориентирована на море и на морской промысел, обитатели поселения у известкового завода были прежде всего и по преимуществу земледельцами.

МЕСТО ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ПРИМОРЬЯ

По первому впечатлению янковскую культуру можно было бы отнести к каменному веку, к неолиту. Так и думали первые исследователи раковинных куч Приморья В. П. Маргаритов, М. И. Янковский, Л. И. Разин, В. К. Арсеньев. В самом деле, камень все еще остается здесь важнейшим материалом для изготовления орудий труда и вооружения. Характерные для неолита каменные изделия — топоры, ножи, а также наконечники гарпунов и стрел по-прежнему многочисленны. Культура в целом устойчиво сохраняет общий неолитический облик. Но когда стали известны настоящие неолитические памятники Приморья — поселение в Рудном на реке Гладкой, у села Осиновки, вблизи

Уссурийска, и в других местах, стало очевидным, что поселения с «раковинными кучами» имеют по найденным в них культурным остаткам принципиальные отличия от собственно неолитических поселений. По сравнению с настоящим неолитом вся культура обитателей Приморья в это время становится иной. Существенно меняется прежде всего основа техники того времени — каменный инвентарь. Изменяются виды и способы изготовления каменных орудий и даже сами породы камня, из которых они выделялись.

Из обихода полностью или почти полностью исчезает вулканическое стекло — обсидиан, то есть то сырье, которое преимущественно употреблялось для выделки мелких орудий. Перестают употребляться для этой цели также и кремнистые породы. Соответственно этому исчезает и старая высокоразвитая техника отжимной ретуши. В поселениях янковской культуры отсутствуют не только обычные для неолитических поселений кремневые или обсидиановые ножи, скребки, проколки, наконечники стрел, но и простые нуклеусы, пластины, отщепы. Место кремнистых пород и обсидиана занимает почти исключительно шифер. В технике изготовления орудий труда и предметов вооружения наступает настоящий «шиферный век». Старые привычные приемы обработки камня вытесняются новыми, которые, правда, известны были и раньше, но не имели такого всеопределяющего, универсального значения. Оббивка и ретушь оттесняются на задний план техникой распиловки камня и шлифованием, применяющимися не только для изготовления топоров, но и наконечников стрел, ножей и других орудий труда, которые ранее оформлялись преимущественно оббивкой. Одновременно меняется тип каменных тесел: они становятся симметричными в профиле, в виде прямоугольных брусков. Это тоже, видимо, зависело от широкого применения новой техники — распиловки камня.

По-новому выглядит самый массовый и обильный материал в археологических находках — керамика. Формы сосудов становятся более разнообразными, более различными, обнаруживаются не известные ранее виды глиняной посуды. Среди них первое место принадлежит широким и плоским чашам, возвышающимся на узкой конической ножке-поддоне, и сосудам с узкой шейкой. Резко изменяется орнаментация и внешняя отделка сосудов, причем изменения орнаментики идут как бы в обратном направлении по отношению к эволюции форм сосудов. Юрнант становится проще, стандартизованнее. Сложные меандровые и зигзаговые узоры как бы распадаются на составные элементы и деформируются. Существенно при этом, что те же самые общие черты орнаментального стиля обнаруживаются не только в керамике, но и на костяных изделиях. Замечательными образцами такого стиля являются разные узоры на двух костяных изделиях из жилища 6 на полуострове Песчаном.

Вместе с тем прослеживаются новые черты в технике украшения глиняных сосудов. Широко распространяются резные параллельные линии и выпуклые налепные валики, опоясывающие сосуд, иногда расположенные параллельными рядами. Появляется не известное прежде обыкновение украшать сосуды симметрично расположенными налепными шишечками, находящимися в сочетании с поясами из резных горизонтальных линий и налепных валиков, а также часто встречаются сосуды с лошеной до блеска поверхностью, иногда нарочито покрытой тонким слоем малиново-красной краски. Замечательной особенностью некоторых чаш с поддоном является черное лощение их внутренней поверхности, которая представляет резкий контраст с бурой или красной, наружной стороной таких чаш. Широкое распространение получила прямолинейно-полосчатая роспись на сосудах черной краской по красному фону.

Самым же главным в жизни племен янковской культуры явилось появление нового металла — железа. По-прежнему в употреблении находились шиферные клинки, имитировавшие бронзовые клинки к наконечники копий. Из них особенно интересен клинок, который имеет навершие в виде буквы Т(241¹). Аналогичные клинки-кинжалы известны из случайных находок в Приморье. Их навершия близко напоминают навершия бронзовых кинжалов развитого бронзового века Южной Сибири, а также раннего железного века на Алтае. Таковы, например, навершия коротких железных мечей или кинжалов из курганов у села Вавиловки близ Семипалатинска и из курганов у урочища Арагол² на Алтае [242]. Однако железо, в том числе чугуны, уже были хорошо известны обитателям полуострова Песчаного, разумеется, так же, как и остальным их соседям-янковцам. В 1956 году в самой верхней части раковинного заполнения жилища 3, на полуострове Песчаном было встречено невыразительное и плохо сохранившееся железное изделие в виде тонкого прутика. В 1960 году снова были найдены железные прутики и среди них железные топоры-кельты. Один топор сохранился полностью, другие лишь частично, но форма всех этих орудий была одна и та же. Они имели вид широких четырехгранных клиньев с прямоугольным в поперечнике сечением.

Д. Саито, специально исследовавший образцы железных орудий из Бицзыво в Маньчжурии, полагает, что они изготовлены из белого литого железа (чугуна) [243]. Он считает, что искусство литья железа здесь выросло непосредственно из металлургической практики предшествующей эпохи бронзы, а вещи, найденные в Бицзыво представляют собой один из древнейших в мире образцов изделий из литого железа [244].

Следует отметить попутно, что железные кельты такого рода в Бицзыво оказались только на материке, то есть в Гаоличай, а на островке Даньтоцзы, где представлена более ранняя стадия культуры, они

отсутствовали совершенно. При этом, как пишут японские исследователи, железные инструменты употреблялись вместе с бронзовыми и каменными изделиями. Железные орудия, таким образом, принадлежат, по утверждениям японских археологов, тому времени, когда здесь все еще продолжала существовать неолитическая культура в ее позднейшей фазе. В целом же всю пережиточно-неолитическую культуру К. Хамада называет энеолитической культурой [245]. Замечательным, по словам Хамады, является то, что на этом этапе режущие орудия и оружие обычно делались из бронзы, а земледельческий инвентарь изготовлялся преимущественно из железа [246]. Д. Саито в датировке железных вещей из Бицзыво раннеханьским временем следует за К. Хамадой, относя их к II—I векам до н. э., то есть к эпохе ранней Хань [247].

Однако характер раскопок японских археологов не позволяет считать этот безоговорочный вывод доказанным. Нельзя признать правильной и общую концепцию истории культуры в Южной Маньчжурии, из которой исходят японские археологи. Для нас же сейчас важно, что обитателям поселения на полуострове Песчаном были известны не только бронза, но и железо; что они повседневно пользовались железными орудиями труда, а камень в их производственной жизни парадоксальным образом сочетался с железом.

При этом, однако, следует отметить, что железо на полуострове Песчаном встречено в толще заполнения определенной группы жилищ, исследованных в 1960 году, то есть окраинных жилищ, окружающих основной или центральный комплекс, который исследовался в 1956 году. При раскопках 1956 года в глубине исследованных жилищ 1—5 не оказалось ни одного железного предмета, тогда как в верхнем слое были обнаружены лишь отдельные поделки из железа, происхождение которых оставалось неясным и сомнительным.

Вместе с данными по топографии поселения такое распределение железных изделий является решающим критерием для хронологического расчленения жилищ этого древнего поселка. Значит, жилища, в которых были найдены железные предметы, действительно позже жилищ 1—5.

Вся масса керамики, включая и сосуды, украшенные росписью, выполненной черной или коричневой краской, во всех жилищах и во всех слоях поселения имеет строго выдержанный единообразный облик. Ее нельзя уверенно расчленить на какие-либо отдельные хронологические типы и вариации ни по технике изготовления, ни по формам, ни по способам и мотивам орнаментации, керамику эту приходится рассматривать как целостный культурный комплекс, существовавший без больших сдвигов и резких изменений, начиная с наиболее ранних, центральных жилищ, и кончая более поздними, в которых уже обнаруживается железо.

Тем не менее, на общем единообразном фоне этой керамики при более детальном изучении находок из поздней группы жилищ обнаруживаются и некоторые частные особенности, отличающие их от материала из более ранних жилищ. К ним относятся прежде всего сосуды, у которых вдоль наружного края венчика имеется острорребчатый валик, выступающий наружу в виде карниза. Такого рода сосуды напоминают сосуды из поселений поздней поры раннего железного века Приморья, керамику мохэского времени. Такая связь с мохэской керамикой, нужно думать, не случайна и, возможно, указывает на какие-то генетические связи мохэской культуры и культуры обитателей поселений янковской культуры.

Особенно интересно, что эта керамика аналогична найденной при раскопках в Одоне в Северной Корее, где она принадлежит особому культурно-историческому этапу, непосредственно следующему по времени за такими памятниками, как поселение на острове Чходо, которое совпадает по культуре и времени с поселениями янковской культуры в Приморье [248]. К числу более поздних элементов следует отнести, по-видимому, и миниатюрные сосудики с овальным дном и таким же резервуаром, напоминающие отчасти чаши, широко распространенные в циньское и ханьское время.

Особое место *в керамике поздней группы жилищ занимают фрагменты сосудов с широкими венчиками в виде раструбов, найденные, например, в жилище 8. Такие венчики напоминают отчасти сосуды из поселений около Амурского санатория вблизи Хабаровска, в Малмыже, у поселка Найфельд на реке Вире, в районе поселка Кочдон на Среднем Амуре, а также на Сенькиной Шапке вблизи г. Уссурийска [249]. Венчики с раструбом с полуострова Песчаного, однако, отличаются от отмеченных амурских и приморских сосудов своей тонкостью и простотой оформления. На них нет врезанных линий, зубцов и шишечек. В них можно видеть только далеких предшественников таких сосудов с блюдовидно отогнутым венчиком.

В связи с этим вопрос о датировке поселения на полуострове Песчаном, а вместе с тем и памятников янковской культуры, усложняется. Первый вывод из сказанного таков, что необходимо рассматривать жилища на полуострове Песчаном как принадлежащие не одному, а двум последовательным хронологическим этапам.

Первый этап характеризуется расписной керамикой и всеми остальными признаками, свойственными поселениям янковской культуры, в том числе шлифованными топорами, прямоугольными и реже округлыми в поперечном сечении. Расписную керамику с полуострова Песчаного следует рассматривать при этом как наиболее яркое и характерное выражение древней культурной традиции, уходящей в своих истоках в глубь неолитической эпохи Восточной Азии, в культуру яншао и в род-

ственные ей культуры Маньчжурии — грота Шагодун и первой доисторической культуры Чифэна. Керамика полуострова Песчаного во всех отношениях продолжает линию развития расписной керамики южно-маньчжурского неолита — как по технике, так и по стилю. На втором этапе эта культура продолжает устойчиво существовать, но в ней появляется примесь новых элементов, свойственных уже железному веку. Это, во-первых, само по себе железо, а вместе с ним новые черты в керамике, сближающие ее с сосудами из Одона в Корее, а также из мохэских могильников и поселений Амура, Маньчжурии и Приморья.

Первый этап, а вместе с ним жилища основной группы, могут быть датированы если не второй половиной II тысячелетия до н. э., то во всяком случае рубежом I и II тысячелетия.

Датировка второго этапа и относящихся к нему окраинных жилищ в северо-восточной части поселения определяется с помощью найденных в них железных орудий. Исключительный интерес для определения абсолютного возраста этих железных орудий и времени первоначального распространения железа в (Приморье и соседних с ним областях нашего Дальнего Востока имеют результаты исследований поселений раннего железного века в долине реки Кроуновки и в пади Семипятной на озере Ханка. Как показал анализ угля методом C^{14} в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, жилище в пади Семипятной, из которого происходит уголь, датируется XI—X веками до н. э. [26]. Если принять эту дату, то появление железа в Приморье должно быть отнесено к самому началу I тысячелетия до н. э.

Исходя из радиоуглеродной датировки поселения в пади Семипятной, железные орудия, найденные в поздней группе жилищ на полуострове Песчаном, нужно отнести еще к более раннему времени, чем XI—X века. Последние должны предшествовать поселению в пади Семипятной, ибо на полуострове Песчаном не найдено ни одного обломка сосудов с боковыми ручками-пеньками и никаких других вещей, характерных как для пади Семипятной, так и для верхних слоев Кроуновки.

Отсюда следует, что поздняя группа жилищ на полуострове Песчаном, где впервые появляются железные изделия, должна быть отнесена к рубежу II и I тысячелетия до н. э., всего вероятнее, к X—IX векам до н. э.

Этот вывод является настолько неожиданным, что, на первый взгляд, кажется невероятным. Он находится в противоречии с общепринятой ранее точкой зрения, согласно которой железо на советском Дальнем Востоке появилось не ранее конца I тысячелетия до н. э., а может быть, и позже, на рубеже нашей эры. Эта традиционная точка зрения наиболее четко была сформулирована еще в 30-х годах японскими археологами.

Подводя итог анализу материалов из древних поселений и могил в Южной Маньчжурии, И. Харада и К. Комаи пришли к выводу, что здесь до конца эпохи Чжоу и в ханьское время господствовал каменный век^[251].

Каменный век продолжался, по их мнению, вплоть до времени правления императора У-Ди, когда начинают широко распространяться бронзовые и железные орудия.

События, происходившие в Южной Маньчжурии, нашли отражение и за ее пределами. Южная Маньчжурия, как пишут Харада и Комаи, в конце Чжоу и в начале Ханьской династии была отправным пунктом для продвижения металлической культуры далее на восток, в Корею и в Японию.

Влияние этой культуры было так сильно и глубоко, что она продолжала существовать на Востоке даже в то время, когда Китай полностью вступил в железный век. В число отсталых областей Востока, согласно авторам, должен был входить и наш Дальний Восток, где они отмечали найденные у Владивостока узкий бронзовый кинжал и бронзовое зеркало с резным зубчатым рисунком, такие же, как находки в Корее и в Японии.

Попытка разобраться в этой проблеме была сделана недавно автором многих работ, посвященных могильным памятникам, характеризующим переход от камня к металлу в Маньчжурии и в Корее, Т. Миками. В своей последней фундаментальной сводке о погребениях в каменных ящиках и в дольменах⁴⁵ на территории Маньжурии и Кореи Т. Миками приходит к выводу, что памятники эти относятся к двум большИм историческим периодам прошлого Кореи и Маньчжурии. К первому, более раннему, периоду относятся каменные ящики, датируемые в Маньчжурии, в Жехэ, первой половиной, а в Гирине — серединой или второй половиной I тысячелетия до н. э.^[252].

В Жехэ они строились народом Пакчэ, упоминаемым в китайских письменных источниках, а в Гирине — племенем Фуюй. Каменные ящики на северо-востоке Кореи, в долине реки Туманган, Миками датирует временем от середины I тысячелетия до н. э. до I века н. э. Культура племени, населявшего в то время долину реки Туманган, по его мнению, была частью большой культуры каменных ящиков, распространявшейся на всю Маньчжурию и Корею. Но она отличалась рядом своеобразных черт, в первую очередь, наличием вещей, сходных с инвентарем глазковских памятников Байкальского района, а не Китая, не Кореи и не Маньчжурии. Второе отличие, по его словам, в том, что строители каменных ящиков в этом районе не употребляли бронзовых орудий и земледелие не было основным источником их существования. Лишь в конце существования этой культуры появляются признаки первого влияния скифо-сибирской культуры и культуры Китая. Возникает примитивное

земледелие, появляются каменные копии металлических инструментов. Это была, по мнению Миками, культура племени Илоу, отличавшегося от своих соседей по расовой принадлежности, обычаям и т. д. Каменные ящики в Корее датируются, по словам Миками, шлифованными наконечниками стрел и мечами из камня, повторяющими формы узких бронзовых мечей Китая, которые начали выделяться там с конца III и по II век до н. э. На юге Кореи каменные ящики появляются позже, чем на северо-западе этой страны, и существуют здесь до II—III веков н. э.

На смену каменным ящикам в Маньчжурии в III -г- начале II века до н. э. приходят дольмены. Их появление связано с большими переменами в общественной жизни местного населения, обусловленными усилением политического, экономического и культурного контакта с переломными культурами Китая и Центральной Азии. Они служили теперь могилами туземных правителей племенных общин, чего ранее не было. Строившие же их туземцы были предками позднейших гаогюйли —когуресцев.

На северо-западе Кореи дольмены строили в конце III — начале II века до н. э. племена, родственные строителям дольменов юго-восточной Маньчжурии. Их культура существовала до конца II века до н. э. На юге Кореи культура каменных ящиков и дольменов существовала дольше — вплоть до II—III веков до н. э. в унифицированной форме и принадлежала туземному племени Хань (не китайскому). Дольмены в это время были здесь могилами правителей племен Хань. В общем же дольмены в Корее, по словам Миками, принадлежали к позднейшей стадии неолита и ко всему «халколитическому» веку (с III—II века до н. э. и по III—IV века н. э.). Культура дольменов характеризуется шлифованными каменными мечами и наконечниками стрел, повторяющими бронзовые оригиналы, неорнаментированными сосудами буро-красного цвета [²⁵³].

Как видно, Т. Миками исходит в принципе из тех же общих положений на древнейшую историю Маньчжурии и Кореи, которые были в свое время изложены К- Хамада: неолит, или халколит, продолжался здесь, за исключением Жехэ, где издавна существовал более тесный контакт со степями Центральной Азии, до половины I тысячелетия до н. э., и даже еще позже, до III—IV веков и. э.

Иные, принципиально новые взгляды на историю освоения железа древними племенами Кореи и соседних с ней стран высказывают ученые КНДР, которые после освобождения страны проделали большую работу по изучению археологических памятников типа дольменов и каменных ящиков и, что особенно важно, с большой энергией занялись также исследованием поселений. Это привело их к ряду принципиально новых выводов относительно истории распространения метал-

ла — сначала бронзы, а затем и железа — в Корею. Результаты этих исследований обобщил профессор То Ю Хо, который уделил особое внимание проблеме мегалитической культуры⁴⁶ Кореи и ее происхождению [254]. То Ю Хо относит к мегалитической культуре не только дольмены, но и поселения с сосудами вымявидной формы, которые ранее назывались «роговидными». В памятниках мегалитической культуры Кореи встречаются полукруглые шиферные ножи с выпуклым лезвием и сверленными отверстиями, каменные шлифованные «ступенчатые» тесла, плоские тесла, прямоугольные в поперечнике топоры или долота, шиферные кинжалы, ромбические в сечении наконечники стрел с черешком из шифера. Есть так же топоры переходных форм от прямоугольных к округлым «вальцовым» в поперечнике. Для культуры дольменов характерны, далее, цилиндрические и боченковидные каменные бусы, «каменные монеты», то есть диски с отверстием. В одном каменном ящике была обнаружена бронзовая бляшка, сходная с карасукскими и найденными в районе Великой китайской стены. Бронзовые орудия редки. К ним относятся долото, найденное на поселении с вымявидной посудой в Кымгханри вблизи Пхеньяна, в бассейне реки Тэдонган, наконечник стрелы из каменного ящика Санияри около Саривона.

То Ю Хо полагает, что мегалитическая культура Кореи имеет южное происхождение. Он связывает эту культуру с Юго-Восточной Азией и югом Китая. В Корею она проникла, по его мнению, через Китай. Время ее возникновения в Корею То Ю Хо сначала относит к VII—III векам до н. э., но в настоящее время полагает, что начало этой культуры можно датировать первой половиной VIII и даже концом IX века до н. э., а конец — временем, предшествующим нашей эре. «Абсолютное большинство стоянок мегалитического типа определенно принадлежит, — пишет То Ю Хо, — бронзовому веку».

Ранний железный век, по данным То Ю Хо, как на юге, так и на севере Кореи относится к III—IV векам до н. э. Об этом свидетельствуют найденные после освобождения Кореи археологические памятники, предшествующие образованию в 108 году до н. э. «четырех ханьских уездов», но вместе с тем отличные от китайских памятников типа Чжаньго. К ним относятся узкие бронзовые кинжалы, наконечники копий, алебарды с кривым клинком, принадлежности колесниц, зеркала с тонким линейным узором, сосуды в виде цветочных ваз, железные топоры и серпы. То Ю Хо относит эти находки (главным образом из **ямных** могил) к древнему Чосону⁵⁵. Выводы То Ю Хо, следовательно, значительно раздвигают хронологические рамки эпохи металла в Корею.

Существенное значение приобретает в связи с этим и вопрос о времени появления железа в следующей стране Дальнего Востока — Китае. Приведем несколько фактов, относящихся к истории черной металлур-

гии в Китае, подтверждающих мнение о более раннем, чем думали прежде многие ученые, времени распространения железоделательного производства.

Долгое время в литературе по истории техники и металлургии на Дальнем Востоке проблема распространения железа на территории Китая оставалась неясной. Несомненно было одно, что в основе прогресса хозяйства и культуры, а также, в конечном счете, и в политической жизни ханьского Китая лежало широкое применение железа. Но этому широкому внедрению нового металла неизбежно должен был предшествовать какой-то переходный период — время первоначального освоения железа и проникновения его в технику и производственную жизнь древнего населения этой страны.

Для решения вопроса о времени появления железа в Китае необходимо привлечь как письменные, так и вещественные археологические источники, которые дают представление об истории железа и железоделательного производства в Китае. Общеизвестно, что железо полностью победило бронзу в Китае в III—II веках до н. э., то есть к началу циньского и раннеханьского периодов.

В это время железоделательное производство сделало настолько, значительные успехи, что появилась целая группа богачей, которые приобрели важную роль в экономике и национальной жизни, благодаря контролю над крупными центрами железорудного дела. Так, например, человек из Чжао (в Сычуани), некто Чжао Ши, имел железоделательное производство, на котором трудилось около тысячи человек³⁶]. у ж, е в 250 году до н. э. упоминается сталь: «великое железо». Из стали выдвигались мечи особенной длины, гораздо более длинные, чем бронзовые. Если среди бронзовых лишь изредка встречаются длиннее 80 см, то стальные, как правило, длиннее 95 см, некоторые даже достигают 120 см. Очень длинным, например, был меч, которым владел умерщвленный в 227 году император: он не смог извлечь его из ножен и потому пал жертвой убийц. Отсюда нередко делался несколько неожиданный и непоследовательный вывод, что железный век в Китае вообще начинается в III—II веках до н. э. К такому выводу склонялся Доно, а за ним и Форбес.

Однако в последнее время было установлено, что железо достаточно широко распространяется в Китае уже в IV—VI веках до н. э., в эпоху Чжань-го. В Гуаньцзы — книге, написанной Хуэй Ся (318—290 веках до н. э.) относительно железа говорится, что «каждая хозяйка нуждается в игле и ноже, каждый земледelec — в мотыге и лемехе, а путешественник — в топоре, пиле, шиле и долоте». Раскопки в Хуэйсяне (Хэнань), а также в Жэхэ дают большое количество железных изделий не только циньского, но и более раннего времени — эпохи Борющихся царств, Чжаньго, то есть в V—VI веках до н. э. Найдены также датирова-

мые этим временем железные литейные формы для изготовления орудий труда [²⁵⁷].

К V веку до н. э. относятся сведения о мастерах, изготовлявших легендарное по свойствам железное оружие, о которых говорится в Чунцю (анналах «Весны и Осени»), в том числе о мастере Кан Цзяне из царства У, которого князь Лу (514—496 годы до н. э.) пригласил, чтобы сделать два меча. У самого Кан Цзяна, в свою очередь, был великий учитель У Юй, знаменитый мастерством в изготовлении мечей. Из Чунцю видно, что производство изделий из железа было окружено атмосферой сверхъестественного и сопровождалось даже человеческими жертвами [²⁵⁸].

К 512 году до н. э. относится также упоминание о железном сосуде гигантских размеров, для выплавки которого министр царства Ци Чжао Ян приказал доставить четверть тонны железа.

Очень интересны далее сведения, извлеченные Б. Карлгреном [²⁵⁹], из знаменитого сочинения Гуаньцзы. По словам Карлгрена, Гуаньцзы связывается древней исторической традицией с именем Гуань У, или Гуань Чжуна, жившего во время позднего Чжоу в царстве Ци. Умер он в 645 году до н. э. В этом сочинении, указывает Карлгрэн, содержатся исключительно интересные данные как для истории ранней общественной жизни в Китае, так и для археологов. Первостепенное значение этого большого труда для археологии, по его словам, заключается в том, что в нем приводятся важные факты по истории распространения железа в Китае.

Согласно этим сведениям, производство железа и широкое применение железных орудий в Китае (Ци) существовало в правлении князя Хуана (685—643 годы до н. э.). В разделе 81 рассказывается, что этот князь установил государственный контроль и наложил пошлины на производство железа, которое употреблялось земледельцами для лемехов плугов, мотыг, серпов, молотков, кос, осей колесниц, пил, колесных втулок, сверл, долот и колес. Гуань Чжун указывает, что гор, в которых добывается медь, имеется 467, а железо — 3609. Эти цифры по казательны для определения пропорции между индустрией железа и меди. Тем самым эпоха применения железа охватывает не только VI—V века, но и VII век до н. э. При этом широкое употребление железа в VII веке свидетельствует, по мнению Карлгрена, о том, что его выделка должна была развиваться в течение длительного периода в хтреществующее время.

Интересно отметить, что самое раннее упоминание о железе имеется в древнейшем памятнике китайской литературы Шицзине («Книге песен»), где говорится об упряжке четырех лошадей, темно-серых, как Су-тье^{260} «цвета железа». Нидхэм относит этот факт к правлению князя Сян из княжества Ци (776—764 годы до н. э.) [²⁶¹].

Видный исследователь истории Китая Э. Эркес также считает, что железо получило массовое применение в VII веке до н. э., но начало его употребления относится к еще более раннему времени. Он считает, что, судя по упоминанию в Шицзине, железо стало известно в Китае даже не в VIII веке, а уже в начале завоевания царства Инь чжоускими князьями, то есть, очевидно, в XI—X веках до н. э. Как пишет этот исследователь, «возможно, что железное оружие сыграло определенную роль уже при завоевании 'Китая династией Чжоу»^[262].

Появление железных орудий в Китае на рубеже эпохи Инь и Чжоу, рассматриваемое в более широком историческом аспекте, не может быть чем-то удивительным, если принять во внимание общую ситуацию. Нидхэм справедливо указывает, например, что знаменитое письмо хеттского царя Хаттушила III, в котором говорится о железных клинках-кинжалах из Кищубата (в Киликийском Тавре или другой части Анатолии), датируется 1275—1250 годами, для Китая — иньшаньским временем.

Все эти факты свидетельствуют, что черная металлургия в Китае тысячелетиями развивалась собственным путем. Они подтверждают, что обработка железа имела здесь глубокие исторические корни и которая, возможно, началась на рубеже II—I тысячелетий до н. э.

Учитывая все эти обстоятельства, относящиеся к истории внедрения железа в производстве, а также результаты радиоуглеродного анализа угля из Семипятной и поселка Кировского, следует иначе подойти к вопросу о появлении железа в Приморье, а также о значении этого события для истории дальневосточных племен и их хозяйственной жизни. Новая постановка этой проблемы приводит к пересмотру существующих концепций о культурной истории Приморья во II—I тысячелетиях до н. э. и о путях перехода здесь от камня к металлу.

Янковская культура, как мы видели, существовала в Приморье в то время, когда в соседнем Китае достигла высокого уровня металлургия меди и бронзы, возникла письменность и выросло государство рабовладельческого типа. Бронзовый век давно уже начался и в соседних степях Центральной Азии и сибирской тайге.

В то же самое время на юго-востоке Азии и на островах Тихого океана от Тайваня и до Японии складывались своеобразные условия. Эти области Азиатского материка являлись своего рода резервуаром, где скапливались различные архаические элементы и такие черты материальной культуры, которые уже «выветривались» в более передовых странах, развивавшихся более быстрыми темпами. Прибрежные племена и обитатели островов долго продолжали жить простой первобытной жизнью морских охотников и собирателей, хотя занимались также отчасти земледелием и скотоводством. Замедленное развитие металлургии меди и бронзы у них объяснялось, вероятно, редкостью или полным отсутствием рудного сырья, удобных для разработки месторождений меди

и олова. Поэтому здесь устойчиво сохранялись каменные орудия, не было своей металлургии.

Именно об этом говорят новейшие археологические исследования на острове Тайвань, а также в Японии эпохи яёй. Тем не менее и здесь шел процесс постепенного прогрессивного развития. В жизни местного населения происходили разнообразные перемены, вызванные воздействием соседних стран, но вместе с тем имевшие и собственные, внутренние причины. Об этом наглядно свидетельствует отличие культуры яёй от более ранней культуры дзёмон, или первой собственно неолитической культуры на Тайване, от более поздней, второй культуры [263]. Первым свидетелем этого является распространение новых видов глиняных сосудов, а вторым — появление каменных орудий и оружия, повторяющих металлические прототипы.

Так было и в Приморье, а также в соседней Корее того времени, к которому относятся поселения типа острова Чходо и полуострова Песчаного. Всюду в этих местах появляются сосуды новых форм, в первую очередь амфоровидные, а также плоские блювовидные чаши на поддонах и глубокие миски.

Население этих областей во время янковской культуры, то есть во второй половине второго и в первом тысячелетии до н. з., уже хорошо знакомо было с металлом и не только копировало металлические вещи в шифере, но и имело в своем распоряжении привозные орудия и предметы вооружения из меди и бронзы. В Приморье пока еще не обнаружено следов местного производства меди и бронзы, не найдено литейных мастерских, литейных форм и других бесспорных доказательств существования местной металлургии, как нет и локальных типов бронзовых изделий. Это была, таким образом, еще вполне неолитическая культура. Но вместе с тем это, была уже не та культура, что существовала несколькими веками раньше.

Мы уже видели, что в жизни приморских племен произошел ряд существенных прогрессивных сдвигов, что культура их во многом приобрела иной характер. Самое же важное событие заключалось в том, что со временем в старый неолитический уклад быта вторгается новый культурный элемент — не только бронза, но и железо. И то, чего не могла сделать бронза, сделал, очевидно, новый металл.

Нужно иметь в виду при этом, что искусство обработки железа распространялось таким же этапным порядком, как и многие другие важные изобретения. Для этого не нужно было прямого контакта с первоначальным очагом, где это изобретение было сделано, ни политических связей, ни войн и переселений компактной массы населения.

Именно так, вероятно, и следует представлять распространение железа на Дальнем Востоке из неизвестного нам пока центра. Правда, на первых порах наличие железа не меняет сколько-нибудь существен-

ного облика всей культуры местного населения и не отражается на его истории как таковой. Культура эта остается в самом существенном прежней, неолитической.

Все сказанное дает, таким образом, право сделать заключительный общий вывод о том, что поселением на полуострове Песчаном представлен действительно прогрессивный этап в жизни древнего населения Приморья, что время его существования было отмечено большими событиями, которые имели важные последствия не только для всей дальнейшей истории Приморья, но и соседних с ним областей.

ПРИМОРЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

На протяжении ряда тысячелетий в Приморье развивалась древняя культура каменного века и существовали первобытнообщинные отношения; не было эксплуатации человека человеком, отсутствовали классы и государство.

Так было и в то время, к которому относятся поселения янковской культуры. В них нет еще никаких данных, указывающих на закат старых и становление новых общественных отношений. Но общий рост производительных сил, выразившийся в усложнении хозяйственной жизни, и связанное с ним развитие обмена не могли не подтачивать основы древнего общественного уклада. На смену родовому обществу шло новое, разделенное на классы, а вместе с ним и государство, сначала Бохайское, затем Чжурчжэньское.

Господствующую роль в технике играло железо, из которого выделяется производственный инвентарь, обслуживающий такую важную отрасль хозяйства, как земледельческий труд, а вместе с тем строительное дело. Из него начинают изготавливать мотыги, которыми земледельцы вскапывали землю; топоры, которыми они вырубали кустарник и раскорчевывали пни; серпы, которыми они жали хлеб; плотничьи инструменты для обработки дерева. Из железа должны были изготавливаться орудия домашнего труда женщин: иглы, шилья, ножи. Употребление железа означало перелом в росте производительности труда. Оно должно было способствовать крутому подъему экономики приморских племен, а также дальнейшему развитию общественных отношений и культуры древнего населения Приморья.

Вооруженный железным топором, земледелец впервые мог в широких масштабах начать наступление на вековые заросли уссурийской и амурской тайги, строить деревни и укрепленные убежища — зародыши средневековых городов. На основе роста производительных сил вскоре открылся путь к решающим переменам в общественной жизни — от первобытной общины к классовому обществу. Именно такой ход

событий рисуется по памятникам сначала раннего железного века, а затем мохэского времени, от которого пролегает прямой путь к первым местным государствам — бохайцев и чжурчжэней.

Отсюда вытекает принципиально иная, чем прежде, оценка места янковской культуры в истории советского Дальнего Востока.

Первоначально, как мы уже видели, время янковской культуры Приморья оценивалось с совершенно определенной точки зрения, высказанной еще М. И. Янковским и (В. П. Маргаритовым. Эти первые исследователи, а за ними и последующие — А. И. Разин, В. К. Арсеньев, Л. И. Иванъев и другие — пришли к выводу о примитивности культуры и крайней отсталости населения Приморья янковской культуры по сравнению с населением других соседних стран.

Контраст между примитивной янковской культурой, с одной стороны, и блестящим расцветом культуры населения Приморья в средние века, с другой, был с их точки зрения настолько резким, что оба исторических периода открывались друг от друга и разделялись какой-то /пропастью.

Культура Бохая и чжурчжэней, с их точки зрения, была для Приморья всего лишь только эффектным экзотическим растением, случайно оказавшимся на дикой, неводеланной почве.

Теперь мы можем с полной уверенностью сказать, что этот старый взгляд, устойчиво господствовавший сто лет, не соответствует фактическому материалу.

Поселениями янковской культуры в прибрежной части Приморья: в действительности представлен определенный и очень важный этап в истории этого края: время существенных прогрессивных изменений в жизни приморских племен, которые подготовили затем переход на еще более высокую ступень экономики, общественного строя и культуры, то есть к классовому обществу и государству.

Значение этого этапа в истории нашего Дальнего Востока станет еще более ясным, если рассматривать его на более широком культурно-географическом фоне. Перед исследователями истории культуры азиатских народов уже давно встал вопрос о соотношении основных культурных этапов на советском Дальнем Востоке и в соседних с ним степных районах Сибири и Монголии.

Для большей части Сибири и соседних с ней, стран характерен классический путь эволюции техники и культуры: от неолита к бронзе, а от последней к железу. В Приморье вместо такого плавного, постепенного развития через три великих культурно-исторических этапа наблюдается резко своеобразный исторический процесс, специфический и по темпам развития и по их качественному содержанию.

Во втором тысячелетии до н. э. бронзовые орудия Забайкалья и Западной Сибири II—I тысячелетий до н. э. были уже известны жи-

телям Приморья, по, несмотря на это, местные племена прошли через эпоху бронзы так, что она не отразилась существенным образом на их жизни и культуре. По сути дела, они не пережили этого культурно-исторического этапа как такового. Подлинно новое время началось для них лишь при переходе от камня к железу. Приморские племена, шагнув прямо из каменного века в железный, совершили этот переход значительно раньше и быстрее, чем племена бронзовой культуры.

Раннее внедрение железа в Приморье имело, по-видимому, значительно более глубокие последствия не только для жителей этого края, но и для многих их северных соседей, вплоть до обитателей сурового и отдаленного Чукотского полуострова, а может быть, и Камчатки. По крайней мере, наличие железа неожиданно рано обнаруживается и на Чукотке — в технике резьбы по кости уэлено-оквикского времени, находкой железного резца в одном из костяков уэленского могильника на Охотском побережье, где при раскопках вместе с архаическим каменным и костяным инвентарем найден резец из железа [264]. Р. С. Васильевский обнаружил также железный наконечник (носок) гарпуна в древнем поселении у селения Атаргана [265].

В середине I тысячелетия до н. э. в Приморье появляются поселения с другой планировкой жилищ, отличными от янковской культуры приемами орнаментации сосудов, иными формами каменных орудий.

Исключительный интерес в этом отношении представляют находки на реке Кроуновке, в районе г. Уссурийска. Река Кроуновка, правый приток реки Раздольной, впадает в него выше г. Уссурийска и протекает по холмистой местности, почти сплошь покрытой кустами и мелким лесом, преимущественно дубняком.

Ниже села Кроуновки долина реки Кроуновки широкая, почти целиком распаханная. Выше поселка она суживается, проходя между высокими крутыми склонами соседних возвышенностей. Вдоль русла реки тянутся обрывистые обнажения террас двух уровней. Наиболее высокий уровень соответствует второй надпойменной террасе (высота 5—6 м над уровнем гилечного ложа реки) и первой надпойменной террасе, высотой около 2 м над рекой. При осмотре одного такого обнажения еще в 1956 году были замечены крупные фрагменты глиняных сосудов необычного вида и каменные плиты. Такие же черепки глиняных сосудов и камни валялись у подножия террасы в земляной толще осыпи. Черепки сосудов оказались и в галечнике на берегу реки Кроуновки.

Расчистка обнажения террасы показала, что памятник этот многослойный. Над слоем с остатками континентальной янковской культуры здесь залегал отчетливо выраженный культурный горизонт, в котором находилось большое количество обломков глиняных сосудов, отличавшихся от керамики нижнего слоя толстыми стенками и большими размерами, а также полным отсутствием орнамента. Они делятся по

форме на две группы. В первую входят оригинальные высокие и узкие биконической формы кубки типа доу, на широком и высоком поддоне. Кубки эти поражают странной формой. Поддон их несоразмерно велик по отношению к резервуару. Во вторую группу входят большие плоскостонные горшки «баночной» формы, у которых иногда сбоку имелись своеобразные цилиндрические выступы-«пеньки», напоминающие ушки.

В неразрушенном участке слоя уцелело самое интересное: остатки сооружения из камня. Материалом для него послужили плоские и довольно тонкие плитки песчаника, доставленные из каких-то других мест, так как поблизости такого песчаника не найдено. Плитки эти стояли почти вертикально и образовывали сплошную стенку. Они очень старательно приставлены одна к другой. Высота стенки достигает 40 см, длина — 1,5 м. С «внутренней» стороны стенки, обращенной к реке, был обнаружен раздавленный сосуд с характерными боковыми ушками-пеньками около венчика. Вдоль стены были рассеяны небольшие обломки сосудов. Эти фрагменты находились на глубине 40—50 см от дневной поверхности и в 5—10 см выше основания стенки из плит, то есть на древнем полу. С противоположной, наружной, стороны стенки были прослежены пятна жженой докрасна супеси, образовавшие полосу шириной около 10—15 см, окаймлявшие кладку на всем ее протяжении.

На южном конце к стенке под прямым углом примыкала довольно массивная базальтовая плита размером 50х35 см. Она, как и плитки, стояла вертикально. Рядом, на расстоянии 20 см от нее к югу, находилась вторая плита, в таком же точно положении.

Сверху на этих двух плитках лежала широкая и сравнительно тонкая плита песчаника. Это был канал, который одной стороной примыкал к стенке, а другой шел параллельно ей, но выходил наружу. Внутри канал сплошь заполняла мешаная супесь, в которой на глубине 30 см были найдены включения обожженной докрасна земли.

В целом этот комплекс, нужно думать, представляет собой остатки жилища, внутри которого помещалось отопительное сооружение типа кана. Внутренняя сторона канала этого кана была ограждена, по-видимому, каменной стенкой из плит песчаника. Пятна жженой супеси тоже, должно быть, связаны с каном; это могли быть остатки обмазки второй его стенки.

Обитатели поселения еще пользовались каменными топорами. Но топоры эти уже иные по форме, сравнительно с более древними. Они массивные, почти квадратные в поперечном сечении, имеют четко выраженные плечики и рукоять. Их так и следует называть топорами типа кроуновского. Это последние каменные топоры Приморья. На поселении Кроуновка найдены также обломки железных орудий.

Второе поселение того же времени обнаружено в континентальной части Приморья — у озера Ханка, в пади Семипятной. Падь Семипятная находится в 8 км к северу от села Новокачалинского за ближайшей возвышенностью, покрытой мелким лесом, преимущественно молодым Дубняком. Дорога туда идет от озера Ханка через долину речки Малый Усач и далее по пади Куркунихе, через перевал вдоль старой заброшенной дороги. Падь Семипятная корытообразная, с широким плоским дном, по которому струится небольшой ручей Семипятный с чистой и холодной водой. Около этого ручья, на высоком мысообразном холме, между двумя логами, и находилось древнее поселение, остатки которого были впервые обнаружены в 1956 году.

На раскопках кроуновского поселения

На раскопках кроуновского поселения

Следы древнего поселка представляют собой неглубокие ямы-западины чашевидной формы, имеющие в плане чаще всего овальные очертания. Ямы нередко сливаются одна с другой. Поселок был большим. При тщательном осмотре площадки, где он расположен, можно и сейчас заметить более двух десятков ям-западин размером в сред-

нем 5x5 м и глубиной около 0,5 м. Вдоль полотна проселочной дороги, а также в обнажении глубокого рва на площади, занятой древним поселением, повсюду встречались фрагменты сосудов, в том числе обломки венчиков с характерными выступами-налепами.

Стены углубления-жилища были отвесными или почти отвесными. Их нетрудно было проследить, так как заполнение ямы отличалось большей рыхлостью и более светлым цветом по сравнению с материком, в котором было вырыто углубление жилища. Вдоль стен в ряде мест были прослежены остатки горелого дерева — следы деревянных конструкций. Особенно много остатков горелого дерева сохранилось вдоль северо-западного края жилища. Здесь уголь залегал сплошным слоем шириной до метра. Это могли быть остатки не только стен, но и сгоревшего настила нар и пола. Столь же отчетливая полоса древесного угля окаймляла соседнюю западную стенку и переходила дальше, на угол юго-западной стены. В ряде мест, где уголь сохранился лучше всего, было видно, что это остатки небольших бревешек или жердей, лежавших наклонно. Это могли быть сгоревшие остатки каркаса стен. При зачистке внутренней части жилища были обнаружены ямки для столбов. Они делились на две группы. В первую входят остатки столбов вдоль стен.

Ко второй группе относятся углубления, располагавшиеся посредине пола. Эти ямы остались, очевидно, от крупных столбов, на которые опиралась кровля жилища.

Пол жилища в плане приближался к квадрату, размером 6x8 м, общая площадь его, таким образом, была равна 48 м². Он был почти ровным, горизонтальным, отмеченным местами тонкой углистой прослойкой, глубже которой шел материк — очень плотная, еле подававшаяся лопате желто-бурая глина с гранитной щебенкой. Посредине пола находился квадратный очаг, сложенный из гранитных плит.

Выход из жилища помещался посредине его северо-западной стены. Он имел вид желобовидного углубления шириной около 90 см, заполненного относительно рыхлой мешаной землей с примесью кусочков древесного угля. В поперечном разрезе видно, что в основании этого желоба находится слой угля толщиной до 0,5 см. Выше залегают прослойка мешаного темно-серого суглинка, а еще выше — вторая тонкая прослойка угля. Выход до конца не прослежен.

Остатки деятельности человека, относящиеся к последнему времени существования жилища, группировались двумя скоплениями сосудов. Первое из них находилось поблизости от очага. Второе — вблизи северо-западного угла жилища.

Из других бытовых остатков на дне жилища могут быть отмечены песчаниковое точило, пряслице из глины, пряслице конической формы,

прямоугольная пластинка из обожженной глины, крупная шлифованная подвеска из зеленоватого камня. В заполнении жилища найден был также каменный курант — свидетельство того, что жители поселка занимались земледелием.

Третий обширный поселок этой культуры оказался на живописной сопке вдоль берега Уссурийского залива на территории зверосовхоза Олений. Здесь раскопками вскрыта целая серия квадратных в плане жилищ-полужемлянок. Особенностью их являются своеобразные печи из каменных плит, внутри которых лежали целые сосуды. Одной из замечательных находок в этом поселении явился слиток олова, вылитого в расплавленном виде в мешочек. На поверхности слитка явственно отпечатались ткань.

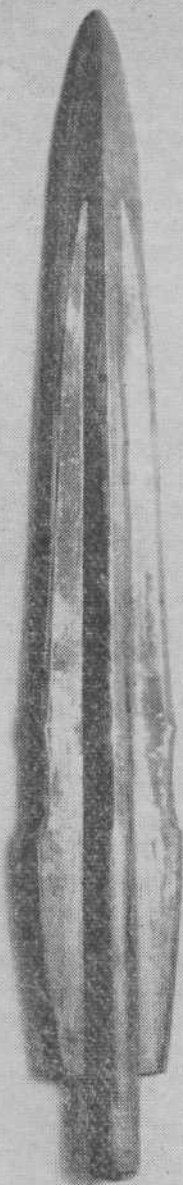
Находки в поселениях на реке Кроуновке, у озера Ханка и в зверосовхозе Олений ясно показывают, что древняя культура Приморья продолжала основную линию развития, характерную для более раннего времени.

В марте 1959 года экскаваторщиком В. И. Загородным в Приморский краевой музей им. В. К. Арсеньева были доставлены новые находки, обнаруженные им во время выемки грунта для строящегося полотна шоссе у сопки Голубиной. Как оказалось, это были предметы из древнего захоронения [266].

Со слов очевидцев удалось установить, что захоронение представляло собой ящик, выложенный из дикого камня-плитняка. Ящик имел форму куба, причем длина каждой его стороны не превышала 70 см. Внутри ящика находился костяк с сопровождающим его инвентарем.

Первое, что следует отметить в инвентаре захоронения, — бронзовые клинки и зеркало, которые являются основным датировочным материалом для определения возраста и культурной принадлежности захоронения. Бронзовые клинки представлены двумя экземплярами. Оба клинка однотипны и отличаются друг от друга лишь своими размерами. Длина одного клинка 31,2 см, а второго — 31,4 см. Каждый клинок состоит из стержня, по обеим сторонам которого имеются широкие лопасти лезвий. Поверхность обоих клинков тщательнейшим образом отполирована и покрыта тонким слоем белого серебристого металла, благодаря чему они почти не пострадали от окиси, несмотря на длительное пребывание в сырой почве.

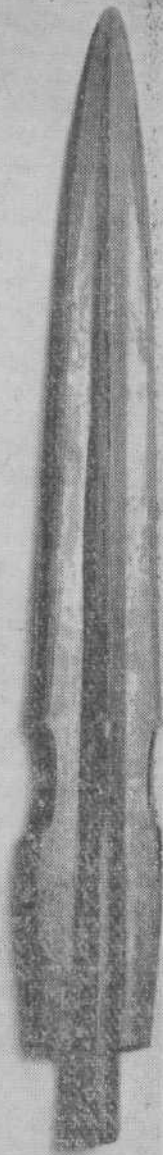
Зеркало представляет собой правильный круг диаметром в 12,5 см. Отражающая поверхность изделия несколько вогнута и тщательно отполирована. Ребро диска зеркала оформлено наподобие желобчатого колеса, то есть оно имеет вогнутую поверхность. Тильная сторона зеркала сплошь покрыта орнаментом, состоящим из сочетания небольших параллельных рельефных линий, расположенных по отношению друг

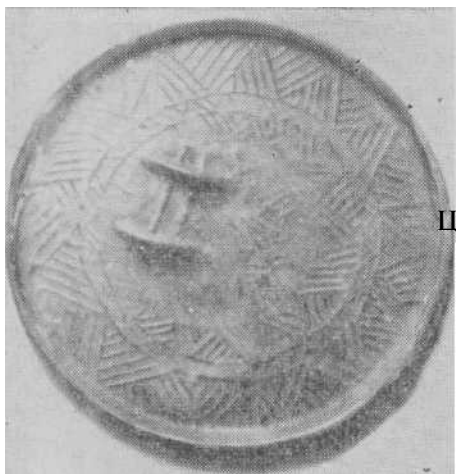
1

2

4

Бронзовое зеркало из погребения у Известковой сопки

к другу под определенным углом. Характерным образом оформлены ушки для подвешивания зеркала. В отличие от китайских зеркал, где ушко расположено в центральной части диска, в этом зеркальце они несколько выше центра зеркального диска. Кроме того, на данном зеркале мы имеем не одно ушко полусферической формы, как на древних китайских зеркалах, а два параллельных друг другу ребристых выступа с отверстиями для продевания через них шнурка. Поперек выступов на зеркале проходят два рельефных валика. Поверхность зеркала, как и двух клинков, покрыта тонким слоем белого серебристого металла.

Примечательно, что кроме клинков и зеркала все остальные бронзовые предметы не имеют на своей поверхности каких-либо признаков покрытия их белым металлом. Им покрыты лишь самые дорогие вещи, такие как клинки-кинжалы и зеркало, являвшиеся, по-видимому, скорее признаками знатности и богатства их владельца, чем предметами первой необходимости.

Следующим предметом является бронзовый наконечник втучатого копья, длина которого 13,6 см. Насад наконечника полый, в виде втулки. Остальные бронзовые предметы представлены пластиной-острием и небольшой стамесочкой.

Кроме изделий из бронзы, вместе с костяком были найдены также предметы из камня, представленные, прежде всего, небольшим шлифованным теслом.

Второй предмет из камня уникален. Он имеет дугообразную форму и напоминает при взгляде на него сбоку равнобедренную трапецию, основание которой имеет, в свою очередь, несколько вогнутую поверхность с неглубоким поперечным желобком в центральной части. Предмет сделан из зеленоватого камня яшмовидной породы. Вся его поверхность отшлифована местами до зеркального блеска. В длину предмет имеет 9,6 см при ширине в 2,5 см. Это, по-видимому, часть сложного лука, его центральная перекладина.

1) бронзовые мечи из поселения на Голубиной сопке

Металлические изделия из этого комплекса обнаруживают ближайшие аналогии в Корее. Таковы, в первую очередь, бронзовые клинки-кинжалы. Аналогичные кинжалы с длинным узким клинком с характерными боковыми выемками на его лезвиях и массивной короткой рукоятью известны из различных пунктов на территории Кореи. Два совершенно тождественных клинка найдены были в деревнях Синчхон и Ипсилри. Такие же клинки оказались в деревнях Чхокчуо (уезд Хванчу, 1955), Тончоно (уезд Канкам, 1955), Чоно (вблизи Пхеньяна, 1956), Кыльхен (уезд Ынпха, в провинции Сев. Хванхэдо, 1956) [267].

Сосуды из кроуновского поселения Чапигоу

В Корее такие клинки связываются с памятниками конца I тысячелетия до н. э. и отчасти первых веков н. э., но точнее время их бытования не установлено.

Погребение на Голубиной солке относится, всего вероятнее, к концу I тысячелетия до н. э., когда в Приморье основная масса земледельческих орудий уже выделывалась из железа, а оружие все еще употреблялось бронзовое. В нем был погребен, очевидно, представитель племенной верхушки местных племен, вождь рода или племени, располагавший такими дорогими и редкими предметами, как бронзовые мечи и зеркало, по всей вероятности, изготовленными в соседней Кореи, где

имеются и соответствующие литейные формы для литья бронзовых мечей. Инвентарь погребения на Голубиной сопке свидетельствует, таким образом, о культурных связях Приморья с соседней Кореей в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия нашей эры. На территории Японии, главным образом на юге, также встречаются близкие по типу к найденным на Голубиной сопке бронзовые клинки мечей.

Вполне естественно также и то, что имеется ряд признаков, роднящих уникальные находки из погребения на Голубиной сопке с памятниками I тысячелетия до н. э. и отчасти первых трех веков нашей эры в соседней Маньчжурии (на полуострове Ляодун) и в Японии, когда там развивалась культура яёй.

Поселения в пади Семипятной датированы радиоуглеродным анализом 980±30 годом до н. э. Хронологически эта культура существовала несколько позже, чем янковская, потому что в ряде памятников можно видеть, что жилища кроуновской культуры в Оленьинском поселении прорезают янковские. Не исключено, что племена кроуновской культуры Чапигоу не заменили полностью население Приморья в I тысячелетии до н. э., а, заняв часть территории племен янковской культуры, продолжали долгое время жить рядом с ними в течение продолжительного времени.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ПРИАМУРЬЕ

В конце II — начале I тысячелетия до н. э. племена Приамурья также осваивают новый материал для изготовления орудий труда и оружия — железо. В это время в Приамурье развиваются культуры, во многом близкие к культурам Приморья. Одной из ранних культур этого периода в Приамурье является урильская, получившая свое название по большому поселению на острове Урильском.

Остров расположен в устье реки Урил, в 12 км от села Новопокровки Амурской области. Неподалеку от острова вниз по течению реки хребты Хингана образуют проход, по которому Амур стремительно несет свои воды, так что подниматься на лодках к острову через эту трубу можно только с большим трудом. Отсюда Амур хорошо просматривается километров на 18 вверх по течению, где он делает излучину. Солнечный высокий южный берег, защищенный от ветров с берега густым лесом, относительная безопасность от внезапного нападения издавна, начиная с неолита, привлекали внимание человека к этому острову.

Раскопки одного древнего жилища дали здесь обильный материал. Среди находок выделяются грузила для рыболовных сетей из плоских галек овальных очертаний с выбоинами по сторонам. Кроме таких грузил, обычных для древних памятников Приамурья и Приморья, встречаются также грузила из овальных галек с ретушированными желобками.

Кроме орудий, связанных с рыболовством, обнаружено несколько плит, из песчаника, которые применялись в качестве зернотерок. Так, одна из зернотерок представляла собой плиту из желтовато-серого песчаника прямоугольной формы. На одной стороне ее — характерные для зернотерки мелкие углубления — «проковка». Неподалеку от зернотерки лежал курант из темно-серого песчаника. Рабочая поверхность его ровная, слегка пришлифованная. На ней видны штрихи, расположенные перпендикулярно к длинной оси, соответственно движению куранта во время растирания зерна. В поперечном сечении курант имеет плоскоовальную форму.

Рубящих и режущих орудий на поселении немного. Они представлены в основном не целыми орудиями, а их фрагментами. Имеются также и заготовки. Среди них больше заготовок рубящих орудий, у которых лезвие образовано несколькими сколами с обеих сторон. В дальнейшем они зашлифовались. Найдено также несколько шлифованных тесел. Они имеют почти правильное Прямоугольное сечение. Лезвие у них заточено с двух сторон. Обушок закруглен. Материал — темно-серый кремнистый сланец. Орудия типа мотыг представлены тремя экземплярами. Одна мотыжка трапециевидной формы. По краям грубыми сколами с двух сторон образовано лезвие. Другая мотыга прямоугольной формы с небольшим перехватом у обушка. С одной стороны она полностью покрыта грубыми сколами, с другой — только по краям. Обломок третьей мотыги представлен нижней частью орудия с лезвием. Лезвие овальной формы, обработано грубыми сколами с обеих сторон по краю.

Шиферных ножей два. Один нож был обнаружен в жилище около очага. Это хорошо зашлифованный нож-серп с прямым лезвием и выгнутой спинкой, у края которой посередине изделия просверлено сквозное отверстие. Другой нож сохранился частично. Он имеет вид плоской пластины шириной 2,5 см с ровной зашлифованной спинкой. Лезвие тоже прямое, заточенное с двух сторон. Кончик ножа заострен. Лезвие затуплено от длительного пользования.

Изделия из кости представлены остриями-проколками, изготовленными из массивных трубчатых костей, расколотых продольно. Найдена в этом жилище и одна костяная пластинка от лат.

Судя по фрагментам сосудов, среди них можно выделить несколько типов.

Тип I. Сосуды с сильно выпуклым в верхней трети туловищем (сферические). Венчик невысокий, прямой или отогнут наружу. Часто хорошо выражен уступ шейки сосуда. Все такие сосуды краснолощечные. Орнамент, типичный для такого типа сосудов: прочерченные горизонтальные линии, наклепные валики, наклепные шишечки овальной или круглой полусферической формы.

Тип II. Сосуды обычной формы с почти прямыми, равномерно сужающимися к днищу стенками и слегка отогнутым наружу венчиком. Наиболее распространенным орнаментом на них являются наклепные рассеченные валики.

Тип. III. Сосуды со слабопрофилированным туловищем и отогнутым наружу венчиком в виде буквы Г или с выраженным уступом шейки.

Тип IV. Широкие чаши с плоским доньшком.

Наиболее распространенным орнаментом на фрагментах сосудов являлись различные сочетания прочерченных линий зубчатым штампом.

По тулову краснолощенных сосудов часто проходит геометрический узор из одного, двух или трех наклепных валиков. Дополнительно такие сосуды украшались наклепными овальными шишечками-жемчужинами.

Верхний край венчиков нередко утолщен и по нему с внешней стороны наносился узор из косых и прямых насечек, расположенных с одинаковыми промежутками пустого пространства или пучками по два вместе. Часто сосуды украшались орнаментом в виде меандра из рельефных наклепных валиков или из резных линий. Довольно распространен также орнамент вдавлений и насечек.

Следующее поселение урильской культуры исследовано в селе Кукелево около колхозных бензобаков. Здесь вскрыто раскопками три жилища. Все они представляли собой полуземлянки. Очертания их в плане имели вид прямоугольника или квадрата. Размеры первого жилища 6,4X6,6 м; второго — 4,5X4,8; третьего — 8,95x9,14 м. (Котлованы жилищ имели вертикальные стенки-плечи).

На ровном полу всех трех жилищ при зачистке были прослежены следы обмазки пола в виде слоя плотной глины. Помимо обычных столбовых ям внутри жилищ обнаружены хозяйственные ямы. В одном из жилищ сохранились остатки очага в виде очажного пятна.

Каменные орудия в этом поселении представлены точилами, отбойниками, отходами производства и готовыми предметами.

Сосуды были все плоскодонные, вылепленные вручную. Крупные сосуды представлены сферическими краснолощенными экземплярами с узким горлом и узким дном. Венчик прямой или отогнут наружу. К ним относятся и сосуды буро-коричневого цвета ситуплообразной формы со слегка суженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Эти сосуды украшались наклепными валиками и ложнотекстильным орнаментом. Они, по-видимому, употреблялись для хранения пищевых запасов.

Посуда среднего размера представлена горшковидными сосудами с более или менее хорошо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Стенки в средней части выпуклые и ко дну круто сужаются. Миниатюрные сосуды копируют форму крупных горшков. Один небольшой сосудик сохранился почти полностью. Стенки его прямые

и слегка расширяются от доньшка. Диаметр дна 5,5 см, диаметр венчика 7,5 см, высота 4 см. Поверхность светло-коричневатого цвета, заглажена, с небольшими вмятинами. Судя по фрагментам венчиков со слегка загнутыми внутрь краем и прямыми стенками, на поселении были в употреблении и небольшие чаши типа пиалы. Из обломков сосудов делались орудия типа скребел. Всего их 10 экземпляров. Края их пришлифованы. Подобного типа изделия часто встречаются в памятниках раннего железного века Приамурья и Приморья.

Третье поселение урильской культуры было частично раскопано в 1968 году на пятиметровой террасе в 2 км вверх от села Кукелево по речке Кочковатке. Оно состоит более чем из сорока круглых западин— остатков древних жилищ различных размеров. Одни западины не превышали в поперечнике 7—8 м, другие достигли 12—15 м. Всего раскопано на этом поселении три жилища полуподземного типа. Котлован первого жилища глубокий, 0,5—0,7 м, имел прямоугольную в плане форму со сторонами 6X7 м. Пол в центре жилища несколько приподнят и образует прямоугольную площадку, на которой располагался очаг. Вокруг площадки проходил ряд ям от столбиков, поддерживающих верхние концы перекрытия. У стен котлована проходил второй ряд ям от столбиков, к которым крепились нижние концы перекрытия. Эти столбики служили также и основой стен самого жилища. Между столбовыми ямами находились большие хозяйственные ямы, в заполнении которых часто находились кости животных, фрагменты керамики, а в одной хозяйственной яме на боку лежал большой амфоровидный сосуд, окрашенный малиновой краской.

Два других жилища были значительно больших размеров. Их котлованы глубиной до 1 м имели в плане подпрямоугольную форму с сильно округленными углами. В центре пола, так же как и в первом жилище, хорошо прослеживалась несколько приподнятая площадка, где находился очаг овальной формы. Ямки от столбиков проходили как вокруг очага, так и у стен земляного котлована. Площадь каждого из этих двух жилищ составляла около 150 кв. м.

Таким образом, перечисленными выше памятниками представлена своеобразная и яркая культура железного века на Среднем Амуре, самая ранняя, из всех известных в настоящее время культур железного века на этой территории.

Она принадлежала племенам, главным занятием которых было земледелие, о чем свидетельствуют куранты и зернотерки. Вместе с тем племена урильской культуры занимались также скотоводством — разводили свиней. Большое значение для амурских племен имело рыболовство и охота. Жили эти племена оседло в полуподземных зимних жилищах. Жилища известны как большие, до 200 кв. метров площадью, так и малые.

В технике важное место по-прежнему занимала обработка камня и изготовление каменных орудий труда, но железо уже начинало соперничать с камнем.

Важное место в домашнем быту урильцев принадлежало глиняной посуде. Первостепенное значение имели большие узкогорлые сосуды емкостью до 10 и более литров, в которых, вероятно, хранились зерно и другие хлебные продукты, в том числе пиво. О важности таких сосудов свидетельствует особо тщательная обработка их поверхности. Она окрашена яркой малиново-красной краской и до блеска вылощена. Орнамент этих крупных сосудов тоже по-своему богатый, можно сказать, роскошный.

Большой интерес представляет вопрос о взаимоотношениях уральских племен Приамурья с соседними племенами. Основным центром их расселения была долина Амура в районе Благовещенска и несколько ниже. Однако отдельные сосуды и фрагменты с характерными для урильских сосудов налепными валиками встречаются в древних поселениях по Амуру и далеко ниже Хабаровска, например, в районе поселка Максим Горький. Такие же черепки шаровидных сосудов красного цвета со стоячим горлом обнаружены на правом берегу Уссури в районе села Шереметьево.

В Приморье близкие аналогии памятникам урильской культуры обнаруживаются в янковских поселениях. Это касается, прежде всего, фармы и конструкции жилищ. Урильские жилища имеют в основе такую же конструкцию, как наиболее ранние дома на полуострове Песчаном. Об этом свидетельствуют продольные ряды столбов внутри: жилищ, разделяющие их на параллельные коридоры, своего рода нефы. Одинаковы и типы каменных топоров или тесел, характеризующиеся прямоугольным сечением в поперечнике.

Сходны формы глиняных сосудов, принцип обработки их поверхности лощением и окраской в красный цвет. Особенно интересна деталь, сближающая технику орнаментации янковских сосудов с урильскими. Прежде чем наложить на сырую массу сосуда налепные узкие валики» древние урильские и янковские гончары прорезали на них узкие желобки, в которые вкладывались глиняные валики.

Так же, как в Приморье на поселениях янковской культуры,, в урильских поселениях имеются шиферные ножи и наконечники стрел.

Общее происхождение с янковской культурой Приморья в урильской культуре имеет, очевидно, и железо. Во всяком случае, на это совершенно определенно указывают своеобразные железные орудия в виде узких тесел специфической формы, обнаруженные на острове Урильском, и в жилищах янковской культуры на поселении в районе зверосовхоза.

Столь же определенно выступают факты, свидетельствующие о конкретных культурно-исторических контактах, существовавших между племенами Приамурья и Приморья, в янковское время Приморья и на урильском этапе истории Приамурья.

При всем их конкретном своеобразии это были близко родственные культуры, культуры-близнецы.

Следующий за урильским культурно-исторический этап на Амуре известен по раскопкам ряда поселений, расположенных от реки Бурей до устья Амура.

В 1935 году археологическая экспедиция Института этнографии и Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР под руководством А. П. Окладникова обнаружила на берегах этой реки между Хабаровском и Николаевском большое количество разнообразных и разновременных археологических памятников.

Среди них сразу же обратили на себя внимание, как едва ли не самые многочисленные на этом участке Амурской долины, поселения, характеризовавшиеся обильной и весьма своеобразной по ее облику, богато орнаментированной керамикой. Сосуды эти были плоскодонные, изготовленные вручную. Их украшали нарезной, линейный и штамповый узоры. Вместе с керамикой встречались кости животных, в том числе свиньи, а также рыб, раковины пресноводных моллюсков, явно употреблявшихся человеком в пищу. Сосуды разделялись по форме на три основные категории. К первой относятся большие сосуды ведрообразной формы, иногда со слегка суженной шейкой и расширенным наружу венчиком в виде раструба. Во вторую группу входят сосуды с широким, почти сферическим туловом, узким дном, очень узким горлышком и необычно расширенным венчиком в виде блюдечка. Третью группу составляли чаши-пиалы.

В том же 1935 году подобная керамика была собрана в ряде других мест по берегам Амура, в том числе на Малмыжской сопке, господствующей над Амуром. Она же встречена в нижнем культурном слое поселения в пади Большой Дурал, ниже села Нижне-Тамбовского, под горой, где находятся широко известные в легендах Нижнего Амура скалы — Окаменелый охотник, Медведь, Собака и Котел мифического охотника. Самые северные образцы этой характерной керамики встречены при раскопках в Кондоне, на реке Девятке в районе Комсомольска и в самом Комсомольске на Пиваньской сопке. Вверх по Амuru поселения с такой керамикой встречаются в Еврейской автономной области, вплоть до ее границы с Амурской областью. Словом, это широко распространенная, пожалуй, самая богатая памятниками археологическая культура нашего Дальнего Востока.

Основной областью ее распространения является побережье Амура, начиная с Ленинского района Еврейской автономной области,

и вплоть до района Хабаровска и далее вплоть до г. Николаевска.

Наиболее обширное поселение такого рода обследовано в 1935 году там, где ныне находится Амурский санаторий в окрестностях Хабаровска [268]. В 1959 году на поселении у Амурского санатория было раскопано пять жилищ и значительная часть межжилищного пространства [269].

Основная масса находок в этих жилищах и между ними состоит из глиняных сосудов, расположенных в ряде случаев целыми скоплениями. Сосуды украшены налепными валиками и своеобразным орнаментом. К этому же культурному комплексу относятся бронзовая пуговица скифско-карнсуцкого типа, а также костяные пластины от лат.

Второе, еще более замечательное поселение этой культуры, по которому она и получила свое название, расположено в местечке Польце [270], в 5 км на северо-восток от села Кукелево Еврейской автономной области.

Поселение расположено на 3—4-метровой террасе, полого спускающейся к сильно заболоченной старице, протоке Амура. По краю террасы проходит шоссе в село Бабстово. В 3—4 м от дороги в густом дубняке в 1962 году было обнаружено около десятка глубоких чашевидных западин. Глубина некоторых из них достигала 1,5 м при диаметре 8—10 м. Дно западин поросло молодым дубняком и кустарником. Тогда же в одной из западин был заложен небольшой разведочный раскоп площадью 0,5х0,5 м. Шурф не прорезал пола древнего жилища. На дне шурфа были обнаружены целый сосуд и обломок шиферного острья. Сосуд имел тулово шаровидной формы, плоское дно и суженный венчик. Его тулово на три четверти было покрыто ложнотекстильным орнаментом.

Дальнейшие раскопки этого поселения дали в руки археологов обширный фактический материал.

В каждом из жилищ встречались до двухсот и более сосудов самых различных форм, украшенных затейливым орнаментом. При раскопках найдены сотни орудий труда и вооружение из железа, кости, камня. Обнаружено много украшений: плоские кольца из нефрита, бусы, серьги, подвески. Обилие всевозможных предметов говорит о том, что поселок погиб во время пожара, по-видимому, при нападении врага.

Раскапывая поселение Польце, эти своего рода Амурские Помпеи, исследователи всюду видели смерть и разрушение. Бегство обитателей поселка (если им, конечно, удалось бежать) было настолько поспешным, что люди оставили все самое необходимое, в том числе даже железные и бронзовые изделия, высоко ценившиеся в то время. В одном жилище у очага лежал опрокинутый горшок с кашей, в другом — кости человека, не успевшего выбраться из горящего дома или сраженного стрелой у очага.

Дома в поселке располагались без какого-либо определенного

порядка: то они были вплотную друг к другу, то на расстоянии трех-четырёх метров. Благодаря наличию обгоревших конструкций можно восстановить общий вид жилищ. Это были полуподземные дома. Глубина их котлована, как правило, лишь немного превышала 1 м. У стен котлована ставились столбы толщиной 10—20 см на расстоянии 50 см друг от друга. К столбам горизонтально крепились толстые жерди или плахи шириной 25 см и толщиной до 10 см — основа стен жилища. В центре, на расстоянии 2 м от очага, ставились центральные столбы, служившие опорами для кровли. Крыша имела форму усеченной пирамиды. В верхней ее части находилось отверстие для входа в жилище, служившее одновременно для выхода дыма.

Летом основная часть жизни обитателей поселка, нужно думать, проходила вне жилищ. Возможно, что в наиболее дождливое время, когда в полуподземном доме было сыро, люди жили в небольших шалашах. Об этом свидетельствует тот факт, что между жилищами встречались остатки кострищ и целые сосуды.

Жители поселка искусно выделывали глиняную посуду. Их жилища буквально начинены сосудами. В отдельных домах их найдено более двухсот пятидесяти. Большие сосуды часто закрывались жителями поселка сверху маленькими чашками типа пиалы. Нередко сосуды стояли и лежали, вставленные один в другой.

На поселении встречены сосуды, вмещающие менее десятой части литра, и сосуды емкостью до 10 литров. Размеры, форма и ornamentация сосудов разнообразны.

Выделяются четыре группы сосудов. Первая группа — крупные сосуды, продолжающие в своих очертаниях и даже орнаментике старые урильские традиции. У них почти сферическое шаровидное тулово и контрастно узкое горло, в которое едва может пролезть рука. Венчик сосудов необычно широк, часто почти в виде блюдца. Узкое горло опоясано глубоко врезанными параллельными резными линиями в виде широкой сплошной полосы. На тулове расположены орнаментальные пояса: горизонтальные наклепные валики, иногда пояса из наклепных шишечек в ряде случаев параллельные волнистые линии.

Вторая группа — сосуды «баночных форм», то есть обычные кухонные горшки. У них слегка суженное горло и широко открытый венчик.

Третья группа — большие, часто даже огромные, узкие, вытянутых пропорций сосуды, слегка напоминающие современные ведра. У них иногда имеется и расширенный в виде воронки венчик-воротничок. Они почти всегда покрыты снаружи ложнотекстильным или, иначе, шахматно-шашечными оттисками, нанесенными деревянной лопаточкой с вырезанной на ней сеткой. Эти «ситуловидные» сосуды часто опоясывают валики, примятые пальцами.

Четвертая группа — широкие чаши типа пиал, часто миниатюрные по размерам. Их наружная поверхность обычно украшена сплошь симметричными вдавлениями подушечек пальцев, «пальчатым орнаментом», который встречается и на сосудах других групп.

Большие сосуды, как правило, служили для хранения зерна.

Отдельные сосуды вкапывались в пол жилища и служили своеобразными кладовыми-хранилищами. Некоторые из них состояли из двух небольших сосудов, соединенных между собой перемычками. При раскопках встречены также детские игрушечные сосудики. Некоторые из них не выше 2 см. Все они в точности повторяют своей формой большие сосуды.

В жилищах польцевской культуры встречаются светильники характерной формы — плоски с выступом посредине для фитиля. Такие светильники с рыбьим жиром освещали зимой полуподземные жилища.

Наряду с глиняными сосудами употреблялись и деревянные. Найдено несколько обугленных фрагментов таких сосудов. Один из них с отогнутым венчиком, таким же, как и у глиняных сосудов. Уцелели также несколько обугленных стержней и обломки деревянной ложки.

Широкое применение в хозяйстве обитателей Польцевского поселения находили железные, каменные и в некоторой мере шиферные топоры и тесла. Все каменные топоры и тесла шлифованные. Изготовлены они преимущественно из серовато-зеленой кремнистой породы, реже из сланца. Большая их часть прямоугольной или слегка расширяющейся от лезвия к обушке в плане формы, со слегка выпуклым лезвием. Заточены они симметрично, с обеих сторон, достаточного полого. В поперечном сечении они прямоугольные. Длина этих орудий от 6—7 до 17 см.

Найдено и несколько орудий другой формы: в плане они трапециевидные с узкой частью у обушка. Лезвия у них, как и у первых, заточены симметрично с обеих сторон, но не круто. Эти топоры и тесла подобны орудиям с полуострова Песчаного [271].

Железные втульчатые топоры-кельты имеют длину до 10 см. Их форма прямоугольная, почти квадратная, с расширенным лезвием. Втулка -окаймлена снаружи двумя горизонтальными желобками, опоясывающими орудие. Эти топоры-кельты аналогичны бронзовым топорам-кельтам из Внутренней Монголии [272]. В употреблении были также небольшие плоские топоры, выкованные из железных пластин толщиной в 0,5—0,6 см. На месте обушка они слегка загнуты. Длина топоров до 5 см, ширина до 3 см.

Жители поселения для жатвы, видимо, использовали вкладышевые серпы. Об этом свидетельствуют халцедоновые вкладыши, обработанные мелкими сколами. Их режущая часть порой тонко отретуширована. Для жатвы использовались, вероятно, также шиферные и железные ножи. Последних найдено более 10 штук. Все они с односторонним ровным

или иногда чуть выпуклым лезвием и острым концом. Рукоять на конце загнута под прямым углом. Длина ножей 12—13 см.

Для растирания зерна применялись зернотерки, куранты, песты. Пестов на поселении найдено около 20. Преимущественно это округлые продолговатые гальки, нередко массивные, забитые с одного и двух концов.

Зернотерка или ступка представляла собой четырехугольный блок кристаллической породы длиной 33 см, шириной 22 см. У нее в центре обеих больших плоскостей находятся конические зашлифованные углубления. Диаметр одного углубления 10 см, глубина 5,5 см.

Занятие земледелием давало растительную пищу. Охота на диких коз и разведение свиней были источником мясной пищи. Так, в одном из польцевских жилищ в яме вместе с черепками глиняных сосудов лежали кости свиньи.

Рыбу древние обитатели поселка ловили как сетью, так и крючковой снастью. На одном из сосудов остались отпечатки плетеной сети с ячейками размером в 3—4 см. Второе, не менее важное доказательство рыболовства — грузила для сетей. Они найдены во всех жилищах. В некоторых из них грузила лежали по нескольку штук вместе. Они, возможно, остались на месте сгнивших сетей. Подавляющая часть грузил — плоские речные гальки, оббитые с двух боков. Их найдено более 40 штук. Встречено и несколько больших круглых или овальных грузил из кремнистого песчаника. На одном конце у них имеется или отверстие, или вышлифованный поясok в виде желобка для крепления к сети.

Железные рыболовные крючки кованые, чаще с маленькой бородачкой возле жальца. В сечении такой крючок четырехгранный или круглый. Конец его, служащий для крепления лесы, расклепан и загнут: Длина крючков от 3 до 15 см.

Наконечники стрел, а их найдено более двухсот штук, разнообразны по материалу, из которого они изготовлены. Это разнообразие объясняется тем, что наконечники служили жителям поселения для многих целей. Для охоты с луком на мелких животных и птицу нужны были стрелы с небольшими наконечниками и не обязательно железные. На крупных животных охотились с более массивными наконечниками стрел, которые, видимо, предназначались и для военных целей.

Наиболее многочисленны шиферные наконечники, среди которых можно выделить два типа. К первому относятся треугольные наконечники, изредка удлиннотрехугольные, с выемкой и без выемки у основания. По обеим плоскостям тела наконечника с выемкой имеются желобки. У наконечников без выемок у основания таких желобков нет. Длина наконечников этого типа от 1 до 5 см.

Второй тип — черешковые наконечники длиной до 7 см.

Костяные наконечники копируют шиферные. Однако среди костяных наконечников стрел часто встречаются четырехгранные, ромбические в поперечнике.

Железные наконечники делятся на две группы: тонкие пластинчатые наконечники и шипастые массивные. Первые, с коротким черенком для насада, вырубались из железных пластин зубилом-пробойником. Такие зубила-пробойники найдены на поселении в изобилии, причем все зубила забиты с обоих концов. Такими массивными орудиями, имеющими диаметр сечения до 1 см, рубить тонкие пластинки не представляло особого труда. У некоторых наконечников данного типа черешок вырублен в виде хвоста ласточки.

Наконечники второй группы — ромбические в поперечном сечении, с длинным черешком круглого или четырехугольного сечения. Они, по-видимому, предназначались для охоты на крупных животных и для боевых целей.

Наконечников из камня, обработанных двусторонней ретушью, обнаружено не много. Основным материалом для их изготовления является красноватый или прозрачный халцедон, а также кремнистый* сланец. Эти наконечники ретушированы с обеих сторон. Форма их треугольная, черешком или с выемкой в основании.

Из железных изделий, кроме описанных выше, найдены также шилья, пряжки и небольшие пластины. Шилья четырехгранные в сечении, длина их до 10 см. Пряжки до 5 см в длину и до 2 см в ширину, сдвигающимся язычком. Пластины — это обломки лат, а также заготовки для наконечников стрел.

Из мелкого бытового инвентаря на поселении Польце имеются халцедоновые скребки, проколки. Есть также шлифованные камни, шиферные оселки. Особый интерес представляют два диска из песчаника с биконическими отверстиями, такие же, как в неолитических жилищах на Амуре.

Особую группу предметов домашнего инвентаря составляют пряслица, их найдено 40. Часть из них по форме представляет собой диски. Встречаются также пряслица плоские с одной стороны и выпуклые с противоположной. Пряслица орнаментированы ямочными вдавлениями по окружности или в виде лучей, радиально расходящихся от центра к краю.

Из украшений широко представлены бусы, особенно из белых полупрозрачных и красноватых с прожилками камней. Бусы цилиндрической формы, полированные, сверленные с одной и с двух сторон. Размеры их разные: от 0,5 до 4¹ см в длину. Такие же цилиндрические бусы делали из кости, глины и дерева. Есть и бочкообразные бусы. Костяные бусы орнаментированы пересекающимися под острым углом «асечками» или двумя поперечными линиями.

Любимыми украшениями жителей этого поселения были подвески из глины, нефрита, бронзы. Найдено несколько круглых керамических подвесок в форме дисков. Диаметр их небольшой, до 4 см, при толщине в 0,5 см.

Основная, самая многочисленная группа керамических подвесок имеет форму кабаньего клыка — типа «магатамы». Иногда такие подвески изготовлялись из обломков керамических колец, на одном конце которых просверливалось отверстие.

Подвески овальной формы выделялись преимущественно из яшмы, шифера и белого нефрита. Из белого нефрита изготовлялись не только подвески, но и кольца. Их диаметр от 3 до 7 см, диаметр отверстия 1—3 см.

Металлические украшения представлены бронзовыми нашивными пластинками прямоугольной формы. У пластин с обеих сторон — по 10 длинных зубчиков. На их плоской стороне находятся 4 выступа с отверстиями-ушками. Найдены небольшая бронзовая пластинка с двумя отверстиями и бронзовая подвеска-серьга, на которых имеется узор в виде спиралей.

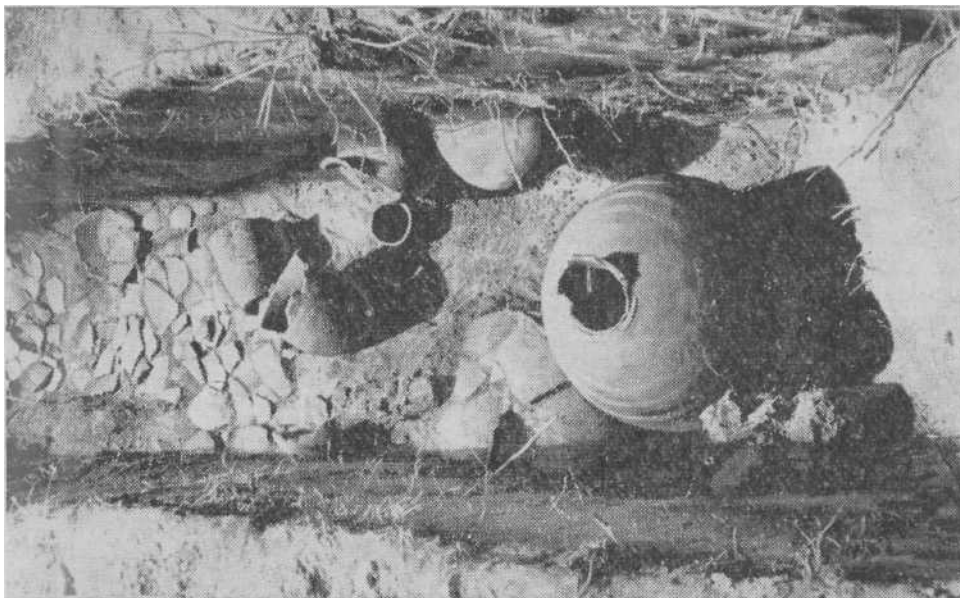
К области духовной культуры племен польцевской культуры относятся, кроме украшений, статуэтки из обожженной глины, передающие в стилизованном виде облик животного, такие же, как глиняные статуэтки из поселения на сопке Харинской в Приморье. В жилище 11 на поселении Польце оказались три такие статуэтки, причем на одной из них нанесены поперечные ряды насечек в определенном числовом порядке: 7, 14, 28, 30, что составляет — неделю, полмесяца и месяц. Всего на этом изделии 183 насечки, цифра эта соответствует половине високосного года.

Сходные глиняные изделия обнаружены и в одном из жилищ — у северного поселка Максим Горький, расположенного в низовьях Амура. Там оказалось 11 таких статуэток, миниатюрных и схематичных по трактовке, с массивным туловищем и крохотной «головкой» в виде выступа. Такие же изображения, только из камня, распространены на полуострове Корея.

Не менее интересны особые скопления трубчатых костей дикой козы на поселении Польце. Они помещались в неглубоких ямках, вырытых в полу жилища. Все кости были тщательно уложены параллельно друг другу. Некоторые из них расколоты и обрезаны. Кости, найденные в сосуде, лежавшем на боку у плечиков жилища, возможно, имели культовой характер и были связаны с охотничьими лесными ритуалами, имеющими в своей основе представление о возрождении зверей.

Что касается погребального ритуала, то еще в 1935 году на поселении около нынешнего Амурского санатория археологи увидели в обрыве берега крупные фрагменты своеобразных огромных, почти

как античные пифосы, или хумы Средней Азии, сосудов. Вместе с ними и внутри их находились человеческие кости. Это были остатки древнего погребения необычного рода, с костями человека, захороненными в двух

Контрольная траншея в жилище польцевского поселения

глиняных сосудах, обращенных друг к другу горловинами. Сосуды эти имели обычную для польцевской культуры форму: высокие вазы с узкой, шейкой, украшенной пояском из резных параллельных линий с широким венчиком в виде блюда. Кроме отмеченных двух сосудов в этом захоронении найдены также два тонких костяных наконечника стрел — это все, что уцелело в могиле.

При последующих раскопках там же, на поселении у Амурского-санатория, были обнаружены остатки других захоронений. В одной из ям на территории поселения был найден потревоженный впоследствии костяк человека, помещенного в нее в сидячей позе.

Возраст польцевской культуры определяется тем, что она непосредственно следует по всем ее признакам за урильской культурой, и следовательно, за янковской — в Приморье. Радиоуглеродная дата, полученная Ленинградской радиоуглеродной лабораторией, — 2930 ± 80 , что

соответствуют 980 году до н. э. Следовательно, польцевская культура была так или иначе современницей кроуновской в Приморье, которая сменила янковскую культуру.

Польцевская культура — важная веха в истории не только нашего Дальнего Востока, но и соседних частей Азиатского материка в целом. Ее черты обнаруживаются в керамике соседних островов Тихого океана, на Японском архипелаге, в период перехода от древнейшей культуры неолита дземон к новой «неолитической» культуре, получившей название культуры яёй. Для поселений характерны сосуды в виде узкогорлых высоких ваз с широким, почти полусферическим туловом и блюдовидным венчиком. Сосуды эти по их форме и орнаменту — наlepным горизонтальным венчикам — близко напоминают аналогичные сосуды польцевской культуры. Это свидетельствует, что на культуру племен яёй оказали влияние их современники, обитавшие на материке. В связи с этим остро встает вопрос о генезисе этой культуры, о ее истоках и месте возникновения. Как показывает сравнение памятников польцевской культуры с предшествующими, урильскими, ее носители были в культурном отношении прямыми потомками и преемниками урильцев — современников приморских племен, оставивших на берегах Амурского и Уссурийского заливов поселения с раковинными кучами — янковцев.

Центром расселения амурских племен, как мы уже знаем, был Средний Амур, плодородная низменность в бассейне реки Зеи. Их потомки в польцевское время продолжали жить там же, в амурских прериях, и вели тот же оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, разводя свиней. Они пользовались такими же каменными топорами, прямоугольными в поперечнике, продолжали лепить сосуды, сходные по форме чаши типа пиалы, сосуды с шаровидным туловом и узкой шейкой.

Тот факт, что польцевская культура, как и ее предшественница — урильская культура, в основном тяготеет к Амуру, как исходному центру и главной опоре в ее развитии, свидетельствует о возрастании роли северных конкретно амурских племен в культурной и этнической истории Дальнего Востока, из которых затем складывается целостное общество, идущее на смену родовой общине.

Влияние этого мощного культурно-этнического единства проявляется не только в широком распространении отдельных элементов культуры, но и всего ее комплекса: в сотнях километров от устья Зеи повсюду обнаруживаются поселения одного и того же типа, с единой, удивительно выдержанной культурой. Имела место, следовательно, и прямая экспансия польцевских племен не только на север, но и на юг, по направлению к Приморью и к современной Маньчжурии. Так, одним из замечательных ранних памятников данного периода в Приморье, непосредственно примыкающих к находкам в верхнем слое поселения

на реке Кроуновке и в пади Семипятной, является поселение на Сенькиной Шапке, на правом берегу реки Раздольной, в 35 км к западу от г. Уссурийска, а также некоторые изолированные находки в других местах Приморья и .одновременные им памятники на Амуре.

Раскопками на вершине Сенькиной Шапки в 1956 году были выявлены многочисленные остатки позднесредневековой чжурчжэньской культуры, а также следы культуры неолита, о чем уже говорилось раньше. Но основная масса находок относится к третьей культурно-исторической эпохе, более поздней, чем неолитические остатки, но несравненно более ранней, чем следы чжурчжэньского времени. Эти находки были связаны с небольшими ямами естественного происхождения, приспособленными человеком для своих целей. Две ямы были выдолблены в выветрившейся поверхности скалы и имели довольно правильные прямоугольные очертания. Здесь найдены остатки очагов, от которых уцелели камни, а также обожженная глиняная обмазка в виде отдельных кусков глины, смешанной с травой или соломой.

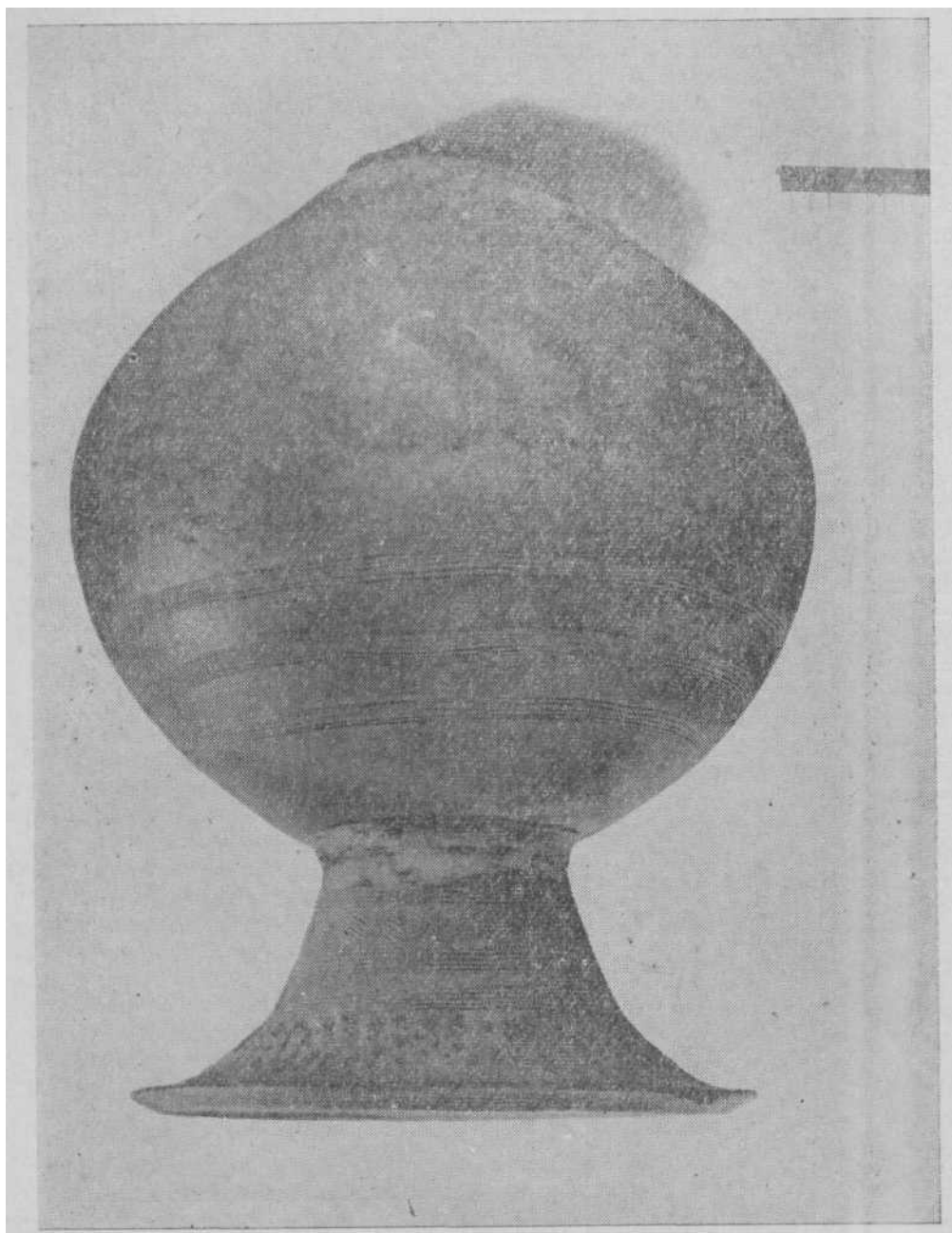
К очагам имеют отношение и своеобразные глиняные изделия в виде массивных плиток, одна сторона которых гладкая, а другая сплошь покрыта орнаментом в виде вдавлений ромбического штампа. Орнамент этот имитирует, по-видимому, грубую ткань или скорее циновку. Судя по одной такой плитке, край которой с одной стороны был загнут, они напоминают жаровни или противни. Но очень вероятно, что это были не жаровни, а передние стенки печей. Остальные стенки этих печей могли быть из дерева или камней, земли и глины для замазки щелей, замешанной на траве или камыше; тут же встречаются куски глины.

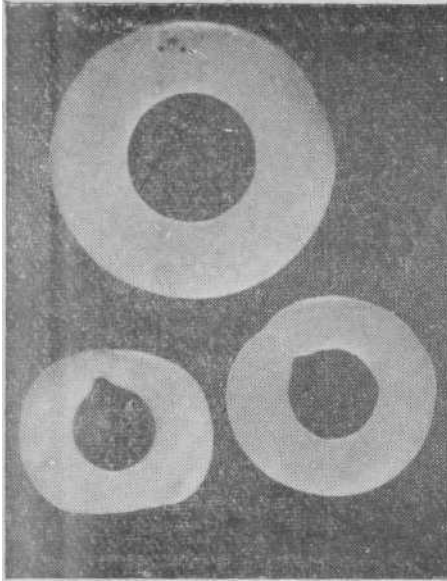
На самой высокой точке холма, у его обрывистого края, в одном углублении оказались обломки пластинок от составного пластинчатого панциря. Все пластинки тщательно отполированы и имеют правильную прямоугольную форму. По краям их просверлены отверстия для нашивания на кожу. Пластинки были переломаны на мелкие части и лежали беспорядочными скоплениями, перемешанные с золистой массой очага.

В западной части холма, у его края, уцелели остатки сооружения из камней, напоминающие платформу кана.

Таким образом, на вершине Сенькиной Шапки во втором этапе ее заселения существовало древнее поселение, обитатели которого оставили значительно более обильные и монументальные следы своей деятельности, чем первые насельники этого места — люди неолитического времени, которым принадлежит архаическая по типу керамика, а также обсидиановые отщепы и готовые каменные изделия.

Люди второго снизу слоя на Сенькиной Шапке строили какие-то жилые наземные сооружения, от которых остались только остатки

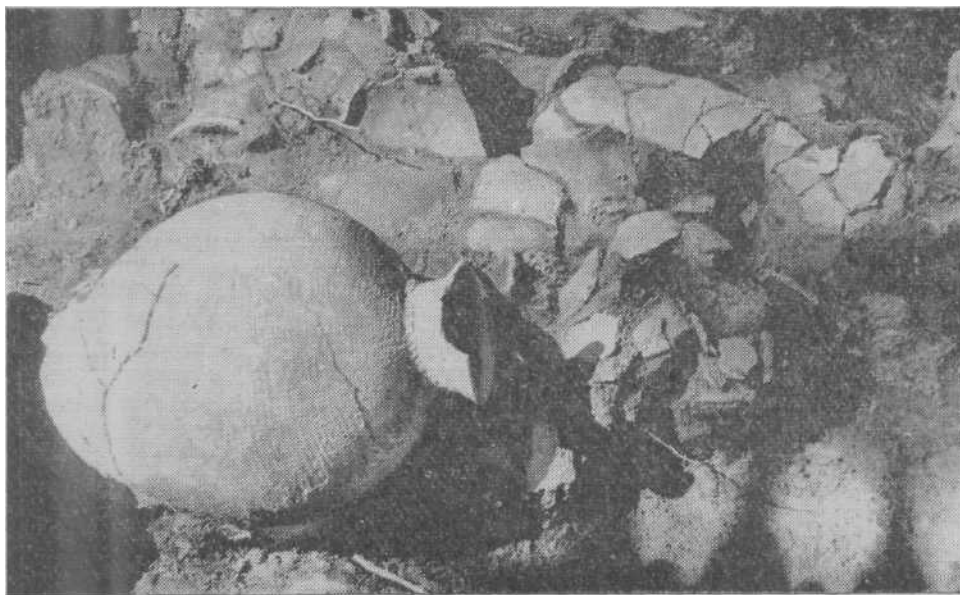
Нефритовые украшения из поселения у Амурского санатория

разрушенных очагов с глиняной обмазкой. Среди этих построек было, по-видимому, и одно жилище с отопительным сооружением в виде кана.

Наличие очага с жжеными кусочками пластинок от костяных лат дает право предполагать, что здесь совершался какой-то обряд, может быть, связанный с почитанием духа этой возвышенности. Такое предположение вполне вероятно, если учесть культ гор у древних обитателей Маньчжурии.

Около очагов и по всей поверхности холма, где велись раскопки, были рассеяны черепки глиняных сосудов. Небольшая часть их может быть отнесена по виду к весьма раннему, неолитическому времени, такая же незначительная часть — к средневековью, а основная масса — к более позднему времени. Судя по обломкам венчиков и целым миниатюрным сосудикам, явно копирующим форму больших сосудов, они имели довольно широкое плоское дно, сильно выпуклое брюшко, узкую, отчетливо выраженную шейку, отделенную крутыми плечиками от тела сосуда, и отогнутый наружу низкий венчик, иногда нарочито утолщенный или блюдообразно оттянутый. >В шейку ряда сосудов врезаны поперечные параллельные линии. Сбоку у некоторых из них имелись боковые ушки-выступы в виде «пеньков». Встречаются и подковообразные изогнутые массивные ушки, круглые в поперечном сечении. Дно сосудов иногда имеет круглые сквозные отверстия, и этим они напоминают сито. Наружная поверхность большинства сосудов совершенно гладкая.

Но в ряде случаев не только стенки, но и их плоское широкое дно сплошь покрыто орнаментом в виде глубоко оттиснутых в мягкой глине ромбиков или квадратов, расположенных в шахматном порядке. Стороны квадратиков достигают 1 см и меньше. Оттиски эти нанесены, по-видимому, деревянной лопаточкой, на которой были нарезаны выпуклые квадраты, разделенные желобками. Изредка встречаются и обломки сосудов, изготовленные, видимо, на гончарном круге. Имеются, кроме того, обломки широких блюд или чаш, а также высокие ножки-подставки от кубков или чаш типа доу как цельные, так и полые внутри.

Сосуды на полу жилища польцевского поселения

Из глины выделывались также односторонне выпуклые, в том числе конические, пряслица и грузила для сетей в виде коротких цилиндров с нарезками на концах для привязывания. Глина употреблялась и для изготовления украшения или амулетов в виде цилиндрических бусин и кривых подвесок с отверстием на одном конце, имитирующих кабаньих клык.

В широком употреблении были также кость и олений рог, из которых выделывались острия типа кочедыков и наконечники стрел. Все костяные наконечники стрел черешковые, массивные, грубые, круглые, трехгранные и четырехгранные в сечении. Из оленьего рога было сделано также большое плоское пряслице. Из кости выделывались и нашивные пластины для панцирей. Из кабаньего клыка, у которого на остром конце просверлено сквозное отверстие, сделано украшение или амулет.

Кроме того, здесь найдены два куранта для зернотерок, а также подвески из пластинок мягкого камня, которые относятся к основному комплексу находок.

В находках на •Сенькиной Шапке много общего с более ранними памятниками Приморья. Таковы, например, обломки лощеных тонкостенных горшков, а также сосудов на высокой полой или сплошной

ножке, характерных для янковской культуры. Много общего и в орнаменте в виде резных параллельных линий, окаймленных пояском из круглых ямок. С находками верхнего слоя на реке Кроуновке, керамика Сенькиной Шапки сближается такой броской чертой, как ушки-выступы в виде «пеньков».

Вместе с тем, существенно новыми чертами этой культуры являются сосуды с узким горлом, украшенным пояском из врезанных параллельных линий. Совершенно новое явление в материальной культуре обитателей Приморья того времени представляют сосуды, изготовленные на гончарном круге.

Для понимания места в истории Приморья, памятники которой были впервые найдены на Сенькиной Шапке, важно то, что ее памятники распространялись на север и на восток от южных районов Приморья. Они встречены в районе г. Находки, на сопке Булочка, а также вблизи бухты Ольги, где еще до революции были обнаружены фрагменты большого сосуда с характерным блюдовидным отогнутым венчиком. В этом районе Ж. В. Андреевой был раскопан ряд жилищ на многослойном поселении Синие скалы, где наиболее многочисленные остатки керамики принадлежат той же культуре: сосуды с шаровидным туловом и высокой стоячей шейкой, покрытые снаружи ложнотекстильной сеткой, или, иначе, шахматно-шашечными оттисками. Есть там и сосуды с блюдовидным широко отогнутым венчиком [²⁷³].

Все сказанное выше подводит нас к одной из наиболее сложных проблем древнейшей истории не только Дальнего Востока, но и Сибири, и всей Восточной Азии. Это — проблема тунгусо-маньчжурской языковой общности, проблема происхождения тунгусских и маньчжурских племен.

ПЛЕМЕНА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКАЯ ПРОБЛЕМА

Важность тунгусо-маньчжурской проблемы определяется уже тем, что народы и племена, говорящие на родственных языках тунгусо-маньчжурской группы, еще в недавнее время были расселены на огромных пространствах Азиатского материка — от Великой китайской стены до Ледовитого океана [²⁷⁴]. Единство их языков предполагает, естественно, и единство их происхождения или, по крайней мере, такие тесные культурно-исторические контакты, в результате которых общий язык стал достоянием первоначально неродственных друг другу народов.

Где же следует искать место первоначального формирования языков тунгусо-маньчжурской группы, а вместе с тем их носителей как этнического целого, как представителей определенного антропологического типа и конкретных культур; какова была, наконец, их дальнейшая история, в ходе которой произошло распространение этих языков на столь обширных пространствах? И почему, в силу каких причин это произошло?

Первые попытки ответить на эти вопросы, в рамках еще более широкой проблемы происхождения и ранней этнической истории сибирских народов в целом, имели место более ста лет тому назад. Еще в первой половине девятнадцатого века первую и грандиозную по масштабам этногенетическую концепцию, в которой, казалось, находился ответ для

всех основных проблем древнейшей этнической истории Сибири, в том числе истории тунгусских племен, создал на лингвистическом материале М. А. Кастрен. Он исходил из установленного им факта родства тюркских, монгольских, тунгусских и финно-угорских языков. Языки эти, по мысли М. А. Кастрена, образуют обширное урало-алтайское языковое семейство. Подобно индо-европейским языкам, думал Кастрен, это родство имеет в основе исходное этническое единство и географическую базу в виде пранарода и прародины. Последнюю Кастрен видел на Алтае [²⁷⁵].

Следующий шаг вперед в изучении этнологических проблем Сибири связан с именем выдающегося этнографа и антрополога, одного из пионеров научного освоения Дальнего Востока Л. И. Шренка. Если Кастрен привлекали главным образом те народы, с которыми он непосредственно имел дело, преимущественно обитавшие между Уралом и Байкалом, то Шренк свое внимание концентрировал на народах Дальнего Востока. Изучение этих народов привело его к общим выводам не менее широкого размаха, чем у Кастрена.

Этнографическая карта Северной Азии, по мысли Шренка, представляет нечто вроде геологической карты, на которой один за другим выступают из глубины истории пласты разных периодов или формаций. Пласты эти откладывались в ходе последовательно сменявшихся «неоднократно повторявшихся наплывов», своего рода этнических волн, источником которых была Центральная Азия. Первой такой волной явились палеоазиаты, древнеазиатцы — масса разноязычных племен, осколки первоначального населения центрально-азиатских степей и нагорий. Одни из палеоазиатов частично застряли около Алтая и на Енисее. К ним относятся енисейские остяки-кеты, а также почти исчезнувшие и отатарившиеся котты, арины и ассаны. Другие палеоазиатские племена, вышедшие первоначально из Центральной Азии, оказались на самой северной окраине Азиатского материка. Их Шренк назвал северовосточными палеоазиатами. Таковы чукчи, коряки, юагиры. Причиной передвижения из центра Азиатского материка к его окраинам, а вместе с тем и исчезновения палеоазиатских племен был напор «более сильных и живучих народов». «Постепенное вытеснение северных палеоазиатских народов другими, финскими, урало-алтайскими, тюрко-татарскими, монгольскими и тунгусскими племенами, — продолжал Шренк свою мысль, — началось в весьма отдаленные времена и продолжалось долго, происходя то медленным, то временно ускоренным образом. Некоторые волны этих движений видны и в исторические времена, иные проявляются даже в недавнем прошлом [²⁷⁶].

Таким образом, если Кастрен, исходя из данных языка, видел исходный пункт тунгусского этногенеза на западе Сибири, то Шренк, в основном по этнографическим данным, — в Центральной Азии.

Иную картину первоначального расселения тунгусских племен рисовали исследователи, занимавшиеся изучением истории маньчжуров. Они исходили из того обстоятельства, что, по сведениям китайских письменных источников, маньчжуры издревле обитали в Маньчжурии, стороне, носившей их имя. По словам И. Захарова, «отечество маньчжурского языка есть страна, составляющая восточную оконечность Средней Азии, известная у нас под именем Маньчжурии. Издавна, у исторических гор Го-минь Шаньянь Алин, по-китайски: Чан-бо-шань, преимущественно по южным притокам амурского бассейна вод, по верховьям рек Сунгари ула, Хурха бира, Ялу и прочим многочисленным потокам, спускающимся с вершин Чан-бо-шаньского хребта, обитал народ, который, принимая разные названия, смотря по тому, какой род или глава племени из составляющих политический союз усиливался, в течение веков не один раз проявил себя на историческом поприще [²⁷⁷].

Еще раньше Н. Я. Бичурин вполне логично «выводил» из Маньчжурии и остальные тунгусоязычные племена. «Тунгусы — писал он, — издревле заняли Восточное Поморье от Корейского залива на север до Большого Хинганского хребта, потом от Яблонового хребта пошли далее к северу по Витиму, Олекме, Лене, Илимю и двум Тунгускам; на западе ограничили степями по рекам Гиринь-уле, Нон-мурени и Аргуни; от Лены не простирались далее Енисея» [²⁷⁸].

Видный тунгусовед, один из крупнейших исследователей прошлого и культуры тунгусских племен С. М. Широкогоров попытался отодвинуть в своих гипотезах предполагаемую прародину тунгусов еще дальше, на юг и на восток. Она помещалась, по его мнению, в бассейне реки Желтой, откуда в процессе миграции, рядом последовательных волн тунгусские племена распространились на север и на запад от места, где зародились еще в доисторические времена каменного века они сами и их культура.

В то время, когда Кастрен, Шренк и Бичурин строили свои этногенетические концепции, антропология и археология Сибири находилась в зачаточном состоянии. Первые попытки широкого использования археологического материала для выяснения этнической истории Сибири и Дальнего Востока были сделаны И. С. Поляковым, Л. Я. Штернбергом и некоторыми японскими исследователями — Коганей, Цубои и в особенности Р. Торией. Шире всего, с привлечением не только этнографического и археологического, а также антропологического и лингвистического материалов, эти исследования были выполнены Л. Штернбергом по отношению к одной из народностей Японских островов и Сахалина — айнам. Тунгусо-маньчжурская проблема, однако, осталась вне поля зрения Штернберга.

Важным этапом в разработке всего комплекса этих проблем явилось совещание по этногенезу народов Севера, созванное в Москве

в 1941 году институтами истории материальной культуры и этнографии. На нем обсуждались две противоположные точки зрения. Один взгляд, представленный в работах выдающегося этнографа А. М. Золотарева, опирался на общие положения стадияльной концепции «глоттогенеза» и этногенеза Н. Я. Марра. Образование этнических общностей, согласно этой концепции, было прямым следствием и выражением стадияльных сдвигов в производстве и обществе. Такие этнические образования, как чукчи, коряки и эскимосы, соответственно этим взглядам, были порождением «ступени среднего неолита» [279].

Другая точка зрения была связана с результатами ивовых археологических исследований на Ангаре и Лене, которые привели к неожиданным выводам [280]. Оказалось, что в неолите и в начале бронзового века, в глазковское время, около 3500—4000 лет тому назад у берегов Байкала жили племена охотников и рыболовов, которые имели культуру, по ряду важнейших ее признаков родственную или даже прямо аналогичную той, которую видели у аборигенов этих мест — тунгусов, первые путешественники конца XVII—XVIII века. Культура эта обнаружила свою поразительную устойчивость и на протяжении дальнейших двух веков. Она сохранилась в Прибайкалье до конца XIX — начала XX века. В число характерных ее элементов прежде всего входит одежда, представленная такими ее деталями, как нагрудник, украшенный металлическими, а первоначально каменными «браслетами», дисками и кольцами из белого нефрита, а также головной убор в виде диадемы.

В области материальной культуры и хозяйственного быта характерны лодка-берестянка, жилища типа шатра-чума, крытого шкурами или берестой, глиняные сосуды-дымокуры, наиболее древние образцы которых, датированные серовским временем на Ангаре, известны из ленских и ангарских могильников. Двести лет тому назад такие глиняные сосуды-дымокуры были описаны в Восточной Сибири участниками академических экспедиций. Гмелин видел их >в деревне Иванушковой на Лене. Ряд не менее выразительных совпадений, сближающих древнюю культуру неолитических и глазковских племен прибайкальской тайги с позднейшей, этнографической культурой тунгусов на той же территории в Прибайкалье, прослеживается в их духовной жизни. Таковы, например, прямолинейно геометрическая орнаментика (пояски из прямых линий, сочетания длинных вертикальных линий и коротких горизонтальных, зигзаг), мифологические сюжеты и представления, совпадающие с определенными чертами погребального ритуала каменного века.

Археологические наблюдения были подкреплены и развиты далее этнографическими и лингвистическими исследованиями, в первую очередь работами наиболее глубокого знатока тунгусской культуры Г. М. Василевич, которая твердо отстаивает точку зрения таежного, прибайкальского происхождения тунгусов и их культуры. Ей принад-

лежит установление периодизации развития этой культуры. Первым этапом эволюции культуры древних тунгусов, согласно материалам, обобщенным Василевич, "был этап пешей таежной охоты. Затем последовало возникновение оленеводства и становление на этой основе ряда новых элементов культуры пратунгусов, трансформация их быта, хозяйства, материальной и духовной культуры, а также в какой-то мере и социальных отношений [²⁸¹].

Гипотеза о происхождении тунгусов и их культуры в Прибайкалье нашла подтверждение и в выводах антропологов. Я- Я- Рогинский и Г. Ф. Дебеч, независимо от этнографов и археологов, пришли к мнению об автохтонности⁴⁷ физического типа тунгусов на прибайкальской территории, начиная с неолитического времени. Опорой для такого вывода явилась уникальная коллекция неолитических черепов, хранившаяся в Иркутском музее.

В дальнейшем прибайкальская теория происхождения тунгусов встретила возражения М. Г. Левина. М. Г. Левин еще в 30-х годах наблюдал в шаманстве северобайкальских тунгусов-эвенков культ змеи. Это навело его на мысль о южном происхождении такого культа. Он указывал затем на то, что полного совпадения антропологического типа тунгусов нашего времени с ископаемым населением Прибайкалья, о котором писали его предшественники, нет. Кроме того, М. Г. Левин отметил, что тип одежды, обнаруженный раскопками в древнем Прибайкалье глазковского времени, характерен не только для тунгусов, но и для других этнических групп. Исходя из сказанного, он высказал мысль о принадлежности культуры прибайкальского неолита не тунгусам, а палеоазиатам.

Однако М. Г. Левин воздержался от более точного определения исходного места (прародины), с которыми могут быть связаны по своему происхождению «южные элементы» в культуре тунгусов. Что же касается антропологического типа тунгусов, то, по его собственным заключениям, такой череп, который соответствует всем существенным признакам тунгусских черепов, был все-таки обнаружен в пещере на реке Шилке. Череп этот обнаружен вместе с костяными и каменными изделиями, а также с украшениями, характерными для неолита и глазковской культуры Прибайкалья.

Отсюда следует, что культура неолита и ранней бронзы Восточной Сибири вовсе не чужда предкам тунгусов. Второй вывод из находок в Шилкинской пещере заключается в том, что область становления антропологического типа, а вместе с тем и распространения культуры, характерной для неолитического и глазковского периодов на Ангаре и Лене, охватывает, так или иначе, верховья Амура — бассейн реки Шилки. Это подтверждает мысль о таежном происхождении предков тунгусов — эвенков.

Не менее интересен, далее, вопрос о происхождении распашной одежды с разрезом спереди и передником или нагрудником. Вопреки мнению М. Г. Левина, весь тунгусский комплекс одежды в целом характерен только для тунгусов и их северных соседей — юкагиров. В других случаях, например, в ритуальной одежде, найденной в Пазырыкских курганах, наблюдается только общее совпадение. И, кроме того, пазырыкские находки много позднее прибайкальских. Не исключены, следовательно, как заимствование пазырыкекими племенами такого ритуального костюма от их соседей в тайге, так и наличие в их среде тунгусов, в том числе тунгуса-шамана.

Значительно интереснее то обстоятельство, что раскопками на Средней Лене, в той области, которую скорее всего могли в каменном веке и в эпоху бронзы заселять предки палеоазиатов — юкагиров, были неожиданно засвидетельствованы остатками костюма с 'передником, и следовательно, с разрезом спереди. Костюм этот в корне отличен от костюма оседлых палеоазиатов северо-востока Азии, чукчей и коряков (со всех сторон в два меховых слоя облегающего тело 'человека). Остатки передника, унизанного перламутром, аналогичного глазковским, найдены в устье маленькой таежной речки Иччилях в районе Ж'иганека. Остатки украшений типичного передника, чисто тунгусского по характеру, обнаружены также в низовьях Ангары, ниже Братска²⁸². Но оба эти примера относятся к районам, где издавна и глубоко сказывалось взаимодействие местного населения и его культуры с населением таежного Прибайкалья. Наличие передника и «фрака» с разрезом в передней части может найти наиболее естественное и правдоподобное объяснение во взаимных контактах, тем более, что у этих племен существовали сходные формы хозяйства и одинаковый быт. Все они нуждались в таком типе одежды, максимально приспособленной к подвижной жизни пеших охотников в тайге и лесотундре. Возможно даже, что такая распашная легкая одежда возникла в восточносибирской тайге еще в до-неолитическое время, в верхнем палеолите, то есть имеет древнюю палеолитическую подоснову.

В конце верхнего палеолита на всем пространстве Сибири отмечается распространение существенно иной, чем раньше, в Мальте и Бурети, культуры. Именно тогда, в конце древнекаменного века, складывается в своей первооснове уклад жизни пеших охотников, живших в легких переносных домах типа чума, от которых остались одни только каменные очаги из плит или булыжников. Не исключено, что именно тогда, в момент перехода от более древней культуры оседлых (зимой) охотников на мамонта, носорога, на диких лошадей и северных оленей к новой, принадлежавшей подвижным охотникам на диких быков и лошадей, складываются и основы позднейшего распашного костюма с передником, а вместе с ним и многое другое из области материальной

культуры. Со временем эта культура, по-видимому, проникает через Берингов пролив с очередной волной переселенцев из Азии в Америку. В результате в «Новом Свете» распространяется прослеженная Гудмунгом Хэттом культура «лыжной охоты» со всеми характерными для нее основными элементами материальной культуры — лыжами, мокасионами, легкой одеждой из шкур, вигвамом.

В истории освоения Арктики это был новый этап, новая прогрессивная стадия в жизни населения арктических стран и Субарктики. В ходе эволюции этой культуры сложился своеобразный культурно-этнический мир индейцев Североамериканского континента, наиболее яркими представителями которого, такими же, как юкагиры и тунгусы на севере Азии, в Америке являются эскимосы карибу.

Таким образом, этнографический комплекс, характерный для тунгусских племен XVII—XIX веков, с одной стороны, и для прибайкальских племен эпохи неолита и бронзы — с другой, в любом случае остается аборигенным для тайги. Они в одинаковой степени не южане, как думал М. Г. Левин, а северяне — коренные, исконные обитатели сибирской тайги. Возникновение же этого комплекса в глубинах Азиатского материка явилось в ходе всемирной истории каменного века одним из важнейших ее событий.

В свете всего сказанного первостепенный интерес представляют археологические памятники и древние культуры той территории, которую по традиции считали родиной не только маньчжуров, но и северных тунгусских племен, родичей маньчжуров по языку. Эти памятники и культуры, естественно, не могли учитывать в своих построениях исследователи XIX века, а также и С. М. Широкогоров, поскольку они впервые стали известны в науке в 30—40-х гг. нашего века. Как стало ясным; в результате этих исследований, а также работ в Восточной Монголии и на территории советского Приморья и Приамурья, на обширных пространствах Восточной Азии, параллельно друг другу, издревле существовали самостоятельные культурные центры, местные и независимые друг от друга очаги самобытных культур. Одним из этих районов и культурных очагов был тот нуклеарный, как его называют, район, где формировались древнейшие народы Азиатского континента. Но сам этот район первоначально был небольшим, а его население никогда не достигало такого количества, как впоследствии в эпоху становления первых государств Инь, Чжоу и Хань. Это первоначальное ядро, как свидетельствуют китайские письменные, этнографические и археологические источники, было окружено другими культурно-этническими группами: северными, южными, западными и восточными. Здесь могли быть тунгусские и палеоазиатские племена, так же как праторки и прамонголы.

Возникновение и дальнейшее развитие высокой земледельческой

культуры реки Желтой с характерной для нее расписной керамикой явилось результатом развития производительных сил не одной только этнической группы, а целой группы племен различного происхождения. И, несомненно, что этот процесс протекал под прогрессивным влиянием других стран — в том числе Ближнего Востока и Средней Азии, где в V тысячелетии до н. э. возникают местные очаги земледелия и появляется искусство керамической росписи [^{2&3}].

Один из важнейших очагов культуры, существовавший к северу и к западу от «нуклеарного района» — древнейшей китайской цивилизации, известен теперь в Маньчжурии, в том районе Восточной Азии, который издавна был местом оживленного культурно-этнического взаимодействия различных по происхождению племен и народностей.

О самобытности культурно-исторического процесса в Маньчжурии с древнейших времен выразительно свидетельствуют такие памятники, как лешера Шагодун, исследованная И. Г. Андерсоном, поселения «первой доисторической культуры» в Чифэне, а также могильники, состоящие из «плиточных могил», каменных ящиков [^{2&4}].

Как показывают материалы памятников «первой доисторической культуры Чифэна», относящиеся к неолиту, она была создана племенами, стоявшими уже на высокой ступени развития, ничем не уступавшими по уровню хозяйства и материальной культуры племенам соседней культуры яншо. Ее создали люди, основой хозяйственной жизни которых являлось земледелие, вероятно, сочетавшееся с зачатками скотоводства. У носителей первой культуры Чифэна была расписная керамика. Они сочетали южную технику с северной. У них в большом ходу была техника отщепления пластин с призматического нуклеуса, они умели обрабатывать кремнистые породы всеми наиболее совершенными по тому времени приемами ретуширования камня, которые довели до виртуозности мастера севера, жители Монголии, Прибайкалья, Забайкалья и других районов Сибири.

Со временем, на второй ступени доисторической культуры Чифэна, ее носители перешли от камня к металлу. Существенно при этом, что первые бронзовые орудия типа кельтов из областей, расположенных в Восточной Монголии и Маньчжурии, повторяют формы бронзовых кельтов, характерных не только для Монголии и Сибири, но даже для Приуралья, Западной Сибири и Поволжья. Таковы найденные в Линей (Восточная Монголия) литые кельты, полностью повторяющие формы сейменских и карасукских кельтов. У них овальная втулка, выпуклые валики-пояски, опоясывающие кельт вдоль края, а также характерные выступы — «ложные ушки».

Культура бронзы возникла и развивалась здесь, следовательно, под прямым прогрессивным влиянием первых металлургов Сибири, Монголии и Восточной Европы.

Не менее интересны своеобразные черты первоначальной земледельческой культуры Маньчжурии и Восточной Монголии. Для нее еще на уровне неолитической культуры были свойственны два специфических орудия: каменные лемехи плугов, такие же, как и в Корее, и зернотерки двух типов с курантами — сегментовидные или ладьевидные. И те и; другие характерны не столько для «нуклеарного очага» китайской древнеземледельческой цивилизации, сколько для восточномонгольской и маньчжурского районов эпохи неолита. Еще важнее, что само по себе возникновение плужного земледелия связано с наличием скотоводства и с разведением крупного рогатого скота и лошадей, служивших в качестве тягловой рабочей силы древним земледельцам. Той областью, где переход от использования мускульной силы земледельца к Применению тягловой силы домашнего скота должен был совершиться ранее всего, и должны были, очевидно, стать территории, где раньше всего распространилось скотоводство, а вместе с ним и земледелие.

Такой областью была, очевидно, Восточная Монголия, расположенная рядом с Центральной Азией, исконной страной скотоводства. В то время как в Восточной Азии и странах южных морей домашними животными были мясные животные — собаки и свиньи, здесь, в плодородных низменностях, распространялось скотоводство. И одновременно, должно быть еще в неолите и ранней бронзе, здесь складываются сложные комплексные культуры первых плужных земледельцев, сочетавших традиции земледельческого неолита свиноводов Восточной Азии с традициями первых скотоводов Центральной Азии [²⁸⁵].

В свете этих фактов особый интерес представляет второй аспект тунгусской проблемы, связанный с маньчжурами и их культурой. Маньчжуры издревле известны как земледельцы и скотоводы. Их излюбленным домашним животным была свинья. Основной земледельческой культурой — просо. Корни их земледелия и скотоводства, несомненно, самобытны и уходят в неолит Чифэна и Линей. Продолжателями этих древнейших производственных и экономических традиций и являются, следовательно, маньчжурские племена с тех пор, как они впервые появляются в письменных источниках.

Следовательно, если бы исходной основой для формирования всей массы тунгусо-маньчжурской группы племен, широко рассеянных по Сибири, послужили маньчжуры, то и в основе новой культурной общности должны были находиться элементы начальной земледельческой цивилизации и, конечно, древнего свиноводства. Свой, южный, связанный с оседлым земледельческим бытом, отпечаток должна была бы нести и одежда тунгусов, где бы они ни оказались, в каком бы этническом окружении ни находились. Однако на самом деле все те «южные» элементы в культуре тунгусов, которые обнаружили в ней С. М. Широкогоров, а вслед за ним сторонники венской «культурно-исторической школы» р

лице В. Конттерса, не выдерживают критики. Нельзя согласиться и с М. Г. Левиным, который видит такую «южную черту» в культе змей у тунгусских шаманов.

Культе змеи был издавна и широко распространен по Сибири, начиная с палеолита Мальты и вплоть до чукчей XIX века, у которых он зафиксирован записями В. Г. Богораза. То же самое следует сказать о единственном аргументе в пользу взгляда о предполагаемой южной родине тунгусов, из области их религии, который мог привести сто лет тому назад Карл Гикиш. Он писал, что культ неба и, в частности, представление о «верховном божестве», Боа, был заимствован тунгусами из китайской государственной религии, так как не мог возникнуть вне земледельческого бытар⁸⁶]. На деле культ неба и солнца — явление всеобщее, и он характерен для таких чисто охотничьих племен, каковы, например, нганасаны. И во всяком случае тунгусский культ солнца не имеет ничего общего с «государственной религией» древнего Китая.

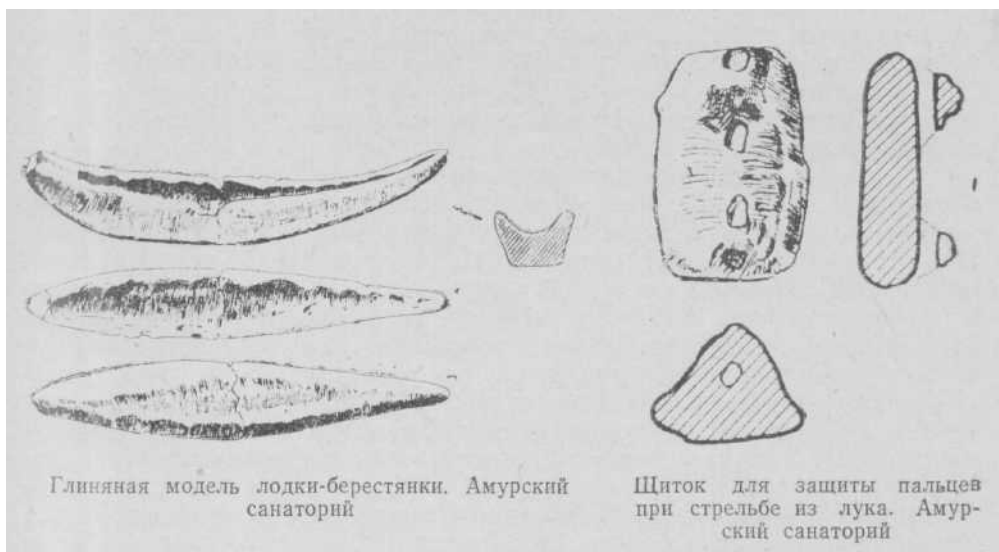
Не будут ли поэтому более плодотворными поиски, направленные в другую, противоположную сторону? Не окажутся ли более древними, подлинно исконными для тунгусской культуры ее таежные черты?

В этом смысле первостепенное значение приобретают вещественные, археологические памятники территории, соседней с Маньчжурией, то есть Забайкалья, Приамурья, особенно же Среднего Амура в районе нынешнего Благовещенска, а также Приморья. Именно здесь, на границе тайги и степи, в зоне амурских прерий и богатой уссурийской тайги, должен был эффективно происходить процесс взаимодействия южан и северян. И здесь же, в таком случае, должны сохраниться вещественные следы культурно-этнических контактов, протекавших в процессе формирования той этнической общности, основным признаком которой являются тунгусо-маньчжурские языки.

Поиски вещественных, археологических документов таких контактов приводят нас к памятникам польцевской культуры. Среди вещей, найденных на польцевском поселении в Хабаровске, около Амурского санатория, оказались три необычайных изделия из глины, имеющих особое значение для истории древних культурно-этнических отношений на Амуре.

Первый такой предмет: модель защитного щитка для большого пальца, употреблявшегося при стрельбе из лука почти всеми лесными племенами Сибири.

Второй предмет: миниатюрная модель лодочки, повторяющая во всем существенном лодку-берестянку. У нее симметрично суживающиеся и слегка загнутые вверх узкие концы, один из которых обломан. Общая форма — «сигарообразная». Днище слегка выпуклое. Такие лодки характерны для таежной культуры тунгусо-маньчжурских народов — эвенков, нанайцев, ульчей, негидальцев (в прошлом были, по-видимому, у орочей и удэгейцев). Берестянка употребляется и якутами, но послед-

ние считают ее эвенкийской лодкой, называя «тонгус тыята» — «тунгусский челнок», или «омук онгочото» — «чужая лодка»; эвенки же отдают ей предпочтение перед долбленкой. Термин для берестянки является общим почти для всех тунгусо-маньчжурских народов (эвенкийский — дяв, нанайский — джай, ульчский — заи, манегский — дзяу, маньчжурский — чжая), чего нельзя сказать относительно названий других лодок у этой группы народов [287]. Такие лодки рождены потребностями таежной жизни, без них невозможно было бы широкое освоение мелких быстрых речек, а также и озер таежной зоны. Переноса на плечах берестянку-лодочку, таежный охотник и рыболов мог переходить от озера к озеру, из долины в долину.

Третий предмет: модель детской колыбели. Она тоже в точности повторяет по своей форме колыбели лесных племен сибирской тайги — северных тунгусов, ныне оленеводов, а в прошлом пеших охотников. У нее прямые высокие стенки, овальное в плане плоское дно, а также отдельно прилепленная высокая спинка.

О значении первых двух предметов для истории культуры амурских племен в раннем железном веке не может быть двух мнений: все эти предметы характерны для лесных охотников, для складывавшейся тысячелетиями культуры сибирской тайги. Притом второй из перечисленных предметов — лодка-берестянка — имеет, как мы видели, свою определенную тунгусскую специфику.

Формы колыбелей, как показывают этнографические исследования,

представляют собой один из интереснейших указателей этнической принадлежности их обитателей. В них отражаются исторические условия, в которых жили прежде обладатели таких колыбелей — образ жизни и домашний быт, национальные традиции, художественно-эстетические вкусы и привычки.

Г. М. Василевич уделила истории тунгусской колыбели особое внимание, проследив ее эволюцию в специальном исследовании и выявив закономерности ее последовательных изменений [²⁸⁸]. Тунгусская колыбель была рождена, как показала Г. М. Василевич, потребностями подвижной кочевой жизни в лесу сначала на этапе пешей охоты, то есть еще «а ступени каменного века, по крайней мере, в неолите. Она была усовершенствована затем с переходом лесных племен от пешей охоты к оленеводству. Но при этом у нее устойчиво сохранились основные конструктивные черты и форма, резко отличающие тунгусскую лесную колыбель от колыбелей степных тюрко-монгольских народов и народов оседло-земледельческих. И именно эти специфические таежные черты представлены в схематическом, но вполне определенном виде на глиняной модели колыбели из поселения раннего железного века около Амурского санатория в Хабаровске.

Таким образом, несмотря на земледельческую основу хозяйства населения Среднего и Верхнего Амура, а также Северного Приморья в раннем железном веке, в их своеобразной и высокой по тому времени культуре, в их этническом облике обнаруживаются не только «южные», но и северные, таежные элементы, виден сплав земледельческой и охотничьей и, может быть, уже оленеводческой культуры. При этом, как видно на примере найденной у Амурского санатория глиняной модели колыбели, северные элементы входят не только в область хозяйства — охоту и средства передвижения, но и в быт древних амурских племен. Отсюда следуют важные, чисто исторические, выводы.

В свое время еще А. Ф. Миддендорф, а до него Л. И. Шренк и позже С. М. Широкогоров, на этнологическом материале установили факт скрещения на берегах Амура лесной тунгусской культуры с культурой местного аборигенного населения, в результате чего образовались амурские народности — нанайцы и ульчи.

Теперь мы можем сказать, что такой процесс начался уже в раннем железном веке, если не раньше. Иначе мы не нашли бы в чисто земледельческом по общему его характеру комплексе предметов из поселения у Амурского санатория в Хабаровске модель тунгусской колыбели и лодочки-берестянки вместе с привычным для лесных охотников защитным щитом при стрельбе из лука.

Процесс этнической и культурной ассимиляции, распространение в обширных пространствах Приамурья и Приморья новой культуры был подготовлен, нужно думать, событиями, происходившими и на предшест-

вующем, урильском этапе, когда мы тоже наблюдаем определенную нивелировку культуры, хотя и не в таких всеобъемлющих формах. О начале нивелировки, а следовательно, и о распространении одинаковых эстетических вкусах и производственных навыках, - о сближении чуждых ранее друг другу, разобщенных племен еще в «урильское» время свидетельствуют отмеченные выше совпадения в формах глиняных сосудов, в характере и технических способах их орнаментации (сосуды со сферическим туловом, узким горлом и широким блюдовидным венчиком, красное лощение, накладные валики в прорезных желобках). Это был, следовательно, первый этап этнической истории железного века на Среднем и Нижнем Амуре.

За ним следует второй этап, совпадающий со временем окончательной победы железа на Амуре и в Приморье. В Приморье этого времени отмечается смена янковской культуры (раковинных куч) кроуновской, с которой в конце ее существования хронологически вплотную смыкается сменяющая ее на Сенкиной Шапке, около Уссурийска, и на ряде поселений к северу от Владивостока, например на Синих Скалах, культура польцевского типа. Она распространяется в Приморье из бассейна Амура. Что касается последнего, то разнообразные и разнородные культуры предшествующей эпохи были окончательно перекрыты и унифицированы здесь новой культурно-этнической общностью в то время, когда достигли своего расцвета поселения, характерными образцами которых служат такие памятники, как поселение Польце-Кукелево «ли Амурский санаторий». Само по себе внезапное и неожиданно широко по масштабам распространение едилообразной в основе культуры типа Польце-Амурский санаторий от Благовещенска до Уссурийска, перекрывшей все прежние локальные варианты, свидетельствует не только о культурной экспансии.

Это была, видимо, экспансия нового населения, в результате которой на Амуре сложилась, выражаясь словами Л. И. Шренка, - новая этническая формация, новая народность и новая культура.

Принципиально важно при этом, что процесс смешения культур • и их нивелировки протекал в определенных границах, в долине Амура и к югу от него, но не захватывал северной таежной области, куда не проникали южные элементы. - По крайней мере, до мохэского времени на Верхнем Амуре, и тем более глубже на север, мы не видим на археологическом материале никаких признаков южного влияния. И, напротив, на юге, в долине Амура, в инвентаре польцевской культуры обнаруживаются такие типичные признаки северной культуры, как тунгусская лесная колыбель, щиток для стрельбы из лука и лодка-берестянка.

Этот вывод находит подтверждение и в этнографических материалах, в тех же колыбелях, которые служат таким надежным и специфическим индикатором этнических и культурных связей. Как показывают

этнографические наблюдения, в Северо-Восточном Китае, в древней стране маньчжуров, до сих пор устойчиво существует как реликт древней культуры ее аборигенов именно такая, тунгусская по типу, лесная колыбель. Ее заимствовали у аборигенов даже позднейшие китайские иммигранты [²⁸⁹].

Ценным индикатором древних этнических отношений могут служить и результаты антропологического изучения амурских племен. У них имеется, как установил М. Г. Левин, примесь байкальского антропологического типа. И в то же время у тунгусских племен Восточной Сибири нет следов того дальневосточного типа, который характерен для Амура и Приморья. Значит, вопреки взглядам М. Г. Левина, имело место 'проникновение северян на юг, а не южан на север!

Таким образом, никакого вторжения южан на север не было. Там им нечего было делать с их земледельческой основой хозяйства, оседлым образом жизни и всей массой выросших на основе оседлого земледельческого быта производственных и бытовых традиций. Поэтому в культуре таежных тунгусских племен и нет ничего, что давало бы сколько-нибудь надежное основание видеть в ней реликты южного ее происхождения. Она как была с самого 'начала, так и оставалась культурой лесных охотников, а затем оленеводов. В этот целостный этнографический комплекс, естественно, должен был входить и язык, тот самый, которым тунгусские племена объясняются в наше время. «Выводить» его с юга нет оснований уже потому, что все остальное в тунгусском этнографическом комплексе не имеет признаков южного происхождения. Почему же один только язык должен быть исключением?

Тяга северных племен в долину Амура и далее на юг была вполне естественной: там было больше простора для развития хозяйства, там было легче жить, чем в тайге. О наличии такой тяги с севера на юг свидетельствуют также и археологические памятники и 'позднейшая история, о ней говорят и этнографические данные.

Еще в «еолите» отмечается экспансия северных племен по направлению к Гоби и далее, к району, где Позднее была воздвигнута для защиты первых государств Китая Великая китайская стена. На неолитических поселениях в Баиндзаке (Шабаракусу — американских авторов) встречен типично прибайкальский или забайкальский кремневый мелкий инвентарь и, что еще важнее, сетчатая керамика исаково-серовского типа. На Нижнем Амуре — в Кондоне и ка Громатухе, в долине реки Зеи обнаружена керамика северного якутского типа. В Шилкинской пещере вместе с черепом ископаемого «тунгуса», как уже говорилось выше, оказался почти весь комплекс характерных для серовского неолита и для глазковской культуры каменных и костяных вещей, а также украшений, в том числе перламутровых бус и белонефритовых колец. О продвижении северян на юг, к Амуре, свидетельствуют

и памятники раннего железного века — находки, у Амурского санатория в Хабаровске.

Что же касается данных этнографии, то С. М. Широкогоровым и другими исследователями обстоятельно выяснен процесс проницковения северных тунгусских племен в долину Амура в тот исторический период, который освещен письменными источниками, с одной стороны, легендами <и топонимическими данными — с другой. Во всяком случае, эта часть гипотезы тунгусских миграций обоснованна тем же Широкогоровым вполне убедительно, в отличие от сконструированных им «доисторических передвижений» предков тунгусов с юга на север.

Одним словом, движение тунгусов с севера на юг — естественный, закономерный, логически неизбежный и документированный ходом всего последующего развития исторический процесс.

Вместе с тем, это был не простой, а сложный процесс, характер которого зависел и от природных условий той страны, где он протекал, и от тех культур и их носителей, которые вступали во взаимодействие друг с другом. О его конкретном ходе можно ретроспективно судить по его результатам, по той этнографической карте Приамурья и соседней с ним Маньчжурии, которую можно было наблюдать во времена Шренка и позже.

Имели место, очевидно, три основных локальных варианта этого процесса. Первый вариант характерен для Нижнего Амура, -и его выражением могут служить гиляки-нивхи и их культура. Они сохранили с каменного века свой палеоазиатский язык и свою культуру, в том числе богатый криволинейный орнамент. Их миновала, следовательно, ассимиляция тунгусами. У них устойчиво существовало и древнее хозяйство оседлых рыболовов, а вместе с ним долгое время сохранялись и старые социальные отношения родовой общины, основанные на кровных связях, <на законах экзогами.

Второй вариант представлен нанайцами и ульчами. Они имеют в основе тунгусский язык, но у них сохранилась древняя культура, о чем свидетельствует неолитическая по происхождению криволинейная орнаментика с ее спиралями и меандром, а также с амурской плетенкой. Эти племена, подобно их соседям гилякам, тоже остались в стороне от процесса возникновения классовых отношений. Они не были прямыми участниками тех бурных политических событий, с которыми связаны были судьбы тунгусо-маньчжурских государств средневекового времени, начиная с Бохая и чжурчжэней и кончая Маньчжурской империей, возникшей на развалинах государства чжурчжэней.

Третий вариант имел место на Среднем Амуре и в соседней Маньчжурии. Здесь, в плодородных низменностях по Зее, Амуру, в долинах

Сунгари и Нанни, пришельцы неизбежно становились земледельцами, начинали разводить свиней, лошадей и коров вместо оленей. Вместе с земледелием и скотоводством они воспринимали от аборигенов новые формы жилищ: взамен легких шатров-чумов строили прочные полуподземные зимние жилища, наряду с древней берестяной посудой выделявали глиняную, разнообразные формы которой отвечали сравнительно высоким потребностям земледельца. Такой характерный элемент материальной культуры амурских племен, как ролики для веретен-пряслиц, судя по находкам в Польце, показывает, что вместе с земледельческим оседлым образом жизни изменилась и одежда, наряду с ровдугами и шкурами материалом для нее стали служить растительные нити, волокна крапивы. Но в то же самое время, усваивая новую производственную культуру и новый быт, северные пришельцы устойчиво сохраняли, как мы видели, свой язык, свои колыбели, шаманство и многое другое. И не только сохраняли, но и передавали их коренным племенам, аборигенам, «южанам».

Следует при этом иметь в виду, что черты своеобразия локального исторического процесса на Среднем Амуре определены были и тем культурно-этническим субстратом, который лежал в его основе: уже в неолите культуры Нижнего и Среднего Амура развивались отличными путями. Их принципиальное этнографическое различие заключалось, прежде всего, в орнаментике. На Нижнем Амуре существовала богатая криволинейная орнаментика, ведущими формами которой были спираль, амурская плетенка, а также меандр. Со временем здесь появляется и роспись на сосудах: черной краской по малиново-красному лощеному фону. На Среднем Амуре такой орнаментики в коренных, туземных культурах эпохи неолита нет. Орнамент здесь скупой. Украшение сосудов, как правило, ограничивается наклепными параллельными валиками под венчиком сосуда. Правда, достаточно щедрая орнаментика имеется на керамике из поселения Громатуха в долине реки Зеи. Но там эта орнаментика обнаруживает связь с севером, с неолитическими культурами Прибайкалья, Забайкалья и Якутии.

Исходное различие этнокультурного «субстрата» неолитических культур и племен — носителей этих культур должно было отразиться и на дальнейшей судьбе населения Дальнего Востока. И действительно, богатая спирально-ленточная орнаментика доживает на Нижнем Амуре до XVII—XX веков. На Среднем же Амуре, насколько можно судить по скудным этнографическим данным, касающимся позднейшего населения Маньчжурии, ее в таком виде не было. По-иному, не так, как на Нижнем Амуре, здесь складывался и социальный строй. Иначе, другими темпами шла эволюция общественных отношений. На основе прогрессивного развития производительных сил и хозяйства здесь рано складываются социально-экономические предпосылки для возникновения клас-

сового общества и государства. Возникают сначала Бохайское, а затем Чжурчжэньское государства. Образовав эти государства, тунгусоязычные племена создают свою собственную высокую культуру и вступают в разнообразные контакты с окружающими их государствами и народами Восточной и Центральной Азии — Кореей, Китаем, Японией, народами Монголии и даже, через тюрков, с населением далекой Средней Азии.

Их позднейшими потомками, пережившими тяжелые времена монгольского нашествия и разгрома государства чжурчжэней, были впоследствии земледельческие племена дючеров, >и быть может, часть тех, кого русские называли в XVIII веке даурами. Кем по их этнической принадлежности были аборигены Амура, уверенно сказать, конечно, невозможно, так как прямые указания на их отношении к какой-либо из современных этнических групп отсутствуют. Антропологический материал пока ничтожен. Языковые данные до нас тоже не дошли, за исключением немногих слов, которые можно так или иначе отнести к дотунгусскому времени. Учитывая, что реликты древней неолитической культуры на Нижнем Амуре всего полнее представлены у единственного народа Дальнего Востока, сохранившего свой дотунгусский язык, нивхов-гиляков, вполне логично было бы считать, что их предками были именно те палеоазиаты, на культуру которых в мизовьях Амура, ниже Хабаровска, наслонилась таежная тунгусская культура. Очень вероятно, что соседи гиляков — ульчи, полностью утратившие свой древний язык, являются также потомками того же коренного «палеоазиатского», или протогиляцкого населения Нижнего Амура.

Резкое же отличие неолитической культуры (или, вернее, культур) среднеамурских племен от одновременной культуры Нижнего Амура предполагает и их этнические различия. Это были, надо думать, представители разных культурно-этнических, и следовательно, языковых общностей, может быть, даже не палеоазиатских. В этом отношении исключительный интерес представляет то обстоятельство, что древнейшие известия о монголах связывают их с бассейном Онона, Шилки, Амура и, также с Восточной Монголией. К Востоку, к Амуру, тяготеют и памятники раннего железного века той территории, где протекала история монголов до образования их государственности под предводительством Темучина [290].

Не менее существенно, что на юге Приморья прослеживается серия культур, начиная с представленных памятниками типа неолита Майхе и Гладкой, а также нижнего слоя Кроуновки, которые напоминают неолит Кореи (вертикальный резной зигзаг и меандр по лощеному фону в орнаменте, обилие своеобразных мелких изделий из обсидиана, овальные в поперечнике топоры). Позже с югом Приморья и Кореей

связаны янковская культура и памятники железного века типа Кроуновки (сосуды с ручками-пеньками).

В этой связи следует вспомнить слова Н. Бичурина, который был убежден в первоначальном единстве тунгусов южных и северных. «Но местность, время и обстоятельства исподволь давно уже положили, — пишет Бичурин, — начало разделению сего племени на две части, южную и северную; природа отделила их одну от другой огромным хребтом Чан-бошань. Владения южных тунгусов ныне носят название королевства Чаосянь, владения вторых — название Маньчжугурунь, что значит царство Маньчжур или Маньчжурия»^[291]. Таким образом, Бичурин северными тунгусами называет маньчжуров, южными — корейцев. Эту мысль Бичурина, может быть, следует понимать, как признание одинаковой исходной «палеоазиатской» (по мысли Шренка) основы как маньчжуров, так и корейцев — аборигенов соседних областей Дальнего Востока.

Одинаковые мысли высказывал Н. В. Кюнер, считавший, что предки корейцы были палеоазиатами, подвергшимися впоследствии ассимиляции со стороны урало-алтайцев, конкретно — тунгусов. Это не противоречит археологическим данным.

Во всяком случае, на юге Приморья в неолите и «раннем металле» существовала еще одна, третья, культурно-этнографическая область, которая так или иначе вошла затем в сферу северных элементов, превративших аборигенное население в предков позднейших маньчжуров, с одной стороны, и корейцев, — с другой.

Так, в свете археологии, этнографии, отчасти антропологии могут быть реконструированы в общих чертах, в виде рабочей гипотезы, контуры сложного и длительного исторического процесса на Дальнем Востоке. Процесс этот, охвативший также правобережье Амура и древнюю Маньчжурию, в конечном счете привел к возникновению той этнографической карты нашего Дальнего Востока, которую сто лет назад видел и происхождение которой пытался объяснить Л. И. Шренк.

Сформулированные выше выводы имеют и более широкое значение. Находящиеся в нашем распоряжении материалы по ранней истории и этнических отношений на территории Сибири и смежных с нею территориях Центральной и Восточной Азии показывают, во-первых, что там издревле шел своеобразный исторический процесс, возникали центры самобытной и по-своему яркой культуры. Мы убеждаемся, в частности, насколько глубоко прав был М. Горький, когда писал, что историки культуры напрасно обделили своим вниманием «диких», по их взглядам, охотников и рыболовов, противопоставляя им земледельцев. Охотничьи племена, как и все другие, создали такие культурные ценности, без учета которых мировая история культуры не может быть полной и объективной в своих выводах.

О племенах, обитавших на севере Кореи, в Маньчжурии и частично в Южном Приморье в то время, к которому относятся все эти события, происходившие «а Аму^е, судя <т> археологическим и этнографическим данным, то есть в Г тысячелетии до нашей эры и в самом начале нашей эры, имеются сообщения и в письменных источниках. Конечно, нет уверенности в том, что все, что говорится в них, касается также амурских племен. Но все же рассказы летописцев по аналогии проливают свет и на образ жизни амурских племен, на их знания, отчасти—на духовную культуру и социальный строй, поскольку во всем этом у них, несомненно, было много общего с их соседями в Южном Приморье и в Маньчжурии.

Впервые та'кие сведения о «восточных иноземцах» отмечаются в китайских письменных источниках в III тысячелетии до н. э. (упоминаются полубогатые сушени, или сишэни). В «Бамбуковой летописи» рассказывается, что сушени будто бы в 2225 году до н. э. принесли в дар легендарному императору Шунь лук и стрелы с каменными наконечниками [²⁹²]

Когда чжоусцы победили иньцев и положили начало новой династии Чжоу, они вступили в соприкосновение с сушенями. В 1122 году до н. э. чжоуский У-ван разгромил в Хэнани войска государства Инь и завладел большей частью его территории. Это привело к укреплению связей чжоусцев € их северными и восточными соседями, в том числе с сушенями.

В китайских источниках сообщается, что когда У-ван уничтожил династию Инь, он снесся с девятью восточными варварами (цзю-и) и восемью южными варварами. Когда сушени поднесли ему в качестве дани стрелы с каменными наконечниками и древками из грушевого дерева, У-ван приказал выгравировать на древке стрелы слова «стрелу племени сушень», чтобы сохранить это событие в памяти потомков [²⁹³].

Сушени посылали послов в Китай при чжоуском Чэнь-ване (1115—1077 годы), чтобы поздравить императора с восшествием н* престол. Это было связано, как полагает Д. Позднеев, с походами Чэнь-вана против племен, обитавших в Корею и воевавших с сушенями.

В китайском предании далее рассказывается, что знал о сушенях Конфуций: «Конфуций был в 495 г. в королевстве Чжень, и однажды во время завтрака у императора на террасу упала птица, пораженная каменной стрелой. Конфуций, спрошенный об этой стране, сказал: «Птица — род кречета, происходящего из страны Сушень, а острие стрелы напоминает то, которым император Ву наградил как эмблемой ранга того принца, в честь которого он превратил страну Чжень в королевство». После этого были произведены поиски в королевском арсенале, где действительно были найдены стрелы, хранившиеся как реликвии» [²⁹⁴].

В 254 г. н. э. по случаю событий в Гаоли (Корее) сообщаются интересные данные о древней стране сушеней. В летописи рассказывает, что вождь племени Гаогюйли (Когуре) Взйгун произвел набег на Ляо-си. Правитель Ю-чжоу Му Цю-цзянь отправил в поход против него военачальника Ваньци, который «прошел через Воцзюй около 1000 ли, дошел до южных пределов Сушени, вырезал на камне подвиги похода» [295]. Таким образом, сушени вошли в древнейшую историю Китая как современники иньских и чжоуских императоров.

Как полагает Э. В. Шавкунов, на основании письменных источников, во времена династий Инь и Чжоу сушени занимали территорию в районе гор Тайшай — южнее Шаньдуна, или иначе говоря, к востоку от владений Инь и Чжоу. На карте в синхронистическом атласе истории Дальнего Востока, изданном М. Панкала в 1969 году в Токио, область, где обозначена территория сушеней, расположена между реками Ляо и Ялу, к северу от Коеи и к востоку от того района, где была позднее построена Великая китайская стена, в непосредственном соседстве с ним.

Сушени по крайней мере дважды, при У-ване и Чэнь-ване, бывали в Китае. Но связи эти были кратковременными и эпизодическими, и китайцы, должно быть, очень смутно представляли жизнь сушеней.

Очень характерна в этом отношении цитируемая выше легенда, в которой приводятся слова Конфуция о сушенях.

Конфуций отметил всего лишь два конкретных факта, относящихся к сушеням и их стране. Первый — наличие в их стране кречетов. Как известно, северные страны всегда славились своими ловчими птицами. Как мы увидим далее, полторы тысячи лет спустя, в чжурчжэньское время, именно кречеты привлекали к берегам Великого океана киданьских послов, а вокруг знаменитой «соколиной дороги», по которой ездили киданьские послы, не раз вспыхивали острые и кровопролитные конфликты между ними и чжурчжэньскими племенами.

Второй факт — употребление стрел с каменными наконечниками. Именно такие стрелы и приносили китайским императорам сушени.

В целом же страна сушеней окутана дымкой таинственности, и упоминания о ней связаны с чудесно прилетевшей из неизвестной дали стрелой. Не случайно, должно быть, и то, что эти упоминания легенда вложила в уста самого Конфуция. Уж если величайший, по понятиям китайцев, мудрец и ученый не мог сказать о сушенях ничего более существенного, то значит, и на самом деле китайцы о них больше ничего не знали. Связи с сушенями были окончательно прерваны еще в начале Чжаньго, если не раньше, сразу после Чэнь-вана; «Потом, более чем через тысячу лет, Цинь и Хань, хотя процветали, такого (почета) не добивались», — говорится в летописи династии Вэй [296].

В летописи Циньской династии рассказывается по сути то же

самое: «В то время, когда чжоуский Гун Фу стал ваном, послали посланника с поздравлениями. Далее, на протяжении тысячи с лишним лет, в смутный период Цинь и Хань, приношений не было» [297].

Таким образом, известия в китайских летописях о народах Дальнего Востока дают основания связывать археологические памятники Приморья и Приамурья, которые предшествуют Циньской и Ханьской династиям (т. е. III веку до н. э.), с сушенями. [К ним относятся и поселения с раковинными кучами. Памятники эти, однако, не обязательно должны были принадлежать собственно сушеням, так как сушени могли быть только одним из племен, населявших данную территорию. В китайском источнике, относящемся к более поздним временам, ко времени уцзи, или мохэ (V век н. э.), указывается, что «черноречное поколение далеко сильнее прочих и есть древнее владение Сушень, сильнейшее между восточными иноземцами» [298].

В ханьское время обитатели страны сушеней были известны китайцам под новым именем—илоу. Китайские рассказы об илоу полнее и детальнее, чем сведения о сушенях. В них рассказывается характерная и богатая красочными бытовыми деталями картина жизни этих племен. Наиболее ранние сведения об илоу содержатся в «Хоу Хань шу», летописи династии поздняя Хань (25—220 годы н. э.). Согласно «Хоу Хань шу», «Илоу есть древнее царство Сушень; лежит за 1000 ли от Фууй на северо-восток; на востоке прилежит к Великому морю; на юге смежно с Воцзюй. Как далеко простирается на север — неизвестно» [299]. Страна Илоу, писали китайцы, очень гористая. И. Бичурин подчеркивал в своих комментариях, что «царство илоу заключало в себе восточную половину нынешней области Гиринь <в Маньчжурии» [300].

В переводе этого текста Н. В. Кюнером говорится, что страна Илоу смежна не вообще с Воцзюй, а с Северным Воцзюй. Жители страны Илоу, по словам летописи, «обликом походят на фууйцев, но говорят отличным языком».

Илоу, так же как и их предшественники, а может быть, предки, сушени, пользовались стрелами с каменными наконечниками; наконечники стрел смазывались ядом: «Искусно стреляют из лука, так что могут попадать в глаз человеку. Луки длиною в четыре фута, а туги как самострел. Древко для стрелы длиною в 18/10 фут. Копьецо делают из черного камня и намазывают ядом, от коего раненый тотчас умирает» [301]. Илоу, по словам автора «Хоу Хань шу», имели «все пять родов хлеба», то есть сеяли «е только хлебные растения, но и бобовые. Основой хозяйства илоу было земледелие, а не охота или рыбная ловля. Относительно скотоводства в «Хоу Хань шу» говорится только, что илоу «любят разводить свиней. Питаются мясом их, одеваются кожами их» [302]. В «Сань го чжи» добавлено, что илоу имеют кор"ов и лошадей и делают свою одежду из растительной ткани [303].

В летописи говорится далее, что **илоу** «летом ходят нагие, прикрывая зад и перед лоскутом холста... зимою для защиты себя от стужи намазывают тело свиным жиром толщиной в несколько линий»^[304].

Жили илоу «по горам и лесам». Так как «климат очень холоден», илоу в зимнее время строили полуподземные жилища: «обыкновенно живут в ямах, и чем глубже, тем почтеннее. В богатых домах делают до девяти ступеней».

Описывая быт и жилища илоу, автор «Хоу Хань шу» приводит одну интересную, но не совсем понятную деталь. Он пишет: «Жители неопрятны и нечистоплотны, отхожее место делают посредине, а вокруг него семья располагается»^[305]. Это сообщение напоминает обычай чукчей -пользоваться общим для всех членов семьи ночным горшком. Относительно домашней утвари илоу з «Сань го чжи» сказано особо: «Восточные варвары пьют и едят одинаково. Все употребляют кухонные доски цзу и сосуды для мяса доу. Только илоу не подражают обычаю, это крайне неблагопристойно»^[306].

Характеристика социальных отношений илоуских племен в «Хоу Хань шу» очень сжатая, но выразительная: «Государя не имеют, но каждое селение имеет своего владельца». Роды илоу были малочисленны^[307].

Особо отмечалась воинственность илоу: «Хотя роды малочисленны, но храбростью и телесною силою превосходят прочих, искусно стреляют из лука, так что могут попасть в глаз человеку. Склонны к **набегам** и разбоям. Соседние владения страдают от них и никак не могут покорить»^[308]. I

О том, что это не пустая фраза, говорит сообщение о соседях илоу, жителях Северного Воцзюй: «Илоусцы любят на судах производить грабительства, и северные воцзюйцы боятся их. Ежегодно летом укрываются в горных пещерах, а зимою, когда водные пути сделаются непроходимыми, они сходятся в селения»^[309].

Однако несмотря на свою воинственность, илоу оказались в ханьское время под властью фуюйцев: «С того времени, как дом Ха'нь начал царствовать, Илоу принадлежало к Фуюй»^[310].

История отношений илоусцев и фуюйцев дополнительно разъясняется в «Сань го чжи», где речь идет о тяжелом гнете со стороны фуюй и восстании илоу: «Со времени династии Хань подчинялись фуюйцам. Но так как фуюйцы требовали с них тяжелые налоги и подати, то они в период Хуан-чу (220—226-г. н. э.) восстали. Фуюйцы несколько раз предпринимали карательные походы. Но хотя их народ, обитающий в непроходимых горных местах, и малочислен, люди соседних стран боятся их луков и стрел и в конечном случае не могли их покорить».^[311]

Освободившись от гнета со стороны фуюй, илоу вступили в прямые связи с Китаем. Об этом свидетельствует указание в «Цзинь шу» о том,

что Китай и илоу во время правления Вэнь-ди (220—227) взаимно обменивались дарами.

В III веке н. э. отмечается по крайней мере четыре посольства. Известно, что илоу приходили в Китай в конце правления Цзи Юань (260—264 годы н. э.). Они «явились принести в дань стрелы из дерева «ку», каменные наконечники, луки, панцири, соболиные шкуры и пр. Вэйский император повелел им вернуться в Сянь фу, пожаловал их королю Чэнь-цзи парчу, шерстяные ткани, хлопчатобумажные ткани».

О приходе илоусцев к вэйскому двору в летописи этой династии говорится, что они принесли с собой изделия своей страны: «Во время Вэй (262 год н. э.) тунгусское племя сушень (то есть илоу) принесло дань императору Китая: 30 луков, стрелы из дерева «ку», более 300 наконечников стрел из камня, 20 панцирей из кожи, кости и железа и 400 леопардовых шкур» [³¹²].

Цзинь шу сообщает, что посольства были взаимны. В добавление к перечню подарков, перечисленных в «Вэй чжи», отмечается также, что валу — князю илоусцев императором Китая были пожалованы постельные принадлежности и петухи.

В «Вэй чжи» отмечаются следующие посольства илоу в Китай: «В первый год правления Тайкан (император Цзиньской династии У-дн, 280 год н. э.) их ван послал посла представить местное производство. Во второй год (281 год) снова явились представить дань. В седьмом году (287 год) так же приходили».

Из страны Илоу в Китай доставлялись яшма и хорошие соболи, «которые называются илоускими соболями».

Из всего, что говорится о взаимоотношениях Китая и племен илоу, при всей тенденциозности летописцев, всегда стремившихся показать превосходство Китая и его влияние на соседей, заметно, что Илоу — это суверенные и независимые племена, гордые своей свободой и самостоятельностью. Властные императоры Китая и не помышляют о каком-либо вмешательстве в их жизнь. Более того, они ведут себя по отношению к послам и «князьям» Илоу как равные с равными. Очевидно, правители Китая всячески стремились избегать конфликтов с воинственными жителями севера и даже побаивались таких конфликтов.

Из летописей видно, что связи Илоу с Китаем были нерегулярными и эпизодическими, и они не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на «дикие» племена.

Очень интересны, далее, материалы о стране Илоу, содержащиеся в «Вэй чжи». Во время как тексты из «Хоу Хань шу» и «Сань го чжи» имеют общее содержание, этот текст явно представляет собой новый документ. Он, несомненно, возник на основе каких-то дополнительных сведений, может быть, полученных от самих илоу, побывавших в Китае, а может быть, и от китайцев. Этот текст послужил основой для рас-

сказа об илоу в летописи Цзинь шу, где приводятся некоторые данные, позволяющие полнее представить жизнь илоу в четвертом веке нашей эры, то есть спустя сто лет.

В «Вэй чжи» страна Илоу отождествляется с древней страной сунь: «Дом сунь, иначе называется илоу». Она отстоит на расстоянии около 60 дней пути от Фууй, на востоке примыкает к большому морю, на западе к стране Цзао, или Маньхань-го. «Ее крайний предел — река Жошуй... Люди живут в глубоких горах и узких долинах. Их дороги круты и затруднены, телеги и лошади не проходят»^[313].

В этой летописи содержится любопытное упоминание о месторождении камня, «проникающего в железо». «В их стране на северо-востоке имеется гора, производящая камень. Его острие проникает в железо, желающие взять его непременно сперва молятся духу»^[314]. Упоминаются также «каменные самострелы (шишу), луки из красного дерева длиной в 3 (фута 5 дюймов, стрелы из дерева «ку» длиной в 1 фут с лишком, а также кожаные «костяные панцири».

Летом илоу, по словам авторов «Вэй чжи», живут в «гнездах», зимой — в «трещинах». Нужно думать, что «трещины» в летописи означают углубленные в землю жилища, а «гнезда» — летние жилища на столбах вроде свай, какие и были широко распространены у народов Дальнего Востока в недавнее время. Относительно скотоводства сказано, что жители этой страны «имеют лошадей, но не едят, только считают их имуществом, не более. Не имеют коров и баранов, много разводят свиней, едят их мясо, надевают их шкуры».

Кроме одежды из шкур илоу делали одежду из шерсти: сучат волос, чтобы делать ткань. Еще интереснее, что в ходу у них была одежда из древесной коры: «Имеют дерево, называемое лочан... это- дерево родит кору, которую можно надеть». В летнее время одеждой служил кусок холста: «Из холста делают передник в три фута с лишком, чтобы прикрыться спереди и сзади».

Характерной чертой илоу были косы: «По обычаю все плетут волосы на голове в косы». Описывая образ жизни илоу, автор летописи указывает, что у них нет колодцев и очагов. Они «делают глиняный сосуд — большой горшок, вмещает 4—5 шэн. Чтобы есть, садятся на корточки, ногою жмут мясо и едят. Когда получают холодное мясо, то садятся на «его сверху и согревают. В почве нет соли, железа, поэтому жгут дерево и делают пепел. Намочив его, берут сок и едят»^[315], взамен соли. В «Цзинь шу» большие сосуды, которые упомянуты в «Вэй чжи», названы «ли»; это триподы с полыми внутри ножками — резервуарами. Сидят илоу, говорится в этом тексте, на плетенках, то есть на циновках, так же, как сидели в старину нанайцы-гольды.

Много внимания уделено брачным обычаям илоу: «Желающий вступить в брак мужчина берет перья и втыкает в голову (волосы) жен-

щины; если женщина согласна, то удерживает их, а мужчина возвращается к себе; потом выполняет церемонии и обручается с ней». Характерной чертой отношений между полами у илоу была добрачная половая свобода: «Жены честны, но девушки распутны, ценят сильных, но недостойных». Столь же детально описаны погребальные обычаи: «Когда старик умирает, то в тот же день хоронят его в поле. Связывая доски, делают малый гроб. Убивают свинью, кладут сверху гроба, чтобы было продовольствие для умершего. По натуре эти люди свирепы и жестоки, так что у них нет соболезнования и взаимного уважения. Когда отец и мать умирают, мужчины не плачут. Плачущих называют немужественными».

Интересной чертой общественных порядков илоу является обычай убивать ворующих: «Ворующих и грабящих много ли мало ли всех убивают. Поэтому хотя бы и в пустынном месте, все же не совершают преступлений друг против друга» [³¹⁶].

Таким образом, коллективно совершенные преступления наказывались несравненно строже, чем индивидуальные.

Рассмотренные общественные отношения у племени илоу в конце 1 тыс. до н. э.— начале 1 тыс. н. э. отличаются от последующих этапов только началом процесса постепенной классовой дифференциации внутри общества. Начиная с 1 тыс. н. э. развитие этого процесса значительно ускоряется, что приводит в дальнейшем к созданию классовых государств.

ПЛЕМЕНА **МОХЭ** IV—VII ВЕКОВ Н. Э. И БОХАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В IV—VII веках на территории Приамурья, Приморья, на юге и на востоке от Амура, еще шире, чем польцевская культура, распространяется новая культура железного века — мохэская. Мохэ — многочисленные и сильные племена, о которых сообщают китайские летописи.

Племена эти обитали, согласно летописям, в IV—VII веках н. э. там же, где находилась ранее страна Илоу. Последняя стала затем называться страной Уцзи, а потом Мохэ.

О стране Уцзи (уги) в источниках вэйского времени сказано, что это древняя страна Сушень. Она находится к северу от Гао-Гюйли и иначе называется мохэ. Путь в эту страну из Китая описывается так: «В 5000 ли от Ло-ян (древней восточной столицы Китая), в 200 ли от Хо-лун на север, есть хребет, называемый Шань-юй-шань. От сего хребта на север через тринадцать дней пути лежат горы Цили, еще на север через семь дней пути — река Лосям, шириною окололи; еще через 15 дней пути на север река Тайилу; еще через 18 дней пути на северо-восток лежит главный город владения Уги. Есть река шириною около трех ли; называется Су-мо-шуй (Сунгари)»³¹⁷.

В летописи перечислено семь угских племен (поколений). «Первое, смежное с Гаоли, называется Лимо, оно имеет 7000 строевого войска по большей части из храбрых ратников, и часто Производит набег

на Гаоли. Второе поколение называется Боду; обитает от Лимо на север; имеет 7000 строевого войска. Третье называется Ангюйгу; обитает от Боду на северо-восток. Четвертое называется Фонье; обитает на востоке от Боду. Пятое поколение называется (Хао) Ши; обитает на востоке от Фонье. Шестое называется Хэйшуй-бу, «черноречным»; обитает на северо-западе от Ангюйгу. Седьмое называется поколением Белых Гор, «белогорным», — Бай-шань-бу и обитает на юго-востоке от Лимо, строевого войска имеет не более 3000 человек» [318].

Судя по этому тексту и другим данным, мохэ делились на несколько больших родо-племенных объединений, из которых наиболее крупными были объединения хэйшуй, сумо, и, очевидно, шивей-мохэ. Племена сумо-мохэ первоначально занимали территорию верхнего течения Сунгари, захватывая северные предгорья Чанбайшаня до границ с королевством Когуре. Хэйшуй->мохэ обитали в районе нижнего течения Амура и, в свою очередь, делились на северных и южных хэйшуй-мохэ.

К юго-востоку от сумо находилось племя байшань, а к северо-востоку — племя гудо. К северо-востоку от гудо обитали племена аньчэгу, а еще дальше фонье или фуне, которые занимали территорию в районе верхнего течения Уссури, а также долины речек Б. Уссурки и Бикина [319]. К востоку от фуне, то есть на морском побережье северо-восточной части Приморья и вблизи устья Амура обитали племена хаоши, или гуши. Шивей делились на три группы. К первой группе, говорившей на языке, близком киданьскому (древнемонгольскому), следует отнести шивейцев, обитавших в бассейне реки Шилки. Ко второй группе потомков древних, уваней относились шивейцы, обитавшие по верхнему течению Амура. К третьей группе принадлежали племмена, обитавшие по берегам части верхнего и всего среднего течения Амура и его притоков, в том числе и на берегах реки Зеи.

К мохэскому времени на территории советского Дальнего Востока относится большое число археологических памятников: поселения, могильники, наскальные рисунки. Как свидетельствуют археологические раскопки, первая и самая характерная черта мохэской культуры заключается в том, что в ней железо окончательно побеждает камень и абсолютно господствует в технике. Мохэские поселения постоянно сопровождаются следами плавки железной руды. Так, около села Сергеевки Благовещенского района были обнаружены остатки сыродутного горна: сверху лежал слой угля и куски обуглившегося дерева. На дне горна лежали шлаки. Сохранившаяся часть дна горна представляла собой яму с округлым обожженным дном диаметром 60 см и глубиной 16 см. Верхняя, уничтоженная, часть горна была в виде цилиндрической камеры, либо выкопанной в холме, либо построенной из какого-нибудь огнеупорного материала. В камеру закладывали железную руду впер-

межку с топливом. Расплавленное железо стекало вниз, где оно и скапливалось, образуя крицу с округлым дном и плоской бугристой верхушкой.

Из железа выделывались прежде всего орудия, обслуживавшие труд земледельца, — топоры, втулчатые кельты. У них, как правило, четырехугольная втулка, иногда с округленными углами. Затем следуют ножи, различные острия, а также наконечники стрел. Это самые распространенные изделия мохэских кузнецов и плавильщиков.

В целом страна мохэ описывается как низменная и сырая. Жители ее занимаются хлебопашеством. «Землю пашут парюю лошадей. Произрастают просо и пшеница. Из зелени родится мальва... Вино делают из риса, и оно также пьяно»^[320].

Применение в сельском хозяйстве тягловой силы лошади, железных орудий труда способствовало прогрессивному развитию хозяйства в целом. Наиболее удобными для земледелия были районы нынешней Зейско-Буреинской, Биробиджанской и Приханкайской низменности с плодородными и легко используемыми под посевы землями. У племен, населяющих эти районы, продукты земледелия были основными источниками не только питания, но, по-видимому, и торговли.

Немалую роль в хозяйственной жизни мохэских племен играло м скотоводство. Особенно большое значение у мохэсцев с переходом на плужное земледелие приобрело коневодство. «О большой роли, которую играл конь в жизни мохэсцев, свидетельствует обычай закалывания коня на могиле его хозяина. Конь, по представлению мохэсцев, должен был так же верно служить своему хозяину после его смерти, как и при жизни»^[321]. Большой интерес представляет и находка двух глиняных 'Конских статуэток в мохэском жилище вблизи села Осиновки в Приморском крае. Статуэтки были спрятаны или, возможно, преднамеренно зарыты в небольшой ямке у стены землянки, что наталкивает на мысль об их ритуальном назначении.

Мохэсцы разводили лошадей также и для торговли с соседними племенами. Наряду с этим, все летописные источники подчеркивают, что мохэсцы не имеют ни коров, ни овец.

Еще с эпохи неолита и 'бронзы дальневосточные племена занимались разведением свиней. Мохэсцы, так же как и их предшественники, были настоящими свиноводами. Остатки костей свиньи можно встретить при раскопках любого поселения мохэ.

Так, на Михайловском городище в каждом жилище найдены кости свиней, в том числе челюсти и целые черепа. В одном из них обнаружено скопление из шести черепов свиней, лопатки и трубчатых костей. Летом для хранения мяса, в жилом помещении или по соседству с ним мохэсцы вырывали глубокие ямы в виде погребов. Такие ямы глубиной до трех метров с остатками костей свиньи и мохэской керамики были

встречены при раскопках жилищ этого времени на Среднем Амуре у Осинового озера.

По-прежнему большое значение имела охота: «более занимаются звероловством». Согласно летописям, мохэ охотятся с луком и стрелами, отравленными ядом: «Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яды и намазывают стрелы для стрельяния зверей и птиц»^[322]. Жители страны Уги верили, что воздух, отравленный ядом, тоже может убивать людей. Упоминаются каменные наконечники стрел.

При раскопках найдены железные наконечники стрел четырех типов. У наконечников первого типа острие листовидное с усеченным основанием, переходящим в длинный четырехгранный насад. Наконечники второго типа имеют острие в виде раздвоенного хвоста ласточки. Наконечники стрел третьего типа самые многочисленные. Это длинные узкие стержни. В поперечном сечении они трехгранные и сегментовидные, некоторые четырехугольные. Наконечники четвертого типа ромбические в поперечном сечении, со слегка расширенными шипами-усиками, в широкой части. Есть также наконечники стрел из кости.

Костяные наконечники трех видов: к первому относятся наконечники стрел трехгранные в поперечном сечении. Во второй тип выделены плоские наконечники больших размеров (до 12 см). Острие у них иволистное, насад широкий (1 см). Наконечники третьего типа трапециевидные в поперечном сечении, с плоским черешком.

Свои поселения, как свидетельствуют письменные источники, мохэ строили на склонах гор по берегам рек и озер. Эти же источники, описывая мохэские жилища, сообщают, что мохэсцы поверх вырытого в земле углубления составляют в козлы бревна и покрывают их землей. Внешне эти землянки похожи на китайские курганы, или могильные холмы, в которые они и поселяются на жительство. Летом они покидают их и кочуют в зависимости от достатка в воде и траве, а зимой вновь сходятся на жительство в землянки. Сверху таких землянок «продельывают отверстие, через которое по лестнице проникают внутрь или выходят»^[323].

Археологическими раскопками остатки таких жилищ исследованы в различных местах по Шилке, Амуру и в Приморье. Они были квадратными в плане, основание их углублено в землю в среднем на 60—90 см. В середине имелись очаги. Вдоль стен идут ямки от столбов. Таково, например, жилище, раскопанное в 1953 году в Приморье у села Осинки вблизи Усурийска. Таковы и мохэские жилища, исследованные на Амуре в Михайловском городище.

При строительстве дома сначала рыли прямоугольный в плане котлован площадью около 20—25 кв. м. На расстоянии 20—40 см от стен земляного котлована по углам вкапывались на глубину до метра четыре опорных столба диаметром 25—30 см. На эти столбы клали горизон-

тально балки — внешняя обвязка жилища. С внешней стороны к балкам, вплотную друг к другу, ставились с земли вертикальные плахи толщиной 5—10 см, шириной 10—40 см. Нижние концы плах, чтобы они не прогибались в жилище, крепились нижней обвязкой из толстых жердей, положенных с внешней стороны опорных столбов. Плахи, образующие стенку, не имели специального крепления, а придавливались землей к обвязкам при засыпке пространства между стенкой котлована и собственно стенкой жилища. В одном из раскопанных жилищ удалось проследить все четыре обуглившиеся стены на высоту до 60 см. В центре жилища находился очаг квадратной формы. Размеры его чаще всего 90x90 см или 80x80 см. Он был обложен горизонтальными деревянными плахами и обмазан глиной. За очагом, возле его углов, видимо, крепилась перекладина-рама, на которую подвешивался сосуд для приготовления пищи.

Внутри жилищ обычны обломки сосудов, а иногда и целые сосуды характерного облика. Сосуды изготовлены без гончарного круга, все они — плоскодонные. По профилировке выделяются сосуды следующих типов: простые баночные, высокие и сравнительно узкие (похожие на вазы), с тонкими стенками; горшковидные с выпуклыми в средней части стенками, четко выраженной шейкой и сильно отогнутым невысоким венчиком; сферические с низкой горловиной. Иногда у высоких вазообразных сосудов венчик был простой, чуть отогнутый, а у низких, приземистых горшков венчик воротничковый или с нависающим карнизиком. Преобладают венчики воротничковые и с карнизиком. Венчики снаружи часто бывают украшены наклепными валиками, которые обычно имеют вид гладкого острого ребра, а иногда они рассечены поперечными насечками, образующими зубчики. Иногда косые насечки — на валике имитируют шнур.

Орнамент на венчиках — округлый, ромбический, в виде прямоугольных вдавливаниях. Кроме того, изредка наблюдаются оттиски подушечек пальцев. Стенки сосудов чаще всего гладкие, иногда лощеные. Встречаются сосуды, сплошь покрытые шахматно-шашечным штампом с ромбическими и квадратными вдавливаниями. Есть единичные сосуды, на плечиках которых находятся пояски из прочерченных двухзубчатой лопаточкой волнистых и горизонтальных линий.

Кроме высоких узкогорлых сосудов употреблялись также маленькие конические чаши древних форм в виде пиалы, с узким кольцевидным поддоном или просто с плоским дном, окаймленным утолщением для устойчивости. Встречаются также обломки широких плоских блюд со слегка загнутым внутрь краем.

Одежда шилась из свиных и собачьих шкур. Одежду и обувь выделявали также и из рыбьей кожи. Праздничные одежды делали из полотна и других тканей, богато украшали их бронзовыми подвесками.

Несколько таких подвесок были встречены в Найфельдском могильнике. Особенно интересна одна из них. В этой подвеске представлен криволинейный орнамент, наиболее характерный для более раннего времени — эпохи каменного века, когда сосуды украшались различного рода спиральями. Самые состоятельные семьи украшали свою одежду шелком и жемчугом, который добывался из раковин в реках Приморья.

Волосы мохэсцы заплетали в косу — это старый тунгусский обычай. Хэйш[^]йские племена украшали себя ожерельями, составленными из клыков дикого кабана или медведя. При раскопках мохэских поселений встречены также кабаньи клыки, просверленные у основания. Из фазаньих хвостов хэйшуйцы делали украшения для своих головных уборов, по которым отличались от остальных поколений. Сумо мохэ з отличие от хэйшуй мохэ свои головные уборы украшали тигровыми и леопардовыми хвостами.

В вэйской истории отмечается характерная бытовая деталь из жизни, мохэ, неприятно поражавшая летописцев, — то, что они умываются мочой.

О браке и брачных обрядах в летописях рассказывается: «При браках женщина надевает холщевую юбку, мужчина одевается в шубу из свиной кожи» [³²⁴]. Согласно переводу И. Бичурина, мужчина во время брачной церемонии укреплял на голове хвост леопарда. В первый вечер брака жених приходит в дом невесты, берет невесту за груди и ревность прекращается [³²⁵]. Здесь идет речь, по-видимому, о таком обряде, который напоминает описанный С. П. Крашенинниковым обряд хватания невесты у камчадалов. Жених должен был схватить ее и, разорвав одежду, коснуться рукой ее тела, в данном случае, должно быть, груди.

В брачной жизни мохэ отмечаются противоречивые черты, которые объясняются, по-видимому, пережитками группового брака, но при господствующем уже патриархально-родовом, строе. Летописцы пишут: «Ежели женщина блудно спознается с посторонним мужчиною, и скажут мужу об этом, то муж убивает жену, а потом, раскаиваясь, непременно убьет и сказавшего; посему у них прелюбодеяния никогда не открываются» [³²⁶].

Искусство мохэских племен представлено их украшениями, глиняными скульптурами, изображающими животных, а также наскальными рисунками. При раскопках в Осиновке около Уссурийска внутри мохэского жилища, как уже отмечалось выше, найдены две глиняные статуэтки, схематически изображающие животных. Судя по сохранившейся лучше фигурке, обе они изображали лошадей. У нее длинное туловище с характерным округлым крупом, высокая типично лошадиная шея и маленькая головка, частично обломанная, на которой,

однако, уцелело еще одно ухо и часть другого. Уши такие же делаются на современных этнографических игрушках, изображающих лошадей. Хвост коня короткий, но совершенно отчетливый, ноги также короткие, в виде четырех округлых выступов под брюхом животного.

Это могли быть детские игрушки, но не исключено, что такие изображения лошадей имели связь с шаманским культом, с обрядами, отражающими заботу о скоте. Сходные схематические изображения животных, сделанные из глины и обожженные, были найдены также на древних поселениях в Маньчжурии. Одиннадцать таких глиняных примитивных фигурок, изображающих животных, и много обломков было найдено в местности Хуан-Шан, к северо-востоку от Харбина, в долине реки Ашихэ (Альчука-бира), а также в районе между станциями Чэнгауз и Чэн шэнтунь к юго-востоку от Харбина. Слеплены они, по словам В. В. Поносова, «грубо и, видимо, наскоро, но все обожжены». В этих фигурках он предположительно видит изображения собаки, колонка, медведя, свиньи.

На рисунках, изданных Поносовым, можно различить фигурки свиньи и, судя по загнутому вверх крючком хвосту, собаки [³²⁷]. Два глиняных изображения животных — медведя (?) и кабана — найдены были у храма Няннямяо. «Удачно выполнена голова кабана с тупым и несколько вздернутым рылом, с торчащими клыками и оттопыренными ушами. Стоящая дыбом щетина дополняет общее впечатление» [^{2b}].

Своеобразны далее найденные в жилище у Осинового озера и в могильнике на реке Белой, вблизи Благовещенска, лошадиные фаланги-бабки, на которых вырезаны геометрические узоры в виде пересекающихся косых линий. Такие узоры располагаются поперек бабок более или менее широкой полосой, как бы поясом. На одной из бабок от подобного пояса опускаются ромбовидные подвески, напоминающие реальные металлические подвески, которые украшали наборные пояса тюркского типа, широко распространенные и у мохэских воинов. Они на самом деле, должно быть, обозначают пояса на бабке — условном изображении человеческой фигуры. Следует полагать, что узорчатые лошадиные бабки мохэсцев служили куклами для детей, а может быть, и символическими изображениями умерших — вместилищами их душ. Во всяком случае, подобные куклы-вместилища известны по этнологическим данным у различных сибирских племен, например, у ханов и якутов.

Наскальные рисунки мохэского времени известны на Амуре, между селами Сикачи-Аляном и Малышево. Рисунки эти, в отличие от более древних, каменного века, не выбитые. Они вырезаны острием ножа. На них изображены лодки, животные, в том числе дикие козы, птицы, всадники. Есть также фигура хищника, похожего на барса. У него — сравнительно длинное, но мощное туловище. Большая, типично кошачья

голова, на которой торчит одно приостренное ухо. Сзади вырезан хвост, загнутый дугой вперед над туловищем. Передние ноги выброшены вперед и кончаются когтями, задняя нога без когтей. Характерная черта рисунка — заштрихованность всего туловища и головы зверя пересекающимся в виде ромбической сетки резными линиями. Фигура животного, ори всей примитивности рисунка, экспрессивна. Зверь прыгает или готовится к броску.

Столь же характерно изображение всадника на коне. Фигура лошади отличается своеобразной трактовкой шеи и головы. Морда животного срезана прямо и даже слегка расширена на конце. Шея длинная, круто изогнутая. Так выглядят лошади на литых бронзовых изображениях, которые Э. В. Шавкунов относит к чжурчжэньскому времени. Но вполне возможно, что подобные изображения возникли значительно раньше и были унаследованы чжурчжэнями от их предшественников и предков — мохэских племен. Тело лошади заполнено внутри продольными резными линиями. На ней сидит всадник, в руках у него длинное копье, угрожающе направленное вперед.

Для понимания художественной сущности этих рисунков и мировоззрения создавших их людей особенно интересен описанный выше рисунок хищника, барса. Рисунок этот вырезала тонким лезвием ножа, а может быть, кинжала, рука древнего охотника или воина — столько в нем непосредственного чувства, экспрессии и жизненной силы.

Мохэсцы одушевляли окружающую их природу. Реки, озера, леса, горы они населяли злыми и добрыми духами. Все окружающее — живое — и имело, по их представлению, душу. Существовали у них и священные места.

Об одном из них, находящемся в торах Чаибошань, летописцы сообщают: «На юге страны имеется группа больших гор. Тоба вэйцы назвали их Тайбо. В них водятся тигры, леопарды, бурые медведи и волки, которые не трогают людей. Людям в этих горах запрещается мочиться. Собираясь идти по дороге через горы, всегда берут с собой пм-шу»^[329]. «Суй шу» добавляет, что «по обычаю очень почитают и боятся» этих гор, где люди не осмеливаются убивать водящуюся там дичь.

Мохэсцы особенно почитали тигра, преклоняясь перед его силой и свирепостью. Существовал у мохэсцев и культ медведя, о чем свидетельствуют материалы японских летописей. «Сообщая о набегах на мохэские племена в VII веке, японские источники упоминают в числе захваченной у мохэ добычи — живых медведей^[330], которых мохэсцы, вероятно, специально откармливали к медвежьему празднику»^[331].

Свинье, как известно, принадлежало особо важное место в шаманском жертвенном ритуале нанайцев. В этой связи интересно, что в жилищах Михайловского городища в каждом из четырех углов лежало по черепу свиньи, должно быть, жертвенному.

Летописи так описывают погребальный обряд мохэских племен: «Для умершего вырывают в земле яму и закапывают его в ней, бросая землю прямо на покойного, так как не имеют гробов. Убивают лошадь, на которой ездил (покойный). Перед покойным ставят угощение и приносят жертву». Поверх могил нередко сооружался небольшой деревянный домик, чтобы ее не мочил дождь. Так мохэсы хоронили умерших лишь весной и летом. Умерших же осенью или зимой не предавали погребению в земле. Очевидно, в зимнюю пору, когда рытье могильных ям было весьма затруднительным делом, покойника клали на специально сооруженный с этой целью в лесу помост, вокруг которого ставились ловушки на хищных зверей, в том числе и на соболей. «Соболи едят их мясо и попадают в большом количестве» [332].

Здесь, надо думать, речь идет об обрядах своеобразного очищения костей от мяса умерших, как это было у древних юкагиров, причем срезанное с костей мясо должны были съесть дикие звери. Иллюстрацией к словам летописи служат могильники в Найфельде и Новопетровке, где захоронению подвергались не трупы умерших, а отдельные и разрозненные их остатки. При раскопках в Найфельде найдены только единичные кости: бедренные, берцовые, череп. Кости людей приносились сюда, должно быть, после того, как труп истлевал и костяк распался. Это свидетельствует о существовании обычая повторного захоронения, широко распространенного у различных народов Сибири до недавнего времени: тела умерших клали на специальные помосты или деревья. После того как помосты сгнивали и падали, кости собирали и хоронили в земле.

В Найфельде для такого повторного погребения костей умерших сородичей в чистой супеси и песке выкапывалась неглубокая яма. В нее вместе с костями ставили глиняные сосуды, очевидно наполненные пищей. В могилу помещали остатки погребального инвентаря: панцирные пластинки, украшения, изредка наконечники стрел и ножи [333].

Как правило, вещи в могильных комплексах повреждены: у сосудов пробито дно, железные мечи сломаны. Это значит, что вещи «умерщвлялись», чтобы их души шли в страну мертвых вместе с душой умершего человека, их хозяина. Сверху яму засыпали чистой супесью, взятой из той же могильной ямы, и песком.

В ряде случаев над могильной ямой прослеживается углистый слой, залегающий непосредственно под дерном. Это, по-видимому, остатки заупокойной тризны и огня, который имел в глазах сородичей очистительную силу. Зажигая костер над могилой, они верили, что избавляют себя от опасности, которая грозила, по их мнению, каждому, кто соприкасался с таинственным и страшным миром мертвых.

Таковы же в принципе захоронения самого крупного и многослойного мохэского могильника у села Троицкого на реке Белой — притоке

реки Зеи, в районе Благовещенска (раскопки Е. И. Деревянно), а также могильника на озере Болонь.

Для понимания развития общественного строя мохэсцев существенно, что раньше у предшествующих племен советского Дальнего Востока существовали большие коллективные дома, в которых обитали десятки людей. В мохэское же время вместо больших домов распространяются маленькие жилища площадью около 20—25 кв. м с одним центральным очагом. Очевидно, отдельные семьи выходили из родовой общины. Это свидетельствует о том, что род становится патриархальным.

О том, насколько далеко зашел у мохэ процесс разложения первобытнообщинного строя, свидетельствует, в частности, тот факт, что муж в случае измены жены мог убить ее. Это свидетельствует о развитых патриархально-родовых отношениях, которые очень скоро перерастают затем, как правило, в классовые отношения [³³⁴].

Наличие у мохэ прослойки «богатых людей» свидетельствует о появлении у них имущественного неравенства.

О развитии рабства у мохэ можно судить по рассказу, в котором упоминается мохэский вождь Тудици: «Был такой военачальник — Тудици. В конце династии Суй предводительствовал племенем в тысячу с лишним семей внутри своих владений... Сын (Тудици) Цзиньсин, который наследовал своему отцу после его смерти, изумительной внешностью и воинственностью не имел себе равных среди людей... В его племени домашних рабов насчитывалось тысяча человек. Богатством, силой и воинственностью он держал в страхе пограничных инородцев» [³³⁵]. Здесь, во-первых, налицо наследственная власть военачальника, в руках которого к тому же оседала значительная часть военной добычи. Недаром летопись особо подчеркивает, что богатством и силой Цзиньсин «держал в страхе пограничных инородцев». Во-вторых, что заслуживает особого внимания, племя, насчитывающее тысячу с лишним семей, владело тысячью «домашних рабов»... Владельцами рабов, очевидно, были... семьи родо-племенной знати и, в первую очередь, сам военачальник. Будучи собственником большого числа рабов, Цзиньсин смог осуществить такое грандиозное мероприятие, как постройка каменной дороги, «чтобы вести большие посольские связи»... Несомненно, «что на строительстве дороги использовался в основном лишь труд рабов. Трудно предположить, чтобы эту работу стали выполнять свободные общинники, имевшие свое хозяйство, которое, однако, не мешало им время от времени принимать участие в грабительских походах против соседних более слабых племен, о чем свидетельствуют биографические сведения летописей о Тудици и его сыне Цзиньсине, чья жизнь была полна военными походами и сражениями против тюрков, тангутов и других племен» [³³⁶].

Интересны для характеристики общественного строя и политиче-

ских связей у мохэ также и сведения летописей о том, что предводитель их называется великий Мофо-Маньду. В летописи династии Суй добавляется, что мохэский Мофо-Маньду «между восточными иноземцами считается сильным владетелем».

Процессы развития новых классовых отношений стимулировались ростом обмена, а также политическими связями с более развитыми соседними странами — киданями, уйгурами, тюрками Монголии — на западе, королевством Когуре и Китайской империей — на юге и юго-западе.

К началу VI века мохэ представляли значительную политическую и военную силу, с которой вынуждены были считаться как соседние племена и государства Корейского полуострова, так и китайские императоры. Недаром древние летописцы всегда подчеркивали воинственность мохэсцев, которые постоянно вторгаются в Когуре и соседние страны и «среди восточных иноземцев являются наиболее сильными. Все страны постоянно страдают от них»^[337].

О постоянной готовности мохэ к войне, к сражениям свидетельствует их погребальный инвентарь, в котором обычны многочисленные наконечники стрел — железные и костяные, а также однолезвийные палаши. В одном из наиболее богатых вешами захоронениях Троицкого могильника на реке Белой оказалась такая великолепная сабля-палаш с позолоченной бронзовой оравой рукоятью и скользящей скобой.

Беспокойная жизнь мохэских племен и их воинственность нашли отражение в монументальных сооружениях — городищах. Такова, например, серия укрепленных поселений на Шилке и Верхнем Амуре, в том числе на Чудейском утесе. Утес этот находится в шести километрах от Шилки, на ее притоке — реке Черной.

Высота его около 80 м. Внизу раскинулась широкая долина, удобная для хлебопашества. Вершина утеса ровная, на ней имеется два глубоких рва и между ними высокий вал. Внутри городища находятся десятки древних жилищ, надежно защищенных от внезапного нападения врагов не только этими валами и рвами, но и крутыми обрывами самой скалы.

Такие же и даже еще более мощные мохэские укрепления с многочисленными жилищами внутри обнаружены на реке Завитой у села Михайловского в районе Благовещенска. Валы городищ достигали здесь двухметровой высоты, а площадь одного из них, окруженного двойным валом, превышала 6000 кв. метров.

Воинственность и все возрастающее могущество мохэ вызывали серьезное беспокойство у китайских императоров, что также находит свое отражение на страницах летописей. Так, когда в начале периода Кай-Хуан (589 год) в Китай прибыл ряд мохэских посольств, император Гао-цзу обратился к их послам со словами: «Мы слышали от ваших

туземцев, что (вы) очень способны в военных победах. Ныне (вы) прибыли и (мы) видим друг друга. Действительность соответствует нашим мыслям...»

Посланник со свитой исполнили танец, который очень походил на военный. Император обернулся к своим придворным сановникам и сказал: «Между небом и землей имеются такие, которые постоянно думают о войне. Откуда это у них? Впрочем, их страна довольно-таки далеко от Суй. Только (племена) лимо и байшань близки» [338].

Танец, ужаснувший императора, представлял собой обычную для родового общества военную пляску, институт, широко распространенный у различных племен земного шара и неразрывно связанный с системой военного воспитания юношества.

Процесс преобразования власти военачальника в наследственную королевскую власть, подготовленный всем ходом развития мохэских племен, начинает с особой силой проявляться в VII веке. Как и в VI веке, в этот период во главе племени или группы племен у мохэ все еще стоят военачальники, каждый из которых «независим от других и управляет самостоятельно» [339]. «Число дружинников в наиболее крупных племенных объединениях доходило до семи тысяч человек, а в более мелких — до трех тысяч человек» [340]. «Самыми могущественными были объединения племен сумо мохэ и гудо мохэ. Хэйшуй мохэ, число дружинников у которых вначале не превышало трех тысяч человек, впоследствии, благодаря присоединению к ним ряда мелких соседних племен, в том числе и фуне мохэ, также начинают выдвигаться в число наиболее могущественных племенных объединений» [341].

Становление классовых отношений у мохэ протекало в сложной международной обстановке, которая так или иначе оказывала воздействие на ход этих внутренних процессов.

Таковы были, во-первых, контакты с соседними государственными образованиями корейских племен, в первую очередь, с когуресцами.

Не менее глубокое влияние на ход социально-экономического, а отчасти также культурного развития мохэ, имели их связи с соседней Центральной Азией и Сибирью, конкретно с тюрками. Об этом следует сказать подробнее, поскольку в лице тюрков мохэ имели союзников в борьбе против агрессии империи Тан. Не случайно уже при первом правителе, объединившем мохэские племена и положившем начало Бохаю, как государству, Цзо-юне (Цзожуне), к тюркам каганата было направлено посольство, имевшее целью установить с ними дружественные отношения.

Дружественные связи мохэских племен с тюрками нашли отражение и в археологических, вещественных документах. Таковы, например, рисунки на скалах Сикачи-Аяна, вызывающие в памяти художествен-

ные произведения таких же воинов и охотников на отполированных ветром пустыни, жирных от «скального загара» скалах Центральной Азии и Южной Сибири.

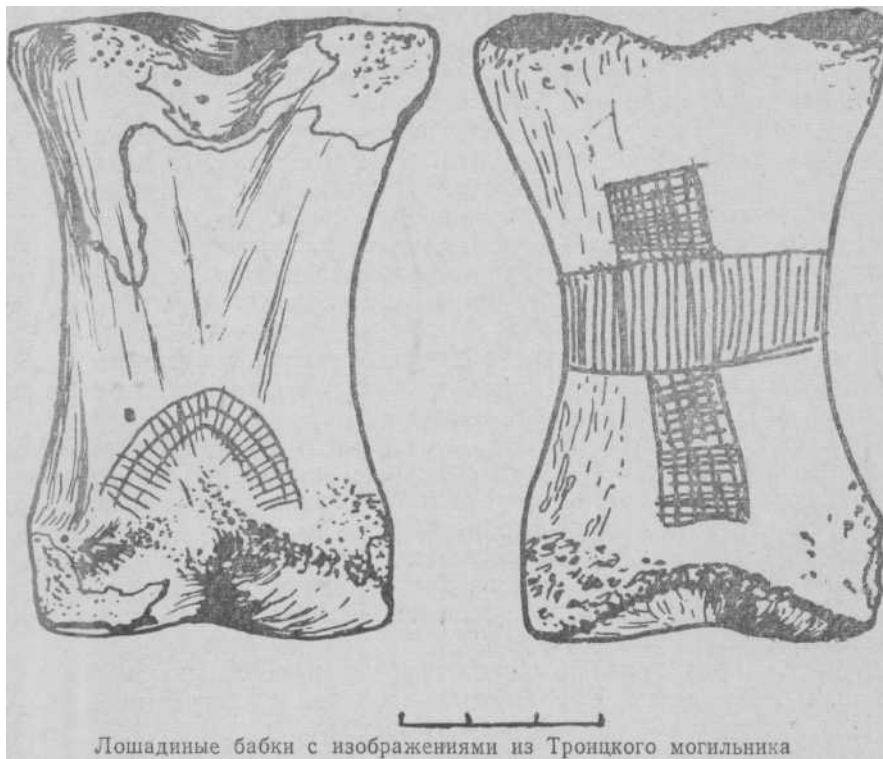
До предела, до ушей стрелков натянутые луки, насмерть перепуганные хрупкие фигурки коз и оленей и, наконец, оскаленные пасти барсов — тот же воинственный дух, свирепая сила, та же экспрессия, рожденная походной жизнью кочевника, полной опасностей, видны в рисунках этих степных племен. И степных не только в собственном смысле слова — ведь ближайшим в географическом отношении очагом такого искусства для Сикачи-Аляна были таежные верховья Лены, где на Шишкинских скалах и на соседних с ними обнажениях красного песчаника имеются десятки и сотни курьканских писаниц, прославляющих воинов и лошадей — быстроногих скакунов. На Шишкинских скалах или на Манхайских в долине реки Куды, в междуречье Ангары и Лены, можно видеть и такие же табуны животных, тела которых изображены в той же своеобразной графической манере.

Племена Центральной Азии, Восточной Европы, Енисея, Лены и Ангары, художниками которых были вырезаны на скалах подобные изображения, все или почти все принадлежали к числу тюрков Евразии. Они говорили по-тюркски, о чем наглядно свидетельствуют надписи на древнетюркском языке, вырезанные на трех же писаницах рядом с всадниками и лошадьми древним руническим шрифтом, тем самым, которым сделаны строки грандиозных надписей-эпитафий у могильных памятников тюркских и уйгурских властителей Центральной Азии. Такие рунические надписи, язык которых является древнетюркским, имеются в долине Енисея на писаницах Сулекской скалы — одного из самых монументальных памятников искусства и культуры древних тюрков, а также на Алтае, на скалах по левому берегу реки Каракол. Подобные надписи мы видим далеко от Енисея, на берегах Дона, в Маяцком городище. И, наконец, к ним же относятся самые северные в мире руны, сопровождающие и объясняющие смысл писаниц у села Давыдово. Здесь они рассказывают и о магических обрядах лесных охотников, и о культуре даятелей охотничьего счастья, женских духов, предшественников якутского бога охотников Баай-Байаная.

Чтобы понять историко-культурное значение этих памятников древнего искусства Сибири и Дальнего Востока, нужно представить конкретную историческую ситуацию того времени, когда оставившим их тюркским племенам принадлежала руководящая роль в истории степного мира Азии и отчасти Европы.

От Хингана и до Дуная простирались в I тысячелетии н. э. кочевья тюркских племен, с которыми в своем прошлом постоянно общались и предки русского народа, — печенегов, которых громил Святослав, половцев-куманов, о которых говорится в «Слове о полку Игореве». Неда-

ром в «Слове» столько тюркских словарных элементов, столь неожиданных обломков древнего степного быта и мифологии. Это они, тюрки-половцы, перед битвой пели в южнорусских степях свои протяжные «волчьи» песни — не даром в китайских летописях говорится о их знамени с золотой волчьей головой, а их хан-волхв и шаман в «Слове о полку Игореве» рыскал по полю серым волком!

Лошадиные бабки с изображениями из Троицкого могильника

Беспокойные орды тюркских племен постоянно вмешивались в крупные политические события того времени. Имена их вождей знали в Византии и Иране, в ставках тюркских князей появлялись византийские послы. На далеком Востоке императоры Танской, а затем Сунской династий постоянно имели дело с кочевниками-тюрками, плели среди них свои интриги, торговали и воевали с ними. Танское и сунское время международной и политической истории самого Китая — это в такой же степени тюркское время. Окрепшая династия Тан в своих агрессивных войнах вышла за пределы Великой китайской стены и стремилась не

только подчинить, но и уничтожить своего противника — тюрский каганат, являвшийся руководящей политической силой Центральной Азии. Первый тюрский каганат, возникший в Монголии и на Алтае, пал в ходе этой борьбы. Автор надписи на памятнике в честь храброго воина Кюльтегина писал в 731 году о том, как погибло первое государство тюрков в результате коварства правителей народа табгач (китайцев): «Вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, вследствие того, что они, табгач, ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей, тюркский народ привел в расстройство свой существовавший племенной союз...

Народу табгач стали они рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские правители сложили свои тюркские имена, и приняв титулы правителей народа табгач, подчинились кагану народа табгач. Пятьдесят лет отдавали они ему труды и силы. Вперед, в страну солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бекли-кага.на, назад они ходили войною вплоть до Темир-капыга... и отдали кагану народа табгач свой племенной союз и власть над собою».

При этих обстоятельствах, не думая отдавать государству табгач свои труды и силы, тюркский народ говорил: «Лучше погубим сами себя и искореним. И они начали идти к гибели» [342].

И до сих пор можно прочесть на камне в широкой долине Толы предостерегающие слова мудрого советника вождей тюркского народа: «У народа табгач, дающего нам теперь без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, всегда речь была сладкой, а драгоценности мягкими (изнеживающими). Прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь сильно привлекали к себе далеко жившие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усваивали себе там дурное мудрствование...

Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве...

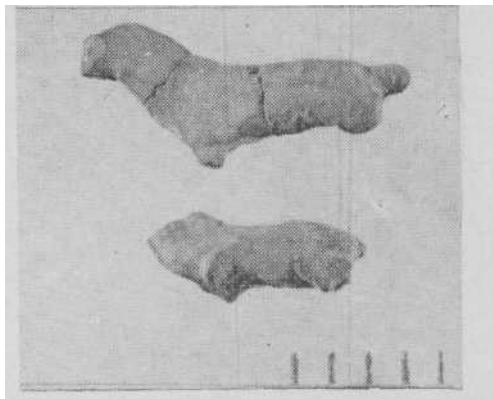
Итак, о тюркский народ, когда ты идешь в ту сторону, ты становишься на край гибели...» [343].

В тесные взаимоотношения с тюрками были вовлечены и тунгусы, мохэские племена, обитавшие на Амуре и в Маньчжурии. Здесь они вплотную соприкасались с тюркскими племенами, предками тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии. И не только соприкасались, но вместе с ними принимали участие и в политической жизни того времени, развертывавшейся от Желтого моря до Аму-Дарьи, Днепра и Дуная.

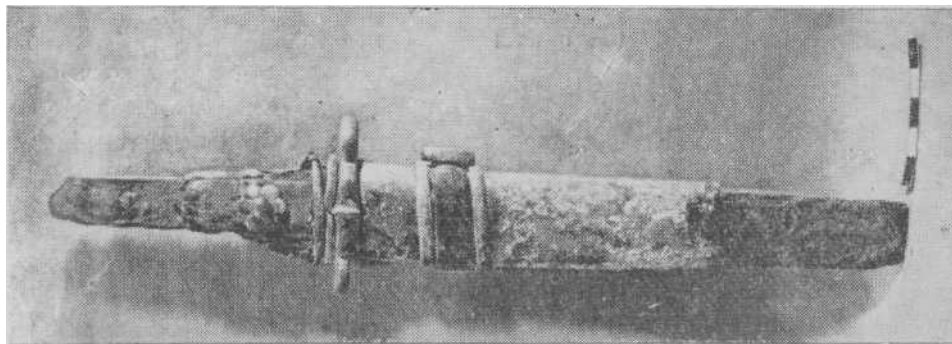
Для исторических и культурных связей между мохэскими племенами и Западом интересно восстановленное Э. В. Шавкуновым з

его древнекитайской огласовке слово: Да Бакфур Маньдур. Так назывались, пишет Э. В. Шавкунов, военачальники племенного союза хэйшуй мохэ^[344]. В то же время сасаниды в Иране называли (по данным К- А. Иностранцева) китайских императоров словом «фагфур». Очень вероятно, что в сасанидский Иран это слово (багатур?) проникло через мохэсцев и их степных соседей, сначала — сяньб>ийцев, а затем тюрков (?).

В этом примере из лексики средневекового Дальнего Востока и Ирана мы видим, таким образом, еще одно доказательство тому, что мохэ находились в живых связях с западными соседями — связях разнородных, — то мирных, то военных. В созлании сасанидской аристократии наименование мохэских вождей, как мы видели, перешло на их более далекого от Ирана и Средней Азии соседа, китайского императора.

Глиняные скульптурки лошадок из мохэского жилища на Осиновском холме

Железный палаш в бронзовых с позолотой ножнах из Троицкого могильника

Не удивительно, что отзвуки прямых контактов с тюркскими степными племенами Центральной Азии обнаруживаются у мохэских племен Приамурья в их искусстве, в наскальных изображениях Сикачи-Аляна. Это не только сцены охоты и не только изображение барса, точ-в-

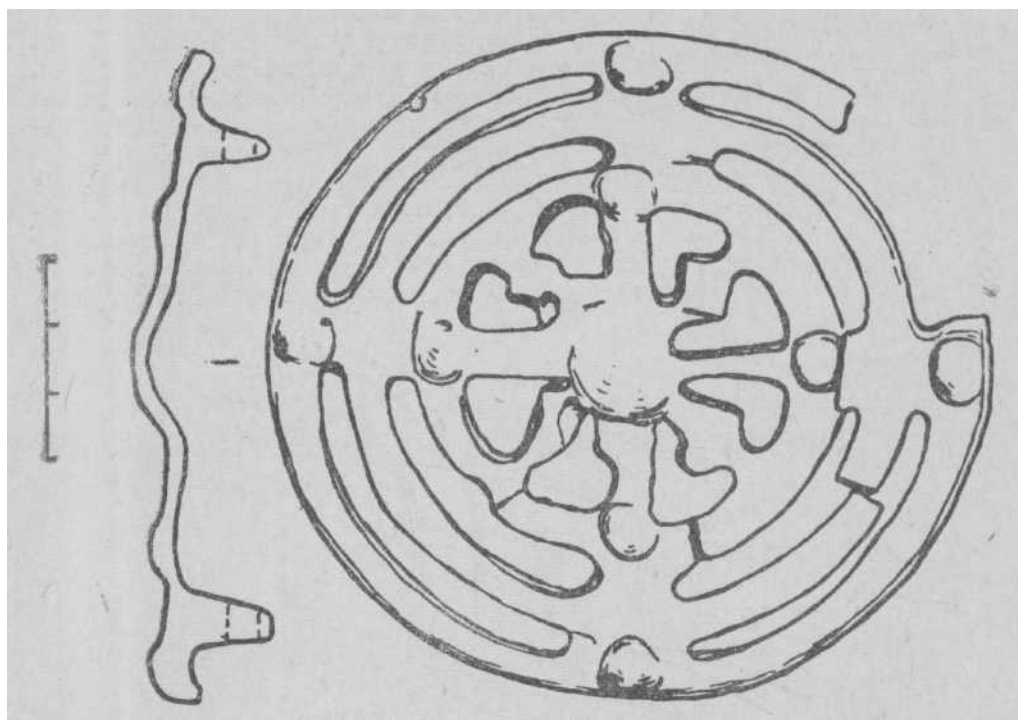

Мохэские украшения из Троицкого могильника

Мохэские украшения из Троицкого- могильника
 точь такое же, как в Сулке на Енисее, но и многое другое. В первую очередь — всадники сикачиальянских резных рисунков. Всадники на них — тот же любимый сюжет, что и на сулекской писанице в долине Енисея или в Шишкине Всадники эти «одеты» в Сикачи-Аляне в тот же степной костюм, приспособленный к жизни на коне, к быстрой езде и битвам, который в танское время и даже еще ранее, во время первых схваток с конными кочевниками, вместе с оружием конного боя должны были перенять китайцы. Это короткий, плотно облегающий тело в талии кафтан, а также широкие, туго перехваченные внизу штаны.

Такой костюм конного воина мы видим на великолепных серебряных чашах и украшениях седел из могил кыргызских аристократов на Енисее, а также на парадной утвари иранских и хорезмских владетелей, на серебряных позолоченных блюдах, где изображены сасанидские цари.

Существенно, что имеются и другие свидетельства древних связей между населением долины Амура \и их степными соседями. Свидетельства эти — этнографические, из области материальной культуры. С. В. Иванов отмечает в качестве такого степного элемента у народностей Нижнего Амура халат с удвоенной левой полой и разрезами по бокам, а также женский зимний головной убор, с выступом на затылке, украшенный стеганым орнаментом. История его, справедливо указывает С. В. Иванов, прослеживается с гуннского времени, затем он обнаруживается на каменных изваяниях Монголии, датируе-

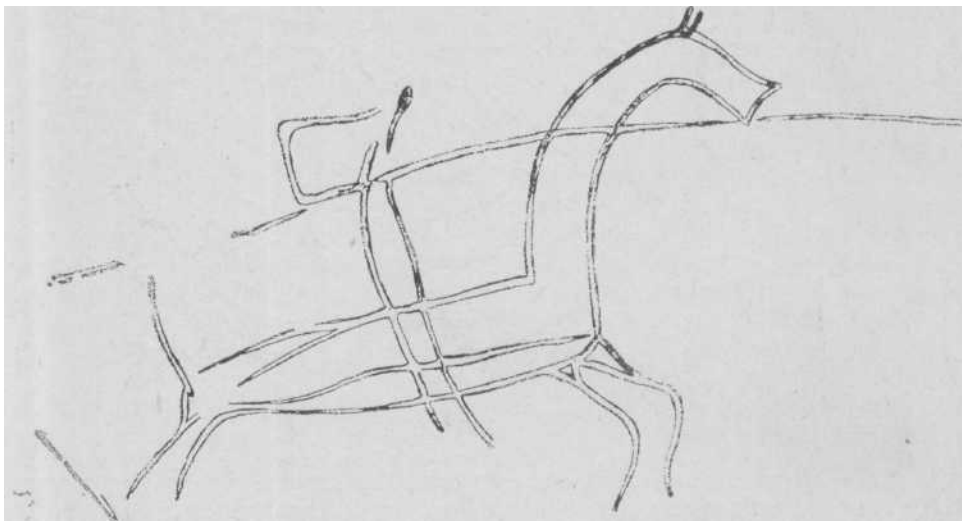
Соляная бляшка Троицкого могильника

ных VII—IX веками н. э. К этому можно добавить, что такая шапка встречена в уникальном захоронении мальчика ламы пережденца, хубилгана на горе Окошко вблизи Кондюя, относящемся к монгольскому времени ^[45].

Еще важнее для установления связей между современной материальной культурой народностей Нижнего Амура и степных племен третий элемент «тюрко-монгольской культуры», выявленный тем же исследователем: фигурные подвески для мужского пояса, сильтык, как их называют манегры. Подвески эти шились из материи, но они, «несомненно, подражают подобным же металлическим подвескам с кожаной петлей, бывшим, по-видимому, в широком употреблении у дауров, бурят и монголов». С. В. Иванов приводит в качестве древнейших, известных по археологическим материалам, аналогий для таких подвесок — поясные металлические привески Центральной Азии и Забайкалья, существовавшие, по его словам, уже в IX веке. Некоторые из этих подвесок, пишет он, по своей форме близки современным.

Соответственно сказанному, С. В. Иванов полагает, что «из района Верхнего Приамурья, где древние тунгусы соприкасались с тюрками, а позже с монголами, указанные подвески вместе с поясом постепенно проникали к народам Нижнего Приамурья — предкам нанайцев, ульчей и нивхов» [346].

И дальше он пишет: «Рассмотренный материал приводит к заключению, что тюрко-монгольскому компоненту в культуре народов Амура принадлежала большая роль, чем это можно было предполагать прежде, и что влияние на них культуры кочевых скотоводческих племен началось за несколько столетий до образования Монгольского государ-

Изображение всадника. Наскальные рисунки в Сикачи Аляне

ства, по-видимому, еще в период киданьской империи Ляо, а может быть, и ранее» [347].

Приведенные выше археологические данные и свидетельства письменных источников подтверждают этот вывод и позволяют точнее определить время таких контактов амурских племен с тюрками и монголами. Как мы видели, они имели место уже в мохэское время.

В целом же время мохэ означает собой в ранней, догосударственной истории населения Приморья и Приамурья важный исторический рубеж. Племена мохэ, по крайней мере те из них, которые заселяли Приморье и соседнюю Маньчжурию, уже готовы были перешагнуть из эпохи родового быта в новое время, создать собственное государство.

БОХАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПЛЕМЕНА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В VII—X ВЕКАХ Н. Э.

И история возникновения Бохайского государства непосредственно связана с бурными политическими событиями VII века, происходившими в Корее [348].

В первой половине VII века н. э. в Корее существовали три самостоятельных государства: Гаоли (Гао-гюйли, или Когурё), Боцзи (Пакче) и Синьло (Силла). Гаоли, самое большое из трех княжеств, занимало север Корейского полуострова и Восточную Маньчжурию, Боцзи — юго-запад, Синьло — юго-восток Корейского полуострова. Самое большое княжество Гаоли-Когурё состояло из пяти провинций со 176 городами и 4—5 миллионами населения. Земля Гаоли пересекалась высокими горами и глубокими долинами, в которых было так мало пахотной земли, что и при усиленном труде население испытывало недостатки продуктов. Зато там были развиты архитектура и металлургия.

Весь VII век отмечен жестокой кровопролитной борьбой двух корейских государств Когурё и Пакче с суйским и танским Китаем, которого поддерживало третье корейское государство—Силла.

В этой борьбе активное участие принимали мохэские племена, обитавшие по соседству с Кореей. Поэтому остановимся на ней подробнее, так как все эти события имеют ближайшее отношение к возникновению Бохая и к судьбам мохэских племен — его создателей.

В 597 году суйский император Китая Вэнь-ди отправил властителю

Когурё Тхану грамоту, в которой упрекал его за то, что он не только плохо и неискренне выполняет свою обязанность вассала дома Суй, но и готовится к войне, скрытно собирая ратников и подкупом «обольщая низких людей». Кроме того, Тхан, по словам Вэнь-ди, «несколько раз посылал конников убивать пограничных жителей, часто подкупал злоумышленников распространять ложные слухи..., посылал людей тайно высматривать самые ничтожные движения» [349].

В вину Тхану было поставлено и плохое обращение с другими вассалами Китая; «ты, — писал Вэнь-ди, — притесняешь мохэ, стесняешь киданей. Вассалы с коленопоклоненными главами признают себя моими подданными. Негодуя на любовь добрых людей к справедливости, для чего ядом отравляешь их приверженность?»

Вэнь-ди угрожал Тхану участью дома Чень, уничтоженного суйцами в 582 году. Вспоминая о том, как были разгромлены войска Чень, Вэнь-ди писал: «Ты говоришь, что (река) Ляо-шуй широка. Но что она значит в сравнении с великим Гян (Янцзы-цзян)? Что значит народонаселение в Гаоли в сравнении с царством Чень?» [350].

Тхан вскоре умер, и на его место был поставлен сын Юань, которого Вэнь-ди признал государем в Когурё. Однако в следующем 598 году Юань возглавил десяти тысячное конное войско, состоявшее из мохэсцев, и напал на Ляо-си.

Посланное для усмирения Юаня войско терпело недостаток в пище, вспыхнули заразные болезни и «императорское войско сделалось страшным». Но Юань, тем не менее, видя приближение китайской армии, пришел в страх и отправил грамоту с извинением, в которой подписался: «Юань, навозный вассал в Ляодуне». После этого он снова был признан властителем в своей стране и по-прежнему стал доставлять дань китайскому двору [351].

После вступления на престол императора Янь-ди в 695 году последний потребовал к своему двору вассалов. Так как Юань «во многом не соблюдал обязанностей вассала», то есть стремился к независимости, он «пришел в страх» и не явился. Поэтому в 611 году Китаем были начаты военные действия против Когурё. Поход был неудачен. Неудачно окончился и новый поход, предпринятый в 613 году, когда в Китае произошло восстание Ян Хюань-ганя. Император, узнав о нем, «пришел в большой страх» и повернул назад. В 614 году снова были собраны войска со всей империи для похода на Когурё, но случилось, что «мятежники восстали подобно пчелиным роям и большая часть жителей разбежалась». Император должен был ограничиться немногим — изъявлением покорности Юаня, пленными и тем, что задержал когурёского посла. Затем «в поднебесной произошли великие замешательства и предпринять поход было уже невозможно» [352].

По восшествии на трон первого императора Танской династии з

Корею был направлен посол, вернее шпион, Чэнь Да-дэ для сбора сведений. Затем, когда власть в Когурё захватил узурпатор Цюань Гайсувынь, убивший прежнего государя Гянь-ву, был найден удобный предлог для нападения на Когурё и захвата этой страны: решено было наказать Гайсувыня, который «разбойнически убил своего государя».

Военные действия начались в 645 году. Император сам выступил в поход. Захватив штурмом ряд городов, китайские войска вышли к Бай-й-чену, прилегавшему к горному утесу «при глубоком крутояре» и взяли его лосле упорной борьбы. Затем настала очередь Аньши, на выручку которому явились войска из северной части страны, в том числе 50 тысяч мохэсцев. По этому поводу император сказал: «Если они вступят в общение с Аньши и окопаются по высоким горам, хлеб будут получать из города, а мохэсцев пустят грабить у нас быков и лошадей, то нападение с нашей стороны безуспешно будет. Это лучший план их. В ночи взять город — есть средний план. А если вступят в сражение с нами, то взяты будут». Несмотря на мудрые советы не вступать в сражение с китайцами, предводитель когурёсцев Гао-Янь-шеу решил напасть на китайское войско. Узнав о его выступлении, император сказал: «Неприятели попали в наш план». Он приказал полководцу Ашине Шени напасть на лучшую мохэскую конницу, которую когурёсцы всегда ставили впереди. После схватки тюрков с мохэсками на следующий день произошло решающее сражение и когурёсцы были полностью разбиты. Император приказал отпустить домой 30 тысяч пленных, взял как добычу 100 тысяч голов лошадей и быков, 70 тысяч блестящих лат. Полководцы когурёсцев, лопавшие в плен, получили чины. Жестоко были «аказаны только мохэсцы; велено было казнить 3000 мохэских пленных. Их живыми закопали в землю [³⁵³].

В 650 году военные действия были временно приостановлены из-за смерти Янь-ди. Король Когурё Цан воспользовался этим, чтобы свести счеты с его давними врагами, союзниками Китая, киданями, которые тревожили своими набегами мохэские племена и когурёсцев. В 654 году Цан с мохэским войском, напав на киданей, взял город Синчэн. Но, затем, «по причине бури и недостатка в стрелах возвратился». По дороге кидани пытались его остановить, но были разбиты. Кидани пускали палы, снова вступали в бой и снова терпели поражение: «Поле сражения было устлано трупами, которые собраны и похоронены». В следующем, 655 году синьлосцы принесли жалобу, в которой говорилось, что когурёсцы и мохэ отняли у них 35 городов и «они единственно от сына неба ожидают помощи».

Война разгоралась с новой силой после смерти Гайсувыня, когда его сыновья начали междоусобную борьбу, чем воспользовался китайский двор.

Обстановка благоприятствовала для нападения на Когурё. В стра-

не были неурожаем и смятение: «Люди хватают друг друга и продают. Земля расседается от землетрясения. Волки и лисицы входят в города. Кроты роют норы в воротах» [354].

В раздираемом междоусобиями Когурё ходили темные слухи, вероятно спровоцированные китайскими лазутчиками, о том, что сопротивление 'бесполезно. В каких-то «тайных записках» будто бы было сказано, что до 900 года (со дня основания дома Гао — 37 год до н. э.), — восьмидесятилетний полководец уничтожит независимость Когурё (китайскому полководцу Ли Цзи было 80 лет). Дело кончилось тем, что китайские войска и тюрки взяли Пьхин-сян в 668 году, а 30 000 когуресцев были переселены в Китай. Последние попытки сопротивляться были жестоко подавлены. После одного из сражений при реке Фалу китайский полководец Ли Гинь-хинь отрезал у пленных до 10 тысяч ушей; а «истерзанный Пьхин-сян не мог сосредоточить войска; жители один за другим бежали в Синьло; а уже по прошествии четырех лет возмущение укрошено» [355].

Таким образом, Когурё было разгромлено, но те, кто не желал подчиниться завоевателям, бежали на север, в сторону союзных когуресцам мохэских племен, где и нашли убежище.

Здесь, у мохэских племен Сумо, и образовалась основа будущего Бохайского государства. Летопись сообщает об этом: «Первоначальна Бо-хай был образован племенем Су-мо, имевшим родовое имя Да. Территория, которую они занимали, была смежной с границами Гао-ли. Когда государство Гао-ли было завоевано китайскими войсками, они укрепились в области гор Дун-моу-шань в стране И-лоу. Они построили здесь города, окруженные стенами, объединили непокоренные племена Гао-ли и достигли на юге реки Ни-хэ, которая отделяла их от Синь-ла (Силла, название одного из древнейших корейских государств), в то время как на западе они были ограничены Ци-дань (т. е. страной киданей), а с востока — морем» [356].

Детали этих событий рисуются в других письменных известиях. В них говорится, что при тайской императрице У-цзо-тянь, один из предводителей киданей, Ли-цзинь-чжун захватил китайский город Инь-чжоу и назначил его правителем выходца из Гаоли Цици Чжунсяна. Цици-чжунсян вошел в соглашение с предводителем мохэ Цисы-бийюй. Объединившись, они соединенными силами овладели территориями к востоку от реки Ляо и укрепились на северо-востоке от гор Тай-бо-шань (Чань-бо-шань). Считаясь с их силой, танская императрица пожаловала обоим союзников титулами [357]. Цици Чжунсян получил во владение княжество Чжень, а Цисы би-юй — владение Сюй [358].

Но надежды императрицы привести мохэских вождей к покорности не оправдались.

Цисы Биюй пал в битве с китайскими войсками. В 696 году, когда

кидани под предводительством Ли Цзынь-чжуна напали на Северный Китай, Цици Чжунсян переправился на юг через Ляо-хэ и овладел землей к северо-востоку от Чан-бо-шана, укрепившись на реке Оло. После этого китайский двор «признал его государем в достоинстве Чжень-го-гун».

Вскоре Цици Чжунсян умер. Место его занял сын, Цзо-жун (Да Цзо-жун). Цзо-жуну пришлось выдержать натиск китайских войск, посланных императрицей, под предводительством Ли Цзе-гу, для изгнания мохэсцев на прежние места, на север, за Ляо-хэ.

Цзо-жун отступил на север, в прежнюю область расселения его родичей, в долину реки Хуйфа, притока Сунгари, что позволило ему избежать разгрома. Затем он разбил войска Ли Цзе-гу (Ли Кай-гу). Цзо-жун объединил вокруг себя оставшиеся за пределами павшего государства Когурё силы корейцев, а также мохэсцев Цисы Биюя. Он присоединил к своим владениям земли Фу-юй, Во-цзюй, Бянь-Хань, Чао-сянь и другие, входящие в территорию современной Северной Кореи, Маньчжурии и Приморья.

Владения Цзо-жуна простирались, по словам летописи, на 5000 ли. Сын Цици Чжунсяна стал, таким образом, могущественным владетелем, а затем он короновался и принял титул короля государства Чжень, которое и было впоследствии названо Бохаем. Это произошло при императрице У-хоу, в 698 году н. э.

После своего восшествия на престол преемник У-хоу китайский император Жуй-цзун вынужден был признать Цзо-жуна главой нового государства и послал к нему сановника Чжан Син-цзи, чтобы установить дружественные связи. Он назначил, кроме того, Цзо-жуна правителем округа Бохай, находившегося в северной части Шань-дуна, хотя фактически Цзо-жун владел этим округом только номинально. Власть его простиралась только к северу ют Ляо-яна, тогда как южнее лежали владения Китая. Однако именно по этому округу новое государство стало позже называться Бохаем, то есть поморским государством.

Цзо-жун в ответ послал в Китай к императорскому двору своего сына с ответным визитом дружбы. В 712 году император Жуй-цзун отправил к Цзо-жуну послов с декретом, которым Цзо-жун был утвержден государем царства Бохай с титулом Бохай-цзинь-ван (князь Бохая). Ему был также дан чин «великого начальника, командующего левой конной гвардией, военного губернатора области Хур-хань». Такая «щедрость» правителя Китая имела определенный смысл.

Как полагает Э. В. Шавкунов, «...этот акт со стороны китайского императора преследовал, очевидно, двоякую цель. С одной стороны, выходило, что император, присваивая Цзо-жуну различные титулы и звания, как бы признавал его в качестве законного правителя Мохэского государства, а с другой, — получилось вроде бы, что столь высоким

своим положением Цзо-жун обязан исключительно лишь воле китайского императора. Между тем присвоение Цзо-жуну титула удельного князя Бохая представляет собой весьма примечательный факт и было вызвано, по всей вероятности, особыми на то обстоятельствами, которые по вполне понятным причинам не нашли своего отражения на страницах китайских официальных династийных хроник.

О чем же в данном случае постарались умолчать авторы этих хроник? Дело в том, что Бохай — это название небольшого древнего удела, одноименный центр которого находился южнее современного Пекина, то есть на значительном расстоянии от основных районов расселения мохэских племен. Следовательно, присвоение Цзо-жуну титула удельного князя Бохая следует рассматривать, как признание за ним каких-то особых прав на эту территорию, которая, судя по всему, была отторгнута у Китая в 713 году, когда Цзо-жун предпринимает ряд военных операций против китайских армий, оккупировавших принадлежавшие когда-то государству Когуре земли. Поэтому-то, спасая свою репутацию сына неба и верховного правителя всех народов на земле, император Жун-цзун вынужден был в официальном порядке представить дело таким образом, будто отторгнутая у Китая территория была добровольно пожалована Цзо-жуну в качестве удельного владения [³⁵⁹].

В 719 году Цзо-жун умер и получил посмертный титул Гао-вана. Цзо-жун основал около Нингуты на реке Мудань-цзян свою столицу, город Шан-цзин. Ему наследовал сын Уи, который был ранее удельным князем Гуйлоу. Уи увеличил территорию Бохая присоединением северо-восточных племен, ранее независимых. Китайский император смирился с этим, так как не имел возможности воспрепятствовать расширению владений Бохая на севере. Затем Уи первым из бохайских государей назвал годы своего правления: Жэнь-ань. Это был прямой вызов Китаю. Иметь девиз годам правления, по понятиям китайцев, мог только сын неба, император Китая.

Владелец Бохая, с точки зрения китайского правительства, таким образом узурпировал права китайского императора. Поступок Уи вызвал большой, но не имевший никаких последствий гнев китайского двора.

С тех пор «как Да-туйюй (Уи) объявил себя независимым государем, китайская история перестала писать о государстве Бохай [³⁶⁰]. Уи открыто показал, что не является более вассалом китайского двора. Продолжая политику противопоставления Бохая Китаю, Уи повел борьбу за подчинение оставшихся независимыми уссурийских племен мохэ, за укреплением мощи государства.

Столкновение между приморскими и уссурийскими мохэ было спровоцировано китайским двором. «Как известно, — пишет Э. В. Шавкунов, — китайские императоры всегда очень внимательно следили за

состоянием дела в соседних с Китаем государственных и племенных объединениях, всячески препятствуя их усилению. Почувствовав все возрастающую силу молодого Бохайского королевства, императорский двор тотчас же принимает меры к тому, чтобы ослабить его мощь. Следуя традиционной политике «с помощью варваров подчиняй варваров», танский двор приложил немало усилий к тому, чтобы поссорить бохайских королей с представителями родо-племенной верхушки уссурийских (хэйшуй) мохэ. И когда в 723 году предводитель уссурийских мохэ Нишулицзы прибыл в Китай, император Сюань-цзун «тотчас пожаловал ему должность цыши префектуры Юоли». Одновременно было объявлено об образовании округа Хэйшуй и о назначении всех племенных предводителей на должность цыши. «Самое крупное становище превратили в центр округа Хэй-шуй, а их предводителя (шоулина) назначили генерал-губернатором (дуду). Все племенные цыши подчинялись ему». Кроме того, была учреждена «еще должность чанши с тем, чтобы вести наблюдение за управлением их племен». В 728 году племенному шоулину Нишулицзы в знак особой благосклонности была пожалована императорская фамилия Ли и имя Сянь-чэн. Одновременно Нишулицзы получает звание полководца облачного знамени и должность управляющего Хэй-шуй [³⁶¹].

Чтобы предупредить планы уссурийских мохэ и Китая, Уи решил отправить туда армию во главе со своим младшим братом Мэньи и дядей Женья. Мэньи до этого находился при китайском дворе заложником и хорошо знал силу Китая. Опасаясь, что конфликт с Китаем не приведет к добру, он перед тем, как перейти бохайскую границу и вступить на землю уссурийских племен, написал Уи письмо, в котором стремился убедить брата отказаться от похода на Уссури. В своем письме Мэньи писал: «Если мы начнем войну с Хэйшуй, чтобы наказать их за соединение с империей, то тем самым мы станем во враждебные отношения с Китаем. А так как Китай великая страна, силы которой бесконечно превосходят наши, то это будет нашей гибелью, которую мы так старательно ищем. Некогда Гао-ли было могущественное государство, оно могло выставить 300 тысяч войск; они пытались бороться с китайскими армиями и были истреблены. Мы едва владем одной третью того числа воинов, которыми располагало Гао-ли. Почему мы будем счастливее, чем они?» [³⁶²].

Уи, разгневанный возражениями брата, передал командование армией одному из своих двоюродных братьев, Ися, а Мэньи был отозван назад. В то же время был дан тайный приказ убить Мэньи. Узнав о грозившей ему опасности, Мэньи бежал в Китай, где он был пожалован чином военачальника. К китайскому двору прибыл бохайский посланник, объявивший Мэньи изменником и потребовавший его головы. Император тайно отослал Мэньи в отдаленную местность Аньси. Бохайскому

князю было сказано, что Мэньи пришел, чтобы просить покровительства императора и справедливость не позволяет лишить его жизни, однако все же Мэньи изгнан. Велено было также задержать бохайского посла подольше, а ответ послать через бюро иностранных дел. Но Уи все же узнал правду и написал императору письмо, где было сказано: «Великий государь должен иметь справедливость и недостойно его стараться обмануть человека. Что же касается Мэньи, то мое непоколебимое желание, чтобы он погиб» [363].

Спустя семь лет Уи принял решение напасть на Китай и отправил одного из своих военачальников. Чжанвэнь-суй, чтобы разрушить город Дэнчжоу, крупный военно-стратегический центр и морской порт в северной части полуострова Шаньдун, откуда начинался морской путь в Гаоли и в Бохай. Император приказал Мэньи возглавить войска, входившие в состав гарнизона Ю-чжоу. Одновременно был послан Б Синь-ло (Силла) офицер Цзинь-сы-лань. Он должен был предупредить князя этой страны, издавна союзной Китаю, о том, что вскоре будет отправлено в поход на Бохай китайское войско, которое войдет туда с юга, пройдя по территории государства Силла. Поход этот, однако, не был удачен, так как суровая зима и обильные снега погубили половину китайского войска.

После того ненависть Уи к брату Мэньи еще более усилилась. Узнав, что Мэньи послан в Дун-ду (Хэнань-фу), Уи нанял убийц. Но они были схвачены и обезглавлены.

Вступив в конфликт с Китаем, Уи одновременно предпринимает посольство в Японию. Согласно японским документам, в 727 году он послал своего приближенного Нэй-эн и военачальника Кодзимити. Сбившись в море с пути, они пристали к острову Мацмай, где местные жители убили Нэй-эна и Кодзимити, а вместе с ними еще 16 человек. Спаслись только восемь человек, в том числе один из членов посольства, Косайтоку. Они пристали на своем судне к области Деви на острове Хонсю. Управляющий областью послал гонца к императору Сийому-Тенно и сообщил ему о прибытии бохайских послов. Тогда из столицы был направлен встречный посол, который опросил бохайцев и дал им обувь и платье. В первом месяце 728 года император принял послов в Киото, во дворце Дай-Кйюкуден. Косайтоку, ставший во главе посольства, поднес императору грамоту и сказал: «Бугэй (Уи) говорит вам, хотя наши реки и горы другие и мы живем далеко, страны наши не одинаковы, и мы только издали слышим молву о вас, но мы преклонялись все более и более, и пав ниц перед вами, думаем о том, что ваш император получил божественное приказание, и люди его следуют заветам предков, у нас же Бугэй (Уи) совершил много нападений и покорил и присоединил различные государства, вновь перестроил развалины Хокурей (Гао-гуй-ли), но так как расстояние дальше, то он не спра-

шивал у императора, было это хорошо или дурно. В будущем, принеся извинения, покорно просит начать с ним сношения и ради этого он посылает теперь послов с вестями» [364].

Затем посол Бохая поднес императору 300 соболиных шкур (по другим сведениям 300 шкур леопардов). Посол сказал при этом: «Хотя произведения нашей страны грязны, но все же этим мы выражаем истинное почтение» [365].

Император, говорят японские документы, пригласил Косайтоку и других участников посольства к себе и пожаловал их чинами, а также устроил во дворце пир и угостил все посольство.

В феврале 728 года микадо отправил к бохайскому князю своего чиновника Хикада Мусимаро, со следующей грамотой: «Выражаю свое уважение князю Бохая. Весьма радуюсь предложению быть в обоюдном согласии. Желая доброго управления страной. Хотя нас разделяет море, но оно не помешает сношениям. Пользуясь возвращением вашего посольства, шлю подарки» [366]. Это были 114 штук узорчатого шелку, 114 штук ткани полшелковой, из шелка и дикой конопли, 24 клубка шелковых ниток, 100 шелковых шнурков. Чиновникам была пожалована белая шелковая узорчатая материя.

В апреле Хикида Мусимаро с бохайскими послами отправился в Бохай.

В августе 729 года посол Хикида Мусимаро возвратился из Бохая, сделал императору доклад и вручил подарки от Бохая, которые были выставлены в шести храмах, а затем распределены по большим храмам в разных местностях.

После смерти Уи в 738 году на бохайский престол вступил его сын Да Циньмао (Цинь-мао).

Он принял меры к установлению нормальных отношений с танским Китаем, и его посольства были при императорском дворе двадцать восемь раз, то есть, очевидно, ежегодно.

Китайский двор, скрепя сердце, по необходимости примирился с Бохаем и признал де-факто его существования.

Цинь-мао умер в 785 году. Ему наследовал двоюродный брат Да Юань-и (Ган-и), который, однако, правил только один год и был убит подданными за жестокость и подозрительность к своим приближенным. Его сменил Да Хуа-сой (Хуа-юй), внук Цинь-мао.

За ним последовали другие правители. Из них особо отмечается Жэнь-суй, который подчинил Бохаю северные племена и тем значительно расширил территорию своего государства. Он получил громкое имя «короля, наносящего внезапные удары» [367].

Первоначально Бохайское государство охватывало незначительную территорию, протяженностью около 1000 ли на запад от моря, а страна не имела правильного административного деления.

В VIII—IX веках Бохайское королевство значительно расширилось, выросло как в культурном, так и в политическом отношении и превратилось в могущественное государство. На юге, в Корею, оно достигло владений Силла, на востоке — Японского моря, на западе — до земель киданей, на севере захватывало Амур.

В состав Бохая входила территория нынешнего Приморского края, во всяком случае его южная часть. [368].

В Бохае было пять главных городов, пятнадцать областных и шестьдесят два «чжоу», или городов второго разряда.

В записках путешественника Цзя-чэнь, жившего при династии Тан, говорится: «Столичный город князя Бохай находился на берегу Ху-нань (Хай); р. Ху-хань-хэ есть Хур-хэ (Ху-хань — это озеро Биртень, что к западу от Нингуты); столица называлась Шан-цзин, или Лун-цзюань-фу. Под ее зависимостью находились три города: Лун, Ху и Бо. На юг от этих городов была столица Чжун-цзин (в настоящее время Ляоян). Ей подчинились шесть городов: Лоу, Сянь, Те, Дан, Юн и Син. Столица, называвшаяся Лун-цзин, или восточная столица, была расположена в древней стране Вэй-мо. Она имела под своей зависимостью четыре города: Цзин, Янь, Мо и Хо. Столица Нань-цзин или южная столица, находилась в древней стране Во-цзюй (в настоящее время Ха-чэн). Она имела под своим управлением округа трех городов: Во, Цзин и Цзяо. Наконец, столица, называвшаяся Сицзин или западная столица, находилась в древней стране Гао-ли. Она имела под своим управлением четыре города: Шэнь, Бэй, Фын и Чжэн» [369].

Политический и административный центр Бохая, его столица, Шан-цзин, или северная столица, находился вблизи нынешней Нингуты. Впоследствии центр государства был перенесен в восточную столицу, Дунь-цзин на реке Муданцзян, между Нингутой и озером Син-кау-ху, в район исконного расселения мохзских племен.

О характере бохайских городов дают представление раскопки восточной столицы Бохая, на месте нынешнего Дун-цзин-чэна на реке Муданцзян, притоке Сунгари.

Столица Бохая занимала прямоугольную или почти квадратную в плане площадь у реки Муданцзян протяжением около 4 километров с востока на запад и несколько менее с севера на юг. Всё это пространство было обнесено внешней стеной (восточная часть внешней стены равна в длину 3911 м, западная — 3333 м, северная — 4502 м). Стена сохранилась относительно хорошо. Ее стороны были прямыми, только с северной части стена образовывала прямоугольный выступ длиной около 1 км и шириной до 100 м. Выступ этот был предназначен специально для защиты королевского дворца, расположенного в северной части города. Внешняя стена достигает 3,6 м высоты и состоит из земли; вершина ее плоская, ширина меньше метра. С внешней стороны она

была укреплена каменной кладкой. В стене, посередине всех ее четырех сторон, имеются разрывы, соответствующие древним воротам города.

В северной части имелось внутреннее укрепление, где располагались дворцы. Это был «запретный город». Внешний же город делился широкой улицей на две части — восточную и западную, или правую и левую.

Эта улица, шириной 87 м, начиналась от южных ворот внешнего города и шла к южным воротам внутреннего города.

Параллельно этой магистральной улице шли другие более узкие, по четыре с каждой ее стороны. Симметрично располагались, по-видимому, и улицы, перпендикулярные главной. Они пересекали город поперек с востока на запад. Но их остатки не были прослежены вполне определенно.

Город был разделен, таким образом, на ряд «блоков»-кварталов, расположенных в строгом шахматном порядке. Восточная половина была несколько больше западной [370].

В целом стройная планировка древнего города на Муданцзяне соответствует планировке столицы танской династии — Чаньань. Главная улица его повторяет чжу-чжао-чжиа в Чаньане. Разница только в том, что в Чаньане было 114-блоков, а в Муданцзяне около 82. Каждый из кварталов, как и в Чаньане, имел, должно быть, свое название и назначение.

Внутренний город тоже был обнесен стеной, отделявшей его от остального мира. Ворот во внутреннем городе было двое — южные и северные.

Наибольшее внимание при раскопках было уделено пространству малого, «запретного», города с его величественными когда-то дворцовыми строениями.

Дворцовый комплекс был окружен стеной из глины, местами одетой камнем. Площадь его была равна 545X656 м.

Дорога внутрь запретного города шла через эффектные южные Борота шириной 6,5 и высотой 8,5 м. На месте ворот уцелели большие плоские камни, служившие основаниями для столбов и расположенные в три ряда.

Средний ряд отличался от остальных тем, что между столбами была сложена каменная стена.

Судя по интервалам в ней, ворота имели внутри три параллельных проезда, шириной около 2 м каждый.

За воротами открывался вид на дворцы, расположенные в ряд с юга на север. Всего исследованы были остатки шести дворцовых строений. Один из них имеет особенно парадный вид. Дворец этот стоял на платформе высотой 2,7 м, шириной 24 м (с севера на юг) и длиной 55,5 м

(с востока на запад). Судя по расположению камней из базальтовой лавы, служивших базами, в здании стояло по 12 столбов вдоль и по 5 поперек. Платформа со всех сторон была окаймлена каменной стеной циклопической кладки из грубо отесанных прямоугольных камней. В ней имелись специальные ступеньки, соответствовавшие входам в здание у каждого конца платформы и в середине задней части. По бокам главной платформы были еще два «крыла» в виде платформы площадью около 6 кв. м каждая. Кроме того, по уцелевшим на месте камням для столбов были прослежены своеобразные «коридоры», окружавшие здание с трех сторон. Замечательной особенностью этого здания были искусно высеченные из камня головы львов, которые завершали прежде каменную стену платформы. Кроме того, стена вверху была украшена кирпичами с растительным орнаментом.

Пол здания был первоначально выстлан кирпичами, а крыша покрыта черепицей, в том числе с зелеными глазурованными украшениями в виде голов драконов.

Здание имело парадные входы, богато отделанные зелеными глазурованными украшениями.

Это, по-видимому, был «зал совета», место, где происходили торжественные приемы и официальные церемонии.

Внутри дворцовых зданий, служивших местом, где жило королевское семейство и находились дворцовые учреждения, обнаружены остатки отопительных систем — канов в виде каналов-дымоходов, перекрытых кирпичами и обмазанных глиной.

if В восточной части внутреннего города находился королевский сад, где развлекались хозяева дворца и вассалы короля. Размеры сада равнялись 218x327 м, его окружала сложенная из камня стена высотой до 2 м. В саду был высохший бассейн длиной 164 м и шириной 109 м. В центре бассейна имелись два искусственных островка, а на западной и восточной сторонах бассейна — два искусственных холма. На территории сада возвышались строения, от которых уцелели камни-опоры для столбов. Одно из них было главным. К нему вели коридоры с обычными столбами и квадратными постройками на концах.

На западном островке среди сухого бассейна, возвышавшемся на 2,7 м (диаметром 30 м), были обнаружены остатки здания со столбами. Здание это, крытое черепицей с зеленой глазурью, имело в аглае не обычную прямоугольную, а восьмиугольную (форму, такую же, как здание, изображенное на зеркале монастыря Хорюдзи или на буддийских росписях из Дун-хуана, находящихся в Британском музее. Остров соединялся, по-видимому, с берегом особой мостовой, выложенной камнем. Небольшое здание находилось и на втором островке.

Особый интерес из находок на островках представляют украшения баз столбов в виде лепестков лотоса. Крыша тоже была роскошно ук-

рашена, особенно ее углы и карнизы, под черепицей с круглыми орнаментированными щитками. Глазурь и здесь была зеленой.

В столице находились, кроме дворцов, великолепные буддийские храмы.

Всего найдены были остатки шести храмов. Один из них, № 2, стоял на платформе и имел в центре зал, окруженный коридором. »В зале находились «эстрады» для статуй богов в количестве пяти. Самая большая из них высотой около 30 см помещалась посередине. Она служила, вероятно, местом для статуи главного божества. По бокам были прямоугольные и круглые платформы для бодисатв⁴⁸. На двух платформах имелись углубления; они могли служить как места для ваз с цветами. Храмовое здание № 2, как полагают исследователи, было главным святилищем. Прямо против него мог находиться «лекционный зал», на месте которого найдены камни для столбов -и черепица.

На месте храма № 3 оказались остатки алтаря, а перед ним небольшие терракотовые статуэтки сидящего и стоящего будды. Уцелели также фрагменты глиняной статуи Будды (волосы) и часть лица божества — стража. Храм этот погиб в результате пожара. То же самое случилось с храмом № 4. В нем уцелели остатки основания алтаря. В храме найдены голова небольшой бронзовой статуи Будды, а также терракотовые фигурки Будды в сидячей позе. Судя по железным гвоздям в них, эти статуэтки были частью обычной композиции «тысячи Будд»⁴⁹.

С этими бохайскими храмами была связана и великолепная каменная колонна, служившая курильницей или фонарем и которая уцелела на территории современного храма. Курильница имеет пьедестал, украшенный скульптурными изображениями цветков лотоса. На пьедестале возвышается массивная цилиндрическая колонка, увенчанная капителью в виде цветка лотоса. Выше находится сквозной ажурный фонарь, а над ним такая же каменная крыша, передающая форму обычной черепичной крыши. Крыша заканчивается изящным фигурным шпилем, напоминающим традиционные завершения буддийских субурганов.

В городе имелся выложенный камнем восьмиугольный водоем, в котором были обнаружены два скелета, две наковальни и два старинных круглых зеркала. В водоеме найдена также серебряная доска, на которой был выгравирован перечень заслуг различных людей [³⁷¹].

Древний Дунцинчэн блеском своих храмов и дворцов вполне соответствовал, таким образом, величию и славе Бохайского королевства.

Японские археологи при исследовании Дунцинчэна все свое внимание уделили эффектным сооружениям дворцового типа, где находилась аристократическая верхушка боханцев, и храмам. Что же ка-

сается основной массы населения городов, то для понимания его жизни» раскопки бохайских городов дали еще немного.

Согласно отчету о раскопках Дунцзинчена, в пределах города траншеями были обнаружены ямы, некоторые с квадратным, а другие с треугольным и острым (в вертикальном сечении) дном. Некоторые ямы достигали в ширину 3 м. Они были заполнены бурой землей «о» слоями золы и угля, в которой находились прясла для веретен, черепки, кости животных и раковины. В ямах найдены также обломки сосудов, напоминающих по цвету глазури трехцветную керамику танской династии.

Это были, должно быть, остатки углубленных в почву полуподземных жилищ-землянок, в которых жили ремесленники и рабы, создававшие своим трудом величественные дворцовые сооружения, храмы, парки и искусственные озера бохайских властителей.

В Приморье к бохайскому времени относятся остатки буддийских храмов в долине реки Кроуновки, исследованные Э. В. Шавкуновым в 1958—1960 годах, Краскинское городище в Хасанском районе, а также городища на Круглой сопке в долине реки Арсеньевки в Анучинском районе, у поселка Рудная Пристань на скалистой сопке у реки Мраморной. Есть в Приморье, как он полагает, также двухслойные памятники, внизу которых залегают бохайские слои, а выше — чжурчжэньские. К ним он относит Чугуевское и Кокшаровское укрепления, а также остатки городища, находившегося прежде на территории г. Уссурийска, но теперь уже почти полностью уничтоженного и застроенного городскими постройками. Здесь, в долине реки Раздольной, в бохайское время находился город Шуайбинь, центр одноименной области Бохайского государства.

Впоследствии на месте бохайского города возникло новое, чжурчжэньское поселение. Вал городища был увеличен и надстроен. Но местами все же встречаются отдельные ранние вещи. Таковы, например, своеобразные бронзовые гири в виде массивных дисков с иероглифическими надписями. В 1953 году в одной из случайно вырытых канав на площади бывшего гарнизонного сада нам удалось обнаружить на глубине около метра древний культурный слой, очевидно, бохайского времени, в котором найдены обломки фарфоровых чаш, сходные с танскими фарфоровыми изделиями, каменный диск с иероглифом и обломки серой глиняной посуды, изготовленной на гончарном круге [372].

Что касается дальнейших исследований бохайских памятников Приморья, то первый из храмов, остатки которого раскопаны Э. В. Шавкуновым, стоял посреди живописной долины реки Кроуновки, в 3—4 км к юго-западу от села Кроуновки Уссурийского района, на одинокой небольшой сопке Копыто, сложенной базальтом. Храм этот, по словам Э. В. Шавкунова, представлял собой небольшое сооружение с двух-, возможно, трехъярусной четырехскатной крышей, крытой черепицей»

Верхний ярус имел, как думает Шавкунов, пирамидальную форму. Снаружи храм был огражден невысокой стеной, сложенной из плит базальта. Стена эта, как и сам храм, была ориентирована по Полярной звезде. Вход в храм находился с северной стороны и представлял собой три ступеньки из плит базальта, выломанного из той же скалы, на которой был построен храм. Декоративная стена храма была украшена сверху желобовидной облицовкой из керамических плит, орнаментированных наклепным растительным узором в виде кустиков со спиралевидными завитками на концах веток. Внешняя часть базальтовой стены снизу была покрыта слоем белой известковой обмазки [373].

Храм с его блестящей под лучами солнца стеной выделялся на темно-зеленом фоне окружающих сопков, нужно думать, как и теперь, покрытых лесом, а также пашнями бохайцев.

Второй храм бохайского времени, раскопанный Шавкуновым, находился поблизости от первого, на пологом северном склоне Абрикосовой сопки. Абрикосовский храм, как и первый, был окружен стенкой, сложенной из камня. Сам храм покоился на невысокой искусственной платформе и был ориентирован парадной стороной на северо-запад. Входы находились на северо-западной и на юго-восточной сторонах храма.

Абрикосовский храм стал жертвой пожара. Благодаря этому удалось проследить интересные остатки конструкций стен, имевших деревянную основу и обшитых тростниковыми фашинами или циновками. Последние были обмазаны глиной с примесью мелко нарезанной соломы, а затем покрыты штукатуркой. Штукатурка, в свою очередь, была покрашена краской цвета слоновой кости и расписана цветным узором с элементами меандра и плетенки.

Внутри храма стояли колонны: десять колонн были расположены/ в два параллельных ряда по одну сторону сквозного прохода и десять колонн в том же порядке — по другую. Кроме того, по одной колонне стояло напротив центральной части обоих входов. Над храмом возвышалась двухъярусная кровля, более богато украшенная по сравнению с крышкой Копытинского храма: на ней возвышались глиняные фигуры, фантастических чудовищ-шуби.

Вокруг храмов и внутри их оказались, кроме множества черепиц, обломки типично бохайских сосудов, покрытых трехцветной поливой, мелкие архитектурные детали, в том числе фрагменты драконов, различные металлические изделия и, что особенно интересно, фрагменты культовых скульптур. В последних З. В. Шавкунов видит такие же, как в Дунцинчэне, изображения буддийских божеств-бодисатв и самого Будды. Есть также фрагмент лица грозного божества-хранителя с широко оскаленным ртом и раскосыми глазами.

Черепица в этом храме, как и в первом, типично бохайская, в виде

розеток, условно передающих священный цветок буддизма — лотос [374].

По соседству с храмами, как полагает Шавкунов, имеются остатки разграбленных захоронений бохайского зрени, представлявших нечто вроде курганов из дикого камня, базальта [375].

Не менее интересен еще один памятник бохайского времени — городище у села Краскино. Первым его открыл и датировал бохайским Бременем "Палладий Кафаров. Как полагал Кафаров, Краскинское городище представляет собой не что иное, как остатки укрепленного бохайского морского порта. По мнению Э. В. Шавкунова, здесь находился центр бохайской префектуры Янь, название которой уцелело до нашего времени в наименовании реки Яньчихе. Отсюда в бохайские времена, согласно письменным источникам, начиналась морская дорога в Японию. В плане Краскинское городище имеет вид неправильного круга с тремя въездами — на севере, востоке и юге. Въездные проемы городища блокировались специальными защитными выступами.

О высоком уровне инженерно-оборонительного мастерства бохайцев наглядно свидетельствуют укрепления на сопке Мраморной в районе бухты Рудной и на Круглой сопке в Анучинском районе. На последней, как пишет Э. В. Шавкунов, находился «один из крупнейших ремесленных центров Бохая», о чем свидетельствуют найденные там при разведочной шурфовке следы литейного производства и металлические изделия [376].

Основным занятием жителей Бохая служило земледелие. Население Бохая возделывало гаолян, бобы, хлебные злаки, разводило домашний скот, занималось различными промыслами, в том числе охотой, рыболовством и добычей морской капусты. Бохайцы занимались также и торговлей в достаточно широких по тому времени масштабах. В соседних странах высоко ценилась бохайская пушнина: шкуры соболей, горностаев, оленей, тигров и медведей. Интересна одна деталь, касающаяся семейных отношений бохайцев и свидетельствующая о самостоятельности и видном общественном положении женщин. Они, говорят летописи, были храбры и ревнивы. Рассказывается, что женщины в Бохае «заклучали союзы в десять и больше человек для шпионства за мужьями, не позволяя последним заводить наложниц. Женщина, не ревновавшая своего мужа, была в общем презрени» [377].

Классовая структура Бохайского государства и социальные отношения в нем недостаточно ясны. Известно, однако, что в Бохае были рабы. О наличии рабов свидетельствуют сообщения китайских летописей, рассказывающих о том, как послы Бохая привозили с собой рабов и рабынь. Так, однажды бохайские послы в годы Да-ли (776—779) доставили к китайскому двору 11 японских танцовщиц [378]. В 925 году бохайцы привезли в Китай в виде дара императору молодых рабов обоего пола [379]. Рабы появились в результате грабительских походов бохайцев

на северные племена, на Японские острова, в Корею и Ляодун. Стремлением приобрести рабств объясняются, вероятно, и набеги бохайцев на соседние страны. В государственных рабов, как и в Китае, могли обращать также преступников, которых власти использовали на различных общественных работах, требовавших большого и изнурительного* труда, например, при сооружении дорог, укреплений, в рудниках и каменоломнях.

Вместе с тем следует полагать, что в Бохэе существовали феодальные формы эксплуатации основной массы непосредственных производителей — крестьян. В этом отношении большой интерес представляют так называемые «бесфамильные», о которых упоминают письменные источники. К «бесфамильным» относились в Бохэе, должно быть, бохайские крестьяне, а также ремесленники, отделенные, высокой сословной стеной от аристократии, гордившейся своим происхождением, своим «богатством», к которым относились аристократические роды Гао, Чжан, Ян, Доу, У, Ли.

Во главе государства Бохай стоял правитель с титулом князь или король (Бохай цзю-ван). Согласно китайским источникам, бохайцы обыкновенно называют своего государя «кэ-ду», главу семейства «шэн» и хозяйина «ци-ся». Отца государя они называют «лао», его мать «тайфэй», государыню «гу-фэй», наследного принца «фу-ван». Власть короля была неограниченной, его повеления имели «силу закона и ничто не приводилось в исполнение без его утверждения».

Гражданское управление осуществляли чиновники, во главе которых находились два министра, «правый и левый». Министрам Подчинялись шесть департаментов. Департаменты левого министра носили названия: первый — справедливости, второй — человеколюбия, третий — правосудия. Департаменты правого министра носили названия: первый — благоразумия, второй — обычаев, третий — верности. Чиновники являлись ко двору со знаками власти и достоинства, в платье, предписанном уставом официальных церемоний. «Чиновники первого, второго и третьего рангов обязаны были являться ко двору короля в одеждах фиолетового цвета, с дощечкой для записей распоряжений из слоновой кости и с золотой рыбкой, которая подвешивалась к яшмовому поясу. Чиновники четвертого и пятого рангов носили одежду малинового цвета, дощечку для записей распоряжений и серебряную рыбку. Чиновники шестого и седьмого рангов носили одежду светло-красного цвета, а чиновники восьмого ранга — зеленого цвета, которые также носили с собой большие дощечки для записей распоряжений» [380].

Для военного управления существовал совет военачальников. В роенном сословии военачальники, подобно чиновникам, подразделялись на две группы — начальников отрядов левой и правой армии.

Бохай регулярно поддерживал дипломатические связи с соседними

странами. Как мы уже знаем, кроме Китая, бохайцы являлись с посольствами и к японскому двору, хотя морской путь в Японию был трудным и опасным. В 739 году, например, из Китая в Японию плыл Хевури Хиронори. Он сообщил, что, возвращаясь из Китая, потерпел в море крушение, был выброшен на остров Конрон и далее решил ехать из Дэн-чжоу через Бохай. В Японском море он вновь попал в ураган, во время которого погибло одно судно и сорок человек, в том числе главный бохайский посол.

В 773 году в Бохай был отправлен посол Такеку Торимори. В море путешественники попали в шторм, корабли их были поломаны и они потерпели крушение у берегов провинции Ното, куда их отнесло ветром. В 776 году бохайские послы попали в шторм, потеряли паруса и весла. Уцелело 46 человек, а 120 утонули. То же самое было в 796 году, когда бохайское посольство после крушения было прибито бурей к острову Иезо, где на него напали разбойники. Бохайцы разбежались в разные стороны, а посланник лишь с немногими людьми добрался до провинции Дева.

В 764 году Кенсоку, сопровождавший бохайское посольство, во время бури, приказал выбросить за борт жену, ребенка, няньку, китайского студента Ко и бонзу Юхасаку. Кейсоку заявил: «Море бурно оттого, что на судне едут женщины и бонза, который не похож на мужчину» [³⁸¹]. Буря тем не менее усилилась еще больше, и только через десять дней их прибило к острову Оки.

Бохайцы везли в Японию письма и дары от своего властителя японскому микадо. В 739 году они предложили японскому императору подарки. 7 шкур омуси (особого рода медведя), 6 шкурок соболя, 30 топоров, 30 мер меду и грамоту князя. В Японии послов Бохая встречали приветливо и с почетом: снабжали пищей и всем необходимым, микадо дарил им подарки, в том числе платье. Устраивались торжественные приемы, пиры, состязания и танцы в честь гостей. Отправлялись в Бохай и ответные посольства с подарками.

В 761 году, например, с отъезжающими на родину бохайскими послами был отправлен чиновник, который вез князю Бохая подарки: «24 штуки тафры, 34 штуки ткани полушелковой, 200 шелковых шнурков и 300 простых, а также в виде особого благоволения было добавлено 4 штуки парчи, 2 штуки особой ткани, 4 штуки узорчатого шелка, 4 штуки белой ситцевой материи, 14 штук простой белой шелковой ткани, 300 штук шелковых нитей» [³⁸²]. Одаривались и наделялись чинами также и участники бохайских посольств.

Не всегда, однако, посольства проходили гладко и успешно. Бывали случаи, когда, с точки зрения японцев, послы и бохайский князь не соблюдали требований этикета и не обнаруживали необходимого почтения к особе микадо.

Например, когда в 772 году бохайское посольство в количестве 320 человек представлялось микадо с дарами и поздравлениями на но-ЕЫЙ год, обнаружилось, что в письме князя, вопреки обычаю, не был записан титул и фамилия императора. Письмо было признано пренебрежительным и возвращено назад. Посол просил извинения и позволения переписать письмо от имени князя, и только после этого дело уладилось [³⁸³].

но другой версии рассказа, об этом посольстве говорится: «По старинному бохайскому обычаю, имена чинов посольства вносились в списки, и так как в конце имен низших чинов посольства были поставлены иероглифы, принадлежащие именам предков императора, то посла обвинили в оскорблении императора. Посол Ициманпуку очень испугался и просил о замене иероглифов. Тогда император отдал приказание допустить изменение в тексте и дал свое прощение. В феврале 772 года микадо передал посланнику подарки и письмо князю, в котором писал, чтобы тот, если желает сохранить хорошие отношения, не смел относиться к нему непочтительно!» [³⁸⁴]. В 828 году бохайцев даже не пустили в столицу, а, наградив их подарками, предложили приезжать в Японию не чаще одного раза в десять лет, а затем неоднократно делали послам выговоры, что они приезжают раньше установленного срока [³⁸⁵].

В 872 году в японской столице и ее окрестностях свирепствовала повальная болезнь. Народ приписал ее нечистому влиянию иностранцев.. В храмах по этой причине совершались богослужения. Микадо не решился принять послов в своем дворце. При всем том посольства бохайцев в Японию не прекращались.

С течением времени Бохай создал надежную опору своего внешне-политического могущества — сильную армию и флот. Бохайские воины не раз совершали смелые морские походы на южных соседей в Корею и на Японские острова, наводя ужас на их жителей. Известна связанная с этими набегами древняя пословица, что три бохайца стоят одного тигра [³⁸⁶]. Характерно в связи с этим, что любимой игрой бохайцев была игра в мяч на лошадях. Эти косные соревнования, напоминающие «козлодрания»¹⁰ киргизов и других степных народов, входили в те военно-спортивные мероприятия, которые имели целью военную подготовку мужского населения Бохая.

В Бохае существовала высокая по тем временам культура. Раскопки в Дунцзинчене и находки в районе Уссурийска дают представление о достаточно развитом строительном искусстве и архитектуре, о художественно-технических достижениях бохайских ремесленников. Чаще всего из изделий бохайских ремесленников встречаются те предметы, которые служили для украшения архитектурных сооружений. Это, главным образом, кровельные черепицы, темно-серого цвета. На их внутренней стороне всегда имеются следы грубой мешочной ткани. 'Выступающие

вперед по карнизу полукруглые концы черепиц украшены тисненым орнаментом. Имеются также покрытые зеленой глазурью украшения для главных боковых гребней крыши в виде морд фантастических чудовищ. Крыша зданий была темно-серой, а ребра ее и украшения на ней — зелеными. Тисненные украшения на круглых концах черепицы карнизов зданий были стилизованы цветами лотоса с семью, шестью, пятью и четырьмя лепестками.

Кирпичи, которые употреблялись в строительстве бохайской столицы, делятся на прямоугольные и квадратные. Прямоугольные кирпичи темно-серого цвета. Их размер 460X173X43 мм. На одной стороне иногда имеются отпечатки травяных циновок. Некоторые из кирпичей прямоугольной формы имеют на концах растительный рельефный орнамент. Цвет их черный. Размер 345X1182x52 мм. Такие кирпичи употреблялись, по-видимому, для украшения верхней части каменных стен, служивших опорами для парадных сооружений. Квадратные кирпичи имеют размер 379X379x54 мм. Среди них также имеются орнаментированные. Узор на них в форме розетки в виде восьмилепесткового цветка в центре, окруженного четырьмя шестилепестковыми цветками по сторонам и четырех-пятилепестковыми цветками — по углам. Все цветки соприкасаются со стеблем и листьями. На некоторых кирпичах по углам имеются оттиски иероглифов, которые, очевидно, означают название деревни, где выделывались эти кирпичи. Похожие изображения с цветком лотоса в центре кирпича известны как в Китае периода шести династий и вплоть до династии Тан, так и Японии того же времени.

Наиболее эффектно из украшений крыш так называемые шуби, то есть фантастические чудовища. Пара их украшала крышу как дворцовых сооружений, так и храмов. Материалом для них служила беловатая серая после обжига глина. Сверху эти изображения были покрыты зеленой глазурью. Целых фигур шуби в развалинах Дунцзинчена не оказалось, но, судя по обломкам, видно, что они имели большие выпуклые глаза и крылья. Сходные изображения с крыльями, украшенными валиками и полусферическим орнаментом, известны из руин храма Горидзакэ в провинции Кавашу (Япония). Прототипы для них известны из памятников танской династии в Китае. В то время как шуби украшали концы горизонтального гребня крыши, на нижних концах наклонных гребней крыш находились изображения фантастических существ иного вида, так называемые онигавара — маски демонов или драконов с огромными выпуклыми глазами, длинными кривыми рогами и столь же утрированными клыками, выступающими из нижней и верхней челюстей.

Особую группу глиняных изделий представляют собой кольца, украшавшие основание столбов. Они покрыты зеленой глазурью, а некоторые из них также и иероглифами, означающими лошадь.

Как уже упоминалось, к числу наиболее значительных находок относятся головы львов, высеченные из камня. Пять таких голов располагались перед платформой дворцового здания № 2. Остальные фигуры львов были найдены с восточной стороны левого крыла платформы и один фрагмент — на юге от нее. Головы львов сильно стилизованы. У них подчеркнут ряд плотно сжатых зубов с большими массивными клыками. Так же утрированы большие круглые глаза и широкие ноздри. Тщательно передана шерсть в виде завитых локонов.

Металлические изделия в Дунцзичене представлены, главным образом, предметами, связанными с деревянными частями зданий. Это железные гвозди, квадратные в сечении, оси для дверей и металлические скрепления для уголков дверей. Последние украшены криволинейным растительным орнаментом и стилизованными животными. Интересно, что растительный узор вырастает из рогов животного. Предметы вооружения в Дунцзинчене представлены наконечниками стрел, один из них долотовидный, другие листовидные, с уступом перед черешком.

Керамика в Дунцзинчене и в Приморье подразделяется на глазурованную и неглазурованную. Глазурь трехцветная: зеленая, бурая и желтая. Бохайская керамика славилась и за пределами стралы. Э. В. Шавкунов полагает, что бохайцы знали секрет производства фарфора и даже вывозили фарфоровые изделия в другие страны [³⁸⁷]. Во всяком случае, изделия из фарфора встречаются в бохайских памятниках повсеместно. Неглазурованная керамика представлена сосудами черного цвета с тонкими и твердыми стенками. По форме они делятся на обыкновенные горшки, кувшины, чаши и высокие кубки. Имеются также обломки сильно обожженных сосудов буровато-красного цвета. Все сосуды изготовлены на гончарном круге. Интересной особенностью бохайской керамики являются сравнительно широкие кривые полосы, заполненные внутри своеобразными гребенчатыми вдавлениями. По технике нанесения этого орнамента и его композиционному построению он аналогичен орнаментике так называемых киргизских ваз, обнаруженных в минусинских могилах 7—9 веков н. э. и в одновременных памятниках тюркской эпохи в Монголии.

Среди различных мелких предметов, найденных в развалинах бохайских архитектурных сооружений, могут быть отмечены голубые стеклянные бусы, фрагменты стеклянной бутылки, бронзовая форма для литья, украшения с растительным узором, железные ножницы и другие изделия.

Развалины храмов и найденные в них предметы дают представление о такой важной по тем временам стороне культуры Бохая, как религия. Предметы религиозного искусства представлены буддийскими статуэтками, главным образом изображениями Будды. Большинство изображений Будды выполнено обычным приемом. Их штамповали в спе-

циальных формах. Имеются также буддийские изображения из бронзы и железа, - в том числе изображающие бодисатву Авалокитешвару⁵¹. В источниках отмечается, что среди «дани» (то есть подарков), доставленной китайскому двору в 814 году н. э., были и серебряные буддийские изображения. Обнаружены также остатки стенных росписей. Фрески выполнены на глине, смешанной с травой. Судя по остаткам, это были фигуры буддийских божеств и цветов, такие же в принципе, как росписи в пещере Тысячи Будд в Дунхуане.

Из камня были изготовлены каменные крышки для буддийской ступы, ножи для мраморного сосуда в виде головы животного и каменная линга — символ мужского производительного начала.

Судя по всему сказанному, буддизм глубоко проник в верхние слои бохайцев. Сельские храмы в долине Кроуновки показывают, что он был распространен и в народе, его способность овладевать массами известна из истории буддизма в Японии, Корее, Китае. Буддийский монах шел к простому народу с проповедью, обещавшей спасение от зол и бед этого мира, его религия была свободна от кастовой ограниченности. Но, нужно думать, в массах бохайцев устойчиво жили и прежние верования мохэских племен, шаманские в основе — культ предков, обряды, связанные с хозяйственной жизнью земледельца. В этой связи особенно интересны две металлические фигурки всадников из Дунцзинчена. Одна статуэтка отличается схематической трактовкой. Всадник изображен в виде простого стерженька на спине лошади. Такие же изображения известны из раскопок в Приморье (Синие скалы) [³⁸⁸].

Не исключено, что на верхи бохайского общества оказывало влияние и широко распространенное в Средней Азии несторианство. Э. В. Шавкунов нашел на реке Кроуновке амулет с изображением характерного несторианского креста [³⁸⁸].

Бохай славился не только искусными ремесленниками, но и образованными людьми, своими писателями, поэтами и учеными. Еще сын Уи, Да Циньмао, наладив отношения с Китаем, просил у китайского императора Сюань цзуна, чтобы тот послал в Бохай книги, в том числе «Тан-ли» (церемонии Тан) и «Саньгочжи» (история троецарствия) [³⁹⁰].

Первоначально бохайские князья отправляли молодых людей в столицу Китая, Чаньань, для изучения языка, литературы, древних и новых законов Китая. По словам И. Захарова, в 831 году за один раз вернулись в Бохай 150 человек, кончивших учебу в Китае [³⁹¹]. Многие из них, после соответствующих испытаний, получили ученые степени. Скоро училища стали возникать при сельских храмах в самом Бохайском государстве. Передают даже, что неграмотным и не умеющим стрелять из лука (видимо, аристократам), якобы не разрешалось вступать в брак.

Бохайцы знали, как мы видим, китайскую письменность и литера-

туру. Вместе с тем они, по мнению Э. В. Шавкунова, специально изучавшего этот вопрос, создали и собственное письмо, обслуживавшее их потребности, приспособленное к фонетическим особенностям языка бохайцев. Письмо это, как пишет Э. В. Шавкунов, вероятно, восходит в своих первоначальных формах к так называемому письму «иду», которое употреблялось с конца VI века нашей эры в корейском государстве Силла. Оно употреблялось, по его мнению, городским населением Бохая при заключении различного рода юридических сделок. Например, при заключении торговых договоров, составлении различных обязательств и деловых бумаг. Китайская же иероглифическая письменность обслуживала узкий круг придворной знати и чиновников. Ее язык был языком официальных государственных бумаг, законов и распоряжений.

Вместе с тем, тесные культурные, политические и экономические связи бохайцев с тюркскими степными племенами обусловили и знакомство с еще одним, третьим видом письменности: тюркским руническим письмом. В одном из образцов народного творчества китайцев X—XII веков «Ли Бо, небожитель, пьяный пишет письмо, устранившее государство Бохай», рассказывается о письме бохайского короля, написанном не понятными для китайцев знаками, напоминающими отпечатки лап животных и птиц^[392]. Р. Торри впервые опубликовал фото камня из собрания Владивостокского музея с загадочными знаками, похожими на тюркские руны. Э. В. Шавкунов сделал попытку дешифровки этих знаков и нашел в них слово «Суйубинг» — Шуайбин (Раздольная), начертанное знаками древнетюркского рунического алфавита. Камень этот — окатанный водой валун, такой же, как широко известные надмогильные памятники Средней Азии, кайраки, со знаками рунического типа — эпитафиями^[393].

В Бохае были ученые, пользовавшиеся широкой известностью даже и за его пределами. Один из таких ученых, бохаец по имени Хайтей, произвел в Японии большое впечатление как знаменитый ученый и поэт. Хайтей был в Японии дважды в качестве бохайского посла. Первый раз он побывал там в 882 году. Японская летопись рассказывает «о приеме Хайтея в Японии: «Так как посол Хайтея был знаменитый ученый, то микадо приказал навещать его ученому Сугавара Мицидзанае, тоже пользовавшемуся известностью. Оба остались крайне довольными друг другом. Микадо прислал послу также одну из своих одежд. При отправлении посольства ему вручены были подарки и письмо князю». Второй раз Хайтей прибыл в Японию в 895 году. Он снова встретился с Сугавара Мицидзанае: «Оба были рады взаимному свиданию, устроили лир, на котором сочиняли поэтические произведения»^[394]. Память о Хайтее, как ученом и поэте, в Японии пережила его самого. В 908 году в Японию прибыл послом сын умершего к тому времени Хайтея, Хайкин.

Хайкина приняли с таким же почетом, как принимали и его отца. Для доставки его в столицу были предварительно заготовлены лошади и седла. В столице для него устроили пир. Микадо подарил послу одну из своих одежд. В шестом месяце сановник Фудзивара Сугане по приказанию императора собрал всех писателей и угостил послов по случаю их отъезда. Хайкин был сын Хайтей-я, а Йосисига — сын Мицидзана; когда у них заходил разговор об отцах, они плакали и говорили, что «это было удивительное совпадение» [395].

Бохайские послы показывали образованность и раньше. Так, во время приема бохайского посольства в 739 году Микадо приказал устроить пир во дворце и с посланником смотрел на стрельбу из лука высших сановников. Бохайский посол, в свою очередь, показал японцам свое искусство в музыке.

В 759 году в Цикудзен прибыло бохайское посольство из 24 человек, затем в столице Японии «сановник Ояеу Фудзивара собрал у себя знаменитых писателей и, пригласив бохайцев, предложил написать вместе стихи. Государь прислал на торжество хор музыкантов. Сбравшиеся сочиняли стихи, декламировали и пели хором». Во время посольства в 872 году один из бохайских послов, любивший стихи, часто приглашал к себе писателей и ученых для декламаций, а сам развлекал их музыкой.

Значение Бохайского государства в истории советского Дальнего Востока велико. С Бохаем были связаны не только первая форма классового общества, возникшая среди племен Маньчжурии и Приморья, но и одновременно высокий расцвет цивилизации в этих краях. Бохай, по словам П. Горского, действительно был «одним из самых цветущих государств на берегу Восточного моря, страню просвещения и ученых». Бохайская культура в целом была одним из звеньев высоких культур Восточной и Юго-Восточной Азии первой половины I тысячелетия н. э.

По наблюдениям Э. В. Шавкунова, больше всего общего у бохайской культуры было с культурой соседних когурёсцев и силланцев в Корее, с которыми бохайцев издавна связывали не только культурные, но также и различные экономические и политические контакты.

Но, как и все культуры раннесредневековых государств, созданные уйгурами, японцами, китайцами и корейцами, а также их более далекими южными соседями во Вьетнаме, бохайская культура в широком смысле слова, включая, вероятно, и культуры северных племен, политически не входящих в состав Бохая, во всем имела своеобразный характер, заметный только отчасти, поскольку до нас не дошла ни бохайская литература, ни бохайская живопись.

Но даже и в тех обломках, которые дошли до нашего времени в ископаемом, археологическом, виде, обнаруживаются общие черты своеобразия, той существенной переработки всего общего для культур

Востока в конкретном национальном виде, которая придавала ей локальную специфику.

Примером может служить бохайская черепица. Бохайцы украшали концевые диски верхней черепицы розетками, в основе такими же, какие были на черепице уйгурских храмов и дворцов, на парадных зданиях тайского Китая, в Японии периода Нара, в Корее — у когурёсцев и силланцев. Но оформление розеток в Бохае иное. В них отсутствует, в частности, наружная кайма розетки из выпуклостей в виде «жемчужного шнура». По-своему в розетках сочетаются их лепестки, иначе комбинированы выпуклости центрального жемчужника [396].

Высокая культура бохайцев оказала свое влияние и на соседние страны, с которыми они находились в оживленных связях, в том числе на Японию эпохи Нара. Японский театр в половине восьмого века нашей эры испытал влияние театральной культуры Бохая, откуда, по словам академика Н. И. Конрада, в Японию было занесено «боккайгаку», то есть бохайское театральное искусство.

Корни бохайской культуры, несомненно, глубоко уходят в местную, «туземную», почву, удобренную творческим потом многих поколений мастеров орнамента и скульптуры. В этой связи исключительный интерес представляет новое открытие в пещерах Приморья памятников древнего искусства. В одной из пещер живописной долины речки Суворовки, притока реки Артемовки, были неожиданно обнаружены необычные по стилю и по самому материалу, из которого они выполнены, скульптуры. Материалом для них послужили причудливые натёки белого известкового вещества, опускающиеся со свода пещеры по ее стенам. Одни из таких натёков похожи на черепаху, другие напоминают слонов. Один из таких натёков напомнил древнему скульптору человеческое лицо. Искусно используя естественные формы сталагмитов и сталактитов, он превратил его в голову и шею человека. Со стены на нас смотрит гордое, тонко очерченное лицо с узкими длинными глазами и четко моделированными носом и ртом. Это лицо первым краеведам-спелеологам показалось женским, и они назвали скульптуру «Спящей красавицей» — настолько она изящна. Но скорее это образ мужчины, может быть, божества-воина.

Удивительные скульптуры в пещере на реке Суворовке напоминают сведения, сохранившиеся в корейских хрониках о таинственной пещере предков правящей династии когурёсцев, которая находилась где-то на востоке.

В корейской летописи «Сангочжи», в разделе о Когурё сказано: «На востоке страны имеется большая пещера, которая называется Сухель (пещера духа Су). В десятом месяце, когда собирается народ всей страны, изображение духа Су водворяется у реки, находящейся в восточной части страны, и там совершаются жертвоприношения ему» [397]—

Пещера «Спящей красавицы» и на самом деле, должно быть, была пещерным святилищем в честь предков, основателей правящего рода какой-то древней народности Приморья, жившей здесь еще до Бохая.

Бохайская статуэтка из храма у г. Уссурийска

Скульптурное изображение из пещеры «Спящая красавица»

Во всяком случае, скульптура эта принадлежит талантливому мастеру или мастерам, произведения которых несравнимо выше по своей изобразительности примитивных глиняных фигурок, найденных в развалинах чжурчжэньского храма в Николаевском городище. В ней отражено и иное художественное мироощущение, дух иной культуры. Не исключено также, что соками этой старой культуры питались не только Бохай, но и чжурчжени.

Самое же главное заключается в том, что возникновение такой развитой культуры явилось результатом всего предшествующего развития производительных сил, экономики и социальных отношений на Дальнем Востоке и в сопредельных областях Азиатского материка. Расцвет Бохая был подготовлен тысячелетней работой бесчисленных поколений, в том числе — на Амуре и в Приморье.

Могущество Бохая было поколеблено, а затем и уничтожена киданьскими племенами. Занимаясь скотоводством, кидани издавна вели кочевой образ жизни. Раздробленные на множество родов, они долгое время не играли самостоятельной роли в истории. При династии Вэй они были в подданстве у Китая, затем — у тюрков и, наконец, снова подчинились Китаю при династии Тан.

В IX веке, пользуясь ослаблением Китая, кидани усилились. В это время у киданьских племен существовал союз восьми кочевых племен, управляющийся по выбору вождем одного из племен. После трехлетнего управления власть переходила в порядке очереди к вождю другого племени. Вождя сменяли досрочно в том случае, когда при нем происходило большое несчастье для всего народа, например, мор на скот. Знаки достоинства общеплеменного вождя, знамя и барабан, переносились тогда к палатке его преемника. В источниках, например, рассказывается, что во время правления вождя Яонянь (или Чэньдань) кидани неоднократно терпели поражения от Люжень-гуна, владевшего Ючжоу. Народ, приписывая все неудачи правителю, сменил его и избрал главою киданьского союза вождя племени дахэ Амбагяня (иначе — Абаоцзы) [398].

Будучи избранным в 901 году вождем союза, Амбагянь проявил себя как энергичный и смелый правитель. Им были подчинены соседние племена шивзэй — на севере, хи — на юге и татань — в Халхе. По прошествии трех лет Амбагянь, вопреки обычаю, не пожелал сложить полномочий общеплеменного вождя. Ссылаясь на то, что в Китае цари не сменяются, Амбагянь силой удерживал в своих руках власть» вопреки обычаю, девять лет, пока, наконец, уже не смог более «остановить всеобщей укоризны и неудовольствия».

Конфликт на этой почве с другими вождями привел к выделению племени Амбагяня из состава союза. В «Истории киданей» Ляоши, говорится, будто, передавая своему преемнику знамя и барабан, Амбагянь сказал: «Я в продолжение девятилетнего управления набрал множество китайцев и потому хочу, отделившись, составить независимый улус и построить китайский город; можно ли мне это сделать?» Получив согласие, он построил город на восток от горы Тянь-Шань, у реки Люаль. Построив город, Амбагянь завел хлебопашество, открыл рынки, наладил добычу соли и железа.

Затем Амбагянь снова получил власть над всеми киданями, на этот

раз насильственным путем. По летописным источникам, жена его Шулюй посоветовала отправить посланца к старейшинам других родов со словами: «Все роды пользуются моей солью и железом, умеют только есть соль, а не знают, что у ней есть хозяин; вам бы следовало прийти ко мне и угостить меня»^[399]. Роды согласились и пришли к соленому озеру с быками и вином. Амбагянь же поставил в засаде войско, и когда старейшины всех родов перепились, они были перебиты. Оставшись единоличным властителем киданей, Амбагянь решительно приступил к дальнейшему осуществлению завоевательной политики, начало которой положили уже его предшественники.

Не довольствуясь тем, что испуганные иноземцы, жившие на северо-востоке, по словам Ляоши, все покорились, он начал борьбу Китаем^[400].

Вождь киданей имел в своем распоряжении превосходную конницу кочевников. В походе впереди главных сил, справа и слева шли три больших разведочных отряда. Войско, встречаясь с неприятелем, выжидало его приближения, чтобы сберечь силы лошадей. В боях кидани прибегали к засадам, стремились прежде всего отбить провиант и фураж, пускали на неприятеля степные пожары. «В отступлении и разбитии не имели стыда, но будучи рассеянными, вновь соединялись; во время холода становились крепче, смелее. В этом заключалось их превосходство (над китайцами)»^[401].

Выполнению внешнеполитических планов Амбагяня способствовали внутренняя неустойчивость и слабость Китая, в котором после падения в 907 году могущественной династии Тан начался период смут; междоусобия. В 905 году во главе стотысячного войска он вторгся в Китай и, разрушив множество городов, увел 65 000 пленных в землю киданей. Здесь он заставил пленных строить города. В 916 году он совершил поход на запад, против тюрков-туго и увел 16000 пленных. В этом же году он принял титул императора. Между 917 и 922 годом он организовал ряд успешных набегов на Китай. В это время в Китае царил смуты, и множество китайцев бежало в киданьскую землю, насаждая в ней свою культуру и образованность. Китаец Хань Ей-хой, ставший советником Амбагяня, много способствовал введению среди киданей государственных институтов китайского образца, поощрял земледелие, торговлю, учредил присутственные места, распределил чины, избрал киданское письмо из 300 упрощенных китайских иероглифов. Он построил ряд храмов и пустил на киданьскую территорию буддийских монахов, конфуцианцев и даосцев. Таким образом, кидани быстрыми темпами цивилизовывались, подражая китайцам и бохайцам.

Государство киданей получило название Ляо — «Железное»; в нем были основаны по бохайскому образцу пять столиц.

В 926 году Амбагянь разбил бохайцев и захватил город **Фуюй-**

чен. Затем он осадил и взял резиденцию бохайского короля, Хуханьчжоу («верхнюю столицу»), и взял в плен самого короля Да Ин-чжуана. Из захваченной части Бохая было образовано вассальное «Восточное. Киданьское царство» — Дунданьго, во главе которого был поставлен старший сын Амбагыня Дуюй (Жэнь-хуан). Резиденция бохайских королей была переименована в Тяньфу и стала столицей Дунданьго. Да Инь-чжуань с семьей был поселен в западной части Тяньфу^[402].

Наследник бохайского престола бежал в Корею. Он увел с собой несколько десятков тысяч людей. В Корее он присоединился к императорскому роду и принял имя Ван-ки. Его приближенные тоже получили земли и резиденции соответственно их рангу.

Хотя Бохай был разгромлен, а правительство Бохая, капитулировав перед врагом, предало страну, значительная часть народа все же продолжала сопротивляться и после этой национальной катастрофы. Бохайцы дважды восставали против завоевателей в том же 926 году — в третьем и в седьмом месяцах. Это был вместе с тем и протест против быстрой капитуляции их собственных прежних правителей, отказавшихся от продолжения борьбы.

Кидани, стремясь окончательно подавить сопротивление бохайцев, не только свезли королевское семейство и аристократию в главную столицу, но и предприняли массовое выселение простого народа в другие районы. Над оставшимся населением страны был установлен строгий и жесткий надзор. Количество полицейских сил на востоке Киданьского государства составляло половину всех войск, находившихся в распоряжении правительства Ляо.

Бохайцы сохранили, однако, часть своих владений на северо-востоке Маньчжурии и на юге Уссурийского края, в том числе, по-видимому, город Шуайбинь, который оставался независимым вплоть до возвышения чжурчжэней.

Племена мохэ, обитавшие на Амуре и в Северной Маньчжурии, вообще были независимы от киданей, с которыми они поддерживали только торговые связи. Бохайские послы по-прежнему посещали Китай. Они были при китайском дворе в 929, 931, 932, 933, 936, 937 годах. Отзвуки борьбы с киданями дошли в 30-х годах X века и до Японии. В 930 году бохайские послы прибыли в Японию. Во главе их находился тот же Хайкин, сын Хайтея. С ним было еще 93 человека. Встречавшим посольство чиновникам Хайкин сказал, что он посол Киданьского государства. «Далее Хайкин сказал: хотя он и другие бохайцы покорились кейтан (киданям) и сделались их подданными, но в действительности они ненавидят кейтан (киданей)». Посланцы бранили киданей. Японские чиновники, встречавшие послов, доложили об этом императору, и высший совет приказал передать бохайскому послу: «Кейтан—враг Бохая, ты покорился и исполняешь его (кейтана) приказания и желаешь

еще сделать зло. Ты уже не имеешь совести и не знаешь, что такое ненависть; нельзя быть таким человеком» [403]. Затем посла отпустили. После этого посещения бохайцев в Японию прекратились вовсе.

В 975 году на территории Бохая, захваченной киданями, вспыхнуло восстание, во главе которого стоял бохайский военачальник. Восставшие были разбиты ляоской армией, но их вождь не был пленен.

Спустя пятьдесят лет после нападения Амбагяня на Бохай, остатки Бохайского государства все еще продолжали существовать. Они представляли даже настолько реальную силу, что сунский император, готовившийся выступить в поход против киданей, нападавших на северные области его страны, решил привлечь бохайцев к объединенным военным действиям, чтобы разгромить исконно общего врага. Вот краткое содержание его письма: «Жестокие и грубые варвары севера перешли мои границы. Они беспрестанно угрожают перенести разрушение далее; их жестокость внушает ужас, и вы будете принуждены подчиниться их могуществу. День, когда эта сила будет сломлена, будет днем отмщения и облегчения для всех соседних государств. Соедините ваши племена, идите увеличить мои армии, и когда мы совокупно истребим общего врага, я вас щедро награжу. Для себя я буду хранить только древние границы империи, вам же оставлю обширные страны севера. Вы должны положиться на точность того, что император сдержит свои обещания» [404].

Особенно серьезное движение против ига завоевателей разгорелось в 1029—1030 годах, когда правительство Ляо захотело ввести в бохайских землях такую систему обложения податями, как и в южных китайских районах, находившихся под его властью. Это вызвало народное восстание, в ходе которого была сделана попытка восстановить самостоятельное государство «а прежней территории Бохая. Во время восстания большое число знатных киданей было пленено и убито повстанцами. В восточной столице были захвачены вице-регент и канцлер северных областей Сяо-сяо-сян с его женой, принцессой Нан-ян, дочерью императора Шзн-цзуна.

Согласно корейской официальной истории, вождь восставших, потомок основателя бохайской династии в седьмом поколении Даиенлин, запланировал возникновение нового государства под именем Сяляо. Он объявил себя императором и принял няньхао годом своего правления. Согласно этой истории, Даиенлин дважды, в 1029 и 1030 годах, обращался за помощью к корейскому двору, но тот не пожелал помочь ему и даже предпринял оборонительные меры на границе. Часть же корейских чиновников попыталась воспользоваться событиями, чтобы перейти реку Ялу и захватить земли, отвоеванные ранее киданями. Однако пограничная стража киданей отбила эти вылазки.

В 1030 году предатель генерал Ян-си-ши вошел в тайные сношения

с Ляо. Он открыл ночью южные ворота восточной столицы и впустил в нее вражеские войска. Восстание было подавлено, и новое государство пало. Тем не менее восставшие удерживались еще несколько месяцев <и в конце концов ляоское правительство вынуждено было пойти на компромисс - и согласиться на облегчение налогового гнета. Борьба продолжалась и после этих событий, в особенности, когда государство Ляо стало клониться к упадку. По словам Витфогеля, «в то время, когда растущие центробежные силы ослабляли железный зажим правительства, бохайцы были первыми среди тех, кто начинал борьбу против их давних угнетателей» [405].

Но все же, на всем протяжении X века кидани оставались грозной силой, а Бохай уже не смог снова подняться. Его история как государственного объединения была закончена навсегда.

Наивысшего могущества династия Ляо достигла при младшем сыне Амбагяня Дэгуане (или Окучжи), правившем с 927 по 947 год. Этому способствовали междоусобия в Китае, где правила династия Хоу-тан. Однако государство киданей, представлявшее собой пестрое политическое и этническое объединение, распалось почти так же быстро, как возникло.

Уже при седьмом киданьском императоре Син-Цзуне (1031—1055 годы) положение страны стало очень напряженным. Налоги и подати были непомерны, грабежи, разбои и восстания составляли повседневное явление. Один из сановников Сяо-хан-ши-ну писал императору: «Слуга Вашего Величества слышал, что с древних времен не было правителя, который был бы свободен от бандитизма. В течение последних лет люди, прадя в расстройство, разбойничают, хорошие люди часто становятся жестокими и беспокойными. Плохие люди, убийцы, потеряли страх. Они бегут в горы и болота, чтобы, начав мятеж, возглавить восстание. Можно сказать, что, имея силу, все люди становятся разбойниками и тем даже Ваше Величество приводят к страху. Чтобы искоренить корни (волнений) я, надеюсь, Ваше Величество пожелает облегчить тяжелые работы и уменьшить повинности, так что народ может посвятить себя земледелию. Когда же их одежды и пища будут изобильными, люди будут мирно воспринимать реформирующие воздействия (властей) и станут серьезно относиться к нарушению законов. Если же люди склонятся к правильному поведению, то наказания будут редко применяться».

Сяо-хан-ши-ну ссылался на пример первого танского императора, который задал вопрос своим придворным: как быть с бандитизмом? Придворные отвечали, что нужно усилить наказания и строгость законов. Тайцзун рассмеялся в ответ и сказал, что бандитизм зависит от того, что подать слишком большая и народу нечем жить, если же этого не будет, волнения прекратятся сами собой.

Таким образом, писал Сяо-хан-ши-ну, количество бандитов зависит от изобилия или скудности пищи и одежды, от того, легки или тяжелы работы и повинности [⁴⁰⁶].

Но эти мудрые речи и советы не могли, конечно, изменить положения дела. Жестокая эксплуатация трудящихся масс, покоренных племен и народов, тяжелые налоги, мздоимство чиновников продолжались и вели страну к полному обнищанию. Последние киданьские императоры были слишком беспечны, чтобы изменить ход событий.

К XI веку государство киданей было расшатано, и достаточно было незначительного внешнего толчка, чтобы оно рассыпалось, как карточный дом. Таким толчком явилось восстание чжурчжэней, или нюйчжэней.

ЧЖУРЧЖНЬСНОЕ ГОСУДАРСТВО

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Чжурчжэням выпало на долю большое историческое дело: им суждено было восстановить все то, что было утрачено народами Маньчжурии и Дальнего Востока после падения Бохая — высокую культуру, развитую экономику и собственное государство. Но все это им пришлось начинать спустя два века, на пустом месте и заново.

Чжурчжэни, или нюйчжень, появляются в исторических сочинениях китайцев в VII веке н. э. как мохэские племена [407].

В одном китайском источнике говорится, что первый раз о нюйчженьцах стало известно при танской династии, в правление Чжэньгуан (627—649 годы н. э.). Однако это обстоятельство еще не позволяет сделать выводы о том, что уже тогда существовали племена, называвшиеся нюйчженьями, или чжурчжэнями. Ясно, однако, что в глазах китайцев предки позднейших чжурчжэней входили в число мохэских племен. Они «из рода в род» жили на восток от реки Хун-тун-цзян (Сунгари) у подошвы гор Чаньбошань—«Длинных белых гор», с которых берет начало Ялуцзян [408]. Эта была страна черноречных мохэцев танского времени (хэйшуй-мохэ). На юге от них жили корейцы, на севере—Шивэй, на западе — Бохай и Тели [409]. Чжурчжэни, жившие к югу от реки Хун-тун-цзян, сначала подчинялись Бохаю, а затем вместе с бохайцами стали зависеть от киданей. Поскольку между ними не было воров, они не знали тяжб и не враждовали с киданями, их называли

«мирными» чжурчжэнями. Купцы приходили к ним свободно и беспрепятственно торговали. Жили «мирные» чжурчжэни в 200 ли на восток от Дунцзина.

Еще южнее находились «покорные нюйчжи пяти правлений», управлявшиеся киданьскими правителями. Земли их начинались в 500 ли от Дунцзина и граничили на юге с Силла. Податей они не платили, но выставляли по требованию ляоского правительства войско во время войны. Они были отличные охотники, но также занимались и хлебопашеством.

К югу от Лояна жили чжурчжэни, которых кидани переселили сюда, стремясь таким образом их ослабить. Они были обложены податью.

Роды, жившие на север, в бассейне Сунгари, назывались «непокорными». Их земли к северо-востоку «простирались в бесконечность». Они не имели государя, были искусны в стрельбе и постоянно вторгались в киданьские владения. Где-то в бассейне Сунгари обитали многочисленные племена, в число которых входило племя или род Ваньян, вокруг которого консолидировались остальные племена.

«Непокорные» чжурчжэни доставляли массу хлопот киданям, которые вынуждены были построить вдоль границы с ними на расстоянии 2000 ли оборонительную линию из ряда крепостей, держать там войска и снабжать их провиантом. Из среды этих непокорных чжурчжэней и вышла новая, цзиньская династия, здесь возникло ядро будущей империи, которая по силе и могуществу превосходила древнее Бохайское царство.

Тот факт, что именно здесь, на земле черноречных племен, после падения Бохая снова возродилась государственность, не случаен. Уже с очень ранних времен, когда эти племена еще не играли сколько-нибудь заметной политической роли, они были оплотом независимости северных племен. Вместе с тем, чжурчжэни заметно выделялись из числа своих более отсталых северных соседей. Они, несомненно, многое унаследовали от культуры бохайского времени. Неудивительно поэтому, что чжурчжэни смогли не только быстро возвыситься, но и создать сложный государственный аппарат, собственную письменность и литературу.

По собственной истории цзиньской династии, ее предком был Хань-пу [⁴¹⁰]. 'Когда ему было 60 лет, он пришел к роду Ваньян, обитавшему на реке Пугань. В это время между его родом и родом Ваньян разгорелась кровная месть. Люди из рода Ваньян обратились к нему с вопросом: «Возможно ли рассеять злобу между людьми племен, заставить два рода не заниматься взаимными убийствами?» Он предложил закончить междоусобия объединением племен. Для этого Хань-пу женился на добродетельной 60-летней женщине из рода Ваньян, и оба

враждующих рода стали родственными друг другу. Затем Хань-пу предложил впредь вместо кровной мести возмещать кровь убитых людей выкупом: по 1 человеку, 10 пар лошадей, 10 коров и быков, 6 лан золота за убитого (по другому варианту: за каждого убитого — по 20 лошадей, 20 быков, 6 унций золота). Впоследствии у Хань-пу родилось три сына, ставших затем членами племени Ваньян.

Это предание, известное в различных вариантах, интересно тем, что в нем ярко выражены черты родового быта, близко напоминающие родовые и междуродовые отношения, существовавшие у амурских племен вплоть до XIX века; кровная месть, выкуп за убийство, брачная связь родов, прием чужестранцев в другой род (адаптация), а также наличие посредников (зангины), призванных прекращать войны и устанавливать мир между враждующими родами путем переговоров.

Из потомков Хань-пу его правнук Суйкэ впервые научил чжурчжэней жить в наземных жилищах: «по древнему обычаю хэйшуйцы не имели домов. Землянки были около гор и рек. Яма покрывалась деревьями, а сверху засыпалась землей. Летом вылезали и жили везде, где имела вода и трава. Зимой жили в землянках. В это время не часто переселялись. Сянь-цзу (Суйкэ) переселился; живя на берегу реки Хай-гу, занялся земледелием и впервые стали строить жилища, имеющие стены и крышу» [41]. Суйкэ и его родичи поселились на реке Ань-чу-ху.

Сын Суйкэ, Ши-лу, решил захватить власть внутри племени, но у диких чжурчжэней «отсутствовали письменность и правила и нельзя было управлять ими». Поэтому Ши-лу решил ввести все это. Однако у него сразу же произошел конфликт с сородичами, чуть не стоивший ему жизни: «дяди и племя отца были недовольны и хотели похоронить его заживо; уже был схвачен». Спас его другой дядя, Се-ли, который выстрелил из лука в толпу людей, державших Ши-лу. Впоследствии Ши-лу начал «постепенно при помощи законов и распоряжений управлять племенем», а также подчинять себе другие племена, устраивая походы на них. Легенда говорит, что Ши-лу дошел до Белых гор, заходил в земли Су-бинь и Е-лань.

Официальная история династии утверждает, что эти военные действия Ши-лу были «блестящими» и он «там, где был, побеждал, поощряя покорных и карая сопротивляющихся». Но в действительности не все было так гладко. Та же легенда рассказывает, что «инь-гуаньские племена все-таки по древнему обычаю не хотели признавать законов : распоряжений». Даже мертвого Ши-лу преследовали враги («разбойники»), в том числе некий Пу-ху из племени Цзя-гу. Гроб же его был разе (ен грабителями).

- Сын Ши-лу, Угунай, родился в 1021 году. История династии Цзинь рисует его как ловкого и хитрого дипломата, умело пользовавшегося всяким подходящим случаем, чтобы расширить свои владения за счет

других племен. В период его правления от гнета киданей в страну чжурчженей бежали различные роды и племена. Однажды прибыл посланный в погоню за беглецами из племен Тэлэ и Ужз киданьский военный чиновник Хэ-лу. Опасаясь, чтобы войска Ляо не проникли слишком далеко в его владения и Жэ заняли области, дороги и горные проходы, Угунай решил остановить их хитростью. Он сказал Хэ-лу: «Если войска проникнут глубоко, то все племена придут в волнение, жизнь изменится непредвиденно и нельзя будет отыскать беглецов, это не план». Хэ-лу принял слова Угуная за правду и остановился. После этого войска Угуная отыскали беглецов и вернули их ляосцам.

В другом случае произошло так, что вождь племени Пуне Баймынь восстал против киданей и захватил «соколиную дорогу», то есть пути, по которым киданьские послы ездили к океану за соколами. Угунай, казалось, был в хороших отношениях с Баймынем и даже дал ему в заложники своих жен и детей. Но в то же время он сообщил киданям, что если действовать силой, то они, то есть племя Пуне, будут охранять проходы «и ни в месяц и ни в год нельзя будет усмирить». «Можно хитростью захватить», сказал Угунай киданям, а затем неожиданно мапал на доверившегося ему Баймыня. Вероломно взяв обманутого Баймыня в плен, Угунай представил его императору Ляо. Обрадованный император устроил в честь Угуная пир, повысил его, в чине и сделал цзедуши над племенами и родами диких нюйчжей. Император хотел также дать Угунаю в знак власти над нюйчжами печать. Но Угунай отказался от «аграды, объясняя это тем, что она грозит ему гибелью: «Племя якобы говорило, что если князь примет печати и попадет в зависимость, то они обязательно убьют его». Так было, очевидно, и на самом деле: «дикие» нюйчжи не желали стать подданными Ляо.

В то же время, сделавшись цзедуши (тайши), Угунай все же постепенно ввел в своем роде «чиновничьи классы и основные законы».

Стремясь усилить военную мощь своих родов, Угунай предпринял меры к улучшению вооружения. летопись рассказывает об этом: «у диких нюйчжей в древности отсутствовало железо. Были торговцы, приезжавшие из соседних государств с военными доспехами. Всеми средствами и высокой ценой вели торговлю с ними... Вследствие того, что приобрели много железа, починили луки, стрелы и приготовили вооружение, военная сила постепенно возросла».

В деятельности Угуная, как она описывается в летописи, есть и еще одна характерная черта, рисующая его как типичного военного вождя той поры, которую Энгельс называл, вслед за Морганом, высшей ступенью варварства.

Летописи рассказывают, что Угунай «в отношении людей был добрым и всеобъемлющим... Отказывался от богатства, деля между людьми пищу, и одежду, и не было у него скупости. Если люди не повинова*

лись ему, также не вспоминал». Так, однажды некий «бунтовщик» заявил людям Угуная: «Ваш князь Холо. Холо я могу поймать. Возможно ли, чтобы я склонился перед Холо». Холо, название птицы, — обидное прозвище Угуная, которое было дано ему недоброжелателями за то, что он был жаден к вину и сладостям, часто напивался и наедался более положенного, а также с излишеством предавался любовным утехам. Но Угунай не обиделся на этого бунтовщика и на остальных, а напротив, щедро одаривал таких хулителей. «Люди вследствие этого верили ему и легко подчинялись».

Угунай привлек на свою сторону и подчинил ряд ранее независимых племен: пуча на реке Вамшань, ваньянь на реке Тайшенътебао, вэньдихуань на реке Тунмынь, ваньянь на реке Шеньинь.

Угунай умер в 1074 году после удачного похода на племя моньянь, которое под предводительством своего вождя Сее восстало против киданей. В дальнейшем преемники Угуная, его сыновья, продолжали, хотя и с переменным успехом, дело объединения чжурчжэней. Большим препятствием в этом была межплеменная борьба и постоянные раздоры среди господствующего рода чжурчжэней.

Междоусобная борьба началась сразу же после смерти Угуная. Перед смертью он завещал, чтобы из его сыновей именно Хэлибо стал вождем чжурчжэней, а не Бахэй. Бахэй, поддерживаемый своими родичами, поднял племена против Хэлибо.

«Когда унаследовал должность, — говорится в истории чжурчжэней о Хэлибо, — внутренние и внешние разбойники объединились и превратились во врага». В народе сторонники Бахэя агитировали: «Кто хочет жить, пусть присоединяется к Бахэю, а кто хочет умереть, пусть присоединяется к Хэлибо и Полашу». Чжурчжэньские племена пришли в смятение и разделились на два враждебных лагеря. Однако Хэлибо после напряженной и кровопролитной борьбы все же взял верх над врагами.

Поворотным пунктом в борьбе была битва на реке Подоту, состоявшаяся, когда Бахэя уже не было в живых — он умер, подавившись мясом во время пира у своей любимой наложницы.

Против войск Хэлибо в это время собрались племена, во главе которых находились вожди Хуаньби и Саньда, поддерживавшие раньше Бахэя. Перед битвой военачальники Хэлибо пришли в ужас, увидев грозную силу врага. Его воины «стояли, не похожие на людей» от страха. Хэлибо приказал дать войскам отдых перед боем, снять доспехи, смочить лицо водой и закусить болтушкой из муки, а затем наставлял их, возбуждал бодрость. В то же время, отойдя с братом от воинов на некоторое расстояние, Хэлибо сказал ему: «Если сегодняшнее дело выиграем, то это будет случайность, если проиграем, то я должен умереть. Ты сегодня, сидя на лошади, наблюдай, не вмешиваясь. Если -в

битве я погибну, ты ~~не~~ подбирай моих костей, не заботься о родственниках, скачи скорей к брату Полашу, срочно передай, пусть передастся в; подданство Ляо, получит печать и просит армию, и доложит про эту вражду».

Перед этим было условлено, что будет дан сигнал к бою, после которого войска должны броситься на врага.

Хэлибо сказал Цыбуши: «Когда я махну флагом 3 раза, ударк> Б барабан 3 раза и опущу флаг, то будет бой. Жизнь или смерть зависят от сегодняшнего дня. Не следует щадить жизни!»

Когда были даны условленные сигналы, Хэлибо без лат, в одном только ватном халате, с засученными рукавами, во главе своих войск ворвался во вражеский лагерь. Цыбуши напал на врага с тыла. Удар был сокрушительным, и враги понесли поражение: «убитых было, как поваленной конопли. Вода в реке Подоту покраснела. Брошенные телеги, доспехи, лошади, скот и военное снаряжение были захвачены ими». Хэлибо, считая победу даром неба, приказал прекратить преследование разбитых войск.

Эта победа заставила покориться Хуаньби и Саньда. Но враги, еще оставались и они продолжали воевать с Хэлибо. Хэлибо нанес ряд поражений войскам предводителей непокорных племен Бэйная, **Учуна** и Омухая (Вомоуханя). Бэйнай, Лапэй и другие вожди этих племен были переданы киданям. Во время борьбы был осажден и взят войсками Хэлибо город Омуханя. Сам Омухань бежал, а город со всеми жителями достался победителям. В присутствии ляоских послов Хэлибо решал судьбу побежденных, в то время как народ стоял на коленях. Друг из толпы выскочил человек с длинным ножом и крикнул ему: «Ты не убьешь меня». Киданьские послы и приближенные разбежались, но Хэлибо, не изменившись в лице, схватил этого человека за руку и сказал ему: «Я не убью тебя». Затем велел казнить этого человека,, а разбежавшихся приближенных приказал наказать за трусость. «Его мужество и бесстрашие было таково» — говорит летопись.

Таким образом, борьба за подчинение ранее свободных чжурчжэньских племен, которую вел Хэлибо на всем протяжении своего правления, кончилась его победой.

Враги, потерпевшие поражение в открытой борьбе, все же не хотели примириться с создавшимся положением. Они пытались даже подослать к нему наемных убийц, но безуспешно. Хэлибо умер в 1092 году, достигнув того, к чему стремился, — власти над рядом чжурчжэньских племен.

После Хэлибо место цзедуши получил его брат Полашу. При **Хэлибо** он вел все дела с киданями, так как хорошо знал «политику и обычаи Ляо». История чжурчжэней передает при этом любопытную деталь, касающуюся сношений чжурчжэней с киданьскими чиновниками: «всег-

да при изложении какого-нибудь дела ляоские чиновники заставляли (чжурчжэньских послов) далеко стоять и докладывать, передатчики передавали. Часто передатчики передавали неправильно. Оу-цзун (Полашу) сам хотел пройти вперед, изложив им несправедливости. Первоначально не говорил верно передатчикам. Передатчики колебались, ничего не могли сделать, подвели вперед и заставили самому изложить все дело. Поэтому при помощи бирок из дощечек и камешков проверил дело и изложил его. Слушавшие чиновники были удивлены, спросили причину. Он очень вежливо **ответил**: «Невоспитан и некультурен, поэтому и поступил так». Чиновники приняли это за правду и повторно не подозревали его. Таким образом, все просьбы были по его желанию» (исполнены) [⁴¹²].

Полашу продолжал борьбу за подчинение чжурчжэньских племен. Ему снова пришлось сражаться с противником Хэлибо — Бэйнаем. Перед битвой с ним, говорит предание, он видел «удивительный сон», из-за которого поручил вести войска своим полководцам. Сойдя с коня, он призвал имя Хэлибо и сказал: «Если небо поможет, то мы будем начальниками племен, за сегодняшним делом наблюдают духи». Затем зажег траву в степи, которая запылала от сильного ветра, «дым поднялся до неба». Войска бросились на врага вслед за дымом и разгромили его. Бэйная захватили в плен, и он был представлен к даньскому двору как мятежник. Впоследствии, однако, Полашу «простили» его.

Но с некоторыми сопротивляющимися Полашу расправился жестоко. Так поступил он с Мачанем, который держался на реке Чжень-чжикай. Сначала были захвачены его подчиненные, их ограбили «не оставив горшков». Затем поймали Мачаня. Он был казнен, а его голову представили киданьскому двору. На третий год правления Полашу умер и его сменил Ингз, который сразу же вступил в борьбу с враждебными племенами.

Когда племена Хэшилэ на реке Синсян восстали против киданей и, убив ляоских посланников, ехавших по Соколиной дороге к морю за кречетами, загородили эту дорогу, император киданей приказал Ингэ выступить против них. Восставшие, «опираясь на естественные укрепления, загородили проход частоколом». Войска Ингэ взяли после осады их укрепление, освободили несколько ляоских послов, оставшихся в живых, и вернули их киданям. Затем восстали другие племена, обитавшие на границе с киданями и в других местах. Ингэ в союзе с киданями разгромил и умиротворил «разбойников».

Видя возрастающую силу Ингэ, кидани начали беспокоиться. Они приняли к себе вождя Асу, город которого Асу-чей был окружен войсками Ингэ и находился в осаде. Кидани послали даже к Ингэ послов с приказанием распустить войска и прекратить осаду. Когда ляоский посол прибыл, решено было обмануть его, переодев войска в

воинов, сидевших в осажденном городе. Хитрость не удалась, но Ингэ все же взял город штурмом.

Когда после взятия крепости по жалобе Асу снова прибыл киданьский посол Илэ, бывший цзедуши племени Си, он приказал освободить всех оставшихся в живых и захваченных в плен жителей Асу-чзна, а также выплатить вознаграждение в количестве нескольких сот лошадей за убитых.

Ингэ сказал на это, что если люди Асу будут освобождены и вознаграждены, то все племена перестанут выполнять приказы и распоряжения. Сам же, чтобы подтвердить справедливость этих слов, подготовил племена, жившие на реках Чжувэй и Сюда, загорить Соколиную дорогу. Когда это было выполнено, он велел цзедуши племени Бэгу • сказать, что ляосцы несут Ингэ. Ингэ двинулся в поход для мнимого умиротворения восставших племен и открытия Соколиной дороги, но вместо этого занялся облавной охотой и ловлей рыбы. Обманутый император Ляо поверил Ингэ и послал к нему послов с подарками отличившимся. Эти подарки Ингэ передал вождям племен Чжувэй и Сюда, которые выполнили его просьбу заградить Соколиную дорогу.

Так же коварно поступил Ингэ с чжурчжэньским племенем Адянь, которое послало к нему своего посла Вадали, предложившего вступить в союз и вместе нападать на Ляо. Ингэ выдал Вадали киданям и тем самым укрепил к себе их доверие.

Увидев его преданность, кидани привлекли Ингэ к участию в карательной экспедиции киданей против непокорного племени, во главе которого стоял Хайли. История чжурчжэней рассказывает, что к этому времени Ингэ приобрел более тысячи доспехов: «Число латников у нуйчжей впервые видели такое, обыкновенно оно не достигало тысячи». Когда кидани напали на войска Хайли, те устояли. Тогда Ингэ сказал киданьскому полководцу: «Уведи свои войска, я сам возьму Хайли». Получив разрешение, Ингэ атаковал врага и, пользуясь тем, что Хайли упал с лошади, раненный стрелой в голову, разбил его войска. После того голова Хайли была представлена киданьскому двору, а император принял Ингэ во время праздника Первой рыбы, хвалил за подвиг и повысил в чине.

Таким образом, Ингэ продолжал старую двойную политику своих предшественников по отношению к Ляо. Он всячески стремился показать себя лояльным сторонником и вассалом императора киданей, а вместе с тем, пользуясь поддержкой ляосцев, втайне усиливал свою власть над другими племенами чжурчжэней и наращивал, в противовес киданям, военную мощь.

С этой силой стала считаться и соседняя Корея: при Ингэ с ней были впервые установлены дипломатические связи. Что же касается

•отношений с другими чжурчжэньскими племенами и устройства внутренних дел, то, если верить истории чжурчжэней, Ингэ удалось окончательно преодолеть центробежные силы древнего племенного строя и подчинить непокорные племена. Ингэ начал с того, что отменил племенные «значки». «Произвольно устанавливаемые значки поставил в зависимость от закона. Начиная с этого времени, приказы и распоряжения весь народ слушал и не сомневался... В конце концов умиротворили всех отколовшихся и управляли при помощи законов племени». Это значит, что Ингэ заменил выборных старейшин своими уполномоченными и тем самым впервые заложил основу централизованного управления чжурчжэньскими племенами. Ингэ умер на двенадцатом году своего правления, в 1103 году.

При его преемнике, Уясу, старшем сыне Хэлибо, крепнувшее объединение чжурчжэньских племен выдержало серьезное испытание — ожесточенную, но, к счастью для него, кратковременную борьбу с корейцами. Уясу был вначале с корейцами в хороших отношениях, но потом начались расхождения, которые не смогли уладить мирным, дипломатическим путем. Причиной расхождений, по-видимому, было стремление Уясу подчинить пограничные с корейцами племена по рекам Субинь и У. Первыми отказались подчиниться Уясу племена реки У, которые перешли на сторону корейцев. Цзинь-ши рассказывает, что чжурчжэньский полководец разбил корейцев и «успокоил пограничное население». Но затем произошли новые события по реке Субинь (Раздольная): народ на реке Субинь не слушался приказаний. Вождь племени Ханго не пожелал явиться и выразить покорность, когда Уясу послал своих представителей, чтобы «собрать всех начальников и наставить их». Племена Вачжунь и Чжидэ явились, но затем «прибывшие опять убежали». Полководцы Уясу начали громить непокорных. Разгорелась кровопролитная война. В борьбу вмешались корейцы, которые, не желая выдавать убежавших к ним, построили девять крепостей, напротив которых чжурчжэни Уясу возвели девять своих крепостей.

При Уясу, на седьмом году его правления, в стране чжурчжэней был неурожай. Голодающие стали разбредаться в разные стороны, начались разбои и воровство. Аристократия чжурчжэней и богатые люди пытались ввести смертную казнь за воровство, но это им не удалось. Взамен смертной казни было приказано брать штраф за украденное, превышающий в три раза стоимость украденного, но и это не помогло. Голодающие продавали жен и детей в рабство богачам. В конце концов все платежи были отсрочены на три года, и народ успокоился.

Уясу умер в возрасте 53 лет, на одиннадцатом году своего правления. Завершение борьбы за единство чжурчжэней выпало на долю внука Угуная, Агуды, который прославился своими военными подвигами. Мальчиком, еще при жизни своего отца, Агуда участвовал в битвах и

однажды был ранен. Предание рассказывает, что отец взял раненого Агуду на колени и, лаская, сказал: «Если вырастет это дитя, я буду извлекать от всех забот».

Агуда вскоре стал лучшим стрелком племени, выпуская без промаха одну стрелу за другой в летящих птиц. Своим искусством стрельбы он поразил послов Ляо, выстрелив в цель на 320 шагов, чего не смог сделать никто другой. В 23 года Агуда шел в битвы без шлема и без лат, чем поражал окружающих.

Он привлек к себе сердца рядовых чжурчжэней тем, что во время голода при Уясу решительно выступил против смертной казни, грозившей голодающим за воровство пищи у богатых.

Как рассказывает легенда. Уясу перед смертью видел во сне волка, в которого было выпущено множество стрел, но ни одна стрела не ранила его. Агуда же прострелил волка с одного выстрела!

В образе этого легендарного волка, по-видимому, подразумевалась империя Ляо, которую и ниспроверг затем Агуда.

Если предки Агуды приспособлялись к политике Ляо и раболепно служивали ляоским императорам, то он решил открыто выступить против них. Иного пути не было, так как кидани, издавна считавшие, хотя и без достаточных к тому оснований, чжурчжэней своими подданными, стояли на пути к их государственной консолидации, и борьба была неизбежна — решительная борьба не за жизнь, а за смерть.

Агуда бросил вызов императору Ляо в 1112 году во время торжественного собрания киданьской знати и князей подвластных империи племен, по случаю ежегодного праздника Первой рыбы. Праздник этот устраивался на льду реки. В нем прорубали лед и удили рыбу. Затем, во время пира, вожди зависимых племен должны были по очереди плясать перед императором, выражая тем самым свою покорность. Этот древний ритуал, унижительный для вождей покоренных и зависимых племен, был своеобразным триумфом киданьских властителей и проводился с большой пышностью при стечении толп народа, в праздничной обстановке.

Летопись рассказывает, что император киданей во втором месяце 1112 года выехал в префектуру Чун[^] и остановился на реке Хун-тун, где и состоялось празднование Первой рыбы. Вожди диких нюйчжи, живших в тысяче ли за границей, пришли на аудиенцию к нему в согласии со старым обычаем. Случилось, что в это время был устроен праздник Первой рыбы. Когда достаточно выпили, император влез на повозку и приказал всем вождям, одному за другим, плясать. Агуда отказался сделать это, ссылаясь на неспособность плясать. Разгневанный неповиновением Агуды полупьяный император Ляо снова приказал ему плясать. Но Агуда, стоя перед императором и глядя ему в глаза, снова отказался. Вызов был брошен.

Начиная борьбу с империей Ляо, Агуда, конечно, рассчитывал не только на свои собственные силы, но и на глубокую ненависть к киданям подвластных им многочисленных народов. Важным мероприятием Агуды, снискавшим ему широкую популярность среди народа, была отмена долгов и долгового рабства.

В 1114 году он приказал войскам ковать оружие, укрепить и закрыть важнейшие проходы в горах, усилить обороны крепостей и быть готовыми к борьбе против киданей, император которых Тянь-цзо (1011—1125) вел беспечную жизнь и не интересовался делами государства. Поводом для войны послужили, во-первых, факты насилия киданьских послов, ездивших по Соколиной дороге к морю, а во-вторых, бегство к киданям «взбунтовавшегося» против Агуды племенного вождя Асу.

Агуда собрал на реке Лалинь 2500 воинов и разбил на границе выступивший против него киданьский отряд. Император киданей, сначала не придававший значения усилению Агуды, после битвы на реке Лалинь понял, какая опасность грозит империи. За первым поражением киданей последовали новые. Разбив киданей на реке Лалинь, Агуда подошел к киданьскому городу Нанцзянчжоу, который находился на восточном берегу реки Кутуньцзяна, к северу от современного Гирина. В 1114 году Агуда взял этот город, а затем одержал победу на той же реке над отборными войсками Ляо во главе с главнокомандующим министром Сяо-фын-сянем.

Рассказывается, что перед сражением Агуда воззвал к небу и земле и перечислил обиды, которые ему нанесли кидани. Затем он обратился к своему войску со словами: «Если вы будете храбро драться, то рабы станут свободными, свободные — начальниками, начальники получают высший ранг». Кончив речь, говорит легенда, Агуда выстрелил из лука, пламя выбилось из-под его ног и загорелось на копьях воинов чжурчжэней.

Кидани были разбиты. Растерявшийся император Ляо простил бежавшие с поля боя войска, но это только способствовало дальнейшей деморализации ляоской армии, увидевшей, что выгоднее капитулировать и отступить, чем сражаться. Узнав, что киданьские войска разбиты, племена северо-восточных областей империи поспешили отколотиться от ненавистных им угнетателей и перешли на сторону Агуды. Перешел к «ему и князь Ха, который заведывал у киданей всеми войсками востока. У Агуды вскоре оказалось 10 тысяч воинов, и он в начале 1115 года принял императорский титул, а свою династию назвал Цзинь («Золотая» династия), по-маньчжурски Айжинь, в отличие от «железной» династии киданей Ляо.

Летопись приписывает ему по этому поводу слова: «Хоть железо Бинь-чжоу и прекрасно, оно ржавеет и может быть изъедено ржавчи-

ной! Только золото не ржавеет и не может разрушиться. Сверх того, род Ван-ян, с которым я связан через вождя Ханьбу, всегда любил блестящие цвета вроде золота, и я решил взять это название для моей императорской фамилии. Поэтому я даю ей имя «цзинь», что значит золото»^[413].

За первыми успехами Агуды последовали новые. Двор Ляо после катастрофы на реке Лалине, пытаясь избежать войны, послал к Агуде послов с миром, но это только укрепило Агуду в его решимости разделиться с киданями.

После того, как он разбил ляоское войско около города Дарок, против него был вынужден выступить сам император Ляо. История чжурчжэней рассказывает, что, взойдя на холм, чтобы принести молитву небу, Агуда увидел войска киданей, скопившиеся, как густые темные облака, но Агуда подавил страх и начал битву. Сначала кидани дер* жались стойко, особенно на правом фланге. Девять раз чжурчжэни пытались сломить врага, но все было напрасно. Однако на следующий день в войске киданей вспыхнул мятеж, и император покинул его. Воспользовавшись смятением, Агуда напал на киданей, разгромил их и захватил весь лагерь.

Вскоре вспыхнуло восстание и на старой бохайской земле. Агуда немедленно направился туда и, разбив при помощи поселенных на южной дороге нуйчжэй некоего Юн-чана, объявившего себя императором, овладел всей Маньчжурией.

К 1118 году Маньчжурия была очищена от киданей, за которыми остались только Монголия и север Китая. В течение двух лет Агуда занимался реформаторской деятельностью. Он организовал управление, создал пышный двор по китайскому образцу, реорганизовал армию, учредил военный совет, ввел чжурчжэньскую письменность. Затем он продолжал борьбу с Ляо, на этот раз при содействии сумского Китая. Агуда условился с Китаем, что сунский двор получит старые китайские земли, захваченные ранее киданями, а чжурчжэни будут владеть Монголией и Маньчжурией. Кроме того, сунский двор должен был одаривать Агуду теми же подарками, что и киданей, то есть фактически платить дань.

Император киданей пытался заключить мир с Агудой и семь раз посылал к нему послов. Он предлагал мир на следующих условиях: Агуда должен был почитать императора Ляо как старшего брата, платить ежегодную дань и бывать ежегодно в средней столице, разрешать проход его яо'слам в Ся, в сунский Китай и Корею, а также отдавать своих детей в заложники. В 1119 году император Ляо утверждает Агуду в сане императора и посылает ему императорскую печать. Но Агуда решил продолжать борьбу до окончательной победы.

В 1120 году Агуда взял штурмом верхнюю столицу киданей, Хуанлун-фу. В 1122 году *чжурчжэни захватили много других городов, подчинившихся киданям. Тогда был пойман и казнен старый враг чжурчжэней—Асу. За верхней столицей киданей под ударами чжурчженей пала их средняя столица, Дай-дин-фу. По случаю этих успехов Агуда велел освободить людей, заточенных в тюрьмах, и дал разрешение на выкуп тем, кто из-за нужды продал себя в рабство.

В результате успешных действий войск Агуды против киданей империя Ляо распалась на две части, с двумя императорами, старым и новым. У старого императора остались земли к северу от Шамо, новый император Чунь владел южными землями. Дни империи Ляо были сочтены, и ей не смогли даже помочь войска тангутского царства Си Ся, выступившие на защиту киданей. Чжурчжэни разбили тангутскую армию, а затем взяли остальные две столицы Ляо, в том числе Пекин. Остатки киданей, не желавших подчиниться Агуде, ушли на запад, где организовали государство западных киданей, или каракитаев, просуществовавшее до 1204 года.

Таким образом, в течение одного десятилетия чжурчжэни под предводительством Агуды разрушили грандиозную империю киданей, простиравшуюся от Тихого океана до Керулена и располагавшую мощной армией. «Сколь громко было возвышение киданей, столь же внезапно совершилось и их падение.., когда ньючжисцы свободно проникли внутрь их владений и от одного их крика распалось здание их монархии», — говорится в «Ляо-ши» о бесславном конце «железной» династии.

Агуда умер в 1123 году, оставив после себя огромную империю. В состав Цзиньского государства входили Маньчжурия, Северный Китай и значительная часть Монголии.

Агуду наследовал его младший брат Укимай (1123—1135 годы), который расширил границы государства на юг до старого устья реки Желтой. Завершая разгром киданей, он захватил в 1125 году последнего императора Ляо. При Укимае произошел пограничный инцидент с корейцами, которые захватили два чжурчжэньских судна, экипажи которых ловили тюленей и соколов у берегов Кореи. Но Укимай оставил его без внимания.

Иначе сложились отношения с Китаем. Конфликты с Китаем начались у чжурчжэней при Агуде. Агуда сначала возвратил сунской династии часть китайских земель, Пекин и подчинившиеся ему шесть округов, захваченных киданями. Сунский двор взамен обязался платить чжурчжэням 400 тысяч связок монет, которые он выплачивал раньше киданям, и сверх того еще 100 тысяч связок, отправлять посланников для поздравления чжурчжэньского императора в новый год и в день рождения, а также открыть регулярную торговлю.

Вступив на престол, Унимаи начал наступление на Северный Китай. Один его полководец, Чжаньмоха, вышел из Юньчжоу и окружил главный город провинции Шаньси, Тай-юань. Другой полководец чжурчжэней, Ханьлибу, вышел из Пиньчжоу и напал на Пекин. Вскоре чжурчжэни овладели Пекином с прилегающими к нему уездами. С падением Пекина им открылась дорога и дальше в глубь Китая. Потрясенный катастрофой, сунский император Хой-цзун (1101—1125) отказался от престола в пользу сына. Войска Ханьлибу двинулись к столице Сунской империи Ло-яну. Китайские войска при их приближении разбежались без боя. Мост через Хуан-хэ был сожжен, но чжурчжэни переправились через реку на лодках и затем взяли Хуан-чжоу. Затем чжурчжэни окружили столицу Бянь (современный Кай-фын-фу) и продиктовали сунскому двору свои условия мира. Сунский император должен был отныне признать себя стоящим ниже чжурчжэньского императора и именовать властителя чжурчжэней дядей, а себя племянником.

Китайцы должны были отдать цзиньцам три пограничных чжэня, то есть ведомства, включившие почти всю провинцию Шаньси и Чжили — вплоть до Хуан-хэ и выплатить огромную контрибуцию: 5 миллионов лан золотом, 50 миллионов лан серебром, 10 тысяч голов скота, 1 миллион кусков шелковых тканей.

Сунский двор согласился на все. Как ни старались китайские чиновники обобрать жителей столицы, они собрали только 200 тысяч лан золота и 4 миллиона лан серебра. Тем временем их 200-тысячное войско направилось против 60 тысяч чжурчжэней. Узнав об этом, Ханьлибу потребовал отставки китайских полководцев, и сунский двор пошел на это. Ханьлибу, забрав все, что удалось собрать в китайской столице сунским чиновникам в счет контрибуции, двинулся в обратный путь.

Китайский двор, но словам В. П. Васильева, «отпраздновал удаление цзиньцев как победу», однако другой чжурчжэньский полководец, Чжаньмоха, решил, что условия, на которых Ханьлибу заключил мир, не удовлетворяют его и вновь двинулся на Китай. Сунский двор направил против него свои войска. Чжаньмоха сначала отступил перед ним. Но вскоре китайские войска были разбиты под Тай-юанем и рассеялись, а оба чжурчжэньских полководца вновь двинулись на Китай. Пал Тай-юань. Сунский двор пришел в такой страх, что вообще запретил нападать на чжурчжэней и собирать войска в столице, чтобы не вызывать гнева врага.

Дело кончилось тем, что чжурчжэни, захватывая один город за другим, дошли до столицы, окружили ее и ворвались в город. Сам император явился в лагерь победителей и согласился отдать им все земли на север от Хуан-хэ. Чжурчжэни потребовали новую огромную контри-

буцию, и в 1127 году, пленив обоих императоров, пошли обратно, захватив с собой все дворцовое имущество, в том числе императорские носилки, платье, драгоценности, карты империи, библиотеки, евнухов и мастеровых. После ухода чжурчжэней императором Китая стал последний император. Так началась южная сунская династия;

Между тем борьба чжурчжэней с Китаем продолжалась. Чжаньмоха снова двинулся на юг. Новый сунский император оставил свою столицу Яньчжоу и удалился сначала в Нанкин (Чженцзян), а оттуда в Хаячжоу (в Чжэцзяне). Чжурчжэни сожгли Яньчжоу, не приняв предложенного сунским двором мира. Они захватили все четыре сунские столицы. Император бежал от них сначала в Юэчжоу, затем в Миньчжоу, откуда на остров Дан-хай и, наконец, в Вэньчжоу. Во время переправы войск через Янцзыцзян чжурчжэньского генерала Учжу постигла неудача, так как сунский полководец Ханши-чжун направил против него военный флот. Учжу помогло только отсутствие ветра. Корабли Ханьши-чжуна не могли маневрировать, и Учжу сжег их при помощи огненных стрел. Переправившись через реку, он все же не решился идти вперед и отступил. На обратном пути чжурчжэни потерпели поражение от знаменитого сунского полководца: Юэ Фэя.

Стремясь ослабить Китай междоусобной борьбой, чжурчжэни создали к югу от Хуан-хэ в Шаньдуне и Шэньси буферное государство во главе с Лю Юйем, бывшим правителем города Цза-нянь-фу. Лю Юй в 1130 году был объявлен императором новой династии Ци. Он согласился, в знак зависимости от чжурчжэней, именовать себя сыном императора Цзинь и принял чжурчжэньский календарь. Лю Юй пытался впоследствии вести войну с сунской династией, но она была для него неудачной и после смерти своего покровителя Чжаньмоха он был низложен с престола, а его династия перестала существовать.

Одновременно шла упорная борьба чжурчжэней с сунской династией на западе, в Шэньси.

Борьба эта имела важное значение, так как находящиеся здесь китайские войска отвлекли на себя войска чжурчжэней с юга империи, где решилась судьба Китая. Кроме того, провинция Шэньси закрывала дорогу в провинцию Сычуань, которая, по словам В. П. Васильева, «по своему плодородию стоила половины всех прочих владений сунского двора». Борьба шла с переменным успехом и хотя китайцы потеряли три дороги: Цинь-фым, Си-хэ и Юн-син, они все же не пустили чжурчжэней в Сычуань.

В 1134 году Укимай умер, и его сменил на престоле империи Цзинь Холу (1134—1149) внук Агуды. При нем открылся заговор Чжаньмоха, который вынужден был отравиться.

Холу сначала заключил в 1139 году мир с сунским Китаем, но в 1140 году снова началась война.

Целью чжурчжэней был захват исконно китайских земель Хэнани, Шэньси и Шаньдуня. Однако чжурчжэни натолкнулись на упорное сопротивление китайских войск во главе с Юэ Фэем. В 1140 году Юэ Фэй одержал ряд побед и освободил несколько городов, в том числе западную столицу (Си-цзин) и Хэнань-фу. Разбив виднейшего чжурчжэньского полководца Учжу, Юэ Фэй осадил его в городе Бянь-цзинь. Эти победы над казавшимися непобедимыми чжурчжэньскими армиями произвели огромное впечатление на китайцев и на самих чжурчжэней: «сунская династия готова была возвратить все, некогда отнятое у нее цзиньцами, дух возмущения отразился и на севере от Хуань-хэ, и на юге от Пекина. Никто; не хотел повиноваться цзиньцам. Среди передававшихся Юэ Фэйю было множество даже из цзиньских генералов [414]. Но сунский двор, запуганный чжурчжэнями, испугался побед Юэ Фэя. Чтобы не раздражать чжурчжэней, они вернули войска Юэ Фэйя назад. Все отвоеванное им было возвращено обратно Цзиньской империи, а сам Юэ Фэй был арестован и отравлен.

Сунский император хотел договориться любой ценой о мире с чжурчжэнями. Он приблизил к себе Цин-хуай, ревностного сторонника мира и капитуляции перед чжурчжэнями: «Из-за одного, усилил его склонить императора к миру он сделался ненавистным в глазах китайцев; однако как желал этого сам император, можно видеть из того, что Цин-хуай удержался посреди всех воплей воинственной партии и занимал первое место в империи» [416]. В результате деятельности Цин-хуай'я в 1141 году мирный договор был заключен, по которому границей, разделяющей Чжурчжэньскую и Китайскую империи, стала река Хуай. Сунский двор должен был ежегодно платить цзиньцам по 250 тысяч лан серебром и столько же кусков шелка. Сунский император должен был отныне называть себя подданным чжурчжэньского государя. Со своей стороны чжурчжэни вернули гробы умерших в плену китайских императоров и императриц.

Холу под конец правления вызвал глубокое недовольство приближенных своей жестокостью. Он казнил их за малые вины, собственными руками убил жену и брата. В 1149 году внук Агуды Дигунай возглавил заговорщиков против Холу, который и был убит. Дигунай был провозглашен императором.

Но скоро Дигунай (1149—1161) восстановил против себя аристократию своей жестокостью. В 1150 году после раскрытия заговора против него он приказал казнить 70 сыновей и внуков Укимая и 30 потомков Чжанмоха и других высокопоставленных чиновников.

В 1159 году Дигунай начал грандиозные приготовления к войне с Китаем: приказал построить военные суда, собрал огромное войско из чжурчжэней, китайцев, киданей и хисцев, затребовал почти всех лошадей в империи. Эти приготовления привели к большим опустоше-

ниям в хозяйстве страны, поля лежали необработанными, люди впали в бедность. Вскоре вспыхнуло восстание киданьских племен, не желавших идти на войну. Это не остановило Дигуная. В ярости он приказал убить 130 человек из высшей киданьской аристократии, а также лиц, родственных сунским императорам, а затем выступил в поход.

Войска не были обеспечены провиантом, и пищу солдаты добывали прямо с крестьянских полей. Армия его представляла собой огромную банду разбойников. В Шаньдуне войска Дигуная понесли поражение и вынуждены были отступить. Тогда Дигунай приказал убивать всех сторонников мира. При этом он уничтожил даже королеву-мачеху. Затем войска Дигуная перешли Хуан-хэ. Китайцы разбили и сожгли его флот огнемётными машинами. Флот горел на реке четыре дня. Это не остановило Дигуная и он двинулся дальше в глубь Китая, к Янцзыяну. Здесь его снова встретили китайцы, сжегшие еще триста судов, приготовленных для переправы. Дигунай велел казнить офицеров флота, если они через трое суток не обеспечат переход через реку.

В это время пришло известие, что в восточной столице вспыхнуло восстание, во главе которого стоял другой виук Агуды, Улу, провозгласивший себя императором. Дигунай, повернувший войска обратно, чтобы расправиться с восставшими, был убит недовольными им военачальниками. Летопись рассказывает, что ранним утром к его шатру пришло много военачальников. Дигунай подумал, что это китайцы. Но когда прилетела стрела, он схватил ее и узнал, что она пушена его людьми. Вторая стрела пригвоздила Дигуная к земле, а затем его зарубили саблей. Труп его был сожжен. Узнав о гибели Дигуная, войска занялись разбоем, а затем ушли обратно на Север.

Новый император Улу, правивший 28 лет, был одним из самых деятельных правителей чжурчжэней. После прихода к власти он подавил восстание киданей, а в 1163 году продолжил старую войну с китайцами. Борьба шла с переменным успехом; китайцы не раз одерживали победы над чжурчжэнями. Но на смену разбитым войскам шли новые армии, и в конце концов китайский император решил заключить с чжурчжэнями мир. Иного выхода не было, так как в 1165 году китайская армия потерпела полное поражение в битве при Хоай-Яне. Улу пошел навстречу пожеланиям китайцев, и мир был заключен на основе условий 1141 года, даже несколько смягченных, так как дань была уменьшена до 100 тысяч таэлей серебром.

Улу стремился к миру и с Кореей. Когда один из наместников Кореи восстал и перебежал к чжурчжэням, он выдал его корейскому правителю.

Стремясь усилить мощь государства, Улу с большой энергией занимался устройством внутренних дел. Он всеми мерами старался поддержать и развить в чжурчжэнях национальный дух. С этой целью он

повелел соорудить памятники заслуженным мужам прошлого, много сделавшим для возвышения Цзиньской империи, и установить их в храме цзиньского Тайцзу, то есть Агуды — основателя династии. Стремясь воспрепятствовать китаизации чжурчжэней, Улу запретил употреблять китайские фамилии, носить китайское платье, подносить подарки к дню рождения, велел перевести на чжурчжэньский язык китайские книги. В 1184 году, находясь в верхней столице (Шан-цзин), он в пример князьям и чиновникам¹ пел радостные песни на родном языке. Улу часто укорял князей за расточительность.

Предчувствуя, каким образом может пасть династия, он пытался воспитать в народе воинственность. Облекая князей властью военачальников-минганей, велит им учиться воинскому искусству, производит переселение в столицу наиболее отличившихся храбростью войск и запасаает провиант.

Улу наследовал его внук, Мадагу (1181—1208). При нем снова началась война с китайцами, которые продолжали борьбу за свои земли. Сначала «для возбуждения воинственного духа» китайцев был разжалован Цан-хуай, заключивший ненавистный мир с цзиньцами, а герой борьбы с чжурчжэнями Юэ Фэй был посмертно титулован. В 1206 году китайцы переправились через Желтую реку и взяли несколько городов, но чжурчжэни перешли в контрнаступление и, победив китайцев, потребовали голову воинственного китайского министра. Получив ее, чжурчжэни выставили голову на всеобщее позорище. Приказано было даже написать картины, чтобы увековечить это событие.

Мадагу, умершего в 1208 году, сменил потомок Укимая, Вэй-Шао ван (Юнь-цзи), правивший пять лет, с 1209 по 1213 год. При нем началась война с монголами, кончившаяся катастрофой, гибелью чжурчжэньской династии и государства Цзинь. В то время, пока чжурчжэни и сунский Китай воевали, десятилетиями взаимно истощая друг друга, над ними собирались тучи. В степях Монголии и Забайкалья по Онону издавна кочевали скотоводческие племена татань, или татар. В «Цзиньго-чжи» о их происхождении говорится, что они были потомками мохэцев и жили у гор Иньшань. Татань делились в танекое время и после на две группы. Жившие поблизости к Китаю назывались образованными. Они занимались земледелием и приготавливали еду на огне. Племена, отдаленные от Китая, назывались дикими. Они занимались только охотой, наконецники стрел делали из кости, потому что в их земле не было железа. После возникновения чжурчжэньского государства Цзинь, когда «цзиньцы завладели землями на восток от Хуан-хэ, железо и медь перешли к татаням, и они наделали себе оружия» [¹⁴⁶].

Китаец Мэн хун, участвовавший вместе с войсками монголов в разгроме Цзиньской империи и осаде Цай-чжоу, в своих записках омон-

голо-татарах (Мэн-да-бэй-лу) писал, что страна татар богата водой и травой и способна для воспитания баранов и лошадей, которые и составляют источник пропитания татар. По его словам, они, отправляясь в дорогу или возвращаясь домой, только и знают, что пьют кобылье молоко или убивают баранов. На одну лошадь у них приходится 6—7 баранов. В походах татары охотятся: стреляют зайцев, оленей, кабанов. Кое-где в стране сеяли просо: «в их стране также родится в одном или двух местах черное просо, которое ташке варят для кашицы».

Татары были вооружены луком и стрелами, древки которых делались из тальника; их «сабли весьма легки и тонки, они выгнуты». Они «родятся и вырастают на седле и на лошади, они сами собой выучиваются сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проходит на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все конница; войска у них может набраться несколько сот тысяч» [417].

В начале XIII века после упорной и кровопролитной межплеменной борьбы среди татар возвысился Темучин, сын Есукея, простого десятника одного из степных правителей, кераитского Ван-хана, который сам считался вассалом чжурчжэньского императора, так как принял от него ханский титул. Расправившись с враждебными найманскими племенами, Темучин в 1206 году на вершине Онона, в урочище Делюн-Болдок, собрал старшин родов и племен, поднял девять белых знамен и объявил себя ханом. С тех пор он стал называться Чингисханом, а его народ — монголами, по имени древнего племени, обитавшего ранее к северо-востоку от чжурчжэней и славившегося своей силой и воинственностью. Объединенные вокруг Чингисхана монгольские племена стали грозной силой. Они направились сначала на соседнее тангутское государство Си Ся (западные Ся), а затем на Цзиньскую империю.

С цзиньцами у монголов были старые счеты. Мэн-хун рассказывает, что будто бы еще при Улу (1161—1189 годы) было предсказано, что «настоящее правительство, теснимое татарами, не найдет себе убежища». Улу, услышав об этом, приказал своим войскам раз в три года отправляться на север, чтобы истреблять и грабить татарские кочевья. Это называлось набором и истреблением рабов. «Поныне еще в Китае все помнят, — писал Мэн-хун, — что за двадцать лет перед этим, в Шаньдуне и Хэ-бее в каждом доме были рабы — татарские девочки и мальчики — все захваченные в плен войсками. Те, которые в настоящее время у татар вельможами, тогда, по большей части, были уведены в плен и жили в цзиньских владениях» [418]. Татары ежегодно платили дань чжурчжэням, а те принимали ее за границей, не допуская татар в пределы Цзиньского государства. «Татары убежали в Шамо, и мщение проникло в их кости и мозг» [419].

В 1210 году начался конфликт монголов с чжурчжэнями. Инициатором конфликта выступил Чингис. Он первый бросил вызов чжурчжэням.

В китайских источниках говорится, что отправленный в Цзинь-чжоу для получения дани от Чингисхана князь Юнь-ци был встречен без должного почета. Кроме того, монгольский полководец Чжебэ вторгся в пределы Цзиньского государства и напал на пограничное укрепление Ву-ша-пху, только что построенное для защиты от монголов.

По воцелествии на императорский трон Юнь-ци к Чингисхану прибыл новый посланник с указом, в котором сообщалось о вступлении Юнь-ци на трон. Когда посол потребовал поклонения, Чингисхан обратился лицом на юг и, плюнув, сказал: «Я думал, что какой-либо необыкновенный человек сел на престол в Чжунюань, а сей слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклонения». Затем Чингис тотчас сел, на лошадь и ускакал. После этого с обеих сторон начались военные приготовления, а монголы стали нападать на северо-западную границу империи Цзинь^[420].

В 1211 году чжурчжэньский генерал Нахата-Майчжу, охранявший северную границу, сообщил, что монголы «беспрерывно куют стрелы и делают щиты. При окопах велят мужчинам возить телеги, а лошадей берегут. Что же имеют в виду, как же нападение на нас?» Чжурчжэньский император не поверил его словам и посадил Нахата Майчжу з заточение, как виновного в пограничных столкновениях. Но вскоре сам Чингис повел армию на чжурчжэней, а Чжебэ взял штурмом укрепления Ву-ша-пху и Ву-юе-инь. Чингисхан разбил чжурчжэньское войско на реке Хой-хэ-чуань и дошел до западной столицы. Во главе гарнизона столицы был Хушаху, который «пришел в страх». Бросив город, он пробился со своим гарнизоном через монгольские войска и ушел, преследуемый неприятелем. После его бегства вся северо-западная часть империи досталась монголам.

В том же 1211 году цзиньские войска в количестве 400 тысяч конников и пехотинцев были наголову разбиты на берегах реки Хой-хэ-пху. В 1212 году войска Чингиса взяли Чао-чжоу, Хуань-чжоу и Фу-чжоу. Осенью монголами под предводительством Чингиса была осаждена западная столица. Осада вначале была безуспешной, а сам Чингис во время штурма был ранен стрелой. Зимой, однако, Чжебэ снова напал на город и взял его.

В 1213 году борьба продолжалась. Монголы брали один город за другим, уничтожая всех сопротивлявшихся, вырубая поголовно население целых городов, не желавших сдаваться без боя. Успешному продвижению монгольских армий способствовали измены ряда военачальников, особенно киданей, и смута при чжурчжэньском дворе, в результате которой произошел дворцовый переворот. Хушаху, которого император сместил в 1212 году и выслал на родину, был возвращен ко двору и поставлен во главе армии. Однако он, затаив месть, решил захватить власть и убить императора, что ему и удалось сделать. Заняв дворец,

он присвоил императорскую печать и объявил себя правителем государства и верховным вождем армии. На трон Хушаху возвел брата императора Удабу.

Вскоре погиб и сам Хушаху, убитый полководцем Гао-ци, которому грозила казнь за проигранное сражение. Хушаху, отправляя его в бой, сказал: «Если не победишь, то отсеку тебе голову». Разбитый монголами, Гао-ци велел своим солдатам окружить дом Хушаху в Пекине. Хушаху пытался бежать, но, перелезая через стену, запутался в одежде и упал. Солдаты Гао-ци отрубили ему голову.

Пользуясь деморализацией противника, Чингисхан разделил свою армию на три части и начал генеральное наступление. Одна армия, во главе которой стояли царевичи Чжуги, Чагатай и Угэдэй, пошла на юг. Младший брат Чингисхана Хачжар и другие полководцы направились по морскому берегу на восток. Сам Чингис и Тулай двинулись средней дорогой по направлению к средней столице, Пекину. Монголами были взяты почти все города, находившиеся к северу от реки Желтой, кроме десяти, в том числе и средняя столица. Монгольские военачальники сгоняли население из пригородов и использовали его для штурма городов: «так с противных сторон, — говорит летопись, — отцы унавали сыновей, старшие братья зывали к младшим. ;По сей причине никто не имел твердости защищаться, и города при первом прибытии войск сдавались» [421]. Так было разорено монголами около 90 областных городов. В Хэбэе, Хунани и Шаньдуне «на нескольких тысячах ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони, все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины» [422].

Весной 1214 года монголы обложили Пекин. Приближенные Чингиса просили его взять город штурмом. Чингис поступил по-своему. Согласно летописи, он послал посла к цзиньскому императору со словами: «Твои провинции и уезды в Шаньдуне и Хэбэе все в моей власти, у тебя остался только Пекин. Небо уже привело тебя в бессилие и если еще буду теснить тебя, то и сам должен я опасаться небесного гнева. Теперь иду я в обратный путь: хочешь ли угостить мои войска, чтобы укротить гнев моих генералов?» [423].

На самом деле причина мягкости Чингиса заключалась, как говорил своему императору цзиньский министр Гао-ци, в том, что солдаты и лошади монголов были изнурены и нуждались в отдыхе. Но его предложение, дать решительное сражение и разбить монголов под стенами Пекина, было отклонено.

Выполняя волю Чингиса, цзиньский император отдал за него дочь Юн-ци. В приданое с ней были посланы по пятьсот мальчиков и девушек, три тысячи лошадей, золото и дорогие ткани.

Отступив от Пекина, Чингис приказал умертвить несколько сот тысяч пленных молодых мужчин и женщин.

После ухода Чингиса цзиньский император покинул обреченный, по его мнению, Пекин и перенес свою резиденцию в Бянь (Кайфын-фу). В Пекине остался только наследник престола, но и тот вскоре покинул город. Переход двора в Бянь послужил поводом для начала нового похода войск Чингиса на юг. На этот раз ему снова помогли смуты внутри Чжурчжэньского государства. В 1215 году Пекин пал. Все богатства города и сокровища императорской казны достались монголам. Множество жителей было перебито. Дворцы сожжены.

В последующие годы монголы под предводительством Мухури, назначенного наместником в завоеванных у цзиньцев землях, преодолевали упорное сопротивление отдельных чжурчжэньских городов и армий. К этому времени относится выступление против цзиньцев недалеко от сунского двора, не подозревающего, какая печальная участь ожидает Китай после уничтожения Чжурчжэньского государства. Впрочем, все предпринятые сунскими войсками попытки сломить сопротивление чжурчжэней, оказавшихся между двух огней, и вернуть обратно китайские земли, были неудачны.

Решающее значение для дальнейшего хода событий имело то обстоятельство, что главные силы монголов после отарского инцидента 1218 года⁵², были отвлечены на запад и это на время облегчило участь цзиньцев. Чингисхан даже предложил чжурчжэням мир с тем, чтобы их император остался только правителем в Хэнани. Согласно летописи, Чингисхан сказал: «Если дзерены и олени внутри облавной площади уже нами пойманы, а остался один заяц, для чего бы не пустить его?» Но предложение Чингиса не было принято, и война продолжалась. •

В 1223 году на 61-м году жизни умер чжурчжэньский император Удабу, на престол вступил его сын Нингясу — последний император цзиньской династии (1223—1234 годы).

В 1227 году умер Чингисхан. Последнее, что сделал умирающий Чингис, было завещание — покончить с исконным врагом — чжурчжэнями. Он предложил монгольским предводителям план разгрома чжурчжэньских армий при помощи сунского двора. Лучшие войска чжурчжэней, сказал Чингис, находятся в Дун-гуане. Они защищены с юга горами, на севере они укреплены великой рекой. «В сей позиции трудно разбить их. Нужно испросить проход через Сун. Сия держава, будучи в вечной вражде с ньюйчжэнями, легко согласится на предложение наше». Монголы должны идти на Денчжеу, Дынчжеу и Даян. Чтобы спасти эти города, чжурчжэньская ставка потребует войска из Дун-гуана. Но эта армия будет изнурена длительным переходом и ее нетрудно будет разбить. «После сих слов скончался» — говорится о Чингисе в «Гань-му»^[424].

В 1228 году чжурчжэнскому полководцу Ваньян-Чен-хо-шану удалось с четырьмястами конных воинов из уйгуров, маней, тангутов, тогонцев и беглых китайцев разбить восьмитысячный монгольский корпус, вторгшийся в Даганюань. Эта победа, по словам «Гань-му», «пробудила мужество в нюнчжэнских войсках, ибо со времени нашествия монгольского в продолжение 20 лет еще в первый раз одержали победу». Стремясь достичь мира с монголами, правительство чжурчжэней прислало в 1229 году послом Агудая с приношением к погребению Чингисхана. Сменивший его на престоле Угэдэй не принял приношений, сказав: «Твой государь долго не покоряется и принудил покойного хана состариться на войне, чего я не могу забыть. К чему посылать приношения к погребению?» Не принято было Угэдэем и второе посольство чжурчжэней. Война продолжалась.

В 1230—1231 годах был предпринят новый поход монгольских армий во главе с Субудаем на юг. В походе участвовали также сам Угэдэй, его брат Тулуй и сын Мункэ. Монголы вторглись в Шэньси, прошли в Сычуань и, взяв ряд городов, окружили Ло-ян и Бянь, где в это время находился император. Чжурчжэни сражались с ожесточением, но военное счастье окончательно изменило им: поражение следовало за поражением. Наспех собранные и плохо вооруженные войска, в том числе оторванные от полей и стремившиеся вернуться поскорее домой крестьяне, не могли противостоять напору неприятеля.

Один за другим погибли лучшие полководцы чжурчжэней, в том числе знаменитый Ваньян Ченхошан. После несчастной битвы под Цзинь-чжоу он скрылся в тайном убежище, но затем вышел и потребовал встречи с Тулуем. «Я генерал Ченхошан, — сказал он Тулюю. — Победы в Да-чан-юань, Вэй-чжу и Дао-хой-гу мною одержаны». Монголы убеждали его покориться, но Ченхошан сказал, что не желает быть изменником и предпочитает измене смерть. Ченхошану отрубили ноги, разрезали рот до ушей, но он, изрыгая кровь, кричал: «До последнего дыхания не унижусь!» Некоторые монгольские полководцы, говорили ему: «Славный воин! Если ты некогда переродишься, то удостой родиться снова на иашей земле!»^[425].

Другие цзиньские полководцы, напротив, изменяли родине. Комендант Дун-гуана сдался монголам, открыв им дорогу в глубь страны. Чжурчжэни отступили на юго-запад. По дороге в горах, «посреди льдов и снегов» многие офицеры взбунтовались. Узнав об этом, монголы ускорили преследование. Во время отступления «по горным дорогам, лежащие снега от дневного солнца таяли, следовавшие за войсками женщины и девицы, идучи по колено в грязи, бросали старых, малолетних. Горы наполнялись плачем и воплем». У горы Те-лин чжурчжэни хотели дать отпор преследователям, но, обессиленные от голода, сдались и были перебиты монголами.

В 1232 году монголы во главе с Субудаем осадили Ло-ян, в котором было всего около 6—7 тыс. воинов. Они обложили город с трех сторон и установили камнеметные машины. Во главе осажденных был Цян-шен. Он приказал сделать из лоскутьев знамена и укрепить их на городской стене.

Стремясь поддержать волю к сопротивлению, он с несколькими сотнями сильных солдат «всюду поспешал для подкрепления» и «для поощрения войск производил сильный крик, как будто было их до 10 тысяч человек». Из-за недостатка оружия защитники Ло-яна лили наконечники стрел из медных денег, каждую монгольскую стрелу разрезали на четыре части и стреляли при помощи плетей: или трубок. Чжурчжэни применили каменные машины, которые могли бросать большие камни далее ста шагов. После трех месяцев безуспешной осады монголы вынуждены были уйти из-под города.

Субудай, несмотря на то, что Угэдэй отправил в Бянь посла с предложением чжурчжэньскому императору покориться, приступил к осаде этого города. Жители города построили баллисты из бамбука, «а каждым фазе городской стены их стояло до сотни. Отбойные машины были сделаны из огромного строевого леса, взятого в старых дворцах. Ядра для баллист были круглые, их делали из камней с искусственной мраморной горы Гинию. Осажденные построили за городскими воротами кривые земляные пристенки такой ширины, чтобы в них могли проходить только два или три человека, стороживших ворота, но это мешало ночным вылазкам. Поэтому они сделали под стеной лаз, через который тысяча храбрецов должна была пробраться ко рву, переплыть через него и по сигналу красными фонарями зажечь неприятельские баллисты. Но это им не удалось. Не помогло и другое — бумажные гуси (змейки) с возванием к китайцам переходить на сторону чжурчжэней. «Политики» говорили по этому поводу, что министры хотят отразить неприятеля бумажными гусями и фонарями.

Монголы боялись другого — артиллерийского огнестрельного оружия осажденных. У чжурчжэней были чугунные горшки, которые наполнялись порохом, а затем зажигались. Эти бомбы, носившие название «потрясающий небо гром», сжигали все на расстоянии 120 футов и пробивали железную броню огненными искрами. Осажденные использовали также «летающие огненные копья» (ракеты), которые сжигали все на 10 шагов от себя. Монголы, используя прикрытие из воловьих шкур, делали в городской стене углубления и прятались в них. Осажденные, со своей стороны, спускали со стены на цепях бомбы, которые сжигали человека вместе с его воловьей шкурой.

Осада длилась 16 суток, пока, согласно летописи, не было убито по миллиону людей с обеих сторон. Раздраженные монголы в ярости разрыли и осквернили могилу матери чжурчжэньского императора.

В конце концов Субудай решил начать мирные переговоры и снять осаду. Цзиньский двор отправил сановника в монгольский лагерь, чтобы поднести им богатые дары.

Пользуясь уходом монголов, император приказал исправить пострадавшие от стенобитных машин участки городской стены, повысил в чине офицеров, отличившихся при обороне города, наградил солдат. Когда солдаты стали жаловаться на министра, император сместил его, а когда они взбунтовались, услышав, что император собирается покинуть город, он велел разрушить свой дворец, и солдаты успокоились. Однако вскоре случилось непредвиденное: чжурчжэньскими солдатами был убит монгольский посол. Война началась снова. Весной 1233 года император бежал в Гуй-дэ, со всех сторон защищенный водой.

Чжурчженьский император бежал из Гуй-де в Цай-чжоу. Чиновники, сопровождавшие императора, шли пешком по грязи, еле двигая опухшими ногами и питаясь в пути зелеными финиками. В городе Бо-чжоу императора встретили старики чжурчжэни, которые по обычаю упали перед ним на колени. Император сказал им: «Уже более ста лет, как двор заботился о вашем спокойствии. Ныне я, не имеющий добродетелей, принудил вас пресмыкаться в прахе. Я не в состоянии выразить сего. Вы только не забывайте доброты моих предков». Из Бо-чжоу император направился в Цай-чжоу. И там старики совершили перед ним ритуал коленапреклонения. Видя бедную свиту императора, они плакали, а сам император грустно вздыхал.

В девятый месяц 1233 года монголы во главе с Тациром появились под стенами Цай-чжоу; чжурчжэньские генералы и офицеры, говорит летопись, «прыгали от радости», что могут сразиться с ненавистным врагом и разбить Тацира. На помощь последнему, однако, пришла 20-тысячное сунское войско. Китайцы доставили также монголам 300 тысяч мешков риса.

Началась осада Цай-чжоу. Хушаху, возглавлявший оборону, привлек всех жителей к защите города. Когда мужчин оказалось недостаточно, привлекли «сильных женщин», одели их в мужскую одежду, и они стали носить камни и деревья. Сам император выходил к жителям города «для ободрения их». В китайской летописи «Гань-му» нарисована красочная картина положения осажденного города в это время. «Монгольские войска пировали. Голос поющих и тоны флейт во все стороны разносились. В городе томились голодом и только что испускали вздох. Мын-гун (сунский полководец) усмотрел, что темный воздух пал над городом и солнце было тускло. Перебежчики говорили, что минуло три месяца, как город не имеет съестных запасов. Седла, сапоги, ветхие литавры, все сварено; сверх сего дозволено есть старых и слабых. Войска питались тестом, составленным из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых солдат»^[426].

Городские власти, «согнав старых и малых», топили из них человечье сало, чтобы, обмакнув в «его солому, зажечь укрепления и осадные орудия противника. Несмотря на это крайнее средство, осаждающие взяли западный город. Защитники во главе с храбрым полководцем Хушаху, продолжали сражаться днем и ночью.

Император попытался покинуть город, ко, встретив у стен монголов, вернулся назад.

Положение было безвыходное. Собрав чиновников, военных предводителей, император предложил принцу Ваньян-ченьлину стать его преемником. Последний отказывался, но император сказал ему: «Ужели без необходимости препоручаю тебе престол? Я телом тучен и тяжел,, неспособен к верховой осаде и быстрым наездам. Ты, напротив, ровен и быстр, обладаешь качествами полководца. Сверх чаяния, если избавимся, то царственный род наш не прекратится. Вот моя мысль!»^[427].

На следующий день враги начали штурм города с двух сторон, ударили в литавры, «от криков небо и земля поколебались». Хушаху продолжал сражаться с тысячей воинов на улицах. Император повесился, завещая приближенным сжечь его тело. Услышав о его смерти» Хушаху сказал: «Мой государь уже преставился, для чего же я сражаюсь? Я не мог умереть от мятущихся солдат. Бросившись в Жушуй, последую за моим государем». Хушаху бросился в реку и утонул^[428]. Ченьлин отступил в цитадель и пытался ее защищать, но был убит взбунтовавшимися войсками.

Обгорелые кости императора, сокровища и императорские регалии были разделены как трофеи между монголами и китайцами.

Кое-где сопротивление чжурчжэней врагу еще продолжалось. В истории записано, например, что еще в 1235 году не сдался, город Гун-чан, где правил Ван-ши-сян, но затем и он подчинился монголам.

Так трагически погибла империя чжурчж'ней.

ЧЖУРЧЖЭНИ В XII—XIII ВЕКАХ

Согласно взглядам китайских летописцев, созданное чжурчжэнями государство существовало 118 лет (с момента выступления Агуды против киданей). Фактически же, если считать со временем объединения чжурчжэньских племен вокруг племени Ваньян, то почти в два раза больше — около 200 лет.

Выразительная характеристика жизни чжурчжэней, какой она, несомненно, была в основных ее чертах на протяжении ряда столетий, дана в «Цзинь-ши» (История Цзинь). Согласно «Цзинь-ши», земля чжурчжэней находилась в северо-восточной части бывшей Киданьской империи. Она давала хорошие урожаи конопли и хлебных злаков. Богатства ее лесов и недр — женьшень, кедровые орехи, мед, жемчуг, самородное золото. Из животных в ней обитали олени, кабарга, черные белки и соболи. Страна чжурчжэней славилась ловчими птицами из породы кречетов, ястребов и соколов. У чжурчжэней было много коров, лошадей, свиней. Народ славился умением выделывать тонкие полотна.

Характер чжурчжэней был «мужественный и отважный. Они любили войну, выносили голод и жажду, не боялись трудностей верховой езды, поднимались на утесы и спускались с них, как бы летая; переправлялись через реки без лодок и паромов, но вплавь на лошади».

Чжурчжэни были искусны в стрельбе, любили охоту и рыбную ловлю: «всякий раз, как кому попадается след зверя, он следит за ним

и отыщет, где скрывается; кроме того они делали рог из коры березы и, подражая на ней звукам оленей, скликали их к себе и стреляли» [429].

Любовь к охоте среди чжурчжэней была настолько велика, что сначала цзиньский двор устраивал ее «в каждое из четырех времен года». Позже, когда Дигунай перенес столицу в Пекин, чжурчжэньская знать охотилась только зимой, потому что «за городом все поля принадлежали народу».

В облавах на зверя участвовали даже императрица, князья и приближенные чиновники императора. Воины, следовавшие за императором, образовывали круг, в который загонялись лисицы, зайцы, кабаны, олени, кабарга. Первым стрелял или спускал сокола император, за ним принцы и приближенные вельможи. Только после этого могли охотиться остальные.

Дигунай так дорожил охотой, что когда его 12-летний сын поймал кабаргу, он принес в храме предков жертву. Хэла «еще более дорожил охотой, он запретил своим чиновникам увещевать его касательно трех предметов: музыки (или удовольствий?), прокормления духовенства и облавы; так уважалась эта последняя» [430].

Важное место в жизни чжурчжэньского народа занимало земледелие. Землю пахали, очевидно, на быках, поскольку в летописях отмечается, что налоги на сельское население распределялись соответственно числу быков. Хлебная пища была основной в быту чжурчжэней; не случайно перед решающей битвой Агуда приказал своим воинам подкрепить силы болтушкой из муки.

Чжурчжэни «...по большей части, держась горных долин, срубали из деревьев забор..., который некоторые закрывали досками с древесной корой берез, стены в жилищах строили также из дерева. Так как здесь зима весьма холодна, то жилища имели в высоту не более нескольких футов, и в них проделывалась одна только дверь с юго-восточной стороны, когда она затворялась, то ещё окутывалась травой и хлопком. На полу сбивался из земли род печи, нагреваемый снизу; на ней спали, ели и жили».

Таким образом, чжурчжэни жили в наземных жилищах, о появлении которых легенда говорит, что их начал строить еще в древности Суйкэ взамен древних полуземлянок. Жилища отапливались печами, сбитыми из глины, и имели вдоль стен широкие скамьи — кань, под которыми проходил горячий воздух из печей. На канях спали. Остатки жилищ такого типа, с канями, выложенными плитняком, встречаются во многих местах по Амуру. Жилища нанайцев и других племен Приамурья имеют аналогичное устройство.

Зимнее платье чжурчжэни шили из теплого пушистого меха. Кистайцы, ужасаясь суровому климату их страны, писали, что «если платье и сапоги бывали хоть немного неплотны, то отмораживали пальцы

и тело растрескивалось от холода. Самое жаркое лето походило здесь на китайское начало зимы». Кроме меховой одежды чжурчжэни носили одежду из холста, которое производилось в их стране в большом количестве. Они, сообщают китайские источники, любили носить платье белого цвета. Богатые чжурчжэни носили платье из дорогих мехов и тонкого холста, часто на шелковой вате, а также из шелка. Простой народ весной и летом ходил в куртках и исподней одежде, а зимой в куртках, штанах и чулках из шкур, в том числе из рыбьих. Женское платье называлось большим кафтаном и было без воротника, как и у мужчин.

В отличие от киданей волосы у чжурчжэней были распущены по плечам. На затылке у них висел золотой мешок для волос, которые они украшали, вплетая в них цветную веревку, а богатые — изделия из жемчуга и золота. У женщин волосы заплетались косичками и обвивались вокруг головы.

В брачных обычаях у чжурчжэней сохранялись следы глубокой старины. О браке родители уславливались рано, «когда дети только еще зачнуты». В день свадьбы будущий зять приходил ко двору родителей невесты. Его сопровождали родственники с напитками и кушаньями, у «недостаточных — больше чем на десяти повозках, а у богатых — вдесятеро против этого». Лучшее вино наливали в золотые и серебряные сосуды, похуже — в глиняные. У бедных посуда была деревянной. Вином обносили гостей по кругу трижды. Затем ели сало, похожее на китайский бульон с медом. Потом богатые наливали чай, бедные — вареное молоко.

Во время пира женщины, как большие, так и малые, сидели на нарах (на кане), а свита жениха с поклонами прислуживала им. Это называлось «уважением мужчин женщин». После этого жених выводил лошадей, от десяти до ста, а отец невесты выбирал лучших и оставлял у себя в количестве 12 или 13. Небольшое количество лошадей, приведенных на смотрины, «почитается стыдом». Взамен лошадей родители невесты одаривали жениха набором одежды, по одному за каждую лошадь.

После свадьбы жених оставался в доме невесты «службой и работником, он сам подает вино и кушанье». Лишь спустя три года он мог увести с собой невесту, за приданое из нескольких десятков семейств рабов, стада лошадей и коров. Так было у богатых. У бедных же родители, «видя, что девке настала пора замужества, посылают ее ходить по дорогам, распевая песнь, в которой восхваляются прелести женщины и семейного быта: это намек на то, что она ищет дружка. Услышавший, если он намерен жениться и хочет ее взять, ведет ее к себе и, по окончании уже брачной церемонии, ведет ее в дом родителей, чтобы они знали».

У богатых чжурчжэней было много жен, независимо от их знатно-

сти. Существовал обычай жениться на мачехе после смерти отца, таким образом поступали и племянники после смерти дяди.

Исконной религией (чжурчжэней было шаманство. Древнее шаманство продолжало, нужно думать, господствовать среди простого народа и людей, преданных старине и в последующие времена. О том, какая была шаманская одежда, можно судить по ее остаткам, найденным в долине реки Тигровой в 1956 году около села Хмельницкого. Здесь после сильного ливня в размыве нашли десять превосходных бронзовых зеркал, четыре китайские монеты и 23 конусообразных шаманских подвески [431]. Железные подвески, найденные здесь, должны были висеть на поясе шамана. У нанайцев такой шаманский пояс состоял из широкого ремня шкуры лося. Побрякушки на нем «имеют вид конусов и выковываются чаще всего самим шаманом из железа. Каждый конус подвешен на особом железном кольце, который уже и привешивается к ремню (омолу). Таких железных конусов (кангараямха) на поясе может быть от 13 до 27 и даже 31», то есть нечетное количество. Нечетным, 23, было количество и тех подвесок, которые найдены на Тигровой. «Кроме полых железных конусов на поясе могут быть привязаны еще и толи и медные бубенчики и колокольчики. Таким образом, вес всего пояса достигает грандиозных размеров— 10 или 15 фунтов. Все металлические части пояса при пляске шамана издают оглушительный лязг и шум» [432].

Зеркала-толи у нанайских шаманов служили «зеркалом, в котором отражаются все дела людей. Кроме того, толи служат шаману щитом, которым он защищается от стрел злых духов. Вот почему шаман каждый раз, когда при камлании входит в экстаз и, вступив в борьбу со своими врагами, выходит победителем, делает в толи столько проколов, сколько стрел ударило о шамана. Чем более в толи пробитых отверстий, тем выше в глазах сородичей считается шаман. Толи привешиваются на ремнях, а ремень одевается на шею и, таким образом, толи свешиваются или «а спину или на грудь» [433].

Конические железные подвески на шаманской юбке нанайцев висели сзади, целой грудой, вместе с зеркалами. Так же они висели, должно быть, и на юбке чжурчжэньского шамана. Эта особенность характерна только для нанайского шаманского костюма и более нигде у народов Сибири неизвестна, в том числе ее нет у других тунгусских племен. Нанайцы, потомки чжурчжэней, несомненно, заимствовали ее от своих предков и сохранили спустя тысячу лет.

Шаманы чжурчжэней лечили больных, причем больной приносил в жертву духам свинью или собаку. Иногда же неизлечимо или опасно больного увозили на телеге в глубокие горные долины, «чтобы от него избавиться». После смерти родственников и друзей чжурчжэни, плача, изрезывали лоб ножом. Это называлось «слезными и кровавыми про-

водами». Умерших зарывали в землю без гроба. Для знатных сжигали в жертву живыми их любимых слуг и служанок, а также и оседланных лошадей. Сжигалась также жертвенная пища, это называлось: «варить кашу для покойников».

Из 'праздников 'чжурчжэней известен день .нового года, когда народ поклонялся солнцу, и день 5-го числа пятой луны, когда приносилась жертва небу.

В общественной и семейной жизни чжурчжэней видны черты, характерные для патриархально-родового общества, .при этом с ясными пережитками обычаев, существовавших в эпоху материнского рода, таких, как отмеченный выше обычай трехлетнего пребывания жениха в доме родителей невесты.

Родовое и племенное устройство сохранялось, если не на всем протяжении истории чжурчжэней, от мачала и до падения их государства, то, во всяком случае, очень долго. Так, например, племя Ваньян составляли 12, а племена Тудань и Угулуке—по 14 родов. В середине XI века, при Хэлибо, окреп союз, в который входило 30 племен. Объединенные племена назывались «племенами-братьями». Их союз представлял собой весьма внушительное объединение.

Во главе родов и племен сначала стояли выборные вожди. Глава племени назывался боцзинь, или хулу. История чжурчжэней показывает, что вожди племенного союза принадлежали к одной и той же семье из племени Ваньян. Звание общеплеменного вождя переходило чаще всего от отца к одному из его сыновей. Со временем внутри родовых групп, по-видимому, складывается территориальная община: после успешных войн с киданями и династией Северной Сун общинники стали получать земельные участки, рабочих коров и сохи. За это с них стали взимать налог в размере 1 даня риса в год (с 25 общинников). Чем дальше, тем сильнее внутри чжурчжэньских родов и племен сказывалось социальное расслоение и имущественное неравенство. Широко распространялось рабство.

О количестве рабов и их отношении к свободным людям можно судить по данным 80-х годов XII века. В это время на 6158 636 душ населения приходилось 1345 967 рабов, то есть примерно по одному рабу на каждые шесть человек, или по одному на каждое семейство. Рабами чжурчжэней становились в основном племенные воины сунского Китая и других племен. В рабов превращали преступников, а иногда и членов их семьи, а также неоплатных должников.

Несмотря на большое количество рабов, в Чжурчжэньском государстве рабство не было осндовой производствa. На смену старому патриархально-родовому строю под влиянием роста производительных сил, развития обмена и связей с соседними государствами, пришли формы эксплуатации, характерные для феодального общества.

В условиях дальнейшего роста экономики и обмена с другими странами старые первобытнообщинные, родовые, отношения все более разлагались, уступая место классовым отношениям. Этому способствовали непрерывные межродовые и межплеменные войны, которые, как мы видели, вела аристократическая верхушка чжурчжэньских племен.

Во время расцвета Чжурчжэнского государства, начавшегося при Агуде, его территория делилась на 19 «дорог», пять из которых назывались столицами: южная столица Бянь (теперь Кайфын в Хэнани), средняя столица Чжун-дулу (нынешний Пекин), восточная столица Лоян (в Маньчжурии), верхняя, или северная, столица Шанцзин (Хойнин-фу), западная столица Дай-тун-фу — за Великой стеной. Первоначально» главная столица чжурчжэней располагалась на реке Муданцзян, там же, где находилась когда-то восточная столица Бохая, Дунцзин. При императоре Хэла главной столицей становится Шанцзин (Хойнин-фу). Спустя пятнадцать лет, при Дигунае, главная столица переносится в Пекин.

Кроме пяти столиц имелось четырнадцать областных городов, или, как пишет В. П. Васильев, главноуправляющих департаментами (цзунгуань-фу), которым подчинялись более мелкие подразделения, в том числе 22 пограничных ведомства, 73 правления и 632 уезда.

В Китае владения чжурчжэней были в Шаньси, Шаньдуне, Хэнани Цзяньсу и на юге Чжили. На этой территории находилось 15 дорог из 19.

В Монголии границы Цзиньской империи проходили почти по прямой линии от Кулунь-нора до нынешнего Куку-хото, к югу от Гоби.

В Монголии и Маньчжурии было четыре главных провинции — «дороги» и соответствующие им четыре столицы. «Дорога» восточной столицы охватывала Южную Маньчжурию. Центр ее находился в Ляояне, который издавна являлся главным городом этой страны. Северная Маньчжурия входила в состав «дороги» верхней столицы — Шан-цзина, или Хойнин-фу. Большинство исследователей видят ее остатки около Нингуты, там, где был Дунцзин-чэн бохайцев. Однако В. П. Васильев полагает, что она находилась на рубеже киданьских и маньчжурских земель против Линь-хуа-фу.

В число областей, подведомственных верхней столице, входила Хулхасская, или Нинтутинская область. Далее на восток лежала древняя страна Сюэ-пинь, или Шуайбин.

Дорога северной столицы включала Восточную Монголию и часть Маньчжурии. Дорога западной столицы охватывала часть Шаньси, Чжили и современный Чахар. На северо-востоке владения чжурчжэней достигали областей, заселенных племенами цзирамань (очевидно, гиляками, цзилями в XV веке) и удага (удэ или.удэхэ).

В 1207 году в империи проживало 7 684 438 семейств, или 45 816 079 человек. Собственно чжурчжэней и присоединившихся к ним

племен было 615 624 семейства, или 6 158 636 человек, в том числе 1345 967 рабов.

Во главе государства находился император. Особа императора была для чжурчжэней священной.

Двор императора отличался пышностью и великолепием. Во время выходов на императоре были корона из парчи, красный кафтан с узкими рукавами, яшмовый пояс, желтый круглый воротник. Во время жертвоприношений и других торжественных случаях он надевал корону с висюльками и форменное платье. В обычной жизни император носил черную шапку. Когда император ехал в колеснице, перед ним несли знамя с изображением солнца; если с ним была императрица, добавлялись два знамени с изображением луны. Знамена были обычно черного цвета. По обе стороны императорских носилок во время торжественных выходов знаменосцы несли два больших знамени с вышитыми изображениями солнца и луны.

Во время «великих» (торжественных) церемоний выносились знамена пяти стран света, пяти гор, черного дракона, белого тигра и т. д. Кроме того, знаменосец при императоре нес знамя с нанизанными из желтого жемчуга пятью созвездиями. Особенно важным при особе императора было огромное знамя, которое называлось «покрывающим небо». К нему подвешивались священные предметы, имеющие магическую силу. Его нес самый сильный человек, при нем было несколько десятков помощников, которые держали знамя за веревки, чтобы оно не клонилось от порывов ветра. Над императором также несли желтый или красный зонт с золотым изображением дракона на верхушке. Свита императора состояла из нескольких сот и даже из тысячи человек.

Двор императрицы отличался пышностью. У нее и ее приближенных дам были носилки-балдахины в форме «пятицветной пирамиды», щедро украшенные золотом и нефритом. Повозки были на четырех колесах. По углам повозки императрицы стояли золотые фениксы, у остальных дам, соответственно их рангу, — золотые павлины и серебряные головы безрогих драконов.

Над императрицей несли зонт, на верхушке которого было золотое изображение феникса, а над придворными дамами — зонты черного цвета с красной или черной верхушкой в виде пирамиды.

При создании государственного аппарата чжурчжэни использовали готовые китайские формы: организацию двора, министерств и ведомств, титулатуру и табели о рангах и т. п. Но содержание, вкладываемое в эти китайские по названиям формы, было свое, соответствующее интересам Чжурчжэньского государства. Дворцовое министерство у чжурчжэней было менее громоздким. Военное министерство совершенно не походило на китайское. Министерство казны, ведающее податями и сборами, было иного типа, чем в Китае. Территориальное деление страны, отли-

чалось от китайского (в особенности система пяти столиц). Функции, порядок назначения и состав чиновничества были иными [434].

Первоначально чжурчжэньский народ не облагался податями. Но с образованием империи они были введены. Кроме того, существовало множество других налогов и повинностей: для почты, по случаю военных издержек, на речные работы. Государство также облагало налогами людей, производящих соль, вино, уксус и чай.

Оседлое население платило с обрабатываемой земли хлебом. Так, около 1162 года в государственных магазинах находилось 20 790 000 мешков хлеба; в год собиралось до 9 миллионов мешков. Население платило хлеб с сохи или с быка.

Поначалу у чжурчжэней господствовало натуральное хозяйство и не было распространено денежное обращение: «на рынках у них не употреблялись деньги, но производилась мена на вещи. По большей части, всякий для себя умел построить жилище, сделать повозку, палатку». Но затем деньги и монетное обращение заняли важное место в хозяйственной жизни империи, и правительство стало уделять большое внимание выпуску монет. На первых порах в ходу была старая киданьская и сунская монеты. При Дигунае впервые была выпущена собственная медная монета. Народу было запрещено использовать в хозяйстве медь, даже медные сосуды могла продавать только казна. Что же касается монет, то сначала, боясь, что они будут скапливаться в казне, власти постановили, чтобы они сразу поступали к покупателю. Затем, видя, что население прячет деньги, власти определили срок, в течение которого монеты можно было держать у себя. За нарушение этого закона следовало суровое наказание. В народе стали лить частную змонету, что внесло расстройство в финансы государства. Власти отлили большую монету ниже внутренней ценности, затем выпустили железную монету, а после — бумажные ассигнации. Когда вследствие употребления бумажных денег стоимость их упала, а цены поднялись, власти выпустили серебряную монету. Все бесконечные валютные эксперименты только усложняли положение и расшатывали экономику империи.

Государство чжурчжэней опиралось на сильную и хорошо организованную армию. В основе военной организации чжурчжэней первоначально лежало радо-племенное деление. У вождей племен были дружины. Но главную военную силу составлял народ. Все способные носить оружие в военное время становились воинами. Во главе отрядов находились старшины племен — бэцзилэ. Им подчинялись тысячники-мингань и сотники-мукунь. Характерно при этом, что простой солдат имел оруженосца-илхи, «второй».

Агуда ввел новый порядок организации войска. Он приказал, чтобы 300 домов составляли один мукунь, а десять мукуней — тысячу мин-

гань. Это было уже существенной ломкой старых родо-племенных традиций и порядков, что соответствовало, нужно думать, реальным изменениям в жизни чжурчжэньского общества. Кроме коренных чжурчжэньских войск в армию императора входили отряды покоренных киданей, китайцев, а также и бохайцев.

Военная тактика чжурчжэней хорошо описала в их истории.

При встрече с врагом посылались разведка. Потом войско разделялось на центр и два крыла и охватывало врага, нападая одновременно со всех сторон. Конные воины чжурчжэней приближались к врагу рысью на расстоянии сотни шагов, а потом скакали на него, стреляя из луков, метая дротики. Потом они столь же быстро отходили. Конные атаки продолжались до тех пор, пока враг не терял стойкости, после этого беглецов секли саблями.

Эта тактика боя была типичной для степных племен. Нужно думать, (что многое в ней было усвоено чжурчжэнями от их 'соседей и прежних властителей — киданей. Чжурчжэни строили в своей стране многочисленные сильные укрепления, обнесенные земляными валами, рвами и деревянными палисадами. С этими укреплениями, которые постоянно упоминаются в бурной, насыщенной войнами истории чжурчжэней, мы познакомимся детальнее, когда речь будет идти о средневековых памятниках Приморья.

На вооружении у чжурчжэней были камнеметные машины, а со временем у них появились и огнеметные снаряды, подобные снарядам для «греческого огня», о которых упоминают русские средневековые летописи.

В своем военном искусстве чжурчжэни стояли не ниже остальных народов Восточной Азии того времени. Этим в значительной мере можно объяснить длительность борьбы, которую они вели с грозными монгольскими полчищами. Монголам, в короткий срок покорившим множество стран в Средней Азии и Восточной Европе, в каких-нибудь два года прошедшим огненным ураганом от Амура до Черного моря и Балтики, понадобилось более двадцати лет, чтобы одолеть чжурчжэней и уничтожить их государство!

Уголовные законы Цзиньского государства вначале были заимствованы от киданей. Затем при императоре Хэла (в 1141—1148 годы) были опубликованы «новые постановления правления хуан-тун». Они состояли из тысячи с лишком статей. Эти законы были строги. За убийство и грабеж виновных «предают смерти, раскалывая череп, описывают имение и домашних отдают в рабство; последних позволено, однако ж, выкупать их родственникам, и шесть частей выкупа отдаются обиженному, а четыре поступают в казну».

За тяжелые преступления отрубали голову или вешали. Последний способ казни считался «слабее», так как он не сопровождался жесто-

кими побоями. За тяжкие преступления иногда можно было откупиться, но все же при этом отрезали нос и уши.

Преступников били палками и кожаным мешком, в который были наложены камни или насыпан песок. За провинности секли розгами. Впоследствии побои были отменены.

Тюрьмы представляли собой ямы глубиной в несколько сажен. Каторга назначалась сроком только до пяти лет. Приговоренные к каторге получали определенное количество ударов палками (приговоренные на 5 лет — по 200, на 4 года — 180, на 3 года — 160, на 2 года — 140, на 1 год — 120 палок). Каторга отбывалась в рабочих домах, в которых заключенные ковали латы или производили тяжелые земляные работы. На ноги их надевались кандалы, «у неважного преступника по одной и у тяжких — по две». После того как преступники отбывали срок положенного им наказания, их выпускали на волю, но с понижением в правах: «им не позволено по-прежнему сделаться гражданами».

Преступники получали прощение при перемене названия годов правления, при рождении сына (принца), при пожаловании кого-либо в княжеское достоинство или в вассалы государя, при перенесении столицы или по случаю бедствия. Правда, вступив на престол, Дигунай «постоянно говорил, что амнистия не есть непреложное требование для блага государственного; если оказывать милость к бездельникам, то это значит притеснять честных людей». Поэтому был издан указ, в котором запрещались всякие толки об амнистии. Но «не прошло и двух лет, как он сам нарушил это».

Первоначально у чжурчжэней отсутствовала собственная письменность. С возникновением могущественной Чжурчжэньской империи в царствование Агуды в 1119 году такая письменность была по приказанию императора создана Ваньян Синем, который положил в ее основу киданьскую письменность.

Впоследствии старый алфавит, получивший название «большого», или «основного», был заменен новым, который назывался в отличие от старого «малым». Изобретение «малых букв» приписывается императору Хэла. Чжурчжэньское письмо пережило династию Цзинь. На нем написана надпись, сохранившаяся на одной каменной стеле с Тырского утеса, которая находится сейчас во Владивостокском музее.

В государстве чжурчжэней существовало три основных языка и системы письменности: чжурчжэньская, киданьская и китайская, причем государственным языком считался чжурчжэньский.

Преподавание в чжурчжэньских школах велось на чжурчжэньском языке. Неграмотные не могли наследовать звание в мэнъянь и моукэ — в основных социальных ячейках чжурчжэней. Кандидаты на должности должны были сдавать экзамены на чжурчжэньском языке, готовясь по литературе, специально переведенной для этой цели на чжурчжэнь-

ский язык. В государственных, общественных, придворных учреждениях дела велись на чжурчжэньском языке, кроме особо оговоренных случаев (эти оговорки касались, главным образом, нечжурчжэней), независимо от национальности чиновников.

В 1127 году была сочинена «Чжурчжэньская история», то есть произведена запись существовавших в народе устных рассказов о предках Агуды и их деятельности.

В 60-х годах XII века на чжурчжэньский язык было переведено большое количество китайских сочинений: в 1164 году — «Шуцзин», в 1166 году — «Шизцы», «Сиханьшу», «Таншу», в 1192 году — «Сяоцзин». К этому времени уже были переведены «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Лао-цзы», труды «Ян-цзы», «Мо-цзы», к 1194 году были переведены три книги «Пятикнижия»: «Шу цзин», «И цзин», «Чунь цю», и переводились «Шицзии» и «Лицзи».

Существовали и оригинальные сочинения на чжурчжэньском языке. Это прежде всего словари двух систем чжурчжэньской письменности, а также около десятка других работ, в заголовке которых сохранилась пометка: написано чжурчжэньскими письменами». Памятники чжурчжэньской письменности, дошедшие до нас, представлены десятком stel, несколькими печатями, надписями на утвари [435].

Чжурчжэни создали немало самостоятельных трудов по различным отраслям знаний, к сожалению, не дошедших до нас. Таких работ насчитывалось не менее 400. Это комментарии к китайским философским произведениям (в особенности, к «Ицзину», «Шуцзину», «Чунцю», «Четверокнижию»), исследования по чжурчжэньской письменности, китайским рифмам и тонам, летописи чжурчжэньских императоров, общие истории киданей и чжурчжэней, географо-этнографические описания, руководства по обрядам и церемониям, каталоги древней утвари, книги по медицине, астрономии, летосчислению, календари.

В стране были астрономические обсерватории, больницы, книгопечатни. Существовала оригинальная художественная литература, представленная сборниками стихов, пьес, музыкальных сочинений. Чжурчжэньская архитектура создала свой собственный стиль пагод на основе киданьских и танских образцов, оригинальный тип городищ с земляными валами, воротами, защищенными валиками, прямоугольных на равнинах и свободной формы на сопках. Чжурчжэни изготавливали своеобразную керамику и черепицу, детали архитектурно-декоративного убранства, бронзовые зеркала и прочее [436].

Чжурчжэньская культура оказала весьма ощутимое влияние на Китай, даже на его южные районы. В китайский язык проникло много чжурчжэньских слов. Чжурчжэньские песни, танцы и музыка пользовались известностью в Китае. Пожалуй, наиболее ярко это воздействие сказалось на обычаях и одежде китайцев. Именно чжурчжэни впервые

ввели у китайцев обычай ношения кос. Чжурчжэньские одежды пользовались широким распространением, особенно ткани фиолетового и малинового цветов.

Ряд элементов чжурчжэньской культуры проник в Северный Китай стихийно, другие насаждались чжурчжэнями сознательно. Одним из могущественных средств для этого были чжурчжэньский язык и просвещение. Улу приказал, чтобы в подвластных чжурчжэням землях все дела велись на чжурчжэньском языке, за исключением судебного разбирательства, где допускался китайский. Преподавание в школах тоже велось на чжурчжэньском языке. Сила воздействия чжурчжэньской культуры учитывалась китайскими императорами. Они стремились воспрепятствовать распространению чжурчжэньской культуры и этнического элемента в Южном Китае путем перенесения китайской столицы далеко на юг, запрета поездок китайцев в Цзинь и сношений с чжурчжэнями, строгой охраны границ [⁴³⁷].

ПАМЯТНИКИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРИМОРЬЕ

К чжурчжэньскому времени в Приморье относятся численные археологические памятники, преимущественно городища и укрепления, а также различные случайные находки. Они дают много ценного для понимания культуры и жизни средневекового населения Приморья, входившего в состав Цзиньского государства.

Южная часть Приморья входила в состав области Сюй-пин, или Шуайбин, центр которой находился вблизи нынешнего Уссурийска. Здесь сохранились многочисленные остатки древнего Шуайбина.

В южной части г. Уссурийска находились остатки обширного древнего поселения, огражденного высоким земляным валом, в разрезе которого видно, что в основании его находились положенные поперек с определенными интервалами нетолстые бревна. Затем шла кладка из горизонтальных пластов черной земли и желтой глины.

В верхней части вала попадают обломки черепицы и кирпичей, таких же, что внутри городища. Это говорит о том, что вал достраивался или ремонтировался в поздний период его существования. По данным Пржевальского, вал имел три сажени вышины, но рва не было. Как бы взамен этого рва в самом валу сделано много выдающихся частей для обстреливания и обороны сбоку» [⁴³⁸].

Буссе и Кропоткин отмечают, что в городище имелись остатки двух ворот, защищенных наружными валами-траверсами [⁴³⁹].

Против бывшей Унтербергеровской уллицы А. З. Федоров отмечал около вала полулунную площадку, огражденную снаружи валом такой же мощности, как и главный, причем в середине площадки, по его словам, главный вал был несколько понижен для выхода на площадку, которая служила барбетом, на котором могли устанавливаться камнеметательные машины. Второй такой же барбет сохранился в его время и со стороны Раздольной, причем он мог одновременно служить и для выезда из укрепления.

В плане пространство, охваченное валами, приближалось к прямоугольнику, но две стороны его были не прямыми, а слегка вогнутыми, повторяющими линию высокого берега Раздольной, по которому шли валы — стены укрепления. С этой стороны находилось топкое болотистое пространство, а в древности, вероятно, русло реки Раздольной или его протока. Площадь городища, по наблюдениям Федорова, была равна 62 десятинам. Пржевальский видел внутри укрепления много небольших возвышений вроде курганов, на которых иногда лежали остатки кирпичей, а в одном месте стояли две каменные плиты с несколькими прделанными в них отверстиями [440].

Федоров тоже отмечал внутри городища следы старинных построек, «иногда в виде неглубоких ямок, выделяющихся характером своей растительности, а иногда в виде солидных фундаментов». Особенно хорошо, по его словам, эти фундаменты сохранились на военном плацу, примыкающем к Гарнизонному саду. Строительным материалом служил •серый с синеватым оттенком кирпич. Там же встречались кучи обломков кровельной черепицы, лежавшей внутри контуров фундаментов. Наибольшая по площади постройка занимала 95 кв. саженей, наименьшая — 1 кв. сажень.

Фундаменты, по словам Федорова, представляли собой два ряда кирпичей, положенных с небольшим наклоном по горизонту; расстояние между ними равнялось 80 см и было засыпано землей. Эти кирпичи служили облицовкой глиняной или земляной стены, окружавшей жилище.

Во время раскопок в 1916 году Федоров нашел внутри фундаментов следы дымоходов, обогревавших снизу каны жилищ, а также различные изделия из металла — гвозди, обломки железных топоров, •обломки ножа, скобки, ручки от неизвестных предметов, шпильки от •причесок, наконечники стрел и копий, тигель для плавки металла, пластинки от панциря. Много было найдено железного шлака. Найдена также керамика, в том числе обломки грубых сосудов и тонких, изящно орнаментированных фарфоровых изделий. При раскопках найдено было 14 монет, в том числе монеты IX—XII веков н. э., показывающие, что эти жилища относятся к чжурчжэньской эпохе.

Глубже залегал второй, более бедный находками, культурный

слой. Возможно, он относится к бохайскому времени. Это предположение соответствует наблюдениям П. Кафарова, писавшего, что «по сторону реки Раздольной, на береговой окраине разливов речных, расположены остатки древнего города Фурдан-чэн, происхождения, по-моему, бохайского». Если это так, то начало южному городу в Уссурийском городище положено было бохайцами, а затем его строительство продолжали чжурчжэни, жилища которых раскопал Федоров.

Наблюдения Федорова были подтверждены результатами работы Дальневосточной археологической экспедиции в бывшем Гарнизонном саду. На глубине около метра был обнаружен древний культурный слой с остатками средневековой культуры: обломки кровельных черепиц, обломки сосудов серого цвета, изготовленных на гончарном круге, массивный каменный диск с отверстием в центре и знаком на одной стороне, а также обломки сосудов из фаянса или грубого фарфора с голубовато-белой поливой.

Рядом с невысоким холмом, на котором прежде стояла беседка-киоск, найдены четыре великолепно отесанные базы для колонн. Раскопки в этом месте показали, что под новейшим дерновым покровом (XIX век) находится глинобитная толща, служившая, очевидно, опорой для какого-то памятника. Еще глубже залегали многочисленные остатки черепичной крыши и два крупных камня, служивших опорой для деревянных колонн средневекового здания.

Среди черепицы обычного типа, с отпечатками ткани на внутренней поверхности, находились концевые черепицы карнизов с фестончатым узорным краем и торцевые плитки. На одном из обломков торцевых плиток имелся растительный узор, на другом — фигура какого-то животного, может быть, дракона. В глинобитной толще и между черепицами оказались фрагменты серых глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, обломки фарфоровых чаш, в том числе тонких с белой глазурью и подглазурным рельефным орнаментом, а также монеты XI—XII веков. Тут же были найдены железные гвозди и две бронзовые бляшки с изящным растительным орнаментом.

Монеты и обломки фарфоровых сосудов с белой глазурью позволяют датировать весь этот комплекс чжурчжэньской эпохи Приморья.

На территории детского сада был найден и второй курган, разрушенный впущенным в него основанием погребя. Это, несомненно, тот курган, о котором писал в свое время И. А. Лопатин. По его словам, в крепости находился курганчик высотой около 1 1/2—2 аршин, на котором стояли две восьмигранные колонки, или столбики, высотой 2 аршина, толщиной 5—5 1/2 вершков. В том же курганчике был вырыт постамент колонны, найдено много кирпичей и черепицы. Курганчик был, по словам Лопатина, обнесен невысоким рвом и валом, а кроме него там же, в крепости, были еще и другие «вроде описанного».

Западнее описанного городища находилось городище, второе большое.

Федоров писал, что оно имеет огромные размеры и находится на расстоянии около версты к северо-западу от первого городища. В плане — это «трапеция, очень близкая к квадрату, площадью в 56 десятин». Его окружают мощные земляные валы, большая часть которых, сейчас разрушена. Вал с трех сторон сопровождается рвом. «В ров, заполненный водой, — писал Федоров, — еще несколько лет тому назад солдаты водили купать лошадей» [441]. По наблюдениям Пржевальского, видевшего городище непотревоженным, высота вала равнялась двум с половиной сажням, а внутреннее пространство было ровным, лишь с западной стороны имелась небольшая земляная насыпь. В 50 сажнях, впереди южного края городища был, кроме того, устроен небольшой земляной квадрат, служивший, как полагал Пржевальский, оборонительным редутом [442]. Федоровым и его сотрудниками в этом городище было собрано много кровельной черепицы, фигурных украшений кровли и фасадов зданий. В 1955 году участниками Дальневосточной археологической экспедиции на этом городище вместе с черепицей и серыми кирпичами была обнаружена великолепно выполненная скульптурная голова дракона, украшавшая конек черепичной крышки парадного здания — храма или дворца.

Для датировки этого памятника важное значение имеют монеты,, о находках которых писал П. Кафаров. По его словам, «невдалеке» от первого города, основанного бохайцами, находилось «огромное городище, остатки стана чжурчжитского. Обилие находимых здесь монет с именем того государя династии Сун, который был пленен чжурчжитами и заточен ими в глубине Маньджурии, заставляет догадываться о близости древнего Пятиградия» [443]. Позднее Федоровым отсюда также была получена медная китайская монета, относящаяся к периоду правления сунского императора Хуэй-цзуна (1101—1125 годы н. э.), который вместе с сыном Цин-Цзуном был взят в плен чжурчжэнями.

Вокруг обоих укреплений в прошлом существовало, по-видимому,, много поселений сельского типа, а также могильников, колодцев, храмов, дорог. Об этом свидетельствуют следы древних сооружений, сохранившихся здесь вплоть до начала XX века.

Около южного городища на дворе мельницы Линдгольма находилось изваяние черепахи из крупнозернистого розового гранита. В спину черепахи была врезана каменная стела. От стелы сохранилось только основание. Эта черепаха сейчас находится перед зданием Хабаровского музея. К северу от черепахи находилось два кургана. Северный курган в 1893 году раскопал Ф. Ф. Буссе и нашел в нем саркофаг из тесаных плит, в котором были кости человека, железные наконечники стрел и зерна хлебного растения. Длина гробницы 127 см,

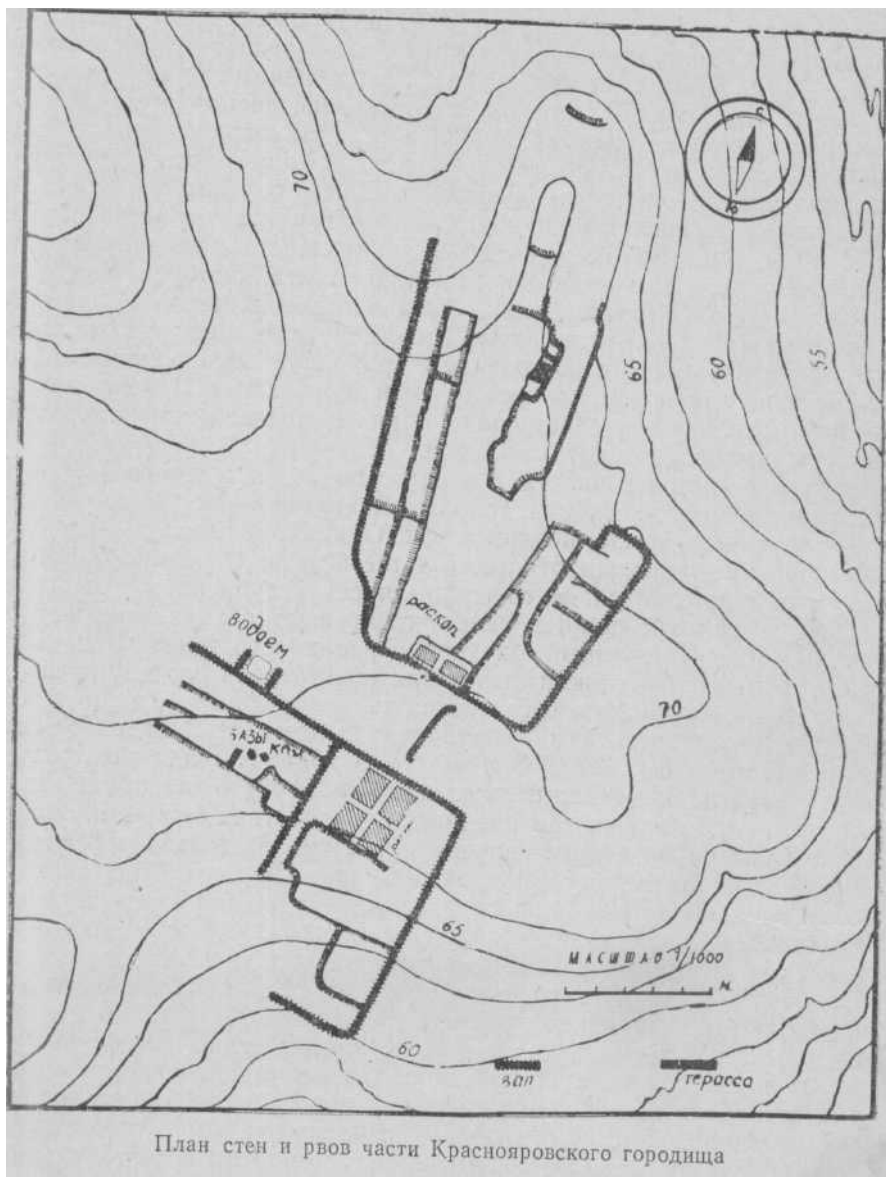
ширина 112 см, высота 87 см. Как полагает В. Е. Ларичев, этот монументальный памятник был воздвигнут в честь выдающегося государственного деятеля чжурчжэней, Эсыкуя, у его могильного кургана, под которым Ф. Ф. Буссе и нашел гробницу из каменных плит, ныне находящуюся около здания Владивостокского краеведческого музея.

Второе изваяние черепахи видели в селе Никольском еще Лопатин и Пржевальский. Последний писал о нем: «Кроме того, по дороге к дальнему укреплению, в полуверсте от нашего селения, на небольшом бугорке лежит высеченное из красноватого гранита грубое изображение черепахи, имеющее семь футов в длину, шесть в ширину и три в толщину. Рядом с нею валяется каменная плита, которая, как видно по углублению в спине черепахи, была вставлена сверху. Эта плита, сделанная из мрамора, имеет около восьми футов длины; тут же лежит отбитая ее верхушка с изображением дракона» [444]. Черепаха эта, однако, вовсе не так груба по форме, как показалось Пржевальскому. Она — замечательный в своем роде образец древней монументальной скульптуры чжурчжэньского времени.

Черепаха, символ вечности и вечного покоя, высечена из огромной глыбы гранита. Ее массивная голова вытянута и слегка приподнята. На ней обозначены глаза, ноздри и рот. Одинаково тщательно моделированы короткие лапы животного, толстое брюхо. Особенно заботливо оформлен панцирь; он разделен на две части углублением для основания стелы и сплошь покрыт рельефными шестигранниками, искусно имитирующими естественный рисунок черепахового щита. В передней части щита имеется глубокий вырез для шеи, а края его двумя выпуклыми дугами покрывают ллечи черепахи.

Плита, находившаяся на черепахе, сделана из синевато-белого мраморовидного известняка. Она долго находилась под колокольной старой древней церкви села Никольского, а затем была положена на паперть каменной церкви, где находится и в настоящее время. На ней были высечены барельефные фигуры драконов, а также иероглифическая надпись. В. Михайловский прочел ее так: «Великого Гиньского государства главноначальствующего светлейшего Цзинь юаньского князя, Ваньянского Гуна славных заслуг памятник». Следовательно, этот могильный памятник установлен в честь князя Цзиньской империи из рода Ваньян, то есть из того рода, который сыграл важнейшую роль при возникновении Чжурчжэньского государства.

Именно этот памятник, должно быть, имел в виду П. Кафаров, когда писал, что вблизи села Никольского был случайно открыт могильный памятник, относящийся ко времени династии цзинь. В другом месте, возле села Никольского, были обнаружены каменные изваяния людей и животных, связанные с могильными сооружениями и тоже, по-видимому, чжурчжэньского времени.

План стен и рвов части Красноярского городища

О них Лопатин писал: «От места крепости, где живут солдаты, верстах в двух я видел каменные изваяния двух баранов диких (?) и четырех человеческих фигур, сделанных из розового гранита крупнозернистого. Элементы гранита — тельного цвета полевой шпат, зеленовато-серая слюда и **дымчатый** кварц — от времени значительно выветрились; морды отбиты, должно быть людьми, а не сами отвалились. Внизу обозначена пунктиром впадина в ³Л—1 вершок глубиною продолговато во все дно изваяния. У одного тодько изваяния видна голова

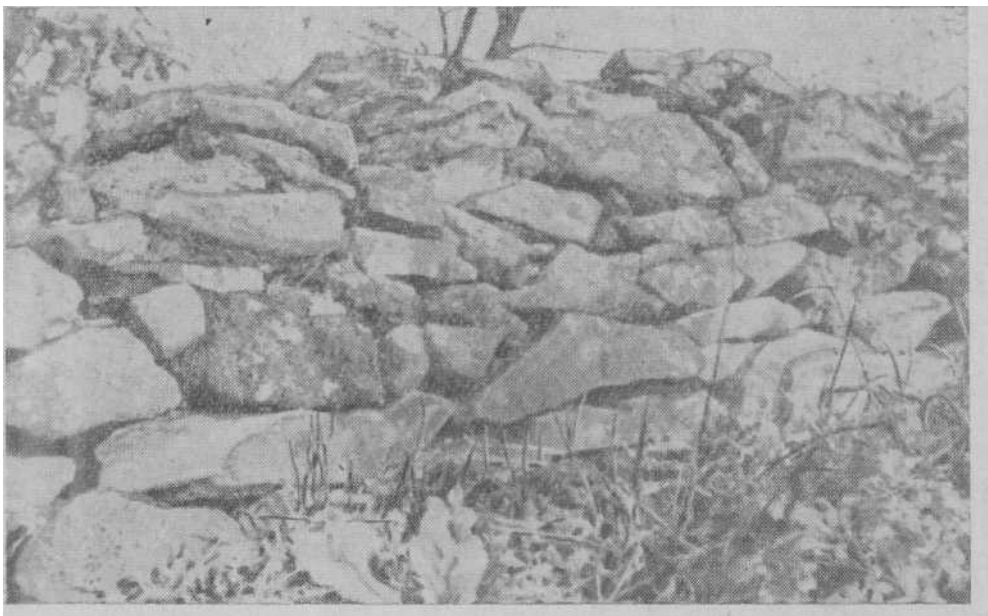

Средневековое городище на горе Шапка у с. Поярково на Амуре

У других они, должно быть, отломаны. У других статуй рельефно очерчены кафтаны, полы коих снизу не сходятся на $3\frac{1}{4}$ вершка, а от полу не доходят на $3\frac{1}{2}$ вершка. Все эти памятники окопаны канавкою а глубина канавки около $\frac{3}{4}$ ар., ширина около 2 арш., едва приметны в траве. Чое-где видны бугры и вообще неровности. Вся местность поросла травой, в которой едва видны из-под снега лежащие и частью вросшие з землю бараны каменные, так примерзшие к земле, что сопровождавший меня крестьянин ломом не мог своротить их. Кроме вышеозначен-

ных двух баранов и четырех статуй человеческих, здесь было два медведя каменных, находящихся теперь под избою одного из крестьян села Никольского».

Такие каменные изваяния, изображающие львов и других животных, а также людей, были обычны в погребениях лиц высокого ранга,

Остатки крепостной стены чжурчжэней

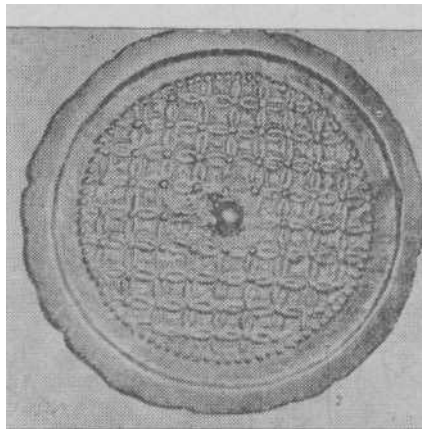
особенно императоров, в Корее и древнем Китае. Они имелись и около •могил орхонских тюрков. Такие могильные статуи известны в соседней Маньчжурии, где их тоже относят к чжурчжэньскому времени.

Изваяния эти, по данным Буссе и Кропоткина, находились вблизи от древней дороги, которая шла от кладбищенской церкви на запад. Они стояли, по словам старожилов, на кургане.

Остатки третьего большого укрепления в окрестностях Уссурийска находятся на противоположном правом берегу реки Раздольной, на Красноярской сопке. Ее склоны круто обрываются к реке, на вершине имеется обширное пологое пространство, на котором может разместиться целый город.

Оборонительный пояс древней крепости тянется в соответствии с

рельефом возвышенности на несколько километров. Ее валы и сейчас еще достигают 3—4, а то и 5 метров в высоту. Они начинаются на севере у обрывистого края сопки над Раздольной. Вал в этом месте сильно разрушен. Интересно, что строители крепости основательно укрепили

Бронзовые зеркала с изображениями

даже и эту, самую недоступную часть возвышенности, почти отвесно обрывающуюся к реке. С восточной стороны сопки вал огибает глубокую ложбину и, вдаваясь внутрь, как бы «выгораживает» ее из площади городища. В этом месте находились восточные ворота городища. Возле самого крутого склона сопки проходят три параллельные линии валов, отделенных друг от друга глубокими рвами. Отсюда вал идет извилисто и далее теряется. Затем в крайнем южном углу городища он снова начинается и, пересекая весь пологий склон возвышенности вдоль широкой низменной долины, направляется на запад, к обрывистому берегу Раздольной. На значительной части этого участка вал двойной, со рвом и имеет три выемки, служившие, вероятно, воротами. Одна из них заботливо укреплена изнутри городища коротким поперечным валом, замыкающим выход и образующим ловушку для врага. В общем это было в полном смысле этого слова грандиозное укрепление: площадь, оконтуренная его валами, по подсчетам А. З. Федорова, достигала примерно 200 десятин.

В целом городище представляет собой комплекс сложных и, быть может, разновременных сооружений. В нем отчетливо выделяются три составные части: внутреннее городище, состоящее из двух обнесенных земляными валами площадок. Валы плохо сохранились и, видимо, яв-

Диск с личиной из поселения у г. Уссурийска

ляются наиболее древними сооружениями на Красноярской сопке; большое городище, охватывающее своими мощными валами основную часть возвышенности; юго-восточная часть укрепления, — примыкающая к самой крутой, недоступной стороне сопки и отгороженная от остального пространства городища высоким крутым валом.

Эта последняя часть городища, укрепленная особенно тщательно, была, очевидно, самой важной в городище. В ее центре находилась мысовидная узкая возвышенность, огражденная валами с террасовидными площадками, отделенными

друг от друга остатками стен. На месте этих площадок в древности находились многочисленные постройки. Здесь, сразу же под верхним почвенным слоем, в ряде мест сплошь залегала черепица — остатки крыш древних зданий. Среди массы черепиц местами уцелели фрагменты изображений фантастических существ, украшавших угловые концы крыши. Под слоем черепицы выступали большие глыбы тесаного камня — опоры для деревянных столбов, на которых держалась кровля. Раскопками двух таких площадок удалось восстановить картину остатков древних архитектурных сооружений парадного типа.

В первом раскопе, на ровной площади, обнесенной с двух сторон отчетливо заметным валом высотой до метра, вскрыты остатки крыш трех отдельных зданий, расположенных рядом и довольно плотно примыкавших друг к другу. Два верхних жилища находились на одном уровне. Так как они размещались на слегка наклонной поверхности склона возвышенности, для сооружения второго жилища была сделана специальная насыпь-платформа из глины с остроугольной щебенкой песчаника. Насыпь утолщалась вниз по склону и выклинивалась вверх. Первое сверху строение было отмечено остатками черепичной кровли довольно плохой сохранности. Крыша второго строения сохранилась лучше. Местами черепица была совершенно целой. Почти целой была одна большая плита квадратной формы, служившая для колонны. Она, должно быть, лежала на своем первоначальном месте, на углу строения. Там же были найдены серые прямоугольные кирпичи. Остатки крыши третьего строения находились на 25—30 см ниже уровня остатков крыши соседних, второго и первого строений. Здания этого архитектурного комплекса бы-

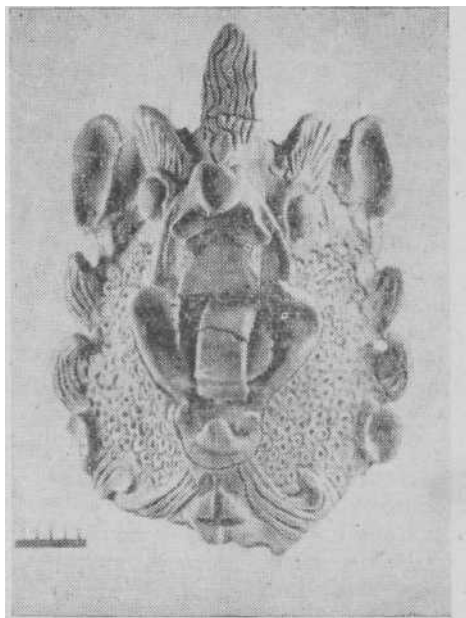
ли, таким образом, расположены двумя уступами, один над другим. Под нижним зданием находились две, симметрично расположенные по середине его южного края каменные плиты, которые, несомненно, сначала стояли в вертикальном положении перед входом в здание. У обеих плит верхняя часть была полукруглой, а обе широкие поверхности и боковые грани были оформлены глубоко высеченными желобками — на одной стороне они образовывали узор в виде ёлочки, на другой линии были параллельными и пересекали поверхность плит поперек. Еще ниже по склону имелись, по-видимому, остатки парадных ворот, крытых черепицей.

Черепица с крыш зданий имеет характерный синевато-серый цвет, на нижней внутренней поверхности ее сохранились следы ткани. Форма черепиц желобовидная, в виде полуцилиндра. Края концевых черепиц на карнизах были фигурными. Они нередко орнаментированы довольно сложным узором, представленным в нескольких вариантах.

В ряде мест среди черепиц найдены фрагменты глиняных голов дракона серого цвета, увенчивавших концы коньков крыши.

Тунгусская колыбель

Терракотовое украшение из Красноярского городища

Во втором раскопе также были обнаружены остатки хорошо сохранившейся черепицы и ряды правильно равноположенных тесаных плит, служивших базами для деревянных колонн здания.

Архитектурный ордер, определявший структуру и облик этих сооружений, состоял из несущих частей-опор в виде фуст (деревянные столбы) и несомых частей — антаблемента, включавшего архитрав, фриз и карниз черепичной крыши с приподнятыми вверх углами. В ан-

тамблементе наиболее характерной частью является замысловатый и привлекавший своей красотой фриз, который состоял из хитроумно пересекающихся и нагромождающихся друг на друга деревянных плит, имеющих разную форму. Этот фриз концентрирует тяжесть перекрытий, карниза и черепичной крыши «а верхней части фуста.

Так должны были выглядеть парадные здания на Краснояровской сопке с их легкими стенами, имевшими, вероятно, решетчатые окна, зимой заклеенные полупрозрачной бумагой, с деревянными столбами-колоннами, пышным фризом и нарядной черепичной крышей, края которой по углам эффектно загибались кверху, а коньки украшались скульптурными головами драконов.

Богатство построек в этой части городища дает основание считать, что здесь был, если не императорский, то, во всяком случае, княжеский внутренний город, город дворцов и храмов, какой имелся, например, в столице танского Китая — Чаньане, в столице бохайского царства около Нингуты, а также в столицах Японии и Кореи.

Замечательно при этом, что планировка города на Краснояровской сопке, в отличие от городов Маньчжурии, а также от городских центров танского и сунского времен в Китае, от городов Японии и Кореи, соответствовала естественным формам рельефа возвышенности.

Кроме того, все здания города размещались здесь не «а плоскости, а на специально срезанных для этой цели уступах-возвышенностях, расположенных ступенями, в виде террас. Следовательно, даже в планировке древнего города отразились свои традиции племен Дальнего Востока, черты их самобытного культурного творчества.

О том, где и как жили в этом городе представители иных слоев населения, неаристократы, можно судить по их следам обитания, обнаруженным ниже по склону и восточнее описанных парадных зданий. Здесь оказались обычные террасовидные площадки, уступы которых, возможно, были укреплены специальными опорными стенками, сложенными из плит и глыб песчаника. На одной такой площадке у самого края возвышенности обнаружены остатки основания стен жилища, сложенных из плоских камней, а также дымоходы. Жилище имело квадратные в плане очертания. Его крыша была не из черепицы, а, всего вероятнее, из соломы или травы, так как внутри жилища не оказалось ни одной черепицы.

Внутри в различных местах были найдены обломки глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, а также железные изделия: пластинка от лат, три наконечника стрел и наконечник копья с трубчатой втулкой и узким, но массивным листовидным пером.

Огромное городище на Краснояровской сопке было хорошо подготовлено к длительной осаде и обороне. В нем в ряде мест сохранились древние водоемы и источники, а на его валах, особенно в северной н

южной частях, до сих пор лежат скопления базальтовых ядер различ* него размера, приготовленных для камнеметных машин. Ядра эти были сложены, очевидно, в тех местах, где находились узловые пункты обороны жителей укрепления и где стояли камнеметные машины.

Десятки древних укреплений, иногда тоже довольно значительных по размерам и близких по типу к Красноярскому, имеются и в других местах Приморья.

Некоторые из них расположены на ровной открытой местности в долинах рек. Другие же, и таких большинство, — на вершинах сопок. Городища в долинах часто имеют в плане вид более или менее правильного прямоугольника или квадрата. Таковы, например, два городища в Чугуевке^[445], на реке Шкотовке и на реке Усури, описанное Ф. Ф. Буссе^[446].

Стены этих городищ сложены из земли и, кроме того, часто имеют обкладку из булыжника или глыб дикого камня. В ряде стен есть небольшие полукруглые выступы, служившие, по-видимому, башнями. В городище на реке Усури такие выступы подразделяются на малые и большие. Большие выступы, по измерениям Ф. Ф. Буссе, имели в ширину $1\frac{1}{3}$ сажени и выдавались в поле на 2 сажени; малые при такой же ширине выдавались в поле всего на 1 сажень. Верхняя часть выступов была при этом выше общей поверхности вала.

Почти во всех укреплениях этого рода имеются выемки для ворот, обычно по одной на каждой стороне, которые снаружи защищены отдельным валом в виде буквы Г, а иногда и более сложными защитными сооружениями. «Этот наружный траверс иногда одинаковой высоты с крепостным, иногда ниже и примыкает к последнему под прямым углом, или несколько тупым, а с другого своего конца оставляет узкий въезд. Дорога входит по последнему вдоль крепостного вала до противоположного наружного траверса, прикрывающего ворота, и, круто поворачивая, входит внутрь крепости через узкую выемку в воротах укрепления»^[447].

Ров в таких укреплениях простой, в виде более или менее глубокой и широкой канавы, откуда, вероятно, и брали землю для строительства вала. У подошвы вала, по наблюдениям Ф. Ф. Буссе, иногда проходит особый небольшой ров для стрелков, прикрытый земляным бруствером. Во многих укреплениях внутри огражденного основным валом пространства имеется четырехугольная площадка, также обнесенная земляным валом, на которой стояло жилище лица, командовавшего крепостью^[448].

Кроме земляных, в городищах были и деревянные оборонительные сооружения, всего вероятнее, в виде палисада из бревен или жердей, вкопанных вертикально в землю.

Выдающимся памятником чжурчжэньского времени в Приморье яв-

ляется Николаевское городище, расположенное на левом берегу реки Партизанской у села Николаевки Партизанского района. Впервые оно стало известно, по сообщению Кафарова, в 1871 году. Большой интерес к Николаевскому городищу проявил затем В. К. Арсеньев в связи с опубликованной им романтической легендой о Куань-Ю,не. Раскопками, произведенными Э. В. Шавкуновым в 1960 и 1962 годах, на городище были обнаружены остатки парадной арки, открывавшей, по мнению исследователя, парадный вход в храм, а также собран обильный материал по быту и искусству чжурчжэней в эпоху расцвета их государства и культуры [49].

В плане городище представляет собой подобие неравнобедренной трапеции и занимает площадь около 7000 кв. м. Его внутреннее пространство ограждено внушительным по виду высоким и резко профилированным даже и в настоящее время оборонительным валом, сложенным из земли, крупных валунов и галечника. Его высота достигает десяти метров от поверхности городища и 13—14 м от дна оборонительного рва. Глубина рва 3—4 м, ширина 20—25 м. Кроме внешнего рва в городище имеется еще один внутренний вал меньшего размера.

Стена внешнего вала была укреплена башнями: сохранились остатки двенадцати башен в виде овальных выступов. В южной и северо-восточной стенах городища находились ворота, огражденные специальными валами в виде буквы Г.

Внутри городища прослежены остатки внутреннего города, своего рода цитадели, огороженной земляным валом. По словам Э. В. Шавкунова, на территории внутреннего города находился тот центр, вокруг которого и прилегающей к нему территории и были воздвигнуты мощные и неприступные крепостные стены, опоясанные широким и сравнительно глубоким оборонительным рвом. В этот внутренний город вел вход через парадную арку. Обнаруженный раскопками фундамент арки состоял из четырех параллельных линий кирпичной кладки, ориентированных с юга на север. Кроме того, были найдены базы для деревянных колонн, или столбов, а также тщательно отделанный гранитный столб с овальной верхушкой, который делил проезд на две половины, восточную и западную, на въездную и выездную части.

Арка имела черепичную крышу и была богато украшена многочисленными глиняными скульптурами, остатки которых собраны во время раскопок. Это, прежде всего, головы драконов с широко раскрытой зубастой пастью, огромными круглыми выпученными глазами и длинным вздернутым носом в виде хобота. Второй сюжет глиняной скульптуры Николаевского городища представлен изображениями мифических птиц-фениксов, которым, как известно, принадлежит важная роль в мифологии народов Восточной Азии. Особый интерес вызывает крылатая антропоморфная фигура с руками, сложенными на груди, в ко-

торой Э. В. Шавкунов видит изображение «крылатого Будды». Это, скорее всего, второстепенный персонаж буддийского или какого-то туземного пантеона. На крышах зданий внутри городища были концевые черепицы с характерными наклепными дисками, украшенными обелисками — антропоморфными личинами с круглыми вытаращенными глазами, прямым носом, большим овальным ртом и высунутым для отвращения зла языком.

Общие очертания внутреннего города Николаевского городища, близкие к прямоугольнику, наличие въезда в южной его части, оформленного пышной парадной аркой, строгое расположение всего комплекса архитектурных сооружений по осевой линии с севера на юг — все это, как полагает Шавкунов, напоминает традиционную планировку храмовых комплексов Восточной и Юго-Восточной Азии. Отсюда он делает вывод, что здесь находился монастырь, к которому было приписано окрестное население, обязанное нести повинности по обслуживанию монастырского хозяйства.

Что касается дальнейшей судьбы городища, то следы бушевавшего некогда пожара и находка наконечников стрел в руинах арки, один из которых застрял между кирпичами, дали основание Э. В. Шавкунову предположить, что монастырь стал жертвой нападения монгольских войск, громивших государство Цзинь. О том же свидетельствует, по его словам, разрыв в крепостной стене вблизи одной из башен, против которой через ров сооружена земляная насыпь-дорога для монгольских солдат, бравших крепость штурмом.

В целом обобщая материал по долинным городищам Приморья, можно сказать, что это были достаточно внушительные и мощные по тем временам укрепления, способные выдержать штурм и осаду врага, вооруженного луком и стрелами, а также, может быть, и камнеметными машинами.

Нагорные укрепления распространены во всех районах Приморья. Они располагаются нередко целыми группами, своего рода «узлами», в определенных горных долинах, например в долинах рек Уссури, Арсеньевки и Илестой. Образцом таких укреплений является крепость на Известковой, или Голубиной сопке, в долине реки Артемовки, сооруженная на обширной площадке на верху живописной и высокой сопки, сложенной известняком.

Недоступная с южной и западной сторон вследствие наличия скалистых обрывов и русла реки Артемовки, она была, кроме того, защищена с севера и отчасти с востока мощными оборонительными сооружениями в виде валов. С северной стороны сопки имеется два ряда стен, сложенных из тщательно пригнанных глыб дикого камня, образующих две примыкающие друг к другу дуги — внутреннюю и внешнюю. Стены дополнялись башнями, от которых уцелели круглые площадки, располо-

женные с интервалами в 60—70 м. Диаметр площадок равен 4,5—5 м. В стыке между стенами -проходила дорога, которая упиралась в тупик, возможно, являвшийся ловушкой. Кроме стен городище укреплено было еще двумя рвами, пересекавшими площадку поперек с севера на юг.

Внутреннее пространство площадки, огражденной каменными стенами и рвами, служило местом поселения. Замечательной особенностью последнего являются расположенные по склону площадки ряды террасовидных уступов в количестве пяти, укрепленных снизу специально сложенными опорными стенками из глыб камня. Ширина таких уступов равна в среднем 5 метрам. Общая площадь городища составляет 250х400 м. На одной из таких площадок были собраны фрагменты средневековой керамики обычного серого цвета, изготовленной на гончарном круге.

Столь же характерно и другое городище этого рода у поселка Горный Хутор вблизи Черниговки. К востоку от поселка Горный Хутор возвышается живописная сопка с трех вершинами, сплошь поросшая густым дубовым лесом. Вершина сопки обведена превосходно выраженным насыпным земляным валом. Вал, необычно узкий и крутой, достигает местами высоты в 2,5—3 м и охватывает наклонное к западу пространство. Внутри городища нет никаких сколько-нибудь заметных следов жилых и других сооружений.

Очертания городища в плане соответствуют форме возвышенности. Это скорее неправильный многоугольник. На углах его стен с внешней их стороны видны расширения-выступы, соответствующие, очевидно, башням. На северном углу городища отчетливо видно углубление в виде поперечной ложбины, или окопа, шириной в 2 м при длине до 10 м и глубине около 1,5 м. Городище наиболее доступно с запада, где склон возвышенности медленно и плавно повышается. Здесь находится его самое уязвимое место, которое и защищено поэтому земляными валами с особой тщательностью. С востока же городище неприступно. Восточный склон возвышенности опускается вниз настолько круто и он так высок, что забраться вверх можно только по дороге, которая является ловушкой для осаждающих. Вал городища здесь тоже почти отвесный.

Замечательная черта городища Горный Хутор — хорошо сохранившиеся две дороги. Первая дорога ведет в крепость с западной стороны, где протекает река. Она плавно и полого поднимается вверх по склону возвышенности. У самого входа, где вал городища разомкнут, имеется оборонительное сооружение, защищающее вход — ворота крепости. Оно в виде четырехугольника, образованного земляными валами, и должно было служить западней для врага, если бы он ворвался внутрь укрепления через эти ворота.

Такое же предвратное оборонительное сооружение имеется и в северной части крепости. Здесь дорога полого опускается вниз по склону

возвышенности и при этом так, что поднимающиеся по ней вражеские воины находятся непосредственно под земляной стеной, откуда могли сыпаться на их головы камни и стрелы защитников укрепления. Ширина дорог около 1,5—2 м, полотно их ровное.

Внутри городища обнаружены обломки сосудов из серой глины, в том числе фрагмент одного сосуда оригинальной формы с тисненым орнаментальным клеймом в виде решетки, две довольно крупные каменные ступы, выдолбленные из базальта. Одна из них изготовлена из прямоугольной глыбы камня длиной около 40 см, толщиной около 30 см. Отверстие ступы коническое, шириной около 25 см и глубиной около 30 см. Отверстие долбленое. Вторая ступа почти такого же размера, с таким же углублением. Найдены также мелкие железные изделия в виде гвоздей и острий.

Помимо городищ — укрепленных поселений, встречаются также и остатки неукрепленных поселений сельского типа, места, где когда-то находились дома крестьян и их пашни. К «им относится, например, поселение в местности Хлебная падь вблизи села Осиновки.

Остатки еще одного такого средневекового поселения найдены вблизи села Осиновки. Поселение отмечено рядом небольших всхолмлений, густо поросших травой. Кое-где лежали крупные обожженные камни, вероятно, от канов. На одном из всхолмлений, представляющих собой прямоугольную площадку, слегка возвышающуюся над окружающей местностью, был заложен небольшой шурф, в котором обнаружено несколько черепков средневековой серой посуды, изготовленной на гончарном круге.

Судя по данным археологических исследований, на территории чжурчжэньских городищ, жилища рядовых чжурчжэньских общинников в XII веке по своей конструкции представляли почти полную копию жилищ ульчей и нанайцев XIX — начала XX столетия. Это были небольшие приземистые деревянные дома, с одним входом с южной, юго-восточной или юго-западной сторон. Сразу же у входа по обеим его сторонам находились очаги, от которых начинался кан с тремя дымоходами, выложенный сверху каменными плитами. Кан, имевший вид буквы П, проходил вдоль трех стен жилища. Все дымоходы кана соединялись у выводной трубы из деревянных досок. В некоторых жилищах имелись еще и дополнительные очаги. Пол перед каном у задней стены жилища нередко несколько углублялся. Посреди жилища, перед входом, а также, очевидно, по углам, стояли столбы, на которые опирался каркас крыши и стены [⁴⁵⁰ J.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ПОСЛЕ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ (XIV-XVI ВЕКА)

В целом, *обобщая* показания письменных источников и результаты археологических исследований, можно сказать, что время Чжур-чжэньского государства означало крутой подъем в развитии экономики, социальных отношений и культуры в Маньчжурии и соседних с ней районах нашего Дальнего Востока.

В чжурчжэньское время шире, чем когда-либо, распространяется земледельческое хозяйство. Сеть земледельческих поселений и военно-административных центров покрывала не только плодородную низменность Маньчжурии, но и распространялась в глубь лесистых и горных областей Приморья и даже на Амур.

На Амуре к этому времени в большинстве случаев относятся все те остатки высокой средневековой культуры, которые местное население, нанайцы и ульчи, связывает в своих преданиях с народом «ха». В этом легендарном народе следует видеть именно чжурчжэней.

Рост торговли находит отражение в обилии монет; если не все, то большинство средневековых монет, найденных в Приморье и в соседней Маньчжурии, относится ко времени падения Бохая и гибели Цзиньской империи. Организаторский гений чжурчжэней после того как была преодолена древняя племенная раздробленность, нашел яркое выражение в созданном ими гибком и прочном государственном агни-

рате, в мощной армии, оснащенной современным по тому времени вооружением.

Чжурчжэни не только восстановили собственную государственность, но и создали могущественную империю, которая разрушила государство киданей и овладела значительной частью Китая. Чжурчжэни не только усвоили многое из 'культуры соседних народов, но и в короткий срок создали свою собственную письменность на фонетической основе, литературу, законы. «Дикие» чжурчжэни вскоре после первых побед над киданями поднялись до уровня гордых своим культурным богатством сунских китайцев.

Расцвет, однако, вскоре начал сменяться упадком, сначала мало заметным, а затем все более быстрым и глубоким. Как это ни странно, на первый взгляд, юснковой причиной падения чжурчжэней были успешные и победоносные войны, которые они вели с другими народами, сначала с киданями, тангутами, а затем и с самим Китаем.

Эти войны, расширявшие границы Цзиньского государства за счет коренных земель Китая, поднимавшие престиж империи, привели со временем к тому, что чжурчжэней стало мало по сравнению с разноплеменными подданными цзиньских императоров.

Между тем чем дальше, тем больше ненавидели племена и народы, завоеванные чжурчжэнями, своих поработителей. Особенно -серьезную опасность представляли для чжурчжэней покоренные кидани. Кидани, по словам В. П. Васильева, «не могли простить чжурчжэням их славы и собственного порабощения. Кидани оказались ревностными советниками Чингисхана в деле уничтожения цзиньской династии»⁴⁵¹].

И действительно, ближайшими советниками монголов во время борьбы с чжурчжэнями были перешедшие на их сторону киданьские чиновники и полководцы. Эти чиновники и полководцы при каждом удобном случае изменяли цзиньской династии и переходили на сторону монголов, а один из 'них в самом разгаре борьбы даже попытался восстановить собственное Киданьское государство в тылу у чжурчжэней, на Ляодуне. Это был Елюй-Люгэ, который в 1210 году собрал в Ляодуне войско, провозгласил себя главнокомандующим, а затем правителем. Захватив власть над Ляодуном, он обратился к Чингисхану с просьбой признать его вассалом [⁴⁵²].

Став такими же, какими были когда-то кидани, угнетателями подвластных им племен и народов, чжурчжэни постепенно усваивали новое мировоззрение, новые социальные отношения. Идеология былого племенного единства и родовая солидарность давно уже сменилась новым мировоззрением, соответствовавшим росту классовых отношений и имущественного неравенства.

Опасность, грозившую Цзиньскому государству и обществу, достаточно живо и наглядно представляли наиболее дальновидные государ-

ственные деятели чжурчжэней, которые видели, как тает сила чжурчжэней, как в новой обстановке отмирают все старые национальные обычаи, воинственных дух, родившийся когда-то в борьбе с угнетателями — киданями. Наглядным примером этому может служить деятельность Улу, который потратил так много сил, чтобы предотвратить распад государственности чжурчжэней.

Тем не менее, Чжурчжэньское государство, несомненно, продолжало бы существовать и дальше, если бы его не постиг такой сокрушительный удар извне, каким явилось монгольское нашествие. Первые и самые жестокие удары этих завоевателей, которые потрясли Азию и Европу, поработили множество стран и народов и создали в невиданно короткий срок государство, равного которому по масштабам не знала история человечества, обрушились на Цзиньскую империю, а затем уже на весь остальной мир. Это была тяжелая, изнурительная война. Она потребовала огромного напряжения сил самих монголов, а чжурчжэней привела к катастрофе. Тридцать лет монгольские феодалы со свойственной им яростью и жестокостью вели борьбу за уничтожение Цзиньской империи, вставшей им на пути к мировому господству. В море крови, в пламени пожаров погибло не только Цзиньское государство, но исчезло то, что было чжурчжэньским народом. Огромное количество чжурчжэней, сопротивлявшихся (монголам, было физически истреблено или уведено в рабство. Остальные разбрелись и разбежались из разгромленных центров страны. С падением государства погибла и национальная культура чжурчжэней.

Уцелевшие северные племена, родственные чжурчжэням, вновь вернулись к своей прежней изолированной от остального мира жизни. Они сохраняли свои старые родовые обычаи, и со временем из их памяти \шли последние воспоминания о существовавшем когда-то могущественном государстве, созданном «ньючжами».

Дальнейшая история Приморья и соседних с ним районов нашего Дальнего Востока мало известна. В географии юаньской династии вместо цветущих городов и поселений упоминаются преимущественно развалины бохайских, ляоских (киданьских) и цзиньских (чжурчжэньских) городов.

Монгольским императорам, начиная с Хубилая, пришлось снова создавать населенные пункты в опустошенных ранее областях, например, в прежней стране Фуюй, когда-то густо заселенной. Хубилай в 1292 году направил туда колонию из 300 семейств маней и 190 семей чжурчжэней. До тысячи семей послано было также в опустошенную страну Хасхань. В 1295 году такая же колония из 220 семей наинь-булагачинов, то есть звероловов-соболевщиков, 80 семей речных дада и 300 семей покорившихся монголам чжурчжэней была основана в Чжаочжоу.

Несмотря на некоторые меры, предпринятые монгольскими властями по заселению завоеванной страны, этого оказалось недостаточно для ее возрождения. Юаньская география констатирует, что земли хайлань, речных дада и прочих племен, хоть и обширны, но заселены слабо, и обитатели их живут рассеянно.

С падением власти монгольских ханов новая, минская династия в Китае предпринимает ряд мероприятий по расширению своего государства.

В первой половине XV столетия минские императоры снаряжают огромные морские экспедиции на юг, в район Индийского архипелага. В то же самое время они делают ряд безрезультатных попыток укрепиться и на севере, в соседних с Китаем северных районах Дальнего Востока, вдоль берегов Тихого океана и в бассейне реки Амура, где жили племена «цзелими», то есть гиляки, и «куй» — айны.

Так, в 1411 году минской администрацией на юге (Маньчжурии) приказано было построить суда на Сунгари и отправить в них войска вниз по этой реке, в страну, где жили предки нанайцев-гольдов, для привлечения туземцев под власть минской династии. О том, чем закончилось это мероприятие, можно судить по надписям на тырских стелах, оставленных одним из руководителей этих походов Ишиха [⁴⁵³].

Как рассказывают тырские надписи, Ишиха приплыл в 1413 году в страду Нурга'нь на 25 лодках с отрядом в тысячу с лишним человек, в составе которого, кроме солдат, были офицеры-тысячники, начальники гарнизонов, сотники — по большей части монголы, лекари, архитекторы, писцы, скульптор, кузнец, мастера по изготовлению кирпича и черепицы, а также каменщик — укладчик кирпича.

Нурганьская земля, согласно надписи, не родила хлеба, не производила шелка и полотна; жители ее разводили только собак и диких оленей. Они питались рыбой и мясом, одевались в одежды из звериных шкур.

Ишиха угостил местных жителей вином, хлебом, раздал им утварь и одежду. Туземным старшинам были даны «властные дощечки» — папцзы, бунчуки и печати, а также бумажные деньги. Вблизи станции Маньцзин на «высокой и красивой» горе осенью 1413 году был воздвигнут храм в честь Гуань-Инь (Авалокитешвары), названный храмом «Вечного Спокойствия». Около храма был поставлен памятник с надписями «а китайском, тибетском, монгольском и чжурчжэньском языках, где говорилось об экспедиции Ишиха и построении храма. В надписи пространно восхвалялся минский император и в агитационных целях превозносилась его политика по отношению к подвластным народам.

По словам надписи, сначала нурганьцы, будто бы «старики и малые дети, близкие и дальние, толпами наперерыв, оттаптывая друг другу пятки», устремлялись к храму, так как видели в нем талисман от эпи«

демий. Когда в 1433—1434 годах Ишиха снова отправился к нурганьцам, то он нашел на тырском утесе только основание сооруженного им в 1413 году и уничтоженного туземцами храма «Вечного Спокойствия». Таким образом, несмотря на старания минских императоров включить часть северных племен Дальнего Востока в орбиту своей феодальной государственности, им это сделать не удалось.

В начале XVII столетия владычество над Китаем переходит к новой, маньчжурской (цинской) династии. Завоеватели-маньчжуры,, заняты больше всего внутренними делами в Китае и военными мероприятиями в Монголии, меньше, чем минская династия, интересовались положением дел на севере. Северные племена сохранили свою независимость, уклад жизни, правда, оставаясь данниками маньчжуров..

Вовремя возвышения маньчжуров и позже на берегах реки Уссури жили племена мулунь. Племена по реке Б. Уссурке носили имя современного нанайского рода Дзятала («циякала» или «кякяла»). Мужчины циякала татуировали лицо и добывали соболей. Летом они питались рыбой, зимой звериным мясом, одежду шили из шкур диких животных.

Обитатели Сунгари и Амура назывались «бреющими голову» хэйцзинь (хэчжэ, или гольды) и делились на шесть родов — хала. Далее на северо-восток вниз по Амуру жили 10 родов хэйцзинь (нанайцев), не бривших голову [⁴⁵⁴]. Здесь была страна собаководов, которые носили одежды из рыбьей кожи и звериных шкур, а в качестве украшения — золотые кольца в носу.

Все эти племена крайнего северо-востока Азии в отличие от южных амурских соседей, а также якутов, эвенов и эвенков, находились по-прежнему еще на уровне каменного века.

Так продолжалось до тех пор, пока на Дальнем (Востоке не появились первые отряды русских служилых и промышленных людей.

Они прокладывали топорами пути сквозь вековые дебри тайги, строили высокие хоромы и церкви, воздвигали деревянные башни островов, в том числе даже в самых низовьях Амура, в стране нанайцев и гиляков, куда яе ороникали маньчжурские чиновники и торговцы. По великой азиатской реке к Тихому океану навстречу солнцу плыли суда земледроходцев.

Исторические судьбы населения Дальнего Востока три столетия тому назад, с XVII века, оказались неразрывно, навеки связанными с судьбами Русского государства. Именно русским людям предстояло вывести этот богатый, прежде «забытый историей» край из вековой отсталости.

Началась новая эпоха в истории Дальнего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Албазинский острог — первое русское поселение на реке Амуре, основанное в 1650 г. казаками Ерофея Павловича Хабарова.

² Минская география — география эпохи династии Ми., (1368—1643 гг.), часть династийской истории.

³ Неолит (новокаменный век)—последний этап каменного века.

⁴ Палеолит (древнекаменный век) —делится на нижний, средний, верхний. Самый продолжительный этап в истории человеческого общества (около 1,5 млн. лет). Закончился 14 тыс. лет назад.

⁵ Ашельские рубила — двусторонне обработанные изделия (преимущественно миндалевидной формы), употребляющиеся древним человеком в качестве ручного топора — универсального орудия труда в нижнем палеолите. Ашель — культура древнего человека в нижнем палеолите. 300—150 тыс. лет назад.

⁶ Мадлен (в Западной Европе) — финальная культура верхнего палеолита. 20—14 тыс. лет назад.

⁷ Стратиграфия — последовательность отложения напластований горных пород, а также культурных слоев.

⁸ Мустье (средний палеолит) — переходный этап от нижнего палеолита к верхнему (150—40 тыс. лет назад).

⁹ Меандр (от названия извилистой реки Меандр в Малой Азии) — орнамент в виде изогнутых и пересекающихся под прямым углом линий.

¹⁰ Мезолит (среднекаменный век) — переходный этап от палеолита к неолиту. 14—9 тыс. лет назад.

¹¹ Этногенез — раздел археологии и этнографии, изучающий происхождение племен и народов.

¹² Нуклеусы — ядрища, заготовки для скалывания с них пластин и отщепов.

¹³ Плейстоцен—современный геологический период делится на две эпохи: плейстоцен и голоцен. Плейстоцен, или иначе антропоген, связан со временем становления человеческого общества и делится на три этапа: нижний, средний, верхний. На плейстоцен приходится эпоха палеолита. Голоцен — современная геологическая эпоха.

¹⁴ Леваллуазская — техника, возникшая в нижнем палеолите, — ашеле. Характеризуется особыми приемами оформления нуклеуса (леваллуазского), служившего для снятия с него правильных подтреугольных пластин.

¹⁵ Депрессия — понижение, например, участок суши, лежащий ниже уровня океана.

¹⁶ Ксерофитовые ассоциации — растения засушливого климата.

¹⁷ Ареал — географическая область, объединенная совокупностью общих признаков, например, ареал распространения археологической культуры — область, где наиболее ярко проявляются признаки, определяющие эту культуру.

¹⁸ Артефакт — орудия труда, вещи, сделанные рукой человека.

¹⁹ Вюрм — последний ледниковый период (Пенком и Брункером в Альпах были выделены следы четырех ледниковых периодов: гюнц, миндель, рисе, вюрм).

²⁰ Абbevильская — техника двусторонней обработки изделий, впервые появляется в нижнем палеолите на юге Франции. Названа по местонахождению у г. Абbevиль на реке Сомм.

²¹ Кафуанская культура — галечная, дошельская культура Африки. Древнейшая индустрия человека.

²² Соанская культура — галечная нижнепалеолитическая культура Северной Индии.

²³ Чоппер — рубящее орудие, у которого на одном конце с одной стороны затесано рабочее лезвие.

²⁴ Чоппинг — рубящее орудие с рабочим лезвием, затесанным с двух сторон в виде клина.

²⁵ Палинология — отдел ботаники, изучающий форму и детали строения пыльцы и спор древних и современных растений.

²⁶ Трогонтериевый слон — представитель хоботных, относящийся к хозарскому фаунистическому комплексу. Обитал в степных и лесостепных ландшафтах среднеплейстоценового времени.

²⁷ Аллювиальные (отложения) — связаны с деятельностью рек. К аллювиальным отложениям относятся пески, глины, илы, галечники и др.

²⁸ Эпилеваллуазская (техника, нуклеусы) — пережиточные леваллуазские формы на более поздних этапах культуры человека в верхнем палеолите, мезолите и неолите.

²⁹ Денудация — совокупность процессов разрушения горных пород, которые в дальнейшем переотлагаются и образуют плоскоовхолмленную равнину.

³⁰ Юрский (период) — второй период мезозойской эры в истории Земли.

³¹ Ихтиофаги («рыбоеды») — племена, главным занятием которых было рыболовство, пищей — рыба.

³² Волюты — завитки, спирали.

³³ Бурханы (у нанайцев) — изображения различных злых и добрых духов.

³⁴ Буни — у нанайцев и других тунгусоязычных народов Дальнего Востока захороненный мир.

³⁵ Дзёмон — неолитический этап в истории племен на Японских островах (8—3 тыс. лет назад). Назван так по керамике Дзёмон (с отгисками «рогожи»).

³⁶ Яёй — эпоха появления металла, бронзы и железа на Японских островах (3 век до н. э. — 3 век н. э.). Названа по улице в Токио, где обнаружены первые находки.

³⁷ Сейменско-Турбинский — период раннего бронзового века (в первой половине II тысячелетия до н. э.) на территории Поволжья, Южного Урала.

³⁸ Китайские династии:

Инь—1562—1066 г. до н. э.

Западное Чжоу—1066—771 г. до н. э.

Восточное Чжоу—770—403 г. до н. э.

Период Чжанько (Борющихся царств) 403—221 г. до н. э.

221—207 г. до н. э. — династия Цинь.

206—25 г. до н. э. — династия ранняя Хань.

25—220 г. н. э. — династия поздняя Хань.

220—280 г. н. э. — период Троецарствия.

265—420 г. н. э. — династия Цзинь (Цинь)

386—589 г. н. э. — период южных и северных династий.

581—617 — династия Сун.

618—907 — династия Тан.

907—960 — эпоха пяти династий.

960—1279 — династия Сун.

1260—1368 — династия Юань.

1368—1644 — династия Мин.

1644—1911—династия Цин.

³⁹ Триподы— глиняные сосуды на трех ножках в виде вымени коровы или лошади.
Дунху — древние племена, обитавшие на территории северо-востока Китая и Восточной Монголии, по предположению многих ученых, — предки монголов.

⁴⁰ Неф — архитектурный термин, обозначает коридоры между рядами колонн.

⁴¹ Кежимы — специальные дома для собраний у эскимосов.

⁴² Культура Омори — поздний этап неолита дзёмон в Японии.

⁴³ Эпифиз — конец длинной трубчатой кости.

⁴⁴ Андаманцы — обитатели Андаманских островов.

⁴⁵ Дольмены:— погребальные сооружения из больших каменных плит в виде гробницы.

⁴⁶ Мегалитическая культура — культура раннего металла на территории Кореи.

⁴⁷ Автохтонные (племена)—коренные жители, первоначальное население.

⁴⁸ Бодисатвы — буддийские божества.

⁴⁹ Тысяча будд — традиционные комплексы изображений будд всех эпох буддийской космогонии прошлых и будущих.

⁵⁰ Козлодрание — конные игры с козлом-призом.

⁵¹ Авалокитешвара — бодисатва. Верховный лама Тибета, Далай-лама, считается «перерожденцем» Авалокитешвары.

⁵² Отрарский инцидент — события в городе Отраре (в нынешнем Казахстане), явившиеся началом вторжения монголов в Среднюю Азию.

УКАЗАТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] А. П. Окладников. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура. К 300-летию открытия Тырских памятников. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 87, вып. 4, 1955, стр. 335—344.
- М. И. Казанин исправляет чтение этой подписи таким образом: «До сего места Александр Македонский доходил, трупы спрятал (похоронил павших) и колокол оставил». (М. И. Казанин. Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова, Сб. «Страны и народы Востока», вып. I. «География, этнография, история». Под ред. акад. В. В. Струве. М., 1959, стр. 229).
- [2] Н. Г. Спафарий. Описание первые части вселенные именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Казань, 1910, стр. 68—69.
- [3] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860—1862.
- [4] Р. К. Маак. Путешествие по Амуру. СПб, 1859.
- [5] Р. К. Маак. Путешествие по Амуру... стр. 160.
- [6] Р. К. Маак. Путешествие по долине р. Усури. т. I, СПб, 1861, стр. 43.
- [7] С. В. Максимов. На Востоке. — Поездка на Амур (1860—1861 гг.). СПб. 1864.
- [8] А. Ячевский, И. А. Лопатин (некролог). «Горный журнал». СПб, 1909, т. IV, № 12 (приложен список печатных работ Лопатина). И. Л. Клеопов, И. А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Неопубликованные дневники, письма. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1964.
- [9] П. А. Кропоткин. Об исследовании И. А. Лопатина на Сахалине. «Известия ИРГО», СПб, 1869, т. V, № 7, стр. 207.
- [10] И. А. Лопатин. Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране. Архив ЛОИА (Ленинград), д. № 34, 1869.
- [11] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае (1867—1869). М., 1937, стр. 66—67.
- [12] В. П. Васильев. Сведения о маньчжурах во время династий Юань и Мин. СПб, 1863.
- [13] П. Кафаров. Дорожные заметки по пути из Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г. ЗРГО. СПб, 1871, т. IV.
- [14] В. Е. Ларичев. Потерянные дневники Палладия Кафарова. «Известия СО АН СССР», серия общественных наук, № 1, вып. I, 1966, стр. 114—122.
- [15] П. Кафаров. «Известия ИРГО», т. VI, 1870, стр. 234.
- [16] П. Кафаров. «Известия РГО», т. VI, 1870, стр. 234.
- [17] П. Кафаров. «Известия РГО», т. VII, 1871, стр. 123—124.
- [18] П. Кафаров. «Известия РГО», т. VII, 1871, стр. 326.
- [19] Там же, стр. 369.
- [20] П. Кафаров. «Известия РГО», 1871, т. VII, стр. 327.

[21] В. Е. Ларичев. Потерянные дневники Палладия Кафарова. «Известия Сибирского отделения АН СССР», серия общественных наук, № 1, вып. I, 1966, стр. 114—122.

[22] М. И. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Нарва. Заметка, приложенная к археологическим древностям, пересланным в Музей ВСОРГО. «Известия Вост-Сиб. отдела РГО», т. XII, № 2—3, 1881, Иркутск, стр. 92—93.

[23] Там же, стр. 92.

[24] Там же, стр. 92.

[25] Там же, стр. 92.

[26] Там же, стр. 93.

[27] Там же, стр. 93.

[28] М. И. Янковский, там же, стр. 93.

[29] Попутно следует отметить, что остатки крабов были найдены в раковинных кучах Приморья в результате работ одного из отрядов Дальневосточных археологических экспедиций в 1955 г. (работы Г. И. Андреева).

[30] М. И. Янковский. Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Нарва. Заметка, приложенная к археологическим древностям, пересланным в Музей ВСОРГО «Известия Вост-Сиб. отдела РГО», т. XII, № 2—3, 1881, Иркутск, стр. 92—93.

[31] Там же, стр. 93.

[32] Там же, стр. 13.

[33] Там же, стр. 13.

[34] Там же, стр. 13.

[35] М. И. Янковский. Указ. соч., стр. 13.

[36] И. С. Поляков. Путешествие на о. Сахалин в 1881—1882 гг. Приложение к «Известиям РГО», СПб, 1883, т. XIX, вып. I, стр. 18—21.

[37] И. С. Поляков. Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае, в Японии, Приложение к XI, VIII т. «Записок имп. Академии наук», № 6. СПб, 1884, стр. 56—57.

[38] И. С. Поляков. Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае, в Японии. Приложение к XI, VIII т. «Записок имп. Академии наук», № 6. СПб, 1884, стр. 16.

[39] Там же, стр. 18.

[40] Там же, стр. 19.

[41] А. Рончевский. Федор Федорович Буссе. «Записки общества изучения Амурского края», т. XII, Владивосток, 1908, стр. XV.

[42] Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива, близ устья р. Нарва. Газета «Владивосток», 1885, № 12.

[43] В. П. Маргаритов. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Нарва. Изд. Общ. изуч. Амурского края, Владивосток, 1887, стр. 1.

[44] Там же, стр. 1.

[45] Там же, стр. 2—3.

[46] Там же, стр. 2.

[47] Там же, стр. 4.

[48] Там же, стр. 4.

[49] Там же, стр. 4.

[50] Там же, стр. 5.

[51] Там же, стр. 5—6.

[52] Там же, стр. 5—6.

[53] Там же, стр. 6.

[54] А. В. Елисеев. Отчет о поездке на Дальний Восток. «Известия РГО», т. XXVI, 1890, стр. 360.

- [55] А. В. Елисеев. Отчет о поездке на Дальний Восток. «Известия РГО», т. XXVI, 1890, стр. 361—364.
- [56] Н. Альфтан. Заметки о рисунках на скалах по рр. Уссури и Бикину. «Приамурские ведомости», Хабаровск, 1895, № 66. Н. Альфтан. Заметки о рисунках на скалах по рр. Уссури и Бикину. «Труды Приамурского отдела Русского географического общества», т. VI, Хабаровск, 1895. Н. Альфтан. Общий очерк движения пяти охотничьих команд 2-й Восточно-Сибирско-стрелковой бригады по исследованию Уссурийского края. «Труды Приамурского отдела Русского географического общества», т. II, Хабаровск, 1895.
- [57] Ф. Ф. Буссе и П. А. Кропоткин. Остатки древностей в Амурском крае. «Записки Общества изучения Амурского края», т. XII, Владивосток, 1908.
- [58] А. В. Гребенщиков. Маньчжуры, их язык и письменность. «Известия Восточного института», т. XLIX вып. 1, Владивосток, 1912, стр. 1.
- [59] Там же, стр. 2—3.
- [60] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник. Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет его существования. Владивосток, 1916, стр. 50—51.
- [61] Там же, стр. 54.
- [62] Там же, стр. 67—69.
- [63] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник. Музей Общества изучения Амурского края за первые 25 лет его существования. Владивосток, 1916, стр. 65.
- [64] Там же, стр. 65.
- [65] Там же, стр. 72.
- [66] А. В. Гребенщиков. К изучению истории..., стр. 74—75.
- [67] Дмитрий Позднеев. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. II, ч. I. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаэского клана. Токио, 1909.
- [68] Там же, стр. 29.
- [69] И. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I—III, СПб, 1899.
- [70] А. Я. Гуров. К сведению нашего музея «Амурский край», Благовещенск, № 72, 1902.
- [71] А. Я. Гуров. Археологические находки. «Амурская газета», 1902, № 89. Его же. К сведению нашего музея, «Амурский край», № 64 и 72. Его же, Археология Амура, «Амурский торгово-промышленный вестник», 1907, № 7.
- [72] А. Я. Гуров. Благовещенск-на-Амуре: «Восточный вестник», № 105, Владивосток, 1902. Его же. «Вольный казак», ст. Поярковская на Амуре. «Амурский край». Благовещенск, № 100, 1902. Его же. Доисторические памятники Среднего Амура, «Амурское эхо», XII, 1910.
- [73] Коллекция, собранная А. Н. Криштофовичем, хранится в Ленинграде, в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР за № 2394.
- [74] А. А. Браунер. Собаки каменного века р. Амура. Геологический комитет, вып. 160, 1923, стр. 1—23, 5 табл.
- [75] М. З. Паничкина. О датировке находки у ст. Иннокентьевской на Амуре. «Советская этнография», 1935, № 4—5, стр. 216.
- [76] В работах участвовали также приморский археолог А. З. Федоров, консерватор Амурского музея М. К. Толмачев, поэт Ф. И. Чудаков.
- [77] Археологическое обследование побережья Амура. «Амурское эхо», № 925, Благовещенск, 1916.
- [78] Материалы хранения в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.
- [79] Н. Е. Кабанов. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Путешественник и натуралист. 1872—1930. М., 1947, стр. 20—21, 50—53.

Ф. Ф. Аристов, Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский). «Землеведение», т. 32, вып. 3—4, 1930, стр. 208—243.

[80] В. К. Арсеньев. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Сочинения, т. IV. Примиздат, 1947, стр. 279.

[81] В. К. Арсеньев. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Соч. т. IV, стр. 279—280. Для проверки предположения В. К. Арсеньева о древних кремневых шахтах на реке Амагу, туда в 1955 году был направлен специальный отряд Дальневосточной археологической экспедиции в составе М. В. Воробьева и Р. С. Василевского. Остатки горных разработок были обследованы отрядом, но обнаружить какие-либо определенные следы предполагаемой Арсеньевым добычи кремня не удалось. Следы «старинной дороги» при ближайшем ознакомлении с ними оказались средневековым городищем. Таким образом, загадка шахт на реке Амагу осталась неразгаданной.

[82] Коллекция Хабаровского краеведческого музея.

[83] В. К. Арсеньев. Археологические раскопки на п-ве Песчаном, произведенные В. К. Арсеньевым в 1921 г. Архив Приморского филиала Географического общества, лл. 1—16.

[84] В. К. Арсеньев. Археологические раскопки на п-ве Песчаном, лл. 1—16. 1952, стр. 135—137.

[85] Там же, лл. 1—16.

[86] В. К. Арсеньев. Археологические раскопки на п-ве Песчаном. Архив Приморского филиала Географического общества лл. 1—16.

[87] Там же, стр. 1—16.

[88] Коллекции хранятся в Приморском краеведческом музее за № 379/490 и № 498/475.

[89] В. К. Арсеньев. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Сочинения, т. V, Владивосток, 1948, стр. 113—136.

[90] В. К. Арсеньев. Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. Сочинения, т. IV. Примиздат, Владивосток, 1947, стр. 313—318.

[91] Там же, стр. 315.

[92] Там же, стр. 315—316.

[93] А. И. Разин. Из экскурсионной практики. «Советское Приморье». 1925, № 10, стр. 16—20. Он же. Практическая роль археологии для Дальневосточного края. Сб. «Работы кружка юных краеведов при Владивостокском отделе Гос. Географ. общества», вып. 1, Владивосток, 1927, стр. 17—20.

[94] А. И. Разин. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. Доклад на Объединенном заседании исследовательского института и Географического общества. «Советское Приморье», 1926, № 8, стр. 59—72.

[95] Там же, стр. 59—72.

[96] Там же, стр. 62.

[97] А. И. Разин. Археологические разведки... стр. 62.

[98] Там же, стр. 62.

[99] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. «Сов. археология», т. XVI, 1952, стр. 289—298.

[100] Там же, стр. 296.

[101] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. «Сов. археология», т. XVI, 1952, стр. 297.

[102] Л. Н. Иваньев. Раковинные кучи Приморского края. КСИИМК, вып. XI—XII, 1952, стр. 135—137.

[103] Л. Н. Иваньев. Археологические находки в окрестностях Владивостока. «Сов. археология», т. XVI, 1952, стр. 297.

[104] Л. Н. Иваньев. Раковинные кучи Приморского края. КСИИМК, вып. XI—XII, стр. 135—137.

[105] Там же, стр. 137.

[106] Г. С. Новиков-Даурский. Археологические разведки в окрестностях сел Игнатьево, Марково, Екатериновки и г. Благовещенска. «Записки Амурского окружного музея и краеведческого общества», вып. I. Благовещенск, 1930, стр. 26—33.

[107] Г. С. Новиков-Даурский. Историко-археологические очерки. Благовещенск, 1961, стр. 190.

[108] Там же, стр. 190.

[109] М. М. Герасимов. Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях гор. Хабаровска. «Известия Восточно-Сибирского отдела Государственного РГО», т. 53. Иркутск, 1928, стр. 133—141.

[110] А. П. Окладников. Древние памятники в низовьях Амура. Тезисы докл. к отчетной археол. сессии Ин-та антропологии, археологии и этнографии АН СССР, 1936, стр. 1—4. Он же. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. Он же. «Советская археология», 1936, № 1, стр. 275—277. Он же. У истоков культуры народов Дальнего Востока. В сб.: «По следам древних культур от Волги до Тихого океана». Госкультпросветиздат, 1954, стр. 255—260. Он же. Олень — золотые рога, М. — Л., «Искусство», стр. 240.

[111] А. П. Окладников. Археологические исследования в Приморье в 1953 г. Сообщения Дальневосточного филиала АН СССР, вып. 8, 1955, стр. 3—13. А. П. Окладников, Г. С. Ганешин. О некоторых археологических памятниках Приморья и их геологическом значении. Материалы по геологии и полезным ископаемым Восточной Сибири и Дальнего Востока. Материалы ВСЕГЕИ. Новая серия, вып. I. «Геология и полезные ископаемые», М., 1956, стр. 50—57.

[112] А. П. Окладников. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук на пленуме ИИМК и сессии ИЭ, посвященных итогам археологии. М., 1954.

[113] А. П. Окладников. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке, КСИИМК, 71, 1958, стр. 109—118.

[114] А. П. Окладников. Работы на Дальнем Востоке в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 107—114.

[115] А. П. Окладников. О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на реке Зее, М., «Наука», 1964.

[116] А. П. Окладников. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений третьей Дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 5—6.

[117] А. П. Деревянко. Новопетровская культура на Среднем Амуре, Новосибирск, 1970.

[118] Е. И. Деревянко. Датированный мохэский памятник на Среднем Амуре. «Известия СО АН СССР, серия общественных наук», вып. I, № 6, 1969.

[119] Г. М. Власов. Итурупские письмена на камнях. Сб. «Вопросы географии Дальнего Востока», вып. 4, Хабаровск, 1960, стр. 371—374.

[120] А. П. Окладников. Поселение у с. Вознесенки, вблизи устья р. Гур. «Археологические открытия» 1966 г. М., 1967, стр. 175—178.

[121] П. В. Черский. В глубины прошлого Якутии. Якутск, 1962, стр. 88.

Ю. П. Баранова, С. Ф. Бискэ. Северо-Восток СССР. М., «Наука», 1964, стр. 290. А. П. Васильковский. Краткий очерк растительности, климата и хронологии четвертичного периода в верховьях рек Колымы, Индигирки и на северном побережье Охотского моря. В сб.: «Ледниковый период на территории европейской части СССР и Сибири». М., изд-во МГУ, 1959, стр. 514—515.

В. Н. Сукачев. Некоторые данные о доледниковой флоре севера Сибири. «Тр. Геол. музея Академии наук», т. 4, 1910.

[122] Ю. Г. Решетов. Природа Земли и происхождение человека. М., «Мысль», 1966, стр. 182. И. К. Иванова. Геологический возраст ископаемого человека. «Наука», 1965, стр. 6.

[123] А. П. Васильковский. Краткий очерк растительности, климата и хронологии четвертичного периода в верховьях рек Колымы и Индигирки и на севере побережья Охотского моря. В сб.: «Ледниковый период на территории европейской части СССР и Сибири». Изд-во МГУ, 1959, стр. 515.

[124] С. А. Стрелков, В. Н. Сакс, С. А. Архипов, В. С. Волкова. Проблема четвертичных оледенений Сибири. Сб.: «Основные проблемы изучения четвертичного периода». М., «Наука», 1965.

[125] Р. Е. Гитерман, Л. В. Голубева. История развития растительности Восточной Сибири в антропогене. Сб. «Основные проблемы изучения четвертичного периода». М., «Наука», 1965.

[126] В. В. Никольская и В. П. Чичагов. О четвертичном оледенении в бассейне Амура. Вопросы стратиграфии и палеографии четвертичного периода (антропогена). М., Изд-во АН СССР, 1963. А. И. Мячина. К вопросу о границе третичных и четвертичных отложений Амура-Зейской депрессии. «Советская геология», 1959, № 4.

[127] К. К. Марков, М. П. Гричук, Г. И. Лазуков. Основные закономерности развития природы территории СССР в четвертичном периоде — антропогене. Часть I. М., Изд-во МГУ, 1961.

[128] И. И. Берсенев. Стратиграфия четвертичных отложений Приморья. Материалы совещания по изучению четвертичного периода. Т. III. М., Изд-во АН СССР, 1961.

[129] А. П. Окладников, Н. К. Верещагин, Н. Д. Оводов. Открытие пещерного палеолита и плейстоценовой фауны в Приморье (пещера «Географического общества»). «Вестник АН СССР», 1968, № 10.

[130] К. К. Марков, Г. И. Лазуков, В. А. Николаев. Указ соч., стр. 298.

[131] М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., Изд-во АН СССР, 1957.

[132] И. К. Иванова. Геологический возраст ископаемого человека. М., «Наука», 1965, стр. 47.

[133] T. Shikawa. On the Chronology of the Japanese Quaternary. «Congr. Intern. du Quaternaire 1953», Rome, 1956.

[134] Н. Д. Кинд. Врезы и осадконакопление в долине р. Енисея. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 34, 1967, таблица 1.

[135] N. C. Nelson. Notes on Cultural Relations between Asia and America. «American Antiquity», vol. 2, no. 4, 1937.

[136] Froelich Rainey. Archaeology in Central Alaska. «American Museum of Natural History, Anthropological Papers», no 36, New York, 1939.

[137] Ch. Serisawa and F. Ikawa. The oldest archaeological materials from Japan. «Asian Perspectives», v. II, no. 2, 1958.

[138] А. П. Окладников. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений третьей Дальневосточной конференции по истории, археологии и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 5—6; Его же. Археология долины рек Зей и Среднего Амура. С. А. 1966, № 1, стр. 32—41.

[139] М. З. Паничкина. Палеолитические нуклеусы. «Археологический сборник государственного Эрмитажа», вып. I. Л., 1959, стр. 20; 52.

[140] А. П. Окладников. Мезолит Приморья. Тезисы докладов к Всесоюзному совещанию по изучению четвертичного периода, секция истории, флоры, фауны древнего человека. Новосибирск, 1964, стр. 92.

[141] Там же, стр. 91.

[142] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, стр. 87; рис. 21 (11).

[143] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35. М.—Л., 1953, стр. 26—27, табл. VIII, рис. 3.

[144] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «ТЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956.

- [145] А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении. «ИАН ТССР». 1953, № 2.
- [146] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова. «ГЮТАКЭ», т. II Ашхабад, 1953.
- [147] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М. — Л., 1966, стр. 23.
- [148] А. С. Лукашкин. Новые данные о неолитической культуре в Северной Маньчжурии. «Вест. Маньчжурии» (Харбин, № 2, 1931. Он же. Исследования неолитических стоянок близ станции Цицикар. «Вест. Маньчжурии» (Харбин), № 3, 1931.
- [149] А. С. Лукашкин. Новые данные о неолитической культуре в Северной Маньчжурии, стр. 89.
- [150] В. С. Макаров. Новые данные о неолитической культуре района станции Ананци. «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографии», № 8, Харбин, 1950.
- [151] А. П. Окладников. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. «Вопросы истории» № 2, 1964, стр. 50.
- [152] Поселение исследовалось в 1963 г. Б. С. Сапуновым и авторами. Собранный материал хранится в Благовещенском краеведческом музее.
- [153] Поселение было открыто в 1962 г. С. Н. Астаховым во время разведочных работ в Забайкалье. В 1965 г. в раскопках участвовали: А. П. Окладников — нач. ДВАЭ, А. П. Деревянко — нач. Хабаровского отряда, И. А. Кириллов — преподаватель Читинского пединститута, В. И. Жалковский — художник, студенты Читинского пединститута. В 1966 г. работы в Чинданте под руководством А. П. Окладникова продолжал Р. С. Васильевский.
- [154] А. П. Окладников. Шилкинская пещера-памятник древней культуры Верховьев Амура. МИА № 86, М. — Л., 1960, стр. 18—50.
- [155] В. Е. Ларичев, М. И. Рижский. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья (стоянки в районе озер Иргень и Кенон) «Сибирский археологический сборник», Новосибирск, 1966, стр. 94—131.
- [156] А. С. Лукашкин. Исследование неолитических стоянок... рис. 7 таблица 1, рис. 3, таблица III, рис. 23.
- [157] В. Е. Ларичев. Ук. соч., табл. 8, рис. 15, табл. 9 рис. 9.
- [158] Ч. М. Таксами. Селения, жилье и хозяйственные постройки нивхов Амура. «Сибирский этнографический сборник». М. — Л., 1961, стр. 111—112. Сравните описание жилища «то-рыв» (Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, стр. 11—13).
- [159] Л. Я. Штернберг. Гиляки. В сб.: «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы». Хабаровск, 1933, стр. 17.
- [160] В. Г. Ларькин. Орочи, стр. 47.
- [161] И. А. Лопатин. Гольды, стр. 81.
- [162] И. А. Лопатин. Гольды, стр. 83; Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб, 1883, т. II, стр. 13.
- [163] В. Г. Ларькин. Орочи, стр. 47.
- [164] П. Кропоткин. От устья Тунгуски до сопки Каутырь. «Зап. общ. изучения Амурского края». т. I, вып. I, 1896, стр. 8.
- [165] R. Torii. Études archeologiques et ethnologiques populations prehistoriques de la Mandchourie meridionale. «Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo». v. XXXVI, art. 8, 1915.
- [166] Л. Я. Штернберг. Указ соч., стр. 26.
- [167] В. К. Арсеньев. Жизнь и приключения в тайге. М., 1937, стр. 113.
- [168] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. ч. 1—2, 1951, стр. 214—263.
- [169] А. П. Окладников. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений третьей Дальневосточной конференции по истории и этнографии. Комсомольск-на-Амуре, 1962, стр. 7.

- [170] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур», М., 1954.
- [171] См.: Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, стр. 93; И. А. Лопатин. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования. «Зап. о-ва изуч. Амурского края», т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 146.
- [172] С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 237.
- [173] А. Д. Авдеев. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. М.—Л., 1959, стр. 142.
- [174] Леви Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении, стр. 120.
- А. Д. Авдеев, цит. раб., стр. 142.
- [175] Там же, стр. 142.
- [176] Там же, стр. 135.
- [177] А. Ф. Анисимов. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959, стр. 14. Г. М. Василевич. Древние охотничьи оленеводческие обряды эвенков. Сборник МАЭ, том XVII, 1951, стр. 151—163. А. Ф. Анисимов. Религия эвенков в историко-генетическом отношении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958, стр. 26—32. Участники танца-обряда, по словам А. Ф. Анисимова, «надевали особый охотничий костюм, существенной частью которого была шапка, сшитая из шкуры, снятой с головы убитого зверя. «Танец» представлял собой красочную пантомиму, в которой изображались характерные повадки зверей».
- [178] Народы Юго-Восточной Азии. (В серии «Народы мира»). М.—Л., 1966, стр. 523.
- [179] А. Д. Авдеев. Происхождение театра, 159.
- [180] Л. Я. Штернберг. Лекции по эволюции религиозных верований. Сб. «Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции». Л., 1936, стр. 303.
- [181] А. Д. Авдеев. Происхождение театра, стр. 94.
- [182] Там же, стр. 95.
- [183] Там же, стр. 96.
- [184] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. СПб., 1860, стр. 747.
- [185] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II. Этнографическая часть, первая половина: главные условия и явления внешнего быта. СПб., 1899, стр. 89.
- [186] Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899, Подробный обзор истории вопроса см. в работе С. В. Иванова «Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX века). Народы Севера и Дальнего Востока». «Труды института этнографии АН СССР», новая история, т. 81, М.—Л., 1963
- [187] В. Laufer. Petroglyphs on the Amoor. «Amer Anthropologist», 1899, n. s., v. I, pp. 749—750.
- [188] Цитируем описание обряда андзя по выписке из рукописи Б. А. Куфтина, хранящейся в архиве Института этнографии Академии наук СССР.
- [189] Следует иметь в виду, что этот же рисунок напомнил В. Г. Ларькину деревянные скульптуры, которые удэгейцы вырезали для лечения болезни грудной клетки, а также живота, но здесь сходство ограничивается условным изображением ребер.
- [190] И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские, стр. 228.
- [191] П. П. Шимкевич. Материалы для изучения шаманства у гольдов. «Записки Гурьамурского отдела имп. Русского географического общества», т. II, вып. I, Хабаровск, стр. 92—93.
- [192] В. Г. Богораз. Чукчи. Т. II, Л., 1939, стр. 182.
- [193] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. III. Этнографическая часть, вторая половина: основные черты семейной, общественной и внутренней жизни. СПб., 1903, стр. 118, табл. VII, рис. 2.

[194] В. Г. Ларькин. Устное сообщение. То же самое сообщает А. Н. Липский. См. А. Н. Липский. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. «Краеведческий сб.» № 1. Абакан. 1956. стр. 59, рис. 10.

[195] Д. Н. Лев. Новые археологические памятники Камчатки. «Советская этнография», № 4—5, 1935, стр. 217—224.

[196] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. II (глазковское время). «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, М.—Л., 1955, стр. 174—189.

[197] N. G. Munro. Prehistoric Japan. Yokohama, 1911, p. 269; Howard A. Maccord. Contributions to the Archaeology of Northern Honshu, part II; Ogawara. Pit-House Culture. «American Antiquity», 1955, v. XXI, no. 2, pp. 151—155.

[198] А. В. Елисеев. Отчет о поездке на Дальний Восток. «ИРГО», т. XXVI, 1890, стр. 363.

[199] В. К. Арсеньев. Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. Сочинения, т. I, Владивосток, 1947, стр. 315.

[200] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Юбилейный сборник XXV. Музеи Общества изучения Амурского края за первые 25 лет его существования. Владивосток. 1916, стр. 52.

[201] Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край. Письма архимандрита Палладия из Владивостока и села Никольского. «Изв. ИРГО», т. VII, 1871, стр. 320.

[202] Д. Л. Бродянский. Раскопки у села Синий Гай в Приморье. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972.

[203] А. П. Окладников. Древнее поселение в бухте Морьяк-Рыболов, Сб., «Археология и этнография Дальнего Востока, Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь», вып. I. Новосибирск. 1964, стр. 118—122.

[204] А. В. Гарковик. Новая группа памятников Восточного Приморья (III—II тысячелетия до н. э.). — История, археология и этнография Дальнего Востока». Труды ДВФ СО АН, сер. истор. т. VII, Владивосток, 1967, стр. 15—17.

[205] Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. М., 1970 г., стр. 122—128.

[206] Г. А. Андреев и Ж. В. Андреева. Работы прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. КСИА, вып. 88, 1962.

[207] В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. В. Дрожжин, Е. Н. Романова, С. И. Руденко. Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста. Сб. «Работы лаборатории Института археологии АН СССР». М. 1961, стр. 22—23.

[208] А. В. Гарковик. Новая группа памятников Восточного Приморья (III—II тысячелетия до н. э.). «История, археология и этнография Дальнего Востока». Труды ДВФ СО АН, сер. истор., т. VII, Владивосток, 1967, стр. 17.

[209] А. П. Окладников. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура. «Сов. Археол.», 1960, № 1, стр. 39—41.

[210] Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. «Archaeologia Orientalis», 1935, v. I, Ser. B, Tokyo and Kyoto, fig. 2c, 3, 4, pl. 3, 6, 8, 9 and pl. 1, 4, 5, 8, 9, Ср. Кельты, опубликованные Андерсоном в книге

[211] I. G. Anderson. Children of the Yellow Earth. 1934, London, p. 211, fig. 100, 2—a, b; 3—a, b.

[212] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. «Труды отдела истории первобытной культуры», т. I, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1941; С. В. Киселев. Монголия и древности. «Изд. АН СССР», серия истории и философии, т. IV, 1947, № 4, А. П. Окладников. 1) Олений камень с р. Иволги. «Сов. археология», вып. XIX, 1954. 2) Эпоха первобытного строя на территории Бурят-Монголии, в книге: «История Бурятской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1951, стр. 36; 3) Племена Сибири и Дальнего Востока в I тыс. н. э. В книге: «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1965, стр. 402—407.

- [213] Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. «Пробл. истории докапит. общества». 1933, № 9.
- [214] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты. «Труды Отдела истории первобытной культуры», т. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л. 1941, табл. III 1, 3.
- [215] А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 112, М.—Л., 1963.
- [216] H. G. Creel. Studies in Early Chinese Culture. New York, 1943, pp. 61—67.
- [217] Te Rangi Hiroa. Samoan Material Culture. pp. 16—17, fig. 7; pp. 20—21; fig. 9, v. I; Phillips Maori. Houses and Food-Stores. Wellington, 1952.
- [218] G. J. Groot. The Prehistory of Japan. New York, 1951, plate XLVII.
- [219] F. Mackay. Bead Making in Ancient Sind. «Journal of American Oriental Society», 1937, v. 57, no. 1.
- [220] Wu Gin-ching. Prehistoric pottery in China. London, 1938; S. Mizuno. Prehistoric China: Jang-shao and Pz-chao-Chai. «Proceedings of the Fourth Far-East Prehistoric and Anthropological Div. of Pacific Science Congress», 1956, v. I, p. 93.
- [221] E. M. Kurr. The Australians. T. I, p. 147.
- [222] R. B. Smith. The aborigines of Victoria, t. I, pp. 360—379.
- [223] Там же.
- [224] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА СССР, № 18, стр. 202, рис. 45.
- [225] В. П. Маргаритов, кухонные остатки... стр. 3, рис. 11—16.
- [226] Там же, стр. 3—4.
- [227] K. Longdon, Parker. The Euahldyi tribe. London, 1905, p. 117; B. Spenser. Wanderung in Wild Australia, B. II, p. 495—496.
- [228] См. А. И. Разин. Материалы о некоторых промысловых моллюсках залива Петра Великого. «Записки Владивостокского отдела РГО», т. I (XVIII), Владивосток, 1928.
- [229] А. Таранец. О костях рыб, найденных в кухонных остатках племени илоу. «Вестник Дальневосточного филиала АН СССР», № 18, 1936, стр. 125—130.
- [230] А. И. Разин. Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива...
- [231] Там же, стр. 14.
- [232] А. И. Разин. Расположение стоянок каменного века по берегу Уссурийского залива.
- [233] Te Rangi Hiroa. Samoan Material Culture, p. 369; Beng Anell.
- [234] Yagi. Anthropological Notes taken during a Travel in the North Eastern Part of Japan. «The Journal of the Anthrop. Society of Tokyo, vol. XV, 1899, no. 163; N. G. Munro. Prehistoric Japan, p. 101, fig. 25—7; R. Torii. Etudes archaéologiques et ethnologiques. Les Ainos des Ileses Kouriles. «Journal Coll. Sci. Imp. Univ. Tokyo», vol. 42, art. 1, 1919; G. J. Groot. Prehistory of Japan, N. Y., 1951; p. 75, fig. 10.
- [235] Andre Leroi-Gourhan. Archæologie du Pacifique-Nord. «Materiaux pour l'étude des relations entre les peuples riverains d'Asie et d'Amérique». Paris, 1946, pp. 356—361.
- [236] A. Leroi-Gourhan. Op. cit., 1946, pp. 363—365.
- [237] На севере Японии гарпун поворотного типа, и при этом очень сходный с развитыми формами эскимосских гарпунов, появился, по-видимому, очень рано. Однако история гарпуна в Японии остается все же еще недостаточно документированной и ясной.
- [238] John Storck and Walter Darwin. A History of Milling Flour for Man's Bread. Teagus, 1952; L. A. Moritz. Grain-Mills and Flour in classical Antiquity. Oxford, pp. 28—41.
- [239] S. G. Anderson. Researches into the prehistory of the Chinesen, pl. 24—1—3, pl. 25—1.

- [240] А. П. Окладников. Древнее поселение у известкового завода вблизи села Екатериновки (долина р. Партизанской). «Сибирский археологический сборник». Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 131—147.
- [241] А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном, табл. 125—1.
- [242] А. П. Окладников. Приморье в первом тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами). «Советская археология», вып. XXVI, 1956, стр. 80, рис. 17.
- [243] Mu-Yang-Ch'Eng. Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-T'ien in South Manchuria. «Archaeologia Orientalis», vol. 11, Tokyo and Kyoto, 1931; P'i-Tsu-Wo. Prehistoric sites by the river P'ien-ho, South Manchuria. «Archaeologia Orientalis», vol. 1, Tokyo and Kyoto, 1929, pp. 19—20.
- [244] D. Saito. Old iron piece unearthed at P'i-Tsu-Wo, South Manchuria. «Archaeologia Orientalis», vol. 1, Tokyo and Kyoto, 1929, pp. 1—2.
- [245] А. П. Окладников. Приморье в первом тысячелетии до нашей эры. (По материалам поселений с раковинными кучами). «Советская археология», вып. XXVI, 1956, стр. 21.
- [246] Там же, стр. 19.
- [247] Там же, стр. 1—2.
- [248] Отчет о раскопке первобытной стоянки в селе Одон (уезд Херен). Пхеньян, 1959, табл. XCVIII, XCIX, CIII, CIV.
- [249] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 163, рис. 58.
- [250] В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. И. Дрожжин, Е. Н. Романова, С. И. Руденко. Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста, стр. 22—23.
- [251] Mu-Yang-Ch'Eng. p. 34
- [252] О культуре каменных ящиков Маньчжурии см. работу: В. Е. Ларичев. Бронзовый век Северо-Восточного Китая (по материалам раскопок китайских и японских археологов). «Сов. археология», 1961, № 1, стр. 3—25.
- [253] Tsugio Mikami. The stone cists in Manchuria. Tokyo, 1958; Ibid. The dolmen and stone cists in Korea and Manchuria. Tokyo, 1960.
- [254] То Ю Хо. О мегалитической культуре Кореи. Доклады на XXVII Международном конгрессе востоковедов в Москве. М., 1960.
- [255] То Ю Хо. Мегалитическая культура северных районов Кореи в III—II вв. до н. э. Доклады на XXVII конгрессе востоковедов в Москве. М., 1960.
- [256] Joseph Needham. The development of Iron and Steel Technology in China. and Biennial Dickinson memorial Lecture to the Newcomen Society, London, 1958, p. 34.
- [257] P. David. On Warring States cast-iron tools and weapons. «Arts Asiatiques», vol. 1, no. 1, 1955, p. 72; no. 2, 1956, p. 157; Wang Yü-chaiian. Iron Farm Tools in Ancient China. «China Reconstructs», no. 2, 1957, p. 970.
- [258] Joseph Needham. Op. cit., 1958.
- [259] B. Karlgren. The Authenticity of ancient Chinese Texts. «BMFEA». № 1, 1929, p. 173.
- [260] Joseph Needham. Op. cit., p. 3;
- [261] E. Erkes. Geschichte Chines von den Anfängen bis zum Eindringen des ausländischen Kapitals. Berlin, 1956, p. 146.
- [262] Joseph. Needham. Op. cit., p. 3.
- [263] Kiyotari Tsuboi. Feng-Pi-t'ou. A Prehistoric site in South Formosa that yielded painted and black pottery. «Proceedings of the Fourth Far-Eastern Prehist. and Anthropol. Div. of Eighth Pacific Science Congress». Qvezon City, 1956.
- [264] М. Г. Левин, Д. А. Сергеев. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику. «Сов. этнография», 1960, № 3, стр. 116.
- [265] Р. С. Васильевский. Находка металла в поселении Атарган на Охотском побережье. Сб.: «Археология и этнография Дальнего Востока», Новосибирск, 1964, стр. 114—118.

[266] А. П. Окладников, Э. В. Шавкунов. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Артемовке. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 282—288.

[267] Чон Бэк Ун. Археологические материалы о начале культуры металла в Корее. Издание Академии наук КНДР, 1957, рис. 20, 21.

[268] А. П. Окладников. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. «Советская археология», № 1, 1936.

[269] А. П. Окладников. Археологические раскопки в районе Хабаровска. «Вопросы географии Дальнего Востока», сб. шестой, Хабаровск, 1963, стр. 255—282.

[270] А. П. Деревяноко. Новые данные по археологии Среднего Амура. «Известия Сибирского отделения АН СССР. серия общественных наук», № 9, вып. 3, 1964. Его же: К истории Среднего Амура в железном веке (по раскопкам поселения в местности Польце у села Кукелево, 1963 г.). «Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь», вып. 2 («Сибирский археологический сборник»), Новосибирск, 1966, стр. 229—242. А. П. Окладников, А. П. Деревяноко. Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. «Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции», вып. I, Новосибирск, 1970, стр. 3—303.

[271] А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 99.

[272] С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. «Сов. археол.», 1960, № 4, стр. 244—266.

[273] Ж. В. Андреева. Поселения раннего железного века в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86, стр. 130. Ее же: Памятники железного века в Приморье. «Записки Приморского филиала Географического общества Союза ССР», т. XXV, Владивосток, 1966, стр. 137—138. Ее же: Некоторые проблемы истории Приморья в эпоху железного века. «Народы Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР», Владивосток, 1968, стр. 168—170. Ее же. Древнее Приморье. Железный век. М., «Наука», 1970, стр. 110.

[274] А. П. Окладников. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. «История СССР», 1968, № 6, стр. 25—42.

[275] Л. Я. Штернберг. Кастрен — алтаист и этнограф. Сб. «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти». Очерки по истории знаний. П.—Л., 1927, стр. 36—56. Мысль о родстве тюрков, финнов, самоедов, а также тунгусов и маньчжуров была высказана Кастреном в следующих словах: «Ближайшей задачей языкознания, естественно, должно быть установление родства между финнами и тунгусами через посредство самоедского племени. Далее от тунгусов открытый путь к маньчжурам, а к монголам ведут нас все пути, так как с ними, по-видимому, родственны и турки, и тунгусы, и маньчжуры». (См. Я. П. Кошкин. Кастрен — тунгусовед. «Памяти М. А. Кастрена», стр. 110).

[276] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. I, части географически-историческая и антропо-этнологическая, СПб., 1883, стр. 256—257.

[277] Иван Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, стр. 1—11.

[278] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.—Л., 1950, стр. 375.

[279] «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», № IX, 1941. Обзор прений дан в изложении А. М. Золотарева.

[280] А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногении Сибири и Дальнего Востока. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», № IX, 1941. Общая схема периодизации неолитической культуры Прибайкалья и мысль о принадлежности ее памятников древним тунгусам были впервые изложены в статье «Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья» («Вестник древней истории», 1938, № 1—2). В той же статье было сказано, что такая же связь прослеживается между неолитической культурой Нижнего Амура и культурой современных амурских племен. Основанием для такого вывода послужило выявление во время экспедиции 1935 г. на Нижний Амур совпадения криволинейной неолитической орнаментики Нижнего Амура с народным орнаментом ряда местных племен, который раньше вывозили

из Китая, связывали с предполагаемым китайским влиянием (указ, статья, стр. 260).

[281] Г. М. Василевич. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей). «Краткие сообщения Института этнографии», т. XXVIII, 1958.

[282] А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 2, Якутск, 1946, стр. 95—100; его же. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г. «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 181—186.

[283] Л. С. Васильев. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

[284] K. Hamada and S. Mizuno. Prehistoric sites of Hung Shhg-Hou, Chin-Feng in the province of Jehol, Manchukuo. «Archaeologia Orientalis», vol. VI, ser. A, 1938; Ppan-Tzu-Wo. Prehistoric sites, South Manchuria. «Archaeologia Orientalis», vol. I, 1938.

[285] В. С. Стариков. Маньчжурская разновидность дальневосточного плуга. Сб. МАЭ XXIII, М.—Л., 1966.

[286] Carl Nieksch. Die Tungusen. Eine ethnologische Monographie. St. Petersburg, 1879, S. 114.

[287] В. А. Антропова. Лодки. «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 116. Л. Я. Штернберг подчеркивает, кстати, что лодки аборигенов Японских островов, айнов, «типичные долбежки-однодеревки, как у южных островитян». (Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сб. «Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны», Хабаровск, 1933, стр. 561.

[288] Г. М. Василевич. Тунгусская колыбель. «Сборник музея антропологии и этнографии», № XIX, 1960; Г. М. Василевич. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей). «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XXVIII, 1958. О колыбелях тунгусо-маньчжурских племен см. также А. Смолк. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем, М., 1966, стр. 118—120, рис. на стр. 119; И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. «Опыт этнографического исследования», Владивосток, 1922, стр. 173—174.

[289] В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР, М., 1967. Факт наличия в Северо-Восточном Китае тунгусской по происхождению колыбели отмечает также Оуэн Латтимор.

[290] А. П. Окладников. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье. «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института», вып. 3, серия востоковедения, Улан-Удэ, 1960, стр. 16—29.

[291] И. Бичурин. Собрание сведений, стр. 7.

[292] Там же, стр. 53.

[293] В. Laufer Jade. A study in Chinese archaeology and relogigion. London, 1912, p. 57.

[294] В. Laufer. Op. cit., 1912.

[295] В. Laufer. Op. cit., 1912.

[296] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., «Наука», 1968, стр. 23.

[297] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 255.

[298] В. Е. Ларичев. Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах Сушень-Имеу. «Известия СО АН СССР», серия общественных наук, вып. 3, № 9, 1964, стр. 122.

[299] Н. Бичурин. Собрание сведений, стр. 23.

[300] Там же, стр. 24.

[301] Там же, стр. 24.

[302] Там же, стр. 24.

[303] Там же, стр. 24.

[304] Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 254. Перевод Э. В. Шавкунова из «Хоу Хань

ду» (см. Э. В. Шавкунов. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. — «Труды ДВ филиала СО АН СССР», серия историч., т. I, Саранск, 1959, стр. 67—68.

[304] Там же.

[305] В «Сань го чжи» говорится об этом иначе: «Их люди нечистоплотны. Делают загон для скота посредине, и люди живут, окружая его с наружной стороны». Но предпочтение следует отдать скорее «Хоу Хань шу», так как фраза о загоне находится в сочетании с неоправданной и непонятной в данной связи фразой о нечистоплотности илоу, а иероглиф, который здесь обозначает загон для скота, переводится так же, как и «отхожее место». Перевод Э. В. Шавкунова.

[306] Там же.

[307] Там же.

[308] Там же.

[309] Н. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 29.

[310] Там же, стр. 24.

[311] Э. В. Шавкунов. Приморье, соседние с ним районы..., стр. 69.

[312] R. Torii. Population prehistoriques de la Mandchourie Meridionale. «Journal of the College of Sciences, Imperial University of Tokyo», vol. XXXVI, 1915.

[313] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 254.

[314] В «Цзинь шу» это место изложено иначе: «На северо-востоке страны имеются горы — там добывают камень. Для своих нужд ввозят железо и, прежде чем пускать его в дело, молятся духам». Н. В. Кюнер. Там же, стр. 255. Возможно, что здесь произошло искажение первоначального текста, непонятного переписчику, который не мог представить, что есть такой камень, которым можно рубить железо, а потому и упустил эту деталь.

[315] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 254.

[316] Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 254—255.

[317] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 69.

[318] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 69—70.

[319] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, стр. 33.

[320] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. II, стр. 70.

[321] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 35.

[322] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 92, 71.

[323] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. 1968, стр. 34—35.

[324] Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., стр. 70.

[325] Там же, стр. 70.

[326] Там же, стр. 70.

[327] В. В. Поносов. Доисторическая скульптура из окрестностей г. Харбина. «Сборник научных работ кружка им. Пржевальского». Харбин, 1942, стр. 59—60, рис. 1—9.

[328] В. С. Макаров. Описание коллекции, собранной Л. М. Яковлевым на стоянках между разъездами Чэн-гаоцзы и Чэн «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», № 8, «Археология». Харбин, 1950, стр. 19, 22, табл. I, рис. 17.

[329] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 34.

[330] Д. Позднеев. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. II, ч. I, Токио, 1909, стр. 10—11.

[331] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 34.

[332] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 33—34.

[333] А. П. Окладников, А. П. Деревянко. Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966.

- [334] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 36.
 [335] Там же, стр. 37.
 [336] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 37, Ср. И. Бичурин, Цитир. работа, стр. 72, 92—93.
 [337] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 40.
 [338] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 40.
 [339] Там же, стр. 40—41.
 [340] Там же, стр. 41.
 [341] Там же, стр. 41.
 [342] С. Е. Малов. Памятники древнепуркской письменности. М. Л., 1951, стр. 34—43.
 [343] С. Е. Малов. Там же.
 [344] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1958, стр. 28, примечание 5.
 [345] С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. По материалам XIX—начала XX в. Народы Севера и Дальнего Востока. М.—Л., 1963, стр. 433.
 [346] Там же...
 [347] С. В. Иванов. Там же, стр. 434, 435, 437.
 [348] A. Karl Wittfogel and Feng Chia-Cheng. History of Chinese Society Liao (907—1125). «Transactions of the American Philosophical Society». N. S., vol. 36, 1946. Philadelphia, 1949, p. 420.
 [349] И. Бичурин. Собрание сведений., стр. 60—61, 84—85.
 [350] Там же, стр. 60—61.
 [351] Там же, стр. 62.
 [352] Там же, стр. 62.
 [353] Там же, стр. 112, 118.
 [354] И. Бичурин. Там же, стр. 121. В. Н. Матвеев. Бохай (из истории Восточной Азии VIII—X вв.). Владивосток, 1929, стр. 13.
 [355] Н. Бичурин. Собрание сведений., стр. 123.
 [356] З. Н. Матвеев, Бохай., стр. 13.
 [357] Там же, стр. 14.
 [358] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 19.
 [359] Э. В. Шавкунов, Государство Бохай., стр. 47—48.
 [360] Э. В. Шавкунов. Там же, стр. 48—49.
 [361] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 18. В переводе Э. В. Шавкунова: «Хэйшуйцы навещают мелких чиновников, а мы идем за это войной. Но этим мы повернемся спиной к Танам. Тан — большое государство с десятками тысяч воинов. Мы же этим вызовем недовольство. В будущем мы погибнем, как это случилось с Когуре, которое во времена процветания имело триста тысяч солдат против Танов и было достойным противником. Можно сказать, что воинственные и сильные танские солдаты, как только придут, уничтожат все без остатка. Сейчас у нас народу по сравнению с Когуре в три раза меньше». (Э. В. Шавкунов, Бохай, стр. 49).
 [362] З. Н. Матвеев. Бохай., стр. 18.
 [363] Там же, стр. 19.
 [364] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 21.
 [365] Там же.
 [366] Там же, стр. 21—22.
 [367] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай., стр. 53.
 [368] А. В. Гребенщиков. К изучению истории Амурского края по данным археологии. Отгиск из юбилейного сборника в память двадцатипятилетия Музея Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1916, стр. 7—8.
 [369] З. Н. Матвеев. Бохай. Из истории Восточной Азии VIII—X вв. Владивосток, 1929, стр. 10.

[370] Tung-Ching-cheng. Report on the Excavation of the site of Capital of P'o-hai, Archaeol. Orient., Ser. A, vol. V, Tokyo, 1939.

[371] Итоо. История сооружений (строительство, архитектуры) нового Маньчжоуго, ч. IV, глава IV. «Маммо», 1932, № 8, год 13. Перевод О. А. Штакельберг с японского.

[372] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай... стр. 53.

[373] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 74—75.

[374] Э. В. Шавкунов. Там же, стр. 80—92.

[375] Там же, стр. 92—93.

[376] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 96—97.

[377] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 17.

[378] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 19.

[379] Там же, стр. 20.

[380] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 72.

[381] З. Н. Матвеев. Бохай..., стр. 24.

[382] Там же, стр. 23.

[383] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 24.

[384] Там же, стр. 24.

[385] Там же, стр. 25.

[386] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 16.

[387] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай, стр. 112.

[388] Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. Железный век. М., 1970, стр. 121.

[389] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай, табл. XXX—2.

[390] Е. И. Кычанов. Первый бохайский письменный памятник на камне. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86, 1960, стр. 230.

[391] Ив. Захаров. Полный русско-маньчжурский словарь. СПб. 1875.

[392] Э. В. Шавкунов. Бохай, стр. 110—111.

[393] Э. В. Шавкунов. Там же, стр. 109, табл. XXXV.

[394] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 27.

[395] Там же, стр. 28.

[396] Э. В. Шавкунов. Государство Бохай..., стр. 113—114, табл. VI—XX.

[397] Следует заметить, что поблизости от «Спящей красавицы», в той же пещере обнаружены и другие скульптуры, также изображающие человеческие головы. Две из них, несомненно, отмечены печатью того же стиля и тоже древние. Но одна скульптура, напоминающая врубелевского «Демона», оформлена совершенно иначе и, по видимому, является не намеренной злостной фальсификацией, а шуткой какого-то современного художника, вдохновленного работой своего безвестного предшественника. Об этом можно судить и по гипсовым муляжам с этих скульптур, выполненным скульптором Э. Скорыниной (хранятся в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР). Двадцать четыре династии истории, книга 4, Саньгочжи, Вэйшу, глава 30, раздел Когурё, «Хрестоматия по истории средних веков», том. I, раннее средневековье. М., 1961, стр. 86.

[398] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века. СПб, 1857, стр. 11.

[399] Там же, стр. 177.

[400] Там же, стр. 177.

[401] В. П. Васильев. Там же, стр. 80.

[402] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии, стр. 16.

[403] З. Н. Матвеев. Бохай, стр. 28.

[404] Там же, стр. 20.

[405] A. K. Wittfogel. Op. cit., p. 405.

[406] O. K. Wittfogel. Op. cit., p. 420.

[407] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях

и монголо-татарах. СПб., 1857.

[408] Там же, стр. 196.

[409] Там же, стр. 28.

[410] А. Г. Малявкин. Цзинь-ши. Глава 1-я. Перевод с Китайского. «Сборник научных работ пржевальцев», Харбин, 1942, стр. 41—58.

[411] А. П. Малявкин. Цитир. раб. стр. 43.

[412] А. Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 47—48.

[413] А. В. Гребенщиков. Маньчжуры, их язык и письменность. «Известия Восточного института», т. XV, вып. 1, Владивосток, 1912, стр. 8—9.

[414] В. П. Васильев. История и древность Восточной части Средней Азии..., стр. 77.

[415] В. П. Васильев. Там же, стр. 77.

[416] В. П. Васильев. Там же, стр. 165.

[417] Там же.

[418] По словам Мэн-хуна, сам Темучин в малолетстве будто бы попал в плен к чжурчжэням, провел у них в рабстве десять лет, а потом бежал. «От этого он, — писал Мэн-хун, — вполне узнал состояние дела Цзиньского царства». В «Сокровенном сказании», однако, о том, что Темучин был в плену у цзиньцев, не говорится (см. Васильев, цит. соч., стр. 218).

[419] В. П. Васильев, цит. соч., стр. 227.

[420] И. Бичурин. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 42—45.

[421] И. Бичурин. История первых четырех ханов..., стр. 67.

[422] Там же.

[423] Там же.

[424] И. Бичурин. История первых четырех ханов, стр. 143.

[425] И. Бичурин. История первых четырех ханов... стр. 176—177.

[426] И. Бичурин. Там же, стр. 177.

[427] И. Бичурин. Цит. раб., стр. 234.

[428] Там же.

[429] В. П. Васильев. Цит. раб. стр. 312.

[430] В. П. Васильев, указ. соч., стр. 312.

[431] Э. В. Шавкунов. Клад чжурчжэньских зеркал. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 86, М. — Л., 1960, стр. 231—237.

[432] И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. «Записки Общ. изуч. Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО», том XVII, Владивосток, 1922, стр. 261.

[433] Там же, стр. 261.

[434] М. В. Воробьев. Этнос (в средние века. На материале этногенеза чжурчжэней). — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, 1967, стр. 65.

[435] М. В. Воробьев. Язык и письменность, стр. 93.

[436] М. В. Воробьев. Этнос в средние века. (На материале этногенеза чжурчжэней). — «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, 1967, стр. 66.

[437] Там же, стр. 68.

[438] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1937, стр. 66.

[439] Ф. Ф. Буссе и П. А. Кропоткин. Остатки древностей в Амурском крае. — «Записки Общества изучения Амурского края», т. XII, Владивосток, 1908, стр. 17.

[440] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 67.

[441] А. З. Федоров. Памятники старины в г. Никольске-Уссурийском и его окрестностях. Никольск-Уссурийский, 1916, стр. 15.

[442] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 66—67.

[443] П. Кафаров. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край. «Изв. РГО», т. VII, № 2, 1871, СПб., стр. 95—96.

[444] Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае, стр. 67.

[445] Л. Н. Иваньев. Древности села Чугуевки в Приморском крае. «Советская археология», № XV, 1951, стр. 296—298.

[446] Ф. Ф. Буссе. Остатки древностей в долинах Илстой, Арсеньевки и Усури, стр. 25—26, рис. 4.

[447] Там же, стр. 12—13.

[448] Там же.

[449] Э. В. Шавкунов. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.) Сибирский археологический сборник. «Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь», вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 286—296.

[450] Э. В. Шавкунов. Основные итоги изучения сучанского комплекса памятников эпохи чжурчжэней. Сб. «Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней)». Владивосток, 1965, стр. 73.

[451] В. П. Васильев. Цит. раб. стр. 141.

[452] В. П. Васильев. Цит. раб., стр. 149—150.

[453] П. С. Попов. О тюркских памятниках. «Записки Вост. отд. Русск. археол. общ.», т. XVI, СПб., 1906. А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, т. III, 1908, стр. 70—75.

[454] Такое же деление нанайских родов на две группы — верховских, бреющих головы, и низовских — не бреющих головы, сохранилось на Амуре вплоть до XX в. Не бреющие головы назывались нгатку («нерезаные»); бреющие головы — «гольдых» («резаные»). Отсюда происходит названия «натки» и «гольды». (Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, нагидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 531). А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Дальневосточный центр древних культур и его исследователи	3
Из истории исследования археологических памятников Дальнего Востока	8
Древнекаменный век в Приамурье и Приморье	45
Природа Дальнего Востока в четвертичное время и проблема его заселения человеком	45
Средний палеолит Амура и Приморья	59
Верхний палеолит	63
Неолитическое время в Приамурье и Приморье	88
Неолит Среднего Амура	89
Неолит Нижнего Амура	109
Образ жизни и хозяйство неолитических племен в бассейне Амура	127
Искусство неолитических племен Нижнего Амура	139
Неолит Приморья	171
Неолитические племена юга Приморья	177
Неолитическое население континентальной части Приморья	183
Племена Приморья и Приамурья во II тысячелетии до н. э.	186
Ранний железный век Приморья	208
Хозяйство	224
Континентальные памятники янковской культуры	238
Место янковской культуры в хронологии древних культур Приморья	240
Приморье в I тысячелетии до н. э.	253
Ранний железный век в Приамурье	264
Племена Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. и тунгусо-маньчжурская проблема	283
Племена мохэ IV—VII веков н. э. и Бохайское государство	308
Бохайское государство и племена Дальнего Востока в VII—X веках н. э.	327
Чжурчжэньское государство	359
Возникновение и история государства чжурчжэней	359
Чжурчжэни в XII—XIII веках	385
Памятники чжурчжэньской государственности в Приморье	397
Дальний Восток после чжурчжэней (XIV—XVI века)	414
Примечания	419
Указатель использованной литературы	422

Алексей Павлович Окладников
Анатолий Пантелеевич Деревянко

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ПРИМОРЬЯ И ПРИАМУРЬЯ

Редактор А. Ильин
Художественный редактор Н. Горбунов
Технический редактор Н. Павлова
Корректоры В. Краснова и Л. Тищенко

ВД 10333. Сдано в набор 28/VII-72 г. Подписано к печати 8/VIII-73 г. Формат 70×90/16.
Усл. печ. л. 33,06. Уч.-изд. л. 32,65. Тираж 10 000 экз. Бум. тип. № 2. Цена 1 руб. 99 коп. Заказ 2326.
Дальневосточное книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Владивосток, Ленинская, 43

Полиграфический комбинат управления издательства, полиграфии и книжной торговли Приморского
крайисполкома. Владивосток, Океанский пр., 69

